

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

На правах рукописи

КАРПОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ

**СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
МЕТАКОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ
В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 19. 00. 03 – психология труда, инженерная психология,
эргономика (психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

диссертации на соискание ученой степени

доктора психологических наук

Том 1

Научный консультант:
доктор психологических наук, профессор,
академик Российской академии образования,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
Владимир Дмитриевич Шадриков

Ярославль

2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Методологические и теоретические основы исследования	32
1.1. Психология управления и метакогнитивизм: от конвергенции к синтезу	32
1.2. Понятие метакогнитивной сферы личности как теоретический концепт общей психологии	81
1.3. Понятие метакогнитивной сферы личности как базовый конструкт психологии управления	98
1.4. Метасистемный подход как методологическая основа исследования метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности	114
1.5. Выводы по главе	135
Глава 2. Структурная организация метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности	138
2.1. Постановка проблемы исследования	138
2.2. Системный и метасистемный уровни организации метакогнитивной сферы личности	140
2.3. Субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности	159
2.3.1. Психологический анализ управленческой деятельности как основа определения состава и содержания субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности	159
2.3.2. Структурная организация субсистемного уровня метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности	178
2.4. Компонентный и элементный уровни организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности	196
2.5. Выводы по главе	209
Глава 3. Экспериментальное и эмпирическое исследование метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности	214
3.1. Постановка проблемы исследования	214
3.2. Субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности	218
3.3. Системный уровень организации метакогнитивной сферы личности	

в управленческой деятельности	268
3.4. Метасистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности	308
3.5. Компонентный уровень организации метакогнитивной сферы личности	353
3.6. Элементный уровень организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности	389
3.7. Выводы по главе	404
Глава 4. Функциональная организация и генетические закономерности метакогнитивной сферы в управленческой деятельности	409
4.1. Постановка проблемы исследования	409
4.2. Основные функции метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности	416
4.3. Микропроцессуальная организация метакогнитивной сферы личности	430
4.4. Макропроцессуальная организация метакогнитивной сферы личности	443
4.5. Функциональные новообразования как детерминанты управленческой деятельности	471
4.6. Функциональные закономерности метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности	482
4.7. Особенности генезиса метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности	524
4.8. Выводы по главе	565
Заключение	570

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Проблематика управленческой деятельности характеризуется органическим сочетанием ярко выраженной фундаментальной теоретической значимости со столь же явной практической ценностью. Действительно, эта деятельность, является одной из наиболее сложных и богатых содержанием видов профессиональной деятельности в целом; она максимально полно репрезентирует главный атрибут всей психологической теории деятельности – ее *предмет* и, следовательно, выступает наиболее релевантной основой для ее развития в целом. Наряду с этим, она является одной из важнейших и даже – определяющих в «мире профессий», играя ключевую роль практически во всех областях производственной и социальной сферы. Следует учитывать также, что ее значимость имеет явную тенденцию к возрастанию по мере развития общества и его производственной сферы.

Вместе с тем, значимость данной проблематики определяется не только общими характеристиками этой деятельности и ее социо-экономической ролью, но и обстоятельствами собственно гносеологического плана, связанными с той ситуацией, которая сложилась сегодня по отношению к ней в исследовательской практике. В настоящее время в структуре психологического знания существуют два очень крупных и во многом определяющих его направления – организационная психология в целом и психология управленческой деятельности, в частности, с одной стороны, и современный метакогнитивизм, с другой. Каждое из них представляет собой широчайший спектр проблем и предметных сфер исследований, направлений и школ; содержит огромный и практически необозримый материал как эмпирико-феноменологического, так и теоретико-методологического характера. Оба они олицетворяют и важнейшие тенденции развития психологического знания. Действительно, психология управленческой деятельности имеет в качестве своего предмета такой ее тип, который уже сейчас занимает ведущее место в структуре разделения труда, но который будет приобретать все бóльшую значимость не только в ближайшей, но и в более отдаленной перспективе. Кроме того, она максимально полно и многогранно репрезентирует общий предмет психологической теории деятельности, поскольку является наиболее богатой и сложной в содержательном и структурном отношении, принадлежа, к тому же, к классу субъект-субъектных деятельностей. Аналогичным образом, и современный метакогнитивизм представляет собой

сегодня одну из наиболее мощных, приоритетных и многоаспектных тенденций развития общей психологии в целом и когнитивной психологии, в особенности. Будучи логическим развитием общих оснований и принципов когнитивной психологии, метакогнитивизм во многом знаменует собой выход на качественно новый уровень ее проблематики и научного потенциала в целом. Он, по мнению многих исследователей, может иметь не только не меньшие, но, и не исключено, даже бóльшие методологические и теоретические последствия, чем сама классическая когнитивная психология. Метакогнитивизм сегодня во многом олицетворяет передний край развития когнитивной психологии в целом, а та, в свою очередь, в столь же многом репрезентирует сейчас общую и экспериментальную психологию в их современном виде.

Наряду с этим, не менее очевидной особенностью современной ситуации является то, что оба этих магистральных направления до сих пор они разрабатываются подчеркнуто автономно друг от друга, а их концептуальные и иные контакты практически не реализованы. Очень характерно, что именно это обуславливает важнейшие особенности современного состояния исследований в каждом из них, которые одновременно являются и одними из главных трудностей их дальнейшего конструктивного развития. В результате такой несинтезированнойности двух фундаментальных направлений современной психологии страдают они оба. Внедеятельностный подход к метакогнитивным процессам приводит к заведомо зауженным концептуальным основаниям их изучения, к обеднению и уплощению получаемых результатов. В свою очередь, недостаточный учет психологией деятельности наиболее сложных, то есть именно метакогнитивных процессов ее организации и регуляции существенно обедняет современную психологическую теорию деятельности. Часто он вообще блокирует исследование наиболее принципиальных проблем, особенно – проблемы раскрытия основных принципов структурно-функциональной организации и генетической динамики деятельности, а также выявления психологических механизмов, интегрирующих структурные уровни деятельности в целостную и скоординированную иерархию.

Далее, очень характерно и то, что обе эти особенности, в действительности, являются тесно взаимосвязанными и, более того, – взаимообуславливающими друг друга. И именно через установление этой их взаимосвязи, а также через определение возможных направлений их преодоления отчетливее всего вырисовываются и основные перспективы дальнейшей разработки психологии

управленческой деятельности на основе мета когнитивного подхода. Действительно, одним из важнейших следствий тех результатов, которые получены в метакогнитивизме – при условии, однако, их включения в контекст деятельностной проблематики, как раз и является обоснование необходимости перехода от традиционных – в значительной мере, упрощенных представлений о процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения к более сложным и адекватным моделям этой регуляции. Последние включают в себя в качестве базовых «составляющих» основные метакогнитивные и метарегулятивные процессы, причем, в их закономерно организованном – структурно-уровневом виде. Именно эти процессы и раскрытие их психологического содержания являются ключом для понимания наиболее сложных, комплексных и трудных для изучения механизмов организации деятельности и, прежде всего, механизмов ее осознанной – рефлексивной регуляции. Кроме того, учет именно этих процессов создает необходимые условия и для выявления новых уровней организации деятельности, для перехода к более общей структуре ее уровневой, иерархической организации.

Неестественность и даже парадоксальность сложившейся ситуации усугубляется еще и тем, что роль метакогнитивных процессов и качеств личности, как известно, особенно велика и, фактически, беспрецедентна именно в наиболее сложных видах профессиональной деятельности – в первую очередь, именно в управленческой и организационной деятельности. Более того, сама сущность и атрибутивная природа управленческой деятельности как раз и состоит в том, что ведущую и определяющую роль в ней играют процессы и механизмы intersubjectного, межличностного взаимодействия. Однако, как известно, именно они носят, прежде всего, специфически рефлексивный характер, то есть, фактически, неразрывно связаны именно с метакогнитивным контролем за их реализацией. Одной из главных и, по существу, атрибутивных особенностей управленческой деятельности является ее принадлежность к деятельности субъект-субъектного класса. В ней коренной трансформации подвержен основной атрибут деятельности – ее предмет. Им выступает не «неодушевленный» объект, а столь специфическая во всех отношениях реальность, каковой является субъект – «социальный объект», точнее – ряд субъектов, а также их деятельность. Следовательно, без раскрытия метакогнитивных процессов и механизмов управленческая деятельность в принципе не может быть раскрыта и объяснена с должной степенью полноты и корректности.

В силу этого, синтез двух указанных направлений может в значительной степени содействовать интенсификации исследований в каждом из них, а также их переводу на качественно новый и более совершенный уровень их развития. И напротив, отсутствие такого синтеза является в настоящее время очень сильным фактором, затрудняющим и даже блокирующим разработку целого ряда важнейших теоретических и прикладных вопросов в двух отмеченных выше важнейших областях психологического знания. Следовательно, возникает объективная необходимость осуществления исследований именно «на стыке» данных направлений, что будет в существенной степени содействовать преодолению указанных негативных особенностей, а в конечном итоге – и развитию как психологии управления, так и метакогнитивизма.

Вместе с тем, реализация данного методологического императива вскрывает сложности еще более принципиального плана, связанные с доминирующей сегодня общей парадигмой развития метакогнитивного направления. Этой парадигмой и, соответственно, стадией его развития является та, которая характерна для первых этапов развития тех или иных крупных научных направлений, – *аналитическая*, то есть предметоцентрическая парадигма. Она, будучи оправданной и, более того, необходимой на определенных стадиях развития данной проблемы, должна быть, однако, дополнена, а затем – и заменена иным способом исследования. Последний требует синтеза полученных на аналитическом этапе результатов и попытки разработки обобщающих концептуальных представлений. Но главное – он требует преобразования исходной парадигмы изучения (предметоцентрической) на иную – *системоцентрическую*, что в теоретическом отношении равнозначно смене аналитического подхода к ее изучению *системным*. Это предполагает исследование предмета (метакогнитивных процессов и качеств личности) в контексте той целостности (метасистемы), в которую он реально включен и в которой содержатся онтологические основания его существования. Лишь в ней представлен весь комплекс его истинных характеристик, которые раскрывают уже не только его качественную определенность, но и качественную специфичность, что открывает возможности его более полного и адекватного познания. Однако, не только совершенно очевидно, но и очень показательно, что в качестве такой метасистемы как раз и выступает сама деятельность, особенно – представленная в ее максимально полных и богатых содержанием сложных разновидностей. Одним из них как раз и является деятельность управленческого типа.

Очень характерно, далее, что задача преодоления «предметоцентризма» через реализацию по отношению к метакогнитивным процессам «первого шага» системного исследования (их изучения как компонента определенной метасистемы) логически ведет к необходимости сделать и следующие – также предписываемые принципом системности – шаги. Действительно, после того, как предмет раскрыт в его качественной определенности («сам по себе» – на аналитическом этапе познания) и после того, как он охарактеризован в его качественной специфичности (как компонент метасистемы), он должен быть изучен в плане основных категорий его собственных закономерностей. В качестве таковых, как известно, выступают *структурные, функциональные* и *генетические* закономерности. Наконец, он должен быть изучен в плане его обобщенных свойств – системных качеств, *интегральных* характеристик. Раскрытие предмета во всех этих аспектах, а также последующий синтез полученных при этом результатов являются, как известно, достаточными основаниями для его обобщенного – собственно *концептуального* описания и объяснения.

Наконец, очень характерно и то, что именно эти – объективно наиболее значимые и даже определяющие аспекты и закономерности раскрыты в метакогнитивизме в настоящее время наименее полно. Действительно, в нем не решен вопрос о психологическом статусе метакогнитивных процессов в общей структуре регуляции деятельности. Не раскрыты основные закономерности их общей структурной организации; не установлены и не проинтерпретированы базовые особенности и закономерности их функциональной организации. Не только не решен, но даже, фактически, не сформулирован в качестве самостоятельного вопрос о закономерностях генезиса метакогнитивных детерминант деятельности. Практически отсутствуют и развернутые попытки разработки обобщающих концептуальных представлений, направленных на интеграцию – на концептуальный синтез все совокупности данных о регулятивной роли метакогнитивных детерминант в организации деятельности.

Таким образом, в свете сказанного вырисовывается объективная необходимость в формулировке общей цели дальнейших исследований, которая как раз и состоит в попытке синтеза двух отмеченных выше направлений, а для этого – в развертывании комплекса исследований, раскрывающих метакогнитивные процессы и качества личности в их регулятивном – собственно деятельностном «измерении». Кроме того, вырисовывается и общая стратегия разработки теоретических представлений о метакогнитивных процессах и качествах

личности как регуляторах профессиональной деятельности в целом и управленческой, в частности. Данная стратегия, как можно видеть, подготовлена всем предшествующим развитием и современным состоянием исследований как в области теории деятельности, так и в самом метакогнитивизме. Она образована последовательно сменяющимися и дополняющими друг друга этапами их изучения – в их метасистемном бытии, то есть онтологическом плане; в плане их структурной организации, функциональных закономерностей, а также генетических особенностей. Реализация данных этапов исследования, являющихся одновременно основными аспектами исследования любого объекта, в совокупности – через синтез получаемых при их реализации результатов позволяют дать достаточно полное представление о нем, преодолеть односторонность «аспектного» его исследования. Такое – системно-организованное знание о предмете является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень собственно *теоретического* знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям свойства концептуальной полноты и завершенности. Поэтому они требуют своего первостепенного внимания и приоритетного изучения, в силу чего именно они и стали основным предметом исследования в данной работе, определив ее замысел и направленность, содержание и структуру, а также цели и задачи.

Цель исследования. Разработка обобщающей психологической концепции метакогнитивной регуляции управленческой деятельности.

Основные задачи исследования

1. Проанализировать историю развития и выявить главные особенности современного состояния психологии управленческой деятельности на основе отечественных и зарубежных исследований.

2. Осуществить анализ современного состояния метакогнитивизма; определить основные трудности и главные направления его синтеза с психологической теорией деятельности.

3. Сформулировать теоретико-методологический подход к разработке метакогнитивной концепции управленческой деятельности; разработать на этой основе комплексную стратегию исследования.

4. Разработать методический инструментарий исследования, адекватный его цели и задачам и включающий отбор наиболее эффективных среди существ-

вующих методик, а также разработку новых – авторских методик исследования метакогнитивной сферы личности.

5. Исследовать метакогнитивную сферу личности как интегральный регулятор управленческой деятельности в исходном, базовом гносеологическом плане – онтологическом на основе реализации принципа метасистемного подхода.

6. Раскрыть и проинтерпретировать основные закономерности структурной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности.

7. Выявить и исследовать основные закономерности функциональной организации метакогнитивной сферы в управленческой деятельности.

8. Установить и объяснить основные закономерности генезиса метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности.

9. Обобщить всю совокупность полученных теоретических, экспериментальных и эмпирических результатов; сформулировать основные положения метакогнитивной концепции управленческой деятельности.

Объект исследования. Метакогнитивная сфера личности в управленческой деятельности.

Предмет исследования. Структурные и функциональные закономерности организации метакогнитивной сферы в управленческой деятельности, а также, генетические особенности ее формирования и развития.

Гипотезы исследования.

Общая гипотеза. Метакогнитивная сфера личности как регулятор управленческой деятельности принадлежит к качественно специфическому классу систем со встроенным метасистемным уровнем и, следовательно, может быть раскрыта с достаточной полнотой и адекватностью на основе нового методологического принципа метасистемного подхода.

Частные гипотезы:

1. Метакогнитивная сфера личности в управленческой деятельности организована на основе структурно-уровневого принципа и представляет собой закономерную иерархию ряда базовых уровней.

2. В основе функциональной организации метакогнитивной сферы в управленческой деятельности лежит совокупность собственных – инвариантных и специфических для нее закономерностей.

3. Формирование и развитие метакогнитивной сферы в ходе освоения деятельности в наиболее общем плане представляет собой процесс системогенеза.

Методологическую основу исследования составляют:

– фундаментальные методологические принципы психологии: объективности, детерминизма, генетический принцип, принцип системности, принцип метасистемного подхода и др. (Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, В.А. Барабанщиков, В.А. Ганзен, Д.Н. Завалишина, В.П. Зинченко, А.В. Карпов, В.П. Кузьмин, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков, Э.Г. Юдин, А.В. Юревич);

– основные методологические подходы к исследованию управленческой деятельности (Т.Ю. Базаров, П. Друкер, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский, А.И. Китов, Г. Кунц, М. Мескон, А.И. Пригожин, Ch. Barnard, H. Fayol, F.A. Fiedler, H. Mintzberg, H.A. Simon);

– ведущие методолого-теоретические подходы к разработке проблематики метакогнитивизма (М.А. Холодная, A.L. Brown, J.H. Flavell, R. Kluwe, J. Metcalfe, T.O. Nelson, L. Narens, L.M. Reder, W. Schneider, H.M. Wellman);

– психологическая теория деятельности, а также ее основные методологические экспликации по отношению к проблематике профессиональной деятельности (Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков);

– основные положения общей теории систем в их применении к психологической проблематике (Р.Л. Акофф, П.К. Анохин, И.В. Блауберг, Л. фон Берг-таланфи, В.П. Кузьмин, В.А. Лекторский, М. Мако, А.А. Малиновский, М. Месарович, В.Н. Садовский, Д. Такахага, Э.Г. Юдин);

– основные идеи структурно-уровневого подхода в психологических исследованиях (Н.А. Бернштейн, Г.В. Залевский, П. Жане, М.С. Роговин, М.В. Халецкий, Т. Parsons);

– главные методологические и теоретические положения системогенетической концепции (П.К. Анохин, Н.П. Ансимова, М.М. Кашапов, Н.В. Нижегородцева, Ю.П. Поваренков, К.В. Судаков, В.Д. Шадриков);

– основные методологические принципы и положения экспериментальной психологии, психодиагностики, а также организации эмпирических психологических исследований (А. Анастази, Л.Ф. Бурлачук, Р. Готтсданкер, В.Н.

Дружинин, П. Клайн, Т.В. Корнилова, Д. Кэмпбелл, В.А. Мазиллов, Р. Мейли, П. Фресс, В.Д. Шадриков, А.Г. Шмелев, Ф. McGuigan).

Теоретические основы исследования.

– основные теории и концепции управленческой деятельности, сформулированные в организационной психологии и психологии управления (Т.Ю. Базаров, О.С. Виханский, П. Друкер, Ю.Д. Красовский, И.Д. Ладанов, А.Б. Леонова, В.М. Шепель, Е.С. Жариков, Л.И. Уманский, Э. Шейн);

– концептуальные представления относительно проблематики управления, сформулированные в социальной психологии и психологии личности (В.С. Агапов, Дж. Адаир, Ф. Генов, А.И. Донцов, В.С. Дудченко, Р. Блейк, К. Камерон, Н.В. Ключева, Д. Куин, Л.Д. Кудряшова, В.Е. Лепский, Дж. Моутон, А.Л. Свенцицкий, Ю.В. Синягин, Т. Шибутани, Е. Murphy, J. Sparrow);

– основные теории и концепции, сформулированные в современном метакогнитивизме (М.А. Холодная, J. Alexander, R.J. Bogdan, J. Borkowski, A.L. Brown, J.C. Campione, M. A. Dirkes, J. Dunlosky, J.H. Flavell, R. F. Jarman, R. Kluwe, M.J. Lefebvre-Pinard, J. Metcalfe, T.O. Nelson, L. Narens, T.J. Perfect, L.M. Reder, G. Schraw);

– теоретические представления, разработанные в психологии сознания (А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, В.М. Аллахвердов, В.П. Зинченко, В.Ф. Петренко, В.Л. Ваарс, D.J. Chalmers, E. Tulving, E.E. Madigan, J. Watkins, A. Zeman);

– концепция метасистемной организации психики (А.В. Карпов, Т.А. Климонтова, В.В. Левченко, С.Л. Леньков, Е.А. Петраш, А.С. Петровская, И.М. Скитяева, М.В. Сокольская, Л.Ю. Субботина, Т.В. Разина, Е.Ф. Яценко)

– основные концепции психической регуляции деятельности (Н.А. Бернштейн, Д.Н. Завалишина, В.П. Зинченко, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Д.А. Ошанин, Г.В. Суходольский, В.Д. Шадриков, D. Dörner, D. McDermott, C.E. Theresen);

– концептуальные представления, сложившиеся в области исследований системы психических процессов в целом и когнитивных процессов (Б.Г. Ананьев, В.А. Барабанщиков, Л.М. Веккер, Б.М. Величковский, У. Найсер, Д.В. Ушаков, М.А. Холодная, В.Д. Шадриков, R. Sternberg, H. Wellman).

Методы исследования.

В исследовании использовался комплекс следующих наиболее обоснованных и позитивно зарекомендовавших методов и методик, а также ряд авторских методик.

1. Общепсихологические методы – основные для общей и экспериментальной психологии, являющиеся средством планирования (метод поперечных срезов, метод контрольных групп, индивидуальное и групповое психодиагностическое исследование) и проведения экспериментальных и эмпирических исследований (эксперимент, наблюдение, психодиагностическое исследование, беседа и др.).

2. В качестве методов получения эмпирических материалов по проблеме исследования применялись: аналитический обзор литературы по ней, наблюдение, анкетирование, методики опросного типа, тестирование, экспертные оценки, методы анализа документов и продуктов деятельности.

3. Совокупность авторских методик, специально разработанных в целях исследования метакогнитивной сферы личности: «Комплексный опросник метакогнитивного потенциала» (КОМП); методики «деятельностного зондирования», «стилевой дифференциации», «рефлексивного расслоения» выборки; опросники диагностики индивидуальной меры развития метамышления и выраженности «антирефлексивных» средств деятельности; методика диагностики базовых управленческих компетенций; модифицированная методика «факторных декомпозиций» и др.

4. Прошедшие необходимую апробацию зарубежные методики диагностического и исследовательского типа, а также методики, разработанные отечественными авторами: методика «Метакогнитивной включенности в деятельность» (Metacognitive Awareness Inventory – MAI); методика диагностики рефлексивности личности (А.В. Карпов, В.В. Пономарева); методика диагностики рефлексивности деятельности (В.Д. Шадриков, С.В. Кургинян); методика определения уровня выраженности и направленности рефлексии (M. Grant); методика «Самооценки метакогнитивного поведения» (D. LaCosta); методика диагностики меры и характера метакогнитивного мониторинга (D. Everson); методика диагностики рефлексивности как фактора обучаемости (R. Felder, A. Salomon); методика MSLQ, направленная на диагностику уровня сформированности метакогнитивных стратегий (P. Pintrich); методика КМАИ (S. Tobias); методики ТУС (Р. Амтхауэр), тест креативности П. Торренса, методика диагностики креативности Е.Е. Туник; методика определения стиля руководства трудовым коллективом (А.Л. Журавлев, В.П. Захаров); методика «Диагностика процессов метарешений», методика диагностики самоконтроля (Г.С. Никифорова) и др.

5. Математико-статистические методы обработки эмпирических данных: многомерный корреляционный и дисперсионный анализ, метод определения детерминационных связей между переменными (метод корреляционного отношения), метод «матричного анализа», метод «полярных групп», метод факторных декомпозиций. Кроме того, использовался ряд оригинальных разработок отечественных психологов для оценки степени организованности, когерентности и дивергентности корреляционных плеяд и характера их структурной организации в рамках структурно-психологического подхода к обработке данных эмпирических исследований. При обработке данных использовался пакет статистических программ Statistica 10.0.

Эмпирической базой исследования выступили следующие организации: Ярославский филиал ПАО «Ростелеком», холдинг ЗАО «Верхневолжская производственная сеть», ООО «ЦИАС», ГУ ЯО Центр профессиональной ориентации и психологической поддержки «Ресурс», ООО «НИОКР», ООО «Айтренд», ОАО «Глобус», «Бигам», «Техностар», «Спектр», учреждения системы МЧС, ряд СОШ г. Ярославля и Рыбинска, Ярославское Высшее Военное училище Противовоздушной Обороны, ряд вузов Ярославля (ЯрГУ, ЯГПУ, ЯГТУ и др.); Северная железная дорога ОАО РЖД; ОАО «АвтоВАЗ», ОАО «Станкоагрегат», ОАО «Тензор», фабрика «Синель», ЯМЗ, ОАО «Ярославльнефтеоргсинтез».

Достоверность и обоснованность научных результатов, полученных в исследовании, обеспечивалась методологическими принципами, положенными в основу исследования; разноплановым теоретическим анализом изучаемых проблем; адекватностью научного аппарата – методов и методик исследования объекту, предмету, целям и задачам работы; продолжительностью и планомерностью эмпирических исследований; обеспечением репрезентативности выборок; применением методов математической статистики для обработки полученных данных; сочетанием количественного и качественного анализа результатов.

Научная новизна. По отношению к исследованию метакогнитивной регуляции управленческой деятельности сформулирован и реализован новый теоретико-методологический подход – метасистемный. Обосновано положение, согласно которому адекватное раскрытие метакогнитивной сферы личности как интегрального регулятора управленческой деятельности не может быть осуществлено с достаточной степенью корректности с позиций традиционно сложившихся представлений об основных, известных в настоящее время типах и классах систем, поскольку она принадлежит к качественно специфическому

классу – к системам со встроенным метасистемным уровнем. Атрибутивной характеристикой этих систем в целом и метакогнитивной сферы, в частности, является их способность к функциональному включению в свой состав той более общей метасистемы, в которую они сами онтологически включены.

Впервые установлена и эмпирически верифицирована ключевая закономерность общей организации метакогнитивной сферы как интегрального регулятора управленческой деятельности, состоящая в том, она базируется на структурно-уровневом принципе и образует иерархию закономерно организованной совокупности уровней.

Установленная в работе иерархия уровней организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности включает, наряду с уже известными уровнями, новые, неизвестные до настоящего времени уровни организации – метасистемный, субсистемный и элементный. Доказано, что каждый уровень обладает собственной качественной определенностью и, следовательно, в принципе не может быть редуцирован ни к одному другому уровню. Раскрытие содержания, состава и структуры обнаруженных в работе новых уровней организации метакогнитивной сферы осуществлено впервые не только в психологии управленческой деятельности, но и в самом метакогнитивизме.

Доказано, что особую роль в метакогнитивной сфере личности в управленческой деятельности играет субсистемный уровень, образованный закономерно организованной основной подсистем метакогнитивного плана, каждая из которых синтезирует в себе качественно гомогенные и функционально сходные метакогнитивные процессы и качества. Данный уровень играет ключевую роль в реализации управленческой деятельности, поскольку в решающей степени определяется одновременно и структурными характеристиками метакогнитивной сферы в целом, и сущностными характеристиками управленческой деятельности. Подробно раскрыт также состав, содержание и структура системного уровня организации метакогнитивной сферы личности в процессе управленческой деятельности.

Впервые выявлена сущность и содержание еще одного уровня организации метакогнитивной сферы личности – элементного; определены критерии и закономерности его дифференциации от компонентного уровня, равно как и механизмы сопряжения с ним. Он представлен всей совокупностью таких образований и структур, процессов и качеств, которые, являясь необходимыми для формирования метакогнитивных образований, в то же время, сами по себе еще

недостаточны для этого. Поэтому в их качестве выступают практически все основные «составляющие» психики, но в своей исходной форме – в форме так называемых «первичных» процессов, качеств, состояний и пр. Все они могут трансформироваться в собственно метакогнитивные образования, но при обязательном условии либо их «удвоения», либо реализации их потенциала по отношению к иным, но также «первичным» психическим процессам и образованиям, их дополнении иными средствами и механизмами.

Впервые установлена не описанная ранее специфическая подсистема метакогнитивного плана, обозначенная как ингибиторная подсистема. Ее сущность состоит в том, что она направлена на произвольную минимизацию степени рефлексивного контроля за регуляцией деятельности, что в целом ряде случаев является позитивным фактором ее осуществления. Вскрыты ее компонентный состав, ведущие детерминанты ее формирования, а также ее функциональная роль в метакогнитивной сфере личности и в организации управленческой деятельности.

Установлена значимая в функциональном отношении метакогнитивная подсистема – мониторинговая. Она состоит из таких процессов и образований, которые реализуют функцию «вторичного» контроля – метаконтроля и, соответственно, должны быть синтезированы в качественно гомогенную в плане ее содержания подсистему. Показано также, что данная подсистема, равно как и еще одна, также впервые установленная в работе подсистема – ингибиторная, является максимально репрезентативной именно управленческой деятельности. Она формируется как необходимое следствие ее основных и наиболее типичных особенностей, а одновременно – выступает и важнейшей предпосылкой, условием ее эффективной реализации.

Предложена обобщенная модель структурной организации основных подсистем метакогнитивного плана, образующих в своей совокупности субсистемный уровень метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Она позволяет обоснованно раскрыть содержание и главные особенности структурной организации субсистемного уровня метакогнитивной сферы в целом. Доказано, что данный уровень представляет собой многомерное пространство, образованное восемью базовыми подсистемами.

Новым в научном плане является и то, что выявлены и объяснены не только отдельные уровни метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности, а вся их система в целом. Впервые вскрыта также совокуп-

ность новых закономерностей, феноменов и эффектов, свойственных им. Они глубоко специфичны каждому уровню, что обуславливает существование у них собственной качественной определенности, их несводимость друг к другу и закономерную соподчиненность.

Обосновано и подвергнуто дифференцированному раскрытию новое понятие – понятие метакогнитивной сферы личности, являющееся одновременно и общепсихологическим концептом, и ключевым конструктом психологии управления и организационной психологии в целом. Показано, каким образом оно содействует решению ключевой проблемы современного метакогнитивизма – проблемы определения содержания и границ его предмета. Вскрыта и реализована его роль в синтезе теоретических представлений, сложившихся в этих двух крупных направлениях психологии.

Сформулированы теоретико-методологические представления, дающие наиболее полную среди всех существующих в настоящее время экспликацию состава и содержания предмета современного метакогнитивизма. Ключевым – критически значимым признаком принадлежности к этому содержанию является подчеркнуто функциональный критерий: это содержание образовано практически всеми важнейшими «составляющими» психики, взятыми, однако, в одной из их функций – в функции самопрезентации. Все они, следовательно, включаются в него по специфически функциональному критерию, а сама метакогнитивная сфера поэтому и является, прежде всего, именно функциональным образованием.

Установлена развернутая совокупность новых закономерностей, феноменов и особенностей метакогнитивной сферы личности. Основными из них являются, в частности, следующие: феномен парциальности базовых метакогнитивных подсистем и его объяснение; инвертированная U-образная зависимость эффективности управленческой деятельности от степени структурной организации базовых метакогнитивных подсистем; «закон оптимума», эксплицирующий (и объясняющий) взаимную зависимость величины общего метакогнитивного потенциала личности и меры интегрированности основных метакогнитивных подсистем; генеративные по своей сути (интегративно-порождающие) механизмы, приводящие к формированию дополнительного метакогнитивного потенциала на субсистемном уровне; феномен «антирефлексии» как важнейший атрибут ингибиторной подсистемы в целом и др.

Впервые обосновано положение о специфическом принципе общей функциональной организации управленческой деятельности – метафункциональном. Его сущность состоит в том, что и индивидуальная деятельность руководителя, и совместная деятельность иерархически организованного типа реализуются посредством принципиально инвариантной совокупности регулятивных средств – в форме выявленного и раскрытого в работе регулятивного инварианта. В первой он представлен как система интегральных процессов регуляции деятельности (целеобразование, прогнозирование, принятие решения, планирование, самоконтроль, коррекция), а во втором – как совокупность основных управленческих функций.

Впервые выявлена полная совокупность основных функций, реализуемых метакогнитивной сферой в плане регуляции её управленческой деятельности. Она включает следующие основные функции: операторно-генеративную, функцию регулятивного мониторинга, функции коммуникативного и эмоционального мониторинга, процедуральную функцию, функцию вторичного мониторинга, ингибиторную функцию и интеракционную функцию.

Доказано, что, наряду с частными – специальными управленческими компетенциями в процессе профессиогенеза формируется также обобщенная компетенция особого типа и специфического предназначения – «компетенция по распоряжению своими компетенциями», «вторичная» компетенция, то есть, фактически, метакомпетенция. Она и по своему генезу, и по своей функциональной направленности, и по своим операционным механизмам и средствам практически полностью носит «вторичный», производный характер, а потому является именно метакогнитивной.

Впервые установлена система новых, не описанных до настоящего времени собственных – специфических закономерностей организации и функционирования метакогнитивной сферы в управленческой деятельности. В частности, это закономерности, сопряженные с такими базовыми факторами и «измерениями» самой профессиональной деятельности, каковыми выступают ее результативные параметры (прежде всего, эффективность); процессуальные характеристики (и их специфическая именно по отношению к управленческой деятельности разновидность – стилевые характеристики); факторы половой дифференциации; уровневая принадлежность управленческой деятельности; уровень руководства.

Впервые доказано, что формирование метакогнитивной сферы в процессе профессионализации воплощает в себе основные особенности и закономерности, присущие развитию образований собственно системного типа – принципы системогенеза. Следовательно, по своему общему типу оно представляет собой процесс системогенеза. Вместе с тем, общие принципы системогенеза специфицируются по отношению к формированию метакогнитивной сферы, обогащаясь новыми – дополнительными особенностями и закономерностями, обусловленными детерминирующими воздействиями на него атрибутивных характеристик управленческой деятельности.

Наряду с этим, впервые выявлены новые – хотя и более локальные, но также значимые феномены генетического плана – в частности, феномен «редукции рефлексивности», явление «вторичной рефлексивности», феномен «антирефлексивного пика», явление оперативной рефлексии. Все они эксплицируют дополнительные существенные грани генезиса как самой метакогнитивной сферы, так и генезиса управленческой деятельности в целом.

На основе предложенного и реализованного теоретико-методологического подхода разработана новая обобщающая концепция метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, раскрывающая ее в главных гносеологических планах – метасистемном, структурном, генетическом, а также в аспектах ее деятельностной и личностной детерминации.

Теоретическая значимость работы заключается в следующем.

Основные результаты исследования вносят вклад в развитие теоретических основ организационной психологии и психологии управления, а также значимо содействуют разработке ряда важных общепсихологических проблем современного метакогнитивизма. Предложенное решение проблемы структурной организации метакогнитивной сферы личности и доказательство уровневого принципа ее организации содействует раскрытию главных закономерностей психической регуляции деятельности в целом и метакогнитивной регуляции, в частности, – структурных, выявление которых выступает, как известно, важнейшим условием разработки психологической теории деятельности. Обнаружение новых уровней организации метакогнитивной сферы, а также их синтез с уже известными уровнями в целостную иерархическую организацию позволяет сформулировать более полные и концептуально завершенные представления о психической регуляции деятельности в целом и о метакогнитивной регуляции, в особенности. Это содействует решению еще одной ключевой теоретической

проблемы психологии деятельности – проблемы состава и структуры всей системы ее когнитивных и метакогнитивных детерминант и принципов их организации.

Обоснованный и реализованный в работе новый – метасистемный подход к метакогнитивной сфере личности в управленческой позволил установить, как именно основанные психические процессы и образования личности (метасистемы по отношению к ней) реализуют свои метакогнитивные функции. В основе этого лежит фундаментальный принцип функциональной обратимости, состоящий в том, что все они могут реализовывать свой потенциал в отношении самих же себя, в результате чего обретают важнейшую способность к самопрезентации, являющуюся основной и наиболее общей – атрибутивной характеристикой всех метакогнитивных образований.

Полученные в работе результаты, раскрывающие закономерности и механизмы высшего – метасистемного уровня, образованного организованной совокупностью собственно не только когнитивных, но и личностных детерминант, способствуют углублению теоретических представлений о структурной организации личности в целом и ее когнитивной подсистемы, в частности.

Выявление полной системы метакогнитивных детерминант управленческой деятельности и тех, которые локализованы на впервые обнаруженном в работе субсистемном уровне организации, значимо содействует развитию теоретических представлений о содержании и составе определяющих механизмов регуляции деятельности – произвольных, осознаваемых. Это вносит вклад в развитие современных представлений в одной из центральных областей психологии – психологии сознания.

Обнаруженная и проинтерпретированная в работе система новых психологических закономерностей и феноменов метакогнитивной регуляции управленческой деятельности содействует развитию эмпирического базиса психологической теории деятельности и психологии личности. В конечном итоге эта система обогащает не только феноменологию психологии, но и способствует разработке более полных, дифференцированных и концептуально завершенных представлений о ее основных категориях – деятельности, личности, психического развития и др.

Предложенное в качестве основного понятийного средства, позволяющего упорядочить и систематизировать всю совокупность существующих пред-

ставлений о предмете метакогнитивизма, понятие метакогнитивной сферы личности является наиболее обобщенным среди всех существующих. Оно позволяет синтезировать практически все известные в настоящее время проявления метакогнитивного плана, равно как и лежащие в их основе процессы и механизмы, а также структурные образования. Поэтому оно выступает средством перехода от накопления данных, то есть от экстенсивного пути развития данного направления, к их систематизации и упорядочиванию – к его собственно концептуальному развитию.

Обоснованная и реализованная в работе системная экспликация метакогнитивной сферы личности позволяет преодолеть один из основных недостатков современных представлений в этой области – подчеркнуто аналитический подход к ее изучению. До их пор метакогнитивная сфера личности, как правило, не эксплицируется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. Она изучается преимущественно с аналитических позиций, фиксирующих исследование лишь на уровне ее отдельных компонентов, а также взаимосвязей и взаимодействий между ними. Тем самым реализованный в работе подход значительно содействует трансформации общей парадигмы разработки базовой проблематики метакогнитивизма – аналитической в системную.

Установленные в работе инвариантные закономерности взаимодействий метакогнитивной сферы и трех основных общих способностей личности (интеллекта, креативности, обучаемости) вносят вклад в разработку фундаментальной теоретической проблемы способностей в целом и общих способностей, в особенности.

Доказано, что большинство закономерностей функциональной организации деятельности представлено в двух основных формах. Наряду с их «первичной» формой, они могут подвергаться метакогнитивной трансформации и выступать в их «вторичной» форме. В силу этого, факторы метакогнитивного плана порождают новый уровень действия самих функциональных закономерностей, генерируя «вторичные» закономерности: именно они лежат в основе того, в какой форме и с какой полнотой в реальности проявляются «первичные» закономерности. Тем самым не только детализируются, но и расширяются существующие в настоящее время теоретические представления о действительной сложности базовой теоретической категории – категории психических закономерностей.

Доказанная в работе принадлежность формирования метакогнитивной сферы личности в ходе профессиогенеза к системогенетическому типу развития впервые позволяет обобщить концепцию системогенеза на две принципиально новые для нее области психологического исследования – на психологию управления и на метакогнитивизм. Это значимо содействует развитию и их самих, и концепции системогенеза.

Предложенный и реализованный в работе новый – метасистемный подход к изучению метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности, позволив выявить совокупность не описанных до настоящего времени закономерностей и продемонстрировав тем самым свою конструктивность, содействует дальнейшему развитию методологических основ и принципов психологического исследования.

Сформулированная в итоге данного исследования обобщающая концепция метакогнитивной регуляции управленческой деятельности вносит вклад в развитие двух крупных и во многом определяющих направлений современной психологии – психологию управления и в метакогнитивизм. Она позволяет преодолеть одну из наиболее негативных черт их современного состояния – их практически полную несинтезированность. Поэтому ее следует рассматривать как действенное средство концептуального синтеза данных направлений, приводящее к закономерным эффектам «познавательной синергии», состоящих в порождении нового знания собственно концептуального характера, то есть теоретического уровня.

Практическая ценность работы. Основные результаты работы расширяют и углубляют существующие представления о структурно-функциональной организации, генетической динамике и феноменологии метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, выступая тем самым в качестве адекватной и конструктивной основы для практической работы организационных психологов, а также психологов прикладного профиля, решающих задачи оптимизации профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в особенности.

Результаты предоставляют возможность проведения соответствующей пропедевтической работы по предотвращению развития синдрома «психического выгорания», поскольку вскрывают зависимость предрасположенности к нему от степени выраженности индивидуальной меры развития рефлексивности и метакогнитивных качеств в целом.

Разработанный диагностический инструментарий является конструктивным и действенным средством в практической работе не только организационных психологов, но и специалистов в других областях и видах профессиональной деятельности, в частности, учебной.

Разработанный методический инструментарий позволяет эффективно использовать его и при проведении мероприятий по профессиональной аттестации и экспертному оцениванию, поскольку он направлен на диагностику индивидуальной меры развития ключевых детерминант деятельности – базовых параметров метакогнитивной сферы.

Разработанные и апробированные в исследовании методики могут служить также действенным средством организации и проведения мероприятий по профессиональному отбору и профессиональной аттестации руководящих кадров, поскольку целый ряд метакогнитивных параметров выступает в функции профессионально-важных качеств по отношению к управленческой деятельности.

Комплекс предложенных методических средств позволяет осуществлять более тонкую и точную диагностику и дифференцировку показателей степени развития отдельных параметров метакогнитивной сферы личности.

Полученные результаты способствуют разработке на качественно более совершенной теоретической основе тренинговых программ, направленных на формирование и развитие метакогнитивного потенциала личности, а также его основных компонентов, а в конечном итоге – и расширению ментальных ресурсов субъекта профессиональной управленческой деятельности.

Выявленные в работе закономерности и феномены генезиса метакогнитивной сферы в целом и ее основных подсистем, в частности, создают адекватную и во многом достаточную основу для разработки психологически обоснованных программ, направленных их целенаправленное формирование и развитие.

Совокупность новых обнаруженных в работе генетических закономерностей формирования метакогнитивной сферы в процессе профессиогенеза является адекватной основой для мероприятий по его психологическому сопровождению в аспекте метакогнитивного обеспечения.

Вся совокупность полученных результатов в целом и предложенная в работе структурная модель организации основных метакогнитивных подсистем, в

частности, могут быть применены и уже применяются в учебном процессе подготовки по психологическим специальностям по таким основополагающим курсам, как общая психология, психология труда, психология управления, организационная психология, социальная психология, экспериментальная психология, когнитивная психология.

Положения, выносимые на защиту.

1. Вся совокупность метакогнитивных детерминант управленческой деятельности синтезирована в определенную целостность – в метакогнитивную сферу, воплощающую в себе основные закономерности системной формы организации. Она, однако, обладает целым рядом новых – дополнительных и более сложных особенностей, эксплицирующих ее принадлежность не к какому-либо уже известному классу систем, а к особому, качественно специфическому их классу – к системам со встроенным метасистемным уровнем. Это означает, что та метасистема, в которую она онтологически включена (то есть личность и ее психическая организация в целом), сама оказывается функционально представленной в ней, поскольку все основные психические процессы и образование обладают общим свойством функциональной обратимости. Оно заключается в том, что все они могут реализовывать свой потенциал в отношении самих же себя, в результате чего обретают фундаментальную способность к самопрезентации, которая и является основной и наиболее общей, то есть атрибутивной характеристикой всех метакогнитивных образований. В результате основные «составляющие» психики как метасистемы по отношению к метакогнитивной сфере оказываются представленными в ней самой; их совокупность входит в нее на правах структурного уровня ее собственной организации. Это является необходимым и достаточным основанием для дифференциации нового, не известного до сих пор уровня ее организации – метасистемного.

2. Метакогнитивная сфера личности как интегральный регулятор управленческой деятельности организована на основе структурно-уровневого принципа и образует целостную иерархию ряда основных уровней ее организации. Такое решение является не только наиболее полным среди существующих в настоящее время подходов к решению данной проблемы, но и преодолевает их основной недостаток. Он состоит в том, что метакогнитивная сфера личности не эксплицируется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. До настоящего времени она изучается с

аналитических позиций, фиксирующих исследование лишь на уровне ее отдельных компонентов, а также взаимосвязей и взаимодействий между ними.

3. Иерархическая организация метакогнитивной сферы личности включает пять основных уровней – метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный и элементный. Сущность метасистемного уровня заключается в том, что на нем представлены базовые психические процессы и образования, то есть составляющие той метасистемы (личности субъекта деятельности и ее психической организации), в которую включена метакогнитивная сфера. Системный уровень образован всей совокупностью организованных в целостность метакогнитивных процессов, образований и структур в целом. Субсистемный уровень представляет собой закономерную организацию основных метакогнитивных подсистем, каждая из которых является синтезом качественно однородных и функционально сходных образований метакогнитивного типа. Сущность компонентного уровня состоит в том, что на нем локализованы отдельные метакогнитивные процессы и образования, выступающие детерминантами деятельности. На элементном уровне представлены образования, которые, хотя и объективно необходимы для формирования этих детерминант, но сами по себе еще недостаточны для этого. Поэтому в их качестве выступают практически все основные «составляющие» психики, но в своей исходной форме – в форме «первичных» процессов, качеств, состояний и пр. Все они могут трансформироваться в собственно метакогнитивные образования, но при обязательном условии – либо их «удвоения», либо реализации их потенциала по отношению к иным, но также «первичным» психическим процессам и образованиям.

4. В иерархической организации метакогнитивной сферы реализованы важнейшие характеристики структурно-уровневой организации психических образований: существование у каждого уровня собственной качественной определенности, наличие у них качественной специфичности по отношению ко всем другим уровням, система закономерных межуровневых взаимодействий и взаимопереходов, а также наличие единого и инвариантного критерия дифференциации уровней. Доказано, что каждый вышележащий уровень формируется на основе ближайшего к нему нижележащего посредством интеграции компонентов последнего, внесения в него дополнительной организации. В результате развертывания средств и механизмов организационного типа порождаются новые качества, которые обуславливают переход к вышележащему уровню. Дан-

ная иерархия включает в себя как известные уровни организации, так и новые, не выявленные до настоящего времени, уровни, что в совокупности позволяет дать полную экспликацию структурной организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности.

5. Важнейшую роль в структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности играет качественно специфический уровень – субсистемный, занимающий в ней центральное место. Он образован закономерным сочетанием основных подсистем метакогнитивного плана, каждая из которых синтезирует в себе качественно гомогенные и функционально сходные метакогнитивные образования. Данный уровень в наибольшей степени сензитивен к содержанию и структуре управленческой деятельности, а также к ее условиям и организации, поскольку формируется под определяющим воздействием не только личностной, но и собственно деятельности детерминации. Он имеет закономерную и сложную (многомерную) организацию и образован синтезом восьми базовых подсистем – метакогнитивной, метарегулятивной, метаэмоциональной, метакоммуникативной, процедуральной, ингибиторной, мониторинговой и интеракционной. Эти подсистемы в принципе нередуцируемы к аддитивной совокупности входящих в них «составляющих». Доказано, что метакогнитивная сфера структурируется не из своих компонентов (отдельных образований метакогнитивного плана) непосредственно, как это полагается традиционно, а из их закономерных функциональных синтезов – из основных метакогнитивных подсистем.

6. Существует развернутая совокупность закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы как регулятора деятельности, а также присущих ей феноменов и особенностей, не описанных до настоящего времени. Основными из них являются, в частности, следующие: инвертированная U-образная зависимость эффективности управленческой деятельности от степени структурной организации основных метакогнитивных подсистем; феномен парциальности базовых метакогнитивных подсистем; «закон оптимума», эксплицирующий (и объясняющий) зависимость степени интегрированности основных метакогнитивных подсистем от величины общего метакогнитивного потенциала личности; механизм «тройной синергии» влияния метакогнитивных детерминант на результативные параметры управленческой деятельности, имеющий место как на компонентном, так и на общесистемном уровнях; генеративные по своей сути (интегративно-порождающие) механизмы, приводящие

к формированию дополнительного метакогнитивного потенциала на субсистемном уровне; феномен «антирефлексии» как важнейший атрибут ингибиторной подсистемы в целом; наличие мощного «антирефлексивного потенциала» у каждого из основных базовых атрибутов управленческой деятельности; система новых закономерностей генеративного типа, порождаемая взаимодействием трех основных общих способностей (интеллекта, обучаемости и креативности) с базовыми компонентами метакогнитивной сферы, и др.

7. Метакогнитивная сфера личности как регулятор управленческой деятельности характеризуется гетерогенной и множественной совокупностью основных закономерностей функциональной организации. Основной из них выступает механизм транспонирования их промежуточных результатов в условия и послышки их же дальнейшего развертывания: процессы обретают способность к реализации собственного функционального потенциала и достигаемых за счет него результатов в целях собственной оптимизации. Тем самым основные метакогнитивные процессы представляют собой закономерное следствие общей линии усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам, – самообогащения и оптимизации процессов за счет использования промежуточных результатов в качестве средств и факторов процессуального развертывания. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный тип такой организации, поскольку реализуются на осознаваемом, произвольно контролируемом уровне. Эта особенность, являясь общей для всех когнитивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам максимально выраженной, поскольку она составляет самую их суть и обуславливает их качественную специфичность. Смысл и функциональное предназначение такой формы состоит в том, что она порождает дополнительные функциональные и операционные возможности, позволяя тем самым расширить общий когнитивный потенциал субъекта, а в конечном итоге содействует повышению его ментальных ресурсов в целом.

8. Метакогнитивная сфера реализует свою регулятивную роль по отношению к организации управленческой деятельности посредством системы сорганизованных друг с другом инвариантных функций. В их качестве выступают следующие установленные и проинтерпретированные в работе функции: операторно-генеративная, функция регулятивного мониторинга, функции коммуникативного и эмоционального мониторинга, процедуральная функция, функция вторичного мониторинга, ингибиторная и интеракционная функция. В основе

дифференциация базовых функций метакогнитивной сферы, а также их синтезирования в скоординированную целостность лежит их общая структурно-уровневая организация. Доказательство производности основных функций от их структурной организации позволяет эксплицировать эти основные функции не только как результаты эмпирико-феноменологического анализа, сколько в качестве необходимых теоретических следствий их определенной латентной структуры, в качестве которой выступает общая структурная организация метакогнитивной сферы, включающая пять основных уровней.

9. Организация метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности базируется на совокупности инвариантных и значимых, но не описанных до настоящего времени функциональных закономерностей. Основными из них являются следующие закономерности. Во-первых, существует прямая зависимость эффективности управленческой деятельности от степени организованности базовых метакогнитивных подсистем. Во-вторых, в основе психологического обеспечения общеуправленческих стилей (демократического, авторитарного, попустительского) лежат гетерогенные, то есть качественно разнородные структуры метакогнитивных детерминант, что выявляет принципиально новый факт – структурную, а не аналитическую детерминацию самих стилевых различий факторами метакогнитивного плана. В-третьих, существует прямая зависимость эффективности стилей от степени структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы в целом и базовых метакогнитивных подсистем, в особенности. В-четвертых, существуют значимые и множественные дифференциальные различия функциональной и структурной организации метакогнитивных детерминант управленческой деятельности по половому признаку. Тем самым половой диморфизм эксплицируется как важный опосредствующий и модулирующий фактор в действии основных функциональных закономерностей организации метакогнитивной сферы.

10. Формирование и развитие метакогнитивной сферы в процессе профессионализации воплощает в себе все основные особенности и закономерности, присущие для развития образований собственно системного типа – принципы системогенеза. Следовательно, по своему общему типу оно представляет собой процесс системогенеза. Вместе с тем, общие принципы системогенеза специфицируются по отношению к формированию метакогнитивной сферы новыми – дополнительными особенностями и закономерностями, обусловленными детерминирующими воздействиями на него трех основных метасистем, в

составе которых оно осуществляется. Существуют значимые, но не выявленные до сих пор феномены и закономерности генетического плана, присущие метакогнитивной сфере, – в частности, феномен «редукции рефлексивности», явление «вторичной рефлексивности», феномен «антирефлексивного пика», явление оперативной рефлексии. Все они эксплицируют дополнительные существенные грани генезиса как самой метакогнитивной сферы, так и генезиса управленческой деятельности в целом.

11. Одной из важных и наиболее специфических закономерностей системогенеза метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности является то, что, наряду с частными – специальными управленческими компетенциями в процессе профессиогенеза формируется и обобщенная компетенция особого типа и специфического предназначения. Ее смысл и предназначение состоит в том, что она означает возможность регулирования всех иных – базовых и потому «первичных» компетенций. Это своего рода «компетенция по распоряжению своими компетенциями», «вторичная» компетенция, то есть, фактически, метакомпетенция. Она и по своему генезу, и по своей функциональной направленности, и по своим операционным механизмам и средствам практически полностью носит «вторичный» и производный характер, а потому является именно метакогнитивной.

12. Вся совокупность полученных в работе результатов является достаточной для доказательства наиболее общего предположения, положенного в основу данного исследования. Оно состоит в том, что по своему содержанию и принципам организации метакогнитивная сфера личности обладает принципиальной двойственностью. С одной стороны, она обладает рядом основных особенностей и характеристик, присущих системным образованиям как таковым и, следовательно, может быть отнесена к их разряду. С другой стороны, она обладает и целым рядом новых – дополнительных и более сложных особенностей, не позволяющих рассматривать ее в качестве системы «классических», традиционных типов. Следовательно, наиболее общим и адекватным методологическим средством раскрытия основных особенностей и закономерностей метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности должен выступить метасистемный подход. Конкретной стратегией его осуществления является гносеологический вариант данного подхода, предполагающий реализацию по отношению к предмету исследования процедуры, обозначаемой понятием «алгоритма системного исследования». Она включает в себя ряд основных гно-

сеологических планов (этапов): метасистемный, структурный, функциональный, генетический и интегративный и выступает комплексной стратегией исследования метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности. Полученные в итоге ее реализации результаты являются достаточным основанием для формулировки обобщающих, то есть собственно концептуальных представлений о предмете исследования – метакогнитивной сфере личности как регулятора управленческой деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования неоднократно и в течение длительного времени обсуждались на международных и всероссийских конгрессах, симпозиумах, съездах и конференциях, в том числе: на съезде Российского общества психологов (Казань, 2018 г.); на Всероссийских конференциях «Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности» (Москва, 2018 г.); «Проблемы системогенеза учебной и профессиональной деятельности» (Ярославль, 2015, 2018 гг.); Международной научно-практической конференции «Интегративная психология: теория и метод» (Ярославль, 2014 г.); на конференциях «Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики» (Калуга, 2016, 2017, 2018 гг.); на Международных симпозиумах «Психология XXI столетия» (Ярославль, 2014, 2015, 2018 гг.); на Международной конференции «Наука и современность: вызовы XXI века» (Киев, 2013 г.); на конференциях «Личность в меняющемся мире» (Рязань, 2014 г.); «Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования» (Москва, 2016 г.); «Психология – наука будущего» (Москва, 2013 г.); на конференциях «Много голосов – один мир» (Ярославль, 2014 г.); «Психология и жизнь: актуальные проблемы психологии образования» (Минск); «Society, Health, Welfare. Living in the World of Diversity: Social Transformations, Innovations, Solutions» (Рига, 2016 г.); на V Международном конгрессе по маркетингу (Киров, 2017); Всероссийской конференции «Аффордансы: ожидание, возможность, ограничение?» (Ярославль, 2018); на 3-ей Международной конференции «Когнитивные студии» (Минск, 2017, 2019 гг.); научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире» (Москва, РУДН, 2017, 2019 гг.) и др.

Исследования, представленные в диссертации, частично выполнены в рамках грантов РФФИ (2015, 2019 гг.), РНФ (2017 г.), а также гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук (2015, 2017 гг.).

Результаты диссертации отражены в 91 печатной работе, среди которых 5 монографий (2 в соавторстве), 5 учебных пособий, 26 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ, из них 8 статей в изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus.

Диссертация обсуждена и одобрена на совместном заседании кафедры психологии труда и организационной психологии и кафедры общей психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова, а также на методологическом семинаре при Совете по защите диссертаций Д 999. 051. 02 на базе ФГБОУ «Ярославского госуниверситета им. П.Г. Демидова», ФГБОУ «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из двух томов (том I – 591 страница, том II – 186 страниц). Первый том диссертации включает введение, 4 главы, заключение, содержит 21 таблицу и 37 рисунков. Второй том диссертации содержит список литературы и 32 приложения. Список литературы включает 484 источника, из них 167 – на иностранных языках.

Глава 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Психология управления и метакогнитивизм: от конвергенции к синтезу

Одной из наиболее характерных тенденций развития современного научного знания в целом и гуманитарного знания, в особенности, является развертывание исследований на стыке различных и подчас достаточно удаленных друг от друга проблем и целых направлений. При этом, как известно, имеют место две достаточно общие закономерности. Первая из них состоит в том, что именно синтез данных из различных направлений исследований оказывается, как правило, наиболее продуктивным и конструктивным, поскольку приводит к преодолению неизбежных ограничений каждого из них и возникновению эффектов синергетического плана, характерных для любого синтеза. Вторая закономерность заключается в том, что чем более отдаленными друг от друга, на первый взгляд, представляются сами синтезируемые направления и проблемы, тем более продуктивными, в действительности, являются исследования, проводимые на их стыке.

Все это очень характерно для той ситуации, которая сложилась в настоящее время по отношению к двум очень крупным и во многом определяющим направлениям психологических исследований – к организационной психологии в целом и психологии управленческой деятельности, в частности, с одной стороны, и к современному метакогнитивизму, с другой. Каждое из них представляет собой сегодня широчайший спектр проблем и предметных сфер исследований, направлений и школ; содержит огромный и практически необозримый материал как эмпирико-феноменологического, так и теоретико-методологического характера. Вместе с тем, до сих пор они разрабатываются подчеркнуто автономно друг от друга, а их концептуальные и иные контакты практически не реализованы. Очень характерно, что именно это обуславливает важнейшие особенности современного состояния исследований в каждом из них, которые одновременно являются и одними из главных трудностей их дальнейшего конструктивного развития.

Действительно, как уже отмечалось во «Введении», метакогнитивизм представляет собой сегодня одну из наиболее мощных, приоритетных и много-

аспектных тенденций развития общей психологии в целом и когнитивной психологии, в особенности [180, 189, 284, 330, 336, 347, 351, 375, 357, 404, 426, 429, 430, 436, 437, 456 и мн. др.]. Будучи логическим развитием общих оснований и принципов когнитивной психологии, метакогнитивизм во многом знаменует собой выход на качественно новый уровень ее проблематики и научного потенциала в целом. Он, по мнению многих исследователей, может иметь не только не меньшие, но, и не исключено, даже бóльшие методологические и теоретические последствия, чем сама классическая когнитивная психология. Метакогнитивизм сегодня во многом олицетворяет передний край развития когнитивной психологии в целом, а та, в свою очередь, в столь же многом репрезентирует сейчас общую и экспериментальную психологию в их современном воплощении и основных достижениях.

Вместе с тем, несмотря на свою очевидную теоретическую и практическую значимость проблематики метакогнитивизма, она до сих пор разработана в целом пока недостаточно, а общий уровень ее развития не в полной мере соответствует ее высокой значимости. Это несоответствие обусловлено двумя главными причинами. Во-первых, – относительно небольшим временем существования данного направления, что объективно не позволяет пока ему достичь высокого уровня зрелости, развитости. Во-вторых, – метакогнитивизму, равно как и когнитивной психологии в целом, присуща характерная методологическая особенность, которая очень часто является главной причиной их критической оценки и, в действительности, обуславливает их существенную теоретическую ограниченность. Она состоит в том, что имеет место достаточно явный (а зачастую – и намеренно культивируемый) «разрыв» когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в частности, с психологической теорией деятельности, с изучением целостной деятельности и поведения. В результате такой несинтезированнойности двух фундаментальных направлений современной психологии страдают они оба. Внедеятельностный подход к метакогнитивным процессам приводит к заведомо зауженным концептуальным основаниям их изучения, к обеднению и уплощению получаемых результатов. В свою очередь, недостаточный учет психологией деятельности наиболее сложных, то есть именно метакогнитивных процессов ее организации и регуляции существенно обедняет современную психологическую теорию деятельности. Часто он вообще блокирует исследование наиболее принципиальных проблем, особенно – проблемы раскрытия основных принципов структурно-функциональной организации и

генетической динамики деятельности, а также проблемы выявления тех психологических механизмов, которые интегрируют структурные уровни деятельности в целостную и скоординированную иерархию.

Вместе с тем, – и это также отмечалось во «Ведении», очень характерно, что обе эти особенности являются тесно взаимосвязанными и именно через установление их взаимосвязи, а также через определение возможных направлений их преодоления отчетливее всего вырисовываются и основные перспективы дальнейшей разработки психологии управленческой деятельности на основе метакогнитивного подхода.

В самом деле, именно это приводит к уже констатированному и весьма явному «разрыву» когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в особенности, с психологической теорией деятельности. Несколько заостряя ситуацию, можно сказать, что не только этимологически, но и по существу, то есть по «идеологии» и методологии когнитивная психология – это своего рода нечто противоположное (более мягко – «другое»), нежели регулятивная психология. В результате такая несинтезированность двух фундаментальных направлений современной психологии негативно отражается на них обоих. Внедеятельностный подход к изучению метакогнитивных процессов порождает и одну из основных «причин для беспокойства» исследователей, работающих в его русле. Ей, как известно, является проблема *экологической валидности* получаемых в нем результатов, то есть таких, которые являются следствием исследований, проводимых на радикально упрощенных по сравнению с реальными, естественными условиями, ситуациях экспериментально-лабораторного плана. При этом возникает вполне обоснованный вопрос о возможностях их переноса и вообще об их конгруэнтности реальным жизненным – деятельностным и поведенческим ситуациям. В конечном итоге, это вопрос и об экологической валидности *всего* эмпирического базиса метакогнитивизма и, соответственно, о валидности и корректности осуществляемых на его основе теоретических обобщений, то есть о его концептуальном содержании. В свою очередь, недостаточный учет психологией деятельности в целом и теорией управленческой деятельности, в особенности, наиболее сложных, то есть именно метакогнитивных процессов ее организации и регуляции существенно обедняет современную психологическую теорию деятельности.

Вместе с тем, одним из важнейших следствий тех результатов, которые получены в метакогнитивизме – при условии, однако, их включения в контекст

деятельностной проблематики, как раз и является обоснование необходимости перехода от традиционных – в значительной мере, упрощенных представлений о процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения к более сложным и адекватным моделям этой регуляции. Последние включают в себя в качестве базовых «составляющих» основные метакогнитивные и метарегулятивные процессы, причем, в их закономерно организованном и структурированном виде. Именно эти процессы и раскрытие их психологического содержания являются ключом для понимания наиболее сложных, комплексных и трудных для изучения механизмов организации деятельности и, прежде всего, механизмов ее осознанной – рефлексивной регуляции [323, 342, 404, 418]. Кроме того, именно их учет создает необходимые условия и для выявления новых уровней организации деятельности, а также для перехода к более общей структуре ее уровневой, иерархической организации. В связи с этим, еще более зримо предстает неестественность и даже парадоксальность сложившейся в настоящее время ситуации, поскольку роль метакогнитивных процессов и качеств личности, как известно, особенно велика и, фактически, беспрецедентна именно в наиболее сложных видах профессиональной деятельности – в первую очередь, именно в управленческой и организационной деятельности. Более того, сама сущность и атрибутивная природа управленческой деятельности как раз и состоит в том, что ведущую и определяющую роль в ней играют процессы и механизмы intersubъектного, межличностного взаимодействия. Однако, как известно, именно они носят, прежде всего, специфически рефлексивный характер, то есть, фактически, неразрывно связаны именно с метакогнитивным контролем за их реализацией. Следовательно, без раскрытия метакогнитивных процессов и механизмов управленческая деятельность в принципе не может быть понята и объяснена с должной степенью полноты и корректности. В силу этого, синтез двух указанных направлений может в значительной степени содействовать интенсификации исследований в каждом из них, а также их переводу на качественно новый и более совершенный уровень их развития. И напротив, отсутствие такого синтеза является в настоящее время очень сильным фактором, затрудняющим и даже блокирующим разработку целого ряда важнейших теоретических и прикладных вопросов в двух отмеченных выше важнейших областях психологического знания.

Данное принципиальное обстоятельство должно быть зафиксировано уже в самом начале анализа и стать в дальнейшем предметом самостоятельного

приоритетного рассмотрения. Действительно, одной из главных особенностей управленческой деятельности является ее принадлежность к деятельности субъект-субъектного класса. В ней коренной трансформации подвержен основной атрибут деятельности – ее предмет. Им выступает не «неодушевленный» объект, а столь специфическая во всех отношениях реальность, каковой является субъект («социальный объект» по Дж. Брунеру [36]), точнее – ряд субъектов и их деятельность. Поэтому общие закономерности метакогнитивных феноменов претерпевают в ней качественную спецификацию. Сама суть ее процессуальной регуляции состоит не в том, чтобы организовать свою индивидуальную деятельность, а в том, чтобы сделать это по отношению к другим деятельности. Поэтому детерминанты организации индивидуальной деятельности руководителя во многом не только лежат вне ее самой, но и локализируются в аналогичной с ней по психологической природе реальности – также деятельности, но других субъектов – исполнителей [1, 65, 69, 72, 92, 97, 114, 152, 176, 242, 246].

В связи с этим, возникает один из главных вопросов психологического изучения управленческой деятельности: каким образом психологические средства и механизмы, заложенные в индивидуальной деятельности и не выходящие за ее пределы, все же оказываются в состоянии управлять «деятельностью других»? Вообще – как одна деятельность (управленческая) может регулировать другую (исполнительскую)? В наиболее общем плане ответ на все эти вопросы коренится, на наш взгляд, в том важнейшем обстоятельстве, что ключевую и определяющую роль в организации управленческой деятельности в целом и процессов мышления в ней, в особенности, объективно играют средства и механизмы метакогнитивного плана. Именно они (и, по-видимому, только они) могут обеспечить решающее условие эффективности любого межличностного, интерсубъектного взаимодействия – учет самими взаимодействующими субъектами основных особенностей и черт – так сказать, «параметров» друг друга. Однако в качестве таких параметров как раз и выступают, прежде всего, особенности собственно психической организации взаимодействующих субъектов – параметры их «внутреннего мира», индивидуальные свойства и пр. При этом само понятие метакогниции существенно расширяет свое содержание, поскольку речь должна идти уже о своего рода интериндивидуальной, то есть социальной метакогниции [396, 401]. Другими словами, метакогнитивные процессы выступают в управленческой деятельности не только и зачастую не столько в ее *интрасубъектном* проявлении, сколько в *интерсубъектной* функции. Она явля-

ется не только регулятором собственной деятельности руководителя, сколько в качестве средства межличностного познания и регуляции интересубъектных взаимодействий. Это – социальная, интересубъектная рефлексия – социорефлексия, а не только личностная рефлексия (ауторефлексия). Следовательно, при реализации управленческой деятельности ведущую роль играют не только и не «просто» рефлексивные и метакогнитивные процессы – в их традиционном понимании, то есть в их *интраиндивидуальной* форме. В данном случае они предстают и в их *интериндивидуальном* бытии. Данное обстоятельство и его осознание открывает широчайшие и практически полностью нереализованные пока возможности для синтеза теории деятельности с еще одним крупным психологическим направлением – с *социальным метакогнитивизмом* [396, 401].

Таким образом, можно видеть, что специфика и даже уникальность деятельности управленческого типа состоит в том, что по отношению к ней можно говорить не только о психологии ее *субъекта*, но и о *психологии ее объекта*. Сами субъект-объектные взаимодействия, образующие суть любой деятельности, приобретают в ней характер межличностных, *интерсубъектных* взаимодействий. При этом главным условием их эффективности является то, насколько полно и точно в этих взаимодействиях будут учитываться именно особенности собственно психологического плана – особенности, характеризующие субъективную (а не объективную) реальность. Вместе с тем, основным средством, позволяющим обеспечить это, как раз и являются те процессы и качества, средства и стратегии, которые носят собственно метакогнитивный характер и которые лежат в основе любого межличностного, то есть собственно рефлексивного плана. Складываясь и формируясь исходно как средства самопрезентации своего внутреннего мира, они, однако, выступают и в качестве средств, на основе которых происходит репрезентация психологических особенностей и характеристик «других людей» – в частности, подчиненных, управляемых. При этом, однако, как уже отмечалось, они приобретает дополнительную специфику, и становятся, во-первых, средствами социальной метакогниции, а во-вторых, проявлениями своего рода *практической метакогниции* [467].

Следовательно, вся психическая регуляция данной деятельности, в первую очередь, основывается именно на средствах такого рода, а сами метакогнитивные процессы и качества выступают в ней определяющими. Они составляют ее иерархически высший уровень, поскольку позволяют адекватно учесть и реализовать в деятельности ее основные детерминанты, носящие, в свою оче-

редь, принципиально внутренний, собственно психологический характер. При этом следует обязательно учитывать еще одно обстоятельство. Эффективность данной деятельности непосредственно зависит от того, насколько полно и точно, корректно и достоверно, то есть адекватно такого рода средства позволяют реализовать именно это – восприятие и учет в деятельности факторов субъективного, собственно психологического плана. Однако, именно для этого необходима опора не на тот или иной – какой-либо локальный фрагмент общего метакогнитивного арсенала субъекта, а на *весь* этот арсенал. Все это опять-таки демонстрирует объективную и весьма настоятельную необходимость включения, по существу, всей проблематики метакогнитивизма в контекст психологии управления. Данное – принципиальное обстоятельство, однако, не только может, но и должно быть подвергнуто более детальному и дифференцированному анализу, что и составит основной предмет рассмотрения в этой главе.

Действительно, уже с самых первых шагов такого анализа весьма отчетливо предстает следующее – наиболее общее и важное в плане основных задач данной работы обстоятельство. В рамках обоих рассматриваемых здесь направлений постепенно складываются и становятся все более явными и настоятельными предпосылки для того, чтобы они максимально полно и широко ассимилировали результаты друг друга. По существу, это – необходимость в их взаимной конвергенции, которая, будучи достаточно очевидной уже сегодня, является наиболее перспективной в плане дальнейшего развития их обоих и может дать им новый ощутимый импульс для развития. Вместе с тем, для того, чтобы придать данному положению необходимую степень обоснованности и конкретности, его, естественно, следует подвергнуть детализации и наполнению содержательными аргументами. В этих целях представляется целесообразным вначале рассмотреть те особенности и тенденции развития, которые присущи современному состоянию психологии управленческой деятельности и которые вскрывают необходимость ее обращения к проблематике метакогнитивизма, а также его основным результатам. Затем следует проанализировать те особенности и тенденции, которые присущие сегодня самому метакогнитивизму и которые также эксплицируют необходимость включения в его сферу результатов, полученных в психологии деятельности в целом и управленческой деятельности, в особенности.

Обращаясь к рассмотрению этих задач, следует, однако, сразу же констатировать обстоятельство, в значительной степени затрудняющее их решение и в

особенности очевидное по отношению к первой из них. Оно состоит в том, что объем материалов, который необходимо привлечь к анализу, направленному на ее решение, очень велик и, фактически, является труднообозримым. В силу этого, в ходе представленного ниже анализа наиболее целесообразно сконцентрировать внимание на наиболее *репрезентативных* данных, которые, будучи значимыми сами по себе, в то же время, являются наиболее представительными для всей рассматриваемой проблемы в целом. Наконец, для того, чтобы придать всему анализу по возможности структурированный характер, он будет проведен дифференцированно – в соответствии с тремя основными компонентами известной «формулы деятельности» – ее *субъектом, объектом и процессом* их взаимодействия, то есть с самой деятельностью. При этом, следуя императивам, сложившимся в методологии психологического анализа деятельности, вначале будет рассмотрен наиболее эксплицированный компонент этой «формулы» – сам процесс деятельности, затем – ее объект и, наконец, анализу будет подвергнут наиболее сложный компонент – субъект данной деятельности.

Действительно, именно при обращении к первому из указанных компонентов данной «формулы» – к процессу деятельности управленческого типа с высокой степенью очевидности и рельефности выявляется обстоятельство наиболее принципиального плана. Несмотря на достаточно выраженную вариативность в подходах к ее изучению, существует и такой, который является не только наиболее общим, но и наиболее традиционным и ранним в историческом плане. Более того, именно с него, собственно говоря, и началось развитие направления «научного управления» как такового. Это, разумеется, классический или – функциональный подход, сформулированный в школе «административного направления» А. Файолем [363]. И хотя современная теория управления в целом и психология управленческой деятельности, в частности, характеризуются уже существенно иным уровнем развития по сравнению с этими исследованиями, тем не менее, представления о системе управленческих функций как о «ядре» этой деятельности (и всего управления в целом) сохраняют свою актуальность и поныне. При исследовании каждой из них (функций целеполагания, прогнозирования, принятия решения, мотивирования, планирования, контроля и др.) к настоящему времени накоплен огромный эмпирический материал, сформулированы многочисленные и очень важные теоретические положения [1, 3, 22, 23, 27, 35, 38, 45, 50, 55, 52, 66, 70, 72, 75, 81, 84, 93, 96, 154, 168, 182, 190, 194, 217, 250, 251, 256, 260, 273, 303, 309, 310, 328, 278, 476 и мн. др.].

Наиболее характерным и показательным для всех этих исследований является то, что через них «красной нитью» проходит положение о важнейшей роли и определяющем для их реализации значении факторов и детерминант, средств и механизмов собственно рефлексивного плана. Данное обстоятельство в общем виде уже было зафиксировано выше, в силу чего теперь его необходимо детализировать и дополнить их другими – также важными в плане задач данной работы результатами. При этом следует принимать во внимание, что общая совокупность управленческих функций является достаточно обширной, поскольку, наряду с «классическими» – административными функциями, в настоящее время дифференцируется еще целый ряд их групп (в частности, группы кадровых, производственно-технологических и производных – комплексных функций). В силу этого, их полный анализ является не только вполне самостоятельной, но и очень объемной задачей. Поэтому ниже мы рассмотрим, разумеется, не все функции, а лишь те, которые, являясь основными и определяющими, в то же время, выступают как наиболее репрезентативные для решения данной задачи.

Так, данное обстоятельство со всей очевидностью вскрывается при обращении уже к самой первой из традиционно дифференцируемых управленческих функций – к функции *целеполагания* (целеобразования), которая, фактически, неразрывно связана с рефлексивными процессами и механизмами. При этом, как известно, наиболее общим является следующее положение: охотнее всего человек делает то, на что решился самостоятельно. Перед руководителем стоит непростая задача – так поставить перед подчиненным цель, чтобы он воспринимал ее как свою собственную и действовал с инициативой и творческим подходом. Умение встать на точку зрения другого, предсказать его реакцию – это одно из определяющих профессионально-важных качеств руководителя. В общетеоретическом плане данное положение зафиксировано в важной закономерности теории менеджмента в целом и психологии управления, в частности, – в феномене так называемых добровольных («своих») и принудительных («чужих», навязанных – «involing») целей [144]. Он состоит в том, что именно первые являются важнейшей предпосылкой для существенно большей эффективности любой деятельности в том числе – и исполнительской. Однако именно они сопряжены с гораздо большими трудностями организационного плана, поскольку обуславливают принципиальные сложности их согласования (именно как добровольных, то есть преимущественно индивидуальных и потому – мно-

жественных и разнородных) с общеорганизационными целями и задачами. Вторые – принудительные цели, напротив, гораздо менее эффективны в плане результативности деятельности; однако они более реализуемы и просты в плане постановки. Тем самым возникает одно из наиболее острых противоречий теории менеджмента – между эффективностью и реализуемостью этих двух типов целей. В силу этого, для преодоления данного противоречия разработан ряд средств и приемов, позволяющих трансформировать «принудительные» цели в «добровольные», а тем самым – снять его и «примирить» индивидуальные и общеорганизационные интересы, равно как и существенно повысить эффективность исполнительской деятельности [151, 214]. Однако, наиболее характерно, что все эти приемы базируются на средствах и приемах собственно рефлексивного плана. В частности, таковым является один из наиболее действенных приемов – прием формирования так называемых квазидобровольных целей [248, 286]. Он, как известно, предполагает реализацию определенных приемов (в том числе, и манипулятивного типа), направленных на то, чтобы обеспечить такую форму постановки цели перед исполнителями, при которой она представлялась бы им «своей» – сформулированной ими самими, хотя, в действительности, она навязывается им извне – со стороны руководителя. При этом исполнителю (исполнителям) кажется, что они сами предлагают ту или иную цель, хотя на самом деле, такое «предложение» направляется и управляется извне – руководителем посредством различных средств и приемов [286].

Кроме того, по отношению к функции целеполагания необходимо отметить обстоятельство еще более общего и принципиального характера. Оно состоит в том, что постановка целей перед другими объективно предполагает обязательный учет всего комплекса характеристик этих «других» и, следовательно, наличие средств и процессов, позволяющих осуществить распознавание и понимание руководителем этих характеристик. Они, в свою очередь, не могут быть никакими иными, кроме как рефлексивными по своей сути. Наконец, реализуя функцию целеполагания (впрочем, равно как и все иные функции) руководитель столь же объективно и по вполне естественным причинам опирается на собственный опыт целеобразования в своей индивидуальной деятельности. При этом, разумеется, определяющим условием такой опоры является степень осознанности и обобщенности индивидуального «опыта целеобразования», равно как и тех приемов, которые были выработаны ранее, позитивно зареко-

мендовав себя. Понятно, что в основе фиксации, обобщения и генерализации этого опыта также во многом лежат рефлексивные средства и механизмы.

Далее, пожалуй, с еще большей очевидностью и, по существу, с максимальной степенью выраженности необходимость в опоре на средства и приемы, процессы и механизмы рефлексивного плана эксплицируется в плане следующей и также базовой управленческой функции – *мотивирования*. Как известно, она служит для обеспечения заинтересованности подчиненных в выполнении работ в соответствии с делегированными правами и обязанностями. При этом основной и магистральной тенденцией развития организаций, равно как и социума в целом выступает необходимость дополнения «физических» и сугубо материальных методов повышения заинтересованности в работе (таких, например, как денежное вознаграждение) пониманием мотивации как процесса создания внутреннего побуждения к деятельности в результате актуализации многих потребностей работника. В связи с этим руководитель вынужден изучать своих подчиненных, для чего необходимы навыки восприятия состояния человека, его личностных характеристик, мотивационной направленности, интересов, интерпретации поведения в разных ситуациях. Для адекватного понимания другого человека руководителю объективно нужны и приобретенные с опытом навыки диагностики, и рефлексивные способности, являющиеся одним из его основных профессионально-важных качеств [46, 57, 63, 88, 96, 121, 130, 156, 169, 192, 235].

Наряду с этим, необходимо, конечно, учитывать, что эффективность организационного функционирования существенно зависит и от авторитета руководителя. В свою очередь, одна из определяющих черт любого авторитетного руководителя – способность управлять другими людьми через влияние собственной личностью, а это неразрывно связано с саморефлексией, с осознанием своих возможностей и компетенции, пониманием того, что ожидают окружающие, способностью самоподачи. Наконец, реализация функции мотивирования предполагает еще более общее и, по существу, определяющее условие. Это – знание руководителем основных категорий мотивирующих и стимулирующих факторов; умение адаптировать их под специфику руководимого им контингента, что, в свою очередь, опять-таки предполагает их рефлексивную оценку с его стороны и, соответственно, необходимость опоры на средства и механизмы рефлексивного (точнее, социорефлексивного) плана.

Далее, при реализации еще одной и также очень важной функции – *принятия решений* руководителю приходится перебирать множество вариантов потенциальных действий в целях нахождения оптимального решения. Как правило, осуществляется когнитивное моделирование ситуации и вариантов выхода из нее, предполагающее несколько альтернативных решений. Принимая решение, руководитель выбирает, что и как планировать, какими средствами и способами выполнять деятельность, как замотивировать работников и как произвести контроль и коррекцию. Все эти действия с необходимостью предполагают наличие развитых рефлексивных способностей. Кроме того, следует учитывать, что по-настоящему эффективным является не такое управление, при котором происходит выработка решений в уже возникших ситуациях, а такое, которое предвидит возникновение необходимости принимать решение и так планирует работу в организации, чтобы устранить саму потребность в решении. Реализация такого опережающего управления (проактивного менеджмента [365, 378]), естественно, требует высокого уровня развития рефлексивных, то есть метакогнитивных по своей сути способностей.

Наряду с этим, следует обязательно учитывать, что реализация функции принятия решений имеет в условиях управленческой деятельности очень ярко выраженную специфику. Будучи глубоко индивидуальной по механизмам своей реализации, она, в то же время, является столь же выражено интериндивидуальной по ее «предмету» – по тому, на что, точнее – на кого она направлена [33, 55, 133, 144, 178]. Им является сама организация, а процесс принятия решения приобретает уже не индивидуальный, а групповой характер. Кроме того, не менее очевиден и важен тот факт, что и сам процесс их выработки также очень часто строится по типу групповых решений. В связи с этим, в управленческой деятельности возникает целый спектр очень важных феноменов, являющихся сходными по своей направленности и смыслу. Реализуя функцию принятия решений в условиях группового функционирования, руководитель – вольно или невольно, но совершенно объективно сталкивается с целым рядом очень характерных именно для групповых решений феноменов так называемого «решенческого плана». К ним относятся, в частности, такие фундаментальные по своему характеру и значению феномены, как явление «позитивного сдвига риска» (risky shift) Р. Стоунера [468], феномен «огруппления мышления» (groupthink) Д. Яниса [394]; феномен «обратного мышления» (hindsight) Б. Фишхоффа [367]; эффект объема (size-effect) и эффект состава (assembly-effect) [186] и др. В свя-

зи с этим, очень важно зафиксировать следующий – полученный эмпирически факт, точнее – закономерность достаточно общего и важного плана. Как показывают исследования, в том числе и наши, руководитель, благодаря средствам рефлексивного характера, может осознанно фиксировать их – так сказать распознавать и «улавливать» их, а затем *использовать* в качестве средств и приемов, способствующих реализации функции принятия решения. Необходимо особо подчеркнуть, что в основе всего этого лежит механизм, подробно охарактеризованный в разрабатываемом нами структурно-феноменологическом подходе к исследованию метакогнитивной сферы личности. Его суть состоит в трансформации феноменов из их первичной формы – как *явлений* во вторичную форму – в операционные *средства* реализации деятельности [118, 119, 125]. Вследствие такой трансформации они выступают уже не как «сопутствующие явления», а как операционные составляющие, то есть как структурные компоненты деятельности. Наиболее важным в свете проводимого здесь анализа является то, что такая трансформация объективно базируется на средствах и приемах собственно рефлексивного, то есть, фактически, именно метакогнитивного плана. Данное обстоятельство, в свою очередь, объясняется тем, что все «решенческие» феномены должны быть вначале распознаны и осознаны – рефлексивно зафиксированы; лишь затем и на основе этого они могут быть реализованы в качестве собственно операционных средств организации выработки групповых решений.

Чрезвычайно важна роль средств и процессов собственно рефлексивного плана при реализации еще одной основной функции управления – *контрольной*. Причем, эта роль имеет целый ряд аспектов и проявлений, которые взаимодополняют друг друга. Среди них особо выделяется тот аспект, который связан с выбором и реализацией санкций за невыполнение и (или) неэффективное выполнение их обязанностей. При этом, как известно, существует фундаментальная дифференциация всех исполнителей на две группы [19, 385]. К первой относятся те лица, которые более сензитивны к «позитивному подкреплению». Это означает, что они дают существенно бóльший прирост результативности, то есть в большей степени реагируют при условии того, что их поощряют за достижения, а не порицают (и, тем более, – наказывают за ошибки). Вторая группа, наоборот, включает тех лиц, которые более сензитивны к «негативному подкреплению». Они дают бóльший прирост результативности при условии того, что по отношению к ним применяются санкции отрицательного плана за

ошибки. В силу этого, руководителю крайне важно обладать способностью к распознаванию в своих подчиненных их принадлежности к тому или иному типу и, соответственно, к использованию по отношению к ним лишь тех контрольно-санкционных мер, которые релевантны ему. Однако именно это и предполагает наличие аналогичных по своей природе, то есть собственно рефлексивных приемов и средств, позволяющих реализовать такое распознавание. При этом сама рефлексия здесь опять-таки выступает в своей специфической форме – не как саморефлексия, а как социорефлексия. В данной связи опять-таки очень показательным, что и в самом метакогнитивизме к настоящему времени оформился целый ряд семантически сходных с названием контрольной функции понятий – понятий *метакогнитивного контроля*, *метакогнитивного мониторинга*, а также более новых понятий – *agency*, *judgments of agency* [352, 356, 424, 428, 448, 456, 467] и др. Сформулированы представления и о «*контроле за контролем*», то есть о своего рода *метаконтроле*, который наиболее специфичен именно управленческой деятельности. Все это в очередной раз убедительно демонстрирует важность и даже необходимость рассмотрения основных аспектов метакогнитивной психологии, в том числе, – ее феноменологического направления именно в структуре управленческой деятельности [118, 125].

Разумеется, можно и далее продолжать анализ роли и места рефлексивных аспектов в реализации управленческих функций. Однако, гораздо важнее, на наш взгляд, подчеркнуть обстоятельство наиболее общего и принципиального плана: рефлексивность, являясь определяющим фактором эффективной реализации практически всех основных управленческих функций в целом, оказывает очень существенное влияние как на процессуальные аспекты деятельности, так и на ее итоговые результаты. Вынесенные на осознаваемый уровень рефлексивные операции по их реализации существенно повышают эффективность управленческой деятельности. Однако сами они, в свою очередь, формируются на базе рефлексии, то есть на основе всех тех средств и механизмов, которые носят собственно метакогнитивный характер. Вообще говоря, в литературе, посвященной психологическим аспектам управленческой деятельности, стало «общим местом» указание на важность исследования рефлексивных процессов в управленческой деятельности, связанной с руководством [1, 3, 11, 69, 71, 79, 169, 178, 192, 196, 242, 248, 255, 286, 305, 310, 448]. Это превратилось, фактически, в одну из «аксиом» теории управления в целом и психологии ме-

неджмента, в частности. Однако, именно это – предельно общий и, по существу, фундаментальный характер данного положения делает его особо важным и в плане анализируемых здесь вопросов. Он показывает, что, действительно, средства и приемы, процессы и механизмы собственно рефлексивного (и, следовательно, метакогнитивного) плана играют не просто важную, но и, по существу, определяющую роль в реализации всех основных управленческих функций. Они обладают известными в теории менеджмента свойствами «вездесущести» и «распределенности» по всей системе этих функций (Дж. Мексон и др. [190]); характеризуются проникновением во все ее важнейшие и притом – наиболее сокровенные стороны. Все это, повторяем, хорошо и достаточно давно осознается исследователями, работающими в русле изучения управленческой деятельности, что является в принципе очень позитивной особенностью современного состояния исследований в данной области. Однако другой, но уже преимущественно негативной чертой является другое – тесно связанное с предыдущим обстоятельство. Оно состоит в том, что, к сожалению, нередко в исследованиях управленческих функций имеет место просто *констатация* «важности рефлексивных средств и механизмов» и указание на то, что они «имеют место» при их реализации. При этом полагается, что только этого уже достаточно для выяснения и, главное, объяснения того, как именно действуют сами эти рефлексивные средства и механизмы, каковы имеющие при этом место психологические закономерности. Другими словами, имеет место то, что можно обозначить как *рефлексивный редукционизм*: сама по себе ссылка на рефлексивные аспекты управления рассматривается как достаточное объяснительное средство, являющееся, в действительности, квазиобъяснительным.

По нашему мнению, – именно в свете современного состояния исследований по данной проблеме и основных тенденций их развития – необходимо отказаться от такой упрощенной точки зрения и учитывать следующее очень важное обстоятельство. Дело в том, что рефлексивные средства и приемы, процессы и механизмы, реализуемые при осуществлении основных управленческих функций и, действительно, имеющие определяющее значение для их эффективности, сами должны быть раскрыты и объяснены, дифференцированы и проинтерпретированы. Они должны стать не только самостоятельным, но и основным предметом изучения. Очень важно, что интерпретация и объяснение такого рода не только необходима, но и реально возможна именно на основе обращения к тем данным, которыми располагает в настоящее время метакогни-

тивизм. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты, конкретизирующие это общее положение. Так, прежде всего, согласно представлениям, сложившимся в нем, именно метакогнитивные процессы как раз и рассматриваются в качестве основных «составляющих», то есть *парциальных компонентов* самой рефлексии. Следовательно, на основе их исследования в целом и их изучения в контексте управленческой деятельности, в особенности, открывается прямой путь к выяснению главных закономерностей и механизмов самой рефлексивной регуляции управленческих функций. Другими словами, дальнейший прогресс исследований в области рефлексивной обусловленности управленческих функций объективно предполагает использование существующих материалов о специфике метакогнитивных процессов (и иных метакогнитивных регуляторов деятельности) в психологии управления, а в еще более общем плане – синтез психологии управления с современным метакогнитивизмом.

Далее, как показал проведенный анализ, очень острой является и необходимость в более дифференцированном, а одновременно и существенно более корректном понимании самой рефлексии. Дело в том, что при исследовании профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности, с особой отчетливостью предстает необходимость дифференциации рефлексии на собственно когнитивную и иную по ее функциональной направленности форму – *регулятивную* рефлексию. Однако, именно эта дифференциация, также является одной из традиционно исследующихся в метакогнитивном направлении, а данные, полученные при этом, должны составить основу для развития исследований в психологии управленческой деятельности.

Кроме того, столь же важна и специфична для управленческой деятельности еще одна дифференциация рефлексии – на саморефлексию (ауторефлексию) и социорефлексию, а также опора на те результаты, которые получены именно в метакогнитивизме и которые вскрывают качественные различия в процессуальном обеспечении и личностных детерминантах этих двух типов рефлексии [344, 357, 359, 374, 425]. Другими словами, все это демонстрирует следующее обстоятельство наиболее общего и принципиального плана. Раскрытие содержания и специфики, структуры и организации основных управленческих функций, а в целом – и дальнейший осязаемый прогресс в данной области, по существу, уже невозможен на основе простой *констатации* «важности и нужности» рефлексивных средств. Он предполагает существенно более детализированное и дифференцированное *исследование* самих этих средств, ко-

торое, в свою очередь, возможно лишь на основе данных, полученных в современном метакогнитивизме. Другими словами, управленческая рефлексия – это не столько *объяснительное средство* исследования, сколько его *предмет*.

Наконец, в еще более общем плане можно сделать следующее заключение. Анализ управленческой деятельности в аспекте одного из трех главных компонентов деятельностной «формулы» – самого процесса ее реализации (который как раз и представлен по отношению к ней как совокупность основных управленческих функций) приводит к настоятельной необходимости включения в сферу ее изучения тех данных, которыми располагает метакогнитивизм. Более того, он вскрывает не вполне естественный характер сложившейся к настоящему времени ситуации, при которой основные управленческие функции, являющиеся глубоко рефлексивными по своим механизмам, все еще исследуются практически вне и помимо тех достижений и традиций, которые сложились в рамках самого метакогнитивизма. В результате этого те новые и новейшие данные, которые, действительно, уже получены в нем, остаются явно недостаточно востребованными психологией управленческой деятельности. В частности, дополняя уже рассмотренные выше материалы, свидетельствующие об этом, можно отметить еще один их показательный аспект. Так, одно из основных понятий психологии управления – понятие индивидуальной управленческой *концепции* с необходимостью включает в свой состав особую разновидность профессиональных знаний – не только декларативного, но и *процедурального* плана [139, 159]. Они и представляют собой именно то, что обозначается в метакогнитивизме как «знания о знаниях» (точнее – знания о том, как оперировать со знаниями и реализовывать их практически); это – специфически *метакогнитивные знания*. Они, фактически, и составляют опыт как таковой (прежде всего, в его важнейшей части – в плане так называемой индуктивно-выработанной «составляющей»).

Наряду с этим, при характеристике роли рефлексивных аспектов процесса управленческой деятельности, необходимо учитывать и еще одну ее важную сторону, связанную с ее орудийно-инструментальным содержанием. Этим содержанием, как известно, выступает система коммуникаций, общение как таковое – во всех его формах, проявлениях и средствах. Если по отношению ко многим иным видам деятельности (или даже к подавляющему большинству) общение играет, хотя и важную, но все же обслуживающую, вспомогательную, роль, то в управленческой деятельности оно становится именно основным ме-

ханизмом, главным средством и инструментом ее реализации. При общей характеристике коммуникативной функции в теории и психологии менеджмента, как известно, используются следующее положение. Будучи важной, сама по себе коммуникативная функция встроена в реализацию всех иных управленческих функций; она выступает средством их реализации, а также взаимной координации. Поэтому коммуникативная функция, наряду с функцией принятия решения, как отмечается в литературе [154, 190, 422], рассматривается в качестве «связующего процесса» в организациях. Это положение со всей очевидностью иллюстрирует тот факт, что именно коммуникации руководителя, система его межличностных взаимодействий, общение в его различных формах и проявлениях – все это и есть не только основной, но и наиболее специфический способ реализации совокупности иных управленческих функций. Это основной «канал» и главная система средств реализации управленческой деятельности в целом. Причем, роль коммуникации и общения настолько специфична и важна, она настолько выделяется среди всех иных инструментальных средств, что иногда, фактически, ставится знак равенства между системой управленческих коммуникаций и деятельностью в целом [385].

Действительно, ведущая, можно сказать – исключительная роль общения как инструментального средства вообще характерна для деятельностей субъект-субъектного типа в целом. Однако именно для управленческой деятельности данное положение приобретает максимальную выраженность. Сущность управленческой деятельности, как уже отмечалось, состоит в том, что руководитель не должен непосредственно реализовывать конечные инструментальные функции («производить что-либо»). Он должен участвовать в этом опосредствованно – через систему субъект-субъектных контактов и взаимодействий. Как отмечается в [373] «сущность управления состоит в выполнении работы руками других людей». В силу этого, фактически, складывается такое положение, при котором общение и система коммуникаций берет на себя все функции, и вообще – все содержание деятельности управленческого типа. Коммуникации становятся *превращенной формой* деятельности, в которой последняя реально презентуется как самому руководителю, так и подчиненным.

Все эти особенности управленческой деятельности вновь эксплицируют определяющую и, можно сказать, – исключительную роль в ее организации особой категории процессов и механизмов – рефлексивных. Действительно, поскольку формой ее реализации в значительной мере становится система комму-

никативных взаимодействий, то ее успешность во многом зависит, прежде всего, от эффективности этих взаимодействий, реализующихся практически исключительно посредством опоры на коммуникацию, общение. В свою очередь, эффективность коммуникаций определяется двумя основными факторами – коммуникативной компетентностью и коммуникативными способностями. В данном контексте особый интерес представляет второй из них – коммуникативные способности. В состав коммуникативных способностей входят такие личностные качества, как экстравертированность, открытость (в том числе и когнитивная), эмоциональность, проницательность, экспрессивность, адекватная социальная перцепция и др. Однако главную роль в обеспечении коммуникативной способности как интегративного качества играют те процессы, которые относятся к категории коммуникативных (точнее – высокий уровень их развития). Они настолько тесно смыкаются с коммуникативными способностями, что их можно и нужно рассматривать и как собственно процессы, и как качества личности. Основными среди них являются следующие процессы и формирующиеся на их основе личностные качества [129, 301, 320, 324, 432]. Во-первых, эмпатия как особый способ понимания внутреннего мира другого, основанный не столько на рациональном его осмыслении, сколько на стремлении эмоционально откликнуться и вникнуть в его проблемы. Во-вторых, идентификация как коммуникативный процесс, означающий уподобление себя «другому», ситуативное отождествление себя с другим. В-третьих, тесно связанные с ней процессы децентрации и проекции. В-четвертых, это более комплексные функциональные образования, также неразрывно связанные с реализацией управленческих коммуникаций – процессы атрибуции, аттракции и аффилиации.

Рассмотренные процессы, обеспечивающие коммуникативные взаимодействия в управленческой деятельности и соотносящиеся с коммуникативными способностями, имеют фундаментальную общую особенность. Она состоит в том, что все они базируются на рефлексии как процессе и рефлексивности как свойстве личности – как способности. Одновременно существует и «встречное» движение: мера их развития активно влияет на степень рефлексивности. Все это вновь вскрывает определяющую роль механизмов рефлексивной регуляции в управленческой деятельности. Вместе с тем, в свете этого с очевидностью вскрывается и еще одно обстоятельство, также имеющее принципиальное значение для проводимого здесь анализа. Практически все указанные выше процессы, лежащие в основе управленческой коммуникации, являются глубоко

рефлексивными по своей сути и по своим механизмам, равно как и по их личностным детерминантам, то есть тем индивидуальным качествам личности, которые лежат в их основе. Более того, эта связь настолько естественна и глубока, многогранна и органична, что в ряде случаев имеет место вообще «смешение» таких понятий как рефлексивность и эмпатичность, социорефлексивность и проницательность и т.п. Следовательно, и этот – так сказать собственно коммуникативный аспект управленческой деятельности также с необходимостью и очевидностью требует обращения к данным, которыми располагает направление, являющееся лидером в области исследования рефлексивных процессов. Им как раз и выступает направление метакогнитивизма. Подчеркнем, что при этом вновь выявляется необходимость в синтезе двух базовых направлений психологических исследований – психологии управления и метакогнитивизма, о котором уже не раз говорилось выше.

Наконец, завершая рассмотрение рефлексивных компонентов управленческой деятельности в аспекте ее собственно процессуальной организации, необходимо отметить еще и положение наиболее общего и принципиального порядка. Как известно, в теории управления достаточно давно сложилось и стало одним из основных направлений, обозначаемое обычно как течение *рефлексивного управления* [69, 151, 169, 411]. И хотя оно является очень разнородным и многоаспектным, гетерогенным и даже несколько аморфным по своим концептуальным основаниям и конкретным подходам, ему присуща одна важная общая особенность. Она, собственно говоря, и зафиксирована в самом его названии – рефлексивное управление. Его смысл состоит в том, что в нем зафиксировано важнейшее положение, согласно которому в управлении как феномене имеет место не просто взаимодействие тех или иных сущностей, а такое взаимодействие, которое разворачивается именно в межличностном, интериндивидуальном плане. Другими словами, это взаимодействие не только сложных или даже – суперсложных систем, а таких, которые обозначаются понятием *рефлексивных систем* [196, 271]. Здесь, конечно, не место вдаваться во все – многочисленные и очень детально охарактеризованные в соответствующей литературе особенности систем такого типа, равно как и тех феноменов, которые возникают в ходе их взаимодействия. Отметим лишь наиболее принципиальный факт того, что управленческая деятельность – это частный случай общего феномена рефлексивного управления со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В собственно психологическом плане одним из конкретных направлений этого – по существу, междисциплинарного течения является так называемое игротехническое или организационно-игровое направление. Как известно, в нем применяются специальные методики и процедуры рефлексивного «выращивания» новых знаний и культурных образцов поведения вместе с участниками игр [69, 151, 169, 264]. Именно на рефлексивных процессах основан эффект проведения инновационных игр, которые своим ходом, содержанием и своим результатом имеют рефлексивные процессы. Все это предполагает высокий уровень саморефлексии, который формируется в групповом осознании, осмыслении и переосмыслении своих профессиональных и личных возможностей. Каждый руководитель проходит такие «критические точки», которые так или иначе осознаются, осмысливаются и переосмысливаются им как реализация своих возможностей в различных организационных эффектах. Тем самым он включается в процесс рефлексивного управления собственным поведением, которое можно смоделировать по специальным обучающим методикам.

Кроме того, в рефлексивном управлении предполагается такое переосмысление деятельности руководителя, в котором сочетаются пять взаимосвязанных процессов [89, 151, 169]. 1. Преобразование прямых управленческих воздействий в кооперационно-партнерскую систему обратных связей, которые могли бы работать не по сиюминутным, а по долговременным интересам, что помогало бы сохранять их устойчивость. 2. Перевоплощение руководителя, а также его сотрудников в такие роли, которые расширяют и обогащают внешние и внутренние контакты. 3. Переоценивание на этой основе своих обязанностей, возможностей и мотивов в меняющихся ситуациях партнерского взаимодействия. 4. Переструктурирование управленческих отношений руководителя в новую организацию совместного делового партнерства по долговременным интересам и конечным результатам. 5. Переакцентировка руководителя с одной системы управленческих ценностей на другую, которая закрепляет новые способы его поведения. Отмеченная выше достаточно репрезентативная иллюстрация рефлексивного подхода к управлению рельефно демонстрирует определяющую роль рефлексивных процессов и механизмов для понимания управленческой деятельности в целом. Однако именно это же обстоятельство не только позволяет, но и заставляет пойти «на шаг» дальше и попытаться раскрыть основные закономерности уже не рефлексивного управления как такового, а самой реф-

лексии как того, что и делает его возможным, то есть лежит в его основе и является его онтологической базой.

В свою очередь, это можно сделать лишь на основе учета и использования данных, полученных в настоящее время в том направлении, которое и является лидером в данной области – в метакогнитивизме. Именно в нем, как уже отмечалось выше, осуществляется дифференцированное, то есть конкретно-научное исследование самой рефлексии в аспекте ее основных «составляющих» – метакогнитивных процессов, а также других средств и механизмов метакогнитивного и метапознавательного плана. В частности, исследования последнего времени показывают, что связь между рефлексивностью и управленческой деятельностью, в действительности, является существенно более сложной и комплексной, неоднозначной и зачастую противоречивой, нежели это полагалось ранее. Так, например, показано, что «рефлексивный руководитель» отнюдь не всегда оказывается эффективным: при относительно наиболее высоких значениях уровня развития рефлексивности имеет место значимое снижение результативных параметров управленческой деятельности [128]. Показательно также, что аналог данного феномена, а одновременно – и одна из его причин зафиксирован в метакогнитивизме в понятии «*metacognitive loop*» (дословно – «*метакогнитивная петля*» [119, 424, 428, 440]). Ее сущность заключается в негативном – контрпродуктивном или даже ингибиторном воздействии высокой рефлексивности и тем более – гиперрефлексивности не только на продуктивность когнитивных процессов, но и на эффективность деятельности в целом, прежде всего, управленческой. Данное обстоятельство вновь демонстрирует настоятельную необходимость синтеза проблематики метакогнитивизма и управленческой деятельности.

Вместе с тем, очень характерно и показательно, что необходимость в таком синтезе в целом и в обращении психологии управленческой деятельности к данным, которыми располагает метакогнитивное направление, в особенности, с высокой степенью отчетливости выявляется не только при анализе этой деятельности в аспекте ее процессуального развертывания. Такая необходимость с не меньшей очевидностью выявляется и в аспекте другой ее основной «составляющей» – ее *предмета*. Более того, эта необходимость предстает как еще более настоятельная и, фактически, как носящая императивный характер. Следует учитывать также, что именно предмет выступает тем главным – основным и определяющим атрибутом, который лежит в основе конституирования деятель-

ности как таковой, равно как и в основе ее дифференциации на виды и типы, классы и формы. В наиболее общем плане это связано с принадлежностью данной деятельности к классу субъект-субъектных видов деятельности. Именно в них наиболее радикальной трансформации (по сравнению с субъект-объектными видами) как раз и подвергается этот – основной и определяющий атрибут деятельности. Сама суть любой управленческой деятельности и ее психологическая природа – просто по определению – состоит в том, что деятельность руководителя разворачивается как процесс взаимодействия не с *объектом* в привычном понимании. Она осуществляется как взаимодействие с аналогичной самому субъекту и «равномощной» ему системой – с другими *субъектами* (с членами организации, группы, а также с их деятельностями). Следовательно, сама управленческая деятельность разворачивается как своеобразная «деятельность с деятельностями», как деятельность по организации других деятельностей, то есть как деятельность «второго порядка» [131].

Это, в свою очередь, имеет два главных следствия. Во-первых, любая деятельность управленческого типа раскрывается как принципиально совместная. Вместе с тем, процесс совместной деятельности реализуем лишь в том случае, если каждый индивид, включенный в нее, осознает (хотя бы в минимальной степени) сам факт своего принципиального подобия с иными – также включенными в деятельность, индивидами. Он отдает отчет в факте идентичности базовых черт своей и «чужой» психики, а, следовательно, – в возможности адекватного учета особенностей последней в своих действиях. По существу, это и есть один из аспектов рефлексирования, один из рефлексивных механизмов организации совместной деятельности. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «уже не только принципиальная возможность адекватного взаимодействия с другими, но также и конкретные способы, стратегии такого взаимодействия опять-таки базируются на рефлексивных свойствах и процессах. Благодаря им, происходит не только дифференциация – выделение индивидуального субъекта («Я сам»), но и становится возможной их последующая интеграция в рамках коллективного субъекта («Мы вместе»). Точно так же, как сознание в целом и рефлексия, в частности, являются высшими интеграторами индивидуального субъекта, рефлексивные взаимодействия являются основой и главным механизмом интеграции коллективного субъекта. Благодаря рефлексии достигается и «склейка», синтез коллективного субъекта как моносубъекта из исходной полисубъектности совместной деятельности» [132, с. 401]. Рефлек-

сия поэтому в еще большей и явной форме, чем в индивидуальной деятельности, является средством интеграции – структурирования и даже конституирования коллективного субъекта совместной деятельности.

Во-вторых, принадлежность управленческой деятельности к субъект-субъект-ному классу, имеет еще одно следствие. Объектом управленческой деятельности руководителя становится специфичнейшая во всех отношениях реальность; ей выступает совокупность управляемых субъектов: она *одновременно* является и реальностью объективной и реальностью субъективной. Предметом деятельности становится столь специфический внешнеположенный объект, каковым выступает сам субъект (точнее – субъекты), другие люди («социальные объекты» в терминологии Дж. Брунера [36]). Тем самым, как справедливо отмечается в целом ряде исследований (см., например, [131]), возникают предпосылки для качественно иной организации деятельности в целом. В этой организации и субъект деятельности, и ее объект являются «равномощными» по своим возможностям и, фактически, идентичными по механизмам своего функционирования, вообще – своего рода односущностными. Это резко активизирует систему рефлексивных взаимодействий, что также придает очевидное своеобразие управленческой деятельности» [128].

В связи с этим, ключевую и объективно определяющую роль в организации управленческой деятельности играют средства и механизмы метакогнитивного плана. Именно они (и, по-видимому, только они) могут обеспечить решающее условие эффективности любого межличностного, интерсубъектного взаимодействия – учет самими взаимодействующими субъектами основных особенностей и черт – так сказать, «параметров» друг друга. В качестве таких параметров как раз и выступают, прежде всего, особенности собственно психической организации взаимодействующих субъектов – параметры их внутреннего мира, индивидуальные качества и пр. При этом само понятие метакогниции существенно расширяет свое содержание, поскольку речь идет уже об интериндивидуальной, то есть социальной метакогниции.

Другими словами, метакогнитивные процессы выступают в управленческой деятельности не только и зачастую не столько в ее *интрасубъектном* проявлении, сколько в *интерсубъектной* функции. Они являются не только регулятором собственной деятельности руководителя, но средством межличностного познания и регуляции интерсубъектных взаимодействий. Это – социальная, интерсубъектная рефлексия, а не только личностная рефлексия [396]. Данный

аспект исследования управленческой деятельности станет впоследствии предметом нашего специального рассмотрения; пока же зафиксируем его как важнейшее следствие из ее принадлежности субъект-субъектному классу.

Таким образом, можно видеть, что специфика и даже уникальность управленческой деятельности состоит в том, что по отношению к ней можно говорить не только о психологии ее субъекта, но и о *психологии ее объекта*. Сами субъект-объектные взаимодействия, образующие суть любой деятельности, приобретают в ней характер межличностных, интересубъектных взаимодействий. При этом главным условием их эффективности является то, насколько полно и точно в таких взаимодействиях будут учитываться именно особенности собственно психологического плана – особенности, характеризующие субъективную (а не объективную) реальность. Вместе с тем, основным средством, позволяющим обеспечить это, как раз и являются те процессы и качества, средства и стратегии, которые носят собственно метакогнитивный характер и которые лежат в основе любого межличностного взаимодействия, то есть средства собственно рефлексивного плана. В свою очередь, это вновь заставляет сделать заключение, аналогичное по смыслу тому, которое уже не раз приходилось делать по ходу предыдущего анализа. Это – заключение о той определяющей роли, которую играют факторы рефлексивного плана в целом и метакогнитивного плана, в особенности в организации управленческой деятельности и, следовательно, о настоятельной необходимости включения в концептуальный строй и понятийный аппарат ее исследований всей совокупности данных, которыми располагает современный метакогнитивизм. Без учета психологией управления новых и новейших данных, которыми располагает современный метакогнитивизм в плане раскрытия особенностей и закономерностей интересубъектных взаимодействий, а также механизмов презентации и самопрезентации психического, практически невозможен дальнейший ощутимый прогресс в ее развитии.

Далее, следует обязательно принимать во внимание еще один – важный как в теоретическом, так и в практическом отношении аспект, связанный с принадлежностью управленческой деятельности к субъект-субъектному классу и с определяющей ролью метакогнитивных детерминант в ее организации. Специфика предмета такого рода деятельностей такова, что существенные проблемы в ее организации возникают уже на стадии восприятия – приема профессионально-важной информации. Это процесс получения информации руководителем от объекта деятельности, каковым, однако, являются другие люди – также

субъекты (а не объекты). В связи с этим, у объекта данной деятельности возникает принципиально новое свойство, точнее – даже атрибут. Он состоит в том, что информация в принципе допускает либо непреднамеренное искажение, либо преднамеренную фальсификацию. В силу этого, именно в данной деятельности и именно в силу глубочайшей специфики самого «носителя» профессионально-значимой информации, в ней возникает ее принципиальная возможность *фальсифицируемости* информации [64, 203, 242]. Следовательно, порождается столь же фундаментальная проблема доверия к ней и к ее источникам. Прежде чем и для того, чтобы действовать руководитель должен не непосредственно переработать поступающую ему информацию, а определить степень ее достоверности. Он должен выработать свое отношение к ней как к фактически верной, объективной (или нет). Понятно, что сделать это бывает, во-первых, зачастую еще сложнее, нежели только ее осмыслить и принять на ее основе решение. Во-вторых, именно эта оценка и предполагает практически полную опору на средства рефлексивного плана в целом и на средства социорефлексии, в частности.

Очень показательной в этом плане является история возникновения и логика развития теории принятия решений. Действительно, уже с момента ее возникновения как самостоятельного научного направления (причем, даже вне собственно психологических подходов), был четко осознан тот психологический факт, что процессы выбора могут быть качественно различными именно по рассматриваемому здесь параметру. Прототипом формулировки критерия такого различия явилось разделение Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном всех ситуаций выбора на «игры с природой» и «рефлексивные игры» [196]. В собственно психологической терминологии оно означает дифференциацию двух качественно различных типов ситуаций выбора. Первый не предполагает представленное в явном виде взаимодействие «решателя» (субъекта решения) с другими людьми – также с субъектами и, тем более, – воздействие на них через реализацию выбора. Это *субъект-объектные* ситуации выбора. Второй тип ситуаций, напротив, включает в себя межличностные взаимодействия как непосредственное средство выработки решений, но главное – самим предметом выбора здесь также выступает определение способов своей деятельности и поведения в отношении «других субъектов», выбор способов воздействия на них и (или) управления ими. Это – *субъект-субъектные* ситуации выбора. Именно в

них и возникает со всей остротой проблема доверия в целом и вопрос о достоверности профессионально-значимой информации, в особенности.

Кроме того, очевидная специфика когнитивных процессов обеспечивающих восприятие профессионально-значимой информации в управленческой деятельности, также непосредственно связана с ролью рефлексивных факторов, присущих самому ее субъекту. Данное обстоятельство многократно зафиксировано в самых различных формах и выражениях и на уровне научного, и на уровне «обыденного» познания (например, это выражения «можно смотреть, а можно видеть», «красота – в глазах смотрящего» и пр.). Наряду с этим, имеет место и описанное нами ранее [125] специфическое явление *субъектной оперативности*. Оно состоит в том, что закономерности и свойства, установленные по отношению к оперативному образу (схематичность, лаконичность, функциональная деформация и др.), переносятся и на формирование «образа другого» – но уже не объекта, а субъекта, личности подчиненных. Это, например, проявляется в следующем – известном, многократно зафиксированном эмпирически и широко распространенным в практике управления феномене: руководитель, минимизируя степень рефлексивных взаимодействий с подчиненными, начинает видеть в них «не людей, а функции», которые они выполняют. Наконец, в управленческой деятельности под влиянием ее специфических особенностей в целом и рефлексивных взаимодействий, в частности, имеет место и своеобразная разновидность аттенционных процессов, обозначенная в наших работах [118, 125] как *субъектно-направленное внимание*, имеющее целый ряд специфических характеристик.

Итак, специфика объекта управленческой деятельности в целом выражена настолько, а ее метакогнитивный характер представлен столь явно, что появляются достаточные основания для следующего заключения. Психология управленческой деятельности как таковая – в ее, действительно, полном и развернутом виде, а также в методологически корректной и обоснованной форме вообще возможна лишь в том случае, если она будет *метакогнитивной психологией* этой деятельности. Без реального и комплексного учета тех факторов, которые играют в ней определяющую роль и которые обусловлены спецификой его главного атрибута (предмета), то есть факторов рефлексивного и шире – метакогнитивного плана, она будет оставаться принципиально ограниченной по своим объяснительным возможностям. Следовательно, констатация данного

обстоятельства вновь приводит к выводу, аналогичному тому, который уже не раз делался по ходу проведенного анализа. Он состоит в том, что исследование именно этих фактов и детерминант, а следовательно, обращение психологии управленческой деятельности к данным современного метакогнитивизма является основным и магистральным направлением ее дальнейшего продуктивного развития. Вместе с тем – и это также отмечалось выше, реальная ситуация такова, что до настоящего времени психология управленческой деятельности крайне слабо учитывает (или, фактически, вообще не учитывает) эти данные. Ее «концептуальные контакты» с метакогнитивизмом представлены на крайне низком уровне, что, конечно, недопустимо и должно быть устранено как можно быстрее. Именно это и должно выступить, в силу сказанного, предметом приоритетных исследований в целом и в частности тех, которые составляют основной предмет в данной работе.

Настоятельная и становящаяся все более очевидной необходимость этого является, однако, не менее очевидной и при обращении к третьему основному компоненту деятельностной «формулы» – к *субъекту* деятельности. Действительно, представляется вполне очевидным и естественным следующее – фундаментальное по своей значимости обстоятельство. Все параметры «других» лиц, то есть управляемых, все их субъектные характеристики, составляющие важнейшую часть информационной основы деятельности руководителя, в принципе могут быть распознаны и восприняты, поняты и учтены лишь в том случае, если у него самого представлены в достаточном виде средства, позволяющие это осуществлять. Ими, разумеется, выступают соответствующие индивидуальные качества. Они одновременно входят на правах важнейшей составляющей в общую систему *профессионально-важных качеств* деятельности управленческого типа и составляют один из наиболее традиционных предметов исследования в психологии управления. И именно это обстоятельство – очевидная значимость данной проблемы в сочетании с ее традиционностью и, соответственно, с достаточно высоким уровнем внимания к ней обусловили своеобразную двойственность ее современного состояния (см. обзор в [125]).

С одной стороны, в плане ее разработки накоплен очень большой – фактически, труднообозримый объем эмпирических и теоретических данных; получен ряд важных в научном отношении результатов, раскрывающих особенности субъектной детерминации управленческой деятельности. С другой стороны, данная проблема, быть может, как никакая иная, характеризуется явно

недостаточной концептуальной проработанностью, а также множественностью и нередко – противоречивостью существующих подходов, преобладанием исследований эмпирического и прикладного плана над исследованиями экспериментально-теоретического характера. Действительно, понятие индивидуальных качеств имеет в психологических исследованиях практико-ориентированной направленности свою базовую конкретизацию до понятия профессионально-важных качеств (ПВК). Первое из них входит в концептуальный аппарат, главным образом, общей психологии и психологии личности и, более того, во многом лежит в его основе. Второе из них оформилось в русле преимущественно прикладных направлений психологии – прежде всего, в психологии труда, в психологии профессиональной деятельности и др. Это имеет множественные и существенные последствия в плане того, насколько два указанных понятия «взаимодействуют» друг с другом, насколько они концептуально и содержательно синтезированы. Данное обстоятельство проявляется и в том, насколько каждое из них ассимилирует те результаты, которые получены при исследовании другого. Эти два понятия разрабатываются в значительной мере автономно друг от друга. При этом справедливо отмечается, что специалисты в области общей психологии и психологии личности в очень слабой мере учитывают, а точнее – как правило, не учитывают ни содержание понятия «профессионально-важное качество», ни даже сам факт его существования. В свою очередь, и прикладные психологи не слишком «обременяют себя» тщательным анализом и учетом того, что же реально образует содержание предмета их исследования – профессионально-важных качеств именно как качеств личности и индивида. Они принимают за данность и их номенклатуру, и сложившиеся стереотипы в отношении их общей трактовки и конкретного содержания (которые, в действительности, оказываются отнюдь не всегда адекватными)» [131, с. 287]. Концептуальному и содержательному синтезу этих понятий препятствует и то, что по роду своей профессионально-психологической направленности и концептуальной ориентации исследователи, работающие с понятиями индивидуальных, личностных качеств и те, которые работают в русле категории «профессионально-важное качество», также весьма существенно отличаются друг от друга.

Кроме того, нередко встречается и упрощенная трактовка самого понятия индивидуальных качеств в целом и профессионально-важных качеств, в частности. Так, при исследовании проблемы индивидуальных качеств, с одной стороны, и проблемы ПВК, с другой, в весьма слабой степени используются те –

наиболее современные данные, которые получены в отношении них и которые, соответственно наиболее важны для их общего понимания. Например, при использовании понятия ПВК практически не учитывается то обстоятельство кардинальной важности, согласно которому сами индивидуальные, личностные качества являются крайне сложными образованиями – образованиями, меру сложности которых еще только предстоит осознать и раскрыть [5, 20, 65, 152, 159, 285, 307, 311, 320, 340 и др.]. Более того, вопрос о ней практически даже не ставится, а сами ПВК трактуются, как правило, в русле парадигмы «черт», с использованием элементов диспозиционального подхода. Иные – более современные и глубокие подходы и трактовки при этом практически не учитываются. К ним относится, например, ситуационный подход, а также подход, в рамках которого эксплицирована важнейшая роль «характерных адаптаций» (ХА) [311, 324, 345, 362, 418]. Как отмечается в [131], «приходится констатировать, что в настоящее время прикладная психология в целом и проблема ПВК, в особенности, очень явно отстает от современного уровня развития представлений о личностных качествах и их структурной организации» (с. 142).

Далее, очень важно, что определяющими средствами, регулирующими актуальную меру проявления практически всех индивидуальных качеств, выступают средства и процессы собственно метакогнитивного типа. Все они, синтезированные в метакогнитивный, а иначе – в рефлексивный мониторинг, во многом вообще определяют – задают тот или иной режим, в котором личность считает целесообразным (или – необходимым) задействовать те или иные индивидуальные качества. При этом, как указывается в [133], рефлексия играет определяющую роль не только в плане оценки объективной ситуации (ее значимости, последствий и пр.), но и в плане оценки собственно личностных детерминант, то есть всей системы субъектных факторов. Мотивационные, эмоциональные, а в целом – личностные детерминанты действуют на выбор того или иного «режима» не прямо и «автоматическими», а опосредствованно, точнее – *рефлексивно-опосредствованно*.

Тем самым, можно видеть, что проблема индивидуальных качеств и их организации также органично связана с собственно рефлексивной проблематикой. Однако, именно это – включение в проблему индивидуальных качеств столь сложного и многоаспектного, а к тому же и по существу уникального в плане специфики своей организации образования, каковым является рефлексия, порождает основные трудности разработки самой проблемы индивидуальных

качеств. Рефлексивность – это именно качество, точнее психическое свойство, подпадающее тем самым под действие более общих понятий «психические свойства», «индивидуальные качества». Вместе с тем, столь же естественно, что рефлексивность – отнюдь не рядовое качество, свойство психики и личности. Его уникальность проявляется в том, что, благодаря ему, субъект может рефлексивно контролировать и произвольно регулировать степень проявления большинства иных индивидуальных качеств. Так, в частности, в выполненных к настоящему времени исследованиях установлено, что рефлексия (и рефлексивность) может оказывать и реально оказывает закономерные трансформационные воздействия на актуальную меру проявления очень многих индивидуальных качеств [132]. Это относится и к тем качествам, которые обеспечивают сензитивность к восприятию внутреннего мира других, то есть к восприятию и учету в управленческой деятельности информации субъектного плана.

Все сказанное означает, что метакогнитивные факторы и детерминанты входят в само содержание и структуру практически всех индивидуальных качеств, образуя одни из уровней их общей организации [134]. Следовательно, учет этого важнейшего обстоятельства может содействовать преодолению нередко встречающейся – упрощенной трактовки индивидуальных качеств, равно как и углублению представлений об их реальной – сложной и комплексной организации. В свою очередь, это предполагает необходимость включения в данную проблему тех результатов, которые получены в современных исследованиях метакогнитивного направления.

Далее, в плане изучения индивидуальных качеств, обеспечивающих сензитивность руководителя к восприятию субъектных характеристики подчиненных, должны быть отмечены исследования организаторских способностей Н.С. Мангутова и Л.И. Уманского [179]. Они дифференцируют следующие качества, обеспечивающие сензитивность к восприятию и пониманию информации субъектного плана: «психологическая избирательность», практически-психологический ум, психологический такт, характеризующий стиль общения руководителя с подчиненными и коллегами. Три этих свойства образуют единство, обозначено авторами как «организаторским чутьем».

Важной является и роль еще одного процесса – эмпатии, то есть способности «вчувствоваться», сопереживать, «перевоплощаться», понимать внутренний мир другого человека. Руководитель должен знать, во-первых, что думают подчиненные по поводу его указаний, вводимых им начинаний (это знание дос-

тигается при помощи интеллектуальной эмпатии); во-вторых, что чувствуют подчиненные (посредством эмоциональной эмпатии); в-третьих, мотивационная эмпатия позволяет понять, чего хотят подчиненные, насколько их личные цели согласуются с целями руководителя и предприятия. Таким образом, руководитель должен иметь представление об эмоционально-интеллектуальном восприятии подчиненными установок и требований руководства. Эмпатия, согласно мнению Е.С. Жарикова, рассматривается как ведущий «канал», понимания управления со стороны подчиненных [74].

Другое качество, которым обладает эффективный руководитель – дидактичность, то есть умение довести свои идеи, принятые решения, программы и пр. до подчиненных в такой языковой форме, которая обеспечивает понимание, усвоение, переработку необходимой для эффективной работы информации и доверие к ней. Дидактичность описывается в литературе как умение говорить, слушать, убеждать, правильно формулировать мысли, грамотно и, что самое главное, на языке слушателя.

Среди специфических профессионально-важных качеств руководителя В.М. Шепель [305] дифференцирует умение вести себя с людьми, расположить их к себе и называет их психолого-педагогическими качествами, которые подразделяет на две составляющие. Первая – коммуникабельность, эмпатичность, визуальность, которые направлены на создание эффекта «личного обаяния» руководителя. Вторая составляющая – психоаналитическое и стрессустойчивое качества (в терминологии автора), направленные на совершенствование руководителя как личности, самоуправление его психическими процессами. Под психоаналитическим качеством В.М. Шепель понимает самоконтроль, самокритичность, самооценку своих поступков. Саморефлексия включает способность к самоанализу, познанию своих интеллектуально-психологических характеристик, самонаблюдение – слежение за ходом своих действий, своей работы, самоконтроль – умение объективно оценивать результаты своего труда, самокритику – установку на поиск слабых мест, просчетов, недостатков, ошибок, путей улучшения собственного стиля, приемов и методов работы.

В плане анализируемой проблемы должны быть отмечены и исследования процесса и роли самосознания руководителя, выполненные Ю.Д. Красовским [151]. Он отмечает, что искусство руководителя во многом зависит от его умения чувствовать то, как его оценивают подчиненные, и поступать так, чтобы оказать влияние на них своим поведением. Управленческое самосознание руко-

водителя – внутренняя модель внешних управленческих взаимосвязей. Принцип обратной связи предполагает осознание себя только в отношениях с другими, то есть как мое другое – «зеркальное я». С самосознанием руководителя переплетаются «я-актуальное» («что я сделал, и как это отразилось на других») и «я-зеркальное» («как оценивают мои действия подчиненные работники и вышестоящие руководители»). Если в «я-актуальном» выражается взгляд руководителя на других, то в «я-зеркальном» – взгляд на себя со стороны.

К организаторским способностям относится, далее, и качество, обозначаемое как социальная чувствительность – способность понимать людей, причины их поступков, роль каждого человека в группе и взаимоотношения между ними. Важно умение понимать интонации, мимику, пантомимику человека, по минимальному количеству внешних поведенческих признаков угадывать состояние людей, с большой точностью оценивать обстоятельства и факторы, предшествующие этому состоянию [84, 179, 310, 332, 338, 469]. Это создает возможность на основе интуитивной оценки особенностей личности предсказывать ее дальнейшее поведение.

Наряду с этим, в последнее время получили развитие и более новые направления исследований, прямо или косвенно связанные с раскрытием особенностей и закономерностей индивидуальных качеств, лежащих в основе чувствительности к информации субъектного плана. К основным из них следует отнести следующие направления:

1. Исследования, выполненные в рамках исследования *социального интеллекта* (SI) в целом и тех его «составляющих», которые связаны, преимущественно, с социально-перцептивными процессами [35, 36, 76, 88, 174, 262, 396, 401].

2. Исследования, выполненные в русле понятия *эмоционального интеллекта* (EI) и в особенности тех его компонентов, которые сопряжены с так называемой «эмоциональной чувствительностью» [57, 58, 179, 300, 417].

3. Исследования, выполненные в так называемом *женском подходе* к лидерству и к вопросам *гендерного менеджмента* в целом [27, 117, 328, 378]. Дело в том, что именно по отношению к свойству рефлексивности, как известно, существуют достаточно значимые половые различия, представленные как в аспекте уровня его развития, так и в плане его качественного своеобразия. Так, в частности в данной связи был установлен *феномен «стеклянного потолка»*, заключающийся в том, что при всех возможностях (должном уровне профессио-

нальной компетентности, интеллектуальных и иных способностей и др.) происходит своеобразная «остановка» женщин-руководителей в вертикальном карьерном продвижении на уровне среднего управленческого звена [328, 348]. Он обычно интерпретируется как следствие особого «женского» стиля лидерства, обозначаемого как «*интерактивное руководство*». Данный стиль состоит в том, что менеджер основывает свою работу в большей степени на достижении консенсуса, на установлении сотрудничества. Управленческие взаимодействия осуществляются, в основном, на основе рефлексивно-ориентированных отношений, чем на силе официальной власти (апогеем чего выступает не менее известное явление «*терминаторного руководства*» [385]).

5. Исследования, выполненные в русле очень важного и наиболее современного направления, обобщенно обозначаемого понятием «*theory of mind*» [203, 443, 449]. Оно, как известно, первоначально сложилось в когнитивных науках для обозначения способности осознавать психические состояния себя и другого как специфичного (принадлежащего к тому же биологическому виду) субъект. Наиболее адекватным его переводом на русский язык является «внутренняя модель сознания другого».

6. Исследования, выполненные в рамках метакогнитивизма и сопряженные с раскрытием специфического симптомокомплекса индивидуальных качеств, образующих интегральное образование, обозначаемое понятием «*психологичности ума*» [179, 248, 330, 454].

7. Разработки в области методического инструментария исследования личности руководителя, приведшие к широкому распространению *рефлексивных методов организационной диагностики*, а также *диагностики организационных патологий*, рассматривающей их в качестве причин устойчивого недостижения целей организации [95, 96, 117, 202, 224, 264, 327, 378].

Развитие исследований во всех этих направлениях позволили получить большой и ценный материал относительно тех индивидуальных качеств, которые обеспечивают восприятие и понимание информации субъектного плана. Вместе с тем, эти исследования не только решают многие из вопросов теоретического и прикладного характера, но и ставят новые – еще более сложные вопросы. В целом развертывание исследований по данным направлениям отчетливо демонстрирует большие и пока не реализованные перспективы их дальнейшего развития. При этом главными вопросами и проблемами, требующими,

на наш взгляд, приоритетного изучения, являются следующие направления исследований.

Во-первых, это вопрос о *достаточности* уже известных – дифференцированных в настоящее время индивидуальных качеств такого плана и, соответственно, о возможном существовании иных, пока не описанных качеств.

Во-вторых, это вопрос о том, каким образом *организованы* сами эти качества. Причем, такая организация также дифференцируется на два аспекта. Первый – это их макроорганизация, то есть та общая структура, которая лежит в основе их организации в системе личности в целом. Второй – это их микроорганизация, то есть та структура, на основе которой организовано каждое из них. Как показывают исследования, выполненные в последнее время, подавляющее большинство индивидуальных качеств имеет очень сложную – именно «внутреннюю», собственную структуру. Более того, эта структура, как показывают исследования, базируется на очень общем и важном для системной организации как таковой принципе – иерархическом, уровневом [134].

В-третьих, это вопрос об основных особенностях и закономерностях *детерминационного влияния* индивидуальных качеств на процессуальные характеристики и результативные параметры управленческой деятельности. Действительно, как показывают исследования, отнюдь не всегда между мерой развития индивидуальных качеств в целом и профессионально-важных качеств, в особенности, с одной стороны, и результативными параметрами деятельности, с другой, существуют простые и однозначные отношения так называемой «прямой связи». Их сущность состоит в том, что чем выше уровень развития первых, тем выше сами результативные параметры деятельности. Однако для целого ряда качеств такая связь является существенно более сложной и неоднозначной. Она, например, достаточно часто принимает характер «типа оптимума». Это означает, что эффективность деятельности является наибольшей не на минимальном, но и не на максимальном уровне развития тех или иных качеств, а на некотором их среднем, то есть оптимальном уровне. Данная связь – и это очень показательно в русле рассматриваемых здесь задач – очень характерна именно для такого специфически метакогнитивного качества, как рефлексивность [125, 131, 134].

Наконец, в-четвертых, это и вопрос, являющийся, пожалуй, наиболее сложным – вопрос о явной *специфичности* детерминационного влияния качеств рефлексивного (и шире – метакогнитивного) плана на деятельность в целом и

управленческую, в особенности. Данный вопрос связан со следующим – основополагающим обстоятельством. Влияние этих качеств на деятельность представлено в двух основных, но существенно различных формах, на двух уровнях детерминации. Так, система рефлексивных (и метакогнитивных в целом) качеств может оказывать и реально оказывает *непосредственное*, то есть прямое и очень явное влияние на деятельность. Оно проявляется в многочисленных фактах существования значимых связей корреляционного и иного типов между их уровневыми характеристиками и результативными параметрами деятельности. В частности, они обнаруживают статистически значимую связь с основными результативными параметрами профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Она уже была отмечена выше и является нелинейной – имеет вид так называемой инвертированной U-образной кривой. Однако эти качества могут оказывать иное – более сложное, но, как показывают исследования, более важное и комплексное влияние – влияние опосредствующего типа. Эта – более имплицитная форма влияния состоит в том, что рефлексивные, метакогнитивные компоненты модулируют детерминационное влияние на деятельность многих других, а не исключено, – и всех индивидуальных качеств [134]. Они реализуют рефлексивный контроль – фактически, метакогнитивный мониторинг за действием многих иных, в том числе и профессионально-важных качеств.

В связи с этим возникает целый ряд очень сложных в теоретическом отношении и важных в практическом плане вопросов, которые не имеют пока своего приемлемого решения. Так, в частности, возникает вопрос о том, что вообще следует считать «истинными качествами» в целом и профессионально-важными, в частности, а также что именно рассматривать как их «истинный уровень» развития. Что вообще – по отношению к конкретному индивиду следует считать, так сказать, его «истинными качествами»? Либо, как отмечается в [131], это качества, еще не прошедшие контроль со стороны «вторичных» качеств – не подвергнутые «цензуре» с их стороны, равно как и процедурам рефлексивного опосредствования? Либо же это те их проявления (в том числе и в мере выраженности), которые уже выступают эффектами влияния с их стороны? Но в таком случае возникает другой – еще более сложный вопрос: по отношению к каким ситуациям и личностным контекстам рассматривать вариации этой меры? Далее, возникает и вопрос о закономерностях самой метаког-

нитивной детерминации действия иных индивидуальных качеств и, в особенности, вопрос о границах такого влияния – о том, насколько субъект может регулировать и трансформировать свои индивидуальные качества. Наконец, это и предположение, согласно которому, наряду с традиционно исследующимися индивидуальными качествами, которые обозначаются понятием «первичных» качеств, возможно, существуют и «вторичные» качества. Это такие качества, которые фиксируют в себе способность к трансформации и регуляции меры и формы проявления других – «первичных» качеств. Они не только включают в свою структуру средства и механизмы собственно метакогнитивного плана, но и во многом базируются на них. Они по своей природе и принципам организации очень близки с тем, как структурированы сами метакогнитивные процессы. Дело в том, что их «предметом и материалом» являются те же самые образования, каковыми выступают ни сами – также качества. Имеет место все тот же общий и фундаментальный по значимости «механизм функциональной обратимости», но уже по отношению не к процессам, а к качествам. В результате этого порождаются «вторичные» качества, которые обозначаются понятием метакачеств [130, 134]. Совершенно очевидно, что здесь вполне уместна аналогия с принятой в метакогнитивизме дифференциацией «первичных» и «вторичных» процессов. Кроме того, аналогичная дифференциация осуществлена в настоящее время в метакогнитивизме и по отношению к индивидуальным качествам обобщенного плана – к способностям личности. Она представлена в виде обоснования существования особой категории способностей, обозначаемых понятием метакогнитивных способностей личности [109, 110, 134].

Таким образом, на основе проведенного анализа не только можно, но и необходимо сформулировать вывод, который, по существу, идентичен по своему смыслу целому ряду уже сделанных заключений. Он состоит в том, что наиболее перспективным и даже – необходимым направлением дальнейших исследований субъекта управленческой деятельности в целом и его индивидуальных качеств, в особенности, является все более полное включение в них тех данных, которыми располагает в настоящее время направление метакогнитивизма в целом, а также психология рефлексии, в частности. Следовательно, именно это должно выступить приоритетной – наиболее общей и важной задачей разработки проблематики психологического изучения управленческой деятельности в целом и данной работы, в частности.

Вместе с тем, существует и еще один очень важный, но весьма слабо исследованный в настоящее время аспект взаимосвязи проблематики метакогнитивизма и психологии управленческой деятельности. Более того, в определенном смысле он является самым значимым, поскольку связан с базовыми закономерностями структурно-функциональной организации этой деятельности, то есть с ее собственно психологическими операционными средствами и механизмами. Действительно, управленческая деятельность выступает видовым представителем определенного – родового образования, то есть той формы активности, которая является высшей формой ее организации – самой деятельности – и как реальности и как психологической категории. Следовательно, она и должна исследоваться с позиций этой категории – причем, не просто как ее типичный представитель, но и как такая форма, которая является одной из наиболее сложных и развернутых, репрезентативных и демонстративных. Другими словами, она должна изучаться на основе психологической теории деятельности, учитывая все ее важнейшие положения.

Однако именно в этом отношении приходится констатировать довольно своеобразную ситуацию, которая, впрочем, не является такой уж редкой для психологии управления в целом. Она состоит в том, что в исследованиях управленческой деятельности явно недостаточно – не в полной мере и не с должной степенью полноты реализованы те представления, которые составляют содержание психологической *теории деятельности* [13, 49, 60, 62, 83, 147, 164, 165, 171, 239, 266, 296]. Иными словами, имеет место ситуация, аналогичная той, которая уже была констатирована нами в отношении другой важнейшей проблемы психологии управленческой деятельности – проблемы индивидуальных качеств, выступающих в функции профессионально-важных качеств. Она состоит в том, что исследователи, разрабатывающие проблематику управления, ориентируются, в основном, на наиболее общие и традиционные положения теории деятельности, не вдаваясь в детали и трудности этой теории. И уж тем более – они не занимают позицию критического отношения к ней и не претендуют на то, чтобы попытаться развить и углубить эти традиционные представления. В результате этого многие – в том числе и явно симплифицированные представления о структурно-функциональной организации деятельности принимаются как данность и просто переносятся на исследования в области проблематики управления в целом и управленческой деятельности, в частности.

При этом следует учитывать, что существующая сегодня традиционная психологическая теория деятельности также не в полной мере раскрывает реальную сложность организации деятельности в целом и управленческой деятельности, в особенности. Так, например, в ней сохраняются традиционные, но упрощенные представления о ее уровне строении (о наличии в ней только трех основных уровней). В действительности, однако, она имеет существенно более сложное строение, включающее большее количество уровней [131]. Кроме того, традиционные варианты теории деятельности, которые используются в исследованиях управленческой деятельности, обладают явной и в принципе хорошо известной «нечувствительностью» к целому ряду новых и новейших результатов, полученных во многих направлениях психологических исследований. В особенности это относится к данным, полученным в метакогнитивизме, равно, впрочем, как и в когнитивной психологии в целом. Последнее обстоятельство представляется наиболее важным в плане основных задач проводимого здесь анализа. В самом деле, в выполненных в последнее время исследованиях, реализованных на стыке теории деятельности и метакогнитивизма, убедительно и всесторонне обосновано очень важное положение. Оно состоит в том, что огромную и во многом определяющую роль в организации и регуляции деятельности играют не только те психические процессы, которые являются традиционными объектами изучения – «первичные» процессы основных классов (когнитивные, эмоциональные, мотивационные, волевые), то есть «первичные» процессы. Очень значимы и те процессы, которые обозначаются понятием «вторичных» процессов и составляют основной предмет исследований в метакогнитивизме [127, 129]. Более того, их исследования позволили установить, что в общий состав «вторичных» процессов входят не только метакогнитивные, но и метарегулятивные процессы.

Наряду с этим, описан еще один класс «вторичных», то есть синтетических процессов, играющих определяющую роль в организации и регуляции деятельности – *интегральные* процессы регуляции деятельности [127]. Их установление и последующее изучение имеет двоякое значение. С одной стороны, оно позволило расширить представления о реальном многообразии и истинной сложности процессуально-психологического содержания психики. С другой стороны, оно создало и своеобразный прецедент, раскрыв то (на наш взгляд, еще более важное обстоятельство), что господствовавшие длительное время представления об аналитической картине психических процессов – это лишь

база, основа для раскрытия всей реальной сложности их организации. Следовательно, «первичные» процессы отнюдь не исчерпывают собой всего содержания процессуальной организации психики. Все эти исследования процессуально-психологического обеспечения деятельности, выполненные с позиций метакогнитивного подхода, раскрывают существенно более сложную картину такого обеспечения. Они показывают, что оно имеет многоуровневое строение, структурируясь из ряда иерархически соподчиненных уровней. Особо значимо в контексте задач данного изложения то, что в эту структуру входят не только «первичные» процессы, но и процессы иных порядков организованности – в частности, «вторичные» и, прежде всего, метакогнитивные процессы. Кроме того, немаловажно, что исследования, выполненные к настоящему времени, отчетливо демонстрируют неединичность метакогнитивных процессов – как входящих в класс «вторичных» процессов. В него входят и иные процессы такого рода – в частности, метарегулятивные [130]. Это позволяет говорить о целом семействе метапроцессов как регуляторов профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности.

Наконец, важно учитывать, что, как опять-таки свидетельствуют исследования последнего времени, существует и еще одна значимая в плане данной проблемы закономерность. Она заключается в том, что роль «вторичных» процессов в организации деятельности возрастает при усложнении самой деятельности; она становится наиболее выраженной именно в наиболее сложных и психологически насыщенных видах – в особенности, разумеется, в управленческой [125, 131]. Вместе с тем, даже эта – значительно более сложная картина, по-видимому, не раскрывает всей ее сложности и комплексности и, следовательно, нуждается в дополнительных исследованиях, направленных на это. Именно данная задача также является, следовательно, наиболее важной и приоритетной в плане дальнейших исследований. Это обстоятельство особо значимо и показательно именно с точки зрения проводимого здесь анализа. Оно демонстрирует тот факт, что эта задача обусловлена теми основными тенденциями развития исследований управленческой деятельности, которые связаны с необходимостью учета в ней данных, полученных в метакогнитивизме.

Итак, все представленные выше материалы позволяют сделать заключение общего плана. Важнейшие атрибуты управленческой деятельности, главные и наиболее специфические особенности ее основных «составляющих» (субъекта, объекта и процесса развертывания), равно как и, по существу, все

иные ее особенности таковы, что они не только позволяют, но и, фактически, заставляют все более полно и комплексно использовать при ее изучении данные, которыми располагает современный метакогнитивизм. Лишь при условии такого учета, а шире – при условии ассимиляции этих данных психологией управленческой деятельности, она будет адекватной по степени своей разработанности той реальной сложности, которой характеризуется ее предмет. Другими словами, с высокой степенью отчетливости вырисовывается необходимость *синтеза* двух важных направлений психологических исследований – психологии управленческой деятельности и метакогнитивизма. Необходимость в нем связана еще и с тем, что развертывание исследований в русле психологии управленческой деятельности постоянно и систематически – собственной логикой приводит и подводит именно к тем проблемам и трудностям, которые оставляют самую суть многих исследований, реализуемых в настоящее время в самом метакогнитивизме. Некоторые из них, являющиеся, наиболее значимыми, и были проанализированы выше. Именно они и должны, в силу этого, составить предмет приоритетной разработки в русле исследований управленческой деятельности в целом и в данной работе, в частности.

Таким образом, проведенный анализ с высокой степенью отчетливости выявляет то – основное обстоятельство, которое не раз эксплицировалось по ходу проведенного выше рассмотрения и состоит в следующем. В рамках обоих анализируемых здесь направлений (психологии управленческой деятельности и метакогнитивизма) объективно складываются и становятся все более явными и настоятельными предпосылки для того, чтобы они максимально полно и широко ассимилировали результаты друг друга. В этом проявляется необходимость их взаимной конвергенции, которая, будучи достаточно очевидной уже сегодня, является наиболее перспективной в плане дальнейшего развития их обоих и может придать им новый импульс.

Вместе с тем, пока данный тезис был подробно аргументирован лишь, так сказать, «со стороны» проблематики психологического исследования управленческой деятельности – в плане того, как ее собственная логика диктует все более настоятельную необходимость обращения к метакогнитивным процессам и иным средствам ее организации и регуляции. Однако теперь необходимо обратиться ко второй стороне данной проблемы и проанализировать те особенности и тенденции, которые присущи сегодня самому метакогнитивизму и которые также обнаруживает необходимость включения в его сферу результатов,

полученных в психологии деятельности в целом и управленческой деятельности, в особенности. Действительно, как отмечалось выше, метакогнитивизм представляет собой сегодня одну из наиболее мощных, приоритетных и многоаспектных тенденций развития общей психологии в целом и когнитивной психологии, в особенности. Будучи логическим развитием общих оснований и принципов когнитивной психологии, метакогнитивизм во многом знаменует собой выход на качественно новый уровень ее проблематики и научного потенциала. Он, по мнению многих исследователей, может иметь не только не меньшие, но, и не исключено, даже бóльшие методологические и теоретические последствия, чем сама классическая когнитивная психология [195, 430, 436].

Вместе с тем, несмотря на очевидную теоретическую и практическую значимость проблематики метакогнитивизма, она до сих пор разработана в целом пока недостаточно, а общий уровень ее развития не в полной мере соответствует ей. Такое несоответствие обусловлено двумя главными причинами. Во-первых, – относительно небольшим временем существования данного направления, что объективно не позволяет пока ему достичь высокого уровня зрелости, развитости. Во-вторых, метакогнитивизму, равно как и когнитивной психологии в целом, присуща характерная методологическая особенность, которая очень часто является главной причиной его критической оценки, и, в действительности, обуславливает существенную теоретическую ограниченность данного направления. Она состоит в том, что, как мы отмечали выше, имеет место достаточно явный (а часто – и намеренно культивируемый) разрыв когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в частности, с психологической теорией деятельности, с исследованиями целостной деятельности в естественных условиях ее реализации. Несколько заостряя ситуацию, можно сказать, что не только этимологически, но и по существу – по «идеологии» и методологии *когнитивная* психология – это своего рода нечто противоположное (или более мягко – «другое»), нежели *регулятивная* психология. В результате такой несинтезированности двух фундаментальных направлений современной психологии «страдают» они оба. Внедеятельностный подход к метакогнитивным процессам приводит к априорно зауженным концептуальным основаниям их изучения, к обеднению и «уплощению» получаемых результатов. Он, к тому же, порождает и одну из основных «причин для беспокойства» исследователей, работающих в его русле [436]. Ей, как известно, является проблема *экологической валидности*

эмпирических и экспериментальных результатов, поскольку они являются итогом исследований, проводимых в экспериментально-лабораторных ситуациях. Последние являются радикально упрощенными по сравнению с реальными – естественными условиями. Вследствие этого и возникает вполне обоснованный вопрос о возможностях их переноса на реальные деятельностные и поведенческие ситуации. В конечном итоге, это вопрос об экологической валидности всего *эмпирического базиса* метакогнитивизма и, соответственно, о валидности и корректности осуществляемых на его основе теоретических обобщений, то есть о корректности его концептуального содержания. В свою очередь, как мы уже отмечали, недостаточный учет психологией деятельности наиболее сложных, то есть метакогнитивных процессов ее организации и регуляции существенно обедняет современную психологическую теорию деятельности.

Вместе с тем, одним из важнейших следствий тех результатов, которые получены в метакогнитивизме – при условии, однако, их включения в контекст деятельностной проблематики, как раз и является обоснование необходимости перехода от традиционных – симплифицированных представлений о процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения к более сложным и адекватным моделям этой регуляции. Последние включают в себя в качестве базовых «составляющих» основные метакогнитивные и метарегулятивные процессы, причем, в их закономерно организованном – структурированном виде. Именно эти процессы и раскрытие их психологического содержания являются ключом для понимания наиболее сложных, комплексных и трудных для изучения механизмов организации деятельности и, прежде всего, – механизмов ее осознанной, рефлексивной регуляции. Кроме того, учет именно этих процессов создает необходимые условия и для выявления новых уровней организации деятельности, для перехода к обнаружению и объяснению ее более сложной структурно-уровневой, иерархической организации.

Среди основных направлений современных исследований, выполненных в русле метакогнитивизма, учет которых, не только целесообразен, но и объективно необходим для дальнейшего продуктивного развития психологической теории деятельности, особо значимы следующие концепции и походы. Это, прежде всего, наиболее ранняя в историческом плане «концепция метапознания» Дж. Флейвелла, с которой вообще принято связывать возникновение метакогнитивизма [368-371]. Это, далее, представления о метакомпонентах общей структуры интеллекта Р. Стернберга [464-466], а также теория «когнитивных

метаоператоров» Д. Дёрнера [355, 356]. Это и иерархическая модель метакогнитивных процессов М.Феррари [366], и концепция «когнитивного мониторинга» Л. Нельсона и Л. Наренса [433-436], и «теория человека о душе» Г. Уэллмена [481, 482]. Следует дифференцировать также ряд несколько менее обобщенных, но также важных подходов. В частности, это представления о структуре и стратегиальном составе метамышления А. Брауна [334-336]; концепцию «метарегулятивных функций» М. Лефебр-Пинара [412], а также У. Шнайдера и М. Прессли [453-455, 445]; концепция «синтетических метапроцессов» Р. Джермена [395]; исследования в области кортикального представительства метакогнитивных процессов К. Фогеля, М. Ваврика, П. Уолтона (по [121, 132]); «рефлексивные концепции» метапознания У. Брюера, У. Каралиотаса, Д. Шенка, К. Лина (по [121]); концепция структуры метакогнитивного опыта М.А. Холодной [283, 282]; теория «метаархитектоники сознания» Э. Блэки и С. Спенса (по [121]); большое количество концепций генетической ориентации, разработанных в русле направления «метакогнитивного обучения» (Л.М. Редер, Х. Майер, С. Виттрок и мн.др. [302, 337, 344, 444, 447]). Наконец, это и группа частных концепций, посвященных, как правило, исследованию какого-либо отдельного метакогнитивного процесса или аспекта метапознания (Дж. Борковски, Р. Ключеве, Дж. Меткалф, А. Шимамура, Р. Парис, Д. Симстер, Э. Тульвинг и др. [331, 404, 426, 428, 429, 430, 439, 459, 479]).

Таким образом, общий смысл современного состояния сложившейся ситуации заключается в том, что имеет место, фактически, конвергенция – взаимная направленность развития двух фундаментальных областей психологических исследований – психологической теории деятельности и изучения психических процессов (в русле когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в особенности). В обоих этих направлениях на первый план объективно выдвигается необходимость изучения наиболее сложных – комплексных и синтетических по содержанию, регулятивных по направленности и системных по организации психических процессов (метакогнитивных, интегральных). «Без» и «вне» раскрытия роли этих процессов в психологической системе деятельности невозможно установление и понимание ее истинной структурно-функциональной организации и генетической динамики в целом, а также выявление новых уровней ее организации и базовых функциональных закономерностей, в особенности. Кроме того, без этого невозможна и продуктивная разработка ключевой проблемы – проблемы осознаваемой, произвольной регуляции деятельно-

сти, равно как и фундаментальной общепсихологической проблемы сознания [2, 6, 9, 15, 67, 85, 143, 212, 223, 229, 259, 279, 280, 315, 323, 242, 399, 384, 393, 484]. Наконец, решение данной проблемы является объективно главным условием для достижения наиболее общей цели психологического изучения деятельности – разработки целостных теоретических представлений по данной проблеме, то есть для формулировки обобщающей психологической концепции деятельности.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что констатированная выше ситуация в целом не является, конечно, случайной; напротив, она в значительной степени обусловлена особенностями самого метакогнитивизма, а также общим уровнем его развития. Действительно, несмотря на очевидную теоретическую и практическую значимость проблематики метакогнитивизма, она до сих пор разработана явно недостаточно, а общий уровень ее развития явно не соответствует этой высокой значимости. Такое несоответствие обусловлено двумя – уже отмечавшимися причинами. С одной стороны, – относительно небольшим временем существования данного направления, что объективно не позволяет пока ему достичь высокого уровня зрелости, развитости. С другой стороны, метакогнитивизму присущ определенный «симптомокомплекс» особенностей, которые, в свою очередь, отчетливо указывают на то, что он в целом находится пока на вполне определенной стадии своего развития. Этой стадией как раз и является та, которая характерна для начальных этапов развития тех или иных крупных научных направлений – *аналитическая* по своей сути. В главных особенностях этой ситуации, точнее – в их осознании и в необходимости их преодоления как раз и заложены наиболее перспективные направления всего дальнейшего развития метакогнитивизма. К этим особенностям, во многом обуславливающим специфику современных представлений о метакогнитивных процессах, необходимо отнести следующие особенности [125].

Во-первых, это очень большое разнообразие и широта спектра исследований и, как следствие, – огромный объем эмпирических материалов в данной области. В них раскрыты многие важные и интересные закономерности, феномены и свойства метакогнитивных процессов. Однако подавляющему большинству исследований свойственна очевидная локальность их проблематики, а потому – отчетливый *аспектный* их характер. Они, в основном, направлены на исследование различных частных явлений и закономерностей. В целом, поэто-

му данная проблема более развита «вширь», нежели «вглубь», в связи с чем для нее пока характерен экстенсивный тип развития.

Во-вторых, это наличие множества *частных* теоретических подходов и концепций метакогнитивных процессов, исходно ограниченных каким-либо аспектом этой общей проблемы (то есть своего рода «теорий среднего радиуса действия»). Это, прежде всего, те концепции, которые были отмечены выше: в частности, концепция метапознания Дж. Флейвелла [368-371]; представления о метакомпонентах общей структуры интеллекта Р. Стернберга и Дж. Гилфорда [381, 464-466]; теория «когнитивных метаоператоров» Д. Дёрнера; [356, 356]; иерархическая модель метакогнитивных процессов М. Феррари [366]; концепция «когнитивного мониторинга» Т. Нельсона и Л. Наренса [433-436]; концепции «метарегулятивных функций» М. Лефебр-Пинара [412]; концепция структуры метакогнитивного опыта М.А. Холодной [282, 283]; теория «метаархитектоники сознания» Э. Блэки и С. Спенса (по [121]), а также У. Шнайдера и М. Прессли [445, 455]. Кроме того, выполнен целый ряд исследований, посвященных тем или иным более частным, хотя и также значимым проблемам метакогнитивизма (Дж. Александер, М. Аллон, А. Браун, Р. Гринлиф, Д. Деннет, Т. Дюваль, Л. Корно, У. Келлеман, Д. Ридли, Л. Станков, А. Уэллс, Г. Хартман, Э. Хиггинс, У. Шнайдер, Г. Шроу, У. Эпстайн, [318, 319, 334, 335, 344, 355, 359, 361, 378, 386, 390, 402, 448, 454, 458, 470, 482]). Наконец, следует отметить, что в последнее время интенсифицировались и отечественные разработки проблематики метакогнитивизма, представленные, в частности, в работах Ю.С. Беленковой, О.В. Лазаревой, А.В. Литвинова, Т.А. Нестика, Е.В. Поляковой, Ю.В. Пошехоновой, Е.Ю. Савина, С.М. Халина, М.А. Холодной, Т.Е. Черноковой, В.Д. Шадрикова [26, 157, 170, 219, 221, 243, 278, 282, 289, 297, 299].

В-третьих, для современного состояния данной проблемы характерно и то, что практически отсутствуют не только целостные, обобщающие концепции, систематизирующие и интерпретирующие полученные в его рамках результаты, но и серьезные специальные попытки разработки такого рода концепций. Имеет место явное доминирование частных концепций над их синтезом в обобщающие теоретические представления. В связи с этим, а также по причинам иного порядка (историческим, гносеологическим, методологическим) ощутимо проявляются и другие – характерные особенности данного направления. Это – отчетливый *эмпиризм*, состоящий в резком преобладании темпов развития экспериментального базиса метакогнитивизма над его теоретическим

осмыслением. Далее, это и достаточно явный *эklekтизм* в обобщении и интерпретации полученных результатов, а также в общем подходе к развитию представлений о метакогнитивных процессах. Кроме того, это – частый и даже намеренно культивируемый *прагматизм* некоторых направлений метакогнитивизма, особенно – метакогнитивного обучения и развития. Наконец, это – и явно недостаточная пока синтезированность основных достижений метакогнитивизма с базовыми категориями и концепциями общей психологии; некоторая, а иногда – и намеренно подчеркиваемая «автономность» развития данного направления. Все изложенное выше обуславливает в итоге отчетливую «мозаичность» теоретических представлений, недостаточную систематизированность эмпирического базиса современного метакогнитивизма. Указанные черты – эмпиризм, *эklekтизм*, *прагматизм*, *аспектность* нельзя, однако, трактовать лишь с оценочных позиций. Они должны быть поняты не столько как недостатки, сколько как особенности естественного и объективного плана, свидетельствующие о переходном, развивающемся состоянии данного направления.

В-четвертых, для исследований метакогнитивных процессов характерен и своего рода «предметоцентризм», когда эти процессы рассматриваются, в основном, автономно – «сами по себе» (в их качественной определенности), а не как реальный компонент более широкой целостности – *метасистемы* (деятельности, поведения). Это и приводит к несинтезированности представлений о метакогнитивных процессах с психологией деятельности, о чем уже было сказано выше. Ее мощный эвристический потенциал остается поэтому недостаточно востребованным психологией метакогнитивизма. Тем самым обнаруживается и главная, на наш взгляд, особенность современного состояния данной проблемы – внедеятельностный (а значит – и не вполне экологичный), то есть преимущественно аналитический подход к ее разработке.

Наконец, в-пятых, фактически даже не сформулирован один из наиболее общих и принципиальных вопросов – вопрос о психологическом *статусе* метакогнитивных процессов, о содержании и границах данного понятия, то есть о составе и содержании класса метакогнитивных процессов. Само понятие метакогнитивных процессов используется сейчас, в основном, как собирательный термин, обозначающий очень разные по многим параметрам процессы. Неопределенность общего статуса метакогнитивных процессов порождает аналогичную неопределенность их места в понятийной системе психологии, а также обуславливает нерешенность ряда ключевых вопросов, сформулированных, но

остающихся до сих пор без ответа, в метакогнитивизме. В частности, это вопрос о специфике операционного состава метакогнитивных процессов, о принципах и закономерностях их общей организации и др. Очевидно, что без решения такого рода вопросов затруднительно или даже – невозможно дальнейшее продуктивное развитие метакогнитивизма в целом.

Все рассмотренные особенности отчетливо свидетельствуют о том, что господствующей в настоящее время является своего рода предметоцентрическая парадигма разработки характеризуемой здесь проблемы. Она, будучи оправданной и, более того, необходимой на определенных стадиях развития данной проблемы, должна быть, однако, дополнена, а затем – и заменена иным способом исследования. Последний требует синтеза полученных на аналитическом этапе результатов и попытки разработки обобщающих, концептуальных представлений. Главное, однако, состоит в том, что он требует преобразования исходной парадигмы изучения («предметоцентрической») на иную – системноцентрическую, что в теоретическом отношении равнозначно смене аналитического подхода к ее изучению *системным*. Это предполагает исследование предмета (в данном случае – метакогнитивной регуляции деятельности и поведения) в контексте той целостности (метасистемы), в которую он реально включен и в которой содержатся онтологические основания его существования. Лишь в ней представлен весь комплекс его истинных характеристик, которые раскрывают уже не только его качественную определенность, но и качественную специфичность, что создает возможности его более полного и адекватного познания с позиций системной методологии [8, 16, 25, 60, 71, 153, 161, 171, 162, 188, 226, 244, 252, 294]. Такой способ требует реального, а не декларативного исследования метакогнитивных процессов в той метасистеме, «в» и «для» которой они формируются и функционируют.

Особо следует подчеркнуть, что именно данное обстоятельство позволяет не только установить, но и адекватно осмыслить факт наиболее принципиального плана. Он, как отмечалось, состоит в том, что две – основные и анализируемые здесь особенности метакогнитивизма являются взаимообусловленными. Более того, они предстают с позиций проведенного анализа, фактически, как две грани одной максимально генерализированной черты метакогнитивизма. Действительно, фиксация и осознание того, что в качестве реальной системы, в которую онтологически включены все метакогнитивные процессы, выступает психологическая система деятельности, как раз и означает столь же ре-

альную, а не декларативную реализацию по отношению к ним системного подхода в целом. Именно это обстоятельство выступает ключевым средством гносеологического плана, позволяющим преодолеть свойственную сегодня метакогнитивизму аналитическую стадию развития. В системе деятельности метакогнитивные процессы раскрываются в их основной – регулятивной функции; в их естественном и многомерном виде – в качестве процессов, объективно необходимых для организации деятельности и поведения; предстают наиболее полно и содержательно.

Очень характерно и то, что задача преодоления предметоцентризма через реализацию по отношению к метакогнитивным процессам первого шага системного исследования (их изучения как компонента определенной метасистемы) логически ведет к необходимости сделать и следующие – также предписываемые принципом системности шаги. Действительно, после того, как предмет раскрыт в его качественной определенности («сам по себе» – на аналитическом этапе познания) и после того, как он охарактеризован в его качественной специфичности (как компонент метасистемы), он должен быть изучен в плане основных *категорий закономерностей*. В качестве таковых, как известно, выступают структурные, функциональные и *генетические* закономерности. Наконец, он должен быть изучен в плане его обобщенных свойств – системных качеств, *интегральных* характеристик. Раскрытие предмета во всех этих аспектах, а также последующий синтез полученных при этом результатов являются, как известно, достаточными основаниями для его обобщенного – собственно *концептуального* описания и объяснения [40, 153, 161, 162, 244].

Таким образом, в свете сказанного вырисовывается *общая стратегия* разработки теоретических представлений о метакогнитивных процессах и качествах личности как регуляторах профессиональной деятельности в целом и управленческой, в частности. Она подготовлена всем предшествующим развитием и современным состоянием исследований в теории деятельности и в самом метакогнитивизме. Данная стратегия образована последовательно сменяющимися и дополняющими друг друга этапами их изучения – в их *метасистемном* бытии, то есть в онтологическом плане; в плане их *структурной* организации, *функциональных* закономерностей, а также *генетических* особенностей. Реализация данных этапов, являющихся одновременно основными аспектами исследования любого объекта, в совокупности – через синтез получаемых

при их реализации результатов позволяет дать достаточно полное представление о нем, преодолеть односторонность «аспектного» его исследования. Такое – системно-организованное знание о предмете является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень собственно теоретического знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям концептуальной полноты и завершенности.

Стратегия исследования, построенная на базе указанных принципов, в решающей степени содействует переводу существующих и вновь получаемых знаний на уровень системной организованности, что в концептуальном плане равнозначно их переводу с претеоретического уровня развития на собственно теоретический уровень. Она, являясь комплексной по сути, должна составить методологическую основу как всего комплекса дальнейших исследований метакогнитивных детерминант профессиональной деятельности, так и исследования, представленного в данной работе. По нашему мнению, все эти особенности данной стратегии обуславливают целесообразность выбора именно ее в качестве основы для организации всего последующего исследования метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности. Вместе с тем, это не означает, конечно, что в данной работе необходима и возможна ее полная реализация. Это, в силу очень большого объема задач, возникающих при ее реализации, скорее, перспектива всех будущих исследований в данной области, а настоящая работа – определенный шаг в направлении ее реализации.

1.2. Понятие метакогнитивной сферы личности как теоретический концепт общей психологии

Как было показано в предыдущем параграфе, современное состояние метакогнитивизма характеризуется не только несомненными достижениями, но и целым рядом проблем и трудностей принципиального характера, сдерживающих его дальнейшее развитие и носящих множественный, характер, поскольку они связаны с нерешенностью ключевых в гносеологическом отношении вопросов. В частности, это вопрос о принципах и особенностях структурной организации метакогнитивных процессов и качеств, об их основных функциональных закономерностях, о специфике их генезиса и др. Вместе с тем, на фоне всех этих трудностей и вопросов выделяется такой, который имеет и наиболее очевидный, и наиболее принципиальный характер. Он вообще выступает своего рода отправным и исходным при анализе этого направления. Его сущность со-

стоит в том, что вся совокупность данных, полученных в метакогнитивизм, характеризуется очень высокой степенью разнородности, гетерогенности и несистематизированности. В нем исследуются и метакогнитивные процессы, и сопряженные с ними качества, и «знаниевые» образования, и стратегии, и структуры опыта и мн. др. Причем, эти представления постоянно обогащаются, а их область расширяется и становится все более разнообразной.

В связи со всем этим, однако, возникает очень типичная для многих относительно молодых и быстро развивающихся направлений проблема определения «главного в них» – содержания и границ их *предмета*. Известно также, что существуют достаточно четкие критерии определения, каким должен быть предмет того или иного – действительно, самостоятельного научного направления. Во-первых, он должен обладать качественной специфичностью по отношению к предметам иных направлений. Во-вторых, все его частные проявления должны обладать каким-либо объективно представленным общим признаком – общей особенностью, позволяющей рассматривать их как частные проявления, то есть как разновидности некоторого родового явления. В-третьих, он должен обладать свойством несводимости его содержания к предметным областям иных направлений – свойством нередуцируемости к ним.

Исходя из этого, представляется необходимым попытаться упорядочить и систематизировать взгляды по данному вопросу, поскольку без его решения как наиболее общего очень затруднительно пытаться исследовать многие иные – в том числе и рассматриваемые в данной работе более конкретные, хотя также важные вопросы. Подчеркнем, что основная трудность его решения обусловлена уже отмечавшейся широтой и гетерогенностью существующих представлений в данной области. Поэтому анализ, направленный на ее преодоление, также должен носить по необходимости достаточно *общий* характер и включать не только те или иные частные феномены метакогнитивного плана, а охватывать как можно более широкий их круг, а в идеале – всю совокупность этих феноменов. Вполне закономерно, что именно этот вопрос порождает наибольшие дискуссии в метакогнитивизме. При его рассмотрении мы будем основываться на материалах наших предыдущих работ [115, 121].

Переходя к анализу данного вопроса, отметим, прежде всего, что определенная «подсказка» для его рассмотрения содержится в специфике исторического развития представлений в данной области – в логике их последовательно-

го расширения и обогащения. Поэтому в целях его решения и адекватного раскрытия содержания предмета метакогнитивного направления, целесообразно использовать прием логико-исторической реконструкции. Он заключается в анализе развития этих представлений именно в той логике, в которой они формировались и развивались хронологически (исторически). Это – анализ того, каким образом обогащалась понятийная «сетка» метакогнитивизма, как складывался его тезаурус. Именно такой способ анализа постепенно выводит его на тот уровень, которого достиг метакогнитивизм сегодня.

Первыми понятиями – первыми теоретическими конструктами, которые возникли в метакогнитивизме и знаменовали его становление в качестве самостоятельной дисциплины, явились, как мы уже отмечали, понятия метапамяти и метамышления [321, 341, 350, 369, 415, 435]. Так, например, метапамять – это память относительно своей памяти; это память об ограничениях, возможностях, стилевых особенностях и др. своей памяти. Это – так называемые «рудиментарные» определения, введенные в метакогнитивизме [375, 376, 433]. В связи с этим происходит фундаментальная дифференциация – разделение «первичных» процессов (то есть традиционно изучающихся когнитивных процессов) и «вторичных» процессов (метакогнитивных). Тем самым был создан прецедент, который заставил обратить внимание на то, что, возможно, и другие первичные процессы имеют свое *alter ego* – «свой» вторичный процесс. Он направлен на него же самого и обеспечивает его психическую репрезентацию (точнее – саморепрезентацию). В свою очередь, эта саморепрезентация реализуется через совокупность «вторичных», то есть метакогнитивных, рефлексивных по своей сути процессов и механизмов, лежащих в их основе. Таким образом, логика развития метакогнитивизма уже на достаточно ранних этапах развития привела к проблеме *рефлексии*, к исследованию процессуального обеспечения сознания.

При анализе рефлексивных феноменов и процессов, хотя и принято отмечать, что они являются разнородными, но, тем не менее, сама эта разнородность не становится предметом самостоятельного и специального анализа, не ставится вопрос о ее причинах и смысле. Вместе с тем, как отмечается в [132], «мера этой гетерогенности настолько велика, а проявления ее настолько очевидны и феноменологически бесспорны, что возникает вопрос о наличии некоторых существенных причин, лежащих в ее основе. По-видимому, именно в высокой гетерогенности рефлексии как раз и заключается разгадка ее природы, ключ к решению проблемы ее процессуального статуса» (с. 235). Как указывается там

же, «...представляется достаточно странным и даже парадоксальным, что до сих пор в этом многообразии процессуальных проявлений рефлексии не распознана и не зафиксирована одна важнейшая закономерность. Как известно, в терминологическом аппарате психологии, а также в естественном языке сложился целый ряд понятий и выражений, фиксирующих различные процессуальные проявления рефлексии. Это, прежде всего, следующие понятия: самоощущение, самовосприятие, аутопредставления, самонаправленное внимание, память о памяти – метапамять, мышление о мышлении – метамышление» [132, с. 235]. Обратим специально внимание на то, что все эти процессы, согласно современной трактовке, как раз и относятся к категории метакогнитивных процессов, а в своей совокупности составляют ее важнейшую часть. Нетрудно видеть, что в этих (а также и иных – более дифференцированных) понятиях зафиксированы не просто различные процессуальные проявления рефлексии, а ее различные уровни, соотносящиеся с различными видами основных когнитивных процессов. Последние, как известно, организованы на основе *уровневого* принципа и поэтому выступают не просто отдельными видами, а именно уровнями. Другими словами, отсюда следует достаточно значимый, на наш взгляд, вывод: рефлексия как процесс выступая одним из макроуровней в общей организации психики, сама построена по уровневому принципу. Она тем самым воспроизводит в своем уровне строении основные уровни когнитивной иерархии в целом. Каждый подуровень рефлексии полно, точно, непосредственно и естественным образом соотносится с тем или иным базовым уровнем когнитивной иерархии.

Очень важно и то, что среди всех процессов, входящих в состав рефлексии (начиная от самоощущения и кончая метамышлением) в принципе нельзя выделить какой-либо «наиболее важный» и потому – находящийся «на вершине» ее иерархии процесс. Для рефлексии как процессуального средства сознания (и для сознания в целом) самоощущение психикой самой себя не менее, а быть может, – и более значимо, нежели, например, способность «помыслить о себе» (то есть метамышление) [132]. Суть рефлексии состоит в том, что, благодаря ей, достигается ощущение полноты и как бы исчерпанности репрезентации внутреннего мира – во всем многообразии его проявлений, в том числе – и процессуальных. Поэтому рефлексия, действительно, выступает важнейшим интегратором системы психических процессов. Вместе с тем, эта интеграция развертывается не на основе принципа иерархии, а на основе принципа гете-

рархии. Таким образом, гетерархическая организация метакогнитивных процессов, лежащих в основе рефлексии, включает совокупность разнородных процессуальных средств, обеспечивающих фундаментальное свойство психики – ее сензитивности к самой себе, к своему содержанию, то есть свойство самосензитивности.

Вместе с тем, даже такая – действительно, сложнейшая и внутренне дифференцированная картина организации рефлексивных процессов еще не исчерпывает всей ее реальной сложности. Дело в том, что в ней зафиксировано пока лишь «когнитивное измерение» рефлексивных процессов. Однако данное «измерение» – это, хотя, безусловно, важнейшая, но не единственная сфера действия рефлексивных процессов. Другой очевидной и важной формой представленности рефлексивных процессов является собственно *регулятивная* форма их существования. Именно те процессы, которые составляют ее содержание, обеспечивают осознаваемый, произвольно контролируемый характер целостной процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения. Причем, следует особо подчеркнуть, что данное свойство – осознаваемости, произвольности, то есть «субъектной управляемости» составляет саму суть процессуально-психологического обеспечения деятельности, поведения и общения.

В данной связи очень показательным, что в настоящее время в понятийном аппарате метакогнитивизма сложился ряд конструктов, фиксирующих различные аспекты этого – регулятивного «измерения» рефлексивного контроля за деятельностью и поведенческой активностью. Это понятия метакогнитивного мониторинга (*metacognitive control*), *metacognitive reasoning* (понятие, описывающее связь метакогниций с атрибутированием причин поведения в конкретной ситуации), метакогнитивной включенности в деятельность (*metacognitive awareness*), метакогнитивного слежения (*metacognitive monitoring*); труднопереводимый термин «agency» (неполный аналог понятия самоконтроля). Быть в состоянии «agent» – значит полностью контролировать свои действия, предвосхищать желаемый результат и добиваться его [115, 121, 180, 338].

Обращение к регулятивному «измерению» рефлексивных процессов, равно как и само понятие регулятивной рефлексии, в значительной мере содействует преодолению зауженного и потому – не вполне адекватного и полного понимания рефлексии в целом. Дело в том, что последняя обычно понимается лишь как «обращенность психики на саму себя», на свое собственное содержание, а не на внешнюю активность (деятельность, поведение, общение). В дейст-

вительности же, рефлексия не может быть сведена лишь к ее «внутреннему» плану – к «смотрению на себя», к самосозерцанию [6]. Более того, это, по-видимому, не только не единственная, но даже и не главная, а потому и генетически не первичная ее функция. В конечном счете, сама эта функция сформировалась в филогенезе (а потом многократно воспроизводится в онтогенезе) как подчиненная, а значит и вторичная по отношению к другой функции – к функции обеспечения процессуально-психологической регуляции внешней активности (повторяем, любого типа – деятельности, поведения, общения и др.). Данное обстоятельство объясняется тем, что процессуально-психологическая регуляция внешней активности, представленная в ее реальной, естественной полноте и многомерности, обязательно предполагает «внутренний мониторинг», рефлексивный контроль за этой активностью и за собой как ее реализатором. В этом плане и возникает необходимость дифференциации двух типов рефлексии как таковой – когнитивной регулятивной. Лишь вторая, базируясь на потенциале когнитивной рефлексии, может обеспечить осознаваемый, рефлексивный мониторинг внешней активности субъекта.

Таким образом, в когнитивном измерении предмет метакогнитивизма включает «вторичные» процессы (это было первым этапом развития метакогнитивизма). Они соотносятся с первой базовой подсистемой психики (когнитивной). Однако, как можно видеть из проведенного анализа, еще один класс «вторичных» процессов (регулятивной направленности) сопряжен со второй базовой подсистемой – с регулятивной.

Наконец, следует иметь в виду, что даже и эта – еще более сложная, нежели полагается традиционно, картина и рефлексивных процессов, раскрывающая их в совокупности двух базовых «измерений» – когнитивном и регулятивном, пока также не исчерпывает всей их реальной сложности и многомерности. Дело в том, что в современном метакогнитивизме имеет место дифференциация рефлексии на ауто- и социо-рефлексию. Первая синтезирует в себе когнитивную и регулятивную рефлексию, а вторая соотносится с еще одной базовой подсистемой психики – *коммуникативной*.

Итак, можно констатировать следующее обстоятельство принципиального характера. Основные – известные в настоящее время «вторичные» процессы очень органично – естественным образом дифференцируются, а одновременно и организуются на основе наиболее обобщенной дифференциации самой психики на три ее основные подсистемы – когнитивную, регулятивную и комму-

никативную. Сама объективно представленная структура психики является поэтому комплексной детерминантой дифференциации классов «вторичных» процессов и их классификации. Предмет психологии повторяет себя в предмете метакогнитивизма, но в своем «удвоенном» виде. В этом же плане очень показательным, что по отношению к рефлексивным процессам (как операторам) в качестве их «материала», то есть в качестве их операнда, как было показано в [132], могут выступать и реально выступают не только собственно когнитивные и регулятивные процессы и функции. В этом же качестве могут выступать и процессы иных классов – прежде всего, мотивационные и эмоциональные. В связи со сказанным, появляются основания для дифференциации дополнительных, качественно специфических классов процессуальных проявлений рефлексии – для дифференциации так называемой *эмоциональной* рефлексии и *мотивационной* рефлексии. Первая составляет, как известно, одну из проблем, сформулированных и изучаемых в контексте относительно нового направления психологических исследований, – в психологии эмоционального интеллекта [417]. Вторая составляет один из аспектов проблемы метамотивационной регуляции деятельности и поведения.

В связи с этим обстоятельством предмет метакогнитивизма был подвергнут дальнейшей дифференциации, в результате которой в него были включены и иные классы «вторичных» процессов – метамотивационные и метаэмоциональные. Так, очень показательным в этом плане является одно из основных понятий теории мотивации, а также причины его возникновения – понятие метамотивов (и, соответственно, метамотивации). Его высокий объяснительный потенциал обнаружился в очень разных по своей методологической ориентации психологических направлениях и школах. Среди них следует отметить введенное А. Маслоу понятие «Б-ценностей» (бытийных ценностей), выступающих в функции метамотивов [414]; сформулированные Дж. Аткинсоном и Дж. МакКлелландом понятия мотивации достижения и мотивации избегания неуспеха [281, 322, 419]; классические исследования Е. Деси и Р. Райана, предложивших понятия интринсивной и экстринсивной мотивации (они соотносятся с подсистемами внутренней и внешней мотивации) [349]. Все эти комплексные (а значит предполагающие необходимость их структурирования) мотивационные образования имеют, как, впрочем, и любые иные структурные образования, собственное специфическое содержание. Оно несводимо к аддитивному множеству отдельных, входящих в них мотивов. Например, мотивация достижения,

равно как и мотивация избегания неуспеха, в принципе не имеет и не должна иметь четко локализованного и определенного предмета. Их суть состоит в другом: они определяют степень интенсивности и направленности всех иных мотивационных установок личности, выступая в функции метамотивационных образований, а также в значительной мере – и направленность личности.

Таким образом, можно видеть, что указанные конструкты обладают двумя важнейшими особенностями. Во-первых, они фиксируют такие мотивационные образования, которые не имеют и не должны иметь четкой, однозначной предметной отнесенности. Во-вторых, именно поэтому они оказываются в состоянии регулировать, опосредствовать меру, характер и формы действия иных (уже имеющих непосредственную предметную отнесенность) мотивов. Эти две черты обуславливают их принадлежность к мотивам «второго порядка», к «вторичным» мотивам, к метамотивам.

Аналогичную в принципе ситуацию можно констатировать и по отношению к еще одному базовому классу психических процессов – эмоциональных. При этом вновь необходимо учитывать одну из наиболее общих закономерностей организации психики: любой результативный эмоциональный феномен, любой итоговый его эффект объективно предполагает определенный процесс, обеспечивающий его и к нему приводящий. Наиболее показательными в этом являются, разумеется, те – очень многочисленные данные как феноменологического, так и эмпирико-экспериментального характера, которые получены при разработке еще одной «классической» проблемы психологии – проблемы соотношения когнитивных и эмоциональных процессов, влияния вторых на первые. Их суть является достаточно очевидной и состоит в следующем. Каким бы образом ни трактовать взаимосвязь и взаимодействие когнитивных и эмоциональных процессов, это взаимодействие означает их синтез, который в принципе несводим ни к одному из них «по отдельности», ни к их аддитивной (агрегативной) совокупности. Этот синтез – интеграция двух классов психических процессов обуславливает, в силу присущих любой интеграции генеративно-порождающих механизмов, новые качества, новую качественную определенность. Вместе с тем, очевидно и то, что такой синтез не может быть осуществлен «сам по себе» – автоматически и непосредственно. Напротив, он требует, определенных и, по всей вероятности, достаточно сложных процессов. В этом же плане, нельзя, конечно, оставить без внимания и широко представленные в настоящее время исследования по проблеме эмоционального интеллекта. В его

структуру (по определению) органично включены собственно когнитивные механизмы и операционно-процессуальные средства. Тем самым, он выступает и в целом, и парциально (то есть в аспекте своих «составляющих» – подпроцессов) как интегративное эмоционально-когнитивное образование. В связи с этим, он (и любой из его подпроцессов) как бы «перерастает» лишь эмоциональную сферу; выходит за ее границы, является поэтому не только собственно эмоциональным, но и метаэмоциональным образованием.

Итак, анализ вновь приводит к тому же – наиболее принципиальному выводу, который сделан выше – к выводу о конгруэнтности предмета метакогнитивизма одной из наиболее фундаментальных дифференциаций самой психики (и соответственно, – того, как она «отображается» на уровне предмета психологии). В данном случае речь, однако, идет уже не о дифференциации психики на три базовые подсистемы (когнитивную, регулятивную и коммуникативную), а о дифференциации основных *классов* психических процессов – когнитивных, эмоциональных и мотивационных. Вместе с тем, очень показательно и доказательно еще одно принципиальное обстоятельство. Дело в том, что, наряду с уже рассмотренными, дифференциациями, в психологии существует и другая – пожалуй, наиболее крупная дифференциация содержания психического в целом. Это, разумеется, ее дифференциация на классическую «триаду составляющих» – на процессы, свойства, состояния. Обращение к ней позволяет эксплицировать еще одну грань общего содержания предмета метакогнитивизма.

Действительно, в нем очень широко дискутируется вопрос о так называемых метакогнитивных *качествах* личности. При этом, гласно или нет, но, фактически, императивно принимается установка на поиск тех или иных «особых» метакогнитивных качеств. Складывается впечатление, что такого качества – это нечто особое, автономизированное как от всех других качеств, так и от процессов. Такой поиск, однако, оказывается, как правило, малопродуктивным и не приводит к дифференциации каких-либо метакогнитивных качеств, ортогональных по отношению к уже известным. Более того, он обычно демонстрирует явную – причем, неразрывную, атрибутивную их связь с теми или иными метакогнитивными процессами. По нашему мнению, в основу решения данной проблемы должен быть положен один из фундаментальных методологических принципов – принцип единства процессуального и результативного уровней анализа. Согласно ему, любой психический *процесс* имеет свои *результативные* проявления, в силу чего не существует каких-либо отдельных качеств (от-

дельных от процессов). Доминирующая сегодня в области исследования психических процессов, свойств и способностей функционально-генетическая парадигма означает, что любой процесс является основанием для того или иного качества [8]. Качества – это те же процессы, но взятые в их результативном проявлении. Если с этой точки зрения подойти к пониманию метакогнитивных качеств, то складывается та же самая ситуация, которая является аксиоматичной для других отраслей психологии. Согласно ей, метакогнитивные качества есть не что иное как индивидуальная мера развития того или иного когнитивного процесса. Метакогнитивные процессы имеют – так же, как и когнитивные процессы, индивидуальную меру выраженности; она, в свою очередь, и индицирует то или иное метакогнитивное качество; точнее, она и является им.

Аналогичная связь процессов и свойств, функций и результатов позволяет эксплицировать еще одну грань общего содержания предмета метакогнитивизма. Выше уже отмечалась функционально-генетическая парадигма, сложившаяся в русле проблемы *способностей*. Согласно ей, способности определяются индивидуальной меры развития – сформированности тех или иных функциональных систем, которые и проявляются в продуктивности деятельности [271]. Способности выступают результативным проявлением определенного процессуального обеспечения – лежащих в их основе функциональных систем. Тем самым, способности как качества (но в данном случае уже метакогнитивного плана) также могут и должны быть дифференцированы на основе их соответствия с тем или иным метакогнитивным процессом. Метакогнитивные способности есть не что иное, как индивидуальный уровень сформированности отдельных метакогнитивных процессов и структур. В этой связи очень показательными являются те исследования, в которых обоснована необходимость и доказана конструктивность дифференциации особой категории способностей, обозначенных нами как *метакогнитивные способности* [125]. Таким образом, не только категория процессов, но и категория свойств как второй член классической «психологической триады», оказывается включенной в общее содержание предмета метакогнитивизма.

Констатируя это, нельзя, однако, забывать, что существует еще один компонент данной «триады» – состояния. На первый взгляд представляется, что здесь имеют место наиболее принципиальные трудности его ассимиляции предметом метакогнитивизма. В действительности же, напротив, именно по отношению она является самой естественной и очевидной. Дело в том, что наибо-

лее фундаментальное метакогнитивное состояние не просто очень хорошо известно, но оно, собственно говоря, и составляет субъектность как таковую; образует ощущение личностью своей «самости» – своего «Я»; саморепрезентацию внутреннего мира. Более того, оно во многом просто и конституирует этот мир, а соответственно – и личность; это, разумеется, состояние *сознания*. Если подойти к его трактовке с позиции категории состояния, то сама этимология слова «со-знание» как раз и будет означать *состояние знания*. Оно может быть представлено на разных уровнях, быть представлено в различных формах (саморефлексия, медитация, самопогружение и пр.). Ярким примером в этом плане могут служить известные взгляды С.Л. Рубинштейна по проблеме самосозерцания [224]. Таким образом, можно видеть, что еще одна базовая дифференциация психики на триаду компонентов «процессы, свойства, состояния» – вполне однозначно и совершенно естественным образом также эксплицируется в содержании предмета метакогнитивизма. Однако и сам он обретает через данную триаду комплексное столь же естественное основание для его дифференциации и интерпретации.

Продолжая анализ, необходимо, далее, особо подчеркнуть еще одно важное обстоятельство: вклад метакогнитивизма в представления, зафиксированные в данной триаде, не исчерпывается только сформулированными выше заключениями. Наряду с ними, в его рамках может быть не только по-новому поставлен, но и в определенной мере решен вопрос о *недостаточности* этой триады для полной экспликации всего содержания психического. Как известно, в этом направлении как практически синонимичные используются два понятия – *метакогниция* и *метапознание*. Поэтому метакогнитивизм – это в известной мере и есть направление, предметом которого выступает именно метапознание. Вполне закономерно, что в нем очень рано не только были предложены понятия и конструкты, в которых закреплены те или иные формы знаний, но и возникло целое направление, во многом определяющее его современный облик. Оно связано с раскрытием закономерностей формирования и функционирования ментальных репрезентаций как таковых. Другими словами, сами знания выступают в общей функциональной организации сознания и психики в целом не только в своем исходном статусе – в качестве содержания, информации, то есть в качестве *операндов*. Они, реализуясь в отношении их же самих, эксплицируют и собственно операциональные возможности, то есть выступают и в качестве активных *операторов*. В свете этого необходимо несколько по-новому

отнестись к фундаментальной дифференциации знаний на два типа – на декларативные и процедуральные. Декларативные знания – это знания по типу «что?», а процедуральные – знания по типу «как?». Когда знания – когниции «оборачиваются» на себя и становятся метакогнициями, они трансформируются из статуса относительно пассивного операнда в статус активного оператора. Но именно это и означает, что они обретают статус не только декларативных знаний, но и процедуральных; обретают действенный потенциал.

Далее, необходимо принять во внимание еще один – пожалуй, наиболее общий способ дифференциации психики и, соответственно, – структурирования предмета психологии. Это, разумеется, дифференциация на осознаваемое и неосознаваемое, сознательное и бессознательное. Очень показательным, что и она непосредственно эксплицируется в современных представлениях о предмете метакогнитивизма. Действительно, проблема соотношения метапознания (метакогниции) и бессознательного, хотя и была сформулирована относительно недавно, но составляет сегодня одну из важнейших в метакогнитивизме. Согласно доминирующим в настоящее время представлениям, ведущую – структурообразующую и организующую функцию по отношению к «вторичным» процессам выполняют и механизмы, локализованные в сфере бессознательного. Они не просто включаются в реализацию метакогнитивных процессов (равно как и иных «вторичных» процессов), но и играют ведущую, определяющую роль в их структурировании из иных – «первичных» процессов. В этом плане понятие метапроцессов означает, прежде всего, существование процессов иных порядков и уровней интеграции. Вместе с тем, сама интеграция как их основа реализуется на базе неосознаваемых – объективно присущих психическому закономерностей и средств ее реализации. В этом плане вполне очевидно, что «вторичные» процессы не только могут, но и должны быть частично и бессознательными. Они, однако, являются таковыми именно по механизмам их реализации, то есть именно в аспекте их собственно процессуального обеспечения. Вместе с тем они же являются принципиально осознаваемыми в плане их результативного содержания – того, к чему приводит действие бессознательных, объективных механизмов, лежащих в основе их интеграции.

Наряду с этим, необходимо, на наш взгляд, обратить специальное внимание и на еще один важный аспект общей проблемы предмета метакогнитивизма. Так, общепринятым в нем является положение, согласно которому при определении метакогнитивных процессов, равно как и при их исследовании, ак-

цент делается их именно процессуальной стороне (что, конечно, вполне естественно и даже необходимо). Метакогнитивные процессы – это, прежде всего, именно процессы, процессуальные образования. Вместе с тем, их истинное содержание выходит за пределы только такого понимания, а сами они являются существенно более сложными. Дело в том, что в них, фактически, каждый из основных «первичных» процессов удваивает свой исходный статус. Он становится не только процессом как таковым, но и тем, на что он сам же и направляется, в отношении чего реализует свой процессуальный потенциал. Как указывал в свое время С.Л. Рубинштейн, любой процесс – это не только то, «чем познается», но и то, «что познается» [224]. Аналогичная мысль сформулирована и Л.М. Веккером, который подчеркивал, что любой психический процесс может быть представлен не только как активный *оператор*, но и как относительно пассивный *операнд* [44, 45]. Тем самым, однако, кардинально меняется и существенно усложняется общее понимание метакогнитивных процессов как основного объекта изучения в метакогнитивизме. Выше уже отмечалось, что при этом происходит трансформация самих этих «объектов», на которую, однако, обращается недостаточное внимание. Как правило, акцент делается только на том, что психические процессы могут выступать и начинают реально выступать как операторы по отношению к самим себе, что и зафиксировано в понятии метакогнитивных процессов. Однако, не менее, а быть может, и более важно то, что, становясь операторами по отношению к самим себе, «первичные» процессы (в основном когнитивные) качественно меняют свой исходный статус. Они становятся уже не операторами (как тем, чем познается), а операндами (как тем, что познается, репрезентируется). Понимание природы и смысла синтеза этих двух статусов в одних и тех же когнитивных процессах является, по-видимому, одним из перспективных путей разработки проблемы сознания в целом и понимания его важнейшего свойства – самопрезентированности, в особенности.

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что когнитивные процессы, обретая статус «вторичных», могут быть направлены не только на самих себя, но и на психические процессы иных классов. Так, скажем, можно помнить об эмоциях, вспоминать о мотивах и обдумывать их, представлять величину волевого усилия и т.д. Благодаря этому, не только когнитивные процессы, но и процессы всех иных классов (эмоциональные, волевые и др.) репрезентируются в сознании как его «составляющие».

Итак, можно видеть, что благодаря именно «двуединой» природе когнитивных процессов (их представленности и как объективной и как субъективной реальности; их бытия как в онтологической, так и в инструментальной функциях; их статуса и как операторов и как операндов одновременно), они раскрываются не только более полно, но и обретают качественно новое свойство – свойство самопрезентированности. Они выступают уже не только тем, что реально протекает в психике и не только тем, «чем познается», но и тем, «что познается» – субъективно репрезентируются, то есть осознается. Очень важно при этом, что все указанные статусы психических процессов не рядоположены друг другу, а именно взаимобратимы, представлены в единстве.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующее обобщающее заключение. Оно дает конкретный по содержанию, хотя и достаточно общий по смыслу вариант ответа на его основной вопрос – о путях и способах экспликации содержания предмета современного метакогнитивизма. Наиболее значимое положение, вытекающее из проведенного анализа, состоит в том, что какую бы дифференциацию психики в целом на ее «составляющие» ни избрать, она обязательно воспроизводится – так сказать «повторяется» и в метакогнитивизме. Предмет метакогнитивизма включает в себя, по существу, все основные «составляющие» предмета психологии в целом, но с одним очень существенным условием. Он включает их в себя (и, более того, выступает как производный от них), конечно, не в полном объеме, а лишь в определенном и вполне конкретном аспекте. Практически все основные «составляющие» психики, равно как и она в целом, обладают фундаментальным свойством (фактически, атрибутом) – самосензитивностью, саморепрезентируемостью. Его суть состоит в том, что все они могут «оборачиваться» на самоё себя. Тем самым они «удваиваются» и выступают не только в своем «первичном» статусе, но и во «вторичном» статусе. Наиболее общим итогом – эффектом этого выступает формирование определенной метаплоскости а точнее, – по видимому, *метауровня* организации каждой из «составляющих», равно как и психики в целом. Наиболее очевидным и феноменологически бесспорным проявлением этого – именно по отношению к психике в целом является, разумеется, то «удвоение реальности», которое столь характерно для сознания – синтез в нем двух реальностей (объективной и субъективной).

В результате этого, предмет метакогнитивизма эксплицируется как распределенный по содержанию всей психики в целом; он предстает, по существу,

как вся она, но взятая лишь в определенном аспекте и в определенном функциональном предназначении. Оно состоит в том, что все метакогнитивные процессы и механизмы, структуры и закономерности направлены на репрезентацию не внешней, а «внутренней» реальности, используя, однако, те же самые средства, которые сформировались для репрезентации реальности объективной – внешней. Метакогниции лежат в основе того, что в свое время было обозначено как эндопсихика – как все то, благодаря чему психика репрезентирует себя и управляет собой [158, 237]. Предмет метакогнитивизма *диссипативно* распределен по всей системе психологических явлений в целом. Напомним, что диссипативные (распределенные, наложенные) системы – это такие, которые воспроизводят в себе компонентный состав других систем, но лишь в каком-либо вполне определенном функциональном проявлении и, следовательно, в его «удвоенном» и специфицированном статусе [182, 226]. В силу этого, предмет психологии метакогнитивизма может быть проинтерпретирован именно с позиций представлений о таких системах – диссипативных. Предмет метакогнитивизма повторяет в себе предмет психологии и в целом, но в обращенном на себя и потому – «удвоенном» виде. В связи с этим, становится понятным, что не нужно никаких искусственных критериев для классификации основных структурных частей предмета метакогнитивизма. Он просто повторяет в себе – мультиплицирует предмет психологии в целом, но в его вторичном – «самонаправленном» статусе.

Итак, можно видеть, что предложенная выше трактовка предмета метакогнитивизма характеризуется следующими основными особенностями. Во-первых, она является наиболее полной среди всех существующих в настоящее время и включает их в себя как частные случаи.

Во-вторых, она позволяет осуществить не только достаточно полную экспликацию общего содержания предмета данного направления, но и сделать это дифференцированно, а тем самым – в определенной мере решить проблему выявления не только содержания предмета, но и его структурной организации.

В-третьих, две эти особенности означают, что предмет метакогнитивизма, фактически, получает свою системную экспликацию, поскольку предстает именно в качестве организованной целостности. Залогом этого является то, что в основе такой целостности лежит не просто комплексная, а именно системная детерминанта – сама онтологически представленная структура психики. Другими словами, это означает, что в содержании предмета – на уровне его гносео-

логического отображения воспроизводится реальная, то есть онтологически представленная структура психики как в плане ее состава, так и в плане базовых механизмов и закономерностей организации.

В-четвертых, это оказывается возможным в силу того, что, в основу экспликации состава и содержания, структуры и организации базовых компонентов предмета положен не какой-либо внешний и тем более – умозрительный критерий, а объективно основная и даже – критически значимая, атрибутивная особенность всех процессов и образований метакогнитивного плана. Она состоит в том, что они должны быть проинтерпретированы в качестве частных (видовых) проявлений наиболее общего (родового) и, более того, – фундаментального и максимально специфичного именно организации психики в целом свойства – самосензитивности, самопрезентированности. Предмет потому и получает свою не только полную, но и дифференцированную экспликацию, что в его основе лежит аналогичная по степени обобщенности и значимости статуса закономерность организации самого объекта исследования.

В-пятых, с позиций предложенной трактовки выявляется основной и объективно наиболее значимый признак, точнее – атрибут всех известных в настоящее время метакогнитивных феноменов: все они являются частными – парциальными формами и проявлениями общего механизма самосензитивности психики, а также тех процессов и структур, в которых и через которые он реализуется. Тем самым, все они должны быть поняты как локальные – парциальные операционные средства и механизмы, обеспечивающие в совокупности этот наиболее общий и специфический атрибут психики. Кроме того, если учесть также, что именно он лежит в основе организации сознания, то все эти парциальные проявления метакогнитивного плана должны быть поняты и в качестве его собственных операционных механизмов и средств. Именно они обеспечивают базовые особенности сознания в целом и, прежде всего, его атрибутивные черты – самопрезентированность, трансцендентность, идеальность.

Наконец, в-шестых, важно и то, что развитые выше представления позволяют синтезировать с единых теоретических позиций практически всю совокупность известных в настоящее время метакогнитивных феноменов в целом, то есть дать им многомерную и полную экспликацию.

Такой результат важен еще и в том плане, что он вплотную подводит к постановке, быть может, наиболее важного в теоретическом плане вопроса – вопроса о том, каким образом и на основе каких принципов и закономерностей

организована эта совокупность именно в целом? Что она представляет собой именно как целостность: либо она является *агрегативным* (суммативным) образованием, либо же в ее основе воплощены принципы *интегративности*, а следовательно, и системности? Эти вопросы в дальнейшем станут предметом нашего рассмотрения; пока же представляется целесообразным ввести для фиксации выявленной выше совокупности метакогнитивных феноменов рабочее понятие, способствующее этому. Оно должно быть по необходимости собирательным – синтетическим и позволять охватить всю совокупность гетерогенных феноменов метакогнитивного плана. Оно, далее, должно быть не только общим, но и – именно поэтому подчеркнуто «нейтральным» в плане указания на конкретный вид включаемых в него феноменов. Это, в свою очередь, означает, что оно должно носить функциональный характер и объединять в себе все феномены, реализующие вполне определенную функцию – функцию самопрезентации. Следовательно, и определение данного понятия должно являться подчеркнуто операциональным. По нашему мнению, в качестве рабочего варианта такого понятия наиболее целесообразно остановиться на понятии *метакогнитивной сферы личности*. Именно оно является и достаточно общим, и подчеркнуто нейтральным, и «ненагруженным» объяснительными и иными семантическими оттенками, и столь же операционным. Немаловажно и то, что аналогичные по смыслу понятия традиционно и широко применяются во многих других направлениях психологических исследований – по отношению к иным, также важным предметам психологического познания. Это, например, понятия мотивационной сферы личности, понятие ее волевой сферы и пр. В связи с этим, можно полагать, что именно понятие метакогнитивной сферы личности является тем общепсихологическим теоретическим концептом, который должен стать базовым гносеологическим средством для дальнейших исследований в этой области. Подчеркнем также, что, конечно, данное понятие является лишь первым шагом к раскрытию специфики организации всей совокупности метакогнитивных феноменов, за которым должны последовать дальнейшие шаги, направленные на ее детализированное раскрытие. Вместе с тем, он объективно необходим, поскольку лишь на основе целостного и, следовательно, – полного, а значит методологически корректного представления, возможны и все дальнейшие шаги и этапы исследования.

1.3. Понятие метакогнитивной сферы личности как базовый конструкт психологии управления

Представленные в предыдущем параграфе материалы необходимо, по нашему мнению, использовать в качестве теоретико-методологической основы для решения основных задач данной работы. Вместе с тем, все они носят достаточно общий характер и поэтому нуждаются в их дальнейшей конкретизации и операционализации. Реализуя их, необходимо учитывать два основных обстоятельства. Во-первых, следует исходить из того, что их конкретизация должна основываться на принципе *целевого назначения*, то есть содействовать основным целям и задачам данной работы. Это означает, что спецификация сформулированных выше представлений о метакогнитивной сфере личности должна производиться с обязательным учетом ее деятельностного «измерения», то есть той роли и того своеобразия, которые она приобретает под воздействием особенностей самой управленческой деятельности. Она должна быть подвергнута рассмотрению уже не в качестве общепсихологического понятия, а в качестве концепта организационной психологии в целом и психологии управления, в особенности. Во-вторых, такая конкретизация должна содействовать и тому, чтобы сделать эти представления более операционализированными, то есть позволяющим перейти от теоретического уровня к уровню организации собственно эмпирических и экспериментальных исследований.

При этом очень показательным, что переход от общепсихологических аспектов анализа данного понятия к его деятельностному аспекту с еще большей степенью очевидности подтверждает необходимость как в нем самом, так и в его дифференцированной трактовке. Причем, особенно явно это прослеживается именно по отношению к деятельности управленческого типа, что имеет целый ряд основных проявлений и причин. Вместе с тем, во всем их множестве особенно выделяются три основные группы, в силу чего дальнейший анализ целесообразно сконцентрировать на них.

Первая группа непосредственно связана с одной из основных и, по существу, – атрибутивных особенностей управленческой деятельности, которая уже была рассмотрена в параграфе 1.1. и которая, в конечном счете, обусловлена ее принадлежностью к деятельности субъект-субъектного класса. В ней коренной трансформации подвержен основной атрибут деятельности – ее предмет. Им выступает не «неодушевленный» объект, а столь специфическая во всех отношениях реальность, каковой является; точнее – ряд субъектов, а также их

деятельность. Поэтому как подчеркивается в [128, 131 и др.], управленческая деятельность – это «деятельность с деятельностями», то есть деятельность по управлению деятельности других – подчиненных, исполнителей; это – своего рода *метадеятельность*. Поэтому общие закономерности метакогнитивных претерпевают в ней качественную спецификацию. Так, метадеятельностная специфика управленческого труда очень явно прослеживается и в плане особенностей его результативных и процессуальных параметров. Она определяется тем, что данная деятельность носит, как известно, принципиально опосредствованный характер. Сама суть ее процессуальной регуляции состоит отнюдь не в том, чтобы организовать индивидуальную деятельность исполнителей как таковую, а в том, чтобы сделать это по отношению к организации других деятельностей. Поэтому детерминанты организации индивидуальной деятельности руководителя во многом не только лежат вне ее самой, но и локализируются в аналогичной с ней по психологической природе реальности – тоже деятельности, но других субъектов, то есть подчиненных.

В связи с этим возникает один из главных вопросов психологического анализа деятельностей субъект-субъектного типа, уже поставленный в исследованиях управленческой деятельности. Каким образом психологические средства и механизмы, заложенные в индивидуальной деятельности и не выходящие за ее пределы, все же оказываются в состоянии управлять «деятельностью других»? Какова роль метакогнитивных процессов и качеств в этом сложнейшем процессе? В наиболее общем плане ответ на эти вопросы коренится, на наш взгляд, в том важнейшем обстоятельстве, что ключевую роль в организации этой деятельности в целом и психических процессов как основных операционных средств ее организации, в особенности, объективно играют средства и механизмы метакогнитивного плана. Именно они (и, по-видимому, только они) могут обеспечить решающее условие эффективности любого межличностного, intersubjectного взаимодействия – учет взаимодействующими субъектами основных особенностей и черт – «параметров» друг друга. Однако не приходится подробно аргументировать тезис, согласно которому в их качестве как раз и выступают, прежде всего, особенности собственно психической организации взаимодействующих субъектов – параметры их внутреннего мира, индивидуальные качества и пр.

Другими словами, метакогнитивные процессы выступают в управленческой деятельности не только и зачастую не столько в их интрасубъектном про-

явлении, сколько в интерсубъектной функции. Они являются не только регулятором собственной деятельности руководителя, но и средством межличностного познания и регуляции интерсубъектных взаимодействий. Это – социальная, интерсубъектная, а не только личностная рефлексия. И, хотя эти две функции и формы рефлексии тесно взаимосвязаны, между ними существуют и достаточно явные различия. Исследования показали, что мера индивидуальной выраженности указанных функций рефлексии отнюдь не всегда прямо коррелирует друг с другом [125, 129, 133]. В этом плане можно провести аналогию между дифференциацией общего и социального интеллекта, с одной стороны, и между дифференциацией общей способности к рефлексии и социальной рефлексией, с другой. Следовательно, при реализации метадеятельностного уровня ведущую роль играют не только рефлексивные и метакогнитивные процессы в их традиционном понимании (то есть в их *интра*индивидуальной форме), но и в их *интер*индивидуальной форме. Осознание данного факта открывает широчайшие и практически полностью нереализованные пока возможности для синтеза теории деятельности с таким крупным направлением, как *социальный метакогнитивизм*. Сами субъект-объектные взаимодействия, образующие суть любой деятельности, приобретают в ней характер межличностных, интерсубъектных взаимодействий. При этом главным условием их эффективности является то, насколько полно и точно в этих взаимодействиях будут учитываться именно особенности собственно психологического плана – особенности, характеризующие субъективную (а не объективную) реальность. Вместе с тем, основным средством, позволяющим обеспечить это, как раз и являются те процессы и качества, средства и стратегии, которые носят собственно метакогнитивный характер и которые лежат в основе любого межличностного, то есть собственно рефлексивного плана. Складываясь и формируясь исходно как средства самопрезентации своего внутреннего мира, они, однако, не только могут выступать, но и реально выступают в качестве средств, на основе которых происходит репрезентация и психологических особенностей и характеристик «других людей» в частности, подчиненных, управляемых. При этом, однако, как уже отмечалось выше, они приобретает дополнительную специфику, и становятся, во-первых, средствами социальной метакогниции, а во-вторых, проявлениями своего рода практической метакогниции. В силу этого, вся психическая регуляция данной деятельности базируется именно на средствах такого рода, а сами метакогнитивные процессы и качества выступают в ней определяющими. Они составляют

ее иерархически высший уровень, поскольку позволяют адекватно учесть и реализовать в деятельности ее основные детерминанты, носящие, в свою очередь, принципиально внутренний, собственно психологический характер.

В связи с этим, можно, по-видимому, сделать следующее заключение. Метакогнитивные процессы и качества, структуры и образования – вообще все средства такого рода могут быть представлены, по всей вероятности, в двух формах, в двух качественно различных по направленности, но тождественных по механизмам формам. С одной стороны (первично, исходно в генетическом плане) они формируются и развиваются в интраиндивидуальной форме и направлены на самовосприятие своего внутреннего мира, а также его отдельных «составляющих». Различные и очень многообразные проявления этой формы зафиксированы в разнообразных понятиях, сложившихся в метакогнитивизме. Подчеркнем, что уже в этой – исходной форме их общим признаком является именно то, что они вступают средствами репрезентации внутреннего, собственно психического содержания, то есть именно субъектных характеристик индивида. Однако, с другой стороны, именно поэтому они впоследствии могут реализовать эту же функцию – функцию репрезентации субъектных параметров индивида и по отношению уже не к своему внутреннему миру, а к внутреннему миру *других* индивидов и тем самым выступают уже в интериндивидуальной форме. Они также реализуют при этом функцию репрезентации психического, но уже не «своего», а «другого». Подчеркнем также, что эти процессы и феномены, равно как и порождаемые ими многочисленные и очень сложные проблемы преимущественно собственно теоретического плана, составляют, как уже отмечалось, предмет исследования в особом и очень важном направлении современных исследований, обозначаемом понятием «theory of mind». Общая способность к такого рода интериндивидуальной репрезентации психического зафиксирована в еще одном очень важном понятии – в понятии психологичности ума [443, 454]. При этом следует обязательно учитывать еще одно обстоятельство: эффективность данной деятельности непосредственно зависит от того, насколько полно и точно, корректно и достоверно, то есть адекватно, такого рода средства позволяют реализовать восприятие и учет в деятельности факторов субъективного, собственно психологического плана. Однако, именно для этого и необходима опора не на тот или иной – какой-либо локальный фрагмент общего метакогнитивного арсенала субъекта, а на весь этот арсенал. Вместе с

тем, именно он в его полноте и организованности как раз и образует то, что было обозначено выше понятием метакогнитивной сферы личности.

Вторая группа факторов и проявлений ее особой роли по отношению именно к этой деятельности состоит в следующем. Как известно, одним из основных положений теории управления и психологии управления является тезис, согласно которому сам процесс управления является двухсторонним. Он не сводится к той роли, которую играет в нем сам руководитель и не исчерпывается только деятельностью управления. В очень существенной степени данный процесс детерминирован и ролью самих подчиненных («управляемых») – деятельностью исполнительского типа. Это положение имеет целый ряд очень важных, но более конкретных проявлений. Пожалуй, наиболее известным среди них является фундаментальный феномен «баланса властей» [391]. Он фиксирует двуединый характер этой деятельности и наличие в ней двух источников властных отношений – не только «власти руководителя», но и «власти подчиненных» [385, 381]. Другая иллюстрация этого же – существование не только индивидуального стиля управленческой деятельности, но и индивидуального стиля исполнительской деятельности, а также обусловленность эффективности совместной деятельности ими обоими одновременно [129, 131]. В плане рассматриваемых здесь вопросов это означает, однако, что метакогнитивные факторы и детерминанты, процессы и средства являются не только очень важными, но также – определяющими и для организации самой собственно исполнительской деятельности. Они значимы для нее в точно такой же степени, как и по отношению к управленческой деятельности. Действительно, в целях организации своей – исполнительской деятельности подчиненный объективно должен также воспринимать и понимать особенности и характеристики того, с кем он взаимодействует – руководителя. Причем, необходимость в этом представлена, как минимум, не в меньшей степени, в какой она существует и по отношению к деятельности самого руководителя. В социальной психологии и психологии управления очень полно и детально охарактеризованы те феномены и коллизии, трудности и противоречия, которые имеют место при восприятии подчиненными руководителя. Они как раз и обусловлены спецификой социальной метакогниции, но аспекте ее реализации подчиненными по отношению к руководителю [24, 27, 46, 72, 75, 81, 84, 93, 94, 97, 141, 168, 219, 235, 245, 286, 309, 365, 401].

Кроме того, известны и феномены, возникающие вследствие этого в данной деятельности и сопряженные с преднамеренными воздействиями руково-

дителя на то, чтобы регулировать его восприятие «в глазах подчиненных» (они составляют основное содержание имиджеологии как таковой). При этом действует следующее общее правило: чем точнее и полнее, корректнее и адекватнее подчиненный «понимает и расшифровывает» информацию субъектного, собственно психологического плана, характеризующую руководителя, тем в целом выше эффективность его деятельности. Однако именно для этого он также должен базироваться не на каком-либо фрагменте своего метакогнитивного арсенала, а на всех входящих в него средствах. Именно они, взятые в их полноте, образуют метакогнитивную сферу личности, что вновь подтверждает не только правомерность, но и необходимость обращения именно к этому понятию как ключевому концепту теории управления и психологии менеджмента.

Обе рассмотренные группы факторов и проявлений, свидетельствующих о настоящей необходимости введения понятия метакогнитивной сферы личности как базового конструкта организационной психологии и психологии управления, в принципе достаточно очевидны и охарактеризованы в этих дисциплинах. Они имеют множество более частных и также важных, следствий и «индикаторов», которые, однако, должны быть несколько по-иному интерпретированы и осмыслены (что и было сделано выше). Вместе с тем, по-нашему мнению, существует еще одна их группа, имеющая более скрытый – латентный и поэтому более трудный для обнаружения характер и не становившаяся пока предметом самостоятельного анализа. Она, однако, является не менее, а быть может – и более специфичной именно для управленческой деятельности как особого типа и важной в плане ее организации. В силу этого, на ней также необходимо остановиться специально и охарактеризовать ее смысл.

Как известно, в настоящее время существует целый ряд подходов к пониманию и исследованию управленческой деятельности, а также к методологическим основам ее анализа, в том числе – и психологического. Вместе с тем, известно также, что все же наиболее общепризнанным и широко представленным и, к тому же, убедительно доказавшим свою конструктивность длительной историей его развития, является подход, который обозначается как «классический» или – как функциональный, административный. Он восходит своими истоками к работам А. Файоля [363], а несколько позднее – Ч. Барнарда [325] и стоит в том, что сутью управления рассматривается реализация совокупности некоторых административных, управленческих функций (целеполагание, прогнозирование, планирование, мотивирование, принятие решения, контроль и

др.). Они и составляют «ядро» управления как такового, его наиболее специфическое содержание. Поэтому они являются тем «главным и основным», что составляет содержание данной деятельности и эксплицирует ее качественное своеобразие по отношению ко всем иным видам и типам деятельности. Подчеркнем также, что совокупность основных административных функций, дифференцированная уже в ранних работах этого подхода, образует в своей совокупности определенный *инвариантный* набор специфически регулятивных средств: они необходимы и достаточны для управления как такового. Этот набор является инвариантным в том смысле, что носит неспецифический характер по отношению к различиям видов управленческой деятельности и ее предметного содержания. Он обеспечивает регуляцию совместной деятельности иерархического типа, которая, собственно говоря, и составляет психологическое содержание деятельности руководителя как таковое. Соответственно этому, и основным средством исследования управленческой деятельности должен быть, согласно данному подходу, именно функциональный анализ, который в психологии управления имеет форму функционально-психологического анализа.

Вместе с тем, в психологической теории деятельности в целом и в исследованиях, выполненных в психологии профессиональной деятельности, в особенности, сформулированы очень важные представления о принципиально сходном – также специфически *регулятивном инварианте* основных средств и процессов, которые лежат в основе психической регуляции деятельности. Он образован такими средствами, которые необходимы и достаточны для обеспечения эффективного взаимодействия систем со «средой» в беспрецедентно широком диапазоне изменений как самих типов систем, так и разнообразия «сред взаимодействия». Другими словами, он является атрибутивно общесистемным, а его воплощение в психологической системе деятельности (как одном из типов систем в целом) является частным случаем и конкретной формой его проявления. Он – причем, не только в содержательном аспекте, но и в его темпоральном плане, то есть во временной «развертке», образован определенной совокупностью регулятивных по направленности и интегративных по строению процессов. Данный инвариант, как известно, включает в себя следующие процессы: целеобразование, антиципацию, прогнозирование, принятие решения, планирование, программирование, контроль и самоконтроль [127, 131, 133, 173]. Они обозначаются понятием интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения.

Следует специально подчеркнуть, что данный регулятивный инвариант потому и является инвариантом, что в значительной степени «безразличен» к содержанию и даже к типам систем, в которых он может реализовываться. Он выступает как необходимый и достаточный для их регуляции. Но это означает, что он обладает и очень высокой степенью обобщенности; он носит, действительно, общий, точнее – общесистемный характер. Собственно говоря, именно поэтому он и является не просто «регулятивным инвариантом», а именно общесистемным регулятивным инвариантом. Проявления такого общего (или даже всеобщего) характера данного инварианта многочисленны и в принципе достаточно хорошо известны; они, фактически, повсеместны. Они зафиксированы и подробно изучены и в общей теории систем, и в теории организаций, и в теории координации, и психологии управления, и в общей психологии (равно, как, впрочем, и в целом ряде иных научных дисциплин – см. далее).

Вместе с тем, констатируя наличие двух форм общего регулятивного инварианта (один из которых представлен в виде совокупности основных управленческих функций, а другой – в форме системы интегральных процессов регуляции индивидуальной деятельности) и сопоставляя их друг с другом, можно сделать ряд заключений, содействующих решению рассматриваемых здесь задач. Главное из них состоит, на наш взгляд, в том, что и индивидуальная деятельность (в частности, деятельность самого руководителя), и совместная деятельность иерархически организованного типа (то есть вся управленческая деятельность как таковая) реализуются посредством *принципиально идентичного* набора регулятивных средств – в форме указанного выше регулятивного инварианта. Действительно, трудно не заметить того, что совокупность, точнее – система базовых, «классических» управленческих функций удивительно близка по содержанию к составу класса интегральных процессов; они, фактически, *изоморфны*. Вместе с тем, в свете вышеизложенного такой изоморфизм предстает не только как закономерный и вполне объяснимый, но и как необходимый. Дело в том, что и в основе совокупности управленческих функций, и в основе состава интегральных процессов лежит один и тот же регулятивный инвариант базовых процессов и иных средств взаимодействия систем с их «окружением». Разница лишь в том, что в случае интегральных процессов он направлен на организацию регуляцию *индивидуальной* деятельности, а в случае совокупности управленческих функций – на организацию и регуляцию *совместной*

деятельности иерархического типа. Она, однако, и оставляет основу психологического содержания управленческой деятельности.

Аналогичная закономерность, как известно, существует и по отношению к функционированию целых организаций, то есть на институциональном – собственно организационном уровне. Общая структура организаций, равно как и совокупность их основных функциональных служб (отделов, подразделений, «дивизионов» и др.), дифференцируется, как правило, таким образом и в таком составе, которые также соответствует «составляющим», рассматриваемого здесь регулятивный инвариант. Так, любая организация объективно вынуждена решать задачи, связанные с выработкой *целей* ее функционирования; с *прогнозированием* своего будущего развития и изменений «среды»; с определением и выбором (*принятием решений*) стратегий и способов своего функционирования, а также с его *планированием*, с *контролем* за ним и др. Другими словами, состав регулятивного инварианта не только имеет место и на этом (институциональном, общеорганизационном) уровне, но и представлен на нем еще более явно. Здесь вновь уместно вспомнить известный тезис Ч. Барнарда, согласно которому «функция определяет структуру» [325]. Действительно, совокупность базовых регулятивных функций (точнее, основных функциональных задач, решаемы организацией) определяет ее структуру – состав, содержание и организацию тех регулятивных средств, которые и обеспечивают решение этих функциональных задач.

Однако, подчеркиваем еще раз: он представлен в двух существенно разных вариантах, в двух своих базовых проявлениях – в *интрапсихическом* (внутреннем) плане и в плане *интерпсихическом* (внешнем). В первом случае он реализуется как система интегральных процессов психической регуляции индивидуальной деятельности, а во втором – как совокупность основных управленческих функций. Однако суть дела заключается в том, что эти две его формы не только принципиально подобны по своему составу и назначению. Не менее существенно, что они реализуются одним и тем же субъектом, причем, *одновременно* в одной и той же деятельности. Более того, один из них – «внутренний» (интрапсихический), состоящий в реализации интегральных процессов, осуществляется именно *в целях* обеспечения второго – интерпсихического, «внешнего», направленного на обеспечение основных управленческих функций. Наконец, очень важно и то, что первый является уровнем *средств* и механизмов по отношению ко второму – как к внешнему, собственно деятельностному

их *проявлению*. Следовательно, то, каким образом реализовываться сами управленческие функции, в определяющей мере зависит от того, каким образом данный инвариант представлен во «внутреннем» плане. Другими словами, то, как руководитель осуществляет управленческие функции, в очень существенной мере зависит от того, каким образом он реализует в *своей* индивидуальной деятельности те или иные регулятивные процессы. В принципе данное обстоятельство – правда, лишь на феноменологическом уровне, зафиксировано = в теории управления. Так, в частности, У. Брэддик отмечает: «Ничего сверхъестественного в менеджменте нет. Мы все привыкли управлять своей собственной жизнью – мы должны решать, что мы хотим получить от жизни; мы планируем, как использовать наше время и энергию с тем, чтобы достигнуть поставленных целей с наименьшими усилиями. Время от времени мы должны анализировать наши успехи. Мы должны принимать сложные решения о направлениях, приоритетах, конфликтных ситуациях и препятствиях. Мы должны стараться помогать в трудную минуту, нам следует объединяться с другими. Управление организацией включает именно эти действия и процессы» [38, с. 132].

Все сказанное означает, на наш взгляд, существование следующей общей закономерности. Руководитель в своей деятельности *переносит* на выполнение основных управленческих функций те особенности, которыми характеризуется система сложившихся у него регулятивных, интегральных процессов. Например, он формулирует перед подчиненными цели так, как он это «умеет и привык» делать сам для себя, то есть под влиянием особенностей сложившегося у него процесса целеобразования. Он организует выработку и принятие решения подчиненными так, как он сам понимает этот процесс и в какой мере владеет навыками принятия решения. Он так строит функцию планирования, как сам привык и умеет планировать и т.д. Поэтому эффективность реализации управленческих функций уже не просто зависит от сформированности у руководителя основных регулятивных процессов, а определяется ею. Трудно, например, ожидать от руководителя стратегичности и высокой прогностичности управления, если у него слабо развит процесс прогнозирования как таковой. Еще труднее представить эффективную организацию управленческой функции контроля в случае несформированности процесса самоконтроля у того, *кто* его осуществляет. Таким образом, регулятивные процессы являются наиболее непосредственными и сильными факторами организации управленческой деятельности и ее успешности. В силу этого их рассмотрение является важным аспектом ха-

рактеристики управленческой деятельности. Особую значимость ему придает то, что одним из интегральных процессов является процесс принятия управленческих решений. Дело в том, что он является основным для организации управленческой деятельности в целом.

В результате этого складывается ситуация, при которой принципиально инвариантные регулятивные функции, представленные, правда, в разных формах, реализуются в деятельности управления не только одновременно, но и, фактически, в качестве средств осуществления друг друга. Действительно, одни регулятивные функции, представленные в форме интегральных процессов, реализуются как средство других функций – уже собственно функций. Одна совокупность (управленческих функций) обеспечивается другой совокупностью (интегральных процессов). Общерегулятивные функции реализуются в отношении организации других – собственно управленческих функций. Поэтому управленческая деятельность приобретает, по существу, *метафункциональный* характер. При этом следует учитывать также, что совокупность интегральных процессов составляет, как известно, основное – главное и наиболее специфическое содержание регулятивной подсистемы психики. Следовательно, можно заключить, что *главное* содержание управленческой деятельности обеспечивается таким же *главным* содержанием самой регулятивной подсистемы психики. Тем самым, однако, получает свое объяснение и то, какими же конкретными процессуальными средствами обеспечиваются сами управленческие функции и где, следовательно, необходимо искать объяснение их механизмов.

Все сказанное имеет самое непосредственное отношение и к рассматриваемым здесь основным задачам, связанным с обоснованием необходимости в понятии метакогнитивной сферы личности как базового конструкта психологии управления. Причем, эти представления уже не просто обосновывают его и даже не только в количественно расширяют границы этой сферы, но и содействуют его качественному обогащению. Дело в том, что, как показано выше, в управленческой деятельности одни регулятивные функции (и, соответственно, обеспечивающие их процессы – также регулятивные, то есть интегральные) реализуются по отношению к обеспечению других – также регулятивных функций и, соответственно, процессов по их обеспечению. Тем самым, однако, складывается ситуация, предельно похожая на тот принцип, который лежит в основе всех метакогнитивных процессов. Это – принцип функциональной обратимости процессов, принцип их «удвоения». Разница состоит лишь в том, что в

данном случае имеет место «удвоение» уже не когнитивных процессов, а именно регулятивных процессов и возникновение вследствие этого метарегулятивных процессов. Каждая из основных функций, образующих регулятивный инвариант, выступает не только в своем исходном виде – именно как процессуальное, активное образование (то есть как *оператор*), но и во вторичном виде – как то, на что она сама и направлена, то есть как относительно пассивный *операнд*, как предмет регулирования.

Следовательно, имеет место та же закономерность, которая лежит в основе порождения всех метакогнитивных процессов: *процессы* «удваивают» себя и выступают одновременно в двух основных формах, трансформируясь тем самым в метапроцессы. Однако, то же самое, имеет место и по отношению к *функциям* как к «ядру» всего содержания управленческой деятельности. Регулятивные функции также «удваиваются», выступают одновременно и как операторы, и как операнды, а в результате приобретают форму метафункциональных образований. Они, однако, сохраняют свою исходную регулятивную направленность. Поэтому и сама управленческая деятельность раскрывается новой – дополнительной и очень важной, на наш взгляд, «гранью: она предстает уже не только как принципиально метакогнитивная по процессам и механизмам своей реализации и обеспечения, но и как метарегулятивная

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть и еще один – также значимый в плане рассматриваемых здесь задач аспект. Приобретая метарегулятивный характер, данная деятельность не только не утрачивает и даже – не снижает степень своего метакогнитивного характера, а наоборот усиливает его. Дело в том, что метарегулятивные процессы могут быть эффективными и действенными только тогда, когда они основаны на очень развитых механизмах и процессах собственно когнитивного плана. В принципе здесь действует та же закономерность, которая очень характерна и для взаимодействия «первичных» когнитивных и регулятивных процессов. Все регулятивные процессы, равно как и регулятивная подсистема психики в целом, базируются именно на потенциале когнитивных процессов, а также ресурсах всей когнитивной подсистемы. Конкретно это означает следующее. Для того, чтобы реализовать по отношению к деятельности управления те или иные управленческие функции, сам субъект этой деятельности, объективно базируется на том, каким образом он реализует по отношению к своей собственно деятельности те или иные интегральные процессы. Все это имеет очень отчетливые и неоспоримые феноменологиче-

ские проявления и эмпирические проявления, ряд из которых уже был отмечен выше. Например, хорошо известно, что руководитель использует такие формы и способы организации функции принятия управленческих решений, которые соответствуют тому, как он сам принимает решения, то есть его индивидуальным особенностям [3, 4, 22, 27, 83, 96, 133, 144, 351, 468 и др.]. Он так организует функцию контроля, как привык и может это делать в отношении своей деятельности (и как это отражено в интегральном процессе самоконтроля [190, 199]). Он так организует и реализует функцию целеполагания, как «умеет и привык» это делать в своей деятельности и т.п. [66,443]. Фактически, в наиболее обобщенном виде, можно констатировать, что в основе всего этого лежит вполне естественный и даже необходимый *механизм переноса* (транспонирования) интегральных процессов на реализацию управленческих функций. Однако, прежде чем и «для того чтобы» такой перенос стал возможным, должна обязательно сформироваться определенная репрезентация содержания того или иного регулятивного процесса. Он должен быть, как минимум, *осознан* и лишь затем и на основе такого осознания он может быть реализован в отношении «других» – в форме той или иной соответствующей ему управленческой функции. Поэтому любой метарегулятивный процесс с необходимостью предстает и как метакогнитивный. Следовательно, для того, чтобы один регулятивный процесс был реализован по отношению к другому, он должен быть когнитивно обеспечен – должен быть осознанно репрезентирован. Отсюда, однако, вытекают определенные следствия, которые уже вполне доступны эмпирическому исследованию и, соответственно, – верификации. В частности, это предположение о *детерминационной роли* интегральных процессов по отношению к реализации управленческих функций и, следовательно, о возможности оптимизации вторых на основе коррекции первых. Оно станет предметом специального рассмотрения и эмпирической верификации в следующих главах.

В результате этого складывается ситуация, которая уже была констатирована при рассмотрении двух первых групп факторов, свидетельствующих о необходимости понятия метакогнитивной сферы личности. Действительно, такая необходимость, как следует из установленной выше метафункциональной природы данной деятельности, связана уже не с тем или иным «рядовым» ее аспектом, а с тем, который является объективно *главным* ее атрибутом. Он составляет основное ее содержание, равно как и ее специфику по отношению ко всем иным видам и типам профессиональной деятельности (ее представленность в

виде совокупности основных и инвариантных управленческих функций). Другими словами, это означает, что данное понятие столь же атрибутивно сопряжено с ее сутью и основным содержанием и, следовательно, оно не только может, но и должно быть включено в понятийный состав теории управления и психологии менеджмента. Тем самым, оно содействует обнаружению и объяснению так сказать «главного в главном» – психологических механизмов самих управленческих функций. В еще более общем плане вновь можно констатировать необходимость в том заключении, которое уже было сформулировано в первой главе: психология управления лишь тогда обретет необходимую полноту и действенность, когда она включает в свой понятийный состав и концептуальный строй представления о метакогнитивной сфере личности.

Наконец, проводя рассмотрение понятия метакогнитивной сферы личности как базового конструкта организационной психологии и психологии управления, необходимо, по нашему мнению, остановиться на еще одном аспекте этой проблемы. Он носит, в отличие от уже проанализированных, гораздо более очевидный и даже относительно более простой характер. Однако он не становится от этого менее значимым (а скорее, наоборот), а его сущность состоит в следующем. В параграфе 1.2. при анализе понятия метакогнитивной сферы в качестве общепсихологического концепта была констатирована очень важная и даже определяющая ее особенность. Она имеет своего рода «распределенный» по содержанию всей психики в целом характер; данная сфера предстает, фактически, как все это содержание, но взятое лишь в определенном аспекте и в определенном функциональном предназначении. Это предназначение состоит в том, что все метакогнитивные процессы и механизмы, структуры и закономерности направлены на репрезентацию не внешней, а «внутренней» реальности, используя, однако, те же самые средства, которые сформировались для репрезентации реальности объективной – внешней.

Вместе с тем, очень показательно, а в плане раскрытия специфики содержания самой метакогнитивной сферы – и доказательно, что *та же* самая особенность обнаруживается и при анализе метакогнитивной сферы уже в ее деятельностном плане – как конструкта психологии управления. Причем, мера очевидности ее проявления еще выше, а ее «индикаторы», по существу, повсеместны и в принципе достаточно хорошо описаны в соответствующей литературе, в связи с чем, достаточно указать лишь на их общий смысл и привести некоторые их иллюстрации. Так, в частности уже самая первая из основных

управленческих функций – функция целеполагания неразрывно связана с рефлексивными процессами и механизмами. При этом наиболее общим положением является то, что, как известно, охотнее всего человек делает то, на что решился самостоятельно. Перед руководителем, как мы уже отмечали выше, стоит непростая задача – так поставить перед подчиненным цель, чтобы он воспринимал ее как свою собственную и действовал с инициативой и творческим подходом. Умение встать на точку зрения другого, предсказать его реакцию – профессионально важное качество руководителя. При выборе меры воздействия на проступки подчиненных и нарушения опытный руководитель всегда старается понять, почему подчиненный, допустивший промах, поступил таким образом; и только тогда он может выработать адекватные ответные действия.

Далее, при реализации еще одной, также очень важной функции – принятия решений руководителю приходится перебирать множество вариантов потенциальных действий, чтобы найти наиболее оптимальное в данной ситуации [33, 50, 55, 96, 133, 146, 151, 200, 205, 251, 287, 309]. Он, как правило, осуществляет и когнитивное моделирование деятельности, имея несколько альтернативных вариантов развития событий. Принимая решение, руководитель выбирает, что и как планировать, какими средствами и способами выполнять деятельность, как замотивировать работников и как произвести контроль и коррекцию. Все эти действия также предполагают наличие рефлексивных способностей. По-настоящему эффективным, как отмечалось выше, является не такое управление, при котором происходит разработка решений в уже возникших ситуациях, а такое, которое предвидит возникновение необходимости принимать решение и так планирует работу в организации, чтобы устранить саму потребность в решении. Навык такого опережающего управления, естественно, требует высокого уровня развития рефлексивных способностей.

В целом рефлексивность, являясь фактором их успешного выполнения, оказывает влияние как на процессуальные аспекты деятельности, так и на ее итоговые результаты. Вынесенные на осознаваемый уровень рефлексивные операции по контролю, коррекции, антиципации результата повышают эффективность управленческой деятельности, сами формируясь на базе рефлексии. Любая из функций управления связана с приемом, переработкой и обменом информацией. В связи с этим все управленческие функции предполагают наличие метакогнитивных качеств.

Итак, подводя итоги проведенному выше анализу, можно сделать следующие основные заключения. Его наиболее общим результатом является то, что обращение к понятию метакогнитивной сферы личности необходимо не только в общепсихологическом плане, но становится еще более явным и очевидным с точки зрения собственно деятельностного «измерения». Эта необходимость непосредственно вытекает из основных – атрибутивных характеристик управленческой деятельности, из самой ее сути и из ее психологической природы. Кроме того, содержание этой сферы обнаруживает по отношению к организации деятельности ту же самую – очень принципиальную и важную особенность, которая также была выявлена в общем плане ранее. Она состоит в том, что компоненты метакогнитивной сферы представлены во всех основных «составляющих» управленческой деятельности: они не только органично и естественным образом включены во все основные управленческие функции, но и во многом составляют самую суть тех процессов и механизмов, благодаря которым они реализуются. Тем самым, метакогнитивная сфера оказывается распределенной по всей структуре управленческой деятельности. Предмет метакогнитивизма, взятый в его широком смысле, то есть зафиксированный в самом этом понятии, диссипативно распределен по всей системе управленческой деятельности. Понятие диссипативных систем (так же, как понятия распределенных, наложенных, производных систем) уже использовалось в предыдущем параграфе в качестве объяснительного средства. Напомним, что это такие системы, которые воспроизводят в себе компонентный состав других систем, но в его «удвоенном» и специфицированном статусе. Поэтому содержание понятия метакогнитивной сферы личности оказывается распределенным по всей совокупности основных управленческих функций, которые, однако, как раз и составляют само содержание процесса управленческой деятельности. Кроме того, анализ показал также, что данное понятие является и необходимым средством выявления и объяснения базовых особенностей функционирования самих агентов, взаимодействие которых как раз и составляет содержание этого процесса субъекта этой деятельности (руководителя) и ее объекта (подчиненных, исполнителей). Тем самым, однако, содержание данного понятия органично включается во все три компонента известной «деятельностной триады» (субъект деятельности, ее объект и сам ее процесс).

1.4. Метасистемный подход как методологическая основа исследования метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

Обоснование понятия метакогнитивной сферы личности, позволяя решить те или иные задачи (в частности, рассмотренные выше), является лишь первым шагом в направлении реализации общей цели, связанной с раскрытием особенностей и закономерностей метакогнитивной детерминации деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Дело в том, что оно само ставит новые и не менее сложные и важные проблемы, которые также необходимо подвергнуть рассмотрению, поскольку без их решения установление этих особенностей и закономерностей практически невозможно. И, безусловно, главной среди них является дальнейшее углубление и развитие представлений о самой этой сфере – переход от установления ее состава и содержания к выявлению закономерностей ее *организации* в целом и структурной, в особенности. Это означает, что представления о ней должны быть не только широкими (и, следовательно, в полной мере отражающими всю совокупность метакогнитивных детерминант), но и дифференцированными – позволяющими раскрыть предмет исследования в реальной сложности ее организации. Следовательно, приоритетной задачей в свете сказанного становится раскрытие и объяснение закономерностей организации этой сферы. Лишь при условии выявления этих закономерностей можно рассчитывать и на установление того, каким же образом она обуславливает собой результативные параметры и процессуальные характеристики профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Важно и то, что определенные предпосылки для постановки этой задачи, а также для ее решения содержатся в уже проведенном выше анализе. Дело в том, что по его ходу систематически обнаруживались именно те особенности, которые являются общими для нее и через которые, следовательно, проявляются закономерности ее организации в целом. Кроме того, эти – обобщенные особенности также систематически обнаруживали взаимосвязь друг с другом, что свидетельствует об их соорганизации и, следовательно, о наличии значимых средств и механизмов интеграции, которые – именно в силу этого, скорее всего, также присущи данной сфере.

Итак, на основании всего сказанного, основная задача дальнейшего анализа должна быть сформулирована следующим образом. Каковы основные особенности и закономерности организации метакогнитивной сферы личности и

что она, следовательно, представляет собой именно в целом, то есть каков ее психологический статус и, соответственно, место в общей структуре психической регуляции деятельности? При ее рассмотрении представляется целесообразным вначале выявить основные особенности – своего рода главные свойства данной сферы, а затем на основе их обобщения попытаться определить, что она представляет собой в целом, то есть каков ее общий *статус* как определенной – широкой по составу и внутренне дифференцированной, но одновременно и организованной целостности.

Во-первых, наиболее простой и очевидной, а при этом и обнаружившейся раньше всех иных особенностью является то, что состав этой сферы вовсе *не сводится* к тем исходным представлениям, которые были характерны для ранних этапов развития метакогнитивизма. Как известно, они базировались на очень узких представлениях о предмете исследования и, фактически, исчерпывались так называемыми «рудиментарными» представлениями (метапамять – «память о памяти»; метамышление – «мышление о мышлении»). Причем, как мы уже отмечали, очень показательным в этом плане, что столь же рано в метакогнитивизме произошла и очень важная дифференциация (и, следовательно, отказ от узких представлений о предмете – его расширение) на исследование метакогнитивных процессов и метакогнитивных знаний. Термин метакогнитивизм приобрел «двойника» в виде термина метапознания. Тем самым, очень явно обнаружилась первая и предельно явная особенность – неединичность, а точнее – разнородность факторов метакогнитивного плана и, следовательно, необходимость в их организации как принципиально неединичных.

Во-вторых, по существу все дальнейшее развертывание исследований в данной области, подтверждая такую неединичность, привело к тому, что еще одной – также явной особенностью существующих представлений является *принципиальная множественность*, характеризующая всю совокупность факторов метакогнитивного плана.

В-третьих, неразрывно связанной с такой множественностью является и то, что метакогнитивной сфере присуща очень высокая степень *гетерогенности* ее состава, то есть качественное разнообразие входящих в нее компонентов. Более того, как мы отмечали выше, мера такой гетерогенности столь велика, что она ставит под вопрос правомерность применения самого термина «метакогнитивный» по отношению к ней. Дело в том, что, согласно современным представлениям, в состав метапроцессуальной регуляции входят не только ме-

такоегнитивные процессы и средства, но и иные аналогичные средства, – например, метарегулятивного плана.

В-четвертых, по ходу проведенного выше анализа постоянно обнаруживались факты и проявления того, что метакогнитивная регуляция деятельности и вообще – все функционирование метакогнитивной сферы личности обладает достаточно высокой эффективностью и действенностью; однако это может быть достигнуто лишь при условии того, то она сама является также *высокоорганизованным* образованием. Другими словами, это означает, что вся совокупность факторов метакогнитивного плана – это не просто множество, пусть даже и гетерогенное, но множество, прежде всего, организованное. И именно эта организация – ее принципы и закономерности как раз и являются основным в плане ее раскрытия и, следовательно, объяснения.

В-пятых, еще одной и также очень явной особенностью данной сферы является то, что мера ее широты и гетерогенности настолько выражена, что входящие в не компоненты оказываются, фактически, *распределенными* по всем основным «составляющим», которые и образуют в своей совокупности содержание предмета психологии в целом. В результате этого, имеет место особенность, которая обозначена выше как свойство «распределенности» предмета метакогнитивизма по предмету психологии в целом. Данная особенность порождает очень существенные трудности теоретического плана, приводя, например, к известной ситуации «исчезновения» предмета исследования, к необходимости формулировки критериев дифференциации предмета метакогнитивизма от иных предметов [132].

В-шестых, с этой особенностью связана и также в значительной степени обусловлена ей и еще одна особенность. Он заключается в том, что очень многие образования и процессы метакогнитивного плана являются *производными* – «вторичными» по отношению к большинству «составляющих» психики в целом. Именно эта особенность была, как известно, установлена уже по отношению к самым первым предметам исследования в метакогнитивизме – к «вторичным» процессам [169, 436]. Однако, как мы показали в параграфе 1.2., она является общей для всех такого рода образований и даже входит в само их определение. В силу того, что все образования метакогнитивного плана являются «вторичными», то есть производными от подавляющего большинства «составляющих» психики, сам состав и содержание всей метакогнитивной сферы яв-

ляются такими широким и гетерогенным, то есть, фактически, во многом «повторяющимися» содержание психик в целом.

В-седьмых, в основе отмеченной выше производности, «вторичности» лежит более глубинная причина и, соответственно, особенность всех образований метакогнитивного плана. Она состоит в том – и это было предметом специального и достаточно детализированного анализа в параграфе 1.2., что все они обладают общим свойством *функциональной обратимости*. Его сущность состоит в том, что они могут выступать либо как средства репрезентации содержания психики, либо как само это содержание; либо как то, что направлено на самоотражение, либо как то, что и является его «предметом». Другими словами, они могут выступать либо в функции относительно активных операционных образований – как операторы; либо в функции относительно пассивных операндов. Есть основания считать, что именно эта особенность, присущая практически всем «составляющим» метакогнитивной сферы, вообще является наиболее важной: она вскрывает уже не феноменологические проявления их функционирования, а их базовые механизмы и связана с самой их сущностью.

В-восьмых, именно свойство функциональной обратимости позволяет обнаружить, пожалуй, основной принцип, точнее – критерий, лежащий в основе организации самой метакогнитивной сферы и ее дифференциации как относительно самостоятельного образования. Им является подчеркнуто *функциональный* критерий: многие или даже большинство (а не исключено, и все) основные «составляющие» психики могут выступать и реально выступают в двух основных формах – в «первичной» и «вторичной». В последней они реализуют свой исходный потенциал по отношению к самим себе; они «оборачиваются» на себя («удваиваются») и, не переставая быть собой, обретают статус «вторичных», то есть выступают в функции метакогнитивных средств. Следовательно, в состав метакогнитивной сферы могут включаться практически все основные «составляющие» психики, поскольку они могут одновременно выступать и в этой – указанной выше функции. Однако, выступая в ней и соорганизуясь друг с другом, они образуют и саму метакогнитивную сферу как построенную на подчеркнуто функциональном принципе. В силу этого, ее определение также должно носить столь же функциональный (а не субстанциональный) характер. Эта сфера является операциональным образованием и выступает следствием того, что большинство всех основных «составляющих» психики может выступать в функции метакогнитивных.

В-девятых, необходимым следствием этой особенности является и то, что на метакогнитивную сферу личности переносится не только содержание и состав психики в целом, но и те принципы и закономерности, а не исключено, – и механизмы, которые ей присущи. Другими словами, в метакогнитивной сфере *воспроизводятся* не только особенности содержания и состава, но и принципы организации, которые свойственны психике. Например, на взаимосвязи и взаимодействия метамышления и метапамяти (как компонентов этой сферы) переносятся те принципы и закономерности, которые присущи самим «первичным» процессам – памяти и мышлению.

В-десятых, обобщая отмеченные выше особенности, можно заключить, что вся их совокупность отчетливо свидетельствует о наличии у метакогнитивной сферы основные черт собственно системной организации (целостности, синтетичности, организованности, структурированности, «полносвязность» и др.). Именно этим, кстати говоря, и объясняется отмеченный выше факт, состоящий в очень высокой эффективности ее функционирования. Она, однако, не может быть достигнута без существования достаточно мощных «организационных» средств. По-видимому, наилучшими из них как раз и являются средства собственно системного типа.

В-одиннадцатых, в связи с предыдущей особенностью выявляется целый ряд трудностей представления метакогнитивной сферы со сформулированных выше – на первый взгляд, очень явных и убедительных взглядов о ней как «о системе». Их суть состоит в следующем. Прежде всего, оказывается, что, если даже принять допущение о метакогнитивной сфере личности как о системном образовании, то она предстает как очень специфическое образование. Дело в том, что ее в принципе нельзя представить в качестве какой-либо *локальной* «составляющей» психики – ее подсистемы. Она, напротив, как показано выше (и что является ее одной из наиболее принципиальных и явных особенностей) носит своего рода «распределенный» по всей психике характер; она включена во все ее основные «составляющие» и уровни организации, приниживает всю ее, обладая известным свойством «вездесущести» [190]. Следовательно, между ней, с одной стороны, и психикой в целом, с другой, не могут быть уставлены традиционные отношения «части и целого». Метакогнитивная сфера не входит в психику в целом на правах ее подсистемы; отношения между ними носят принципиально иной – более сложный характер и должны быть подвернуты специальному изучению и раскрытию их смысла. В этом плане можно выска-

зять предположение, согласно которому метакогнитивная сфера не принадлежит к системам традиционных – классических типов, а характеризуется теми особенностями, которые присущи более сложным типам систем – диссипативным, распределенным, наложенным и пр.

Наконец, в-двенадцатых, в свете предыдущей особенности выявляется и еще одна – по-видимому, основная и наиболее сложная в плане ее теоретического осмысления и объяснения особенность метакогнитивной сферы, состоящая в следующем. С одной стороны, действительно, она должна быть понята как часть, как «составляющая» психики в целом, Она, конечно, не исчерпывает ее содержания и входит в нее именно на правах так сказать «подмножества». Однако еще очевиднее то, что это такая «часть», которая в известном смысле становится более субъективно значимой, чем все целое; поясним сказанное. Так, в настоящее время общепринятым является положение, согласно которому все метакогнитивные процессы являются парциальными компонентами рефлексии, а сама она – процессуальным содержанием *сознания* в целом. Но тогда складывается очень сложная и противоречивая – трудная не только для объяснения, но даже и для представления ситуация, характерная для специфики соотношений многих наиболее сложных «составляющих» психики (как ее частей) с ней как с целым. Эту специфику можно проиллюстрировать, например, на материале тех данных, которые получены в психологии мотивации [135, 166].

Действительно, современный подход к пониманию мотивации личности, согласно которому подавляющее большинство всех ее «составляющих» может выступать в функции мотивов поведения и деятельности, приводит к тому, что сама метасистема (личность) оказывается своеобразным образом включенной – *встроенной* в одну из входящих в нее систем, то есть в саму мотивационную сферу. В силу этого, между метасистемой (личностью) и системой (мотивацией) складываются не совсем обычные и не вполне традиционные с точки зрения классического системного подхода отношения: не система включается в метасистему, а, наоборот, метасистема – в систему. Мотивационная сфера личности, объективно выступая лишь определенным аспектом, «частью» личности в целом, а потому – некоторой системой, включенной в более общую и мощную метасистему (то есть в личность), является поэтому лишь одним из соподчиненных уровней ее организации; однако в то же время она оказывается в состоянии управлять всей этой метасистемой. На основе этого складывается ситуация, при которой «часть управляет целым»; она становится в определенном

смысле «важнее», чем целое. Не метасистема определяет функционирование и организацию системы, а, наоборот, система регулирует и детерминирует структурно-функциональную организацию и процессуальные проявления метасистемы. Все это позволяет допустить, что и для определения закономерностей взаимосвязи метакогнитивной сферы личности как системы с личностью как метасистемой по отношению к ней, также, по-видимому, недостаточно тех средств, которые сложились в традиционных вариантах системного подхода. По-видимому, такого рода отношения не могут быть ни объяснены, ни просто — адекватно представлены с точки зрения обычных, то есть «классических» представлений о соотношении системы и входящих в нее подсистем.

Таким образом, на основе обобщения рассмотренных особенностей метакогнитивной сферы личности можно сделать следующее итоговое заключение, которое одновременно позволяет сформулировать и задачи дальнейшего исследования. Все они свидетельствуют о том, что данная сфера, скорее всего, воплощает в себе основные принципы и закономерности, присущие собственно системной форме организации. Иными словами, это означает, что она, по-видимому, является системной по своей организации. Однако наиболее принципиальная трудность заключается в том, что она, хотя и выступает в таком качестве, но обнаруживает и очень существенные *специфические* особенности, достаточно радикально отличающие ее от систем «классических» типов. С одной стороны, это ее диссипативность и распределенность, производность и вторичность. С другой стороны, это и ее подчеркнуто функциональный (операциональный) характер и, следовательно, принадлежность не к системам субстанционального, а именно операционального типа. Наконец, это и наиболее важная и трудная для понимания и объяснения особенность. Она состоит в том, что по отношению к ней и к ее связям с психикой в целом практически «не работают» — не выполняются в полном виде классические представления о соотношении целого и части, о связях системы и подсистемы, о приоритетах в их иерархической значимости, которые сформулированы в традиционных вариантах системного подхода. Другими словами, хотя, скорее всего, метакогнитивная сфера личности и является системой, но выступает все же системой какого-либо *особого*, не исключено, принципиально отличного от традиционных типа. Наиболее общим аргументом в пользу этого как раз и является то, что, с одной стороны, по отношению к ней черты такой «особости» обнаруживаются очень явно, а с другой, именно они и обуславливают ее явную специфичность.

В связи с этим, выход из создавшейся ситуации может быть, по-видимому, лишь одним. Наиболее вероятно допустить, что при обращении к метакогнитивной сфере личности исследование сталкивается, хотя и собственно системным образованием, но все же с таким, которое не может быть раскрыто с позиций *традиционных* вариантов самого системного подхода, поскольку принадлежит к специфическому – особому их классу. Другими словами, реализация системного подхода к проблеме изучения метакогнитивной сферы личности, позволив дать ее собственно системную экспликацию, одновременно вскрывает недостаточность традиционных вариантов системного подхода. Она выявляет ситуацию, когда эти варианты уже не всегда оказываются достаточными для раскрытия реальной организации наиболее сложных образований психики. Следовательно, возникает известная в методологии системности необходимость ее собственного развития и совершенствования; обращения к тем вариантам самого системного подхода, которые являются и более современными, и более конструктивными. Один из таких вариантов, как известно, предложен в рамках *метасистемного подхода*. Тот потенциал, который содержится в нем, на наш взгляд, может быть реализован по отношению к исследованию метакогнитивной сферы личности в целом и к преодолению трудностей, которые были охарактеризованы выше и осложняют дальнейшие исследования в данной области, в частности. В связи с этим, представляется целесообразным дать общую характеристику основных положений данного подхода, которые могут содействовать решению сформулированных выше задач, а тем самым и способствовать необходимой операционализации представлений о метакогнитивной сфере личности. Именно такая операционализация является необходимым средством перехода от положений теоретико-методологического характера к исследованиям эмпирического и экспериментального плана.

Действительно, обоснованность обращения к данному подходу, равно как и его главных положений определяется тем, что именно в нем сформулированы представления о таком специфическом классе систем, которые по своей организации принципиально подобны организации самой метакогнитивной сферы личности. По существу, вся совокупность эмпирически установленных и охарактеризованных выше особенностей этой сферы практически полностью совпадает с теми особенностями и закономерностями, которые присущи системам данного класса. Кроме того, в нем содержатся и такие средства методологического плана, которые также весьма полно соответствуют содержанию основных

вопросов, возникающих при исследовании метакогнитивной сферы личности и которые также были сформулированы в итоге проведенного выше анализа. Наконец, следует учитывать, что этот подход уже реализован в настоящее время по отношению ко многим достаточно общим и значимым предметам психологического исследования и дал позитивные результаты. Так, в частности, представления о существовании систем со встроенным метасистемным уровнем были успешно реализованы по отношению к исследованию системы психических процессов [128], к разработке проблемы деятельности [131], к исследованию феномена психического выгорания [204], к разработке проблемы «психологических защит» личности [259], к исследованию процессов принятия решения [133], к проблеме сознания [322], к проблеме идентичности [211], феномену состоятельности [160], психическому здоровью [258], исследованию организационной культуры [163], мотивации учебной и профессиональной деятельности [135], исследованию рефлексивных процессов и закономерностей [132, 134] и др. Поэтому есть достаточные основания полагать, что они будут конструктивным и в плане решения *основных задач* данной работы – раскрытия и объяснения закономерностей метакогнитивной сферы личности. В связи с этим, представляется необходимым остановиться на его основных положениях, а также на том, каким образом они могут быть привлечены к решению этих задач.

Как известно, в основе этого подхода лежат два базовых положения. Во-первых, это положение, согласно которому, наряду с традиционными – «классическими» типами систем, существует особый, качественно специфический тип систем; они и обозначаются понятием систем со встроенным метасистемным уровнем. Во-вторых, это положение, согласно которому адекватным методологическим средством изучения такого рода «неклассических» систем может быть подход, адекватный их природе, то есть метасистемный подход. Наиболее общая и важная их особенность состоит в том, что они обладают способностью к функциональному включению в свой состав и содержание той метасистемы, онтологической, то есть структурной «составляющей» они сами являются. Во избежание недоразумений со всей определенностью подчеркнем, что речь идет, конечно, не о непосредственном – не о «морфологическом» включении, а лишь о том, что метасистема получает в составе той или иной системы определенную *форму репрезентации*. Она выступает в особом аспекте и в специфическом качестве – подчеркнуто *функциональном*. Наиболее показательным случаем этого является общий принцип организации психики в целом, поскольку,

как известно, «...атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее будет совпадать последняя с объективной реальностью, тем бóльшие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных задач. Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая «внешнеположена» ей, оказывается представленной в структуре и содержании самой психики» [127, с. 42]. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной (которая, однако, по своей сути и назначению должна быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Следовательно, сама сущность психического такова, что в его собственном содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено.

«Встроенность» метасистемы в систему (пусть и лишь в определенном аспекте, в определенной форме – функциональной) приводит к тому, что сама она начинает выступать в некотором смысле как ее локальная «составляющая», точнее – как один из ее уровней (метасистемный). Он обладает принципиальной двойственностью, двойной локализацией: находится и вне системы (поскольку характеризует саму метасистему), и внутри нее (поскольку функционально транспонируется в содержание системы). В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти – и парадоксальные отношения между системой и метасистемой. «Метасистема, оставаясь таковой, одновременно выступает и как система; система же также оставаясь таковой, одновременно выступает и как метасистема» [132, с. 44].

Возникновение «встроенного» метасистемного уровня означает не только появление в структуре целого (психики) «еще одного» – пусть даже и высшего, важнейшего уровня. Дело еще и в том, что данный уровень атрибутивно связан с *новым принципом* функциональной организации психики (и даже базируется на нем). Он состоит в том, что именно благодаря метасистемному уровню – как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее, – система обретает принципиально новую способность. Ее сущность заключается в том, что становится возможным делать саму себя в целом объектом своего же собст-

венного воздействия. Становится возможным управление своей собственной организацией (посредством своеобразного выхода на этот – внешний по отношению к ней уровень). Все эти особенности позволили сформулировать представления о метасистемном принципе функциональной организации психики [127, 132]. Он сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. Следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает очень общий характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует собой не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации психики в целом, но и пронизывает собой многие другие – также важные, хотя и более частные аспекты ее организации. Одним из них, по нашему мнению, является организация метакогнитивной сферы личности, которая выступает типичной разновидностью систем со встроенным метасистемным уровнем. Очень важно и то, что именно такая ее трактовка позволяет не только преодолеть сформулированные выше теоретические трудности, но и решить вопрос о психологическом статусе и своеобразии метакогнитивной сферы личности как системы (см. ниже).

Далее, следует учитывать, что метасистемный подход представлен в двух основных вариантах – онтологическом и гносеологическом. Во втором из них он предполагает необходимость реализации по отношению к предмету исследования вполне конкретной по содержанию и достаточно общей по смыслу совокупности исследовательских процедур, обозначаемой понятием «алгоритма системного исследования». Он включает последовательность пяти основных этапов (планов) исследования – метасистемного, структурного, функционального, генетического и интегративного [127, 131]. Каждый из них направлен на раскрытие и объяснение какой-либо базовой категории закономерностей, лежащей в основе организации предмета исследования. К их числу относятся, как известно, онтологические (метасистемные), структурные, функциональные, генетические и интегративные закономерности. Последовательность их раскрытия составляет гносеологический инвариант основных этапов системного исследования, на основе которого возможно осуществление собственно теоретических исследований и который позволяет дать достаточно полную, системную характеристику предмету изучения [134]. Этот инвариант дает возможность исследовать предмет именно во взаимосвязанном комплексе основных гносеологических планов, то есть целостно. Он содержит общие по смыслу, но вполне

конкретные по процедурному содержанию императивы, которые необходимо реализовать в целях раскрытия и объяснения указанных основных категорий закономерностей.

Так, первый из них (и, соответственно, первая из основных категорий закономерностей – метасистемные), собственно говоря, уже были охарактеризованы выше. Их выявление и интерпретация создают адекватные и во многом достаточные основы для реализации второго основного этапа и, соответственно, для выявления специфики второй основной категории закономерностей – структурных. В этом плане необходимо базироваться на том, что метасистемный уровень не только может, но для определенного класса систем и должен быть включен в их состав, точнее в их общую структурно-уровневую организацию. Тем самым создаются необходимые и достаточные предпосылки для обобщенного решения проблемы структурно-уровневой организации систем в широком диапазоне различий их собственных характеристик.

Как известно, основной трудностью на пути решения данной проблемы является несформулированность четких и обоснованных представлений о критерии-дискриминаторе уровней организации систем. Им является такой критерий, который позволяет дифференцировать (выделить и различить, то есть именно распознать) в исходной целостности базовые уровни ее структурной организации. Наряду с ним, существуют и критерии иного типа, которые обозначаются как критерии-верификаторы [127, 132]. Они направлены на то, чтобы обосновать, то есть именно верифицировать существование качественных различий между уровнями, устанавливаемыми посредством критерия-дискриминатора. При этом следует обязательно иметь в виду, что общая система критериев уровневой дифференциации принципиально множественна, то есть предполагает существование глубоких различий между уровнями одновременно по нескольким основным параметрам [73, 79, 277]. Вместе с тем, такая множественность критериев, конечно, не исключает, а наоборот предполагает наличие наиболее общего, базового параметра, выступающего главным основанием для их определения – критерия-дискриминатора, а его сущность состоит в следующем.

Любая достаточно сложная целостность, как указывается, например, в работах [127, 132], представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегратив-

ными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни [127, с. 50]. «Во-первых, уровень целостности, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или общесистемный уровень. Во-вторых, уровень отдельных подсистем, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – субсистемный уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных компонентов как базовых единиц целого». Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и элементный. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей метасистемы. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие» [153]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации. Более того, метасистемный уровень, как следует из представленных выше материалов, может быть функционально включен в их структурно-уровневую организацию, в их состав и содержание. Следовательно, структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации данного уровня как самостоятельного, несводимого к иным уровням. Пять указанных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися ка-

чественными «измерениями». Все это позволяет рассматривать совокупность пяти указанных уровней в качестве общего основания для дифференциации уровней в структурной организации систем. Аналогичным образом, в методологии метасистемного подхода показано, каким образом все иные категории закономерностей – функциональные, генетические и интегративные специфицируются по отношению к системам данного класса. Основные из них будут рассмотрены далее – при рассмотрении метакогнитивной сферы личности в каждом из них.

Наиболее принципиальным положением является то, что и данный подход в целом, и его базовое понятие специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем обладают множественными чертами сходства с теми – установленными эмпирически и представленными феноменологически особенностями, которыми характеризуется сама метакогнитивная сфера личности. С позиций данного подхода многие охарактеризованные выше особенности и закономерности метакогнитивной сферы личности становятся и более понятными, и более объяснимыми. В связи с этим, собственно говоря, и появляются достаточные основания для того, чтобы избрать именно этот подход в качестве не только возможного, но и, фактически, необходимого и наиболее общего методологического средства для ее изучения.

Наконец, появляются основания и для того, чтобы использовать базовое понятие данного подхода (понятие систем со «встроенным» метасистемным) в качестве главного объяснительного средства раскрытия организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Очень показательным, на наш взгляд, и то, что между понятиями *метасистемного* подхода и понятием *метакогнитивной* сферы существует не только семантическое, но и даже этимологическое родство. Оно, по-видимому, является следствием достаточно глубинных причин, и выявляет, по существу, принципиальное соответствие предмета исследования (метакогнитивной сферы) и его метода (понятого в широком смысле, то есть самого метасистемного подхода). В связи с этим, есть основания полагать также, что реализация именно этого подхода по отношению к ее изучению является не только правомерной в той же степени, как это уже было продемонстрировано его применением к целому ряду иных предметов, но и *наиболее* обоснованной, а по существу – и *необходимой*.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сформулировать *общую гипотезу*, которую, на наш взгляд, необходимо положить в основу

всего дальнейшего исследования и которая носит двуединый характер. Так, с одной стороны, в ее *онтологическом* варианте она состоит в предположении, согласно которому метакогнитивная сфера личности представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем и, более того, выступает одной из наиболее типичных разновидностей этого класса систем. Это означает, в свою очередь, что все основные и наиболее общие особенности и закономерности организации такого рода систем должны быть присущи и организации самой метакогнитивной сферы личности.

Вместе с тем, реализация по отношению к предмету исследования пяти указанных выше аспектов *гносеологического* инварианта системного исследования позволяет раскрыть его (в данном случае – метакогнитивную сферу личности в управленческой деятельности) в *полной* совокупности объективно главных закономерностей – онтологических, структурных, функциональных, генетических и интегративных. В свою очередь, это в значительной степени содействует разработке целостных представлений о его содержании и принципах организации. Аспекты, а одновременно – и этапы реализации данного инварианта, отражающие логику и структуру системного исследования, совпадают с основными категориями закономерностей изучаемого предмета. Следовательно, результаты, полученные при его реализации, *воспроизводят* в гносеологическом плане объективное содержание самого предмета. Поэтому сумма знаний о предмете (метакогнитивной сфере), полученная на основе данного инварианта, предстает уже как упорядоченная и организованная совокупность, то есть как *концептуальная целостность*. Именно эти черты (упорядоченность, непротиворечивость, целостность, системность знаний о предмете) являются, как известно, определяющими характеристиками теории как таковой. В силу этого, можно допустить, что реализация данного инварианта является не только необходимым, но и *достаточным* условием для того, чтобы развитие представлений о предмете в основном перешло с эмпирической стадии на собственно теоретическую [127, 261].

Это обстоятельство является принципиальным для реализации всего данного исследования, в силу чего на нем необходимо остановиться более детально. Как известно, представления об «алгоритме системного исследования» сложились в методологии системности и были затем развиты в метасистемном подходе как одной из его современных версий. В гносеологическом варианте он направлен на решение задач наиболее обобщенного плана, содержанием ко-

торых выступает именно обобщение – синтез тех данных, которые получены при реализации всех иных гносеологических планов. Тем самым, он, фактически, предполагает интеграцию всей совокупности данных о предмете и формулировку на этой основе базовых положений собственно обобщающего, то есть собственно концептуального характера. Другими словами, в гносеологическом варианте метасистемный подход во многом тождественен разработке обобщающих положений собственно концептуального характера о предмете исследования. Его реализация – это в значительной степени и есть формулировка целостных концептуальных представлений о предмете исследования. Данное обстоятельство должно поэтому не просто учитываться при его реализации, но и выступить основной задачей, точнее, макрозадачей данной работы, состоящей в формулировке именно таких – обобщающих, то есть собственно концептуальных положений.

Однако, констатация этого, действительно, важного обстоятельства с необходимостью приводит к постановке другого, не менее значимого – общего и сложного вопроса: что именно представляет собой концепция как таковая? В чем заключаются ее атрибутивные характеристики, а также необходимые и достаточные признаки и критерии? Существует ли какая-либо инвариантная структура научных концепций и, если, да, то какова она? При ответе на них следует учитывать, что наиболее общее предназначение любых положений концептуального характера состоит в содействии перевода тех или иных представлений с претеоретической (аналитической) фазы их развития на собственно теоретическую, концептуальную стадию. В связи с этим, конечно, возникает еще целый ряд очень сложных в методологическом плане вопросов. И по всей вероятности, наиболее принципиальный из них это вопрос о том, что именно составляет суть собственно теоретической фазы развития? Что является атрибутами этой фазы и каковы основные признаки теории как таковой, какова ее гносеологическая структура? Известно также, что в настоящее время существует несколько основных вариантов решения вопроса о сути и функциях, о составе и структуре научных концепций. Они, как правило, являются не столько альтернативными друг другу, сколько взаимодополняющими [35, 43, 51, 71, 175, 220, 244, 261, 264, 316].

Вместе с тем, при решении этого вопроса, следует руководствоваться теми представлениями, которые сложились в самом метасистемном подходе, поскольку именно он и является общей методологической основой всего данного

исследования. Более того, согласно известным методологическим императивам, делать это именно необходимо, поскольку лишь в таком случае может быть обеспечено единство методологических оснований всего проводимого исследования. Действительно, в плане возможного варианта ответа на поставленные выше вопросы о сути и структуре научных концепций в данном подходе, как известно, сформулированы следующие положения [127, 132]. Прежде всего, в нем зафиксировано следующее положение наиболее общего плана. Для подавляющего большинства научных направлений, а также тех или иных крупных проблем в их развитии достаточно отчетливо дифференцируются две основные фазы. На первой из них преобладает кумулятивное накопление эмпирических и экспериментальных данных, доминируют описательные схемы исследования, а общий «вектор» познания направлен, скорее, «вширь», нежели «вглубь», то есть процесс познания разворачивается по экстенсивному, а не интенсивному пути. Все это вполне закономерно и естественно; это – «общая судьба» большинства эмпирических наук. Данная – собственно эмпирическая, претеоретическая фаза развития может быть охарактеризована также и как аналитическая, поскольку на ней явно доминирует аспектный способ изучения. Следствиями аналитичности и аспектности являются иные особенности научного знания на данной фазе развития – эклектизм, «мозаичность» и фрагментарность представлений о предмете, их слабая систематизированность, нередкая противоречивость, дескриптивность и др. Все они являются объективными индикаторами, свидетельствующие о переходном, развивающемся и недостаточно зрелом характере самих научных представлений. Однако, очень важно и то, что переход с эмпирической, то есть претеоретической фазы развития представлений, на собственно теоретическую фазу, как правило, предполагает необходимость трансформации аналитического способа исследования в системный. Такая трансформация приводит, однако, к целому ряду важных следствий методологического плана.

В самом деле, в огромном большинстве случаев развитие психологически проблем и направлений, в конечном итоге, приводит к постановке группы сходных принципиальных вопросов. Практически всегда этими – «критически значимыми» вопросами являются следующие вопросы. Какова качественная определенность и качественная специфичность изучаемого предмета? Какой статус он имеет в качестве видového образования в пределах того или иного рода сходных с ним явлений? Каково его содержание – состав компонентов и их

структура? Каковы особенности его динамики – функциональной организации? В чем заключаются закономерности его возникновения и развития – генезиса? Каковы наиболее обобщенные, важные и определяющие его свойства – интегративные по своей сути, то есть системные качества?

Совокупность указанных проблем воспроизводит общий гносеологический инвариант основных планов исследования, который выступает императивом любого собственно теоретического исследования. Он, как известно, предполагает установление и объяснение в предмете исследования пяти базовых категорий закономерностей, каковыми вступают закономерности онтологического, структурного, функционального, генетического и интегративного типа. И наоборот, лишь при раскрытии предмета изучения во всех категориях закономерностей этого инварианта можно считать, что знание о предмете достигло уровня своей теоретической зрелости; преодолело свою изначальную мозаичность и аспектность. В связи с этим необходимо обратить внимание и на следующее – очень важное положение методологического плана: именно эти категории закономерностей являются не только объективно основными, но и во многом *достаточными* для целостного раскрытия предмета [127, 132].

Одновременно с этим в методологии системного подхода сформулированы представления о некотором *инварианте* основных «призм» видения предмета, синтез которых необходим для его полной, то есть собственно системной, характеристики. Другими словами, одним из основных ее императивов является необходимость раскрытия предмета во взаимодополняющей последовательности ряда основных планов (которые и составляют основу охарактеризованного выше «алгоритма системного исследования»). Ими являются следующие гносеологические планы [17, 127, 171]:

– Определение метасистемы по отношению к изучаемому предмету. Она является более широкой, онтологически представленной целостностью, в которой содержатся основания и детерминанты его «внутрисистемного», то есть истинного бытия.

– Раскрытие предмета исследования в плане выявления его качественной определенности, в относительной автономности от более общей системы, то есть в аспекте его собственного содержания.

– Установление закономерностей соотношения предмета с более общей целостностью и выявление тех качественных спецификаций, которые он обретает в ней.

- Раскрытие закономерностей структурной организации предмета.
- Раскрытие закономерностей функциональной организации предмета.
- Установление и интерпретация особенностей и закономерностей генезиса, развития предмета исследования.
- Определение и интерпретация интегративных свойств предмета исследования – его системных качеств.

Сопоставление этих двух инвариантов – общегносеологического (раскрывающего структуру научных теорий) и системного (служащего для целостной экспликации предмета), показывает, что они, фактически *изоморфны*. Следовательно, само знание о предмете уже как система, а не конгломерат отдельных аспектов, становится таковой в том случае, когда оно воспроизводит в своей организации все основные атрибуты системной организации самих объектов. Иначе говоря, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда оно само становится системой [127].

Следовательно, рассмотренные выше этапы исследования (совокупность которых иногда обозначается понятием «алгоритма системного исследования»), являясь одновременно основными аспектами исследования любого объекта, в совокупности – через синтез получаемых при их реализации результатов позволяют дать достаточно полное представление о нем, преодолеть односторонность «аспектного» его исследования. Такое – системно-организованное знание о предмете является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень собственно теоретического знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям свойства *концептуальной* полноты и завершенности. Стратегия исследования, построенная на базе указанных принципов, в решающей степени содействует переводу существующих и вновь получаемых знаний на уровень системной организованности, что в концептуальном плане равнозначно их переводу с претеоретического уровня развития на собственно теоретический уровень. Именно она и должна быть реализована в данном исследовании.

Кроме того, прежде чем продолжить анализ и придать ему, по возможности, бóльшую обоснованность, необходимо сформулировать дополнительные положения, учет которых также является необходимым. Во-первых, последовательность его осуществления должна быть именно такой, как это и предписывается указанной выше совокупностью основных аспектов (планов, этапов). Это означает, что он должен разворачиваться от метасистемного (онтологиче-

ского) этапа к структурному и далее – к функциональному, генетическому и, наконец, – интегративному. Следовательно, двумя первыми и в этом смысле – исходными являются именно аспекты, связанные с метасистемным и структурным исследованием метакогнитивной сферы личности. Более того, именно первый из них вообще является отправным, навальным и в этом смысле – определяющим для всего последующего исследования. Одновременно можно видеть, что его реализация, фактически, уже была начата, поскольку он как раз и непосредственно связан с сутью основной и наиболее общей гипотезы, сформулированной выше и состоящей в том, что данная сфера, возможно, представляется систему со «встроенным» метасистемным уровнем.

Во-вторых, следует учитывать очень явную специфику заключительного гносеологического плана (этапа) данного алгоритма – интегративного. Он, также как метасистемный подход в целом, представлен в двух вариантах. С одной стороны, он предполагает обобщение и синтез, то есть именно интеграцию всех данных, полученных в результате реализации каждого из четырех других планов (этапов). Именно это, однако, и является завершающей фазой анализа, представленного в каждом из последующих разделов данной работы, посвященных, соответственно, выявлению четырех базовых категорий закономерностей – метасистемных, структурных, функциональных и генетических. Следовательно, выводы, которые формулируются в конце каждого из них и содержат в себе в *интегрированном* виде основные положения реализации каждого из этих планов, одновременно выступают основными содержательными частями самой разрабатываемой в данном исследовании *концепции*. Другими словами, общую совокупность заключительных параграфов всех последующих глав и следует рассматривать как концентрированное изложение данной концепции, причем, в дифференцированном виде – в соответствии с каждой из четырех базовых категорий закономерностей – метасистемных, структурных, функциональных и генетических.

С другой стороны, интегративный план представлен и в онтологическом варианте. Его главной задачей является установление и объяснение качественно глубоко специфической и очень важной категории закономерностей – интегративных. Они, являясь очень разноплановыми, все же наиболее непосредственно и полно соответствуют определенной категории механизмов и средств организации систем – собственно интегративным. Однако суть дела в том и состоит, что именно эта категория механизмов и средств, а соответственно, – и законо-

мерностей максимально и, по существу, предельно характерна практически для всех сторон организации именно метакогнитивной сферы личности и вообще во многом лежит в их основе. Более того, закономерности и механизмы интегративного типа обладают свойством «вездесущести», то есть они распределены практически по всем иным основным аспектам и планам ее организации. Они буквально пронизывают всю ее организацию – и структурную, и функциональную, и генетическую. В связи с этим не только нецелесообразно, но и, фактически, контрпродуктивно пытаться изолировать их выявление и исследование – так сказать, «насильственно отделять» их от всех иных основных аспектов организации. Напротив, это гораздо более корректно и конструктивно осуществлять одновременно и параллельно с их исследованием. Данное важное методологическое обстоятельство, фактически, императивно предписывает недопустимость «вынесения» этого – варианта реализации интегративного плана в отдельную главу; наоборот, оно диктует необходимость его включения в состав всех других глав и их основных разделов.

В-третьих, следует особо подчеркнуть, что два первых этапа исследования, к реализации которых теперь и необходимо перейти, – метасистемный и структурный также тесным образом взаимосвязаны и представляют, по существу, единое целое. Эта связь с особой рельефностью выявляется именно с позиций сформулированных выше представлений, а ее сущность состоит в следующем. Как следует из содержания метасистемного подхода, существует такой качественно специфический класс систем, высший уровень организации которых образован функциональным включением в них той метасистемы, в которую они сами реально, то есть онтологически входят. Он и обозначается понятием систем со «встроенным» метасистемным уровнем, а иерархически высший уровень их организации образован итоговыми эффектами такого функционального включения, «встраивания». Согласно сформулированной выше гипотезе, метакогнитивная сфера личности как раз и является одной из такого рода систем. В силу этого, для выявления и объяснения ее организации – прежде всего, структурной, необходимо, в первую очередь, более детально и глубоко проанализировать особенности и закономерности, обусловленные именно ее метасистемной природой. Следовательно, для верификации этой общей гипотезы, необходимо реализовать, прежде всего, структурный план исследования. Таким образом, структурный анализ, к которому теперь необходимо перейти, является одновременно и следующим этапом комплексной стратегии исследования. Он

поэтому имеет не только очевидное самостоятельное значение, но и вообще играет ведущую роль во всем исследовании. Наряду с этим, он является и необходимым средством верификации основной и наиболее общей теоретической гипотезы, положенной в основу данного исследования.

1.5. Выводы по главе

1. В качестве одной из наиболее общих и актуальных проблем современного метакогнитивизма, нерешенность которой в значительной степени сдерживает развитие представлений в данной области, является несистематизированность существующих взглядов относительно содержания и структуры его предмета. Они характеризуются ярко выраженной гетерогенностью и множественностью, неупорядоченностью и нередко противоречивостью; представляют собой в настоящее время не столько упорядоченную систему взглядов, сколько выступают как несистематизированная совокупность данных как более общего, так и более частного характера. В связи с этим, возникает объективно главная задач – задача систематизации представлений в данной области, их концептуального синтеза и, соответственно, выработки понятийных средств, позволяющих реализовать это.

2. В настоящее время сложились необходимые и достаточные предпосылки для того, чтобы предложить в качестве основного понятийного средства, позволяющего обобщить – упорядочить и систематизировать всю совокупность существующих представлений о предмете метакогнитивизма, понятие метакогнитивной сферы личности. Оно является наиболее обобщенным, поскольку включает в себя практически все известные сегодня проявления метакогнитивного плана, равно как и лежащие в их основе процессы и механизмы, а также структурные образования. Тем самым оно выступает и средством перехода от накопления данных, то есть от экстенсивного пути развития данного направления, к их систематизации и упорядочиванию, к осмыслению как «частей целого». Следовательно, оно является родовым понятием, по отношению к которому все иные понятия, содержащиеся в метакогнитивизме и составляющие в своей совокупности его тезаурус, выступают как видовые, то есть как его частные проявления, как его спецификации.

3. Важнейшей особенностью понятия метакогнитивной сферы личности является то, что оно носит подчеркнуто функциональный характер, и выступает поэтому столь же подчеркнуто операциональным (а не субстанциональным) по

своей сути. Его содержание образовано многими важнейшими «составляющими» психики, взятыми, однако, в одной из их функций – в функции самопрезентации. Все эти образования, следовательно, включаются в него по специфически функциональному критерию, а сама метакогнитивная сфера поэтому и является, прежде всего, именно функциональным образованием. В свою очередь, определение предмета метакогнитивизма должно быть аналогичным по своему характеру – являться столь же операциональным (а не субстанциональным) по своей сути.

4. Наиболее глубинной причиной того, что большинство основных «составляющих» психики одновременно выступают и в качестве компонентов метакогнитивной сферы личности, является двойственность их собственного содержания, возможность их существования в двух формах, в двух статусах. Это означает, что они могут быть представлены и в форме активных операторов, и в форме относительно пассивных операндов. Следовательно, на основе всех указанных особенностей и закономерностей появляются необходимые аргументы для того, чтобы рассматривать понятие метакогнитивной сферы личности в качестве достаточно общего по смыслу и содержанию общепсихологического концепта.

5. Понятие метакогнитивной сферы личности является одновременно и очень значимым в плане раскрытия особенностей и закономерностей организации деятельности, прежде всего, – управленческой. В наиболее общем и принципиальном плане это обстоятельство обусловлено тем, что данная сфера выполняет, прежде всего, собственно регулятивные функции и лежит в основе процессуального обеспечения высшего уровня организации деятельности – уровня ее произвольной, осознаваемой регуляции. В более конкретном, но одновременно и специфицированном для управленческой деятельности плане это же обстоятельство обусловлено тем, что она является наиболее репрезентативным типом субъект-субъектных деятельностей. В ней, следовательно, на первый план выходят средства и механизмы, обеспечивающие «доступ» к информации субъектного плана – к информации, характеризующие самих субъектов и их собственно психологические характеристики. Именно такими средствами как раз и являются средства метакогнитивного плана в целом и рефлексивного, в особенности. В силу этого, понятие метакогнитивной сферы личности должно быть рассмотрено не только в качестве общепсихологического концепта, но и в качестве базового конструкта психологии управленческой деятельности.

6. По своему содержанию и принципам организации метакогнитивная сфера личности обладает принципиальной двойственностью. С одной стороны, она обладает рядом основных особенностей и характеристик, присущих системным образованиям и, следовательно, может быть отнесена к их разряду. С другой стороны, она обладает и целым рядом новых – дополнительных и более сложных особенностей, не позволяющих рассматривать ее в качестве системы «классических», традиционных типов.

7. Большинство из существующих в настоящее время трудностей теоретического плана, равно как и несистематизированность взглядов о предмете метакогнитивизма, минимизируется в том случае, если проинтерпретировать метакогнитивную сферу личности с позиций метасистемного подхода. В этом плане может быть сформулирована общая гипотеза, которую необходимо положить в основу всего дальнейшего исследования, согласно которой метакогнитивная сфера личности представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем. Она, следовательно, должна быть раскрыта с позиций представлений, сложившихся при изучении таких систем.

8. Наиболее общим методологическим средством раскрытия основных особенностей и закономерностей метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности может выступить метасистемный подход. Конкретной стратегией его выступает гносеологический вариант данного подхода, предполагающий реализацию по отношению к предмету исследования вполне определенной исследовательской процедуры, обозначаемой понятием «алгоритма системного исследования». Он включает в себя ряд основных гносеологических планов (этапов): метасистемный, структурный, функциональный, генетический и интегративный. Такая организация исследования составляет как комплексная стратегия исследования метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности, которая и должна быть положена в основу ее дальнейшего исследования.

Глава 2. СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕТАКОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Постановка проблемы исследования

Основная цель данной главы состоит в выявлении закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы личности в целом, а также тех ее специфических характеристик, которые она приобретает в условиях реализации управленческой деятельности, в особенности. При этом, однако, необходимо учитывать два важных обстоятельства. Первое из них связано со спецификой структурного плана исследования как такового, а второе – со спецификой того предмета, на который он направлен в данном конкретном случае, то есть со своеобразием самой этой сферы. Так, его специфика состоит, прежде всего, в том, что он, в силу своей сложности и комплексности, является дифференцированным и предполагает реализацию целого ряда исследовательских подэтапов, основными из которых выступают следующие:

1. Определение наличия или отсутствия у системы самостоятельной цели как критерия ее дифференциации от среды.

2. Выделение системы из среды в качестве относительно самостоятельной на основе определенного критерия.

3. Установление компонентного состава системы на основе «критерия взаимосодейственности» (П.К. Анохин [16, 17]), согласно которому компонентами является все то, что, так или иначе, содействует достижению ее цели.

4. Собственно структурное изучение системы, то есть определение множества связей между компонентами, установленными на предыдущем этапе.

В своей совокупности они и образуют структурный план исследования. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что главным из них является тот аспект изучения системы (и, соответственно, – подэтап), который направлен на установление ее компонентного состава. В то же время, именно его реализация по отношению к исследованию метакогнитивной сферы сопряжена, пожалуй, с наибольшими трудностями, носящими принципиальный характер. В свою очередь, они обусловлены двумя основными группами причин. Первая группа включает причины, обусловленные особенностями самой этой сферы, ее спецификой – как в аспекте содержания и состава, так и в аспекте ее организации, в том числе, и структурной (напомним, что все они уже были предметом анализа в параграфе 2.1.). Вторая группа причин связана с теми связями и отноше-

ниями, которые существуют между ней и более общей целостностью (метасистемой), в которую она объективно включена и онтологической «составляющей» которой она является – с самой психикой. Они также являются подчеркнуто специфическими и носят очень сложный, а нередко и не вполне обычный с точки зрения традиционных представлений характер [127, 134]. Напомним, что их главная особенность состоит в том, что отношения между системой и метасистемой носят во многом иной, а в ряде случаев – принципиально иной характер, нежели те, которые присущи отношениям между компонентами системы и самой системой и которые достаточно подробно раскрыты в традиционных вариантах методологии системного подхода. В частности, система, входящая в состав какой-либо более общей целостности (то есть метасистемы), в отличие от компонента, отнюдь не обязательно имеет соподчиненный ей характер; она не всегда выступает как ее локальная и более простая, чем она, «составляющая». В ряде случаев отношения между ними не только качественно трансформируются, но и могут даже инвертироваться: сама метасистема может функционально включаться в состав той или иной системы. Именно это и составляет суть механизма метасистемной обратимости [132]. В силу этого, прежде чем и для того, чтобы непосредственно перейти к рассмотрению комплекса вопросов, связанных с раскрытием особенностей и закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы, необходимо попытаться определить и, по возможности, объяснить, *что именно* она представляет собой в целом. Необходимо понять, какова ее психологическая специфика, ее статус и общие принципы, лежащие в основе ее формирования и функционирования. Наконец, следует попытаться понять и объяснить также, какова специфика ее места и роли в общей организации психики, а также тех функциональных отношений, которые существуют между ними.

Подчеркнем также, что две эти задачи не только не являются независимыми, но, напротив, тесно взаимосвязаны и взаимопологают друг друга. Это связано с тем, что специфика содержания и организации данной сферы во многом как раз и определяется своеобразием ее отношений с той метасистемой, в которую она включена, то есть с психикой в целом. Кроме того, напомним также, что с решением именно этих задач связаны те – наиболее общие теоретические предположения, которые сформулированы в главе 1 и которые должны выступить в качестве общих гипотез, подлежащих верификации в ходе дальнейшего рассмотрения. Во-первых, это наиболее общая гипотеза, согласно ко-

торой метакогнитивная сфера личности не может быть адекватно и достаточно полно раскрыта с позиций традиционных вариантов системного подхода, поскольку принадлежит к особому, качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Во-вторых, это предположение, согласно которому ее структурная организация базируется на уровневом принципе и, по-видимому, образована совокупностью ряда соподчиненных уровней, синтезированных в целостную иерархию, на вершине которой как раз и локализован метасистемный уровень. Наконец, подчеркнем, что задача раскрытия закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы личности составляет главное содержание второго основного этапа рассмотренного в главе 1 «алгоритма системного исследования» и, соответственно, составляет второй этап реализуемой в данной работе комплексной стратегии ее исследования, то есть локализуется в ней сразу же после метасистемного этапа (аспекта). Следовательно, структурное исследование должно быть не только непосредственно связан с ним, но и выступать его логическим продолжением, базироваться на тех данных, которые позволяет получить его реализация.

Итак, на основе всего вышесказанного, главная и наиболее общая задача дальнейшего анализа должна быть сформулирована следующим образом. Какова специфика содержания, состава и организации метакогнитивной сферы личности, а также ее отношений с более общей метасистемой, в которую она объективно включена, то есть с психикой в целом? Подчеркнем также, что она является, конечно, чрезвычайно сложной и объемной, а в задачи дальнейшего анализа не входит, естественно, ее рассмотрение и тем более решение в целом. Он направлен лишь на то, чтобы, по возможности, приблизить такое решение, содействовать ему, а также способствовать операционализации представлений в данной области, что, в свою очередь, позволит перейти от уровня ее теоретического исследования к уровню эмпирико-экспериментального и натурального (деятельностного) исследования.

2.2. Системный и метасистемный уровни организации метакогнитивной сферы личности

При решении этих задач необходимо, по нашему мнению, опираться на те результаты, которые были рассмотрены в главе 1 и которые раскрывают содержание наиболее обобщенного концепта, обоснованного в ней и служащего для фиксации предмета исследования – понятия метакогнитивной сферы личности.

Одним из главных среди них явилось установление очень общей по содержанию и смыслу закономерности, точнее – тенденции. Она состоит в последовательном и все более выраженном расширении предметной области исследований в области метакогнитивизма, то есть, фактически, в тенденции к расширению границ его предмета. Начав развитие с очень узкого круга так называемых «рудиментарных» определений (метапамяти, метамышления и метапознания), он впоследствии стал включать все новые и новые образования метакогнитивного плана, а в своих современных вариантах – уже не только метакогнитивного, но и метарегулятивного, метакоммуникативного и т.п. планов.

Вместе с тем за этой – феноменологически представленной в очень явном виде тенденцией стоят причины более глубокого и принципиального порядка. Они связаны, в конечном счете, с тем, что очень многие, а не исключено, – и подавляющее большинство основных «составляющих» психики обладают одной очень общей и, по существу, фундаментальной особенностью. Она может по-разному обозначаться, в ней могут выделяться и фиксироваться в исследовательских целях те или иные ее стороны, но смысл ее остается неизменным. Она заключается в том, что подавляющее большинство основных «составляющих» психики может выступать в двух основных формах, в двух основных проявлениях и, соответственно, обретать два разных статуса. Причем, впервые это было установлено как раз на материале отмеченных выше, наиболее ранних предметов исследования – процессов метапамяти и метамышления. С одной стороны, это их исходная, «первичная» форма, заключающаяся в том, что каждая основная «составляющая» психики реализует ту функцию, на которую она, собственно говоря, направлена и для которой она предназначена. Однако, с другой стороны, это своего рода производная – «вторичная» форма, суть которой состоит в том, что основные «составляющие» психики могут реализовывать специфические для них «первичные» функции в отношении самих же себя. Тот потенциал и те функциональные (и иные возможности) которые заложены в них, могут «оборачиваться» на них же самих. Подчеркнем еще раз, что впервые и наибольшей степенью очевидности это было установлено по отношению к когнитивным процессам, в результате чего, собственно говоря, и возник сам термин «метакогнитивные процессы». Затем, однако, эта же фундаментальная особенность была выявлена и по отношению ко многим иным также основным «составляющим» психики.

Действительно, одной из наиболее важных современных тенденций развития метакогнитивизма является переход от «узкой» трактовки процессов и иных образований, составляющих его предмет, к ее «широкой» трактовке. В его основе лежит осознание того фундаментального факта, что в качестве метакогнитивных образований могут выступать не только установленные на самых ранних этапах его развития метакогнитивные процессы, но и многие иные психические структуры и личностные образования и качества. Более того, фактически любой компонент, входящий в структуру психики, любая «составляющая» личности реально выступают в функции метакогнитивных детерминант поведения и деятельности. Но тогда и возникает принципиальный вопрос: в чем заключаются различия объемов и содержания понятий «психика» и «метакогнитивная сфера личности»? Как развести эти понятия и соответственно реальности, обозначаемые ими, если по своему составу они оказываются фактически эквивалентными или даже тождественными?

Другим очень важным в контексте рассматриваемых вопросов является общепризнанное положение о том, что многие психические явления и структуры, образования синтезируют в себе обе отмеченных выше формы, оба статуса. Они одновременно выступают и в своей исходной форме (то есть в статусе основных собственно психических образований) и в форме, точнее – в функции метакогнитивных факторов. Примеров этому очень много: так, скажем, метамыслительные процессы, реализуя свои специфические функции, вовсе «не отменяют» и не заменяют реализацию собственно мыслительных процессов (как «первичных») по отношению к ним самим. Напротив, они реализуются совместно с ними и, более того, могут вступать с ними, как показано в работах [125, 127, 131, 132], в синергетические отношения. Вместе с тем очень существенно и то, что никакое из отмеченных образований не является чем-то одним – либо например, либо «просто» когнитивным, либо метакогнитивным образованием. Напротив, подавляющее большинство психических структур и образований, явлений и процессов, качеств и свойств одновременно принадлежат и к тем, и другим, то есть к двум уровням психической организации одновременно.

В свою очередь, это означает, что практически все они обладают свойством, которое обозначается понятием *функциональной обратимости* [132] и которое также исходно уставлено опять-таки по отношению к когнитивным процессам, а затем было обнаружено и по отношению к иным «составляющим». Так, по отношению к психическим процессам в целом и к когнитивным процес-

сам, в частности, его суть состоит в следующем. Один и тот же процесс (в частности, мышление) может выступать в двух основных модусах: не только в исходном (операторном), но и во вторичном (операндном). В последнем, фактически, каждый из основных «первичных» процессов удваивает свой исходный статус: он становится не только процессом как таковым, но и тем, на что он сам же и направляется, в отношении чего реализует свой процессуальный потенциал. Мы уже отмечали, что на это важное обстоятельство указывал С.Л. Рубинштейн, отмечавший, что любой процесс – это не только то, *чем познается*, но и то, *что познается* [239]. Аналогичная мысль сформулирована и Л.М. Веккером, который подчеркивал, что любой психический процесс может быть представлен не только как активный оператор, но и как относительно пассивный операнд [42]. Однако, становясь операторами по отношению к самим себе, «первичные» процессы (в основном, когнитивные), качественно меняют свой исходный статус. Они выступают уже не операторами (как тем, чем познается), а становятся операндами (как тем, что познается, репрезентируется). Аналогичная картина имеет место, однако, и по отношению, например, к основным качествам личности, равно как и к ее базовым способностям (см. подробнее об этом в параграфе 4.4., а также в наших работах [125, 134]).

Далее, продолжая анализ соотношений метакогнитивной сферы личности, необходимо, на наш взгляд, обязательно обратить внимание на еще один важный момент. Дело в том, что в современном метакогнитивизме содержатся данные, позволяющие обнаружить не только сам факт встроенности психики (как метасистемы) в эту сферу (как систему), но и прояснить некоторые его механизмы этого. Как уже отмечалось выше, очень многие из личностных образований и структур, синтезированные в рамках метакогнитивной сферы и образующие ее состав, обладают общей фундаментальной особенностью. Она состоит в том, что все они имеют своего рода «двухкомпонентную структуру»: в них имеет место синтез собственно операционального и операндного их начал. Благодаря такой двойственности психологической природы, многие психические процессы, образования, структуры и пр. могут одновременно выступать и как принадлежащие метасистеме – психике, и как принадлежащие к метакогнитивной сфере. За счет этого механизма не только достигается возможность встраивания метасистемы (личности) в систему (метакогнитивную сферу), но и обеспечивается еще один, более глубинный и важный механизм – механизм взаи-

мообратимого перевода этих структур, образований, качеств и пр. с одного уровня на другой (с метасистемного на системный, и наоборот).

Наряду с этим, важно иметь в виду, что обе эти формы – исходная и производная («первичная» и «вторичная») могут не только функционально чередоваться, но и синхронизироваться. Такой их синтез в гораздо большей степени раскрывает их действительное – более богатое, чем это полагалось прежде, содержание, а также реальную сложность и многомерность их организации. Эта сложность, в частности, как раз и состоит в том, что все основные «составляющие» психики характеризуются принципиальным двуединством их содержания и имеют, соответственно, своего рода «двухчленную» структуру. Они выступают и в качестве так сказать «просто» тех или иных компонентов психики, и в качестве ее метакомпонентов, то есть в форме различных по содержанию и направленности метаобразований. Природа последних состоит в том, что все они являются продуктами и результатами их «оборачивания» на самих же себя. Тем самым складывается следующая ситуация. С одной стороны, они сохраняют свой статус как основных «составляющих» психики и свой статус как базовых компонентов ее общего содержания. Однако, с другой стороны, они же выступают и в качестве компонентов собственно метакогнитивной сферы личности. Вместе с тем, сама она является, как было показано выше и как это полагается аксиоматичным, пусть и очень специфической, но все же «составляющей» психики в целом. Это же положение можно представить и в несколько иной формулировке. Практически все основные «составляющие» психики в целом как исходной и наиболее общей целостности (то есть метасистемы) одновременно являются и базовыми компонентами самой метакогнитивной сферы личности. Причем, наиболее важно то, что сама эта сфера как раз и формируется, а затем и функционирует не в качестве какого-то «особого и отдельного» – рядоположенного всем иным образованиям психики. Она складывается на основе того, что все уже представленные в ней «составляющие» могут проявлять себя в определенной функции – в функции средств самопрезентации и саморегуляции, то есть в «самонаправленной» форме. Тем самым, все основные «составляющие» психики обнаруживают свою одновременную принадлежность и к метасистеме, и к одной из входящих в нее систем – к метакогнитивной сфере личности.

Однако, не менее важно, что состав и содержание самой метакогнитивной сферы – именно по той причине, которая была констатирована выше, как раз и формируется за счет способности многих или даже все основных «составляю-

щих» психики выступать в двух охарактеризованных выше формах. Следовательно, метакогнитивная сфера, вообще конституируется на основе этой двойственности их форм, а также механизма их функциональной обратимости. Тем самым, однако, складывается ситуация, при которой основные «составляющие» психики, будучи онтологически представлены первично и существуя «сами по себе», одновременно функционально включаются и в состав самой метакогнитивной сферы личности. Она, в свою очередь, выступает продуктом и результатом такого функционального включения, то есть своеобразного «встраивания» метасистемы психики в нее как в систему. Кроме того, это означает, что все они синтезируются в нее как в некоторую качественно определенную целостность именно по функциональному критерию – на основании того, что все они обладают общей и очень важной функцией саморепрезентации, самонаправленности. Реализуя ее, они тем самым и входят в состав метакогнитивной сферы; фактически образуют его. Итак, можно видеть, что имеет место та же самая ситуация и действуют те же самые механизмы, которые присущи всем системам со «встроенным» метасистемным уровнем и описаны в предыдущей главе.

Следовательно, метакогнитивная сфера личности с высокой степенью отчетливости и очевидности демонстрирует свою принадлежность к этому классу, то есть, действительно, является системой со «встроенным» метасистемным уровнем. Это означает, что та – онтологически существующая и объективно представленная целостность, то есть психика в целом (как метасистема по отношению к ней), функционально включается в ее состав (как в одну из ее «составляющих» – в одну из входящих в нее систем). Она «встраивается» в него и тем самым, фактически, его же и конституирует. Констатируя эту – наиболее общую особенность, необходимо подчеркнуть, что она, в свою очередь, становится возможной на основе аналогичного по значимости, то есть также очень важного и, по существу, фундаментального атрибута, присущего многим основным «составляющим» психики. Это, как уже отмечалось выше, свойство их функциональной обратимости – их способности к транспонированию на самих себя, то есть, фактически, к саморепрезентации.

Все сказанное означает, что по отношению к исследованию метакогнитивной сферы, действительно, должен быть реализован подход, согласно которому она трактуется в качестве системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Таким методологическим подходом является, как же отмечалось выше, метасистемный поход, а его реализация позволяет естественным образом

преодолеть ряд теоретических трудностей, сформулированных в настоящее время. Кроме того, с этих позиций многие особенности и закономерности этой сферы, кажущихся с точки зрения традиционных представлений непонятыми и даже «странными», предстают как вполне естественные. На данном положении необходимо становится более подробно, поскольку оно демонстрирует, каким образом и как конкретно вывод о принадлежности данной сферы к такого рода системам, действительно, может выступать в качестве реального объяснительного средства. Основными в этом плане, по нашему мнению, являются следующие положения теоретического плана.

Прежде всего, становится совершенно понятным и естественным то – исходное и наиболее общее положение, которое многократно зафиксировано эмпирически и отражает суть современных представлений, сложившихся в метакогнитивизме. Согласно ему, метакогнитивная сфера личности характеризуется очень высокой степенью гетерогенности ее компонентов, а также их большой множественностью. С позиций сформулированных выше представлений становится очевидным, что иначе дело просто не может обстоять, поскольку этот состав – как в аспекте его широты, так и в плане его разнообразия формируется посредством функционального включения в него столь же многочисленных и столь же гетерогенных «составляющих» психики в целом. Собственно говоря, именно поэтому и возникает необходимость в базовом конструкте – в понятии метакогнитивной сферы личности. Это такое концептуальное средство, которое, являясь в известном смысле собирательным и позволяющим синтезировать в себе крайне разнородные и столь же множественные «составляющие», фиксирует, однако, их важнейший общий признак. Им является их «вторичный» характер по отношению к основным «составляющим» психики, на базе которых они формируются посредством механизма функциональной обратимости.

Далее – причем, в значительной мере на основе учета предыдущей черты становится понятным и естественным сходство и даже подобие многих определяющих особенностей метакогнитивной сферы личности с основными характеристиками так называемых неклассических типов систем, которое также было констатировано выше. Речь идет, прежде всего, о сходстве данной сферы с распределенными, производными, диссипативными, наложенными, популяционными системами. Все они обладают рядом специфических характеристик, принципиально отличающих их от тех, которые традиционно изучаются в теории систем и которые объединяются одним общим признаком – все они, как

правило, носят субстанциональный, морфологический характер. Кроме того, они характеризуются относительно инвариантным составом своих базовых компонентов, то есть являются так называемыми «системами с постоянным составом» [271]. Однако системы неклассических типов в целом и метакогнитивная сфера личности как одна из них имеют принципиально иную и даже в чем-то противоположную особенность. Причем, она является настолько важной для самой их сути, что должна рассматриваться в качестве их атрибута: они носят принципиально «вторичный», производный характер и, следовательно, определяются как в аспекте состава, так и в плане организации иными – «первичными» системами, а также входящими в них «составляющими».

Следовательно, они принадлежат к системам с «переменным составом», который изменяется – трансформируется и развивается вслед за развитием тех «первичных» систем, на основе которых они реализуются. Сама же метакогнитивная сфера личности предстает с этих позиций уже не как *морфологическая* структура, а как закономерный *функциональный* синтез всех психических образований, которые выполняют функцию самопрезентации и саморегуляции. Двумя важнейшими следствиями этой трактовки, к анализу которых мы также возвратимся далее, являются следующие положения. Во-первых, метакогнитивную сферу личности целесообразно рассматривать не как парциальную (хотя и обширную по составу) структуру, а как структуру, в состав которой входят образования, локализованные во многих, очень разных структурах и уровнях психической организации. Во-вторых, метакогнитивная сфера личности – это система с принципиально вариативным содержанием. Функциональный принцип объединения допускает «попеременное» и «временное» представительство в ней различных когнитивных и личностных образований и структур.

Столь же очевидным образом объясняются диссипативность и «распределенность» как еще две важнейшие особенности метакогнитивной сферы. Их сущность состоит в том, что она в принципе не может быть понята в качестве какой-либо локальной и ограниченной по своему объему «составляющей» – подсистемы психики. Она, напротив, именно распределена практически по всему ее содержанию и сопряжена со всеми ее основными «составляющими», характеризуясь свойством, которое иногда обозначают понятием «вездесущести». К этой – одной из важнейших особенностей мы возвратимся в ходе последующего анализа. Дело в том, что именно она заставляет переосмыслить традиционные представления, сложившиеся в системном подходе о специфике

соотношения «целого и его частей» (в данном случае психики и одной из ее составляющих – метакогнитивной сферы). Они негласно, но автоматически предполагают, что «целое всегда сложнее своих частей»; что оно «состоит из них» и поэтому выступает более совершенным и сложным, нежели они.

Наряду с этим, проведенный анализ приводит к формулировке еще одного вопроса, а также предоставляет определенные основания для ответа на него; его сущность состоит в следующем. Если, действительно, метакогнитивная сфера личности представляет собой столь сложное и многокомпонентное образование, характеризующееся множественностью и гетерогенностью состава и содержания, то как оно должно быть осмыслено именно *в целом*? Либо это агрегативная совокупность функционально сходных структур и процессов? Либо же это образование, характеризующееся чертами интегративности и, следовательно, системности организации, то есть принадлежащее к классу собственно системных объектов? Другими словами, может ли быть вообще на нее распространена категория системы?

Данный вопрос, в силу его наибольшей сложности, требует в целом – в его полном объеме также многоаспектного рассмотрения и обоснования, что и будет осуществлено ниже. Пока же отметим лишь один его аспект, но такой, который является определяющим и вообще нередко рассматривается в качестве объективного основания для дифференциации тех или иных систем и правомерности их отнесения к классу собственно системных образований. Речь при этом идет, естественно, о понятии *системообразующего фактора*. Как известно из методологии системного подхода, в его качестве рассматривается именно цель функционирования той или иной системы. В свою очередь, она может реализовываться эту важнейшую для формирования и функционирования системы роль посредством вполне определенного механизма. Он состоит в том, что все компоненты и иные «составляющие» формирующейся целостности переводятся в специфический режим – в режим взаимодействия ее достижению [17]. Вместе с тем, именно такой – очень общий и вполне очевидный системообразующий фактор как раз и обнаруживается по отношению к метакогнитивной сфере. Действительно, как показано выше, основным признаком всех образований метакогнитивного плана и, следовательно, критерием их отнесения к ней является общность их функциональной направленности. Она состоит в том, что все они направлены на организацию и регуляцию не внешне-ориентированной активности, а на организацию и регуляцию тех процессов и

структур, которые сами ее, но уже непосредственно, и обеспечивают. Они имеют противоположный ко всем «первичным» составляющим психики характер – не внешне-, а внутренне-ориентированный. Они обеспечивают не организацию и регуляцию активности, а «организацию самой этой организации». Все они, следовательно, объединяясь по специфически функциональному критерию, образуют в итоге аналогичную по природе систему – систему именно функционального (а не субстанционального) типа. Причем, очень показательным, а в плане обоснования системного статуса метакогнитивной сферы – и доказательно, что такое функциональное объединение происходит на основе вполне определенного и четкого критерия, – системообразующего фактора, также носящего функциональный характер.

Действительно, одним из основных положений метакогнитивизма в целом и наиболее современного подхода, сложившегося в его рамках – *ресурсного*, является следующее положение. Метакогнитивные процессы, равно как и все иные функционально сходные с ними образования, трактуются в качестве важных операционных средств, направленных на расширение функциональных возможностей личности и на повышение общего потенциала – субъектного ресурса личности в целом, а также ее ментальных характеристик, в особенности [125, 282, 421, 430, 479]. Следовательно, все они направлены на достижение одной и той же цели, состоящей в максимизации ресурсных возможностей субъекта и его когнитивного потенциала, в увеличении его ментальных ресурсов. Такой прирост возможностей как раз и выступает следствием тех – основных и наиболее специфических для всех метакогнитивных образований эффектов, которые составляют самую их суть – эффектов и механизмов интергитивного, синергетического типа. Они и приводят к «выходу» за пределы наличного когнитивного потенциала, позволяя расширить ресурсные возможности субъекта. Однако именно наличие общей цели как раз и рассматривается в системном подходе в качестве главного и объективного системообразующего фактора. Он не только определяет компонентный состав системы – ее содержание, но и придает всем частям системы организованность посредством перевода их функционирования в режим взаимодействия в плане достижения цели. Именно так, по-видимому, и обстоит дело в плане организации метакогнитивной сферы личности: в нее включается всё то, что так или иначе, прямо или косвенно может содействовать обеспечению именно этой цели, состоящей в максимизации когнитивного и иного потенциала субъекта.

Кроме того, важно учитывать, что функциональное объединение компонентов под системообразующим влиянием общей цели имеет и еще одно необходимое следствие, приводит к еще одному – также известному эффекту. Он состоит в том, что между самими компонентами также устанавливаются закономерные отношения, причем, вполне определенного смысла и функционального предназначения. Это – известные в теории систем отношения синергетического типа, которые являются наиболее характерными для интегративных целостностей (в отличие от агрегативных) [329]. Следовательно, на основании этого, появляются веские аргументы рассматривать метакогнитивную сферу личности в качестве такого образования, в котором, действительно, воплощены базовые атрибуты системной формы организации. Они и позволяют считать ее системой в непосредственном смысле данного понятия.

Вместе с тем, именно с этим выводом связано еще одно положение, учет которого, пожалуй, наиболее важен в плане раскрытия действительных отношений между психикой в целом (как метасистемой по отношению к данной сфере) и самой этой сферой. Действительно, вскрывая не только очень сложный, но именно системно-организованный ее характер, оно показывает некорректность и даже недопустимость переноса на эти отношения тех – традиционно сложившихся представлений, которые используются для понимания и объяснения соотношений «целого и его частей» и которые сводят их к отношениям системы и ее компонентов. В самом деле, как было показано выше, метакогнитивную сферу – именно в силу ее базовых атрибутов (с одной стороны, ее диссипативности, распределенности, «производности», а с другой, – и не менее характерной для нее организованности и целостности) неправомерно трактовать в качестве *локального* компонента той или иной целостности. Напротив, она допускает свое достаточно полное выявление и представление, а затем и объяснение только с позиций ее понимания в качестве достаточно сложного, собственно системного образования. Однако именно отсюда и следует вывод, имеющий наиболее принципиальное значение для адекватной интерпретации этой сферы. Отношения между ней и психикой в целом в принципе не могут быть описаны и объяснены как отношения системы и ее компонента, поскольку представляют собой отношения принципиально иного типа – отношения метасистемы и системы. В связи с этим, подчеркнем, что, как уже отмечалось, в методологии метасистемного подхода раскрыты многочисленные и очень глубокие – именно

качественные отличия отношений такого рода от тех, которые характерны для отношений системы и ее компонентов.

Одним из главных отличий такого плана и, соответственно, принципиально новой особенностью организации самих систем как раз и является возникновение особого их класса, охарактеризованного выше. Это – класс систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Действительно, те образования, которые характеризуются очень сложным собственным содержанием и организацией, то есть являющиеся не компонентами, а именно системами, характеризуются и несопоставимо бóльшими, чем они, возможностями и ресурсами. Такая их сложность создает основу для того, чтобы они могли вступать в совершенно новые и иногда не совсем обычные отношения с теми системами более общего плана, в которые они сами реально включены и онтологическими частями которых они выступают (то есть с метасистемами). Сущность этих отношений, как раз и состоит в том, что «не только система встраивается в метасистему, но и наоборот: метасистема включается в систему. Правда, происходит это лишь в функциональном плане, но, конечно, не морфологически» [127, с. 107].

Далее, еще одной – также очень важной и крайне специфической особенностью данного класса систем, которая, впрочем, во многом обусловлена предыдущей особенностью, является и следующая закономерность их организации. Они обладают уникальной способностью использовать в целях организации собственного функционирования потенциала той метасистемы, в состав которой они сами объективно, то есть онтологически включены. Это – возможность так сказать «эксплуатировать» потенциал самой метасистемы, который является несопоставимо бóльшим, нежели собственный потенциал любой из ее подсистем [125, 127, 132]. Очевидно, однако, что при этом резко расширяются практически все возможности самой системы, повышается ее общеадаптационный потенциал. Однако именно это и имеет место по отношению к организации метакогнитивной сферы личности, рельефно и систематически обнаруживается эмпирически и даже дано феноменологически. Самой сутью всех метакогнитивных образований является именно то, что они основываются практически на всем когнитивном и ином (прежде всего, регулятивном) потенциале психики. В их качестве может выступать любая сущность, первично входящая в состав психики в целом, но могущая при определенных условиях реализовывать и метакогнитивные функции. Более того, по отношению к их реализации может быть применен и потенциал всех – так сказать «не-метакогнитивных» образо-

ваний. Так, в этой функции выступают и собственно регулятивные процессы психики (например, планирование, принятие решения, контроль и др.), поскольку заложенный в них мощный «организационный потенциал» также может использоваться в качестве действенного операционного средства собственно метакогнитивного плана. Являясь, действительно, очень эффективной и выигрышной во многих отношениях, эта особенность, однако, выступает очень существенным фактором, затрудняющим определение границ метакогнитивной сферы. Соответственно, она является и трудностью ее «отграничения» от всех иных предметов психологического изучения, а в конечном итоге – и наиболее принципиальной трудностью определения самого предмета метакогнитивизма (напомним, что данный вопрос уже рассматривался в главе 1).

Вместе с тем, нельзя не отметить, что, наряду с отмеченной выше, имеет место и своего рода противоположная по генезису, но принципиально сходная по функциональному смыслу особенность их соотношений. Метасистема (в данном случае – психика), с одной стороны, порождает внутри себя вполне определенную в функциональном отношении систему (в данном случае – метакогнитивную сферу). За счет того и на основе этого возникают качественно новые свойства, возникают принципиально новые средства и механизмы ее функционирования. По отношению ко всем образованиям метакогнитивного плана и по отношению к этой сфере в целом в их качестве как раз и выступает, прежде всего, сам атрибут самопрезентированности, а в более общем плане – и свойства осознаваемости, произвольности, возможности «субъектного контроля» и пр. Однако именно они затем активно «эксплуатируются» самой метасистемой – они транспонируются на нее и, более того, составляют содержание высшего уровня ее организации – осознаваемого, произвольного (а во многом – и образуют, порождают его). Складывается ситуация, при которой посредством формирования внутри себя определенной системы (метакогнитивной сферы) психика порождает качественно новые особенности и закономерности. Она, однако, затем и использует их же в плане своей организации в целом; сами они, следовательно, становятся уже не только особенностями какой-либо локальной ее системы, но и особенностями, присущими ей в целом. Другими словами, не только система «эксплуатирует» метасистему, но и последняя также в известном смысле «эксплуатирует» первую – точнее, использует достигаемые посредством ее функционирования результаты.

Констатируя это, важно отметить, что одним из главных и наиболее специфических атрибутов всех образований метакогнитивного плана и, следовательно, всей метакогнитивной сферы является принципиально осознаваемый характер. Это означает, что в них и *через них* вообще возникает и само свойство осознаваемости, и сам феномен сознания. Однако, столь же известно, что важнейшей гранью данного свойства является неразрывно связанный с ним атрибут трансцендентности. Он, наряду с иными его чертами, характеризуется еще и тем, что означает постоянный «выход за наличное»; преодоление того содержания, которое было представлено в функционировании исходно, постоянное порождение нового. Однако, сам этот атрибут – причем, со столь же объективной необходимостью приводит к постоянному внесению неопределенности и неупорядоченности в функционировании систем. Точно так же и все метакогнитивные образования, наряду с тем, что они содействуют организации функционирования, имеют и обратную сторону. Они постоянно приводят к тому, что обычно обозначается как «выход за наличное», то есть к преодолению уже имеющегося содержания. Данное положение многократно зафиксировано и подробно изучено в целом ряде психологических исследований. Оно имеет такие важные проявления, как, скажем, феномен надситуативной активности [210], механизм «психического гетеростаза» [142] и др. Тем самым, функционирование метакогнитивной сферы атрибутивно сопряжено с внесением постоянной дезорганизации, элементов неупорядоченности – хаотичности в процесс функционирования, а в итоге – с порождением своего рода асистемности. Данное явление также достаточно полно раскрыто в методологии метасистемного подхода и составляет важную грань функционирования систем. В частности, показано, что это – особый вид асистемности, обозначаемый как продуктивная асистемность [127, 225]. Он состоит в том, что наиболее сложноорганизованные системы и, в частности, системы со «встроенным» метасистемным уровнем обладают механизмом продуцирования противоречий, возникающих в ходе развития и их последующего преодоления в качестве средства своего развития.

Таким образом, можно видеть, что все эти, а также ряд иных особенностей и закономерностей, свойственных отношениям именно метасистемы и системы (а не системы и компонентов), действительно, являются очень характерными для соотношения метакогнитивной сферы личности психики в целом. И именно их наличие, равно как и те – также важные следствия, которые вытекают из них в плане объяснения ее природы, должны быть поняты и как аргу-

менты в пользу обоснования сформулированной выше гипотезы о принадлежности данной сферы к классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем.

Наряду с этим, развитая выше трактовка метакогнитивной сферы личности позволяет сделать еще ряд дополнительных следствий, также содействующих ее более полному раскрытию. Так, в ходе проведенного анализа показано, что наиболее адекватный подход к пониманию метакогнитивных образований состоит в том, что подавляющее большинство всех основных «составляющих» психики в целом может выступать именно в функции такого рода образований. Следовательно, в результате этого сама метасистема (то есть психика) оказывается своеобразным образом включенной, как бы встроенной в одну из входящих в нее систем (в метакогнитивную сферу). Тем самым между метасистемой (психикой) и системой (этой сферой) складываются не совсем обычные и не вполне традиционные с точки зрения классического системного подхода отношения: не система включается в метасистему, а, наоборот, метасистема – в систему. Еще сложнее эта ситуация предстает в том случае, если учесть, что при этом сохраняются и «нормальные», классические отношения между ними (то есть метакогнитивная сфера не перестает быть частью личности).

Другая особенность, связанная с предыдущей и также вскрывающая определенные ограничения объяснительных средств классического системного подхода, состоит в следующем. Метакогнитивная сфера личности, объективно выступая лишь определенным аспектом, частью психики в целом, а потому – некоторой системой, включенной в более общую и мощную метасистему, является поэтому лишь одним из соподчиненных уровней ее организации; однако в то же время она оказывается в состоянии управлять всей этой метасистемой. Несколько схематизируя ситуацию, можно заключить, что часть управляет целым; она становится в определенном смысле «важнее», чем целое. Не метасистема определяет функционирование и организацию системы, а, наоборот, система регулирует и детерминирует структурно-функциональную организацию и процессуальные проявления метасистемы. Несомненным и очень общим, а потому – и крайне важным феноменологическим референтом этого выступает то, что высшим уровнем организации функционирования психики является тот уровень, содержание которого во многом образовано именно метакогнитивными процессами и структурами. Это – уровень осознаваемой регуляции, уровень сознания как такового, отдельными – парциальными компонентами которого как раз и выступают основные метакогнитивные процессы и структуры.

Сказанное свидетельствует о том, что для определения закономерностей взаимосвязи метакогнитивной сферы личности как системы с самой психикой как метасистемой по отношению к ней, по-видимому, недостаточно тех средств, которые сложились в традиционных вариантах системного подхода. В связи с этим, следует обратить внимание и на то, что в целом общую ситуацию, связанную с применением системной методологии по отношению к изучению метакогнитивной сферы нельзя считать удовлетворительной – причем, не только в плане слабого внимания к ней с позиций данной методологии. Дело в том, что даже тогда, когда предпринимаются попытки ее реализации, возникают трудности принципиального плана, связанные со следующей основной причиной. С одной стороны, не вызывает возражение то, что метакогнитивная сфера личности является чрезвычайно сложной и закономерно организованной системой. Однако, с другой стороны, по отношению к ней явно недостаточно представлена содержательная реализация принципов системного подхода, то есть раскрытие того, что именно она представляет собой «как система», что конструктивного может дать системный подход для ее содержательного раскрытия. Таким образом, можно видеть, что объективные ограничения, присущие современным вариантам системного подхода, усугубляются и недостаточно интенсивным его применением по отношению к метакогнитивной сфере, а нередко и ошибками его использования.

Итак, весь проведенный анализ приводит к формулировке двух главных и итоговых положений, которые, однако, следует понимать и как задачи для дальнейшего исследования. Во-первых, с достаточной очевидностью предстает факт явной специфичности метакогнитивной сферы личности, а также ее взаимодействий с более общей онтологически представленной целостностью – с метасистемой психики. Эта ее специфичность и своеобразие ее связей с метасистемой (психикой) заставляют, по крайней мере, допустить, что она, хотя и является системой, но, по-видимому, принадлежит к такому классу систем, который недостаточно раскрыт в методологии системности. Во-вторых, анализ приводит и к тому, что базовые положения традиционного классического системного подхода также нередко оказываются недостаточными для того, чтобы полно раскрыть и тем более объяснить специфику метакогнитивной сферы личности как системы (в особенности специфику ее связей с метасистемой – с самой психикой в целом). Показателем этого являются те теоретические трудности, а иногда – и парадоксы, которые были описаны выше.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующее обобщающее заключение. Содержащиеся в современном метакогнитивизме данные, равно как и попытка их развития, реализованная в главе 1, не только позволяют, но и объективно требуют существенно иной трактовки метакогнитивной сферы личности, а также ее отношений с психикой (как метасистемой по отношению к ней), чем та, которая принята сегодня. Такой трактовкой должна быть, на наш взгляд, интерпретация метакогнитивной сферы личности как системы со встроенным метасистемным уровнем. Психика в целом и ее основные компоненты (образования, структуры, процессы, качества) воспроизводят себя в метакогнитивной сфере и синтезируются в ней по функциональному признаку (критерию). Чем более полной и содержательной является мера такого воспроизведения, тем более развитой, психологически насыщенной и содержательной выступает сама метакогнитивная сфера личности. Те теоретические трудности, к которым привело в настоящее время развитие метакогнитивизма и которые возникают при попытках интерпретации метакогнитивной сферы с позиций системной методологии, могут быть адекватно преодолены, если к их разработке подойти не с позиций классических вариантов системного подхода, а с точки зрения метасистемного подхода. С этих позиций метакогнитивная сфера раскрывается как принадлежащая к особому, качественно специфическому типу систем – к системам со встроенным метасистемным уровнем, что позволяет предложить решение трех групп проблем. Во-первых, дать достаточно непротиворечивое решение ряда принципиальных вопросов, к которым привело в настоящее время развитие метакогнитивизма и которые рассмотрены выше (см. также [115, 121]). Во-вторых, уточнить некоторые традиционно сложившиеся представления о метакогнитивной сфере как системе и о «психике как о метасистеме» по отношению к ней, а также об их взаимосвязях. В-третьих, сформулировать теоретические следствия, релевантные проблеме метакогнитивной регуляции деятельности и которые в наибольшей степени могут способствовать ее дальнейшему развитию. И если первая из этих проблем уже была рассмотрена выше, то теперь необходимо обратиться ко второй из них.

В этом плане, прежде всего, необходимо специально подчеркнуть, что трактовку метакогнитивной сферы личности как системы со встроенным метасистемным уровнем недопустимо рассматривать в упрощенном варианте. Это означает, что речь должна идти вовсе не о том, что некоторая метасистема (в данном случае – психика), встраиваясь в систему (в метакогнитивную сферу) и

функционально транспонируясь в нее, оказывается представленной в ней в своем полном объеме. Ситуация гораздо сложнее: метасистема – психика оказывается в результате такого встраивания представленной в системе (в метакогнитивной сфере) лишь в определенном аспекте и в определенной форме. Все (или большинство) собственно психические образования, структуры, качества и процессы, обладая свойствами самопрезентации и самоорганизации, объединяются, как уже было отмечено выше, по функциональному критерию – их направленности на регуляцию самих же себя. Две целостности – онтологически представленная (психика) и функционально складывающаяся (метакогнитивная сфера) сохраняют свой статус как различные, как имеющие собственное содержание, хотя и тесно взаимосвязанные и взаимообуславливающие друг друга.

Далее, и это также уже отмечалось выше, система (метакогнитивная сфера) обретает возможность использовать метасистему (психику) в качестве средства собственного функционирования. Очевидно, что при этом резко расширяются практически все возможности самой метакогнитивной сферы, повышается ее общеадаптационный потенциал; она, кроме того, приобретает и характер личностной опосредствованности. Как мы уже отмечали выше, она начинает включать в себя все те «составляющие» психики, которые функционально могут выступать побудителями и регуляторами поведения и деятельности. Благодаря существованию отношений встраивания оказывается возможным базовый механизм возникновения и формирования все новых метакогнитивных образований. Это происходит как раз за счет того, что исходно «не-метакогнитивные» структуры и качества имеют тенденцию к перманентному переходу в их «вторичный», то есть метакогнитивный статус. Тем самым они начинают проявлять себя именно в функции «составляющих» метакогнитивной сферы.

Далее, благодаря тому, что эта сфера является системой со встроенным метасистемным уровнем, в ее содержании оказывается представленной сама эта метасистема (хотя еще раз подчеркнем, лишь в определенном аспекте, в определенной форме и функции). Поэтому и метакогнитивная сфера начинает структурироваться подобно тому, как организована психика в целом – как многомерное, уровневое, иерархическое образование. Фактически, метакогнитивная сфера повторяет в своем строении особенности ее структурно-уровневой организации. Она выступает с этих позиций как однопорядковая с ней и по сложности, и по принципам структурно-уровневой организации, и по закономерностям функциональной динамики.

Все эти следствия вытекают из того, что метакогнитивная сфера как качественно специфическая система обладает способностью ассимилировать потенциал метасистемы (психики в целом), в которую она онтологически включена. Она в значительной мере и есть результат и продукт такой ассимиляции. Чем в большей степени реализована такая ассимиляция, то есть чем в большей степени метакогнитивная сфера «вбирает» в себя потенциал психики, тем богаче и она сама. Чем в большей степени метасистема встраивается в систему, тем обе они становятся эффективными, тем в большей степени они оказываются в состоянии использовать потенциал друг друга при реализации своих функций. С этих позиций становится очевидной ограниченность сферы действия одной из своего рода «аксиом» классического системного подхода. Согласно ей, полагается, что, чем более та или иная система является самостоятельной по отношению к иным системам и метасистемам, самодостаточной, тем более она эффективна, совершенна и развита. В свете изложенного можно считать, что для определенного класса систем все обстоит как раз наоборот. Чем в большей степени какая-либо система воплощает в себе черты метасистемы и чем в большей степени она детерминируется ею (и содержательно, и структурно, и динамически), тем большим потенциалом она обладает, тем более развитой и эффективной она является.

Наконец, следует обязательно учитывать, что метасистемный уровень организации является не только иерархически высшим, но и принципиально *открытым* [237, 329]. Это означает, что именно через него та или иная система взаимодействует с иными системами и развивается в таком взаимодействии. Метасистемный уровень с этих позиций представляет собой своеобразное связующее звено в плане механизмов генезиса новых, образований и структур метакогнитивного плана. Следовательно, именно синтез двух механизмов – механизма открытости метасистемного уровня и механизма его встраивания в метакогнитивную сферу позволяет обеспечить возникновение и формирование все новых и новых образований метакогнитивного плана.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии отчетливо выраженной и пока раскрытой далеко не в полной мере специфики организации метакогнитивной сферы как системы, а также о специфике ее отношений с метасистемой – психикой. По нашему мнению, ее установлению как раз и могут способствовать те представления о своеобразии систем со встроенным метасистемным уровнем, которые сложились к настоящему времени в методоло-

гии системного подхода и которые были рассмотрены выше. Мы считаем, что метакогнитивную сферу необходимо рассматривать не как систему классического типа, а как систему со встроенным метасистемным уровнем. Это означает, что в нее встроены, по сути, все основные «составляющие» психики: последняя как метасистема функционально воспроизводится в метакогнитивной сфере. Она тем самым ассимилирует ее потенциал. Не переставая быть частью метасистемы в онтологическом смысле, метакогнитивная сфера очень специфична по своему статусу в ней: функционально она является однопорядковой со всем целым (то есть с самой психикой), а в известном смысле и соподчиняет ее себе, поскольку оказывает на нее мощные регулятивные воздействия.

2.3. Субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности

2.3.1. Психологический анализ управленческой деятельности как основа определения состава и содержания

субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности

Основными выводами проведенного в предыдущем параграфе анализа явились два следующих положения. Во-первых, положение о принадлежности метакогнитивной сферы личности к качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Во-вторых, необходимость дифференциации в ее структуре двух уровней организации общесистемного и метасистемного. Тем самым находит свое подтверждение и одно из основных положений реализуемого в данной работе общего методологического подхода, согласно которому структурная организация этого класса систем в целом и метакогнитивной сферы, в частности, базируется на уровневом принципе. Однако именно это и означает, что в ней должен быть воплощен определенный инвариант структурных уровней организации, описанный в главе 1. Он включает в себя совокупность из пяти основных уровней организации, а их сущность также уже была охарактеризована выше.

Вместе с тем, если это так, то появляются веские основания полагать, что и иные – также «предсказываемые» им уровни, также представлены в структурной организации метакогнитивной сферы личности. Одним из основных среди них и при этом непосредственно локализованным «под» общесистемным уровнем, является особый и очень своеобразный в качественном отношении уровень, обозначаемый понятием субсистемного уровня. На неоспоримость его

существования указывает целый ряд важных положений, которые содержатся в методологии системности. Так, известно, что важнейшим для его общей характеристики является следующее положение, принявшее характер своеобразной аксиомы. Любая сложная система состоит не из своих компонентов непосредственно, а из некоторых закономерных их комплексов, то есть *подсистем* [7, 16, 124, 127, 132, 153, 177, 225]. Система в целом – это организация многих ее подсистем, которые, в свою очередь, структурируются на основе компонентов. Эти подсистемы формируются в составе общей системы для обеспечения ее основных функций и обозначаются понятием «функциональных органов». Субсистемный уровень как раз и характеризует процесс функционирования отдельных подсистем. Естественно, что он принципиально своеобразен – качественно специфичен по отношению и к собственно системному, и к компонентному уровню. С одной стороны, он «...не «возвышается» до системного уровня, так как по определению соотносится лишь с частью системы – ее подсистемами. Однако, с другой стороны, он не сводится и к компонентному уровню, так как реализуется на основе закономерной интеграции многих компонентов» [127, с. 77]. Вместе с тем, по отношению к метакогнитивной сфере личности данное положение пока никак не учитывается, хотя в общетеоретическом плане является фундаментальным и общепризнанным.

Данный уровень обладает целым рядом специфических особенностей, которые в наибольшей степени – естественным и органичным образом соответствуют самой сути метакогнитивной сферы как подчеркнута функциональной по направленности и операциональной в аспекте своих конкретных средств и механизмов. Среди них, в первую очередь, выделяются следующие отличительные черты [132]. Прежде всего, он принципиально *гетерогенен*, поскольку включает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. Соответственно этому – в зависимости от сложности – он может быть более близок либо к общесистемному уровню, либо к «нижележащему» по отношению к нему уровню – компонентному. Далее, он предельно *динамичен*, поскольку строится и переструктурируется в зависимости от требований и специфики объективных ситуаций (для преодоления которых он и предназначен). Любая сложноорганизованная система как органическая целостность, постоянно порождает некоторые функциональные органы, направленные на обеспечение ее основных функций [29, 85]. Порождение таких «органов», а также их реализация – это и есть, собственно говоря, сам процесс ее функционирования.

Наконец, и в значительной степени именно по только что констатированной причине, данный уровень является принципиально *функциональным*: его состав и закономерности определяются совокупностью основных функций той или иной системы в целом.

Кроме того, необходимо учитывать и еще одно – также важное положение сформулированного в параграфе 1.4. подхода: метакогнитивная сфера личности включена в состав не одной, а нескольких более общих по отношению к ней целостностей – метасистем. Так, очень важной – объективно существующей, онтологически представленной целостностью, в которую включена метакогнитивная сфера, выступает сама деятельность. Она, следовательно, также должна быть понята и проинтерпретирована в качестве еще одной метасистемы по отношению к ней. Соответственно этому, вся логика анализа, проведенного выше в отношении первой из метасистем (психики), должна быть воспроизведена и по отношению к ней. Из методологии профессиональной деятельности известно, что именно в условиях реальной деятельности, осуществляющейся в естественных условиях и, следовательно, под влиянием всех факторов осложняющего плана, необходимость в высокой организации многих психических образований и процессов в целом и в их структурированности, в особенности, существенно возрастает. Условия деятельности, а также атрибутивно присущая ей практичность вообще предъявляют более жесткие требования к функционированию психики и, соответственно, к степени структурированности тех образований, которые его обеспечивают. Следовательно, есть все основания полагать, что данной закономерности подчиняется и организация метакогнитивной сферы. Поэтому ее изучение именно в контексте реальной деятельности (как еще одной метасистемы по отношению к ней) выступает необходимым с исследовательской точки зрения.

Итак, по-видимому, в составе и содержании, равно как и в общей структурной организации метакогнитивной сферы личности, существует еще один качественно специфический уровень. Он соответствует субсистемному значению критерия-дискриминатора и образован не отдельными метакогнитивными «составляющими», но и не охватывает всю ее в целом, а включает в свой состав их функциональные синтезы – подсистемы. Следовательно, весь дальнейший анализ должен быть направлен на их экспликацию и последующее раскрытие.

Переходя к непосредственному рассмотрению этого вопроса, равно как и к попытке решения более общего вопроса о возможном существовании ряда

основных подсистем метакогнитивного плана, необходимо, прежде всего, отметить следующее важное обстоятельство. Оно в определенной степени может рассматриваться в качестве своеобразной «подсказки» для его решения, а в более общем плане выступает необходимым основанием для всего последующего анализа. Дело в том, что одной из основных и, по существу, атрибутивных особенностей всех образований метакогнитивного плана является их производность от тех или иных основных «составляющих» психики в целом, их «вторичность» по отношению к ним. Причем, она выявляется уже по отношению к каждому из образований такого плана; она исходно заложена в каждом из них. Однако она же выявляется и на уровне их целостной совокупности – на уровне всей метакогнитивной сферы личности, что было подробно аргументировано в предыдущем параграфе. Главным при этом как раз и является то, что вся эта сфера выступает итогом и эффектом функционального включения, «встраивания» в нее исходной метасистемы – содержания психики в целом, а сама она является поэтому системой со «встроенным» метасистемным уровнем. Отсюда, однако, с логической необходимостью вытекает важное следствие: основания и критерии для дифференциации подсистем метакогнитивного плана заложены в содержании и организации самой психики в целом и в способах ее дифференциации на отдельные «составляющие» (разного уровня обобщенности). Другими словами, то, как именно дифференцируется субсистемный уровень метакогнитивной сферы личности, и, соответственно, какие именно подсистемы и на каком именно основании входят в его состав, не только зависит, но и определяется тем, каким образом дифференцируется сама психика.

Так, одним из наиболее обобщенных и одновременно – широко распространенных является, как известно, дифференциация, построенная по функциональному – критерию. Она предполагает выделение определенных подсистем психических процессов – когнитивной, регулятивной и коммуникативной, которые интегрируют в себе качественно специфические процессы, принципиально сходные по их функциональной направленности, но и столь же существенно – качественно отличающиеся процессы, входящих в другие подсистемы. Следовательно, на основании этого появляются необходимые и во многом достаточные основания для того, чтобы дифференцировать в составе метакогнитивной сферы личности три базовые подсистемы. Каждая из них непосредственно соотносится с той или иной «первичной» подсистемой процессов (когнитивной, регулятивной, коммуникативной). Поэтому их по совершенно естест-

венным причинам можно обозначить понятиями *метакогнитивной*, *метарегулятивной* и *метакоммуникативной* подсистем¹.

Далее, необходимо учитывать, что в психологии эмоций также существует прямой аналог или даже эквивалент термина «подсистема» по отношению к общей категории психических процессов: это, разумеется, понятие эмоциональной сферы личности. В принципе оно выполняет ту же самую роль, что и понятие подсистем. Оно фиксирует в себе качественно гомогенные по определенному критерию процессы и образования. Кроме того, оно фиксирует, а затем и объединяет их именно по функциональному критерию – по тем базовым функциям, которые реализуют эмоции в общей организации психики. Наконец, в нем зафиксирован и важный аспект их комплексирования – соорганизации и интеграции, поскольку одним из основных направлений всей психологии эмоций как раз и является изучение взаимосвязей этих процессов не только с процессами иных классов, но и друг с другом. Важнейшей особенностью всех эмоциональных процессов является, как известно, их «внутренняя направленность» – ориентация на презентацию внутреннего состояния, на самопрезентацию. Благодаря им субъект «чувствует свой внутренний мир». Однако, именно эта функция – функция самопрезентации, «самоотражения» является не только очень характерной для всех образований метакогнитивного плана, но и, фактически, является главной для них, входит в само их определение. Следовательно, и в этом плане обнаруживается объективная необходимость учета всей подсистемы эмоциональных процессов при дифференциации подсистем метакогнитивного плана. Все эти аргументы не только позволяют, но и, фактически, заставляют дифференцировать еще одну подсистему, которую можно обозначить понятием *метаэмоциональной* подсистемы.

Далее, с высокой степенью очевидности предстает необходимость в дифференциации еще одной – также качественно глубоко специфичной и крайне важной подсистемы. Она, однако, связана уже не с операциональными механизмами и средствами метапознания (то есть не с когнитивными процессами), а

¹ Конечно, при этом возникает известная терминологическая трудность, связанная с тем, что одна из дифференцируемых подсистем обозначается *тем же* термином, что и вся система (то есть метакогнитивная сфера в целом). В этом, однако, проявляются объективные «трудности роста» самих представлений о предмете метакогнитивизма, поскольку он на современном уровне развития включает не только собственно метакогнитивные образования, но и образования иной функциональной направленности. Вместе с тем, помня об этом, на наш взгляд, пока все же целесообразно сохранить традиционно используемый термин, то есть понятие *метакогнитивной* сферы.

с их итоговыми эффектами, с их результатами – со знаниями как таковыми. Вместе с тем, это особые знания – «знания о знаниях», «вторичные» знания, то есть *метазнания*. По отношению к ним используется термин «процедуральные» знания – знания о том, как следует применять все другие знания (декларативные). Причем, особо следует подчеркнуть, что аналогично тому, как феномен знаний является предельно многомерным, сложным и многоаспектным, метазнания также характеризуются выраженной гетерогенностью [15, 21, 40, 143, 187, 191, 195, 206, 216, 218]. Они могут носить не только собственно когнитивный характер, но и быть «знаниями о действиях», то есть характеризоваться регулятивной направленностью. Они могут иметь и коммуникативную направленность и «окраску». Они могут (а по отношению к управленческой деятельности – должны) включать и знания о способах контроля за эмоциями и пр.

Все это, в свою очередь, означает, что одной из важнейших особенностей образований, обозначаемых понятием метапознания, является еще и та, которая фиксирует их в качестве результативных эффектов основных категорий процессов, входящих в состав четырех уже дифференцированных подсистем. Поэтому все образования метапознавательного плана имеют очень важную общую черту, которая, к сожалению, обычно упускается из вида при анализе метакогнитивной проблематики. Она состоит в том, что все они являются не только и не просто результатами и следствиями тех или иных собственно процессуальных образований, но и своего рода «постпроцессуальными» и, следовательно, *метапроцессуальными* образованиями. Подчеркнем также, что в данном пункте анализа мы вплотную сталкиваемся с таким фундаментальным понятием (и, соответственно, феноменом), каковым выступает феномен *опыта*, в том числе – профессионального. Следует учитывать также, что данный феномен особо важен именно для управленческой деятельности, для эффективного руководства в целом. В этой связи, например, совершенно не случайно, что в качестве синонима понятия «эффективный руководитель» используется понятие «опытный руководитель». Кроме того, необходимо обязательно принимать во внимание, что само понятие метазнаний (и во многом производное от него понятие опыта) очень тесно связано с еще одним и также крайне важным для профессиональной деятельности в целом и для управленческой деятельности, в особенности, понятием, даже – с принципом ее организации. Речь идет о принципе *репродуктивности*, то есть о таких стратегиях организации и реализации деятельно-

сти, которые базируются на приоритете использования уже имевших место ранее и проверенных способов и приемов ее организации, которые, в свою очередь, как раз и фиксируются в форме «знаний о них». Особо важно это, повторяем, именно для деятельности управленческого типа. Дифференциация данной подсистемы, с одной стороны, объективно необходима именно точки зрения ее роли в организации деятельности. С другой стороны, она полностью соответствует общей логике развития всего метакогнитивизма, а также содействует решению ряда сформулированных в нем задач. В наиболее обобщенном виде ее можно условно обозначить рабочим термином метапроцессуальной подсистемы. Еще точнее, однако, ее было бы обозначить термином *процедуральной* подсистемы, поскольку она синтезирует в себе не просто знания, а знания именно процедурального типа – «знания о знаниях» того, как следует действовать в основных деятельностных ситуациях.

Продолжая анализ, направленный на определение основных подсистем метакогнитивной сферы, следует обязательно учитывать, что в понятийном аппарате метакогнитивизма все более широко используется понятие *регулятивной* рефлексии и целый ряд более конкретных, но также специфически регулятивных понятий (метакогнитивный мониторинг, метакогнитивная включенность в деятельность и др.). Вместе с тем, одним из основных, а по мнению ряда исследователей и важнейшим среди них является понятие, не имеющее прямых аналогов в русском языке и характеризующееся столь же общим, сколь и не вполне определенным, хотя и предельно важным, смыслом – понятие «agency» (неполный аналог понятия «самоконтроль»). Быть в состоянии «agent» – значит полностью контролировать свои действия, предвосхищать желаемый результат и добиваться его. Оно означает не только и не просто метакогнитивный контроль или метакогнитивный мониторинг, но еще и осознаваемый – субъектный контроль за ними самими. Это – образование, предполагающее постоянную установку на поддержание «контроля за контролем», функционирование способов и средств контроля за собой «как за контролером своих же действий».

Для того, чтобы более точно проиллюстрировать сущность данного процесса (а одновременно, что крайне важно, – и состояния), можно прибегнуть к следующей аналогии. Известно, что, наряду с «просто рефлексией» (то есть с рефлексией первого порядка) существует и «рефлексия над самой рефлексией» (рефлексия второго порядка – метарефлексия). Можно не просто рефлексиро-

вать, но и рефлексировать по поводу самого рефлексирования. Однако, совершенно аналогичная ситуация имеет место и в отношении регулятивной рефлексии. Можно (а в целом ряде ситуаций – особенно деятельностных и нужно) не просто осознанно регулировать процессы ее реализации, но и непрерывно отслеживать и поддерживать саму эту регуляцию – степень ее полноты, адекватности, эффективности, своего состояния в ней. Это как раз и есть тот «контроль за контролем», о котором шла речь выше – метаконтроль. Он выступает уже не только как процесс, но и как состояние («agent»). По отношению к управленческой деятельности в этом плане иногда используется выражение «умение не отпускать ситуацию». Понятно, что все это в первую очередь необходимо именно для деятельности управленческого типа. Так, в частности, руководитель должен не только контролировать сам процесс, но и себя как его контролера – в этом заключается еще одна грань понятия метаконтроля. Наконец, подчеркнем, что именно в психологии управления описан целый ряд приемов и способов обеспечения и поддержания такого рода метаконтрольных функций, носящих, правда, характер эмпирически установленных. Это, например, так называемая способность взглянуть на себя «глазами подчиненных», «быть достойным ситуации», «соответствовать статусу» и др. Однако за их феноменологическими проявлениями необходимо различать их сущность и метакогнитивную природу, охарактеризованную выше. То содержание, которым обладают все эти явления, выступая несомненной реальностью, тем не менее, с большим трудом поддается какому-либо однозначному терминологическому оформлению (кстати говоря, именно эта трудность и обуславливает собой неопределенность самого понятия). Вместе с тем, вполне очевидно, что все они, обладая принципиальным сходством своей функциональной направленности, образуют в совокупности еще одну качественно специфическую подсистему, которую можно условно можно обозначить рабочим термином *мониторинговой* подсистемы.

Далее, наряду со всеми – уже дифференцированными подсистемами, в составе метакогнитивной сферы существует такая, степень очевидности и даже несомненности которой является, пожалуй, наибольшей, а необходимость дифференциации которой, соответственно, наиболее острой. Это непосредственно вытекает из наиболее общих особенностей управленческой деятельности, из ее атрибутивной природы. Она, являясь ярким представителем класса субъект-субъектных деятельностей, представляет собой, фактически, «деятельность с деятельностями», «деятельность по управлению деятельностями других» –

подчиненных. При этом само понятие метакогниции существенно расширяет свое содержание, поскольку речь должна идти об интериндивидуальной, *социальной* метакогниции. Другими словами, метакогнитивные процессы выступают в управленческой деятельности не только и зачастую не столько в *интра*-субъектном проявлении, сколько в *интер*субъектной функции. Метакогниция является не только регулятором собственной деятельности руководителя, но и средством межличностного познания и регуляции интересубъектных взаимодействий. Это – социальная, интересубъектная рефлексия, а не только личностная рефлексия (ауторефлексия). Следовательно, при реализации управленческой деятельности ведущую роль играют не только в их традиционном понимании, то есть рефлексивные и метакогнитивные процессы в их интраиндивидуальной форме. Они предстают и в их интериндивидуальном бытии. Специфика и даже уникальность деятельности управленческого типа состоит в том, что по отношению к ней можно говорить не только о психологии ее субъекта, но и о *психологии ее объекта*. Сами субъект-объектные взаимодействия, образующие суть любой деятельности, приобретают в ней характер межличностных, интересубъектных взаимодействий. При этом главным условием их эффективности является то, насколько полно и точно в этих взаимодействиях будут учитываться именно особенности собственно психологического плана – особенности, характеризующие субъективную (а не объективную) реальность. Вместе с тем, основным средством, позволяющим обеспечить это, как раз и являются те процессы и качества, средства и стратегии, которые носят собственно метакогнитивный характер и которые лежат в основе любого межличностного, то есть собственно рефлексивного плана. В силу этого, вся психическая регуляция данной деятельности базируется именно на средствах такого рода, а сами метакогнитивные процессы и качества выступают в ней определяющими, образуя в итоге еще одну – качественно специфическую подсистему в общем составе метакогнитивной сферы личности.

Далее, необходимо подчеркнуть, что специфика данной подсистемы в целом и ее отличие от близкой к ней в ряде отношений метакоммуникативной подсистемы, в частности, обусловлены еще одним очень важным обстоятельством. Дело в том, что в ней синтезированы не столько процессуальные особенности регуляции деятельности в аспекте их обусловленности средствами и механизмами межличностной когниции (и взаимодействия в целом), сколько те индивидуальные качества, которые его обеспечивают и обуславливают уровень

его эффективности. Для эффективности любой деятельности и управленческой, в особенности, намного более важны не те ли иные способы и стратегии – средства межличностного познания и взаимодействия, а именно его результаты, конечные эффекты. Они, однако, определяются не совершенством или и даже «изоэтрностью» процессуальной стороны такого познания, а теми индивидуальными качествами, которые решающим образом влияют на его эффективность. Вместе с тем, известно, что в психологическом тезаурусе существует интегративное по своей сути и непосредственно связанное с рассматриваемым здесь вопросом понятие, которое, собственно говоря, наилучшим образом и синтезирует в себе именно эти качества. Это, разумеется, понятие социального интеллекта. Оно включает в себя индивидуальную меру выраженности практически всех – разноуровневых когнитивных и метакогнитивных процессов, лежащих в основе межличностного взаимодействия и управления как такового. Наряду с этим, в плане общей совокупности факторов, обеспечивающих это же, следует, конечно, отметить и такие специфические и важные конструкты, являющиеся предметом специальных исследований, как, например, уже отмечавшиеся понятия психологичности ума и «проницательности управленца», а также общий комплекс исследований, проводимых в русле направления «theory of mind». Исходя из всех рассмотренных особенностей, эту подсистему можно, на наш взгляд, обозначить рабочим термином *интеракционной* подсистемы.

Психологический анализ управленческой деятельности в аспекте ее метакогнитивной детерминации позволяет, далее, выявить еще одну – очень специфическую и важную подсистему. Она обладает достаточно очевидным своеобразием по отношению к рассмотренным подсистемам и в плане ее содержания, и в плане ее функциональной роли, в силу чего представляется целесообразным остановиться на ней несколько более подробно. Так, в психологии управления, равно как и в метакогнитивизме, к настоящему времени установлен ряд принципиально сходных по смыслу закономерностей и явлений. Все они свидетельствует о существовании достаточно важной и очень общей закономерности, согласно которой эффективность реализации подавляющего большинства деятельностиных задач является максимальной на некотором среднем, то есть оптимальном уровне развития рефлексивности (а не на минимальном, что вполне понятно, но и не максимальном, что уже требует объяснения [121, 127, 131]). Исследования, в том числе и проведенные нами [125], показывают также, что субъект деятельности, как правило, распознает эту особенность, а затем ис-

пользует ее в качестве средства оптимизации своей деятельности. Для этого он прибегает к специфическим средствам, позволяющим минимизировать степень рефлексивного контроля за деятельностью и ее частными функциями. Конституируя это, нельзя оставить без внимания еще один, казалось бы, очень «неудобный» вопрос. Его, однако, не только нельзя замалчивать, но наоборот, на нем следует акцентировать специальное внимание, поскольку он, в действительности, является аргументом не «против» развиваемых здесь представлений, а «за» них. Его суть состоит в том, что даже на уровне житейски представлений (в folk-psychology), а также в «управленческом фольклоре» существует целый ряд выражений и правил, в которых отражены рассмотренные выше закономерности. Кроме того, принципиально сходные закономерности и феномены зафиксированы и в более общем плане, а не только по отношению к управленческой деятельности. Это, например, феномены гиперконтроля, метакогнитивной петли, «аналитического паралича» и др. (см. обзор в [114]).

Вместе с тем, суть дела в том и состоит, что речь должна идти не об этих особенностях и феноменах самих по себе – не об их факте (в действительности, несомненном, очень общем и важном), а о том, чтобы выявить и объяснить те психологические механизмы и детерминанты, которые лежат в их основе. Другими словами, речь идет том, чтобы перейти от уровня *явления* (феноменологического) на уровень *сущности* (объяснения). Это означает, что необходимо заглянуть за их «феноменологический фасад» и выявить лежащие в их основе детерминанты и механизмы реализации. На наш взгляд, основными из них выступают следующие факторы, являющиеся, к тому же, и наиболее специфическими именно для управленческой деятельности

Во-первых, это, конечно, причина наиболее общего и принципиального характера, состоящая в том, что именно в управленческой деятельности объем информации, которую необходимо переработать (учесть, принять во внимание и пр.), является очень большим. Он является гораздо бóльшим и, к тому же, значительно более разнородным и противоречивым, чем во многих иных видах деятельности. Это, кстати говоря, в немалой степени связано и с общим типом данной деятельности – с ее принадлежностью к субъект-субъектным, а не к субъект-объектным видам деятельности. В связи с этим, просто для того, чтобы сделать деятельность в целом и особенно ее ключевой и важнейший процесс – процесс принятия управленческих решений реализуемыми в принципе, необходимы мощные средства *ограничения* информационных потоков – приведения их

к виду и объему, доступному для субъекта деятельности и «укладывающегося» в рамки его психофизиологических ограничений. Именно это положение, как известно, лежит в основе одной из наиболее известных концепций принятия управленческих решений – теории «ограниченной рациональности» Г. Саймона [461]. Минимизация рефлексивного контроля, связанного, например, с все более глубоким и детальным «просчитыванием» вариантов решения, с учетом все новых и новых факторов выбора и пр., как раз и является одним из наилучших и наиболее действенных средств этого. Фактически – в наиболее общем плане речь идет о том, что данная детерминанта минимизации рефлексивного контроля и приведения его к оптимальной (а не максимальной) степени позволяет обеспечить не просто одно из условий организации деятельности, а ее важнейшее условие – рализуемость.

Во-вторых, именно в управленческой деятельности очень важную роль играет то, что информация, перерабатываемая руководителем, отнюдь не является эмоционально и личностно нейтральной. Это не просто и не только «данные», а стоящие за ними люди – с их интересами, потребностями, проблемами, и, наконец, судьбами. Причем, их учет вовсе не всегда, а на деле – и достаточно редко совпадает с «интересами дела». В результате этого возникает очень типичная для деятельности управленческого типа ситуация невозможности «быть хорошим для всех», а также ситуации острого противоречия между интересами людей и интересами дела. Все это – очень хорошо известные истины, фактически – аксиомы теории управления. Однако все это не только не освобождает от необходимости каким-либо образом преодолевать такого рода – очень острые ситуации и противоречия, но, напротив, вырабатывать эффективные средства для этого. Не приходится, по-видимому, подробно обосновывать тот факт, что наиболее радикальным среди них как раз и является минимизация «рефлексивного учета» данных о подчиненных, об их позициях, их потребностях, интересах и пр. В итоге все это приводит к хорошо известным феноменам так называемого «невнимания к людям», «черствости» «бездушия» и пр., которые обычно расцениваются в подчеркнуто негативных тонах, что, однако, в свете изложенного, отнюдь не всегда и вовсе не обязательно столь негативно. Подтверждением этого может служить так называемый «технократический стиль» управления, который как раз и характеризуется всеми отмеченными выше особенностями, но который, однако, является обычно одним из наиболее эффективных [96, 286]. Еще одним подтверждением этого же может служить и из-

вестная концепция «входной решетки управления» Р. Блейка и Дж. Моутон [32] с ее основной идеей, состоящей в выраженной противоречивости и даже определенной антагонистичности двух указанных выше тенденций.

В-третьих, еще одной важной и общей детерминантой отмеченных выше – своего рода «антирефлексивных» тенденций в управленческой деятельности является совокупность факторов уже так сказать внутрипсихологического, собственно личностного плана. Они, в конечном итоге, связаны с тем, что сочетание стремления к максимально полному и детальному учету информации о «других» (подчиненных) с невозможностью на практике осуществления этого, а также с невозможностью полного учета «чаяний подчиненных» создает перманентные и мощные причины для развития целого ряда психотравмирующих факторов. Они составляют еще более известную часть всей практики управления и приводят к развитию целого ряда крайне нежелательных последствий (хронический стресс, психическое выгорание, профессиональные деформации, соматические заболевания и мн.др.). В связи с этим, есть вполне обоснованные причины считать, что такого рода детерминанты являются вообще наиболее мощными факторами, стимулирующими формирование и развитие средств «антирефлексивного» плана именно в управленческой деятельности.

Итак, есть веские основания полагать, что под влиянием всех этих, а также целого ряда сходных с ними – очень мощных факторов, в управленческой деятельности складываются определенные средства, направленные на минимизацию функциональной роли рефлексивного, а шире – и метакогнитивного контроля за ней (см. обзор, в [121, 125]). Это – своего рода «антирефлексивные» средства, которые характеризуются, естественно, очень разной степенью осознанности их формирования и использования со стороны самого субъекта. Зачастую (или даже – как правило) он не вполне отчетливо осознает или даже вообще не осознает их порождение и использование. В целях их выявления необходимо, по нашему мнению, учитывать следующее важнейшее теоретическое положение: наиболее специфическая особенность данной деятельности состоит в том, что она предполагает реализацию определенного набора основных управленческих функций (целеполагание, прогнозирование, принятие решения, мотивирование, планирование, контроль, коррекция и др.). Следовательно, можно полагать, что именно в них содержатся основные факторы и ведущие детерминанты формирования самих средств «антирефлексивного» плана. Дру-

гими словами, эти средства должны быть, вероятно, сопряжены с каждой из таких функций и, более того, по-видимому, выступать производными от них.

Очень показательным и доказательным, что справедливость данного предположения с высокой степенью очевидности обнаруживается при обращении уже к самой первой и во многом определяющей из этих функций – к функции целеполагания. Действительно, и в теории менеджмента, и в психологии управления, как известно, дифференцируются два основных способа – две главные формы постановки («задания») цели и, соответственно, две основные их формы [18, 66]. С одной стороны, это так называемые «добровольные» (ненавязанные, самостоятельные, инициативные и пр.) цели. Их суть состоит в том, что они продуцируются тем субъектом, который и будет их реализовывать; они являются для него «своими». С другой стороны, это так называемые «принудительные» (навязанные) цели. Их сущность заключается в том, что они являются «внешними» по отношению к тому субъекту, который будет их реализовывать. При этом очень важной является и закономерность, состоящая в следующем. Результативные параметры, фактически, любого «внешнего критерия» (эффективности деятельности в целом, качества решения ее отдельных задач, эффективности реализации частных функций, эффективности преодоления тех или иных ситуаций и т.д.) не только существенно и значимо в статистическом отношении выше, но и зачастую радикально выше именно в ситуациях первого типа. Понятно, однако, что роль собственно рефлексивных средств и процессов, факторов и детерминант также существенно выше при реализации именно «добровольных» целей. Вместе с тем, как показывает анализ реальной практики управления, очень часто руководитель прибегает к противоположной форме постановки целей, основными причинами чего и выступают те факторы, которые были рассмотрены выше и которые являются главными детерминантами формирования «антирефлексивных» средств. Следовательно, можно заключить, что сама субъективная приоритетность одного из двух основных типов постановки управленческих целей как раз и должна быть рассмотрена в качестве важного – причем очень конкретного по содержанию, но достаточно общего по смыслу и сфере действия операционного средства, направленного на минимизацию рефлексивных факторов в организации деятельности в целом.

Другая, причем, важнейшая, по мнению многих исследователей, управленческая функция – принятия решения также непосредственно и очень органично сопряжена с возникновением и реализацией факторов «антирефлексив-

ного» плана. Причем, степень рельефности данного обстоятельства проявляется по отношению к ней (именно как к главной) с аналогичной, то есть также с максимальной отчетливостью. Наиболее принципиальным обстоятельством является то, что именно факторы «антирефлексивного» плана лежат в основе одной из наиболее характерных стратегий поведения, связанного с выработкой управленческих решений, – с уже отмечавшимся выше элиминативным поведением [133]. Напомним, что его суть заключается в следующем: в реальной деятельности существует очень мощная тенденция к «уходу» от самой необходимости в принятии решения. Это тенденция к их замене другими – более субъективно надежными и менее рискованными средствами организации поведения. Сам процесс принятия решения обладает своего рода «отрицательной валентностью»; он провоцирует субъекта на то, чтобы минимизировать меру своей представленности и роли в организации деятельности. Специально выполненные исследования показывают, что существует очень явная и статистически значимая связь между выраженностью этой тенденции и индивидуальной мерой развития рефлексивности, носящая обратно пропорциональный характер [131, 133]. Это означает, что относительно низкорефлексивные руководители характеризуются меньшей выраженностью данной тенденции. Однако, не менее, а быть может – и более важно, что сами стратегии поведения, сопряженные со слабой представленностью этой тенденции, означают, фактически, минимизацию самих рефлексивных средств. Следовательно, обнаруживается еще одно – также конкретное по содержанию, но достаточно общее по смыслу и сфере действия средство «антирефлексивного» плана – реализация стратегий поведения в выборе, основанных на минимизации элиминативного поведения.

Разумеется, подобный анализ основных управленческих функций как детерминант формирования средств «антирефлексивного» плана может быть продолжен и далее. При этом во избежание недоразумений подчеркнем, что, говоря о них как о детерминантах такого формирования, мы, конечно, не сводим их содержание только к этому. Речь идет лишь о том, что в содержании каждой из них объективно заложены возможности – потенции для такого формирования; что содержание каждой из них предполагает такую возможность, и ни о чем более. Не менее важно подчеркнуть и обстоятельство более общего и принципиального плана, состоящее в следующем. Анализ управленческой деятельности, реализованный в наиболее специфической для нее разновидности (в форме функционально-психологического анализа) и направленный на главное в ней –

на основные управленческие функции, показывает, что, действительно, именно они и являются главными детерминантами формирования базовых средств «антирефлексивного» плана. В свою очередь, вся их совокупность является производной от основных управленческих функций, а потому одновременно и «распределенной» по всей деятельности, по структуре ее основных функций.

Далее, при экспликации средств «антирефлексивной» направленности необходимо, конечно, учитывать факторы не только специфически деятельностного плана, но и еще более общие закономерности, связанные с организацией ее когнитивного обеспечения. Действительно, одним из важных средств его организации, установленных и проинтерпретированных в современной когнитивной психологии, является так называемая «эвристика блокады когнитивного контроля» [43, 143, 192, 216, 229, 267]. Однако, такого рода «блокада» может реализовываться не только в отношении «первичных» когнитивных процессов, но в еще более выраженном и субъективно отчетливом виде также и по отношению к «вторичным» когнитивным процессам – к метакогнитивным процессам. Суть такой «вторичной», то есть именно метакогнитивной «блокады» состоит в том, что сами же метакогнитивные процессы выступают как средства ингибиции – торможения или даже «отключения» собственно рефлексивных средств. При этом субъект осознанно минимизирует (или блокирует) роль сознания в регуляции деятельности и поведения; в «столкновении» двух процессов метакогнитивного плана происходит своеобразная аннигиляция самого рефлексивного контроля. В результате этих явлений порождается своего рода «вторичный» феномен – *метакогнитивной блокады*; сама же рефлексивная регуляция подвергается, фактически, своеобразной аннигиляции и, соответственно, либо редуцируется, либо полностью блокируется. Это имеет многочисленные эмпирические проявления и феноменологические референты, а также соответствующие репрезентации в опыте индивида.

Далее, совершенно иной по характеру и содержанию, но идентичной по функциональной направленности, является совокупность «антирефлексивных» средств, формирующаяся на основе другой группы метапроцессов – метарегулятивных. Эти средства носят уже не столько собственно процессуальный характер, сколько характер тех поведенческих, точнее деятельностных предпочтений, которые они обуславливают. Это означает, что на основе подсистемы метарегулятивных процессов могут складываться определенные субъективно предпочитаемые стратегии реализации деятельности и ее основных функций.

Так, очень показательной в этом плане является широко известная и особенно характерная именно для управленческой деятельности стратегия, обозначаемая иногда как стратегия «нормативного руководства» [139, 200] (в крайних вариантах – стратегия «формально правильного руководства»). Понятно, что сам по себе выбор и тем более реализация стратегий такого типа, по существу, также во многом просто равнозначен минимизации функциональной роли собственно рефлексивных средств организации деятельности.

В значительной степени аналогичными по своей природе – преимущественно поведенческими, являются средства «антирефлексивного» плана, складывающиеся на основе еще одной подсистемы – метакоммуникативной. В ее основе лежат процессы, составляющие содержание *социорефлексии*. Она обеспечивает межличностные взаимодействия, а ее выраженность во многом и обеспечивает их эффективность. В силу этого, не только вполне понятно, но и совершенно естественно, что для минимизации социорефлексии наиболее действенным и, к тому же, достаточно простым средством является просто сокращение коммуникативных контактов как таковых. Тем самым и процессы социорефлексии, составляющие содержание метакоммуникативной подсистемы, также будут минимизироваться в плане их функциональной роли. Показательно, что проявления и подтверждения этого не только очень многочисленны и весьма разнообразны, но и также – весьма просты и даже незамысловаты.

Очень естественной и многогранной является взаимосвязь «антирефлексивных» средств с еще одной группой «вторичных» процессов – метаэмоциональных. В частности, они, как известно, имеют одним из своих результативных эффектов минимизацию или даже – блокаду рефлексивных взаимодействий (как важнейшего источника самих эмоций, в том числе – и негативных). В свою очередь, это проявляется в столь же известном феномене «черствости» руководителя, в его «бездушии», а на уровне механизмов этих явлений – в свойстве алекситимии (а также связанных с ним качествах). Однако это вовсе не означает, что руководитель с таким «уплощенным» рефлексивно-эмоциональным профилем будет являться неэффективным в профессиональном отношении. Более того, практика показывает, что именно такие руководители нередко являются более успешными в профессиональном плане.

Наконец, следует учитывать, что по отношению именно к организации к деятельности очень важную и явно недооцененную пока роль играет принцип

репродуктивности. Он является не только зачастую более важным, нежели принцип продуктивности, но и, фактически, императивным. Для подавляющего большинства экологически валидных случаев, то есть для «мира деятельности» в целом именно репродуктивность – это безусловное благо; чрезвычайно позитивный момент и фактор в ее организации, носящий, повторяем, фактически, обязательный характер. И напротив, для столь же подавляющего числа реальных случаев «продуктивность», мягко говоря, не приветствуется, а нередко – просто запрещается и, соответственно, наказывается. Вместе с тем, совершенно понятно, что именно принцип репродуктивности является мощным источником и сильнейшей детерминантой для того, чтобы сводить к минимуму или даже полностью блокировать собственно рефлексивные средства в организации подведения деятельности. Репродукция не только не предполагает рефлексии, но напротив, фактически, исключает ее, точнее – необходимость в ней. Следовательно, все более полная представленность в данной подсистеме принципа репродуктивности, равно как и сам он в целом, выступает комплексным – конкретным по содержанию, но общим по смыслу и сфере действия средством антирефлексивной направленности. При этом следует особо подчеркнуть, что все это, будучи очень характерно для профессиональной деятельности в целом, наиболее характерно и типично именно для управленческой деятельности. Дело в том, что сам феномен опыта наиболее представлен и важен именно для нее, а понятия «эффективный руководитель» и «опытный руководитель» обычно вообще используются во многом просто как синонимы.

Итак, можно видеть, что общая совокупность средств «антирефлексивного» плана предстает как определенная – синтезированная на основе функционального критерия и качественно гетерогенная целостность, то есть, фактически, как еще одна очень значимая подсистема психической регуляции деятельности. Ее специфика, а в чем-то – и уникальность состоит в ее двуедином характере. С одной стороны, по своей природе и механизмам, средствам и процессам она является подчеркнута рефлексивной, поскольку базируется на всей совокупности средств метапроцессуального плана. Однако, с другой стороны, функционально она является столь же подчеркнута «антирефлексивной» – направленной на минимизацию рефлексивного контроля за деятельностью в целом и за реализацией ее основных задач, в частности. Тем самым раскрывается и дополнительная грань самого сознания, взятого в плане его процессуального обеспечения – в аспекте всей совокупности рефлексивных и метакогнитивных

процессов. Оно включает и такие средства, которые направлены на «осознанную минимизацию представленности сознания» в деятельности и поведении.

Итак, представленные данные не только позволяют, но и требуют дифференцировать качественно глубоко своеобразное проявление рефлексии (и рефлексивности) а, следовательно, и сознания как их результативного эффекта. Рефлексия может не только усиливать (фасилитировать) себя, но и минимизировать (ингибировать) себя. Причем, очень важно, что такая ингибиция – фактически, контролируемая и целенаправленная ее редукция осуществляется теми средствами и механизмами, которые также являются подчеркнута рефлексивными. Складывается ситуация, которую с определенной долей схематизации можно охарактеризовать так. Рефлексия, направленная на саму себя, может не только усиливаться, но и приводить к ее минимизации и даже блокаде, к «отключению». Рефлексия, выступая как средство по отношению к самой же себе – но уже как к предмету самой рефлексивной регуляции, может не только самофасилитироваться, но и самоингибироваться. Поэтому она принципиально отличается от ее традиционного смысла – она не усиливает, а редуцирует сама себя, а в ряде случаев и блокирует, так сказать «аннигилирует» сама себя. Имеет место своего рода метарефлексия, причем, представленная в двух планах. Во-первых, в традиционном смысле – как «рефлексия над рефлексией» (метарефлексия). Во-вторых, в новом аспекте – в аспекте саморедуцирования исходного качества, то есть рефлексивности как таковой: здесь префикс «мета» означает уже указание на преодоление, на отрицание исходного качества осознания. В связи с этим, становится очевидной необходимость внесения терминологических корректив в использованное ранее словосочетание «антирефлексивные средства» (напомним, что об этой необходимости мы предупреждали выше). Рассматриваемую систему средств корректнее обозначить термином «метарефлексивная подсистема» регуляции деятельности (поведения, общения). Еще точнее обозначить ее термином *ингибиторной* подсистемы, поскольку главная функция, на основе которой она дифференцируется и которая составляет ее качественную определенность, состоит именно в ингибиции средств, процессов и механизмов рефлексивного, а шире – и метакогнитивного плана.

Метакогнитивный контроль деятельностных функций, являясь атрибутивно осознаваемым и выступая в целом «безусловным благом» на достаточно большом интервале его меры, может, однако, трансформироваться в свою противоположность. Фактически, имеет место ситуация, аналогичная той, которая

была обозначена в свое время понятием «режима работы с двойной функцией». Реализация деятельностных функций «запараллеливается» с метакогнитивными функциями за их же собственной реализацией, а в ряде случаев и выходит на первый план. Такая ситуация приводит к необходимости перераспределения общего когнитивного ресурса и на реализацию метакогнитивного контроля, что оказывает негативное влияние на реализацию деятельностных функций и задач. Именно поэтому о рефлексивности как о личностном качестве и следует говорить как о метакачестве, поскольку оно может регулировать меру своего проявления, меру своей представленности именно как качественной определенности – причем, не только повышать ее (что в принципе было известно давно), но и, как следует из представленных выше материалов, уменьшать ее. Следовательно, разработка проблемы метакогнитивного обеспечения управленческой деятельности в ее собственно регулятивном «измерении», то есть в аспекте тех базовых функций, которые оно реализует по отношению к организации деятельности, действительно, может содействовать раскрытию новых, не эксплицированных пока особенностей и закономерностей, носящих общий характер.

Итак, проведенный анализ позволил дифференцировать восемь основных подсистем, которые предположительно составляют содержание субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Тем самым они объединяются на основе ключевого для системных образований фактора – наличия общей цели, которая, как известно, рассматривается в теории как важнейший системообразующий фактор. Следовательно, основная задача данного параграфа – определение состава и содержания основных подсистем, входящих в метакогнитивную сферу, получила свое решение. Вместе с тем данное решение ставит новые, не менее принципиальные вопросы. Во-первых, это вопрос, связанный с обоснованием достаточности восьми дифференцированных подсистем для полной характеристики субсистемного уровня. Во-вторых, это вопрос о том, каковы закономерности организации, структурирования основных подсистем в пределах рассматриваемого уровня.

2.3.2. Структурная организация субсистемного уровня метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

Предпринимая попытку решения первого из этих вопросов – о достаточности выделения восьми метакогнитивных подсистем для характеристики полного состава субсистемного уровня, необходимо, на наш взгляд, руководство-

ваться следующими основными положениями методологического характера. Во-первых, проводя дифференциацию любого сложного целого, а тем более образования собственно психологического плана, следует учитывать ее определенную относительность и условность самих дифференцируемых образований. Они, как правило, в большей мере являются гносеологическими конструктами, а не онтологически разделенными сущностями. Поэтому они характеризуются заметными перекрытиями содержания, многочисленными взаимосвязями и взаимовлияниями, что как раз и отражает их онтологическое единство, а также общность наиболее глубинных средств и механизмов их реализации. Они во многом вообще, по-видимому, реализуются едиными механизмами и процессами, которые, однако, могут проявлять себя в качественно различных формах и аспектах, в зависимости от реализуемых ими функций.

Во-вторых, следует учитывать также и конечную цель, на которую направлена задача поиска и интерпретации состава и особенно организации основных подсистем. Она, с одной стороны, заключается в возможно более детальном и содержательном раскрытии самой метакогнитивной сферы, а также в конкретизации сформулированных выше представлений об общесистемном уровне ее организации. Однако, с другой стороны, она имеет и несколько иной – более глубокий смысл. Дело в том, что, если, действительно, такая организация будет обнаружена, то это должно рассматриваться в качестве очень важного аргумента в пользу существования самих «организуемых сущностей», то есть подсистем. В самом деле, если они, действительно, существуют в качестве некоторой реальности, то это не может не проявляться в существовании у них закономерной, то есть также – в реальной организации. И наоборот, если они не являются таковыми, а их дифференциация ошибочна, то такая организация в принципе – по определению не может существовать и, соответственно, обнаруживаться. Тем самым, решение задач, связанных с поиском организации такого рода подсистем, фактически, равнозначно верификации их существования.

В-третьих, необходимо учитывать, что в наиболее общем смысле именно задача определения состав и структуры основных метакогнитивных подсистем является одной из наиболее значимых не только в теоретическом отношении, но и в плане основных задач данной работы в целом. Дело в том, что раскрытие особенностей и закономерностей метакогнитивной регуляции управленческой деятельности возможно лишь при условии достаточно дифференцированного и специфицированного по отношению именно к ней раскрытия содержания тех

средств и процессов, образований и структур, которые лежат в ее основе. В свою очередь, это предполагает необходимость определения того, каким образом именно данная деятельность влияет на состав и структурную организацию основных групп метакогнитивных факторов. Необходимо установить, каким образом специфицируется вся метакогнитивная сфера личности под влиянием собственно деятельностной детерминации и, соответственно, какую структуру она приобретает не «в целом» и не «вообще», а именно по отношению к задачам организации этой деятельности. Кроме того, без этого практически невозможно проведение всех дальнейших – собственно эмпирических и экспериментальных исследований, направленных на установление закономерностей метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Данное обстоятельство вскрывает ключевое и определяющее значение этого вопроса во всей структуре настоящей работы.

В-четвертых, еще одним и во многом определяющим обстоятельством методологического плана, учет и реализация которого необходим при решении любых задач, связанных с поиском закономерностей структурирования систем, является следующее положение. В этих целях, как известно, необходимо определить тот *критерий*, точнее, – *критерии*, с помощью или которых это можно сделать. Содержание этих критериев не должно, естественно, носить произвольного характера, а быть обусловленным совокупностью основных эмпирических и экспериментальных данных, сложившихся на современном уровне развития представлений в соответствующей области. При этом следует руководствоваться следующими первоочередными аргументами.

Так, прежде всего, следует учитывать, что метакогнитивная сфера личности в целом и ее субсистемный уровень, в частности, – это очень сложные и многомерные образования. Следовательно, они в принципе не могут быть дифференцированы по какому-либо одному критерию, а предполагают ряд взаимосвязанных критериев. Причем, как показано выше, именно субсистемный уровень обладает наибольшим разнообразием, гетерогенностью состава. Поэтому данное требование особенно актуально именно по отношению к нему.

Далее, тот или иной вариант решения вопроса о достаточности состава дифференцируемых подсистем будет обоснованным лишь тогда, когда сами критерии, на основе которых он устанавливается, также будут носить общий характер и, соответственно, будут определяться *основными* особенностями данной деятельности. Исходя из этого требования, задача дифференциации

подсистем и определения степени их достаточности выступает уже не только как задача обобщения и систематизации имеющихся эмпирических и теоретических данных об особенностях метакогнитивной регуляции, то есть не только как задача индуктивного типа. Дело в том, что их состав и структура должны определяться теми критериями, которые будут положены в основу самой этой дифференциации, то есть вытекать из их собственного содержания. Отдельные подсистемы должны являться частными – специфическими проявлениями данной сферы при тех или иных значениях критериев, положенных в основу такой дифференциации, а также их сочетаний. Они должны выступать ее частными случаями, совокупность которых и должна в итоге образовывать ее состав в целом. Следовательно, сама эта задача имеет также и *дедуктивный* характер. Известно, однако, что именно такой – дедуктивный характер постановки и решения таксономических задач является определяющим условием корректности и полноты их решения.

Следует обязательно учитывать также, что проблема определения критериев дифференциации метакогнитивной сферы личности решается в данной работе не столько в целом, сколько по отношению именно к организации *управленческой* деятельности. То, как структурируются основные категории и группы метакогнитивных факторов в *общем* плане, то есть безотносительно к задачам регуляции этой деятельности, определяется аналогичными – общими закономерностями структурной организации психики в целом. Основной среди них, как мы уже отмечали выше, является то, что структура этих групп, фактически, воспроизводит общие структурные особенности и закономерности психики в целом. В отличие от этого, рассматриваемая здесь задача состоит в том, чтобы выявить, каким образом эта структура модифицируется под детерминацией именно управленческой деятельности и какой вид она приобретает в процессе ее регуляции. Следовательно, отсюда вытекает, что и критерии, на основе которых она должна решаться, также должны быть непосредственно связаны с содержанием и характером собственно деятельностной детерминации, с влиянием на нее общих и специфических факторов деятельностного плана. Необходимо выяснить, каким образом она влияет на ту дифференциацию, которая уже была рассмотрена выше и носит общий, деятельностно-неспецифический характер.

На наш взгляд, учет именно этого – ключевого положения позволяет уже непосредственно определить главные критерии, на основе которых должна решаться задача определения состава и структуры основных подсистем метаког-

нитивного плана. Наряду с этим, важным и очень показательным является то, что оно полностью согласуется с главными выводами развитого выше теоретического подхода к разработке проблемы метакогнитивной регуляции деятельности и его основными положениями. В самом деле, одно из них состоит в том, что исходным моментом изучения метакогнитивной сферы личности в целом и ее регулятивной роли по отношению к управленческой деятельности, в частности, должен выступать метасистемный (онтологический) аспект. Он требует определения и учета в целях выявления критериев дифференциации метакогнитивной сферы тех онтологически представленных метасистем, посредством включения в которые она приобретает всю полноту своего состава и своих основных психологических характеристик. С этих позиций, как показано выше, достаточно отчетливо дифференцируются две метасистемы – психика в целом и сама деятельность управленческого типа. Следовательно, первый критерий должен учитывать детерминацию формирования и функционирования подсистем, их содержания и состава двумя этими основными метасистемами как в относительной автономности их детерминирующего влияния, так и в плане их одновременного влияния. Данное требование представляется особо значимым, поскольку оно ориентирует на необходимость учета объективного факта взаимодействия указанных метасистем, а также того, что и самим подсистемам присуща двойная детерминация – одновременно и структурой личности, и содержанием деятельности. Они формируются как продукт и результат взаимодействия личности с деятельностью (в данном случае – управленческой).

Наряду с этим, следует подчеркнуть, что этот – основной критерий очень тесно связан с обстоятельством уже наиболее общего и определяющего плана. Как известно, в обобщенном виде деятельность в целом включает в себя три основные «составляющие» – *субъекта* деятельности, ее *объект*, а также сам *процесс* их взаимодействия. Несмотря на свой предельно общий характер (точнее – благодаря ему), данная дифференциация означает, что в составе и в структурной организации метакогнитивной сферы, взятой именно в ее деятельностном «измерении», представлены две группы подсистем. Первая обусловлена собственно психической организацией субъекта; вторая – обусловлена, в основном, специфически объектной, то есть собственно внешней детерминацией. Кроме того, поскольку эти группы носят взаимосвязанный характер, то именно их взаимосвязи и должны лежать в основе структурирования всей метакогнитивной сферы при реализации деятельности. Все это и определяет содержание первого критерия,

которое состоит в следующем. С одной стороны, он предполагает установление тех подсистем, которые формируются в управленческой деятельности под влиянием ее специфической детерминации. С другой стороны, данный критерий обязан учитывать и факт сохранения в ней субъектно-обусловленных подсистем, а также их взаимодействия с ними. Следовательно, данный критерий требует дифференциации состава субсистемного уровня на две категории: на подсистемы, соотносящиеся преимущественно с субъектной (личностной), и преимущественно с деятельностной детерминацией. Его можно обозначить как «субъектно-деятельностный» критерий. Он является своего рода первым «вектором», который лежит в основе искомой дифференциации.

Далее, наряду с этим, существует, конечно, еще один источник – еще один фактор спецификации метакогнитивной сферы именно в управленческой деятельности. Он носит, однако, уже не *общедеятельностный* характер, а обусловлен ее принадлежностью к особому *классу* деятельностей – к субъект-субъектному. Данное обстоятельство имеет наиболее принципиальное и даже определяющее значение в плане раскрытия особенностей метакогнитивной организации управленческой деятельности. Дело в том, что, как мы не раз отмечали, она глубоко специфична в плане качественных особенностей своего главного атрибута – предмета, равно как и в плане тех объектов, в отношении которых она реализуется. Действительно, ее объектом являются такие – предельно специфические сущности, каковыми выступают не «неодушевленные» объекты, а сами субъекты – другие люди («социальные объекты»). Ее предметом также является очень специфическая реальность, поскольку в ее качестве предстает также деятельность, но «других» субъектов – исполнителей. Поэтому, в силу очевидных причин в качестве главных и определяющих средств ее организации объективно выступают именно средства метакогнитивного плана. Однако, они также характеризуются глубокой специфичностью, поскольку имеют не *интрасубъектный*, а *интерсубъектный* характер. Следовательно, в общем составе метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности, но рассмотренной в качестве типичного представителя именно субъект-субъектного класса, должна существовать дифференциация на подсистемы, связанные и с индивидуальной, и с *интериндивидуальной* – *социальной* метакогницией.

Другими словами, в основе ее дифференциации должен быть предусмотрен еще один базовый критерий – направленности этой сферы либо на самого субъекта деятельности, либо на ее объект (которым, однако, – и это необходимо

подчеркнуть со всей определенностью, выступает опять-таки субъект, точнее – ряд субъектов). Сложность и специфичность складывающейся ситуации состоит в том, что реализация регулятивных, то есть деятельностных задач невозможна при этом без опоры на средства и механизмы собственно метакогнитивного плана. Тем самым, метакогнитивная сфера выступает уже в новой – метарегулятивной функции. В силу этого, она также подвергается существенной трансформации, что должно обязательно учитываться при выявлении ее общей структурной организации. Итак, можно заключить, что учет важнейшей и во многом определяющей особенности управленческой деятельности – ее принадлежности к субъект-субъектному классу позволяет и даже требует выделения еще одного основного критерия дифференциации метакогнитивной сферы. Это – критерий ее *направленности*: либо на самого субъекта, либо на ее объект, в качестве которого выступает также субъект (точнее, целый ряд субъектов) и требует реализации по отношению к нему средств именно метакогнитивного плана. Это своего рода «субъект-объектный» критерий дифференциации подсистем.

Наконец, в целях выявления особенностей дифференциации и структурной организации основных подсистем, входящих в состав метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности, необходимо учитывать и еще один источник (точнее – уровень) ее спецификации. Он, однако, носит и не общий, и не *родо-специфический* характер, как, соответственно, первый и второй критерии, а имеет подчеркнуто *типо-специфический* характер. Это означает, что он обусловлен основными и наиболее важными – по существу, атрибутивными особенностями именно управленческой деятельности (а не деятельности «вообще» и ее субъект-субъектными видами, в частности). Более того, он не просто вытекает из этих атрибутивных особенностей, но и, фактически, обнаруживает то, каким образом они, действительно, влияют на особенности состава и организации основных метакогнитивных подсистем при ее реализации. Другими словами, он показывает, как сам атрибут управления обуславливает трансформации метакогнитивной сферы личности. При этом следует, конечно, отдавать отчет в том, что его операционализация в целом является достаточно сложной задачей. Вместе с тем, при ее решении, на наш взгляд, следует учитывать, что в теории управления и в психологии менеджмента в качестве одного из важнейших и очень общих по сфере своего действия сформулировано положение, которое должно быть использовано в целях ее решения. Это положение о существовании в структуре управления в целом двух основных «контуров», двух основных – причем, каче-

ственно глубоко различных направлений его реализации – *инструментального* и *экспрессивного*. Они, к тому же, имеют не только очень общий и определяющий, но и своего рода «сквозной» характер. В частности, они рассматриваются не только в качестве базовых средств управления, но и в качестве оснований для выделения его стилевых особенностей, для дифференциации различных групп профессионально-важных качеств руководителя и пр.

Кроме того, специфика данного параметра такова, что, как подчеркивается во многих исследованиях, в нем прямо или косвенно, непосредственно или опосредствованно проявляются и многие *иные* – также основополагающие особенности управленческой деятельности. Так, в частности, подчеркивается (и это особенно значимо для рассматриваемых здесь задач), что данный параметр очень полно и емко воплощает в себе такой определяющий для управленческой деятельности атрибут, как ее *иерархическая* природа [190]. Он соединяет в себе две базовые группы функций руководителя. Первая – это группа операциональных, технологических функций; вторая – группа административных, собственно управленческих функций. Он соединяет в себе и два основных «измерения» управленческой деятельности, отраженные, в частности, в известной концепции *входной решетки управления* («на дело» и «на людей») [32]. Именно синтез – противоречивое единство и представленность в данной деятельности обоих этих начал, равно как многочисленные и порой очень острые коллизии между ними, во многом определяют как организационное содержание, так и психологическую специфику управленческой деятельности в целом. Следовательно, данный параметр, являясь не просто важным, но и, как можно видеть, обусловленным именно атрибутивной природой данной деятельности, также должен обязательно учитываться при решении вопроса об особенностях структурной организации метакогнитивной сферы в ней. Более того, он, по-видимому, во многом *определяет* эту организацию, равно как и ее специфику именно по отношению к управленческой деятельности. Его можно условно обозначить как критерий «инструментальности-экспрессивности».

Итак, можно видеть, что три сформулированные выше критерия объективно связаны с тремя основными формами и, соответственно, уровнями спецификации, которым подвергается метакогнитивная сфера личности под воздействием собственно деятельностной детерминации. Первый уровень – это *общедетельностная* детерминация. Второй уровень – это детерминация со стороны принадлежности управленческой деятельности к особому, качественно специфич-

ческому *классу* – субъект-субъектному. Третий уровень – это детерминация со стороны ее принадлежности, хотя и к очень важному и обширному, но все же частному, конкретному *типу* – к деятельности управленческого типа. Следовательно, в совокупности этих трех критериев находит свое непосредственное и полное воплощение очень общая и фундаментальная по своей значимости триада базовых закономерностей, зафиксированная в гносеологическом положении о «единстве общих, специфических и единичных закономерностей». Особо следует подчеркнуть, что ее сущность состоит в том, что в ней фиксируются *вся* система закономерностей, которым подчиняется объект исследования. Следовательно, она – по определению является, если не исчерпывающей, то, во всяком случае, очень полной. Она фиксирует все базовые закономерности, причем, в их взаимосвязях и взаимоотношениях, равно как и в их целостности. В связи с этим, данное обстоятельство также позволяет рассматривать совокупность трех охарактеризованных критериев в качестве аналогичной по степени полноты и охвата ими всех основных особенностей дифференцируемого целого – метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно заключить, что необходимо выделение трех основных критериев дифференциации состава и содержания метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Это субъектно-деятельностный, субъектно-объектный и инструментально-экспересивный критерии. Кроме того, важно подчеркнуть, что в психологии управления, и в метакогнитивизме содержатся многочисленные теоретические и эмпирические основания и свидетельства в пользу правомерности дифференциации такого рода критериев. Причем, главное состоит в том, что те критерии, которые могут быть сформулированы на основе предложенного подхода, полностью совпадают с основными положениями, составляющими сущность современных данных в психологии управления и метакогнитивизма.

Далее, необходимо подчеркнуть, что все они являются не только основными, но и достаточно обобщенными, то есть интегрирующими в себе ряд иных и также значимых особенностей как управленческой деятельности, так и метакогнитивной сферы личности. В частности, первый критерий (субъектно-деятельностный) объективно связан с таким очень важным собственно деятельностным аспектом, каковым выступает *генетический*, точнее – профессиогенетический план. Дело в том, что подсистемы, соотносящиеся с воздействием деятельностной детерминации (процедуральная, мониторинговая, ингибиторная, интеракци-

онная), имеют существенно разную выраженность на различных уровнях профессионализации. Они вообще во многом складываются, а затем – развиваются именно под влиянием этой детерминации и выступают в качестве обобщенных операционных средств ее регуляции. Степень их сформированности поэтому, по видимому, является функцией от уровня профессионализации субъекта.

Другой основной критерий – инструментальности-экспрессивности по отношению именно к управленческой деятельности также неразрывно сопряжен с ее важнейшими атрибутами – иерархичностью организации и наличием системы отношений властного типа. Экспрессивный контур, будучи общим для нее и для любой иной совместной деятельности (в том числе и организованный на основе принципов паритетности), обретает в ней выраженную специфику. Это не просто экспрессия, а экспрессия, властно окрашенная и базирующаяся на отношениях иерархического соподчинения, что придает ей глубокое психологическое и организационно-деятельностное своеобразие.

Кроме того, все дифференцированные критерии являются также *ортогональными* по отношению друг к другу, поскольку они соотносятся с различными базовыми и наиболее крупными «составляющими» общей структуры деятельности – с различными компонентами основной «формулы» деятельности. Так, первый из них непосредственно сопряжен с первым из них – с самим *субъектом* деятельности и его включенностью в реализацию деятельности. Второй – столь же непосредственно и даже атрибутивно связан со спецификой другого ее компонента – *объекта* деятельности. Наконец, третий критерий является, по существу, конкретизацией по отношению к организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности базовых особенностей третьего компонента данной «формулы» – самого *процесса* ее осуществления. Таким образом, они имеют столь же основополагающий и самостоятельный характер, насколько определяющими и общими являются сами основные «составляющие» общей структуры деятельности, синтезированные в ее «формуле».

Следовательно, можно заключить, что решение вопроса о том, являются ли восемь дифференцированных выше подсистем, входящими в состав метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности, достаточными для ее характеристики, зависит от того, насколько их совокупность удовлетворяет всем сформулированным критериям одновременно. Предпринимая попытку ответа на него, обратим внимание на очень важный, по нашему мнению, факт. Три сформулированных выше критерия должны быть рассмотрены в качестве своеобраз-

ных оснований – «векторов» для структурирования содержания субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности. Они, как уже отмечалось выше, являясь достаточно независимыми, в то же время, взаимодополняют друг друга. В связи с этим их необходимо рассматривать как три координаты для структурирования метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. В графической форме ее структура может быть представлена с этих позиций в виде, изображенном на рис. 1.

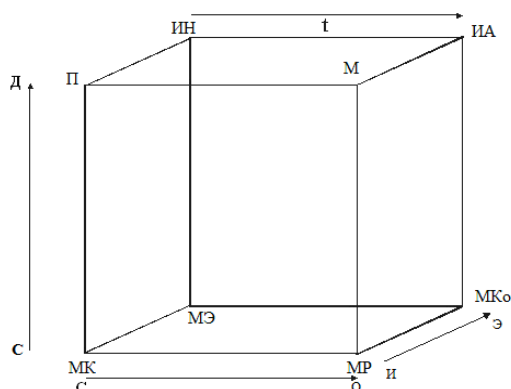

Рис. 1. Структура основных подсистем метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. *Обозначения:* на вершинах куба отображены основные метакогнитивные подсистемы: МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МКo – метакоммуникативная, МЭ – метаэмоциональная, ИА – интеракционная, ИН – ингибиторная, П – процессуальная, М – мониторинговая; С→Д – 1-й критерий: «личностно-деятельностный»; С→О – 2-й критерий: «субъект-объектный»; И→Э – 3-й критерий: «инструментально-экспрессивный»; t – временная координата

Такое представление является, на наш взгляд, не просто удобным способом их систематизации и средством их схематического представления. С его позиций оказывается возможным дать ответы на ряд принципиальных теоретических вопросов и, прежде всего, на вопрос о закономерностях структурной организации субсистемного уровня, а также сформулировать ряд следствий относительно строения субсистемного уровня метакогнитивной регуляции управленческой деятельности в целом.

Во-первых, как можно видеть, *все* подсистемы метакогнитивного плана оказываются учтенными в осуществленном представлении. Кроме того, ни одно из сочетаний, образованных «полюсами» базовых критериев, не оказалось неучтенным – незаполненным. Следовательно, факт *полного* соответствия системы этих критериев с составом метакогнитивных подсистем является доказательством полноты самого этого состава. Это, в свою очередь, следует рассмат-

ривать как *достаточное* основание для позитивного ответа на ключевой вопрос – о полноте состава и содержания субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы в управленческой деятельности.

Во-вторых, предложенное решение вопроса о полноте состава субсистемного уровня дано посредством реализации не одного, а нескольких критериев. Поэтому оно преодолевает недостатки одномерного видения системных образований.

В-третьих, использованная система критериев дает объемное то есть пространственное представление совокупности подсистем метакогнитивного плана; позволяет вплотную подойти к пониманию метакогнитивная *сферы* личности как объемного – пространственного образования, синтезированного тремя координатами. Их синтез как раз и дает такое «метакогнитивное пространство». Следовательно, рассмотренное нами ранее положение, характеризующее один из основных признаков субсистемного уровня (его гетерогенность), также находит свое подтверждение. Кроме того, и сам предложенный и обоснованный в главе 2 базовый концепт – метакогнитивная сфера личности обретает уже не переносный и метафорический смысл, а раскрывается в своем прямом этимологическом значении – именно как образование, во-первых, принципиально трехмерное и, во-вторых, – пространственное, сферическое.

В-четвертых, выявленное с помощью системы трех критериев метакогнитивное «пространство» субсистемного уровня синтезирует в себе и такие подсистемы, аналоги которых уже известны в настоящее время (например, метакогнитивную и метарегулятивную), и такие, которые были обнаружены в ходе проведенного нами специального психологического анализа управленческой деятельности. Это является еще одним свидетельством правомерности развитого выше подхода. С его позиций все подсистемы метакогнитивного плана предстают уже не только как эмпирически зафиксированная реальность, но и как теоретически обоснованные варианты всех основных сочетаний трех наиболее обобщенных «измерений» метакогнитивной сферы.

В-пятых, можно видеть, что общее метакогнитивное «пространство» субсистемного уровня образовано не вершинами куба и не его гранями непосредственно, а его *сторонами*. При этом любая из них также несет достаточно важный психологический смысл; она наполнена своим специфическим содержанием и приводит к дифференциации той или иной группы качественно однородных в каком-либо отношении метакогнитивных подсистем. Так, нижняя сторо-

на куба включает в себя те подсистемы, которые имеют выраженную субъектную, личностную детерминацию (метакогнитивная, метарегулятивная, метакоммуникативная и метаэмоциональная подсистемы). Наоборот, верхняя сторона включает подсистемы, которые формируются под определяющей детерминацией собственно деятельностных факторов (процедуральная, мониторинговая, ингибиторная и интеракционная подсистемы). Левая сторона куба объединяет в качественно однородную группу подсистемы, имеющие внутреннюю направленность, то есть своего рода «ауто-ориентацию» – на самого субъекта деятельности (метакогнитивная, процедуральная, метаэмоциональная и ингибиторная подсистемы). Правая же сторона фиксирует в себе качественно иную группу подсистем. Они имеют уже преимущественно внешнюю – объектную направленность, то есть их ориентацию на объект деятельности, которым, однако, по отношению к управленческой деятельности, как подчеркивалось выше, выступает также субъект (точнее – целый ряд субъектов). Следовательно, это подсистемы, имеющие своего рода «социо-ориентацию» (метарегулятивная, мониторинговая, интеракционная и метакоммуникативная). Наконец, «ближняя» сторона синтезирует в себе группу подсистем инструментального плана, а «дальняя» его сторона объединяет группу подсистем уже качественно иного характера, то есть уже собственно экспрессивного плана.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, согласно которому комплекс трех главных критериев позволяет дать непротиворечивое решение вопроса о выявлении базовых *групп* метакогнитивных подсистем, а тем самым вскрывает и в значительной степени доказывает полноту выявленного состава подсистем, синтезирует их в многомерное пространство. В итоге дифференцируются шесть указанных выше групп подсистем. Все эти группы и их классификация являются не только и даже не столько следствием обобщения эмпирических данных (что, как известно, всегда связано с вопросом о том, насколько обоснованным является эмпирический критерий группировки), а результатом *теоретической дифференциации* исходного целого. При таком способе дифференциации основных групп подсистем заслуживает специального внимания еще одно обстоятельство. Можно видеть, что одни и те же подсистемы входят (при использовании различных классификационных оснований) в разные группы. Это свидетельствует, однако, не только об определенной условности любой

классификации сложных систем, но – что существенно более значимо, указывает на взаимосвязь и «взаимопроникновение» подсистем друг в друга.

Подчеркнем также, что совершенно неслучайно «субъектная» – «личностная сторона», синтезирующая в себе подсистемы, формирующиеся под доминирующим влиянием именно личностной детерминации, расположена внизу, то есть в основании всего метакогнитивного «пространства». И, наоборот, те подсистемы, которые складываются в основном под влиянием деятельностной детерминации, образуют верхнюю сторону куба, то есть «надстраиваются» над нижней стороной и тем самым символизируют производность, «вторичность» от нее. Таким образом, в представленной модели реализуется еще одно основное положение нашего общего подхода – первичность личностной детерминации. Аналогично этому, левая сторона синтезирует в себе метакогнитивные подсистемы, которые, согласно нашей терминологии, имеют внутреннюю ориентацию и, соответственно, субъектно-обусловленный характер. Напротив, правая сторона включает подсистемы, имеющие преимущественно внешнюю, социальную ориентацию и являющиеся поэтому «вторичными» по отношению к первой. Направленность данного «вектора» слева направо вновь символизирует первичность субъектно-личностного начала в структуре подсистем метакогнитивного плана.

В-шестых, исходя из данного представления, очевидна явная структурированность метакогнитивных подсистем, то есть наличие закономерных связей и зависимостей между ними. Так, вся совокупность этих связей определяется тремя качественно различными критериями, положенными в основу упорядочивания метакогнитивных подсистем. Эти связи вытекают и из принадлежности соответствующих подсистем к тем или иным их группам. При этом следует особо обратить внимание именно на множественность типов связей, существующих внутри субсистемного уровня и наглядно представленных на рис. 1. Именно эта множественность и является объективным свидетельством высокой степени структурированности данного уровня. Кроме того, структура метакогнитивных подсистем является не двух-, а трехмерной. Известно, однако, что даже просто с точки зрения элементарных топологических представлений, вторая, в отличие от первой, обретает новое и очень важное качество: становится «жесткой», а значит, устойчивой и стабильной. В свою очередь, это придает ей черты инвариантности и резистентности по отношению к воздействию различных, в том числе – и

неблагоприятных внешних условий, что опять-таки наиболее важно именно для деятельности, в особенности управленческой, которая, как известно, часто реализуется в экстремальных и параэкстремальных условиях.

В-седьмых, представленная модель фиксирует не только статический аспект структурной организации метакогнитивных подсистем. Дело в том, что метакогнитивная сфера не является, конечно, «стационарной» ни в аспекте ее собственной функциональной динамики, ни в аспекте ее формирования и развития, то есть в генетическом плане. Следовательно, необходимо дополнить систему из трех критериев еще одной «координатой» – временной. Ее введение в характеристику субсистемного уровня меняет статус его интерпретации: он предстает не только как структура, но и как собственно системное образование, реализующее определенные функции. Кроме того, ее введение задает и новое направление ее изучения – собственно генетическое.

В-восьмых, необходимо отметить и еще одну особенность субсистемного уровня, которую можно обозначить как «феномен парности» основных групп метакогнитивных подсистем. Действительно, те метакогнитивные подсистемы, которые локализуются на какой-либо одной стороне куба, являются в значительной степени противоположным по своей сути и содержанию тем, которые локализуются на парной им стороне; они обладают своего рода симметрией по отношению к ним. Так, на левой и правой сторонах куба, соответственно, расположены такие противоположные по своему психологическому смыслу подсистемы как подсистемы ауто- и социо-направленности. Нижняя и верхняя стороны куба также включают в себя группы подсистем, характеризующиеся во многом противоположным смыслом и содержанием, равно как и детерминантами генезиса (соответственно, субъектно-детерминированные и деятельностьно-детерминированные подсистемы). По нашему мнению, в данном феномене находят свое проявление (а частично – и объяснение) две закономерности достаточно общего плана. Первая из них состоит в том, что содержание взаимодействий, развертывающихся внутри каждой из отмеченных «пар», непосредственно связано с той или иной – очень важной и традиционной проблемой, которая, в свою очередь, является специфической именно для управленческой деятельности. Так, взаимосвязи внутри первой «пары» (между группой подсистем ауто- и социо-направленности) непосредственно связаны с проблемой соотношения так называемого теоретического и практического мышления [222]. Взаимосвязи внутри второй «пары» (между группой подсистем инструменталь-

ного и экспрессивного плана) столь же непосредственно связаны со стилевой проблематикой управленческой деятельности в целом и с дифференциацией двух стилей – инструментального и экспрессивного (а также с двумя выделяемыми на их основе типами лидерства – инструментальным и экспрессивным лидерством) [385]. Наконец, взаимодействия внутри третьей «пары» (между субъектными и деятельностными подсистемами) прямо соотносятся с двумя базовыми установками (своего рода «идеологиями») управленческой деятельности – интернальной и экстернальной (точнее, экстернально-ситуативной) [202].

Вторая закономерность, обусловленная «феноменом парности», состоит в том, что он обеспечивает возможности взаимной *компенсации* одними группами подсистем других групп (в случае их недостаточного развития). Так, в частности, известны и подробно исследованы те – именно компенсаторные отношения, которые может выполнять практическое мышление по отношению к дефицитарной представленности теоретического мышления (что опять-таки наиболее характерно именно для управленческой деятельности и для личности руководителя). Известны также и компенсаторные влияния экспрессивного стиля по отношению к недостаточности возможностей реализации инструментального стиля (который в целом, как известно, является преимущественным по отношению к первому). На наш взгляд, этот феномен не случаен, и за ним стоит важная причина: метакогнитивная сфера личности, по всей вероятности, структурируется таким образом, чтобы обеспечить возможности компенсации одних подсистем со стороны других, что очень целесообразно с общеадаптационной точки зрения. Если недостаточно развита одна из «парных» групп подсистем, то гипертрофированно развивается другая, сопряженная с ней подсистема, а общий метакогнитивный потенциал сохраняется на приемлемом уровне.

В-девятых, основные подсистемы «взаимопроникают» друг в друга, что проявляется, в частности, в том, что одни и те же подсистемы входят во все три различные группы. Например, уже самая первая и во многом исходная, базовая для всей этой сферы подсистема – метакогнитивная входит одновременно и в группу субъектно-детерминированных, и в группу ауто-ориентированных, и в группу инструментальных подсистем. Однако это же означает, что и любой компонент, из которых образованы эти подсистемы, также одновременно входит в состав и всех иных групп. Так, например, метамышление как базовый и основной компонент метакогнитивной подсистемы одновременно является и компонентом тех подсистем, которые входят во все иные подгруппы. Это, кста-

ти говоря, является несомненной реальностью, очень важным условием как самой реализуемости всех иных подсистем, так и объективно необходимым условием их онтологического единства и целостности. Следовательно, синтез подсистем и, соответственно, их неаддитивность обеспечиваются и посредством представительства одних и тех же метакогнитивных детерминант в разных подсистемах.

Наконец, в-десятых, представленная выше трехмерная модель структурной организации метакогнитивной сферы личности – именно потому, что она является трехмерной, позволяет с высокой степенью очевидности выявить и естественным образом учесть еще одну важную ее особенность. Как уже отмечалось, один из критериев, положенный в ее основу (причем, в известном смысле основной – субъектно-деятельностный), предполагает своим содержанием еще и генетический, точнее – профессиогенетический аспект. Это означает, что все четыре подсистемы, образующие группу деятельностно-специфических и локализованных на верхней стороне куба, формируются на основе группы подсистем субъектной группы. Они являются в значительной степени результатом и продуктом их генезиса и их деятельностной спецификации, которая как раз и выступает важной гранью профессиогенеза. Так, можно видеть, что в этом процессе на основе метакогнитивной подсистемы складывается, а затем совершенствуется процедуральная подсистема, сутью которой является то, что она образована уже не собственно процессуальными образованиями, а образованиями подчеркнута апроцессуального типа – метапознавательного характера. Следовательно, этот критерий уже сам по себе позволяет очень органично и естественным образом включить в общий состав метакогнитивной сферы и две такие подсистемы, которые составляют суть двух основных направлений всего метакогнитивизма (метапроцессуального и метапознавательного). Более того, это оказывается возможным сделать на основе раскрытия и учета их не просто объективной взаимосвязи, но и столь же объективной генетической преемственности (поскольку вторая является результатом деятельностной спецификации первой, итогом «насыщения» метакогнитивной подсистемы ее итоговыми результативными эффектами – знаниями).

Наряду с этим, можно видеть, что на основе другой подсистемы, входящей в группу субъектно-детерминированных – метарегулятивной в ходе профессиогенеза складывается, а затем развивается и совершенствуется еще одна, но уже специфически деятельностная подсистема – процедуральная. Однако,

как было показано выше, ее важнейшей отличительной чертой является то, что она также в значительной степени является уже не процессуальным образованием, а предполагает, прежде всего, поддержание определенного состояния, необходимого для обеспечения метакогнитивного контроля за деятельностью. Другими словами, она выявляется, с одной стороны, как некоторый итоговый эффект функционирования самой метарегулятивной подсистемы, а с другой стороны, предстает уже как определенное функциональное *состояние*. Тем самым, однако, данная модель столь же органично и естественно позволяет учесть и еще одну важнейшую особенность современного состояния метакогнитивизма – включение в его предмет не только образований процессуального и «знаниевого» плана, но и качественно специфических состояний. В данном случае – это известное специфически метакогнитивное состояние, обозначаемое как «agency».

Наконец, можно видеть, что на основе, например, метакоммуникативной подсистемы (как входящей в группу субъектно-детерминированных подсистем) в процессе профессиогенеза развиваются и совершенствуются необходимые для ее эффективной реализации коммуникативные качества. Они, в свою очередь, являются важнейшей «составляющей» и даже условием для еще более общих и важных индивидуальных качеств, обеспечивающих эффективность социальных взаимодействий в целом и образующих, как известно, в своей совокупности социальный интеллект как таковой. Следовательно, предложенная модель позволяет адекватно учесть и воплотить в общей структуре метакогнитивной сферы личности еще одну очень важную тенденцию развития метакогнитивизма. Она заключается в том, что в содержание его предмета во все большей мере включаются уже не только процессуальные и «знаниевые» образования, но и те *качества* личности, которые формируются на их основе и выступают с одной стороны, их итоговыми, результативными эффектами, а с другой – предпосылками и условиями для их действенного функционирования.

На основе всего этого можно сделать и более общее заключение. Оно состоит в том, что рассмотрение состава и содержания, а также структурной организации метакогнитивной сферы личности именно в контексте деятельностной детерминации (причем, многомерной – включающей три основных «измерения») позволяет раскрыть и учесть ее во всей реальной полноте. Это означает, что она эксплицируется и в плане ее процессуального содержания, и в плане ее «знаниевого» содержания, и в плане метакогнитивных состояний, и в плане ее

качественных характеристик – как совокупность метакогнитивных качеств личности. Другими словами, можно видеть, что, действительно, анализ этой сферы как «составляющей» метасистемы деятельности и, соответственно, реальное включение проблематики метакогнитивизма в контекст психологической теории деятельности является необходимым и достаточно *конструктивным* средством ее дальнейшего развития. Более того, лишь на основе этого возможен тот синтез теории деятельности и метакогнитивизма, о необходимости которого уже говорилось в главе 1 и отсутствие которого очень характерно в настоящее время, выступая одной из главных причин, сдерживающих развитие и самого метакогнитивизма, и теории деятельности.

Таким образом, на основе проведенного анализа структурной организации всей совокупности подсистем метакогнитивного плана можно сделать следующее основное заключение общего порядка. Сформулированный и реализованный выше подход, а также предложенная на его базе система критериев позволяют дать обоснованное решение вопроса о полноте и достаточности состава, а также о закономерностях структурирования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Концептуальный характер этого решения заключается в том, что оно не только позволяет решить исходный вопрос, но и сформулировать ряд следствий, вскрывающих новые особенности, закономерности и феномены организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности.

2.4. Компонентный и элементный уровни организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

В параграфах 2.2. и 2.3. была дана характеристика трех основных уровней, которые предположительно входят в общий состав метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности – метасистемного, общесистемного и субсистемного. При этом каждый из них явным образом соответствует какому-либо основному значению критерия-дискриминатора, который положен в основу дифференциации уровней структурной организации и который обусловлен реализуемым в данной работе общим методологическим подходом. Вместе с тем, как показано в главе 2, данный критерий включает в себя пять основных значений и, соответственно, предполагает необходимость дифференциации именно пяти основных уровней. В силу этого, пока остается открытым вопрос о том, существуют ли и, если да, то какие именно уровни, соответствующие двум

не учтенным пока его значениям? В качестве таковых, как показано там же, выступают компонентное и элементное значения данного критерия. Напомним, что, согласно, данному критерию, их сущность состоит в следующем. Под компонентом понимается такая относительно простейшая единица целого, которая, являясь ее составляющей, в то же время, еще несет в себе атрибутивные особенности самого целого. Элементы же это необходимые, но недостаточные образования для формирования компонентов; они могут обрести статус компонентов лишь в сочетании либо друг с другом, либо с иными психическими образованиями. Еще одна особенность элементов заключается в своеобразной двойственности их роли и значения в формировании системы. С одной стороны, они, безусловно, являются относительно простейшими образованиями. Однако, с другой стороны, любая система формируется на основе элементов, путем их организации; поэтому множество элементов находится в основании системы, является необходимым условием для ее существования и составляет базис системы. И в этом смысле они являются наиболее значимыми для создания системы. Причем, для систем функционального типа, к которым относится метакогнитивная сфера, сами элементы могут иметь не функциональную природу, а быть именно онтологически представленными образованиями и структурами. Следовательно, можно видеть, что эти два значения и, соответственно, сами дифференцируемые на их основные уровни не только теснейшим образом взаимосвязаны, но и, фактически, взаимообусловлены друг другом. Они взаимопологают друг друга и, следовательно, их рассмотрение также должно осуществляться с учетом этой их неразрывной связи (в силу этого, их анализ целесообразно объединить в одном параграфе).

Переходя к их рассмотрению, отметим, что вопрос о содержании компонентов и элементов метакогнитивной сферы решается с существенно разной степенью сложности по отношению к каждому из них. Так, в отношении первого из них – компонентного он решается относительно более простым и очевидным образом. В отношении же второго он, напротив, несмотря на более простой (по определению) характер самого понятия элемента, связан с относительно большими сложностями. В целях выявления этих двух уровней целесообразно опираться и на те общие представления о содержании и специфике этих уровней, которые сформулированы в методологии метасистемного подхода [127, 131]. Так, согласно, этим представлениям в качестве основных метакогнитивных компонентов психики необходимо рассматривать все те ее «состав-

ляющие», которые обладают одним – общим и основным признаком: в них имеет место феномен (и механизм) *функциональной обратимости* и, соответственно, все они имеют принципиально «вторичный» характер. Поэтому все они имеют и принципиально общую направленность – ориентацию не на внешнюю, а на внутреннюю среду, то есть на содержание и организацию самих «первичных» психических процессов, образований, структур и пр. В силу этого, их общая особенность заключается в том, что все они выявляются частными средствами, лежащими в основе важнейшего свойства психики в целом и одной из наиболее специфических ее особенностей. Это – свойство саморепрезентированности, самоданности, то есть ее сензитивности к самой себе. В силу этого, как показано в том же подходе, их общая совокупность является чрезвычайно широкой и предельно гетерогенной. Она не может быть сведена только к тем образованиям, которые выступили предметом исследования на ранних этапах развития метакогнитивизма (то есть к основным «вторичным» – метакогнитивным процессам), а включает в свой состав и многие иные, качественно отличные от них, но также «вторичные» образования [121, 125, 131].

При этом вся их совокупность подразделяется на две основные группы. Первая группа включает те образования, которые формируются на основе своеобразного «оборачивания» того или иного из них на самого себя, то есть на основе его «удвоения». К их числу как раз относятся, прежде всего, самые первые из выделенных в метакогнитивизме процессы. Так, в частности, процесс метамышления конституируется за счет того, что основные и наиболее специфические средства собственно мыслительного плана и все операционные содержание данного процесса в целом, фактически, направляется на него же самого. Аналогичная картина имеет место и в плане другого базового метакогнитивного процесса – метапамяти, равно, как, впрочем, и в отношении всех иных «вторичных» процессов. Вместе с тем, аналогичная картина и, соответственно, общий механизм «удвоения» имеет место не только по отношению к процессуальному содержанию психики, но и к иным ее основным «составляющим» – в частности, к психическим свойствам и состояниям. В результате этого формируются специфические – также «вторичные» образования, которые обозначаются соответствующими понятиями. К ним, в частности, относятся понятия метакачеств, метаспособностей, «вторичных» состояний и др. Необходимо особо подчеркнуть, что общей особенностью всех этих образований является именно то, что они порождаются за счет «удвоения первичных образований», то есть за

счет применения средств, заложенных в них, по отношению к ним же самим. В силу этого, например, входящие в эту группу «вторичные» процессы обозначаются еще и понятием *автопроцессов*.

Кроме того, показано также, что, наряду с ними, существуют и метакогнитивные образования иного плана, составляющие содержание второй их основной группы [127, 132]. Их основным и общим признаком является то, что в них содержание и функциональные возможности какого-либо одного «первичного» образования (прежде всего, конечно, процесса) реализуются в отношении организации и регуляции не его самого, как это имело в случае первой группы, а в отношении какого-либо другого «первичного» образования. Так, в частности, потенциал мышления может быть реализован по отношению к организации и регуляции другого базового «первичного» когнитивного процесса – памяти (*thinking about memory*). В результате этого, собственно говоря, и возникает та богатая по своей феноменологии и очень показательная в плане рассматриваемых здесь вопросов палитра психических явлений, составляющих несомненную реальность и зафиксированная понятием мнемотехники. На основе данной особенности все процессуальные образования данной группы обозначаются понятием метакогнитивных *гетеропроцессов* [132].

Кроме того, синтез двух разных «первичных» образований может иметь место не только по отношению к собственно процессуальной сфере, то есть носить не только «внутриклассовый» характер. Он может иметь и иной – «межклассовый» характер, то есть осуществляться между представителями различных классов «первичных» психических образований. В частности, такой синтез составляет сущность образований, которые являются основным предметом изучения в психологии эмоционального интеллекта – образований, связанных с когнитивным контролем за эмоциональными образованиями. То же самое относится и к столь же важной и общей сфере психического – к состояниям, поскольку высшим уровнем их регуляции как раз и выступает контроль за ними со стороны опять-таки когнитивных процессов.

Наконец, отметим, что все эти явления и лежащие в их основе механизмы имеют место не только по отношению к собственно операционным образованиям (то есть к «первичным» психическим процессам) и не только к иным – также основным «составляющим» психики (свойствам и состояниям). Они имеют отношение и к их результативным эффектам, в качестве которых выступают, прежде всего, знания, равно как и иные компоненты индивидуального опыта.

Показано, что и по отношению к ним также имеет место отмеченный выше механизм функциональной обратимости, в результате чего возникает феномен «знаний о знаниях» (метазнаний), а сами «первичные» знания, носящие исходно характер декларативных, могут трансформироваться во «вторичные» знания, имеющие уже характер процедуральных [159, 206]. Это, как известно, составляет основной предмет исследования во втором из двух основных направлений всего метакогнитивизма – в психологии метапознания.

Таким образом, общая совокупность компонентов, входящих в состав метакогнитивного содержания психики, является, действительно, и очень большой по объему, и весьма гетерогенной по содержанию. Всем им, однако, присуща триада общих и наиболее важных особенностей – их принципиально «вторичный», производный и внутренне-ориентированный характер. Эти особенности и образуют в своей совокупности качественную определенность всех метакогнитивных образований. Она, будучи общей для всех них, воспроизводится в каждом из них и составляет поэтому сущность самого компонентного уровня их организации. На нем представлены основные и наиболее специфические, а главное – сохраняющие качественную определенность всей метакогнитивной сферы образования, то есть именно ее компоненты.

Далее, предложенное решение вопроса о сущности основных *компонентов* метакогнитивной сферы личности содержит в себе необходимые предпосылки и для решения вопроса – о сущности тех «составляющих», из которых и на основе которых формируются сами компоненты, то есть о сущности *элементного* уровня. Поскольку в качестве элементов той или иной системы выступают образования, из которых формируются сами компоненты, но которые уже не «несут на себе» ее качественной определенности, то становится совершенно очевидным, каким образом данное понятие должно быть применено по отношению к метакогнитивной сфере. Действительно, суть всех «вторичных» образований в целом и «вторичных» процессов, в частности, в том и состоит, что они являются именно *вторичными*, то есть производными от синтеза двух иных, но уже «первичных» образований (процессов), а значит выступают как составные. Следовательно, в качестве их элементов, то есть «составляющих», из которых они складываются, должны быть поняты именно эти «первичные» образования. Другими словами, в качестве основных элементов метакогнитивной сферы личности должны быть поняты практически все основные «составляющие» психики в их собственной качественной определенности. Такое ре-

шение может показаться, на первый взгляд, не совсем оправданным, поскольку оно обязывает рассматривать в качестве элемента (то есть в качестве именно элементарного образования) такие сложнейшие процессуальные образования, как, например, мышление. Вместе с тем, необходимо отдавать отчет в *относительности* понятия элемента – в том, что оно фиксирует лишь его соподчиненность еще более сложному уровню, на котором локализованы компоненты. Иначе говоря, под элементом понимается отнюдь не простое («элементарное») образование, а напротив, – образование чрезвычайно сложное и, более того, сохраняющее всю сложность, которая присуща ему в его «первичном» статусе. Речь идет лишь о том, что оно может еще более усложняться посредством механизма функциональной обратимости, в результате которого и формируются метакогнитивные образования – как «вторичные» и составляющие содержание компонентного уровня общей организации метакогнитивной сферы личности.

Наряду с этим, следует подчеркнуть, что вопрос о сравнительной степени сложности компонентов и элементов метакогнитивной сферы, равно как и о корректности использования самого термина «элемент» (как чего-то именно элементарного) по отношению к таким сложнейшим образованиям, каковыми выступают все «первичные» составляющие психики, имеет еще один важный аспект. Он связан с тем, что по отношению к понятию элемента к сожалению, сложилась не вполне позитивная традиция его трактовки, прежде всего, именно в оценочном плане – как чего-либо «наиболее простого» и в этом смысле элементарного. В действительности, это далеко не всегда так, в связи с чем существует и другая точка зрения, состоящая в следующем. Именно элементы той или иной системы (и, соответственно, уровень, который образован в ней элементами) могут рассматриваться как относительно наиболее сложные сущности, поскольку они виртуально содержат в себе весь потенциал, для последующего формирования на их основе иных – «вышележащих» уровней ее организации. Кроме того, именно этот уровень является базовым, исходным, то есть лежит в основе всей иерархии уровней. Следовательно, в этом отношении он является аналогичным по значимости – также *основным* (причем, что очень характерно, даже в прямом, то есть этимологическом отношении).

На наш взгляд, эта точка зрения как нельзя более адекватно раскрывает истинную сущность и действительное содержание понятия элемента по отношению именно к метакогнитивной сфере личности. Ее элементы – это такие образования, которые вовсе не являются ни простыми, ни элементарными, а

напротив, – выступают в качестве крайне сложных. Однако, именно в силу своей сложности, они и содержат в себе возможности формирования за счет их *собственных* возможностей и ресурсов – так сказать за счет «внутренних средств» всех иных образований, в частности, «вторичных», то есть метакогнитивных. Сама суть «первичных» психических процессов – в особенности, когнитивных, состоит в том, что в них заложены все необходимые и достаточные условия для их собственного развития – для их качественных трансформаций, в том числе и для формирования на их основе «вторичных» – метакогнитивных процессов. Для этого вовсе не обязательно привлечение дополнительных организационных – ресурсных средств извне; достаточно реализации потенциала, заложенного в них самих. В результате этого оказывается, что еще одна – очень важная и, по существу, определяющая особенность всей метакогнитивной сферы личности заключается в том, что ее базовый уровень (элементный) характеризуется очень явной специфичностью. С одной стороны – формально, он сохраняет все основные атрибуты собственно элементного уровня организации систем [121, 132]. Однако, с другой стороны – содержательно он образован такими сущностями (элементами), которые обладают необходимым потенциалом для формирования на их основе всех иных ее уровней. И в этом – именно содержательном плане они, конечно, не могут и не должны пониматься в качестве относительно наиболее простых образований. В известном смысле они вступают как относительно наиболее сложные образования, поскольку в них, хотя и в потенциальной форме, содержатся все необходимые и достаточные условия для порождения всех иных ее «составляющих» и уровней организации.

Итак, можно видеть, что именно при анализе данного уровня возникает, пожалуй, наиболее острая и, в то же время, наиболее важная, даже – определяющая для всего метакогнитивизма проблема; она является и наиболее сложной среди всех иных его проблем. Ее сущность, как отмечалось выше, составляет содержание главного и наиболее трудного теоретического вопроса и даже – своеобразного парадокса. В самом деле, можно ли вообще рассматривать в качестве элемента, то есть образования относительно наиболее простого – именно элементарного такие сложнейшие сущности, каковыми выступают основные когнитивные процессы в целом, а также мышление и память, в особенности? Однако именно таковая трактовка и заключена в известной – основополагающей для всего метакогнитивизма дихотомии психических процессов на «первичные» (не метакогнитивные) и «вторичные» (метакогнитивные). В ре-

зультате этого и дифференцируются два указанных класса процессов, а сами метакогнитивные процессы обретают специфичность своего статуса и качественное своеобразие содержания. Кроме того, именно такая трактовка очень хорошо – полно и явно отвечает самой сути критерия-дискриминатора в целом и тех соотношений, который предписываются им для определения характера связей компонентного и элементного уровней. Действительно, предельно понятно, что любой «вторичный» процесс не может состоять не из чего иного кроме именно своих «составляющих» – частей, то есть из «первичных» процессов. И наоборот, «первичные» процессы составляют, согласно данной трактовке, «первичную» основу – элементную базу для формирования на их основе «вторичных», то есть метакогнитивных процессов. Пытаться опровергнуть такую трактовку – значит ставить под сомнение, фактически, все основное содержание самого метакогнитивизма. Речь поэтому должна идти вовсе не о таком «опровержении», а о том, чтобы попытаться углубить и конкретизировать эти представления, содействовать тем самым преодолению этой – действительно, существенной и острой теоретической трудности. По нашему мнению, в этом плане можно сформулировать следующие положения, способствующие решению данного вопроса.

Выход из этой, действительно, сложной ситуации может быть найден, на наш взгляд, при учете следующего обстоятельства принципиального плана. Дело в том, что одной из наиболее характерных и явных особенностей любого психического процесса (прежде всего, именно когнитивного) является то, что он может быть представлен в очень разных формах – с разной степенью сукцессированности и, соответственно, сложности. Он, как известно, может реализовываться и как практически симультанный паттерн *операций*, и как *действие*, и как *комплекс* действий, и как относительно самостоятельная *деятельность*. Причем, очень важно, что во всех иных формах и на всех других уровнях, *кроме операционного*, он объективно представлен в синтезе с «составляющими» иных когнитивных процессов, а не только в своей собственной определенности. В силу этого, есть основания считать, что в качестве подлинных элементов метакогнитивных процессов (как «вторичных») действительно выступают основные «первичные» процессы, но взятые именно в их *относительно элементарном* проявлении – в аспекте их собственно *операционного состава*. При этом необходимо учитывать и одно из наиболее общих и фундаментальных положений теории психических процессов, принявших статус своеобразной аксиомы.

Оно состоит в том, что качественная определенность любого психического процесса, а одновременно – и его специфичность по отношению ко всем иным, обусловлена именно наличием у него собственного операционного состава. Для каждого из них существует своя особая совокупность такого рода операций. Она, с одной стороны, придает им качественную определенность и вообще конституирует их. С другой стороны, она обуславливает их качественную специфичность по отношению ко всем иным процессам. Понятия операций и операционного состава, с одной стороны, и понятие психических процессов (особенно – когнитивных), с другой, практически взаимопологаемы друг с другом [12, 239]. Раскрытие сущности того или иного психического процесса во многом означает раскрытие и объяснение его операционного состава (как в аспекте его содержания, так и в аспекте его временной организации, то есть в плане его именно временного, собственно процессуального развертывания).

Далее, следует учитывать, что операционный состав «первичных» процессов характеризуется принципиальной гетерогенностью. Так, например, в мышлении дифференцируются базовые – основные операции, в качестве которых выступают хорошо известные операции анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, конкретизации, сравнения и др. Однако столь же несомненен и факт того, что в его составе объективно представлены и более сложные, причем, также очень широко распространенные операции. Они также имеют подчеркнуто абстрагированный от конкретного содержания мышления, то есть своего рода «надпредметный» характер; это, скажем, классификация, сериация, аналогизирование, перенос и др.

Наряду с этим, не менее существенно, что операции второго типа формируются на основе синтеза – комплексирования основных, то есть своего рода «первичных» операций и, следовательно, выступают как «вторичные». С этих позиций достаточно неожиданной, но и очень доказательной для развиваемых здесь представлений стороной раскрывается один из наиболее важных механизмов функциональной организации мышления, охарактеризованный в свое время С.Л. Рубинштейном. Это механизм, который сам автор обозначал как «анализ через синтез» и который он рассматривал не просто как важный, а как «основной нерв мышления» [241]. Однако, совершенно очевидно, что этот механизм как раз и выступает очень важным, но все же частым случаем общего механизма синтезирования операций и формирования в результате «вторичных» операций. Данный факт позволяет выявить обстоятельство и еще более

общего и принципиального характера. Оно состоит в том, что, наряду с отмеченным – уже известным метаоперационным образованием, в психологии мышления достаточно давно дифференцированы и иные – подобные ему образования. Это, в частности такие составные, то есть метаоперационные образования, как, скажем, конкретизирующая абстракция или описанный в [129] «синтез через анализ». Все это показывает, что операции могут реализовываться в отношении самих же себя; имеет место «удвоение» операционного состава и формирование на основе «первичных» операции «вторичных» операций, то есть своего рода метаопераций. Другими словами, можно констатировать тот же самый принципиальный механизм, который лежит в основе формирования любого метакогнитивного процесса. Не менее важно в свете всех этих явлений зафиксировать и то, что сам механизм функциональной обратимости, на основе которого базируются все метакогнитивные процессы, представлен и на более элементарном уровне – собственно операционном. В этом случае он выступает как механизм *операционной обратимости*. Именно он, по-видимому, лежит в основе всех иных форм и уровней функциональной обратимости – прежде всего процессуальной. За счет него и на его основе – именно как наиболее элементарного разворачиваются все иные генеративно-порождающие средства, приводящие в итоге к формированию всех иных метакогнитивных процессов. Очень важно и то, что именно он, выступая относительно наиболее простым – и в этом плане именно элементарным, локализуется на соответствующем его природе уровне – также элементарном. По-видимому, практически любой «первичный» когнитивный процесс, обращенный сам на себя, выполняют продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении преобразования даже – «строительства» самого себя. С этой точки зрения, например, метамышление выступает как своеобразный «функциональный орган», порождаемый мышлением как средство его же собственного «усиления» и расширения потенциала, а в целом развития и совершенствования

Кроме того, не менее очевидно, что комплексированию могут подлежать и операции, входящие в состав разных «первичных» когнитивных процессов. Наиболее явно это представлено по отношению к взаимосвязям мнемических и мыслительных операций и зафиксировано в понятии *мнемотехники*. Необходимо учитывать также, что одним из основных атрибутов операций является, как известно, их преимущественно автоматизированный, неосознаваемый характер. Поэтому они обладают максимальной степенью оппозиционности –

«отличности» от ведущего атрибута всех метакогнитивных образований, то есть от их осознаваемого характера. Однако именно он и является основным для предыдущего уровня организации метакогнитивной сферы – компонентного. Наконец, важной особенностью операций выступает то, что они являются не только основными носителями качественной определенности того или иного психического процесса, но еще и такими носителями, которые имеют наименьший из всех возможных уровень обобщенности. Тем самым, они раскрываются как «пограничные» образования между тем, что составляет содержание того или иного процесса и что уже не принадлежит ему, а локализовано на ином уровне организации психики – уровне ее психофизиологического обеспечения.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать заключение, согласно которому подлинной элементной базой метакогнитивной сферы личности выступают не столько сами «первичные» процессы в целом, сколько их относительно наименее сложные формы и уровни. В этом качестве выступают их, хотя и относительно элементарные проявления, но такие, которые сохраняют «главное в них» – их операционный состав и, следовательно, репрезентируют их специфическое содержание. В силу этого, основным предметом исследования данного уровня, позволяющим одновременно «уловить» и его специфику в целом, и обеспечить ему достаточно высокую степень дифференцированности, а значит и «чувствительности», являются именно операции. Они являются основными и наиболее репрезентативными «единицами» исследования на данном уровне исследования.

Итак, обобщая итоги проведенного анализа, необходимо подчеркнуть следующее. Его главным результатом является обоснование общего по смыслу, но вполне конкретного по содержанию решения задачи раскрытия структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности, а также определения ее основных принципов и закономерностей. Предложенный вариант решения привел к выявлению целого ряда соподчиненных уровней организации метакогнитивной сферы личности, а также их иерархии. Обнаружение и достаточно детальное описание отдельных уровней и их иерархии в целом позволило впервые дать обоснованное с точки зрения теории систем решение проблемы ее структурно-уровневой организации в целом. Следует особо подчеркнуть, что для реализации данного решения был использован не какой-либо «внешний» критерий, а критерий иного рода. Он, во-первых, вытекает из самой сути базо-

вых положений общей теории систем и системного подхода в целом. Во-вторых, он основывается не на каких-либо частных характеристиках систем, а на их объективно главных закономерностях – закономерностях структурной организации в целом и структурно-уровневого строения, в особенности. Одновременно получила решение и вторая задача, состоящая в том, чтобы на основе сформулированных в главе 1 положений попытаться преодолеть те теоретические трудности, к которым в настоящее время привело развитие представлений в самом метакогнитивизме.

Дифференцированные уровни организации метакогнитивной сферы оказались в итоге глубоко различными практически по всем основным психологическим параметрам; они кардинально – *качественно* различаются между собой. Однако, как известно, именно наличие явно выраженной качественной определенности выступает основным признаком, благодаря которому то или иное образование (процесс, качество и пр.) обретает собственно уровневый статус. Такой подход позволяет естественным образом учесть и те уровни организации, аналоги которых уже описаны в метакогнитивизме (компонентный и системный), и те, которые не были эксплицированы до сих пор. Действительно, с его позиций в целом и с точки зрения произведенной дифференциации основных структурных уровней организации метакогнитивной сферы, в частности, были выявлены ее новые уровни. Это – метасистемный, субсистемный и элементный уровни организации. Следовательно, реализованный критерий обладает помимо объяснительного и эвристическим, точнее – *прогностическим* потенциалом: он позволяет обоснованно предположить существование новых уровней организации метакогнитивной сферы личности и, более того, указывает на принципиальные особенности того содержания, которым они должны обладать. Кроме того, и сам обоснованный в данной главе базовый конструкт «метакогнитивная сфера личности» раскрывается принципиально новой гранью: она обретает статус уровневого образования, то есть раскрывается в качестве многомерной – многоуровневой структуры.

Особо следует подчеркнуть, что реализованный критерий уровневой дифференциации позволяет полно и точно отразить и объяснить одну из главных особенностей метакогнитивной сферы личности – ее принадлежность к системам со встроенным метасистемным уровнем. На основе данного критерия оказывается возможной не только дифференциация особого, качественно специфического уровня – метасистемного, но и доказательство того, что именно он

играет роль ведущего во всей иерархии других уровней организации метакогнитивной сфере личности.

Характерной чертой реализованного критерия является и то, что он позволяет дифференцировать метакогнитивную сферу не просто на какое-либо множество уровней, а вскрыть их целостную и обобщенную структуру, то есть организованную иерархию. Это означает, в частности, что в самом критерии содержатся средства для раскрытия не только качественной определенности основных уровней, но и механизмов межуровневых взаимодействий и взаимопереходов между ними. Так, очевидно, что компонентный уровень формируется на основе элементов посредством их определенной организации и, прежде всего, на основе механизма их функциональной обратимости. Согласно данному механизму, основные «первичные» когнитивные процессы (равно как и иные основные «составляющие» психики) трансформируются во «вторичные» образования. Далее, качественно однородные метакогнитивные образования, синтезируются на основе специфически функционального критерия в определенные «симптомокомплексы» качественно гомогенных образований, в результате чего формируются их определенные подсистемы. Субсистемный уровень складывается как соорганизация некоторого множества компонентов в определенные подсистемы, формирующиеся, прежде всего, по функциональному признаку. Далее, интеграция самих подсистем приводит к формированию другого основного уровня – общесистемного. Он, свою очередь, испытывает воздействие со стороны двух основных метасистем, в качестве которых выступают, с одной стороны, психика в целом, а с другой, – сама деятельность. Однако и здесь также имеют место очень специфические межуровневые взаимодействия системного и метасистемного уровней организации метакогнитивной сферы, которые также были проанализированы в данной главе.

Следует подчеркнуть, что проведенная дифференциация метакогнитивной сферы личности на основе реализованного в этих целях критерия находится в комплексном соответствии с эмпирическими, экспериментальными и теоретическими данными, которыми располагает современный метакогнитивизм и когнитивная психология в целом, равно как и психология управления. Это – именно комплексное, а значит и многоаспектное соответствие также должно рассматриваться, на наш взгляд, как свидетельство правомерности выявленных структурных уровней метакогнитивной сферы. Оно может быть продемонстрировано следующим образом (см. таблицу 1).

Соотношение значений общесистемного критерия критерия-дискриминатора
уровневой дифференциации и основных уровней организации
метакогнитивной сферы личности

<i>Значения критерия-дискриминатора уровневой дифференциации</i>	<i>Уровни организации метакогнитивной сферы</i>
Метасистемное	Метасистемный (личностный)
Системное	Системный (уровень организации метакогнитивной сферы как системы)
Субсистемное	Уровень основных подсистем метакогнитивного плана
Компонентное	Уровень отдельных метакогнитивных образований
Элементное	Уровень «первичных» психических образований как отдельных составляющих метакогнитивной сферы

В заключение подчеркнем, что все приведенные выше результаты теоретического анализа, свидетельствующие в пользу правомерности и конструктивности предложенного подхода, являются пока необходимым, но недостаточным средством их полной верификации. Эти теоретические результаты требуется подвергнуть эмпирической и экспериментальной проверке, что и составит основной предмет рассмотрения в следующей главе.

2.5. Выводы по главе

1. Метакогнитивная сфера личности организована на основе структурно-уровневого принципа и образует целостную иерархию, включающую пять основных уровней – метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный. Такое решение является не только наиболее полным среди существующих в настоящее время подходов к решению данной проблемы, но и преодолевает их основной недостаток. Он состоит в том, что метакогнитивная сфера личности, как правило, не эксплицируется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. До настоящего времени она изучается преимущественно с аналитических позиций, фиксирующих ис-

следование лишь на уровне ее отдельных компонентов, а также взаимосвязей между ними

2. Предложенное решение проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности полностью соответствует тем представлениям, которые сложились к настоящему времени относительно универсального общесистемного критерия дифференциации основных уровней организации сложных и сверхсложных систем. Данный критерий включает в себя также пять основных значений и поэтому предполагает необходимость дифференциации именно пяти основных уровней организации.

3. Осуществлена развернутая характеристика всех пяти основных уровней структурной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Так, сущность метасистемного уровня заключается в том, что его содержанием выступают основные «составляющие» психики в целом (процессы, образования, качества, и пр.), взятые в аспекте атрибутивно присущего им свойства саморепрезентированности, «обращенности на себя». Метасистема (психика), включаясь, то есть встраиваясь в содержание метакогнитивной сферы, образует ее высший, ведущий уровень – метасистемный. Основным механизмом (и предпосылкой) этого является то, что, фактически, любое психическое образование подчиняется одному из важнейших механизмов – механизму функциональной обратимости. В результате этого основные «составляющие» психики как метасистемы по отношению к метакогнитивной сфере оказываются представленными в ней самой; их совокупность входит в нее на правах структурного уровня ее собственной организации и содержания.

4. Доказано, что особую роль в общей организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности играет уровень, который не был описан до настоящего времени – субсистемный. Он образован закономерным сочетанием основных подсистем, каждая из которых синтезирует в себе качественно гомогенные и функционально сходные метакогнитивные образования. Кроме того, подробно раскрыты сущность, состав и структура системного уровня организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Доказано, что она структурируется не из своих компонентов (отдельных образований метакогнитивного плана) непосредственно, как это полагается традиционно, а из их закономерных функциональных синтезов – из основных метакогнитивных подсистем.

5. Дана новая интерпретация наиболее традиционного из всех дифференцируемых в метакогнитивной сфере личности уровня – компонентного. Он представлен совокупностью отдельных образований метакогнитивного плана, а его общая трактовка базируется на операциональном способе дифференциации и последующей интеграции компонентов в рамках данного уровня.

6. Впервые обоснованы сущность и содержание еще одного уровня организации метакогнитивной сферы личности – элементного, а также определены критерии и закономерности его дифференциации от компонентного уровня, равно как и механизмы сопряжения с ним. Данный уровень представлен всей совокупностью таких образований и структур, процессов и качеств, которые, являясь необходимыми для формирования метакогнитивных образований, в то же время сами по себе еще недостаточны для этого. Поэтому в их качестве выступают практически все основные «составляющие» психики, но в своей исходной форме – в форме «первичных» процессов, качеств, состояний и пр. Все они могут трансформироваться в собственно метакогнитивные образования, но при обязательном условии либо их «удвоения», либо реализации их потенциала по отношению к иным, но также «первичным» психическим процессам и образованиям, их дополнении иными средствами и механизмами. В первом случае формируются образования, условно обозначаемые термином *автопроцессов*, а их сущность состоит в том, что операционный потенциал какого-либо «первичного» когнитивного процесса реализуется в отношении него же самого, но выступающего в качестве относительно пассивного операнда. Во втором случае формируются образования, которые зафиксированы в понятии *гетерепроцессов*, а их сущность состоит в том, что в них операционный потенциал того или иного «первичного» когнитивного процесса реализуется в отношении какого-либо иного «первичного» процесса (например, мышление относительно памяти – *thinking about memory*).

7. Предложено комплексное решение значимой в теоретическом отношении проблемы определения состава, содержания и структурной организации одного из важнейших уровней метакогнитивной сферы личности в процессе управленческой деятельности – субсистемного. Он занимает центральное место в иерархической организации метакогнитивной сферы, что и обуславливает его объективно определяющую роль во всей ее организации и включает в свой состав восемь базовых подсистем.

8. Впервые установлена не описанная ранее специфическая подсистемы метакогнитивного плана, обозначенная как *ингибиторная* подсистема. Вскрыты ее компонентный состав, ведущие детерминанты ее формирования, ее функциональная роль в метакогнитивной сфере личности и организации самой управленческой деятельности.

9. Раскрыта еще одна – очень важная, специфическая и интегративная по своей природе подсистема, обозначенная понятием *интеракционной* подсистемы. Она образована упорядоченным множеством гомогенных метакогнитивных образований. Их сущность состоит в том, что они обеспечивают межличностный, точнее – экспрессивный «контур управления». Все они, следовательно, входят на правах важнейшей «составляющей» в одно из наиболее интегративных и важных именно для управленческой деятельности психических образований – в структуру социального интеллекта и, не исключено, во многом определяют уровень его развития.

10. Выявлена еще одна основная метакогнитивная подсистема – *мониторинговая*. Она состоит из образований и процессов, которые характеризуются принципиальной общностью их содержания, обусловленной их инвариантной функциональной направленностью. Она заключается в том, что все они реализуют функцию «вторичного контроля» – метаконтроля и, соответственно, синтезируются качественно гомогенную по содержанию подсистему. Показано также, что данная подсистема является максимально репрезентативной именно управленческой деятельности: она формируется как необходимое следствие ее основных и наиболее типичных особенностей, а одновременно – выступает и важнейшим условием ее эффективной реализации.

11. Впервые доказано, что иерархия основных уровней метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности является интегративным образованием, формирующимся и функционирующим под определяющим влиянием двух основных классов детерминант – деятельностных, связанных со спецификой содержания и условий этой деятельности, и личностных, связанных с особенностями структурной организации личности ее субъекта. Тем самым выявляется дополнительный и также новый в научном отношении факт – полиметасистемность организации данной сферы.

12. Предложена обобщенная модель структурной организации основных подсистем метакогнитивного плана, образующих в своей совокупности субсистемный уровень метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельно-

сти. Она образована синтезом трех содержательных координат, ортогональных по отношению друг к другу. Данная модель является адекватным способом представления реальной структурной организации подсистем метакогнитивного плана и позволяет решить ряд достаточно важных теоретических вопросов как современного метакогнитивизма в целом, так и проблемы метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, в частности (например, вопрос о полноте состава основных метакогнитивных подсистем; вопрос о критериях их классификации и т.д.). Она является конструктивным эвристическим средством изучения метакогнитивной регуляции деятельности, поскольку на ее основе возможно установление новых, не описанных закономерностей и феноменов (например, «феномена парности» основных групп этих подсистем, который следует рассматривать как один из важных механизмов метакогнитивного обеспечения деятельности).

13. Обоснование существования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности, а также раскрытие его содержания и структуры является реальным теоретико-методологическим средством преобразования доминирующей в настоящее время парадигмы разработки проблемы метакогнитивной регуляции профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Оно демонстрирует тот значимый факт, что эта деятельность детерминируется не столько отдельными факторами метакогнитивного плана непосредственно, сколько всей метакогнитивной сферой личности в целом, то есть структурой всех ее основных подсистем. Поэтому «в центр» исследования должно быть поставлено не изучение детерминационной роли отдельных факторов метакогнитивного плана по отношению к управленческой деятельности, а раскрытие особенностей и закономерностей именно ее структурной детерминации со стороны всей системы этих факторов.

Глава 3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАКОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ КАК РЕГУЛЯТОРА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1. Постановка проблемы исследования

В предыдущей главе была дана достаточно развернутая характеристика состава и содержания метакогнитивной сферы личности как регулятора деятельности управленческого типа, а также основных особенностей ее структурной организации. Эта характеристика, наряду с ее основными функциями, которые заключаются в *содержательном* раскрытии основных особенностей и закономерностей данной сферы, имеет еще две особенности, учет которых обуславливает собой цели и задачи всего ее последующего анализа. С одной стороны, ряд из сформулированных положений и выводов носит пока по необходимости предположительный характер и выступает в качестве различных по степени обобщенности гипотез. Следовательно, для того, чтобы придать статус уже не только, хотя и достаточно обоснованных и аргументированных в теоретическом плане, но все же *предположений*, но и статус доказанных *положений*, их следует подвергнуть всей необходимой в таких случаях верификации уже собственно эмпирическими и экспериментальными средствами. Кроме того, представленная выше характеристика метакогнитивной сферы не только требует такого рода верификации, но и создает необходимые *условия* – адекватную основу и непосредственно для нее самой и решения собственно исследовательских задач. Такой – по существу, двуединый характер представленных в главе 1 материалов обуславливает две основные группы задач, к рассмотрению которых теперь необходимо перейти – *верификационные* и *исследовательские*.

Сущность первых состоит в том, чтобы подвергнуть по возможности более полной и развернутой верификации сформулированные выше и обоснованные в теоретическом плане предположения, которые направлены на раскрытие особенностей и закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности, а также ее состава и содержания. Сущность задач второй группы состоит в том, чтобы использовать сформулированные положения в качестве основы для дальнейшего выявления особенностей и закономерностей метакогнитивной сферы в целом. В свою очередь, при решении задач первой группы – собственно верификацион-

ных, необходимо руководствоваться, прежде всего, теми – также основными выводами, к которым привел уже осуществленный анализ. Главным среди них является обоснование положения, согласно которому метакогнитивная сфера личности организована на основе структурно-уровневого принципа и представляет собой целостную иерархию, образованную пятью основными уровнями. Следовательно, задачи верификационного плана должны быть сконцентрированы, главным образом, именно на обосновании этого базового положения. В свою очередь, из методологии психологических исследований известно, что верификация представлений о структурно-уровневой организации психических образований предполагает ее реализацию в трех основных направлениях.

Во-первых, это доказательство средствами собственно эмпирического и экспериментального плана существования *качественного* своеобразия тех уровней, которые дифференцированы на основе какого-либо критерия, или же в результате теоретического анализа. Дело в том, что само понятие уровня (по определению) предполагает наличие глубоких – именно принципиальных, то есть *качественных* различий между теми или иным структурными образованиями. Причем, это своеобразие также заключается в двух основных планах. Первый состоит в том, что дифференцированные уровни должны обладать собственной качественной *определенностью* – наличием у них своих собственных содержательных особенностей и закономерностей, собственного содержания. Второй состоит в том, что они же должны характеризоваться и качественной *специфичностью*, то есть быть именно качественно, то есть принципиально отличными друг от друга. Следовательно, все задачи верификационного плана также должны быть направлены на решение вопроса о наличии такого рода качественных различий у дифференцированных уровней.

Во-вторых, это рассмотрение всей совокупности дифференцированных уровней в аспекте существования у них тех базовых особенностей и закономерностей, которые присущи любой системе, построенной на принципах структурно-уровневой организации. Как известно, любая система, в которой они воплощены, характеризуется наличием не только самих уровней, но и развернутой совокупностью определенных закономерностей *межуровневых* взаимодействий и взаимопереходов. Они достаточно подробно раскрыты как в системном подходе, так и в теории систем в целом [7, 17, 30, 31, 73, 78, 171, 188, 226, 237, 244, 271, 276, 292]. При этом полагается, что именно наличие такого рода межуровневых взаимодействий и взаимопереходов является не менее значимым

аргументом в пользу уровневого принципа организации в целом. В силу этого, дифференцированные выше уровни, равно как и их общую совокупность, также необходимо рассмотреть в плане такого рода взаимодействий.

В-третьих, необходимо подчеркнуть, что задачи верификационного плана, решаемые по отношению к обоснованию правомерности уровневой дифференциации систем, предполагают также и использование критериев собственно *логического* плана. Они связаны с верификацией того, насколько в уровневой дифференциации реализован (и, соответственно, соблюден) тот или иной *формальный* критерий дифференциации, обозначаемый понятием *критерия-дискриминатора*. Другими словами, при решении задач верификационного плана необходимо учитывать положение общего плана, которое сформулировано в методологии системного подхода. Это положение о существовании двух типов критериев уровневой дифференциации – критерия-дискриминатора и критериев-верификаторов. Напомним, что в качестве последних выступают базовые параметры, репрезентирующие качественную разнородность уровней, а основные из них состоят в следующем. Дифференцируемые уровни должны иметь глубокие качественные различия по своему *содержанию*; выступать различными по характеру интегративных *средств* и механизмов, лежащих в их основе; обеспечивать качественно различные *типы взаимодействия* системы со средой; иметь глубоко различные *феноменологические* проявления; включать специфические и разнородные по отношению друг к другу *компоненты* и др. Кроме того, подчеркнем также, что критерий-дискриминатор в значительной степени уже был рассмотрен в ходе проведенного в предыдущей главе анализа: все дифференцированные в его результате уровни выделены именно на основе такого рода общего и унитарного критерия. Данное обстоятельство не только позволяет, но и требует перейти к их же рассмотрению, но уже по другой группе критериев – по критериям-верификаторам.

Вместе с тем, наряду с задачами собственно верификационного плана, необходимо рассмотреть и задачи собственно исследовательского характера. Они, в конечном счете, обусловлены тем, что любые представления и положения собственно теоретического характера – любые концептуализации и схематизации предмета исследования не являются самоцелью, а выступают гносеологическими средствами, направленными на установление и объяснение тех или иных – *новых* содержательных сторон самого предмета исследования. Поэтому и развитые выше представления об особенностях и закономерностях

структурной организации метакогнитивной сферы, давая ее раскрытие в определенной степени приближения, должны рассматриваться, вместе с тем, и в качестве *средства* ее дальнейшего, но уже более глубокого и детализированного исследования. Кроме того, следует учитывать, что исследовательские задачи также подразделяются на две их основные группы. Первая – это задачи *интерпретационного* плана, состоящие в том, чтобы использовать те или иные – вновь формулируемые представления в качестве объяснительного средства для раскрытия уже установленных явлений и закономерностей, для их более глубокого понимания и объяснения. Вторая – это задачи собственно *поискового* плана, связанные именно с установлением новых, не описанных до настоящего времени особенностей и закономерностей предмета исследования.

Итак, все сформулированные выше задачи должны составить основной предмет рассмотрения в данной главе. В свою очередь, это означает, что каждый из основных – охарактеризованных выше уровней должен быть подвергнут исследованию как в аспекте его основных закономерностей, то есть его качественной *определенности*, так и в аспекте его качественной *специфичности* по отношению ко всем другим уровням. Кроме того, при их изучении необходимо руководствоваться тем важным фактом, что все они, являясь *качественно* различными, обуславливают аналогичные, то есть также существенные различия в характере тех исследовательских задач, которые выступают основными для каждого из них.

Наконец, следует обязательно учитывать, что в настоящее время уже имеется определенный опыт решения именно такого рода задач. Дело в том, что общие принципы уровневой организации систем в целом, а также такой организации, в которой реализованы и закономерности метасистемного плана, в частности, уже исследованы на материале целого ряда важных предметов психологического исследования. Так, мы уже отмечали, что они были реализованы по отношению к следующим проблемам: к проблеме структурно-функциональной организации психических процессов, к проблемам способностей, деятельности, сознания, организационной культуры, структурной организации Я-концепции, «психологических защит» личности, мотивационной сферы личности и др. [127, 131, 132, 134, 136, 142, 160, 164, 204, 211, 265, 371]. При этом данный подход показал достаточно высокую эффективность, проявив себя как конструктивное методологическое средство их исследования. Поэтому опыт и результаты, которые получены при его реализации, целесообразно учитывать и

при изучении структурной организации еще одного и также очень значимого предмета изучения – метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. В свою очередь, это означает, что общая *стратегия* и конкретная программа такого исследования должна быть в значительной степени *инвариантной* по отношению к уже проведенным исследованиям. Более того, она должна базироваться на опыте их реализации и воплощать в себе принципиальные черты ее процедурной организации.

Как показано в отмеченных выше работах, реализация данной стратегии исследования возможна двумя различными способами. Первый это путь «сверху – вниз»; он заключается в том, чтобы вначале рассмотреть метасистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности, а затем – последовательно проанализировать системный, subsystemный, компонентный и, наконец, элементный уровень. Иными словами этот путь предполагает последовательный переход от высших уровней к низшим. Второй, противоположный путь («снизу – вверх») предполагает обратную последовательность рассмотрения указанных уровней. Вместе с тем, по нашему мнению, наиболее целесообразен еще один – третий путь. Он заключается в том, чтобы начать исследование метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности с того уровня, который занимает в охарактеризованной выше иерархии, как было показано в предыдущей главе, *центральное* место и является в этом смысле *определяющим*. Это – subsystemный уровень ее организации. Причем, такой выбор обусловлен не только его центральным положением в общей иерархии уровней, но и его важнейшими, атрибутивными характеристиками, а также спецификой его роли в регуляции управленческой деятельности.

3.2. Субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности

Как отмечалось выше, все основные уровни организации метакогнитивной сферы, являясь *качественно* различными, обуславливают аналогичные – также существенные различия в характере тех исследовательских задач, которые выступают основными для каждого из них. В связи с этим, возникает вопрос, каким образом данное положение «работает» по отношению к subsystemному уровню? При его решении, на наш взгляд, следует руководствоваться следующим основным положением. Поскольку этот уровень пока не был дифференцирован и обоснован в качестве самостоятельного и качественно специфич-

ческого, то и его существование также, строго говоря, еще не является доказанным. Следовательно, главная задача его исследования заключается в том, чтобы собственно экспериментальными и эмпирическими средствами *верифицировать* само предположение о существовании подсистем метакогнитивной регуляции деятельности как таковых. Необходимо обосновать их наличие в качестве специфических и относительно самостоятельных образований; верифицировать предположение о том, что их совокупность образует качественно специфический уровень организации метакогнитивной сферы личности в процессе регуляции управленческой деятельности. Решение данной задачи предполагает организацию исследований в следующих основных направлениях.

Во-первых, следует подвергнуть экспериментальной и эмпирической верификации предположение о том, что субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы *не сводится* ни к одному иному уровню организации и, прежде всего, к двум «соседним» с ним уровням – к собственно системному уровню ее организации и к компонентному уровню. Иначе говоря, это верификация предположения о том, что он является особым, качественно специфическим уровнем, входящим в ее общую структурно-уровневую организацию. Во-вторых, необходимо экспериментальными средствами проверить предположение, согласно которому основные метакогнитивные подсистемы обладают *своим собственным содержанием*, своей качественной определенностью, которая не обнаруживается ни на одном ином уровне и, прежде всего, на «соседних» с ним уровнях (системном и компонентном). Наконец, в-третьих, необходимо попытаться раскрыть и конкретные закономерности организации самих дифференцированных подсистем метакогнитивного плана, лежащих в основе регуляции управленческой деятельности.

Имея в виду все вышеизложенное и переходя к решению сформулированных задач, отметим, прежде всего, следующее. Наиболее очевидной среди них является необходимость верификации выдвинутого нами предположения о несводимости содержания метакогнитивной сферы личности к любой из дифференцированных подсистем и их аддитивной совокупности. Согласно данному предположению, первая существенно богаче – полнее и содержательнее, чем любая из ее *частей* – основных подсистем метакогнитивного плана и их сумма. Вместе с тем, более важен, но и более труден в аспекте верификации общей гипотезы о самостоятельности статуса метакогнитивных подсистем, а также о наличии у них собственного специфического психологического содержания, иной

вопрос: являются ли эти подсистемы просто комплексом, *суммой* компонентов или же организованной целостностью, то есть собственно *системным* образованием? Если справедлив первый вариант ответа, то ни о каких подсистемах как специфических образованиях метакогнитивного плана и, соответственно, о субсистемном уровне организации метакогнитивной сферы нельзя говорить. Если же справедлив второй вариант ответа, то появляются достаточные основания для позитивного решения проблемы самостоятельности их психологического статуса. Именно этот вопрос является ключевым для верификации гипотезы о существовании подсистем в целом, в связи с чем он и стал главным предметом осуществленного нами цикла исследований, к рассмотрению результатов которого мы и переходим.

При его планировании и проведении мы руководствовались одним из наиболее важных и в принципе общеизвестных методологических положений, состоящим в следующем. Известно, что наиболее конструктивными средствами обнаружения собственно «организационных» – системных феноменов и закономерностей изучаемого объекта выступают процедуры организации экспериментального и эмпирического исследования, а также обработки его данных, которые позволяют одновременно решить две взаимодополняющие задачи. С одной стороны, – определить влияние *отдельных* факторов (как аналогов независимых переменных) на сам объект изучения как аналог зависимой переменной. Однако, с другой стороны, они позволяют выявить также и содержание, характер, а также силу *взаимодействия* этих факторов друг с другом, то есть, фактически, их *структурную* организацию [56, 148, 155, 423].

В современной экспериментальной психологии, равно как и в методологии эмпирического психологического исследования в целом, существует целый ряд такого рода схем организации и планирования экспериментов, а также обработки их результатов [56, 148, 185, 275, 306, 423]. К ним, в первую очередь, относятся методы многомерного корреляционного анализа, наиболее совершенной формой которого является метод анализа матриц интеркорреляций (иногда он обозначается как «матричный анализ»); метод нахождения коррелограмм (структурограмм) и их последующего анализа; эксперименты, построенные на основе методологии факторного планирования и факторной обработки результатов (в частности, метод «факторных декомпозиций»); многофакторный дисперсионный анализ и др. Важной особенностью всех указанных методов яв-

ляется то, что они могут быть реализованы и в *комплексе* друг с другом, а также по отношению к обработке одних и тех же массивов экспериментальных данных. Это дает основания для *верификации* результатов, полученных разными методами и, соответственно, повышает степень обоснованности общих выводов исследования. Комплекс указанных методов поэтому и был применен в реализованном нами цикле исследований. Соответственно, вся совокупность результатов, полученных в данном цикле, может быть подразделена на следующие основные группы.

Во-первых, это данные, полученные на основе метода многомерного корреляционного анализа, включая «матричный». Во-вторых, это данные, полученные на основе применения факторного планирования и факторной обработки результатов экспериментов. В-третьих, это данные, полученные посредством метода дисперсионного анализа. Вместе с тем, прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению полученных с их помощью результатов, необходимо дать специальную характеристику той *методической базы*, на основе которой проводилась диагностика как отдельных параметров метакогнитивной сферы, так и основных метакогнитивных подсистем.

Процедура разработки и содержание комплексного опросника метакогнитивного потенциала личности

Действительно, решение всех отмеченных выше задач, носящих собственно эмпирический и экспериментальный характер, с необходимостью приводит к постановке новых и не менее сложных проблем, связанных с определением тех *методических* средств, на основе которых они и должны решаться. В свою очередь, они столь же непосредственно связаны с одной из наиболее общих и также сложных проблем всего метакогнитивного направления в психологии – с проблемой его методологических оснований и обоснованности существующих в нем методов в целом. Данная проблема в ее общем и наиболее принципиальном виде уже была предметом нашего рассмотрения в главе 1, в результате чего, в частности, были выявлены некоторые основные особенности той ситуации, которая сложилась к настоящему времени относительно методологических основ и методического инструментария современного метакогнитивизма. Их учет – именно как *общих* и наиболее характерных является, на наш взгляд, необходимым и при разработке *конкретных* методических средств, направленных на решение основных задач данной работы. Среди них, пожалуй,

наиболее очевидными, а в то же время и наиболее общими и значимыми являются три следующие особенности.

Во-первых, это особенность, вскрывающая общность логики развития представлений о предмете и методе метакогнитивизма и состоящая в следующем. Как было показано в главе 1, одной из наиболее явных и общих особенностей представлений, сложившихся в метакогнитивизме в целом и рассматривающихся в качестве одного из основных недостатков его современного состояния, является его подчеркнуто *внедеятельностный* характер. Действительно, в современном метакогнитивизме явно доминируют схемы и традиции экспериментально-лабораторного плана, предполагающее проведение исследований не в условиях реальной, естественной деятельности, а в достаточно искусственных и упрощенных условиях. Эта особенность, как известно, рассматривается в настоящее время в качестве одного из главных недостатков данного направления. Вместе с тем, та же самая в принципе картина очень характерна для метакогнитивизма и в собственно *методическом* плане. Как известно (и это также было предметом нашего рассмотрения в главе 1), в качестве одной из важнейших и даже – во многом определяющих групп тех методов, которые используются в нем, является группа собственно экспериментальных методов. Они, в свою очередь, характеризуются тем, что – так же как и все иные собственно экспериментальные средства, характеризуются достаточно выраженной *абстрактностью и искусственностью*. Это, прежде всего, относится к тому материалу, на основе которого исследуются метакогнитивные процессы и феномены. Как известно, традиционно в исследованиях метакогнитивной сферы личности используются математические и логические задачи различного уровня сложности, а также коммуникативные проблемные ситуации. Кроме того, практически все они характеризуются и столь же явной искусственностью *условий*, в которых осуществляются исследования – их так сказать «очищенным», рафинированным характером и, следовательно, неучетом реальной деятельностной детерминации. Наконец, они характеризуются не менее очевидной *аналитичностью*, поскольку направлены на изучение каких-либо частных, то есть локальных проявлений метакогнитивной сферы личности (например, отдельных метакогнитивных процессов, феноменов, свойств и пр.).

При этом следует подчеркнуть, что все эти особенности сами по себе вовсе не являются только негативными чертами. Напротив, они, будучи свойственны любому экспериментальному исследованию, позволяют раскрыть то или

иное явление с достаточно высокой степенью детализированности и глубины. Вместе с тем, они все же характеризуются и определенными ограничениями, связанными, прежде всего, с аналитическим характером получаемых результатов, с недостаточным учетом более общей и «жесткой» деятельностной и поведенческой детерминации. В силу этого, все они приводят к постановке известной в методологии задачи – задачи их дополнения, а в перспективе и преодоления посредством иных, более общих и адекватных схем организации исследования, позволяющих учесть их деятельностную и поведенческую обусловленность. Таким образом, можно видеть, что уже в плане этой особенности вполне очевидным является одно из главных направлений развития общей методологии и конкретных методов изучения проблематики метакогнитивизма. Это – необходимость все более полного учета деятельностных факторов, преодоление его внедеятельностного характера, но уже не в плане представлений о *предмете*, а в плане представлений о *методах* исследования.

Во-вторых, еще одной очень явной и также общей особенностью тех представлений, которые сложились к настоящему времени в метакогнитивизме относительно его методов, является отчетливое доминирование в их общей структуре методов собственно *опросного* типа. Все они так или иначе базируются на интроспективных основаниях и выступают, следовательно, разновидностями собственно интроспективных техник, их частными проявлениями. К настоящему времени разработано достаточно много различных по направленности и целям, по характеру и содержанию опросников; они вообще занимают доминирующее положение во всей палитре современной метакогнитивной проблематики, а их применение является наиболее традиционным и вообще – очень естественным и органичным для нее. При этом очень характерным и показательным является также, что их использование именно по отношению к метакогнитивным процессам и явлениям оказывается, как правило, достаточно конструктивным, позволяя получить вполне обоснованные и корректные данные. Наиболее важно и показательным в этом плане, что такие данные, равно как и само использование методов опросного типа (которые, как известно, обычно являются предметом критики в психологии именно по причине их интроспективного, а следовательно, субъективного и подверженного фальсификациям характера), обладают, тем не менее, достаточно высокой степенью надежности и обоснованности [88, 213]. Другими словами, использование именно этого подхода по отношению к метакогнитивной проблематике является существенно

более адекватным и обоснованным, нежели по отношению к очень многим иным сферам психологического исследования (например, по отношению личностных качеств, мотивации, самооценки и др.). Данное обстоятельство заслуживает, на наш взгляд, специального внимания и выявления причин, обуславливающих существенно бóльшую адекватность опросных методов (и вообще – всех тех методов, которые, в конечном итоге, базируются на самонаблюдении), специфике, точнее – даже атрибутивной природе самого предмета метакогнитивизма. Оно, в силу этого, будет подробнее рассмотрено ниже.

В-третьих, еще одной общей и очень характерной особенностью современной ситуации являются черта, которая во многом является производной от первых двух, точнее – от попыток преодоления тех негативных последствий, к которым они нередко приводят. Она состоит в становящейся все более явной и широко представленной тенденции к разработке таких методов *опросного* типа, которые позволяют исследовать метакогнитивных феномены и процессы в условиях реальной, естественной *деятельности*. Другими словами, имеют место попытки дальнейшего развития и углубления, совершенствования самой методологии опросников (то есть интроспективных техник) как базовой и основополагающей; все они связаны с попытками преодоления его внедеятельностного характера. Это означает, что сами опросники приобретают уже так сказать «деятельностно-ориентированный» характер, то есть становятся направленными на исследование метакогнитивных процессов и феноменов в контексте *целостной деятельности*. Вместе с тем, и эта особенность, а одновременно – и тенденция развития методов также пока носит очень специфический и весьма ограниченный характер. Дело в том, что она распространяется пока лишь, в основном, только на один тип деятельности – на *учебную*, образовательную. Однако, другие типы и виды деятельности и, прежде всего, разумеется, вся – огромная по объекту и беспрецедентная по значимости сфера типов и видов *профессиональной* деятельности остается пока, фактически, не вовлеченной в эту важную и, по существу, магистральную тенденцию. При этом небезынтересно отметить, что данная тенденция, хотя и в своеобразном виде весьма характерна и для третьего основного типа деятельности – игровой. Она принимает по отношению к ней форму все более широкого распространения модифицированных вариантов метода клинической беседы, который, по существу, во многом является так сказать «вербальным аналогом» опросной методологии.

Таким образом, обобщая эти три основные особенности, а одновременно – и тенденции развития представлений о методах исследования, наиболее характерные для современного метакогнитивизма, можно сделать следующее заключение. Одним из наиболее перспективных подходов, максимально отвечающих общей логике развития этих представлений, должна стать разработка методов, которые базируются на опросных техниках и предполагают возможность их реализации по отношению к профессиональной деятельности. За счет этого могут быть в значительной степени преодолены те основные и наиболее характерные для современного состояния методов метакогнитивизма их особенности, которые были констатированы в ходе анализа. Следовательно, те методы, которые наиболее адекватны характеру сформулированных выше задач, направленных на исследование структурной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности, также должны носить именно такой характер. Ими, по-видимому, должны быть методы опросного типа, но адаптированные под условия конкретной профессиональной деятельности.

Вместе с тем, констатация данного вывода вновь приводит к тому же самому вопросу, который уже возникал в ходе предыдущего рассмотрения. Это вопрос о том, почему именно по отношению к собственно метакогнитивной проблематике опросные методы дают относительно *наиболее* обоснованные и корректные результаты; почему они вообще, так сказать, наиболее применимы по отношению к ней и наиболее популярны при ее разработке? Для того чтобы ответить на него, необходимо, по нашему мнению, зафиксировать наиболее важные, а одновременно – и *специфические особенности* самих метакогнитивных процессов и качеств как предметов, на которые и направлены те или иные методические процедуры, в частности – процедуры опросного типа. Данное положение важно еще и в том плане, что, как известно, не только обязательным, но даже – первым, исходным этапом разработки любого опросника является определение основных особенностей того *конструкта*, на исследование которого он и направлен. В качестве основных среди них должны быть зафиксированы, на наш взгляд, их следующие – наиболее специфические особенности.

Во-первых, в наиболее общем и принципиальном плане следует зафиксировать специально – именно в качестве исходного и базового в методологическом отношении следующее положение. Существует принципиальное сходство и даже *общность* природы всех метакогнитивных феноменов как таковых и самой сути опросных методов в целом; поясним сказанное. Действительно, одной

из основных – атрибутивных черт всех этих феноменов является их принципиально *осознаваемый* характер; то, что они выступают средствами именно произвольной регуляции и контроля со стороны самого субъекта. Следовательно, сам *предмет* изучения, причем, любого – и диагностического, и исследовательского, и прикладного является атрибутивно *осознаваемым*; он выступает как «факт сознания», как фрагмент субъективного опыта, то есть как некоторая данность собственно интроспективного плана. Однако и сам *метод*, а в более общем плане – и методология (даже – «идеология»), которая заложена в опросные методы как таковые также является принципиально аналогичной, то есть базирующейся на средствах и механизмах *осознаваемого*, интроспективного плана, на способности к самонаблюдению. Такое подобие и, фактически, даже *тождество* сущности предмета и метода и делает, собственно говоря, именно опросные методы наиболее конгруэнтными специфике метакогнитивных феноменов. Они по своей природе таковы, что в них предмет и метод вообще во многом *совпадают* и выступают, по существу, двумя разными гранями одной и той же способности – способности к самопрезентации содержания психики ей же самой, способности к самонаблюдению.

Во-вторых, еще одной важной и очень специфической особенностью феноменов метакогнитивного плана, обуславливающих наибольшую обоснованность реализации по отношению к ним методов опросного типа, является то, что они в существенно меньшей степени подвержены важнейшей негативной черте всех опросных методов – принципиальной *фальсифицируемости* их результатов. Именно эта особенность является, как известно, главным и наиболее принципиальным недостатком всех опросных методов. Она выступает их «ахиллесовой пятой» и вообще – главной причиной их субъективного характера и, следовательно, аргументом в их необъективности, и недостаточной корректности. В свою очередь, эта их черта обусловлена следующими основными причинами. Прежде всего, практически все феномены и процессы метакогнитивного плана носят подчеркнуто *процессуальный*, а не результативный характер. В них отражается и выражается не то, «как хорошо» (или, наоборот «плохо») действовал субъект и, соответственно, к каким *результатам* привели эти действия, а то, каким способом он действовал, каково было содержание его действий – сам их *процесс*. Следовательно, они принципиально не носят *оценочного* характера. И именно поэтому они в несопоставимо меньшей степени «затрагивают интересы» личности, вообще – так сказать, интересны ей с точки зрения того,

«как это будет воспринято и оценено со стороны», как она будет выглядеть в свете этих результатов (то есть своих ответов на пункты опросника). В силу этого, испытуемому становится столь же «мало интересно» приукрашивать данные, выдавать желаемое за действительное, то есть фальсифицировать результаты. Причем, необходимо учесть, что, как известно, сама фальсификация также носит сложный характер и осуществляется на двух уровнях одновременно. Она является и преднамеренной, то есть вполне сознаваемой, и неосознаваемой, выступая при этом в форме соответственно, так называемого «осознаваемого и неосознаваемого контроля» испытуемого, описанных в методологии психологического исследования [149].

В-третьих, необходимо принимать во внимание еще одну общую и важную отличительную особенность всех феноменов метакогнитивного плана, делающую их в наибольшей степени адекватными методологии опросного типа. Дело в том, что все они не являются и, что еще более важно, не рассматриваются самим испытуемым как особенности его личности – как то, что его *лично* характеризует и, следовательно, оценивает. Это – вовсе не то, что требует «приукрашивания» и искажения, фальсификации. Как раз напротив, по мнению испытуемого, это то, что вполне может и *не быть* обязательно представленным на высоком уровне и в социально-одобряемой форме, а зачастую вообще не является для него вполне понятным, то есть, «не является для него разгаданными в отношении их диагностического смысла» [90].

Понятно, однако, что в свете всего этого степень адекватности и объективности данных, получаемых посредством методик опросного типа по отношению к метакогнитивной сфере, просто несопоставима со степенью корректности их применения и с мерой объективности данных, которые они дают по отношению к исследованию, например, личностных качеств или мотивации. Вместе с тем, именно методы опросного типа, все же, как были, так и остаются главными и в психологии личности, и в психологии мотивации. Однако, если это так и если сама психология личности и исследования мотивации, базирующиеся на них, являются одними из наиболее развитых направлений во всей психологии, то эти же методы, но с гораздо большей степенью обоснованности должны быть поняты и приняты в качестве адекватной методической базы для другого направления – метакогнитивизма.

В-четвертых, существует еще одна, правда, несколько более имплицитная, но очень важная и общая особенность всех феноменов метакогнитивного

плана, которая также вскрывает относительно наибольшую адекватность применения по отношению к ним методов опросного типа. Как уже отмечалось выше, практически все они соотносятся, прежде всего, с процессуальной стороной переработки информации, а не с ее результативными параметрами. Вместе с тем, их сущность состоит еще и в том, что они не только не имеют, но и в принципе *не должны* иметь какого-либо «самостоятельного», автономного результативного проявления. Все они являются принципиально «вторичными» по отношению к какому-либо иному, но уже «первичному» образованию – прежде всего, процессуальному (например, мышлению, памяти и др.). Последние, напротив, имеют свои результативные проявления и эффекты, которые, как известно, обозначаются понятием «параметров продуктивности» того или иного процесса. В этом отношении феномены метакогнитивного плана очень сходны с еще одним и также очень традиционным предметом исследования с позиций методологии опросного типа – с мотивацией. Она, как известно, также не имеет так сказать «самостоятельного продукта» и, соответственно, – автономного показателя, *непосредственно* индицирующего ее как в плане интенсивности, так и в плане содержательных характеристик. Она проявляется *опосредствованно* – через те или иные деятельностные и поведенческие показатели.

В связи с этим, однако, возникает еще более общий и важный вопрос – о *внешнем критерии*, то есть о некотором объективированном показателе меры выраженности и влияния на деятельность того или иного исследуемого параметра. *Что* вообще считать им, если некоторые из такого рода параметров они вообще не имеют самостоятельных результативных проявлений? Известно также, что существуют два возможных варианта решения этого вопроса. Первый вариант состоит в том, что их выраженность определяется опосредствованно, косвенно – по тому, каким образом они влияют на иные параметры, уже допускающие результативную оценку. Например, по отношению к мотивации учебной деятельности в качестве такого параметра может выступать успеваемость. Но это же самое можно, по крайней мере, допустить и по отношению, например, к метапамяти. Однако в таком случае возникает другой принципиальный и также очень сложный вопрос – как дифференцировать уровень развития «просто» памяти и степень влияния на нее метапамяти, то есть уровень развития ее самой. Он вообще, как известно, не имеет в настоящее время не только своего решения, но даже и не сформулирован в явном виде.

Второй вариант состоит в том, что в качестве такого рода критерия выступает уже не внешний, а своего рода *внутренний* критерий. Он состоит в том, что в качестве индикатора меры выраженности того или иного исследуемого параметра используется степень выраженности субъективной тенденции к его использованию; своего рода *интенция* к его использованию в своей деятельности и поведении. Именно это, как известно, вообще составляет основной принцип оценки, например, во всех мотивационных опросниках. Однако, именно это же очень характерно и для собственно метакогнитивной сферы. Дело в том, что подавляющее большинство всех феноменов метакогнитивного плана характеризуются их принципиально осознаваемым, целенаправленно используемым характером. Тем самым, и на них в целом, и на меру их проявления, в особенности (то есть на широту представленности и на степень опоры), переносится одно из важнейших свойств самого сознания – его *интенциональность* [416]. Мера их выраженности и вообще – того, насколько они характеризуют реальность, во многом совпадает с тем, насколько к этому стремится сам субъект. Критерием их сформированности и выраженности во многом выступает поэтому сам критерий интенциональности, то есть субъективной тенденции к их использованию. Однако, общеизвестно, что именно это – осознаваемая и субъективно достаточно явная интенция как ничто иное доступна средствами собственно интроспективного типа (и, добавим, *только* им). Тем самым, вновь приходится констатировать наибольшую адекватность средств опросного типа самой природе феноменов метакогнитивного плана, но уже в аспекте того очень важного их параметра, который сопряжен и с возможными «индикаторами» степени их выраженности, и с индивидуальной мерой развития. Эта их объективная мера во многом является производной от меры выраженности самой интенции к их применению; то, как они представлены, *в реальности*, в значительной мере определяется и диагностируется через то, как к этому *стремится* сам субъект. Более того, их выраженность – это и есть мера интенции к их применению, а понятие внешнего критерия при их оценке трансформируется в понятие *внутреннего* критерия, в качестве которого выступает мера интенции к их использованию. Однако, подчеркиваем еще раз, они непосредственно и очень отчетливо представлены в субъективных оценках и, кроме того, вообще ни в каких иных оценках не представлена и, следовательно, может быть продиагностирована.

Кроме того, следует учитывать ряд данных, полученных относительно характера влияния «вторичных» процессов на «первичные». Они показывают,

что результативные параметры «первичных» процессов (например, показатели продуктивности мышления) связаны с мерой влияния на него метамышления отнюдь не простой – линейной зависимостью [125, 131, 135]. Другими словами «внешний критерий» (в данном случае – продуктивность мышления) является максимальным не при аналогичном – также наиболее выраженном влиянии и, соответственно, уровне развития, метамышления, а при *среднем* его значении. Следовательно, эти данные показывают, что недопустимо отождествлять показатели «внешнего критерия» (в данном случае параметры продуктивности мышления) со степенью выраженности самих метакогнитивных процессов – в данном случае метамышления (см. подробнее в параграфе 3.4.).

В-пятых, при разработке и использовании методов опросного типа необходимо учитывать и еще одну особенность общепсихологического плана, тесно связанную с предыдущей и заключающуюся в следующем. Как известно, существует очень явная и сильная тенденция к переключению мотивационных установок субъекта на относительно более успешные виды деятельности и решаемые задачи [22]. Другими словами, субъект предпочитает те занятия и задачи, с которыми он лучше справляется; мотивационно более привлекательным является то, что «лучше получается». Понятно, однако, что именно то, что «лучше получается», сопряжено с относительно более высоким уровнем развития тех средств, которые лежат в основе выполнения этого. Однако в этом случае открывается прямая возможность диагностики через сами доминирующие мотивационные установки того, что у личности представлено в относительно более развитой форме. По отношению к метакогнитивной сфере это означает, что об уровне сформированности процессов и качеств метакогнитивного плана можно вполне обоснованно судить по тому, насколько по отношению к ним представлены мотивационные установки на и использование. Другими словами, то насколько они *объективно* развиты, проявляется в том, насколько к ним субъективно *хочет* прибегать сам человек. Однако, именно это – желание их использовать, субъективные мотивационные установки и тенденции к их использованию опять-таки весьма отчетливо представлены именно в интроспективном плане (и никак иначе). Отсюда вытекает, в частности, важное следствие: вопросы в опроснике не только можно, но и *нужно* формулировать именно в «мотивационном» аспекте. Это означает, что формулировки должны быть не только и даже не столько абстрактно-оценочными (например, «Оцените, пожалуйста, на-

сколько важно для вашей работы умение следить за ходом своих мыслей»), сколько мотивационно-ориентированными (например, «Оцените, пожалуйста, в какой мере Вы *стараетесь* контролировать ход своих мыслей»).

В-шестых, существует и еще одна причина, по которой использование именно методов опросного типа является относительно наиболее оправданным и конструктивным по отношению к исследованию феноменов метакогнитивного плана. Она заключается в том, что именно они как раз и являются именно *феноменами*, то есть образованиями и процессами, явлениями и средствами, локализованными на уровне феноменологической представленности, на уровне *явлений*. Тем самым они во многом – причем, принципиально отличаются от многих иных предметов психологического исследования, которые, наоборот, столь же принципиально сопряжены с уровнем *сущности*. В конечном счете, принципиально феноменологическая природа подавляющего большинства метакогнитивных процессов связана с их осознаваемым характером, с их принадлежностью к *осознаваемой* сфере. За счет этого они и максимально доступны соответствующим – также базирующимся на самонаблюдении методам. Они, как правило, не предполагают каких-либо более имплицитных и сложных техник, направленных на выявление тех или иных латентных факторов. Кроме того, за счет этого они в относительно более полной и прочной форме фиксируются и мнемически (поскольку при прочих равных условиях именно осознаваемый материал запоминается лучше и удерживается прочнее). К этому необходимо, однако, добавить, что он же и по этим же самым причинам и *актуализируется* лучше и полнее, отчетливее и достовернее (на чем, однако, как раз и базируются все опросные методы).

Наконец, в-седьмых, важной и весьма сложной (быть может, наиболее сложной среди всех иных) является еще одна проблема, возникающая при разработке данной методики и состоящая в следующем. Как можно видеть из вышеизложенного, она должна носить комплексный характер, что диктуется принципиальной гетерогенностью самого теоретического конструкта, положенного в ее основу и, следовательно, полиметричностью общего подхода к ее исследованию. В свою очередь, это означает, что она должна быть направлена, с одной стороны, на определение индивидуальной меры развития *всей* совокупности основных подсистем метакогнитивного плана, которые как раз и характеризуются наиболее принципиальными, то есть именно *качественными* различиями. Однако, с другой стороны, она должна позволять осуществлять и доста-

точно *дифференцированное* исследование самих этих подсистем – в особенности позволять диагностировать степень их собственной, «внутренней» организации. В этом случае идеальным» был бы следующий вариант. Некоторый – комплексный диагностируемый конструкт (как исходная система) состоит из определенного набора его основных «составляющих» (подсистем). Они, в свою очередь, аналогичным образом состоят из определенного набора базовых «единиц» – компонентов, которые и должны составлять исходный предмет диагностики. Тогда организованность (структурированность, интегрированность и пр.) отдельных подсистем определяется на множестве этих – исходных «единиц» (компонентов), а затем на множестве самих подсистем определяется организованность всей системы в целом. Тем самым – при таком, хотя и «идеальном», но явно упрощенном подходе возникает сложнейшая проблема определения того, что же именно можно рассматривать в качестве искомых «единиц» – компонентов метакогнитивной сферы в целом и ее отдельных подсистем, в частности. В общем – *теоретическом* плане она станет предметом более детального рассмотрения в ходе последующего изложения; пока же остановимся лишь на тех ее аспектах, которые необходимы с точки зрения задач собственно *методического* плана, которые связаны с разработкой опросника, направленного на исследование метакогнитивной сферы личности.

По нашему мнению, при ее решении следует обязательно учитывать следующие основные положения, которые, в свою очередь, непосредственно вытекают из сформулированных в главе 2 представлений о специфике содержания и организации самой метакогнитивной сферы личности. Первое из них заключается в следующем. В наиболее общем – собственно методологическом плане следует учитывать основную, критически значимую особенность данной сферы, состоящую в том, что она не может быть адекватно раскрыта в качестве системы «классического» типа, поскольку является одним из представителей качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Важнейшей особенностью всех этих систем является то, что они – как целое не *состоят* из своих парциальных фрагментов (как их «частей»), а *реализуются* в них и «через них»². При этом в каждом из них система может реали-

² В этой связи необходимо подчеркнуть, что одним из наиболее очевидных и, в то же время, – показательных именно в плане основных задач данной работы проявлений такого принципа организации систем как раз и является сама управленческая деятельность. Она (именно как целое, как система) отнюдь не «состоит» из своих частей, в качестве которых традиционно рассматриваются основные *управленческие функции*. Сама сущность

зовывать значительную долю всего своего потенциала, в результате чего он приобретает достаточно высокую степень сложности.

С этой – наиболее общей особенностью тесно сопряжено и второе обстоятельство также принципиального плана. Дело в том, что для декомпозиции систем такого типа на их «составляющие» и их последующего дифференцированного исследования неадекватен наиболее «простой и очевидный», общепринятый подход – *структурно-морфологический*. Согласно ему, как раз и можно было бы предположить, что отдельные подсистемы «состоят» из своих компонентов как некоторых *морфологически* оформленных сущностей; они, свою очередь, определенным образом сорганизуются в их составе и образуют «внутреннюю» *структуру* этих подсистем. Наконец, сами подсистемы также сорганизуются друг с другом, давая в результате общую организацию всей метакогнитивной сферы. В реальности, однако, общая ситуация, равно как и базовые принципы организации данной сферы, являются иными и существенно более сложными. По отношению к ним более адекватен иной – *функционально-параметрический* подход, который становится в настоящее время все более распространенным при исследовании сложных и сверхсложных систем [125, 131, 282]. В его основе лежит осознание того факта, что в любой частной, парциальной «составляющей» системы может проявляться не какая-либо ее отдельная и локальная – морфологически оформленная «единица», а вся она, но взятая в определенном «измерении», в определенном функциональном проявлении. Тем самым, взятая в нем, она эксплицируется через тот или иной результативный показатель – *параметр*, характеризующий эффективность этого – *функционального*, по его сути проявления системы.

С позиций такого подхода та или иная система дифференцируется посредством функционального критерия на ее базовые «составляющие» – на ее основные *функции*. Они, в свою очередь, предполагают в качестве необходимых средств реализации решение совокупности вполне определенных в качественном отношении, но более частных – парциальных *функциональных задач*. Сами же эти задачи носят, хотя и более частный, но также достаточно общий характер – они являются наддеятельностными и надпредметными (точнее – метапредметными и метадеятельностными), поскольку являются следствиями ти-

этих функций в том и заключается, что они по своей сложности выступают, фактически, как равно мощные и однопорядковые по отношению ко всей деятельности.

пичных и инвариантно воспроизводимых деятельностных и поведенческих ситуаций. Так, например, в ходе организации, фактически, любой деятельности возникают задачи, связанные с формулировкой целей, с прогнозированием ожидаемых и (или) возможных результатов, с принятием решений, планированием, контролем и коррекцией промежуточных результатов и др.

Далее, важно и то, что при решении каждой из этих частных задач объективно возникает еще одна их группа – задачи уже так сказать «терминального», конечного по степени детализированности характера. Они связаны с тем, каким образом субъект предпочитает реализовывать частные метакогнитивные функции, то есть за счет каких собственно *операционных* средств он стремится это делать. Поэтому они не только могут, но и должны быть поняты в качестве собственных «составляющих» самих подсистем. При этом подчеркнем еще раз одно из наиболее важных обстоятельств: все эти операционные средства – именно по отношению к метакогнитивной сфере носят принципиально осознаваемый и произвольно контролируемый характер. Следовательно, именно по отношению к ней, а также к ее дифференцированному изучению и диагностике индивидуальной меры выраженности они, как нигде более, полно и точно доступны средствам аналогичной, то есть также осознаваемой экспликации и оценки. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, является одной из главных причин того, что по отношению к исследованию метакогнитивной сферы средства опросного типа являются и наиболее распространенными, и наиболее обоснованными. В свете сказанного все это вполне естественно, поскольку в данной области имеет место не просто сходство, но органичное совпадение сути *предмета* и *метода*.

Наконец, реализация такого рода функциональных задач, равно как, впрочем, и всех иных, объективно эксплицируется в различных итоговых, результативных – качественных и количественных показателях, то есть *параметрах*. Они, в свою очередь, как правило, вполне доступны не только экспликации и объективации, но и квантифицируемому представлению. Это, в свою очередь, открывает широкие возможности для реализации по отношению к ним самых разных задач исследовательского плана. В силу сказанного, именно эти параметры должны быть проинтерпретированы в качестве тех – функциональных (параметрических) «единиц», на основе которых формируются и отдельные подсистемы, и вся исследуемая система в целом. Подчеркнем еще раз, что при решении каждой из частных функциональных задач может проявляться не «то

или иное» локальное содержание системы, а ее очень *существенная* часть, поскольку она не *состоит* из них, а *реализуется в них*. В онтологическом (а не функциональном) плане в основе реализации всех этих общих – основных функций и даже отдельных функциональных задач не только могут, но и должны лежать сходные или даже единые средства и механизмы, заложенные в сущностных основах психики, в ее базовых психических процессах.

Далее, именно такой подход к декомпозиции метакогнитивной сферы на ее основные подсистемы и затем на их собственную декомпозицию на отдельные «составляющие» (компоненты) наиболее адекватен и ее собственным – основным специфическим особенностям. Действительно, как было показано в главе 2, важнейшей особенностью всех образований метакогнитивного плана является то, что в их основе лежит механизм *функциональной обратимости*. Его суть состоит в том, что практически все основные «составляющие» психики могут выступать не только в своей основной – прямой и непосредственной функции, но и в функции *самопрезентации*. Так, в частности, основные «первичные» когнитивные процессы могут реализовывать свои операционные средства в отношении самих же себя («оборачиваться» на себя), в результате чего и формируются сами «вторичные», то есть метакогнитивные процессы – метаязык, метамышление и др. Следовательно, все образования метакогнитивного плана вовсе не «добавляются» к общему компонентному составу психики в морфологическом смысле, а выступают именно как новые – подчеркнуто функциональны проявления уже имеющегося в ней процессуального состава.

Отсюда вытекает и еще одно также очень важное следствие. Оно – и это также было предметом нашего рассмотрения в главе 2 – состоит в том, что собственный состав метакогнитивной сферы в целом, равно как и ее основных подсистем, является принципиально *гетерогенным* – причем, по нескольким основаниям одновременно. Он включает в себя не множество различных, но принципиально сходных «единиц», а множество таких «единиц», которые различаются между собой именно принципиально – качественно. Высочайшая степень качественной гетерогении метакогнитивной сферы – это ее важнейшая особенность; она, в свою очередь, является объективным следствием того, что основные «составляющие» данной сферы выступают результатами и продуктами отмеченного выше механизма функциональной обратимости.

Далее, важным является и то, что основным критерием дифференциации всех известных в настоящее время образований метакогнитивного плана на их

основные классы также выступает подчеркнуто *функциональный* критерий. Действительно, как было показано в главе 2, решение задач таксономического и классификационного типа, возникавших в ходе эволюции метакогнитивизма, в очень явной степени «разделило судьбу» представлений в области исследования психических процессов. В основе их систематики, как известно, лежит фундаментальная дифференциация на определенные классы, выделенные именно на основе данного – функционального критерия, а все процессуально-психологическое содержание дифференцируется на ряд основных подсистем – когнитивную, регулятивную, коммуникативную. Дифференцированные на основе такого критерия классы процессов – соответственно, когнитивные, регулятивные, коммуникативные, а также эмоциональные и мотивационные, как раз и составляют основу всего процессуально-психологического содержания психики. В свою очередь, реализация этих базовых макрофункций предполагает необходимость осуществления более частных функциональных задач – более частных функций, каждая из которых, в свою очередь, лежит в основе выделения того или иного отдельного процесса в составе этих подсистем.

Вместе с тем, есть все основания считать, что этот же – подчеркнуто функциональный принцип воспроизводится и в организации метакогнитивной сферы. Именно он, по-видимому, лежит в основе ее дифференциации на базовые «составляющие» – подсистемы, равно как и в основе их собственной дифференциации на отдельные компоненты. Решающим аргументом в пользу такого предположения как раз и является то, что сама эта сфера также производна от всей совокупности «первичных» подсистем психики, равно как и от их организации. Тем самым, приходится вновь констатировать вывод, к которому уже привел проведенный выше анализ (в главе 2): метакогнитивная сфера как система дифференцируется на совокупность основных подсистем, носящих подчеркнуто функциональный характер; соответственно, сами они дифференцируются на основе *функционального* критерия. Подсистемы направлены на реализацию вполне определенной в качественном отношении группы функциональных задач. Эти задачи имеют свои объективированные – эксплицированные и квантифицируемые проявления – параметры, через которые возможна и их диагностика, и их исследование. Сами параметры, следовательно, не только могут, но и должны быть рассмотрены в качестве базовых *предикторов* как самих подсистем, так и всей метакогнитивной сферы личности. Именно они, понятые в качестве ее базовых «единиц», в наибольшей степени отвечают самой сути

функционально-параметрического, а не структурно-морфологического подхода к их анализу и последующему изучению. Следовательно, именно эти предикторы и должны быть рассмотрены в качестве того, что в методологии обозначается понятием *индикатов*. Ими, как известно, выступают такие объекты исследования, которые, с одной стороны, воплощают основные качественные характеристики изучаемого объекта, а с другой стороны, допускают доступ к ним со стороны средств собственно вербального – именно опросного типа. Другими словами, они вполне осознаются – понимаются самим опрашиваемым; кроме того, они могут быть оценены в плане степени их выраженности у него самого (то есть доступны для самооценки). Все это своего рода общие «аксиомы» методологии опросного типа; однако, именно в силу такого – именно аксиоматического, то есть не только общего, но и общепринятого характера, они же должны быть реализованы и при реализации этой методологии по отношению к дифференцированному исследованию метакогнитивной сферы.

Таким образом, все рассмотренные специфические особенности феноменов метакогнитивного плана обуславливают в своей совокупности их наибольшее соответствие именно с методами опросного типа, их взаимную *конгруэнтность*. Они же обуславливают и тот эмпирически многократно зафиксированный факт, согласно которому именно эти методы сегодня не только очень широко распространены в метакогнитивизме, но и вообще занимают в нем доминирующее место. Метакогнитивная сфера – это та область психологического исследования, в которой особенности самонаблюдения, обычно рассматривающиеся в качестве негативных с методической стороны черт (например, его так называемый «субъективизм»), трансформируются в свою противоположность и выступают уже в качестве положительных черт метода.

Итак, на основе проведенного анализа становится вполне понятным и объяснимым, почему именно методы опросного типа являются не только очень распространенными в современном метакогнитивизме, но и занимают, по существу, доминирующее положение во всей их совокупности. Наряду с этим, выявляется еще более важное обстоятельство: они по самой своей сути в наибольшей степени конгруэнтны основным особенностям процессов и феноменов метакогнитивного плана. Это и делает их использование по отношению к ним и вполне обоснованным (причем, обоснованным именно в наибольшей степени по отношению практически ко всем иным предметам психологического исследования), и, по существу, даже необходимым. Можно сказать, что сама методо-

логия опросников как таковая не только вполне обоснована по отношению к ним, но и должна занимать лидирующие позиции в метакогнитивизме. Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что эта методология также претерпевает определенные изменения, причем – по двум основным направлениям.

Во-первых, это переход от опросников преимущественно *локального* типа, направленных на исследование какого-либо одного, относительно частного проявления метакогнитивного плана (например, отдельно взятого метакогнитивного процесса, отдельного аспекта метакогнитивной феноменологии³) к опросникам *обобщенного* типа. Они направлены на диагностику комплексных проявлений и интегративных эффектов всей совокупности метакогнитивных процессов и качеств; это, например, методика диагностики «Метакогнитивной включенности в деятельность» (MAI – Metacognitive Awareness Inventory). Тем самым в определенной мере преодолевается одна из основных черт современного состояния метакогнитивизма в целом и его методов, в особенности – доминирование в ней методологии *аналитического* подхода.

Во-вторых, это переход от *личностно-ориентированных* к *деятельностно-ориентированным* опросникам. Он означает, что, наряду с уже существующими методиками, носящими ярко выраженный внедеятельностный характер, постепенно появляются и методики, направленные на специальное и детализированное исследование феноменов метакогнитивного плана именно в деятельностном контексте. Вместе с тем, пока все это носит характер локальной тенденции и ограничено, по существу, лишь одним основным типом деятельности – учебной. В плане ее исследования к настоящему времени разработан ряд конструктивных и широко применяющихся методик (в частности, «Методика диагностики стилевых параметров обучения» (A. Salomon, R. Felder)). Однако, по отношению к другому основному и, строго говоря, еще более значимому типу деятельности – собственно профессиональной такого рода методики пока практически отсутствуют.

Таким образом, все отмеченные тенденции, отчетливо свидетельствуют о доминирующем «векторе» – общей направленности и логике развития всей методологии метакогнитивизма. В этом свете становится очевидным, что наиболее перспективной является разработка такой методики, которая носила бы

³ Примером такого рода опросников может служить, скажем, «Опросник мотивационных стратегий в обучении» (Motivated Strategies for Learning Questionnaire [119, 392]).

именно *опросный* характер и была направлена на исследования явлений и процессов метакогнитивного плана в профессиональной *деятельности*. Реализовать эту логику – значит соответствовать общим и наиболее важным особенностям развития всей методологии метакогнитивизма. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что именно такая методика, базирующаяся на принципах опросной методологии, обоснована точно *в такой же степени*, в какой обоснованы все иные – широко и продуктивно применяющиеся в метакогнитивизме методы аналогичного плана. Ее реализация корректна точно в такой же степени и в силу тех же причин, в какой корректны и все иные – успешно применяющиеся в нем методики. Именно на их основе вообще сформирован весь эмпирический базис метакогнитивизма в целом. И наоборот, не следовать этой тенденции означает в существенной степени нарушать общую логику развития методологических и методических основ метакогнитивизма в целом. Однако ей необходимо именно *следовать*, то есть предпринимать попытки ее развития, а не просто «механически *переносить*», что означает необходимость распространения методик опросного типа на сферу собственно профессиональной деятельности. Подчеркнем также, что именно это как раз и является наиболее важной задачей в плане основных целей всей данной работы.

Наконец, необходимо отметить, что исследование метакогнитивных явлений и процессов именно в их деятельностном проявлении позволяет в значительной степени преодолеть и отмеченную выше аналитичность их исследования. Дело в том, что именно в контексте *целостной* деятельности (в отличие от выраженной абстрактности и аналитичности экспериментально-лабораторных условий) все эти явления и процессы представлены столь же *комплексно* и *синтетически*, то есть в их целостности и соорганизованности. Сама деятельность выступает при этом комплексной и объективной детерминантой их синтезирования и структурирования.

Вместе с тем, этот вывод со всей остротой ставит вопрос о том, *что* же именно представляет собой эта целостность – эта организованная совокупность (то есть, фактически, структура) такого рода явлений и процессов? Что именно должно подлежать исследованию посредством этих методик опросного типа? Другими словами, с необходимостью формулируется один из основных и, по существу, базовых, главных вопросов, возникающих при разработке методик опросного и диагностического плана. Это вопрос о том теоретическом *конструкте*, который, собственно говоря, и подлежит исследованию. При этом необ-

ходимо обязательно руководствоваться тем, что данный конструкт должен быть именно теоретическим, то есть не только являться обоснованным в собственно содержательном – концептуальном плане, но и с необходимостью вытекать из тех или иных – более общих положений собственно теоретического характера. Он должен быть своего рода логически необходимым следствием и конкретизацией этих положений. Наряду с его «необходимой теоретичностью», он, однако, должен быть и достаточно *операционален*, то есть должен позволять проводить его исследование и диагностику посредством существующих и реализуемых методических процедур. Наконец, совершенно естественно и то, что в целях определения теоретического конструкта необходимо опираться сформулированные выше представления аналогичного, то есть также теоретического характера о составе и содержании общей совокупности явлений и процессов метакогнитивного плана.

Все это означает, что основой для его определения должны быть те представления, которые сформулированы и достаточно подробно рассмотрены выше и центральным понятием которых является понятие *метакогнитивной сферы личности*. Именно оно является тем базовым собственно теоретическим *концептом*, которое позволяет представить в синтетическом и соорганизованном виде всю совокупность феноменов и процессов метакогнитивного плана. Исходным и отправным при исследовании всех явлений и процессов метакогнитивного плана должно быть их изучение не столько по отдельности, не «самых по себе», сколько исследование их общей – целостной организации. Ей и выступает вся метакогнитивная сфера личности, частными «составляющими» которой они являются и в составе которой они приобретают всю полноту своего содержания и всю свою специфику. Далее, важно, по нашему мнению, и то, что данный концепт позволяет представить метакогнитивную сферу личности не только так сказать «вообще» – в целом, но и *дифференцированно*, поскольку в нем зафиксирована вполне определенная, организованная на основе принципа иерархичности их уровневая *структура*. Наконец, существенно и то, что данный концепт позволяет представить ее и в *специфицированном* виде – в форме, конкретизированной по отношению именно к той деятельности, которая является в данной работе основным предметом исследования – управленческой.

Напомним, что, согласно этим представлениям, метакогнитивная сфера личности в управленческой деятельности организована на основе иерархического, структурно-уровневого принципа и образует собой целостную структу-

ру, включающую пять основных уровней (метасистемный, общесистемный, субсистемный, компонентный, элементный). Следовательно, в данном концепте содержатся все необходимые и достаточные теоретические предпосылки для того, чтобы проводить ее исследование также структурированно, дифференцированно, а одновременно – и достаточно полно, многомерно. Кроме того, такая уровневая и, значит, многомерная экспликация самого диагностического конструкта позволяет преодолеть два отмеченных выше недостатка современного состояния опросных методик, существующих в метакогнитивизме. С одной стороны, данный конструкт указывает, что метакогнитивная сфера, действительно, должна исследоваться опросными методами именно *в целом*, поскольку в ней, согласно развитым выше представлениям, дифференцируется тот уровень, на котором она представлена именно как таковая – в целом, то есть обобщенно; это, разумеется, общесистемный уровень. И именно такая ее форма является предметом исследования в некоторых существующих методиках – например, в методике МАИ. С другой стороны, данный конструкт указывает и на то, что в структуре метакогнитивной сферы существует и такой уровень, на котором представлены *отдельные*, относительно локальные ее «составляющие» (например, отдельные метакогнитивные процессы или, скажем, частные стратегии метакогнитивного мониторинга); это, разумеется, компонентный уровень. Для их исследования, как отмечалось, также существует ряд достаточно конструктивных методик.

Вместе с тем – и это, по нашему мнению, является наиболее важным моментом, обоснованный в главе 2 теоретический концепт (и, соответственно, вытекающий из него исследовательский конструкт) – понятие метакогнитивной сферы указывает на то, что только этими двумя – традиционно представленными аспектами все содержание метакогнитивной сферы *не исчерпывается*. Она включает в себя и иные уровни, а один из них – субсистемный, как показано выше, вообще играет определяющую и во многом решающую роль во всем содержании данной сферы, в ее организации и в ее спецификации по отношению к той или иной деятельности – в частности, управленческой. Следовательно, данный концепт (и конструкт) позволяют одновременно решить две задачи. С одной стороны, он позволяет не только учесть, но и синтезировать два существующих – традиционных подхода. Первый – это ее изучение на максимальном уровне обобщенности, то есть «в целом»; второй – это ее столь же максимально детализированное исследование – на уровне отдельных проявлений и процес-

сов. Кроме того, он вскрывает ограниченность и того и другого, а также показывает, как конкретно они должны быть синтезированы в рамках более общего методического подхода. С другой стороны, он расширяет зону поиска и определяет новую предметную область исследования. Ей выступает особый, качественно специфический и играющий решающую роль во всей метакогнитивной регуляции деятельности уровень – субсистемный. Наконец, важно и то, что в развитых представлениях и в том концепте, который был сформулирован в них, данный уровень не только обоснован в целом – в плане его существования и роли в организации деятельности. Главное заключается в том, что именно он был подвергнут и наиболее детализированному анализу, в результате чего выявлено его содержание, равно как и принципы его структурной организации. Было показано, что он образован закономерно организованной структурой восьми основных *подсистем* метакогнитивного. Следовательно, за счет этого создаются все необходимые и достаточные условия (причем, теоретически обоснованные) для того, чтобы проводить исследование данного уровня принципиально *дифференцированно*, а значит – конкретно и содержательно. Поэтому исследование может проводиться уже не только «в целом» и не только «в частностях», на что направлены, как отмечалось выше, два существующих – традиционных способа, сложившихся в методологии опросного типа.

Таким образом, обобщая изложенное, следует заключить, что основным теоретическим конструктом, который должен быть положен в основу разработки методики исследования метакогнитивной регуляции деятельности, должно выступить сформулированное и обоснованное нами в главе 2 понятие *метакогнитивной сферы личности*. Оно, являясь, с одной стороны, базовым концептом, имеющим общепсихологический характер, с другой стороны, должно быть конкретизировано и подвергнуто деятельностной спецификации. В этом случае оно и выступает уже в качестве теоретического конструкта, на основе которого возможна разработка такого рода методики. Кроме того, поскольку данный концепт (и, соответственно, конструкт) фиксирует важнейшую и определяющую роль во всей метакогнитивной сфере субсистемного уровня ее организации, образованного целостной структурой ряда основных подсистем метакогнитивного плана, то аналогичную, то есть также определяющую роль в разрабатываемой методике должно играть именно их исследование. Иными словами, в ее основу должны быть положены те представления о составе и содержании основных подсистем метакогнитивного плана, которые составляют содержание

данного уровня и которые были подробно рассмотрены в главе 2. Именно они во всем многообразии их содержания и взаимосвязей друг с другом должны выступить *комплексным конструктом* для разработки методики исследования метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Подчеркнем, что поскольку эти подсистемы обладают явной специфичностью по отношению друг к другу, то и теоретический конструкт приобретает черты внутренней *гетерогенности*, становится *многомерным*. Отсюда следует, что и методика должна быть ориентирована не на изучение какого-либо одного аспекта данного конструкта, а на изучение их комплекса, то есть быть *полиметричной*. Следовательно, сами задания методики (вопросы испытуемому) также должны быть качественно различными, то есть ориентированными на качественно гетерогенные подсистемы, трактуемые нами как частные конструкты, положенные в основу ее разработки. Наконец, следует учитывать и основные – наиболее важные требования к разработке методик опросного типа, сформулированные в психодиагностике в целом [14, 39, 228, 307]. Все эти положения теоретического плана составили основу для разработки «Комплексного опросника метакогнитивного потенциала» (КОМП), конкретная процедура которого, а также сам его текст представлены в Приложении 1.

* * *

Переходя к характеристике результатов, полученных посредством данной методики, а также их интерпретации, подчеркнем, что все они группируются в несколько основных блоков. Каждый из них, хотя и по-своему – посредством различных методических процедур, но в конечном итоге, направлен на решение главных задач исследования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. И, безусловно, основная среди них – это задача эмпирической *верификации* предположения о качественной специфичности дифференцированных в предыдущей главе подсистем метакогнитивного плана; о наличии у них собственного содержания, *несводимого* к аддитивной (агрегативной) совокупности тех компонентов, из которых они состоят. Иными словами, это задача верификации предположения о *собственно уровневом статусе* субсистемного уровня.

1. Первый блок результатов, полученных на выборке руководителей среднего и высшего звена управления ($n = 140$), заключается в следующем. Как можно видеть из характеристики содержания и структуры методики КОМП (см. Приложение 1), она включает в себя 80 основных предикторов метакогни-

тивной сферы, сгруппированных в 8 базовых подсистем. Следовательно, всю их совокупность можно представить двумя способами. Во-первых, – как принадлежащих к *одному* множеству, которое репрезентирует основное содержание всей метакогнитивной сферы личности без ее дифференциации на подсистемы. Во-вторых, – как образованное *восемью* различными подмножествами, каждое из которых представляет ту или иную основную подсистему метакогнитивного плана. В силу этого можно построить два массива корреляционных данных между степенью выраженности отдельных метакогнитивных предикторов.

Первый массив образован всеми возможными корреляциями между 80 предикторами, включенными в опросник; это – *интер*подсистемные корреляции (то есть корреляции между предикторами разных подсистем). Так можно определить степень взаимосвязанности *всех* предикторов, вне зависимости от их принадлежности к разным метакогнитивным подсистемам. Данный способ определяет степень интегрированности метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности *на уровне ее компонентов*, то есть отдельных параметров метакогнитивной сферы. Значимость и направленность (положительная или отрицательная) обнаруживаемых в этом случае корреляций указывает на меру интегрированности метакогнитивной сферы на данном (компонентном) уровне. Причем, следует специально подчеркнуть, что подавляющее большинство этих связей образовано корреляциями между метакогнитивными предикторами, входящими именно в *разные* подсистемы. Проведя несложные математические расчеты по известной формуле $(n^2 - n) : 2$, можно видеть, что *общее число* всех интеркорреляций (как внутри-, так и межподсистемных) равно $((80 \times 80) - 80) : 2 = 3160$. Количество внутриподсистемных связей для каждой подсистемы равно $((10 \times 10) - 10) : 2 = 45$. Для всех восьми подсистем оно, следовательно, равняется $45 \times 8 = 360$. В результате число межподсистемных связей в данном массиве метакогнитивных предикторов, то есть *интер*подсистемных корреляций, равно $(3160 - 360) = 2800$, составляя почти 90% всех возможных (точнее – 88,6%). Другие 360 связей, как отмечалось выше, соотносятся с *внутри*подсистемными корреляциями метакогнитивных предикторов. Этот – второй массив образован лишь теми корреляционными связями, которые соотносятся с взаимосвязями метакогнитивных предикторов *внутри* каждой из 8 подсистем; это – *интра*подсистемные корреляции. Учитывались связи, достоверные на уровнях значимости $p = 0,01$; $p = 0,05$ и $p = 0,10$.

Вместе с тем, следует учитывать, что реализация этой процедуры в ее *полном* виде является очень объемной и достаточно громоздкой в вычислительном отношении. В силу этого, нами был реализован ее «экспресс-вариант», суть которого состоит в следующем. Для каждой из восьми основных подсистем метакогнитивного плана брались не все 10 входящих в них метакогнитивных предикторов, а лишь 5 наиболее репрезентативных из них, то есть ровно их половина; на их основе затем и производились все расчеты по той схеме, которая охарактеризована выше. В этом случае вычислительная сложность исходной задачи значительно снижается, а сама она становится и более реализуемой, и более понятной, не теряя, однако, при этом практически ничего в своем содержании, равно как и в корректности ее постановки и решения. Количественные величины корреляционных массивов в этом случае принимают следующие значения. *Общее* число всех интеркорреляций (как внутри-, так и межподсистемных) равно $((40 \times 40) - 40) = 780$. Количество внутрисистемных связей для каждой подсистемы равно $((5 \times 5) - 5) : 2 = 10$. Для всех восьми подсистем оно, следовательно, равняется $10 \times 8 = 80$. В результате число межподсистемных связей, то есть *интер*подсистемных корреляций равно 700 из 780 всех возможных на данном массиве метакогнитивных предикторов, то есть составляет почти 90% (точнее – 88,6%). Другие 80 связей соотносятся с *внутри*подсистемными корреляциями.

После этого на основе первого массива находилась общая матрица интеркорреляций всех предикторов метакогнитивной сферы, а также 8 частных матриц – для каждой из 8 основных подсистем метакогнитивного плана. Затем по отношению к ним был реализован метод определения индекса организованности структуры (ИОС), сущность которого, как известно, состоит в следующем. Всем корреляциям, значимым на $p = 0,01$, приписывается «весовой коэффициент» 3 балла; корреляциям, значимым на $p = 0,05$ – коэффициент 2 балла. Напомним в данной связи, что указанные значения «весовых» коэффициентов для этих уровней значимости являются общепринятыми в методологии структурно-психологического анализа и обусловлены следующим обстоятельством. В ряде случаев в целях повышения «чувствительности» – разрешающей способности данного метода учитываются также и коэффициенты, значимые на $p = 0,10$. Поэтому им также должен быть поставлен в соответствие какой-либо «весовой» коэффициент – причем, минимальный среди всех используемых; он, естественно, должен быть оценен соответствующим, то есть также минимальным из

всех возможных значений, то есть единицей. Следовательно, два других – больших нежели он, коэффициента, принимают следующие за ним по порядку значения – соответственно 2 (для уровня значимости $p = 0,05$) и 3 (для уровня значимости $p = 0,01$). Затем все «весовые» коэффициенты тех корреляций, которые существуют в матрице, суммируются, что и дает значение ИОС. В результате были получены 9 значений ИОС (одно для всей метакогнитивной сферы в целом и 8 для каждой из основных подсистем метакогнитивного плана). Этот индекс выявляет меру организованности структуры предмета исследования, в данном случае – метакогнитивной сферы в целом и ее основных подсистем. Следовательно, через их *сравнение* можно судить и о сравнительной степени такой организованности в первом и во втором случаях.

Вместе с тем, следует учитывать, что в данном случае некорректно сравнивать *абсолютные* значения ИОС для метакогнитивной сферы в целом и сумму ИОС для всех метакогнитивных подсистем. Дело в том, что значение ИОС в целом получено на исходном массиве в 700 потенциально возможных связей, а сумма вторых – лишь на 80 потенциально возможных связях. Поэтому нами был применен прием не *абсолютного*, а *относительного* сравнения значений ИОС, согласно которому общая величина ИОС в первом и во втором случаях делится на количество потенциально возможных корреляционных связей (соответственно, 700 и 80). В результате использования такого способа исследования получены следующие основные результаты.

Во-первых, величина ИОС, характеризующая степень связанности *всей* совокупности отдельных метакогнитивных предикторов непосредственно оказалась значимо *меньшей* (при $p = 0,05$), чем аналогичная величина ИОС, найденная для связей между метакогнитивными предикторами, входящими в одни и те же подсистемы. Соответственно этому и усредненные величины корреляций *интер*подсистемного типа, оказались в подавляющем большинстве незначимыми в статистическом отношении и достаточно несущественными (в пределах значимости на $p = 0,25 - 0,30$). Наоборот, для тех связей, которые выявляются *внутри* подсистем (для *интра*подсистемных связей), уровень значимости является в явном большинстве случаев статистически достоверным; он варьирует по разным подсистемам от $p = 0,10$ до $p = 0,05$. Это указывает на то, что гораздо *более высокую* степень взаимосвязанности, организованности предикторов в пределах отдельных подсистем, чем между ними.

Во-вторых, между связями *интер*подсистемного типа обнаруживается достаточно большая доля значимых *отрицательных* корреляций, что свидетельствует о наличии внутри метакогнитивной сферы не только интегративных, но и *дезинтегративных* тенденций. Напротив, подавляющее большинство *интра*подсистемных связей оказались положительными, что еще раз свидетельствует о высокой степени *когерентности* метакогнитивных подсистем.

Итак, *главный* смысл первой группы результатов заключается в том, что общая мера организованности метакогнитивной сферы определяется не столько интеграцией, осуществляющейся между ее *компонентами непосредственно* (хотя и она также имеет место), сколько той, которая имеет место *внутри* основных метакогнитивных *подсистем*. Это указывает на сравнительно бóльшую степень выраженности интегративных механизмов внутри метакогнитивных подсистем, чем между ними. Все эти результаты, таким образом, действительно, *свидетельствуют* о наличии у метакогнитивных подсистем собственного содержания, несводимого к суммарной совокупности отдельных компонентов — метакогнитивных предикторов, но непосредственно пока еще *не доказывают* его существования.

2. Вторая группа эмпирически полученных фактов также свидетельствует в пользу правомерности данного положения, а их смысл состоит в следующем. Первый из найденных массивов корреляционных связей, установленный на *всем их множестве*, был сопоставлен уже не с массивом *интра*подсистемных связей (как в предыдущем случае), а с другим массивом. Он находился следующим образом. Вначале определялась суммарная выраженность предикторов метакогнитивной сферы для каждой из подсистем в целом. Например, для процедуральной подсистемы определялась степень выраженности всех 10 входящих в нее предикторов для каждого испытуемого. Затем находились интеркорреляции между степенью выраженности отдельных подсистем друг с другом, то есть находились матрицы интеркорреляций *на множестве основных подсистем* (а не на множестве отдельных метакогнитивных предикторов непосредственно). Тем самым образовывалась матрица интеркорреляций размерностью 8×8 с числом потенциально возможных значимых связей, равным $((8 \times 8) - 8) : 2 = 28$. Для нее, как это делалось и в предыдущем случае, находился ИОС, который затем сравнивался с ИОС для метакогнитивной сферы в целом (подчеркнем, что это также осуществлялось не в *абсолютных* значениях, а *соотносительно* с числом всех потенциально возможных связей). В результате установлено два

основных и взаимосвязанных друг с другом факта. Во-первых относительная величина ИОС по отношению к совокупности подсистем оказалась значимо большей (на $p = 0,05$), чем аналогичная величина для всего множества метакогнитивных предикторов. Во-вторых, обнаружено очень существенное количество значимых корреляций *между* основными подсистемами, входящими в метакогнитивную сферу личности (на $p = 0,05$), что является достаточно высоким показателем. Собственно говоря, именно это и проявляется в большем значении ИОС для совокупности подсистем по сравнению с его значением для всего множества отдельных метакогнитивных предикторов. Следовательно, можно заключить, что в структуре метакогнитивной сферы имеет место не только и даже не столько интеграция ее отдельных *компонентов* (то есть отдельных метакогнитивных предикторов и эксплицируемых через них отдельных параметров самой метакогнитивной сферы) *непосредственно*. Еще более выраженной и значимой является интеграция тех *комплексов*, которые *первоначально* синтезируются из качественно однородных предикторов, а *затем* подвергаются интеграции в рамках всей метакогнитивной сферы. Это еще раз достаточно демонстративно указывает на то, что данные подсистемы являются относительно *самостоятельными* целостностями, которые вступают в закономерные отношения друг с другом. Но, если это так, то появляются все основания для заключения о наличии у них *собственного содержания*, несводимого к компонентному уровню организации метакогнитивной сферы.

3. Все представленные результаты, хотя и вполне однозначно, но все же пока лишь *свидетельствуют* в пользу правомерности предположения о самостоятельности статуса метакогнитивных подсистем, о наличии у них собственного специфического содержания, нередуцируемого к сумме входящих в них отдельных параметров метакогнитивной сферы. Однако они пока недостаточны для того, чтобы *доказать* факт его существования. Решение задач такого типа в наиболее корректной и доказательной форме, как известно, может быть осуществлено посредством метода дисперсионного анализа [306]. Действительно, он уже в *решающей* степени позволяет судить о правомерности сформированной гипотезы. С помощью данного метода можно определить степень вклада в тот или иной результат не только какого-либо фактора (или факторов) *в отдельности*, а также их *суммативного* влияния, но и степень вклада со стороны их *совместного* влияния. Однако это совместное влияние двух, трех (или более) факторов *объективно* возможно, если при их взаимодействии возникают до-

полнительные по отношению к каждому из них и к их простой сумме интегративные эффекты; если возникает дополнительный «потенциал действия», то есть формируется определенная содержательная «прибавка» к их простой сумме. В связи с этим открывается возможность для того, чтобы определить, какая доля содержания изучаемого предмета детерминирована *отдельными* факторами, а какая – эффектами их *совместного*, интегративного влияния. Первая определяется через вычисление *автономных* дисперсий, а вторая – через вычисление дисперсии *взаимодействия* факторов (попарного, тройного и т. д.). Если эффекты такого совместного влияния действительно обнаруживаются, то они должны быть проинтерпретированы как следствия системности организации отдельных факторов (в нашем случае – предикторов метакогнитивной сферы), а также тех интегративных эффектов (и, фактически, *нового* процессуального, динамического и иного содержания), которые возникают в их результате. Руководствуясь этим методическим приемом, мы осуществили обработку результатов, эмпирически полученных с помощью методики КОМП, посредством двух- и трехфакторного дисперсионного анализа. Причем, сравнительному анализу подвергались две категории предикторов метакогнитивных подсистем (и, соответственно, всей метакогнитивной сферы): с одной стороны, – принадлежащих к *одним* и тем же метакогнитивным подсистемам, а с другой – к *различным* подсистемам. Типовые схемы дисперсионных комплексов обработки результатов изучения внутри- и межподсистемных метакогнитивных предикторов приведены в таблице 2. По этим схемам исследовались различные сочетания метакогнитивных предикторов.

Таблица 2

Типовые дисперсионные планы обработки результатов изучения внутрисистемных (а) и межсистемных (б) предикторов

		A	
		-	+
B	-	c_1	d_1
		c_2	d
	\cdot	\cdot	
	c_n	d_n	
B	+	e_1	f_1
		e_2	f_2
	\cdot	\cdot	
	e_n	f_n	

а

		C	
		-	+
D	-	g_1	h_1
		g_2	h_2
	\cdot	\cdot	
	g_n	h_n	
D	+	k_1	l_1
		k_2	l_2
	\cdot	\cdot	
	k_n	l_n	

б

Примечания: А и В – обозначения исследуемых в каждом конкретном случае двух предикторов, входящих в *одну* и ту же подсистему метакогнитивного плана; $c_1 - c_n$, $d_1 - d_n$, $e_1 - e_n$, $f_1 - f_n$ – соответственно, индивидуальные значения общего показателя выраженности метакогнитивной подсистемы (по методике КОМП) для всех испытуемых каждой из четырех подгрупп, образованных сочетанием минимальной (–) и максимальной (+) выраженности метакогнитивных предикторов А и В; n – количество испытуемых каждой подгруппы, образованных сочетанием степени выраженности предикторов А и В ($n = 20$ человек). Ячейки дисперсионного плана образованы различными сочетаниями степени выраженности метакогнитивных предикторов А и В. Так, первая из них включает испытуемых с сочетанием низкой степени выраженности предиктора А и низкой степени выраженности предиктора В; вторая – сочетанием высокой степени выраженности предиктора А и низкой степени выраженности предиктора В; третья – сочетанием низкой степени выраженности предиктора А и высокой степени выраженности предиктора В; четвертая – сочетанием высокой степени выраженности предиктора А и высокой степени выраженности предикторов А и В. С и D – обозначения двух предикторов, входящих в *разные* подсистемы метакогнитивного плана; $g_1 - g_n$, $h_1 - h_n$, $k_1 - k_n$, $l_1 - l_n$ – соответственно, индивидуальные значения показателей суммарной степени выраженности двух исследуемых подсистем для испытуемых каждой из четырех подгрупп, образованных сочетанием минимальной и максимальной степени выраженности предикторов С и D; n – количество испытуемых каждой из подгрупп, образованных сочетаниями степени развития мотивов С и D.

На основе этих дисперсионных комплексов рассчитывались величины дисперсии, обусловленные как автономными влияниями рассматриваемых предикторов, так и их совместным влиянием. Следует подчеркнуть, что в качестве результативного параметра, на основе которого производились все дисперсионные расчеты, использовался общий, итоговый показатель каждого испытуемого по методике КОМП. При этом исследовательская задача конкретизировалась до следующего предположения. Если, действительно, подсистемы существуют как относительно самостоятельная психологическая реальность, то дисперсия взаимодействия метакогнитивных предикторов, индицирующих соответствующие параметры метакогнитивной сферы и принадлежащие к *одной* и той же подсистеме, должна быть значимой и достаточно существенной. И, наоборот, по отношению к предикторам, индицирующим метакогнитивные параметры, входящие в *разные* подсистемы, эта картина должна либо наблюдаться в меньшей мере, либо вообще не наблюдаться.

Наиболее важным в контексте решаемых здесь задач является следующий полученный в итоге результат: величины дисперсий *взаимодействия* внутриподсистемных предикторов оказались в подавляющем большинстве случаев статистически значимыми и достаточно существенными. Более того, они, как правило,

превосходят величины автономных дисперсий, то есть «индикаторов» влияния на величину метакогнитивного потенциала со стороны *отдельных* параметров метакогнитивной сферы. Так, например, при изучении двух конкретных внутриподсистемных предикторов были получены следующие данные; эти предикторы входят в общий состав одной из подсистем и представлены в опроснике следующими пунктами. Первый (А) – «Мне обычно удается использовать свои интеллектуальные преимущества для компенсации своих слабостей». Второй (В) – «Я часто спрашиваю себя, был ли более легкий путь сделать задание после того, как оно было выполнено». Величина D_a , то есть доля дисперсии, обусловленная первым предиктором (А), равняется 26% всей дисперсионной нагрузки; доля дисперсионной нагрузки, обусловленная вторым предиктором (В), то есть D_b – 18%; доля дисперсии их взаимодействия (АВ) $D_{ав}$ – 29%; доля случайной дисперсии $D_{сл.}$ – 27%. Причем, повторяем, наиболее показательным явилось то, что *принципиально подобные* результаты получены и при исследовании подавляющего большинства *всех* других пар внутриподсистемных предикторов метакогнитивного плана. На основании этого можно сделать следующие заключения.

Во-первых, имеет место значимая детерминация общей степени метакогнитивного потенциала *отдельными* предикторами метакогнитивной сферы и, соответственно, эксплицируемыми через них ее основными параметрами (поскольку величины автономных дисперсий являются статистически значимыми).

Во-вторых, можно видеть, что большая доля всей дисперсионной нагрузки приходится на так называемую случайную дисперсию ($D_{сл.}$), то есть дисперсию, обусловленную неконтролируемыми, точнее, не учитываемыми, факторами. Это, однако, вполне понятно, поскольку общая степень метакогнитивного потенциала обусловлена многими иными – в том числе и неконтролируемыми в данном исследовании факторами.

В-третьих, наиболее важно в плане рассматриваемой проблемы то, что суммарная дисперсия (то есть сумма дисперсий, обусловленных каждым из метакогнитивных предикторов в отдельности) не исчерпывает собой и половины всей дисперсионной нагрузки ($26\% + 18\% = 44\%$). Существенная доля дисперсии – даже бóльшая, чем величины дисперсий, обусловленных каждым предиктором в отдельности, связана с их *взаимодействием* (32%). Это означает, что общее содержание анализируемой метакогнитивной подсистемы (ее функциональный потенциал) никак не может быть сведено к совокупности функциональных потенциалов каждого из метакогнитивных параметров *в отдельности*. В рамках под-

систем формируется (в результате присущих им интегративных механизмов) *новое* функционально-ресурсное содержание, несводимое к суммативному объединению отдельных компонентов – метакогнитивных параметров (которые и эксплицируются через исследованные предикторы). Данный результат является уже не косвенным, а *прямым*, непосредственным доказательством того, что подсистемы метакогнитивного плана не сводятся к аддитивной совокупности входящих в них компонентов – отдельных параметров метакогнитивной сферы. Это выступает *решающим* аргументом в пользу правомерности рассматриваемой общей гипотезы относительно существования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности в целом. Подчеркнем, что приведенные результаты являются *типичными* для взаимодействия внутриподсистемных предикторов метакогнитивного плана, поскольку принципиально сходные по смыслу результаты обнаруживаются практически при *любой* другой декомпозиции каждой из подсистем на пары метакогнитивных предикторов (см. дополнительно в [125]).

Существенно иная картина обнаружена при дисперсионной обработке данных, принадлежащих к *разным* подсистемам. Так, при изучении двух конкретных метакогнитивных предикторов, принадлежащих к *разным* подсистемам (метакогнитивной и метарегулятивной), получены следующие результаты. Для первой – это следующий пункт опросника: «Изучая что-то новое, я время от времени делаю паузу и спрашиваю себя, насколько хорошо я понимаю материал». Для второй – это следующий пункт: «Как правило, что-то задумав, я прокручиваю в голове свои замыслы, уточняя детали, рассматривая все варианты». Доля дисперсии, обусловленная первым фактором (С), то есть предиктором, принадлежащим к одной подсистеме, равна 36%; предиктором, принадлежащим к другой подсистеме (D) – 17%; на долю дисперсии взаимодействия этих факторов (D_{cd}) приходится 9% нагрузки; на долю случайной дисперсии ($D_{сл}$) – 38%. Отметим, что первая, вторая и четвертая величины статистически значимы, а третья – нет. Следовательно, во-первых, обнаруживается тот же факт, что и в предыдущем случае, – каждый из метакогнитивных предикторов в отдельности значимо детерминирует общую степень метакогнитивного потенциала. Во-вторых, достаточно велика и доля случайной дисперсии, так как, наряду с исследованными факторами на величину метакогнитивного потенциала, существенное влияние оказывают и многие другие, не учитываемые в данном исследовании факторы. В-третьих (и это главное), величина дисперсии взаимодействия оказа-

лась не только статистически незначимой, но и достаточно малой (9%). Это означает, что межподсистемные связи внутри метакогнитивной сферы существенно слабее внутрисистемных; они не приводят к формированию интегративных эффектов между ними. Принципиально сходные результаты получены при исследовании подавляющего большинства пар предикторов, принадлежащих к разным подсистемам, что указывает на их *общий*, типичный характер.

Далее, метод дисперсионного анализа был использован не только в его двухфакторном, но и в трехфакторном варианте. Это означает, что процедуре исследования (аналогичной той, которая была описана выше) подвергались, во-первых, уже не пары – не диады, а триады метакогнитивных предикторов, входящие в *одну* и ту же подсистему; во-вторых, – триады предикторов, входящие в *три разные* подсистемы. Дисперсионный план этого исследования представлен в таблице 3.

Таблица 3

Типовой план трехфакторного дисперсионного анализа исследования внутрисистемных предикторов

			А		
					–
С	–	В	–	n ₁	n ₂
			+	n ₃	n ₄
	+	В	–	n ₅	n ₆
			+	n ₇	n ₈

Примечания: А, В и С – обозначение трех метакогнитивных предикторов, принадлежащих к одной и той же подсистеме; «–» и «+» – соответственно, минимальная и максимальная степени выраженности предикторов А, В и С; n₁, n₂ ... – экспериментальные группы, образованные испытуемыми с соответствующими сочетаниями степени выраженности предикторов А, В и С. Например, в группу n₄ входят испытуемые с высокой степенью выраженности предиктора А (А⁺), с низкой степенью выраженности предиктора В (В[–]) и низкой степенью выраженности предиктора С (С[–]); в группу n₇ – испытуемые с низкой степенью развития предиктора А (А[–]), с высокой степенью выраженности предиктора В (В⁺) и высокой степенью выраженности предиктора С (С⁺).

Как известно, трехфакторный дисперсионный анализ (в отличие от двухфакторного) позволяет более полно выявить эффекты взаимодействия тех или иных изучаемых факторов (и соответственно тех реальностей, которые за ними

стоят). В данном случае это степень влияния отдельных параметров метакогнитивной сферы на метакогнитивный потенциал и степень их совместного влияния на него. Конкретно, в случае трехфакторного дисперсионного анализа, рассчитываются дисперсии, соотносятся с каждым из трех факторов (D_a , D_b , D_c); дисперсии попарного взаимодействия (D_{ab} , D_{ac} , D_{bc}), а также дисперсия общего взаимодействия трех факторов (D_{abc}). Так, в одной из серий исследования рассматривались три следующих подсистемы и, соответственно, три конкретных предиктора. Первая – метарегулятивная и, соответственно, предиктор (А), представленный в пункте опросника: «Я проверяю, правильно ли я понял задание, перед тем как приступить к решению». Вторая – метаэмоциональная и, соответственно, предиктор (В), представленный в пункте опросника: «Для меня как отрицательные, так и положительные эмоции служат источником знания о том, как поступать в жизни». Третья – процедуральная и, соответственно, предиктор (С), представленный в пункте опросника: «Я пытаюсь при решении задач использовать те способы и методы, которые срабатывали раньше». По отношению к рассматриваемому примеру были получены следующие значения указанных видов дисперсии (звездочкой отмечены статистически значимые дисперсии на $p = 0,05$):

$D_a=12\%*$	$D_{ab}=16\%*$	$D_{abc}=19\%*$
$D_b=7\%$	$D_{ac}=6\%$	$D_{сл}=20\%*$
$D_c=7\%$	$D_{bc}=13\%*$	

Анализ этих данных позволяет сделать следующие заключения.

Во-первых, аналитическая детерминация содержания рассматриваемой подсистемы со стороны каждого из трех метакогнитивных предикторов (А, В, С) – их суммативный вклад в это содержание – равна $12\% + 7\% + 7\% = 26\%$, что лишь на четверть исчерпывает собой общую дисперсионную нагрузку, то есть содержание – функциональный потенциал данной подсистемы в целом. Следовательно, все содержание рассматриваемой подсистемы не может быть сведено (редуцировано) к суммарным вкладам в него со стороны отдельных параметров метакогнитивной сферы. Во-вторых, можно видеть, что величины дисперсий попарного взаимодействия заметно выше, а их общая доля в детерминации рассматриваемой подсистемы также выше: она составляет $16\% + 6\% + 13\% = 35\%$ (то есть почти в 1,5 раза больше аналитической детерминации). В-третьих, наи-

более показателен тот факт, что самая большая и статистически значимая величина дисперсии связана с взаимодействием всех трех анализируемых предикторов ($D_{авс}$) и равна 19% (то есть почти пятой части всей дисперсионной нагрузки). Это означает, что, чем более полной по составу является развертывающаяся в пределах метакогнитивной подсистемы интеграция, тем выше ее функциональная роль в детерминации содержания этой подсистемы, в детерминации ее функционального потенциала. В-четвертых, если сравнить долю аналитической и синтетической детерминации (то есть просуммировать величины *автономных* дисперсий, с одной стороны, и дисперсий *взаимодействия* – как попарного, так и тройного – с другой), то можно получить следующие их величины. На долю аналитической детерминации приходится 26%, а на долю синтетической детерминации – $35\% + 19\% = 54\%$. Это означает, что синтетическая детерминация превосходит по силе аналитическую более чем в два раза, а абсолютная величина синтетической детерминации более чем наполовину исчерпывает всю детерминацию рассматриваемой системы.

Таким образом, общий вывод из рассмотренного исследования заключается в том, что содержание (функциональный потенциал) рассматриваемой подсистемы в принципе не может быть сведено к простому объединению входящих в нее компонентов – отдельных метакогнитивных предикторов соответственно, эксплицирующихся через них параметров метакогнитивной сферы. Не только значимая в статистическом отношении, но достаточно существенная и даже бóльшая, чем аналитическая, детерминация связана именно с взаимодействием компонентов – самих этих параметров, с их интеграцией. Причем, чем шире состав интеграции, тем более выражены интегративные эффекты синтеза метакогнитивных параметров (ср. значения величин дисперсий попарного и тройного взаимодействия, равные соответственно 16%, 6% и 13% для попарного и 19% – для тройного взаимодействия).

Наконец, следует подчеркнуть, что вклады в содержание подсистемы эффектов взаимодействия метакогнитивных предикторов в целом даже выше, чем аналогичные вклады со стороны отдельных предикторов (соответственно 53% и 26%). Все это в совокупности является *непосредственным*, прямым доказательством того, что рассматриваемая метакогнитивная подсистема является неаддитивным, а именно системно-организованным образованием и в принципе не сводится к сумме отдельных «составляющих». Интеграция последних обуславливает возникновение *нового содержания* (в данном случае статистически зна-

чимого метакогнитивного потенциала, несводимого к простой совокупности отдельных метакогнитивных факторов). Следовательно, сформулированная выше гипотеза относительно наличия у метакогнитивных подсистем своего собственного специфического содержания и соответственно самостоятельности их статуса получает уже не косвенное, а *прямое* подтверждение.

Данный вывод предстает как еще более обоснованный в том случае, если сравнить рассмотренные результаты с результатами расчета дисперсионного комплекса, образованного предикторами метакогнитивной сферы, принадлежащими к ее *разным* подсистемам. Они носят во многом противоположный характер по отношению к описанным выше. На долю дисперсий, соотносящихся с *отдельными* предикторами (и, соответственно, эксплицируемыми через них параметрами), приходится, во-первых, статистически значимая, а во-вторых, весьма существенная часть всей дисперсионной нагрузки (варьирующая при разных сочетаниях предикторов, принадлежащих к разным подсистемам от 52% до 73%). На долю дисперсии взаимодействия (как попарного, так и тройного), напротив, приходится значительно меньшая доля, варьирующая в диапазоне от 15% до 20%. Остальная доля дисперсии составляют ее случайную часть.

Следовательно, интегративные эффекты, возникающие между метакогнитивными предикторами, которые соотносятся с *различными* подсистемами, представлены в существенно меньшей степени. Подчеркнем, что выше в качестве демонстраций приведены лишь некоторые из большого количества рассчитанных дисперсионных комплексов метакогнитивных предикторов, соотносящихся либо с одной, либо с разными подсистемами. В каждом *конкретном* случае, естественно, процентное соотношение величин дисперсий варьировало в количественном отношении. Однако *общий смысл* таких соотношений сохранялся практически всегда. Все они поэтому должны быть рассмотрены как прямые доказательства существования подсистем не как комплексов (агрегативных объединений) метакогнитивных параметров, а как целостностей, обладающих своим собственным содержанием. Сказанное является *решающим* аргументом в пользу гипотезы о существовании субсистемного уровня в целом.

Подводя общие итоги анализу полученных экспериментальных и эмпирических данных, можно сделать два основных вывода. Во-первых, все они свидетельствуют (причем, посредством использования весьма *разных* методических приемов) о правомерности нашей главной гипотезы относительно существования метакогнитивных подсистем как тех образований, из которых синте-

зируется особый, качественно специфический уровень организации всей метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности – субсистемный. Доказательством этого выступает то, что по отношению к каждой из подсистем отчетливо выявляется факт наличия у них собственного содержания, собственного функционального потенциала, *несводимого* к простой сумме отдельных компонентов, то есть отдельных метакогнитивных предикторов. Подсистемы поэтому в принципе нередуцируемы к аддитивной совокупности своих компонентов (отдельных параметров метакогнитивной сферы), а субсистемный уровень ее организации, в силу этого, несводим к компонентному уровню. Это означает также, что метакогнитивная сфера личности в управленческой деятельности не может быть полно и адекватно раскрыта без учета категории основных метакогнитивных подсистем и без специального изучения субсистемного уровня ее организации. Его нельзя не учитывать при изучении метакогнитивной регуляции управленческой деятельности; на нем локализуется не только очень значимая, но и во многом *определяющая* доля всего содержания метакогнитивного обеспечения этой деятельности, чему существует множество эмпирико-феноменологических подтверждений.

Во-вторых, все разноплановые методы, реализованные выше, привели к *принципиально сходным* по смыслу результатам. Он как раз и заключаются в доказательстве факта существования самих метакогнитивных подсистем. Такая взаимосогласованность (и, значит, взаимная проверяемость) итоговых результатов, полученных очень разными методами, может служить в качестве еще одного и очень важного аргумента обоснованности верифицируемой гипотезы.

Доказательство факта существования основных подсистем метакогнитивной сферы, а также выявление и характеристика их достаточно полного состава, образующего в своей совокупности субсистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности, в значительной степени содействуют расширению и углублению общих представлений о психической регуляции этой деятельности *в целом*. Именно структура метакогнитивных подсистем образует собой ту онтологически представленную реальность, которая, хотя и скрыта от эмпирико-феноменологического изучения, но в значительной мере определяет метакогнитивную регуляцию этой деятельности в целом. Вся имеющая место и зафиксированная в исследованиях феноменологическая картина метакогнитивной регуляции управленческой деятельности является следствием, проявлением той динамики и тех отношений, которые определяются структурой основных

подсистем метакогнитивного плана. Отсюда следует, в частности, что и все иные – следующие за структурным, этапы изучения метакогнитивной регуляции управленческой деятельности (в частности, функциональный и генетический) должны базироваться на представлениях о субсистемном уровне организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности.

Итак, можно видеть, что вся совокупность представленных данных направлена на решение задач собственно *верификационного* плана. Вместе с тем, как отмечалось, наряду с ними, необходимо остановиться и на задачах иного плана – собственно *исследовательского*. Они подразделяются на две их основные группы. Первая – задачи *интерпретационного* плана, состоящие в том, чтобы использовать вновь полученные результаты в качестве объяснительного средства для интерпретации уже установленных явлений и закономерностей. Вторая – задачи собственно *поискового* плана, связанные с установлением новых особенностей и закономерностей предмета исследования. Очень показательны, а в плане общих представлений о структурной организации метакогнитивной сферы в целом и ее субсистемного уровня, в частности, – и доказательно, что охарактеризованные результаты с очевидностью проявляют достаточно высокую конструктивность именно в плане решения указанных задач. Так, одними из наиболее в этом плане репрезентативных являются следующие результаты.

Первый из них состоит в том, что развитые выше представления о существовании подсистем метакогнитивного плана, синтезированных в качественно специфический уровень организации метакогнитивной сферы личности (субсистемный), не только позволяют естественным образом объяснить очень важный и весьма общий *феномен парциальности* рефлексии, но и раскрывают его как непосредственное следствие именно этих представлений. Действительно, в целом ряде исследований установлено, что рефлексивность как индивидуальное свойство может проявляться существенно по-разному в зависимости от ее функциональной ориентации и от того, на какой «предмет» она направлена. Более того, у одного и того же индивида разные проявления и, соответственно, разные виды рефлексии, дифференцируемые именно по критерию их функциональной направленности, также могут быть представлены с разной мерой развития. В частности, индивидуальная мера выраженности *когнитивной* рефлексии может и не быть непосредственно связана с мерой сформированности *регулятивной* рефлексии [124, 134]. Это проявляется не только в отсутствии значимой положительной корреляционной связи между ними, но нередко – и в нали-

чии отрицательной связи. Аналогичные – во многом «инверсионные» отношения установлены и в плане взаимосвязи двух других видов рефлексии – когнитивной рефлексии и *социорфлексии* (последняя обозначается иногда и как коммуникативная рефлексия) [125, 202, 409, 413]. Все эти и подобные им результаты предстают, однако, как вполне объяснимые и даже естественные именно с позиций развитых выше представлений. Их суть как раз и состоит в том, что метакогнитивная сфера личности в целом и рефлексия как основа ее собственно процессуального проявления должны быть поняты в качестве принципиально *гетерогенных*, внутренне дифференцированных образований. Они включают в свой состав целый ряд качественно специфических и отличных друг от друга «составляющих» – подсистем. И именно потому, что они являются *качественно* гетерогенными, между ними могут существовать аналогичные, то есть также различные отношения и связи – не только положительные, но и отрицательные. Данный факт получил свое непосредственное воплощение в полученных нами результатах, представленных, в частности, на рис. 2 (на них представлены структурограммы основных метакогнитивных подсистем, а их подробный анализ будет проведен ниже); пока же отметим лишь один, но очень показательный в плане обсуждаемых здесь вопросов факт. Действительно, можно видеть, что эти структурограммы содержат, наряду с положительными, также и отрицательные связи. Особо примечательно в данном отношении то, что отрицательные связи диагностируются, как правило, именно между теми метакогнитивными подсистемами, которые и соотносятся с видами рефлексии, находящимися в инверсионных отношениях друг с другом (например, когнитивная и регулятивная, когнитивная и социорефлексия).

При этом, следует учитывать и еще одно обстоятельство. Дело в том, что отдельные подсистемы некорректно рассматривать в их упрощенной трактовке – в качестве частей, компонентов метакогнитивной сферы, то есть как того, из чего она *состоит*. Отношения между этой сферой и ее подсистемами являются более сложными и состоят в следующем. В каждой отдельно взятой подсистеме проявляется не какая-либо часть этой сферы, а вся она, но лишь в каком-либо вполне определенном *функциональном* отношении. Иначе говоря, критерий дифференциации подсистем и, соответственно – разделения видов самой рефлексии является (и должен являться) подчеркнуто функциональным. Как отмечается в этой связи в [127], системы, построенные на основе такого принципа, не *состоят* из своих частей, а *реализуются* в ряде своих основных функций в

очень существенной части своего общего потенциала; совокупность же такого рода «функциональных реализаций» и составляет содержание самой системы в целом. Поэтому и свойство парциальности по отношению к метакогнитивной сфере состоит не в том, что она «состоит из» определенной совокупности гетерогенных компонентов, которые представлены с равной индивидуальной мерой выраженности. Оно состоит в том, что вся эта сфера *в целом* проявляется существенно по-разному в отношении различных функциональных задач.

Кроме того, необходимо подчеркнуть и еще один, также принципиальный момент. Само по себе наличие свойства парциальности, которое, в свою очередь, получает свое естественное объяснение с позиций представленных выше результатов, также является еще одним *доказательством* их корректности и обоснованности. Дело в том, что именно парциальность (то есть, фактически, «частичность», «отдельность») тех или иных составляющих и образований как раз и является надежным индикатором их относительной *самостоятельности*. Более того, это – объективное следствие их самодостаточности, а потому и столь же надежный индикатор самого их существования как таковых – как самостоятельных и качественно определенных сущностей. Напомним, что обоснование именно этого положения выступало в качестве основной задачи собственно верификационного плана. В этом проявляется, таким образом, единство и взаимополагаемость двух групп задач – собственно верификационных и интерпретационных. Наряду с этим, представленные результаты содействуют и решению еще одной группы задач, являющихся в определенном смысле вообще основными – *поисковых*. Они связаны именно с поиском и установлением новых, не описанных до настоящего времени особенностей и закономерностей организации предмета исследования – в данном случае метакогнитивной сферы личности в целом и ее субсистемного уровня, в частности. Так, в этом плане достаточно показательным является одно из выполненных нами исследований.

В наиболее общем виде его основная цель состояла в том, чтобы продолжить исследования, направленные на раскрытие особенностей и закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы в целом и ее субсистемного уровня, в частности. В более конкретном виде замысел данного исследования состоял в том, чтобы выяснить, существуют ли какие-либо закономерные отношения между степенью и характером структурной организации основных метакогнитивных подсистем, с одной стороны, и *общим* уровнем метаког-

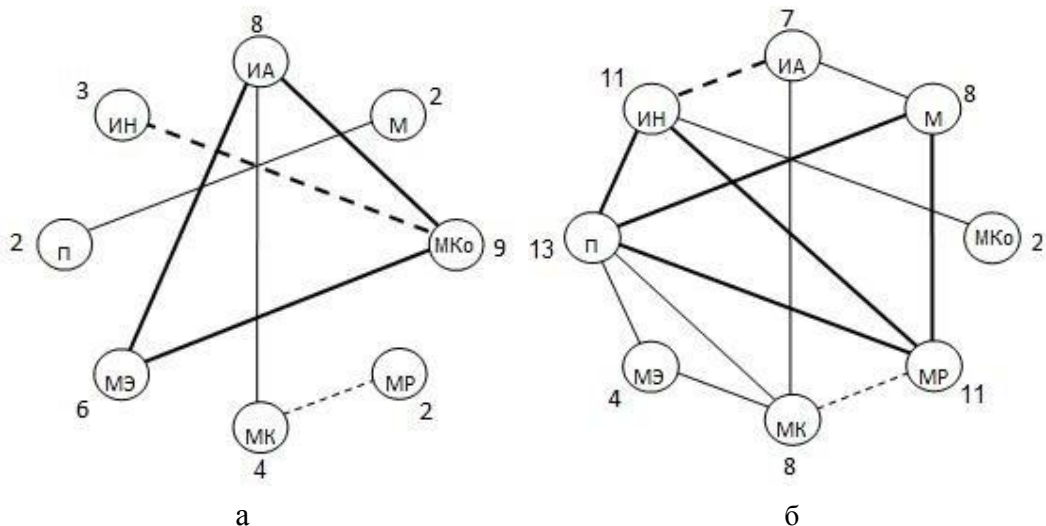
нитивного потенциала личности в целом, то есть индивидуальной мерой его развития, выраженной в количественном виде.

Вначале посредством методики КОМП определялся общий уровень метакогнитивного потенциала испытуемых, а также мера сформированности у них восьми основных метакогнитивных подсистем в отдельности (результаты представлены в Приложении 6). Затем по отношению к полученным диагностическим результатам реализовывался метод *структурно-психологического анализа*, предполагающий, как известно, определенную последовательность ряда специфических исследовательских процедур [13, 119, 125, 135, 290]. Прежде всего, он предполагает применение по отношению ко всей совокупности полученных данных процедуры многомерного корреляционного анализа. Напомним, что она включает в себя метод определения матриц интеркорреляций исследуемых параметров (в нашем случае основных параметров метакогнитивной сферы личности), метод построения структурограмм значимо коррелирующих параметров, метод вычисления индексов структурной организации, а также метод χ^2 для определения гомогенности-гетерогенности матриц интеркорреляций. Напомним также, что сущность метода определения *индексов* структурной организации (в нашем исследовании – основных параметров метакогнитивной сферы личности) состоит в следующем [124, 128, 131]. К этим индексам относятся индекс *когерентности* структуры (ИКС), индекс *дивергентности* (дифференцированности) структуры (ИДС) и индекс *организованности* структуры (ИОС). Индекс когерентности структуры параметров определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степени их значимости; индекс дивергентности структуры (ИДС) – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; индекс организованности структуры (ИОС) – как функция соотношения общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости [133]. Связям, значимым при $p = 0,01$, приписывается «весовой» коэффициент 3 балла; связям, значимым при $p = 0,05$, приписывается «весовой» коэффициент 2 балла. Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что позволяет получить значения указанных индексов. Кроме того, определялись и структурные веса каждого из компонентов. Такой метод позволяет выявить и охарактеризовать детерминацию какого-либо явления не только в плане его аналитических, «единичных» связей с отдельными индивидуальными качествами или иными параметрами, но и в плане его комплексной – структурной обусловленности их целостными подсистемами.

Затем вся выборка ($n = 120$) была дифференцирована по критерию различий в общем уровне развития у них метакогнитивного потенциала; подчеркнем также, что в целях повышения степени обоснованности такой дифференциации ее данные были дополнены результатами еще двух позитивно зарекомендовавших себя методик (методики «Рефлексивности деятельности» [298] и методики «Диагностики уровня рефлексивности» [129]). При этом в качестве основного способа дифференциации был использован традиционный и также хорошо зарекомендовавший себя метод «полярных групп». Он, как известно, предполагает дифференциацию общей выборки на три группы по какому-либо критерию: в первую входят лица с относительно наибольшими его значениями, во вторую – со средними значениями, в третью – с его относительно наименьшими значениями. После этого вторая группа, как правило, исключается из последующей обработки, а анализ проводится на материале сравнения первой и третьей групп. Вместе с тем, данный метод был нами модифицирован в связи со следующими – основными и непосредственно связанными с главными задачами данного исследования причинами. В его традиционном варианте он предполагает разделение (расслоение) выборки только на три группы по определенному «внешнему критерию» – например, по степени эффективности деятельности. В результате образуются три группы – две «полярные» и одна «средняя». Однако последняя, как мы уже отмечали, обычно исключается из последующей обработки и интерпретации как считающаяся нерепрезентативной. Однако, как показал целый ряд выполненных в последнее время исследований [118, 122, 125, 131, 160 и др.], данный метод может быть существенно модифицирован и тем самым могут быть расширены его возможности.

Во-первых, не совсем оправданным является исключение «средней» группы. Дело в том, что анализ именно этой «средней» группы нередко является наиболее продуктивным в решении тех или иных вопросов. Она, будучи во многом лишена недостатков «крайних» – полярных групп, обладает рядом собственных преимуществ. Это отражено в многочисленных, установленных в психологических исследованиях зависимостях «типа оптимума», суть которых состоит в том, что именно средние значения какого-либо качества являются наилучшими для достижения того или иного результата. В историческом плане первой из такого рода зависимостей является, как известно, закон Йеркса-Додсона. Во-вторых, согласно закону нормального распределения, подавляющее большинство индивидов также соотносятся со средними значениями того

или иного параметра. Но именно они, согласно традиционному варианту метода «полярных групп», исключаются из обработки. Поэтому получается, что данный метод исключает из исследования тех индивидов, которые представлены в популяции в наибольшем количестве. В-третьих, разрешающая способность этого метода, как показывает практика, может быть увеличена посредством дифференциации не трех, а большего числа групп. Это также было реализовано в нашем исследовании (точнее – в той его части, которая будет рассмотрена в параграфе 4.4.). Наконец, в-четвертых, следует учитывать, что в ряде исследований, в том числе, и наших [98, 101, 105, 106, 125], хорошо зарекомендовал себя прием так называемого «растягивания выборки», суть которого заключается в следующем. Традиционный вариант метода «полярных групп» дифференцирует *уже имеющуюся* выборку на три группы. При этом нет полной гарантии того, что в нее, действительно, входят испытуемые с *качественно* разным уровнем развития того или иного параметра («внешнего критерия»). Поэтому в целях обеспечения *существенных* различий выборку можно предварительно *целенаправленно* формировать, заранее включая в нее лиц с очень разным уровнем развития того или иного параметра. Обычно это производится на основе анамнестических данных, а также дополнительного применения метода экспертного оценивания. Тем самым, диапазон различий испытуемых по какому-либо параметру существенно расширяется. В результате создаются более благоприятные условия для изучения его влияния на другие переменные исследования. После этого для каждой из дифференцированных подгрупп испытуемых были определены матрицы интеркорреляций основных подсистем метакогнитивного плана, а на их основе построены соответствующие им структурограммы (они приведены на рис. 2, а также в Приложении 8).

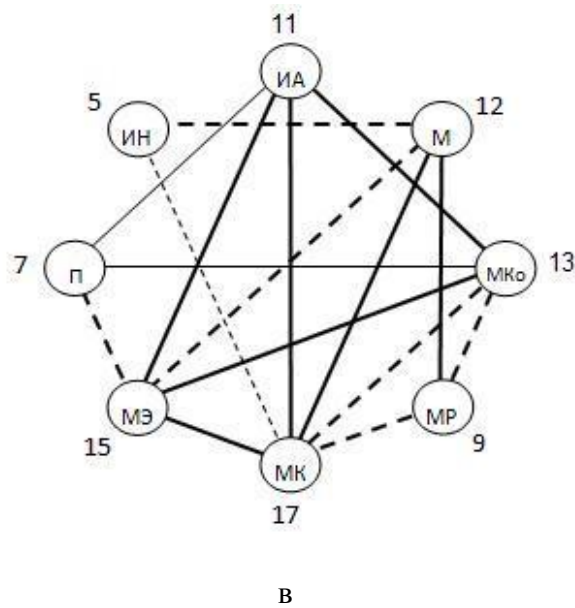

Рис. 2. Структурограммы метакогнитивных подсистем для групп с относительно низкой (а), средней (б) и высокой (в) степенью метакогнитивного потенциала. *Обозначения:* ИА – интеракционная подсистема, и далее: М – мониторинговая, МКо – метакоммуникативная, МР – метарегулятивная, МК – метакогнитивная, МЭ – метаэмоциональная, П – процедуральная, ИН – ингибиторная; рядом с обозначениями подсистем указаны их структурные «веса»; жирная линия – связи, значимые на $p = 0,01$; полужирная линия – связи, значимые на $p = 0,05$; сплошные линии – положительные связи; пунктирные линии – отрицательные связи.

На основе этого, далее, определялись величины индексов структурной организации, а на их основе строились графики исследуемых зависимостей, представленные на рис. 3.

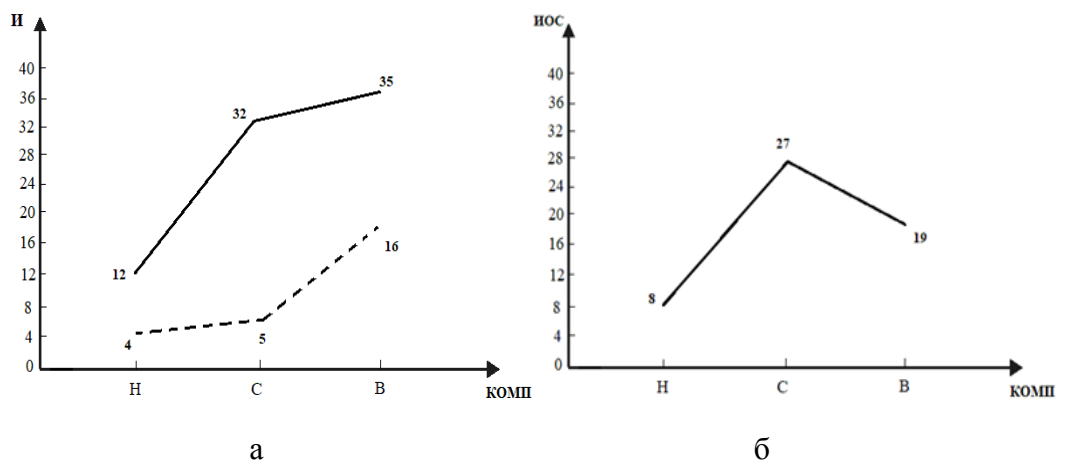

Рис. 3. Зависимости: (а) значений индекса когерентности – ИКС (сплошная линия) и индекса дивергентности – ИДС (пунктирная линия); (б) – индекса организованности (ИОС) основных подсистем от степени развития метакогнитивного потенциала (КОМП); Н, С, В – соответственно, подгруппы с низкой, средней и высокой степенью развития метакогнитивного потенциала.

Можно видеть, что при возрастании общего уровня метакогнитивного потенциала (то есть абсолютных значений по методике КОМП) увеличивается и степень интегрированности и степень дивергентности (дифференцированности) структуры основных метакогнитивных подсистем. Однако, темпы их роста различны на разных интервалах общего континуума метакогнитивного потенциала. Вначале явно доминирует тенденция к их прогрессирующей интеграции, а при высоких значениях общего потенциала начинает доминировать дифференцирующая тенденция. Она выступает здесь уже не только как вполне самостоятельная, но и как доминирующая. Следовательно, можно сделать существенное в плане основных задач данной работы заключение: при переходе от средних значений общего метакогнитивного потенциала к ее высоким значениям в ее структуре дифференцирующие тенденции начинают *преобладать* над интегрирующими. Данное заключение, в свою очередь, позволяет выявить дополнительные особенности и закономерности.

Действительно, очень показательно, что обе установленные зависимости, взятые в их *синтезе* друг с другом, находят свое проявление в наиболее обобщенном и значимом индикаторе структурированности метакогнитивной сферы – в индексе *организованности*. Ключевое значение имеет то, что его динамика является *нелинейной* и носит характер инвертированной U-образной кривой – выступая зависимостью «типа оптимума» (см. рис. 3б). Это означает, что максимальная структурированность и, следовательно, организованность основных метакогнитивных подсистем имеет место не на минимальных (что вполне естественно), но и не на максимальных (что уже менее понятно и требует объяснения) уровнях ее развития, а на некоторых промежуточных, средних значениях. Следовательно, именно средний, а другими словами – *оптимальный* уровень метакогнитивного потенциала должен рассматриваться как наиболее действенный для развертывания совокупности организационных средств по отношению к основным подсистемам метакогнитивного плана.

Таким образом, с достаточно высокой степенью очевидности вскрывается факт наиболее принципиального порядка. Он состоит в том, что *наибольший* уровень структурной организации основных подсистем метакогнитивной сферы имеет место на среднем уровне развития степени выраженности метакогнитивного потенциала личности. Кроме того, эти данные указывают и на еще более имплицитный, но одновременно – не менее важный факт. Он состоит в том, что общий уровень метакогнитивного потенциала может при его относительно

наиболее высоких значениях ингибировать эффективность деятельности. Наконец, в плане общей интерпретации полученных результатов принципиальное значение имеет и еще один – также эмпирически установленный результат. Он состоит в том, что сопоставление матриц интеркорреляций основных метакогнитивных подсистем в подгруппах испытуемых со значимо различным уровнем развития метакогнитивного потенциала на предмет их гомогенности-гетерогенности методом χ^2 выявило их статистически достоверную разнородность ($p = 0,05$). Следовательно, в этих подгруппах общие структуры метакогнитивных подсистем являются разнородными – *качественно* отличными друг от друга, а не только различающимися в *степени* их организованности и структурированности (то есть количественно). В силу этого, можно считать также, что именно *качественные трансформации* общей структуры метакогнитивных подсистем, приводят к изменениям ее количественных характеристик (структурных индексов).

Наряду с этим, не менее показательным, что данный результат позволяет констатировать своеобразный тип зависимостей, который можно обозначить как *автофункциональные* зависимости. Действительно, представленные на рис. 3 по оси абсцисс группы испытуемых, разделенные по уровню развития метакогнитивного потенциала, фактически, отражают различия в его *общем* уровне в абсолютных – количественных значениях. По оси ординат представлены данные, характеризующие *его же*, но уже в аспекте собственно *структурной* организации, то есть структуры тех основных подсистем, из которых он и складывается. Таким образом, можно видеть, что по обеим осям располагается, фактически, во многом «одно и то же», но взятое в разных аспектах – континуальном и структурном. В связи с этим, можно заключить, что в данном случае имеет место зависимость, которая зафиксирована в понятии *автофункции*. Именно она позволяет сделать заключение о существовании новой – не описанной до настоящего времени, но важной, на наш взгляд, закономерности. Она состоит в том, что степень структурной организации основных метакогнитивных подсистем является функцией от общего уровня метакогнитивного потенциала личности. Следовательно, именно этот уровень является значимой детерминантой структурной организации метакогнитивных подсистем. Причем, как уже отмечалось, сам характер этой детерминации не является простым – линейным и непосредственным, то есть не носит характера прямо пропорциональной зависимости. Он, напротив, существенно более сложен и неоднозна-

чен, что и выражается в *инвертированной U-образной* зависимости между ними. Она, в свою очередь, означает, что максимум «организационных эффектов» сопряжен не с максимальными (но и, разумеется, не с минимальными) значениями этого потенциала, а с некоторыми средними его значениями.

В наиболее общем плане все установленные выше эффекты организационного плана и структурообразующего характера являются, в конечном итоге, объективным следствием действия *интегративных* механизмов и возникающих при этом синергетических эффектов. Они, в свою очередь, со столь же объективной необходимостью приводят к формированию особой категории свойств – *системных качеств*. В результате этого порождаются закономерные эффекты супераддитивности, смысл которых состоит в «выходе» за пределы простой суммы функциональных (и иных) возможностей и характеристик самих интегрируемых компонентов. Все это и приводит к существенному увеличению общего функционального потенциала системы (в чем вообще и заключается основной смысл и главное предназначение интегративных механизмов и системных качеств как таковых). В свою очередь, это является очень позитивным с точки зрения расширения когнитивного потенциала субъекта, а также увеличения его общих ресурсных возможностей по организации деятельности. Однако, при высоких и особенно – при очень высоких степенях метакогнитивного потенциала в нем, как можно видеть из представленных данных, все более ощутимую роль начинают играть тенденции *дезинтегративного* типа, которые, в свою очередь, выступают непосредственным ингибитором интегративных средств и механизмов.

Итак, можно видеть, что установленная и проинтерпретированная закономерность, связывающая характер и степень структурной организации основных метакогнитивных подсистем с общим уровнем метакогнитивного потенциала, действительно, раскрывает некоторые новые и достаточно существенные особенности всей метакогнитивной сферы личности. Вместе с тем, ее смысл состоит еще и в том, что наличие такой – достаточно общей закономерности является объективным свидетельством существования и тех образований, по отношению к которым она имеет место. Действительно, как известно из методологии психологии, равно как и из основных положений гносеологии, именно наличие тех или иных общих закономерностей изучаемого объекта выступает объективным индикатором существования его самого как некоторой качественно определенной сущности. Наконец, подчеркнем, что установленная выше

закономерность имеет и важное *интерпретационное* значение в плане объяснения целого ряда важных результатов, полученных в исследованиях управленческой деятельности, а также очевидный *прикладной* – практический смысл. Эти ее аспекты станут предметом специального анализа в следующем параграфе.

3.3. Системный уровень организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

При обращении к данному уровню необходимо руководствоваться следующим основным положением, представляющимся, на первый взгляд, во многом противоположным тому, которое было основным при рассмотрении предыдущего уровня – субсистемного (и которое заключалось в необходимости верификации его существования как такового). По отношению к системному уровню организации метакогнитивной сферы, на котором она представлена во всей полноте ее состава и содержания, функций и механизмов, складывается существенно иная – по крайней мере, на первый взгляд, ситуация. Она обусловлена следующими основными обстоятельствами. Во-первых, все материалы, представленные в главе 2, с достаточно высокой степенью обоснованности вскрывают положение наиболее общего и принципиального для данной работы в целом плана – о принадлежности данной сферы к специфическому классу *систем* со «встроенным» метасистемным уровнем. Тем самым, уже одно это является весьма сильным аргументом в пользу наличия в ее общей структуре собственно системного уровня организации. Во-вторых, представленный в предыдущем параграфе анализ позволил обосновать положение, согласно которому основными «составляющими» данного уровня являются такие образования, которые имеют статус *субсистем*. Следовательно, даже с формально-логической точки зрения интеграция этих образований, то есть повышение степени их организации всего лишь на один «шаг» объективно должно приводить к переходу от субсистемной формы организации к *общесистемной*. Синтез основных метакогнитивных подсистем, охарактеризованных в предыдущей главе, просто по определению не может не приводить ни к какому иному уровню, кроме системного.

Таким образом, выявляется достаточно высокая степень *очевидности* системности организации метакогнитивной сферы, а также адекватности использования термина «система» по отношению к ней. Все это, казалось бы, избавляет от необходимости обосновывать сам факт системности ее организации. Однако, в действительности, именно этот вопрос и является ключевым, поскольку, строго

говоря, пока не доказано объективными – прежде всего, собственно экспериментальными и эмпирическими средствами наличие системного статуса у данного уровня. В силу этого, самоочевидность применения к нему понятия системы связана, в основном, с обстоятельствами феноменологического и логического характера, а иногда и носит характер метафоричности, нестрогости его реализации по отношению к ней – в основном, как средства подчеркивания ее сложности. Поэтому главной задачей верификационного плана при рассмотрении данного уровня является необходимость обоснования того, что он, действительно, имеет собственно уровневый статус – в непосредственном и строгом смысле данного понятия. В свою очередь, это означает, что необходимо выяснить, обладает ли данный уровень своим собственным – *качественно* специфическим содержанием, которое в принципе несводимо к содержанию иных уровней и, прежде всего, двух ближайших к нему «снизу» уровней – субсистемного и компонентного. Наконец, необходимо учитывать, что эта задача тождественна наиболее общей и объективно главной проблеме, возникающей при обосновании системного статуса любых иных образований. Она заключается в выявлении того, действительно ли интеграция их «составляющих» приводит к возникновению таких особенностей и свойств – такого *нового* содержания, которое в принципе несводимо к их агрегативной сумме, то есть к их аддитивному множеству? Действительно ли на этом уровне – именно как системном возникают наиболее специфические для системных образований эффекты синергии, феномены супреаддитивности, которые во многом и конституируют системные образования как таковые. Эти эффекты, как известно, вообще рассматриваются как основные атрибуты системной формы организации в целом и, следовательно, как столь же общие *критерии* наличия этой формы как таковой.

Другими словами, в свете сказанного сущность задач первой группы состоит в том, чтобы рассмотреть вопрос о том, может ли быть сведено содержание данного уровня к аддитивной совокупности содержания тех «составляющих», из которых он, в конечном счете, и складывается? Действительно ли на данном уровне «работает» основной механизм системной формы организации, каковым является механизм продуцирования особой категории качеств – *системных*. Их сущность как раз и состоит в том, что они позволяют выйти за «пределы наличного», обеспечить генерацию принципиально *нового* содержания, отсутствующего у самих интегрируемых компонентов. Как известно, данный атрибут отражен даже в самом определении системного качества: это такое свойство целостности,

которое присуще только ей, но которое отсутствует у ее отдельных частей и у их аддитивной совокупности. Последнее означает, что на уровне целостности формируется новое – дополнительное по отношению к ним содержание, которое и позволяет считать саму эту целостность качественно специфическим и нередуцируемым к ним образованием.

Правомерность и даже необходимость постановки именно этого вопроса, а также особая актуальность его рассмотрения связана и с еще одним обстоятельством, коренящимся в главной особенности современного состояния метакогнитивизма. Она уже была предметом нашего рассмотрения в главе 1, а ее сущность состоит в следующем. В настоящее время в нем отчетливо доминирует аналитическая – предметоцентрическая парадигма исследования, сущность которой заключается в приоритетном рассмотрении *отдельных* феноменов и особенностей, процессов и средств метакогнитивного плана. Фактически, это и есть *аналитический подход* к их исследованию. Его немаловажной чертой выступает и констатированный в главе 1 внедеятельный характер всего современного метакогнитивизма. Естественно, что эти особенности не способствуют рассмотрению всей метакогнитивной сферы личности в целом – именно как интегративного, то есть собственно системного образования. В связи с этим, возникает еще одна задача – задача собственно синтетического характера; она состоит в необходимости обобщения – *интеграции* данных, полученных аналитическим путем.

Действительно, в настоящее время существует немало исследований, посвященных раскрытию закономерностей и механизмов относительно *локального*, частного характера. Они связаны с теми или иными основными процессами и качествами, феноменами и средствами метакогнитивного плана, то есть с основными *компонентами* метакогнитивной сферы *в отдельности* [26, 157, 170, 219, 221, 243, 278, 282, 289, 299, 392 и др.]. В частности, это работы, направленные на определение состава метакогнитивных процессов как базовых «составляющих» метакогнитивной сферы и связей между ними [135, 321, 330, 403, 404, 407, 420, 421, 410, 429, 430, 452]; работы, посвященные исследованию основных феноменов метапознания – как еще одной базовой категории компонентов, образующих ее [282, 283, 331, 334, 337, 406, 407, 424, 425, 433, 434, 442, 445, 451]; работы, в которых предпринимается попытка выявления и интерпретации частных закономерностей генезиса метакогнитивной сферы [131, 135, 344, 350, 353, 372, 379, 388, 402, 403, 446, 450, 454, 455, 475, 477, 480, 481 и др.]. Следовательно, можно заключить, что данная сфера исследована относительно полно, но именно

в аспекте ее собственно компонентного состава, то есть так сказать «по частям». Она вообще, в основном, изучается с позиций ее *компонентного* состава – в плане изучения того, как организуются в ее составе *отдельные* параметры метакогнитивного плана. Такой подход является необходимым атрибутом относительно ранних стадий разработки проблемы структурно-уровневой организации любой системы. В качестве исходного и основного в нем зафиксировано наиболее общее положение, согласно которому целое (система) структурируется, организуется из частей (компонентов). С позиций такого подхода, как мы отмечали, выявлены важные закономерности организации метакогнитивной сферы личности.

Однако на последующих этапах познания открывается значительно более сложная картина структурной организации изучаемых систем, в том числе и метакогнитивной сферы. В частности (и это составляло содержание сформулированной, а затем – верифицированной нами гипотезы о существовании субсистемного уровня организации), необходимо учитывать, что любая система состоит не из своих компонентов *непосредственно*, а из закономерно формирующихся внутри нее подсистем, которые, в свою очередь, интегрируясь, и образуют ту или иную систему. «Ближайшим» материалом для общесистемной интеграции являются не компоненты некоторой целостности непосредственно, а объективно представленные в ее составе *подсистемы*. Компоненты *вначале* интегрируются и сорганизуются в рамках этих подсистем, а они уже *затем*, также интегрируясь, но уже друг с другом, порождают систему как таковую.

Из сказанного становится очевидным, что одним из основных и пока практически полностью неразработанных аспектов изучения системного уровня организации метакогнитивной сферы является тот, который предполагает раскрытие закономерностей интеграции и структурирования основных метакогнитивных подсистем в рамках данного уровня. Следовательно, возникает настоятельная необходимость первоочередного раскрытия особенностей и закономерностей, средств и механизмов такого рода организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности на основе ее *подсистем*, а не на основе ее *компонентов*, то есть отдельных, парциальных образований метакогнитивного плана (процессов и качеств, образований и структур). Решение данной проблемы осуществлялось нами посредством ряда основных и взаимосвязанных этапов, к рассмотрению результатов которых необходимо теперь перейти.

1. В свете представленных выше материалов вполне очевидно, что *первой* по значимости среди всех сформулированных вопросов и задач является следующая из них: обладает ли системный уровень организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности своим собственным *специфическим содержанием*? Или же его содержание может быть сведено к простой, то есть агрегативной, «сумме содержаний» основных метакогнитивных подсистем, из которых он, в конечном счете, образован, то есть принципиально редуцируемо до них?

Если ответ на этот вопрос будет позитивным, то появляются достаточные основания для того, чтобы считать системный уровень, действительно, самостоятельным и качественно специфическим. Если нет, то и метакогнитивная сфера может быть *без потери содержания* описана посредством раскрытия тех основных метакогнитивных подсистем, о которых шла речь в предыдущем параграфе. В целях решения данной задачи нами использовались те методы, которые, как показано в методологии психологического исследования, наиболее адекватны именно задачам *структурного* анализа, а также вопросам, связанным с изучением *взаимодействий* изучаемых явлений. Это, как уже отмечалось, метод многофакторного дисперсионного анализа, метод многомерного корреляционного анализа, а также схемы, основанные на факторном планировании и факторной обработке результатов эмпирических и экспериментальных исследований.

В самом деле, если основные подсистемы метакогнитивного плана не являются рядоположенными в общей организации этой сферы именно как системы, то между ними должны быть существенные и множественные, разнонаправленные и неоднозначные, но закономерные и *значимые отношения*, связи и взаимодействия. Если же, наоборот, они рядоположены, то эти взаимосвязи и взаимовлияния не выступают ни значимыми, ни закономерными. Для того чтобы обоснованно определить один из двух указанных вариантов ответа по отношению, например, к метакогнитивной и метапроцессуальной подсистемам можно использовать метод факторных декомпозиций результатов [56, 125], полученных посредством методики КОМП. Его смысл состоит в следующем. Две изучаемые подсистемы рассматривались как своеобразные аналоги «независимых переменных», вносящих тот или иной вклад в общий уровень метакогнитивного потенциала личности. Каждая из них, как того и требует методология факторного исследования, рассматривалась на двух «степенях свободы» – минимальном и максимальном (см. рис. 4а). Затем из всей выборки испытуемых ($n = 110$) отбира-

лись только те лица, которые характеризовались указанными сочетаниями выраженности двух рассматриваемых подсистем (см. Приложение 9). Для каждой из сформированных таким образом четырех групп определялись средние значения общего уровня сформированности метакогнитивного потенциала; далее, они заносились в соответствующие ячейки матрицы факторной декомпозиции (см. рис. 4б).

		МК	
		-	+
П	-	МК ⁻ ; П ⁻	МК ⁺ ; П ⁺
	+	МК ⁻ ; П ⁺	МК ⁺ ; П ⁺

а

		МК		
		-	+	
П	-	302	331	316
	+	312	400	356
		307	366	

б

Рис. 4. План обработки данных изучения взаимодействия метакогнитивной и процедуральной подсистем методом факторных декомпозиций (а) и полученные в итоге его реализации результаты (б). *Обозначения:* МК – метакогнитивная подсистема; П – процедуральная подсистема; МК⁻; П⁻ – группа, образованная лицами с низкой степенью развития метакогнитивной и процедуральной подсистем; МК⁺П⁻; МК⁻П⁺; МК⁺П⁺ – группы, образованные различными комбинациями минимальной и максимальной степени развития данных подсистем; в ячейках матрицы (б) представлены средние данные для каждой группы по методике КОМП; 316 и 356 – средние значения общего метакогнитивного потенциала по строкам; 307 и 366 – его средние значения по столбцам.

Расчеты, произведенные на основе этих данных, показывают, что на долю автономного влияния метакогнитивной подсистемы приходится $МК_a = (366 - 307) = 59$ баллов методики КОМП⁴; на долю автономного влияния процедуральной подсистемы: $П_a = (356 - 316) = 40$ баллов (обе эти величины являются статистически значимыми на $p = 0,01$). Однако наиболее показательным, что коэффициент *взаимодействия* между этими подсистемами ($k_{МК \times П}$), определенный по известному методу вычисления «разности двух разностей» [56], также является статистически значимым ($p = 0,01$) и равен:

$$K_{МК \times П} = (302 - 331) - (312 - 400) = 67 \text{ баллов}$$

⁴ Индекс «а» обозначает автономное влияние того или иного фактора – в данном случае основных подсистем.

Следовательно, можно заключить, что между рассматриваемыми подсистемами имеет место *значимое взаимодействие*, их существенное взаимовлияние друг на друга. Показателен также *тип*, то есть характер того взаимодействия. Он, как можно видеть из представленных результатов, принадлежит к так называемому «*расходящемуся*» типу [56], что свидетельствует о взаимоусиливающем взаимодействии факторов по отношению друг к другу в плане детерминации ими тех или иных результативных проявлений (в данном случае общей степени выраженности метакогнитивного потенциала). В самом деле, при минимальном значении процедуральной подсистемы влияние метакогнитивной подсистемы на степень выраженности метакогнитивного потенциала равно $(331 - 302) = 29$ баллам; при максимальном же значении процедуральной подсистемы оно равно уже $(400 - 312) = 88$ баллам, то есть в 3 раза больше. Следовательно, процедуральная подсистема оказывает *фасилитирующее*, то есть усиливающее влияние на действие другой подсистемы – метакогнитивной.

С другой стороны, имеет место и еще один факт: при минимальном значении метакогнитивной подсистемы влияние процедуральной подсистемы на степень выраженности метакогнитивного потенциала равно $(312 - 302) = 10$ баллов, а при максимальном ее значении существенно выше – $(400 - 331) = 69$ баллов. Таким образом, и здесь можно констатировать аналогичную – фасилитирующую (усиливающую) роль одной подсистемы по отношению к другой. Подчеркнем также, что все три значения (два, свидетельствующие об автономных влияниях подсистем, и одно – об их взаимодействии) являются статистически *значимыми*. Кроме того, коэффициент взаимодействия между ними не только статистически значим, но даже *превышает* по величине одно из обнаруженных автономных влияний (со стороны процедуральной подсистемы).

Таким образом, по результатам данного исследования можно сделать вывод, согласно которому две рассмотренные подсистемы, действительно, тесно взаимосвязаны и закономерно взаимодействуют в рамках метакогнитивной сферы личности. Кроме того, очень показателен и сам характер этих взаимодействий – его фасилитирующая направленность. Данное обстоятельство позволяет выявить достаточно важную, по нашему мнению, закономерность, сущность которой состоит в следующем. Между двумя основными категориями факторов метакогнитивного плана (процессуальными, которые зафиксированы в базовом понятии метакогнитивных *процессов*, с одной стороны, и «*знаниевыми*», которые зафиксированы в понятии процедуральности с другой) существуют закономерные –

вполне определенные и весьма целесообразные с функциональной точки зрения отношения и взаимодействия. Их суть как раз и состоит во взаимостимулирующем – фасилитирующем характере, что, в свою очередь, обеспечивает главный результат – возникновение отношений *синергии* между ними; выход за пределы простой суммы функциональных потенциалов, которыми они обладают по отдельности, а тем самым – и повышение ресурсных возможностей субъекта.

Далее, обратим внимание на то, что в рассмотренном выше исследовании были проанализированы подсистемы, которые носят по отношению к метакогнитивному потенциалу личности подчеркнуто *однонаправленный* – позитивный характер. Вместе с тем, определенный интерес представляют данные, полученные для подсистем, *разнонаправленно* влияющих на него. В этих целях на выборке руководителей с достаточно большим профессиональным стажем ($n = 110$) были исследованы метакогнитивная и ингибиторная подсистемы. Схема факторной декомпозиции и обработки результатов была аналогична предыдущей. В итоге получены следующие результаты (рис. 5, а также Приложение 10).

		МК		
		–	+	
ИН	–	308	392	270
	+	360	382	371
		334	387	

Рис. 5. Данные исследования взаимодействия метакогнитивной и ингибиторной подсистем методом факторных декомпозиций *Примечания:* МК – метакогнитивная подсистема; И – ингибиторная подсистема; «–» и «+» – соответственно минимальная и максимальная степени развития этих подсистем. В ячейках представлены средние значения общей степени метакогнитивного потенциала для каждой из четырех групп; 270 и 371 – средние значения по строкам; 334 и 387 – средние значения по столбцам.

Произведенные на основе этих данных расчеты показывают, что на долю автономного влияния метакогнитивной подсистемы приходится: $МКа = (387 - 334) = 53$ балла по методике КОМП; на долю автономного влияния ингибиторной подсистемы приходится $= 21$ балл по этой методике ($Иа = 371 - 350$). Следует подчеркнуть, что не только метакогнитивная подсистема оказывает значимое положительное влияние на величину общего метакогнитивного потенциала (что

вполне естественно), но и ингибиторная подсистема также положительно влияет на него. Этот факт уже значительно менее понятен на первый взгляд, поскольку он, казалось бы, противоречит априорным ожиданиям и даже самому наименованию данной подсистемы. В действительности, он также вполне объясним и закономерен; он уже частично был объяснен выше, а к его дополнительной интерпретации мы обратимся также в ходе дальнейшего анализа. Далее, как и в предыдущем случае, наибольший интерес представляет определение силы и характера коэффициента *взаимодействия* между этими подсистемами. Он в данном случае равен:

$$k_{МК \times И} = (308 - 392) - (360 - 382) = -62 \text{ балла по методике КОМП}^5$$

Относительно этого коэффициента следует сделать два основных заключения. Во-первых, он является не только статистически значимым, но и превышает значения автономного влияния такой важной подсистемы, каковой является собственно метакогнитивная подсистема. Следовательно, есть основания полагать, что между двумя рассматриваемыми подсистемами также имеют место не только значимые, но и достаточно сильные взаимодействия. Во-вторых, и это, на наш взгляд, наиболее важно, тип данного взаимодействия носит другой, *противоположный* характер по отношению к тому, который был выявлен в предыдущем исследовании (в котором рассматривались две позитивные подсистемы). При минимальном значении ингибиторной подсистемы влияние метакогнитивной подсистемы на степень выраженности метакогнитивного потенциала равно $(392 - 308) = 84$ баллам, а при максимальном значении ингибиторной подсистемы $-(382 - 360) = 22$ баллам. Следовательно, усиление ингибиторной подсистемы уменьшает – ослабляет позитивное влияние на общий потенциал метакогнитивной подсистемы: оно ингибирует, а не фасилитирует его. Такой тип взаимодействия обозначается в теории эксперимента, как известно, понятием «*сходящегося*» [56]. Это подтверждается и тем, что при минимальном значении выраженности метакогнитивной подсистемы влияние ингибиторной подсистемы равно $360 - 308 = 52$ баллам, а при максимальном $-(392 - 382) = 10$ баллам, то есть является существенно менее сильным. Причем, очень характерно, что при переходе от низких значений степени выраженности ингибиторной подсистемы к ее высоким значениям меняется даже само направление, по

⁵ В этой связи напомним, что, согласно методологии факторного исследования, знак коэффициента взаимодействия (в данном случае – отрицательный) обычно не учитывается, поскольку его интерпретация проводится лишь на основе абсолютных значений коэффициента – по его *модулю* [56].

которому метакогнитивная подсистема влияет на общий потенциал личности – с положительного оно трансформируется в отрицательное. Поэтому ингибиторная подсистема оказывает *разнонаправленное* влияние на общий метакогнитивный потенциал личности в зависимости от того, на каком уровне представлена одна из его важнейших подсистем – собственно метакогнитивная. Иными словами, чем в большей степени представлена эта подсистема, тем она более сензитивна к «тормозящему» воздействию на нее ингибиторной подсистемы.

Данный результат имеет, по нашему мнению, принципиальное значение, поскольку позволяет выявить такой факт и зафиксировать такую закономерность, которые не только совершенно не прогнозировались априорно, но и, казалось бы, прямо противоречат исходным теоретическим предположениям. В действительности между двумя исследованными и, казалось бы, *разнонаправленными* по своей функциональной ориентации и по существу их содержания подсистемами (метакогнитивной и ингибиторной) обнаруживаются не отношения взаимной минимизации, а напротив, отношения *фасилитации*. В свою очередь, это может быть объяснено только одним: по-видимому, ингибиторная подсистема – это вовсе не «отрицательная», не деструктивная рефлексия и уж тем более – не ее минимизация или блокада. Напротив, это своего рода «еще бóльшая» рефлексия: это рефлексия, направленная на то, чтобы регулировать ее саму – но не в направлении повышения, а в направлении *уменьшения*, точнее – снижения ее роли в организации деятельности. Тем самым, однако, парадоксальным образом эта «антирефлексия» выступает еще более сложной и интенсивной по субъективным затратам, чем позитивная рефлексия. Для того чтобы минимизировать произвольность, нужен вовсе не отказ от самой произвольности, а наоборот еще «бóльшая произвольность» – своего рода «произвольность над произвольностью», произвольность «второго порядка». Дело в том, что рефлексия, направленная на саму себя, может не только усиливать себя, но и приводить к ее минимизации и даже блокаде.

В связи с этим, становится очевидной и необходимость внесения терминологических корректив в использованное ранее словосочетание «антирефлексивные средства» (напомним, что об этой необходимости мы уже предупреждали выше), что объясняется следующим. Общий смысл всех рассмотренных явлений состоит в том, что в их основе лежит, фактически, также «рефлексия над рефлексией», но уже не позитивно, а негативно направленная. Имеет место все та же – в принципе известная «рефлексия второго порядка», радикально от-

личающаяся, однако, от ее традиционного смысла: она не усиливает, а редуцирует сама себя, а в ряде случаев и блокирует – «аннигилирует» сама себя. Имеет место своего рода *метарефлексия*, причем, представленная в двух планах. Во-первых, в традиционном смысле – как «рефлексия над рефлексией» (метарефлексия). Во-вторых, в новом аспекте – в аспекте саморедуцирования исходного качества, то есть рефлексивности как таковой: здесь префикс «мета» указывает на преодоление, на отрицание исходного качества осознания. Поэтому рассматриваемую систему средств корректнее обозначить термином *метарефлексивная*, а не «антирефлексивная». Причем, наиболее тонкий, но одновременно и наиболее важный момент таких взаимодействий состоит в том, что здесь имеет место не просто «отключение» рефлексии, не ее «оттормаживание» и редукция. Все дело в том и состоит, что в основе всего этого лежит, напротив, усиление – так сказать дополнительная активация все тех же рефлексивных средств, процессов и механизмов. По нашему мнению, истинная «сила» рефлексии состоит не только в том, что она может быть представленной с той или иной – все более высокой степенью выраженности, сколько в том, что она, как оказывается, может и редуцировать – даже блокировать сама себя. При этом уровень субъективной напряженности, вообще – степень «энергетических затрат», сопряженных с такого рода минимизацией и тем более блокадой является ничуть не меньшим, а как показывает практика, нередко и еще бóльшим.

Специально подчеркнем, что во всех рассмотренных случаях достаточно явно обнаруживается наиболее принципиальный факт – факт *взаимодействия* подсистем друг с другом (хотя направленность, тип и соответственно содержание и смысл этого взаимодействия противоположны). Следовательно, он уже сам по себе свидетельствует о том, что подсистемы не являются рядоположенными составляющими, входящими на правах суммативных компонентов в целостность – в метакогнитивную сферу личности. Этот основной результат достаточно убедительно, хотя пока и *косвенно*, свидетельствует о несводимости содержания метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности к рядоположенной сумме функциональных потенциалов, равно как и содержаний входящих в нее подсистем метакогнитивного плана.

2. Существенно более непосредственное и, фактически, – *прямое* подтверждение это общее предположение получило в следующем цикле исследований. Действительно, о такого рода – именно непосредственном подтверждении можно говорить лишь в том случае, если эмпирическими и экспериментальными

средствами будут обнаружены факты и проявления *нового*, дополнительного содержания, присущего именно общесистемному уровню и *отсутствующие* у простой суммы подсистем, входящих в метакогнитивную сферу. В этих целях необходимо использовать иной метод, который в большей степени адекватен сформулированной выше задаче. В предыдущем параграфе отмечалось, что им является метод дисперсионного анализа. Он, как известно, позволяет определить, какую долю общей детерминации изучаемого объекта, предмета, явления, процесса и пр. вносит в нее каждый из рассматриваемых факторов *в отдельности*, и какую долю в нее вносит их *совместное* влияние. В традиционном варианте данного метода речь обычно идет о вкладе *аналитической* и *синтетической* детерминации в значения какого-либо *внешнего* критерия (показателя, параметра, той или иной зависимой переменной). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что суть нашего подхода заключается в том, что в качестве такого рода «зависимой переменной» рассматривается не *внешний* критерий (например, влияние той или иной метакогнитивной подсистемы на результативные параметры деятельности), а критерий *внутренний*. Им выступает общий уровень метакогнитивного потенциала личности. Поэтому величины автономных дисперсий тех или иных факторов (в нашем случае – меры развития отдельных метакогнитивных предикторов или же их подсистем) не только являются показателями *влияния* их на какой-либо внешний параметр. Они выступают *прямым* указанием на то, какую долю *самого* этого «внутреннего критерия», то есть его *содержания* (фактически, величины метакогнитивного потенциала) они обуславливают.

Наряду с этим, и дисперсии взаимодействия факторов (отдельных предикторов, а также подсистем) являются *прямыми* показателями того, какую долю этого внутреннего критерия составляют их синтетические объединения. Следовательно, с позиций метода дисперсионного анализа общее содержание степени развития метакогнитивного потенциала может складываться из двух главных частей. Первая – это сумма вкладов тех *парциальных* содержаний, которые вносят в нее основные метакогнитивные подсистемы *по отдельности*. Вторая – то содержание, которое является производным от их *взаимодействия*. Если в результате обнаружится, что вторая часть, действительно, имеет место и является значимой, то появляются *достаточные* основания для положительной верификации сформулированной выше гипотезы. Исходя из сказанного, нами был проведен цикл исследований, построенный по охарактеризованной выше схеме метода дисперсионного анализа в его двух- и трехфакторном вариантах ($n = 120$).

Общий принцип построения дисперсионных планов приведен в таблицах 5а на примере изучения метакогнитивной и метарегулятивной подсистем и в таблице 5б на материале изучения метакогнитивной, метарегулятивной и метакоммуникативной подсистем. Он означает, что для исследования были взяты две подсистемы – метакогнитивная и метарегулятивная. Они рассматривались на двух «полярных» степенях представленности – минимальном и максимальном. В результате их сочетания образуются четыре комбинации этих двух степеней. Затем на основе общей выборки формировались четыре группы испытуемых, характеризовавшиеся каждым из четырех сочетаний. Так, например, в первую ячейку дисперсионного плана вошли лица ($a_1 \dots a_n$), имеющие сочетание низкой степени развития и метакогнитивной, и метарегулятивной подсистем. Во вторую ячейку вошли испытуемые ($b_1 \dots b_n$), имеющие сочетание высокой степени развития метакогнитивной подсистемы и низкой степени развития метарегулятивной и т. д.

Таблица 5

Типовые дисперсионные планы изучения двух (а) и трех (б) подсистем метакогнитивной сферы

		МК				МК			
		–	+			–	+		
МР	–	a_1	b_1	МР	–	a_1	b_1		
		a_2	b_2			a_2	b_2		
	·	·	\dots		\dots				
	a_n	b_n	a_n		b_n				
+	c_1	d_1	+	c_1	d_1	МКо	–	c_1	d_1
	c_2	d_2		c_2	d_2		+	c_2	d_2
		·	·					\dots	\dots
		c_n	d_n					c_n	d_n

		МК				МК			
		–	+			–	+		
МР	–	a_1	b_1	МР	–	a_1	b_1		
		a_2	b_2			a_2	b_2		
	·	·	\dots		\dots				
	a_n	b_n	a_n		b_n				
+	c_1	d_1	+	c_1	d_1	МКо	–	c_1	d_1
	c_2	d_2		c_2	d_2		+	c_2	d_2
		·	·					\dots	\dots
		c_n	d_n					c_n	d_n

Примечания: а – план исследования двух подсистем (МК – метакогнитивной и МР – метарегулятивной); б – план исследования трех подсистем (МК – метакогнитивной, МР – метарегулятивной и МКо – метакоммуникативной). В табл. а: «–», «+» – минимальный и максимальный уровни развития подсистем; $a_1, a_2 \dots a_n$ – индивидуальные значения общей степени развития метакогнитивного потенциала в первой группе (у испытуемых с сочетанием низкого уровня развития метакогнитивной подсистемы и низкого уровня развития метарегулятивной подсистемы); $b_1, b_2 \dots b_n; c_1, c_2 \dots c_n; d_1, d_2 \dots d_n$ – соответственно, индивидуальные значения степени развития метакогнитивного потенциала для каждого испытуемого в трех других подгруппах. В табл. б: $a_1, a_2 \dots a_n; b_1, b_2 \dots b_n; c_1, c_2 \dots c_n; d_1, d_2 \dots d_n; e_1, e_2 \dots e_n; f_1, f_2 \dots f_n; g_1, g_2 \dots g_3; h_1, h_2 \dots h_n$ – индивиду-

альные значения общей степени метакогнитивного потенциала (по методике КОМП) для каждого испытуемого, входящего в соответствующую группу. Например, испытуемые $c_1, c_2 \dots c_n$ имеют сочетание относительно низкой меры выраженности метакогнитивной подсистемы, низкой меры выраженности метарегулятивной подсистемы и высокой меры выраженности метакоммуникативной подсистемы.

По отношению к двум рассматриваемым подсистемам в результате произведенных расчетов были получены следующие значения дисперсий. Та доля общей дисперсии, которая соотносится с метакогнитивной подсистемой, составляет 33%. Доля дисперсии, обусловленная степенью развития метарегулятивной подсистемы, составляет 21%. Доля дисперсии взаимодействия этих подсистем составляет 24,5% от общей дисперсии. Еще 21,5% дисперсии приходится на долю случайной дисперсии, то есть дисперсии, обусловленной не учитываемыми в исследовании факторами. Эти данные позволяют сделать два основных вывода.

Во-первых, каждая из рассматриваемых метакогнитивных подсистем достаточно существенно влияет на общую степень выраженности метакогнитивного потенциала (отметим в этой связи также, что обе автономные дисперсии – 33% и 21% являются статистически значимыми (на $p = 0,01$). При интерпретации указанных величин процентного соотношения дисперсий, обусловленных автономными и совместными вкладами тех или иных факторов (отдельных подсистем), необходимо, конечно, учитывать и еще одно положение. Тот факт, что на долю первой и второй подсистем приходится соответственно 33% и 21% общей дисперсии, а на долю их взаимодействия – 24,5%, вовсе не означает, что метакогнитивный потенциал в целом именно в *этом же количественном отношении* характеризуется указанными вкладами, то есть, упрощенно говоря, состоит на 33% из метакогнитивной подсистемы, на 21% – из метарегулятивной подсистемы и на 24,5% – из их интегративных эффектов. При использованном варианте метода дисперсионного анализа речь идет лишь об *относительной* процентной оценке сравнительных величин отдельных факторов и их взаимодействия.

Во-вторых, не только значимая и, но даже превосходящая величину автономного влияния одной из подсистем (метарегулятивной) доля общей дисперсии приходится на дисперсию *взаимодействия* двух исследуемых подсистем: она равна 24,5% от общей дисперсии. Следовательно, данный результат *прямо* указывает на то, что содержание системного уровня организации метакогнитивной сферы не может быть редуцировано к аддитивной совокупности отдельных метакогнитивных подсистем: очень существенная, статистически значимая и со-

ставляющая *более четверти* всего вклада в ее содержание дисперсия приходится на *эффекты их взаимодействия*, на эффекты их совместного влияния. В его результате порождаются новые особенности, формируется *новое содержание*, которое присуще общесистемному уровню, но которое не обнаруживается на субсистемном уровне. Тем самым сформулированная нами общая гипотеза о несводимости общесистемного уровня к сумме тех «составляющих», из которых он интегрируется (подсистем), находит *прямое* подтверждение.

Метод дисперсионного анализа был реализован нами также и в его трехфакторном варианте на той же самой выборке испытуемых. Это означает, что обработке, аналогичной той, которая была описана выше, подверглись не две, а три подсистемы (метакогнитивная, метарегулятивная и метакоммуникативная) в аспекте сравнения их автономного и синтетического влияния на степень метакогнитивного потенциала. Дисперсионный комплекс этого исследования представлен в таблице 5б. Он, далее, заполнялся индивидуальными значениями вошедших в каждую из восьми подгрупп испытуемых по методике КОМП. Расчеты проводились в целях определения семи величин дисперсий. Так, величины $D_{МК}$, $D_{Мр}$ и $D_{МКО}$ являются индикаторами автономных вкладов в метакогнитивный потенциал каждой из подсистем в *отдельности*. Величины $D_{МК \times Мр}$, $D_{МК \times МКО}$ и $D_{Мр \times МКО}$ являются показателями совместного воздействия на метакогнитивный потенциал, соответственно, метакогнитивной и метарегулятивной подсистем, метакогнитивной и метакоммуникативной подсистем и метарегулятивной и метакоммуникативной подсистем. Величина $D_{МК \times Мр \times МКО}$ является показателем совместного вклада всех трех подсистем в целом. В результате произведенных расчетов были получены следующие значения указанных видов дисперсии (в процентном отношении к общей дисперсии):

$D_{МК} = 17\%$	$D_{МК \times Мр} = 8$	$D_{МК \times М \times МКО} = 16\%$
$D_{Мр} = 13\%$	$D_{МК \times МКО} = 9\%$	$D_{сл.} = 21 \%$
$D_{МКО} = 11\%$	$D_{Мр \times МКО} = 16\%$	
$\Sigma = 41\%$	$\Sigma = 33\%$	

На основании этих результатов можно сделать следующие основные выводы. Во-первых, как и в предыдущем исследовании, каждая из подсистем оказывает значимое автономное влияние на общую степень метакогнитивного по-

тенциала (правда, влияние метакоммуникативной подсистемы прослеживается лишь на уровне тенденции – на $p = 0,20$). Во-вторых, попарное взаимодействие подсистем также является статистически значимым в двух случаях из трех. Это вновь подтверждает сделанный ранее вывод о несводимости общесистемного уровня организации метакогнитивной сферы к аддитивной совокупности входящих в нее основных подсистем. В-третьих, суммарные величины автономных дисперсий и дисперсий взаимодействия подсистем вполне сопоставимы (соответственно, 41% и 33%); данный факт указывает на то, что эффекты взаимодействия и, фактически, синтеза подсистем не просто значимы для характеристики общесистемного уровня, но и значимы практически *настолько же*, насколько значима автономная роль самих метакогнитивных подсистем. В-четвертых, очень показательно, что *наибольшая* из всех величин дисперсии характеризует не автономное влияние отдельных подсистем и даже не их попарное взаимодействие, а взаимодействие тройное. Это означает, что эффекты интеграции возрастают при увеличении числа синтезируемых подсистем. В-пятых, если сравнить долю всех автономных дисперсий с долей всех видов дисперсии взаимодействия (как попарного, так и тройного), то соотношение между ними будет представлено величинами 41% и 49%. Следовательно, не только значимая, но даже большая часть детерминации метакогнитивного потенциала определяется интегративными эффектами взаимодействия подсистем, а не их автономными влияниями.

Таким образом, весь комплекс представленных результатов доказывает основной факт: содержание метакогнитивной сферы личности, взятое в его полноте и целостности, то есть на системном уровне организации, *в принципе* несводимо – не редуцируемо к рядоположенной сумме основных метакогнитивных подсистем. Следовательно, можно считать, что эти два уровня (системный и субсистемный), хотя, конечно, тесно взаимосвязаны, но все же *качественно* различны и обладают собственной спецификой и своим собственным содержанием.

3. Далее, по отношению к результатам исследования системного уровня был реализован метод многомерного корреляционного анализа с последующей обработкой его результатов посредством анализа матриц интеркорреляций, а также построенных на их основе структурограмм (коррелограмм). В этих целях нами были привлечены результаты уже охарактеризованного в параграфе 4.1. исследования, но при условии их реинтерпретации и существенной детализации в соответствии с задачами проводимого здесь анализа. Напомним, что его проце-

дура заключалась в следующем. На первом этапе по отношению к общей выборке был реализован метод «полярных групп». Вся выборка ($n = 120$) была подразделена на группы руководителей, характеризующиеся значимыми различиями в уровне метакогнитивного потенциала, в целях определения которого использовалась методика КОМП. Подчеркнем также, что для повышения степени обоснованности такой дифференциации данные этой методики были дополнены результатами еще двух методик – «Рефлексивности деятельности» [298] и «Диагностики уровня рефлексивности» [129]. При этом в качестве базового нами использовался метод «полярных групп», который, однако, был подвергнут модификации в соответствии со спецификой решаемых задач (она также охарактеризована в параграфе 4.1.). Кроме того, для дифференциации «полярных групп» использовался *внутренний критерий*, то есть интегральный показатель степени самого метакогнитивного потенциала. Именно за счет этого обеспечивается значительно бóльшая сензитивность данного метода к обнаружению тех или иных структурных закономерностей организации метакогнитивной сферы личности.

На втором этапе рассчитывались матрицы интеркорреляций между степенью развития восьми основных метакогнитивных подсистем в каждой из «полярных групп» (напомним, что они представлены в Приложении 8); на их базе строились структурограммы значимо коррелирующих между собой подсистем, а весь последующий анализ проводился на их основе. При этом подчеркнем еще раз уже отмечавшееся положение принципиального порядка. При изучении именно метакогнитивного потенциала сравнительный анализ найденных структурограмм наиболее целесообразно проводить на основе сопоставления результатов не 1-ой и 3-ей групп (то есть групп с относительно наименьшим и наибольшим его значением), как это предписывается методом «полярных групп» в его исходном варианте. Дело в том, что по отношению к исследованию метакогнитивной сферы более конструктивным является сравнительный анализ результатов 1-ой и 2-ой групп. Это объясняется тем, что именно во 2-ой группе степень структурной организации основных метакогнитивных подсистем является, как было показано в предыдущем параграфе, максимальной. В свою очередь, это обусловлено выявленной и подробно рассмотренной там же *нелинейной* зависимостью степени структурной организации совокупности метакогнитивных подсистем от общего уровня метакогнитивного потенциала.

На третьем и последующих этапах данные структурограммы подвергались анализу, согласно существующей процедуре сравнительного исследования

матриц интеркорреляций и построенных на их основе структурограмм (напомним, что они представлены на рис. 2). В результате такого анализа можно сделать следующие основные заключения. Во-первых, сравнение матриц интеркорреляций и соответственно полученных на их основе структурограмм по критерию χ^2 показало, что они являются статистически достоверно разнородными – *гетерогенными*. Это означает, что между ними имеют место не просто количественные различия в степени и характере интеркорреляций отдельных подсистем, а различия именно *качественные*, принципиальные. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Структура метакогнитивных подсистем в группе руководителей со средней степенью выраженности рефлексивности деятельности (и, соответственно, общего метакогнитивного потенциала) – это не *та же самая* структура, что и у руководителей с их низким значением, но представленная в более развитом виде, а принципиально *другая*, качественно отличная от нее структура. Следовательно, интеграция и организация подсистем в рамках метакогнитивной сферы в целом (то есть на системном уровне) имеет *качественно различный* характер в зависимости от степени выраженности рефлексивности деятельности и общего метакогнитивного потенциала. Их изменение (повышение) обуславливает *качественные перестройки* всей структуры подсистем метакогнитивного плана. В силу этого, на системном уровне также обнаруживается тот новый факт, который уже был выявлен на субсистемном уровне – факт *качественных*, принципиальных различий в характере и содержании организации основных метакогнитивных подсистем при разных значениях выраженности общего метакогнитивного потенциала. Однако именно это и является прямым – *непосредственным* подтверждением сформулированного нами ранее предположения об относительной автономности субсистемного и системного уровней организации метакогнитивной сферы личности.

Во-вторых, эти качественные различия матриц подтверждаются и углубляются еще одним полученным фактом. Если проранжировать подсистемы по их структурным «весам» (они указаны индексом рядом с обозначением каждой подсистемы), то полученные данные можно представить в виде следующей таблицы (табл. 6). Обратим внимание на то, что речь, фактически, идет о применении к полученным результатам известного метода определения гомогенности-гетерогенности матриц по критерию χ^2 в его «экспресс-варианте» [125].

«Вес» и ранги основных подсистем в их общей структуре

Основные подсистемы	С		Н	
	«Вес»	Ранг	«Вес»	Ранг
Метакогнитивная	8	4,5	4	4
Метарегулятивная	11	2	2	7
Метакоммуникативная	2	8	9	1
Мониторинговая	8	4,5	2	7
Интеракционная	7	6	8	2
Ингибиторная	9	3	3	5
Процедуральная	13	1	2	7
Метаэмоциональная	4	7	6	3

Примечания: С – данные по группе руководителей со средним уровнем выраженности метакогнитивного потенциала; Н – данные по группе руководителей с низким уровнем выраженности метакогнитивного потенциала.

Расчеты показывают, что коэффициент корреляции между ранговыми распределениями отдельных подсистем по их суммарным «весам» в двух рассматриваемых группах (ρ) равен $(-0,72)$. Следовательно, между этими матрицами не только существуют качественные, то есть принципиальные различия по характеру – содержанию интеграции в них отдельных метакогнитивных подсистем, но имеет место тенденция к своеобразной *инверсии* полученных структур (на это указывает *отрицательный* знак полученного коэффициента корреляции). Он является значимым в статистическом отношении ($p = 0,05$) и указывает на тенденцию именно к инверсии структур, доказывая не просто их глубокие различия, но даже и своего рода противоположный характер.

В-третьих, для каждой структурограммы были определены индексы, вскрывающие различные аспекты их организации – индекс когерентности структур (ИКС), индекс дифференцированности (ИДС) и индекс организованности (ИОС). Полученные результаты представлены в табл. 7. Можно видеть, что наиболее обобщенный и в наибольшей мере свидетельствующий о степени организованности индекс (ИОС) в подгруппе среднерефлексивных руководителей почти в 2,5 раза выше, чем в группе низкорефлексивных. Следовательно, общая организованность структуры метакогнитивных подсистем в группе среднерефлексивных руководителей значимо («в разы») более выражена и, следовательно, целостна.

Структурные индексы организации метакогнитивных подсистем в группах руководителей со средним и низким уровнем выраженности метакогнитивного потенциала

Индексы	С	Н
ИКС	27	13
ИДС	5	5
ИОС	22	9

При-
– руково-
средней

мечания: С
дители со
степенью
выраженности метакогнитивного потенциала; Н – руководители с низкой степенью
выраженности метакогнитивного потенциала. ИКС – индекс когерентности структуры
подсистем; ИДС – индекс дивергентности структуры подсистем; ИОС – индекс орга-
низованности структуры подсистем.

Данный вывод подтверждается и дополнительными фактами. Так, ИКС в группе среднерефлексивных руководителей в 2 раза выше, чем в группе низкорефлексивных. Вместе с тем, значения ИДС в этих группах одинаковы (5 баллов). Следовательно, можно заключить, что более высокая организованность структуры метакогнитивных подсистем в группе руководителей с высоким уровнем выраженности метакогнитивного потенциала достигается именно за счет их большей интегрированности. Данный вывод подтверждается еще и тем, что отношение ИКС и ИДС в группе среднерефлексивных руководителей равно $27 : 5 = 5,4$, а в группе низкорефлексивных – $13 : 5 = 2,6$, то есть это соотношение интеграционных и дифференцирующих тенденций практически в 2 раза более выражено именно в группе среднерефлексивных руководителей.

В-четвертых, специальной оценке посредством этих индексов были подвергнуты матрицы интеркорреляций, полученные также на основе коррелирования *отдельных метакогнитивных предикторов*, то есть на компонентном уровне организации метакогнитивной сферы. На этой основе открывается возможность для сравнения степени организованности метакогнитивной сферы личности, имеющей место в плане организации отдельных метакогнитивных предикторов (как компонентов метакогнитивной сферы) и в плане организации ее целостных подсистем. Сравнивая значения ИОС в двух анализируемых здесь группах, мы получили величину «1,4»: это означает, что, действительно, метакогнитивная сфера личности во 2-ой группе структурирована, организована в большей степени, чем в 1-ой группе, в 1,4 раза. Сравнивая же значения ИОС в

этих группах, рассчитанные в плане структурирования, организации *целостных подсистем*, мы получили значение $22 : 9 = 2,45$. Следовательно, «преобладание организованности» метакогнитивной сферы в группе руководителей с относительно бóльшим метакогнитивным потенциалом в плане интеграции целостных подсистем, *намного более выражено*, чем аналогичное «преобладание», на уровне отдельных компонентов – метакогнитивных предикторов.

Данный результат имеет, на наш взгляд, принципиальное значение. Он *непосредственно* доказывает сформулированное ранее положение о том, что метакогнитивная сфера личности как регулятор управленческой деятельности структурирована и организована не столько из отдельных параметров как ее компонентов *непосредственно*, сколько из их относительно самостоятельных подсистем. Именно поэтому организация последних является наиболее выраженной, превосходит по представленности организацию отдельных компонентов – отдельных «составляющих» данной сферы. Системный уровень ее организации формируется на основе тех «составляющих», которые образуют ближайший к нему снизу уровень – субсистемный, а не на основе более удаленного от него компонентного уровня. Тем самым дополнительно подтверждается и гипотеза о существовании метакогнитивных подсистем, а также об их закономерном синтезе в качественно специфический уровень – субсистемный. Следовательно, реализующаяся на системном уровне организации метакогнитивной сферы интеграция – это, прежде всего, интеграция основных подсистем, а не отдельных ее компонентов. Для того чтобы подвергнуться организации в рамках метакогнитивной сферы, ее отдельные – парциальные «составляющие» должны быть обязательно сорганизованы в пределах той или иной подсистемы. Все приведенные факты как раз и свидетельствуют о том, что ближайшими «единицами» интеграции метакогнитивной сферы личности являются не отдельные «вторичные» процессы и качества, структуры и образования, а их целостные подсистемы.

Вместе с тем подчеркнем, что все эти результаты доказывают и еще одно – также принципиальное обстоятельство: содержание системного уровня организации метакогнитивной сферы – это не рядоположенная сумма основных подсистем метакогнитивного плана; данный уровень обладает собственной *качественной специфичностью*, своим *собственным* содержанием. По своей природе и генезу оно носит *организационный* характер и заключается, прежде всего, в том, что именно общесистемные детерминанты определяют, в какой мере

и как конкретно на данном уровне будут сорганизованы, скоординированы все подсистемы метакогнитивного плана. Таким образом, эти детерминанты определяют меру интегрированности, дифференцированности и общей организованности всей совокупности подсистем, что в итоге и приводит к различиям в общей степени развития метакогнитивного потенциала личности.

Далее, представляется важным сравнить степень влияния эффектов *структурной* и *аналитической* детерминации степени метакогнитивного потенциала со стороны основных метакогнитивных подсистем. Подчеркнем также, что аналогичный вопрос является одним из основных также при исследовании еще одного уровня организации метакогнитивной сферы – *компонентного*, и он будет специально рассмотрен ниже (в параграфе 4.5.). В этих целях вновь обратимся к данным, представленным на рис. 2, а также в табл. 7, несколько модифицировав способ представления (табл. 8).

Таблица 8

Данные о соотношении структурной и аналитической детерминации степени метакогнитивного потенциала

Основные подсистемы	С				Н			
	Вес	ранг	СР	р	Вес	Ранг	СР	р
Метакогнитивная	8	4,5	42	–	4	4	41	0,10
Метарегулятивная	11	2	55	0,10	2	7	28	–
Метакоммуникативная	2	8	32	0,10	9	1	57	0,10
Мониторинговая	8	4,5	40	–	2	7	40	–
Интеракционная	7	6	30	–	8	2	51	0,10
Ингибиторная	9	3	51	0,05	3	5	37	–
Процедуральная	13	1	59	0,05	2	7	31	–
Метаэмоциональная	4	7	40	–	6	3	51	0,05

Примечания: С и Н – руководители со средней и низкой степенью выраженности метакогнитивного потенциала; «вес» – структурный «вес» каждой подсистемы; ранг – ранговое место подсистем в соответствии с их «весом»; СР – степень развития основных метакогнитивных подсистем (в баллах методики КОМП); р – уровень значимости корреляционных связей подсистем с общим баллом по методике КОМП в целом

Кроме того, в целях интерпретации представленных результатов напомним, что в методологии структурно-психологического анализа существует дифференциация изучаемых компонентов на *ведущие* и *базовые*. Наиболее ши-

роко эта дифференциация применяется, как известно, по отношению к исследованию структурной организации профессионально-важных качеств личности. Так, базовыми качествами являются те, которые имеют наибольшее количество и наибольшую значимость связей со всеми иными качествами, и которые, следовательно, характеризуются наибольшим структурным «весом» в их общей системе. Ведущими качествами являются те, которые имеют значимую корреляцию с внешним критерием; им, как правило, выступает тот или иной результативный параметр деятельности.

Анализ представленных данных с позиций этих двух типов компонентов общей структурной организации позволяет выявить ряд новых по отношению к уже описанным закономерностям. Действительно, можно видеть, что базовыми для руководителей с низкой степенью развития общего метакогнитивного потенциала являются следующие подсистемы: метакоммуникативная (9 баллов), интеракционная (8 баллов) и метаэмоциональная (6 баллов). Для группы руководителей со средней степенью метакогнитивного потенциала это следующие подсистемы: процедуральная (13 баллов), метарегулятивная (11 баллов) и ингибиторная (9 баллов). Кроме того, определение базовых подсистем по отношению к группе руководителей с относительно наиболее высоким метакогнитивным потенциалом показало, что для них в качестве таковых выступают следующие подсистемы: метакогнитивная (17 баллов), метаэмоциональная (17 баллов), интеракционная (13 баллов) и метакоммуникативная (17 баллов).

Анализ этих данных позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, перечни базовых подсистем для руководителей с разной степенью развития общего уровня развития метакогнитивного потенциала практически *полностью различны*. Это еще раз свидетельствует о глубоких – качественных различиях между содержанием интеграции отдельных подсистем на системном уровне организации в зависимости от меры развития метакогнитивного потенциала в целом.

Во-вторых, эти перечни вполне *согласуются* с содержанием и смыслом того критерия, на основе которого они дифференцированы, то есть со степенью развития метакогнитивного потенциала. Данное обстоятельство является, по нашему мнению, наиболее принципиальным, в силу чего остановимся на нем несколько более подробно. Действительно, как можно видеть из результатов, представленных в таблицах 7 и 8, перечни базовых метакогнитивных подсистем не просто различны в трех группах руководителей, качественно различаю-

щихся по степени развития метакогнитивного потенциала. Дело еще и в том, что эти перечни *закономерным* образом связаны с более общими и глубинными закономерностями метакогнитивной регуляции деятельности и, более того, – обусловлены ими. Так, в группе низкорerefлексивных руководителей в качестве базовых подсистем выступают те, которые сопряжены не с главным и основным – *инструментальным контуром* организации управленческой деятельности, а со вспомогательным (хотя, конечно, также важным, но все же вторичным и подчиненным) контуром ее организации – с *экспрессивным*. Как известно, его суть заключается в ориентации, прежде всего, на межличностные отношения и контакты, на детерминанты интраиндивидуального плана, на факторы интрасубъектного характера – того, что обычно обозначается формулировкой: ориентация «на людей», а не «на дело». Напомним, что дифференциация экспрессивного и инструментального контуров управленческой деятельности как ее двух базовых «измерений» вообще является одной из наиболее важных и, по существу – фундаментальных в теории менеджмента и психологии управления. Они, к тому же, имеют не только очень общий и определяющий, но и своего рода «сквозной» характер: в частности, они рассматриваются не только в качестве базовых средств управления, но и в качестве оснований для выделения его стилевых особенностей, для дифференциации различных групп профессионально-важных качеств руководителя и пр.

Кроме того, специфика данного параметра такова, что, как это подчеркивается во многих исследованиях (например, в [32, 190, 385]), в нем прямо или косвенно проявляются многие иные – также основополагающие особенности управленческой деятельности. Так, в частности, подчеркивается (и это, кстати говоря, особо важно для рассматриваемых здесь задач), что данный параметр очень полно и емко воплощает в себе такой определяющий для управленческой деятельности атрибут, как ее иерархическая природа [190]. Он соединяет в себе две базовые группы функций руководителя. Первая – это группа операциональных, технологических функций; вторая – группа административных, собственно управленческих функций. Он соединяет в себе и два основных «измерения» управленческой деятельности («на дело» и «на людей»), отраженных, в частности, в известной концепции «входной решетки управления» Р. Блейка и Дж. Мотон [32]. Собственно говоря, именно синтез – противоречивое единство в данной деятельности этих начал, равно как и многочисленные и порой очень острые коллизии между ними во многом и определяют как организационное содержа-

ние, так и психологическую специфику управленческой деятельности в целом. Следовательно, данный параметр, являясь не просто важным, но и обусловленным именно атрибутивной природой данной деятельности.

Действительно, можно видеть, что те подсистемы, которые непосредственно сопряжены с инструментальными средствами организации деятельности (то есть подсистемы регулятивной и когнитивной направленности) не являются для этой группы базовыми, – определяющими. Другими словами, в этом результате, по-видимому, проявляется известная и очень общая закономерность, состоящая в следующем. Руководители с относительно низким инструментальным потенциалом (который, в свою очередь, может проявляться в различных аспектах) склоны и даже вынуждены компенсировать этот дефицит теми средствами, которые у них, как правило, наоборот, развиты обычно в относительно большей степени. К их числу, как правило, относятся те компоненты и аспекты рефлексивной регуляции, которые имеют межличностную, социально-направленную ориентацию. Так, в частности, одним из наиболее известных и очень общих проявлений данной закономерности является, как известно, компенсаторная функция социального интеллекта по отношению к дефицитам общего интеллекта. Понятно, однако, что первый как раз и сопряжен с социорефлексией, тогда как второй в большей степени связан с когнитивной и регулятивной рефлексией. Далее, очень показательно, что именно в группе среднерефлексивных руководителей в качестве базовых выступают те подсистемы, которые имеют не собственно *когнитивную*, а *регулятивную* направленность; это метарегулятивная, процедуральная и ингибиторная подсистемы. И наоборот, в группе высокорефлексивных руководителей в качестве базовых, то есть определяющих для содержания и результатов их деятельности, выступают те подсистемы, которые либо имеют непосредственную когнитивную ориентацию, либо базируются на преимущественно когнитивных, а не регулятивных средствах (метакогнитивная, метаэмоциональная, интеракционная и метакоммуникативная подсистемы).

Итак, действительно, в качестве базовых у среднерефлексивных руководителей выступают именно те подсистемы, которые являются наиболее конструктивными и действенными в плане обеспечения высокой эффективности деятельности (подсистемы). В качестве базовых для групп низкорефлексивных и высокорефлексивных руководителей выступили те подсистемы, которые либо в большей степени сопряжены с экспрессивным контуром организации деятель-

ности, либо относительно менее специфичны «практическому характеру» большинства деятельностных задач и режимных факторов самой управленческой деятельности. Следовательно, можно заключить, что содержание, специфика, а также общая мера развитости метакогнитивной сферы личности как регулятора деятельности непосредственно и достаточно адекватно проявляются в составе тех базовых подсистем, которые обнаруживаются в ней при разной степени выраженности метакогнитивного *потенциала*, а также того, насколько он *реально* представлен в деятельности. Более того, можно, по-видимому, считать, что именно потому, что наиболее развитыми являются те или иные подсистемы, общая степень метакогнитивной регуляции деятельности оказывается либо действенной и эффективной, либо нет. Можно заключить также, что содержание и общий смысл эмпирически установленных особенностей и закономерностей структурной организации метакогнитивной сферы не только отчетливо *проявляется* в наличии разных базовых подсистем, характерных для руководителей с различиями в этой степени, но и в определенной мере *объясняет* их.

В связи с этим появляются основания для констатации факта, который имеет, по нашему мнению, наиболее важное значение, и выступает принципиальным в плане основных закономерностей структурной организации метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Именно средний (а не минимальный и не максимальный) уровень развития метакогнитивного потенциала личности предполагает опору на преимущественно *регулятивную*, а не когнитивную рефлексю. Однако, именно она по совершенно понятным и естественным причинам наиболее релевантна задачам и условиям реальной *деятельности*. Именно она наиболее приспособлена под них и, соответственно, наиболее конструктивна в плане организации деятельности и обеспечения ее результативных параметров. И наоборот, в тех случаях и на том уровне выраженности метакогнитивного потенциала, который характеризуется относительно наибольшими значениями, на первый план выходит собственно когнитивная рефлексия и, соответственно, те подсистемы, которые являются ее конкретными проявлениями. Она, однако, носит – опять-таки по совершенно понятным и естественным причинам менее специфицированный по отношению к задачам и условиям деятельности характер. Она более «абстрактна и познавательна», чем «конкретна и преобразовательна» (то есть действенна).

Кроме того, в данной связи с очевидностью напрашивается аналогия (которая, в действительности, является бóльшим, чем просто аналогия) между

сравнительной выраженностью функциональной роли регулятивной и когнитивной рефлексии, с одной стороны, и оппозицией практического и теоретического мышления, с другой. Так, известно, что хороший руководитель – это, прежде всего, руководитель с развитым практическим мышлением. Аналогично этому и по отношению к метакогнитивной регуляции деятельности складывается в принципе та же самая ситуация. Относительно более успешными в профессиональном отношении являются те руководители, у которых в структуре метакогнитивной регуляции доминирует именно регулятивная, а не когнитивная рефлексия. У них в большей степени представлены те подсистемы, которые сопряжены с ней (а не с когнитивной рефлексией, не с социорефлексией и не с эмоциональной рефлексией). И наоборот, повышение общей рефлексивности деятельности и, соответственно, рост общего метакогнитивного потенциала, сопряжены, как правило, с повышением степени выраженности именно «когнитивно-ориентированных» подсистем. Общий уровень метакогнитивного потенциала становится в этом случае в значительно большей степени детерминированным ими. Однако именно он и приводит, как показано выше (см. также параграфы 3.3. и 4.6.), к снижению эффективности управленческой деятельности.

Следовательно, сделанный вывод, согласно которому существует зависимость «типа оптимума» между эффективностью управленческой деятельности и выраженностью метакогнитивного потенциала, может быть достаточно существенно уточнен и конкретизирован. Дело *не только* в том, что между общим уровнем метакогнитивного потенциала личности и эффективностью деятельности существует инвертированная U-образная зависимость. Не менее, а быть может и более важным является также и то, что при различной степени развития метакогнитивного потенциала он характеризуется существенно разным *содержанием*. В зависимости от его степени доминирующее положение в нем занимают качественно *различные* по характеру и направленности подсистемы – либо регулятивно-ориентированные, либо когнитивно-ориентированные. Среднерефлексивные руководители потому и являются наиболее эффективными, что у них в структуре регуляции деятельности доминирующее и определяющее место занимают те подсистемы, которые имеют подчеркнута *регулятивную*, «практическую» направленность (метарегулятивная, ингибиторная, процедуральная). Тем самым, данный результат позволяет *объяснить* предельно общую зависимость «типа оптимума», которая систематически выявляется в исследованиях управленческой деятельности и выступает одной из основных среди

всех закономерностей процессуально-психологического обеспечения деятельности руководителя.

Наряду с этим, полученные результаты дают основания и для некоторых дополнительных и также значимых заключений. Первое из них связано с той ролью, которая обнаруживается по отношению к такой – специфической во многих отношениях подсистеме, как ингибиторная подсистема. Как отмечалось в параграфе 2.2, развертывание исследований управленческой деятельности в рамках сформулированного нами в [118, 119] *структурно-феноменологического подхода* позволило установить следующий – достаточно значимый в контексте рассматриваемых здесь задач результат. С одной стороны, в метакогнитивизме к настоящему времени установлен целый ряд принципиально сходных по смыслу закономерностей и явлений. Основными из них являются, в частности, феномен «метакогнитивной петли» («metacognitive loop»), состоящий в рефлексивной блокаде когнитивных поведенческих функций [426]; контрпродуктивное влияние гиперрефлексивности на интеллектуальные функции [103]; явления рефлексивной гиперкоррекции и гиперконтроля [121]; феномен «аналитического паралича», установленный в теории принятия решения [214]. Все они в своей совокупности свидетельствует о существовании достаточно важной и очень общей закономерности, отмечавшейся выше и состоящей в следующем. Эффективность реализации подавляющего большинства когнитивных функций и решения деятельностных задач является максимальной на некотором среднем, то есть именно оптимальном уровне развития рефлексивности, а не на минимальном (что вполне естественно), но и не на максимальном уровне (что уже требует объяснения).

С другой стороны, очень важно подчеркнуть, что все они *исходно* представлены и, соответственно, обнаруживаются, прежде всего, именно «сами по себе» – в их первичном и объективно представленном виде – именно как закономерности и феномены; как то, что, собственно говоря, и входит в содержание общего предмета исследования всего метакогнитивизма. Вместе с тем, выполненные нами исследования показывают, что они могут распознаваться самим субъектом деятельности – «улавливаться» им (конечно, лишь с той или иной степенью отчетливости и на разном уровне их осознанности) [117, 125]. Они могут фиксироваться им как нечто, действительно, характерное и значимое для выполнения собственной деятельности. Такое распознавание приводит, далее, к пониманию им того факта, что, действительно, мера сознательного контроля за

выполнением деятельности, а также за решением тех или иных деятельностных задач отнюдь не всегда должна быть максимальной. Более того, субъект деятельности (что опять-таки наиболее отчетливо проявляется именно в управленческой деятельности и подробно рассмотрено в параграфе 2.3.1.) понимает и фиксирует, что «слишком высокий сознательный контроль» (то есть, фактически, высокая мера выраженности рефлексивного контроля) могут быть даже вредными, а то и губительными для деятельности. Наконец, он начинает использовать этот эмпирически найденный результат в качестве *операционного средства* осуществления самой деятельности – он прибегает к разного рода приемам, минимизирующим степень рефлексивного контроля за деятельностью и ее частными проявлениями. Возникает необходимость, а в дальнейшем на основе ее распознавания и возможность минимизации рефлексивного контроля, а для этого выработки так сказать «антирефлексивных» средств, направленных на ингибицию или даже блокаду такого контроля.

В результате всего этого формируется особая – очень специфическая подсистема, входящая в общий состав метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, обозначенная нами понятием ингибиторной подсистемы. Именно за счет нее обеспечивается средний (а не избыточный, не слишком высокий), то есть именно оптимальный уровень рефлексивного контроля, на котором реализация как всей деятельности в целом, так и ее основных задач является наиболее эффективной. При этом подчеркнем еще раз, что, безусловно, все это имеет место в реальности с очень разной степенью представленности и отчетливости.

Однако, если в ходе анализа, проведенного в параграфе 2.3.1., речь шла, в основном, о теоретических ожиданиях – о *предположениях* и *эмпирических констатациях*, вытекающих из сути данной подсистемы, то теперь – в свете представленных выше результатов обо всем этом можно говорить уже существенно иначе. Все они раскрываются как вполне обоснованные и верифицированные результатами структурно-психологического анализа *факты*, то есть как доказанные *положения*. Они показывают, что в структуре метакогнитивной регуляции тех руководителей, которые характеризуются относительно наибольшей эффективностью деятельности, ведущую и определяющую роль играет именно та подсистема, которая, на первый взгляд, противоположна по своей функциональной роли и направленности самой сути этой регуляции – ингибиторная (то есть своего рода «анти-рефлексивная») подсистема. Однако истинная сложность складывающейся ситуации состоит в том, что для ингибиции, а в

ряде случаев – и, фактически, для блокады метакогнитивного контроля необходимо не снижение уровня рефлексивной регуляции, а наоборот, его активизация, усиление. Ингибировать рефлексивную регуляцию можно только за счет «дополнительной» рефлексии, что феноменологически и субъективно проявляется в известных явлениях повышения степени осознаваемого контроля, в дополнительных произвольных усилиях и др. В любом случае, однако, именно за счет этого и достигается главный результат: предотвращается отрицательное влияние гиперрефлексивности на деятельность, которое проанализировано выше. Кроме того, по-видимому, относительно меньшая эффективность деятельности у руководителей с наибольшими значениями рефлексивной регуляции как раз и объясняется тем, что у них в качестве базовых данная подсистема *отсутствует*. Следовательно, у них не представлены те средства «антирефлексивного» контроля, которые являются очень действенными в плане обеспечения эффективности деятельности. Это проявляется и в снижении показателей эффективности самой деятельности, и в росте общей выраженности метакогнитивного потенциала. Причем, в его структуре начинают преобладать те подсистемы, которые имеют не регулятивную, а собственно когнитивную ориентацию.

Второе заключение носит еще в меньшей степени прогнозируемый априорно характер. Действительно, как можно видеть из представленных результатов, в структуре метакогнитивной регуляции среднерефлексивных (а одновременно – и наиболее эффективных) руководителей определяющее место занимает еще одна – также очень специфическая подсистема – процедуральная. Это означает, однако, что в содержании метакогнитивной сферы представлена очень специфическая ее «подсфера»: она связана уже не с операциональными механизмами и средствами метапознания (то есть не с когнитивными процессами), а с их итоговыми эффектами, с их результатами, то есть со знаниями как таковыми. Однако, это совершенно особые знания: это – «знания о знаниях», «вторичные» знания, метазнания. По отношению к ним используется, как известно, и термин «процедуральные» знания, то есть знания о том, как следует применять все другие знания (декларативные). В то же время, особо следует подчеркнуть, что точно так же, как сам феномен знаний является предельно многомерным, сложным и многоаспектным, и метазнания характеризуются выраженной гетерогенностью. Они могут носить не только, так сказать, когнитивный характер, но и быть знаниями о действиях, то есть характеризоваться регулятивной направленностью. Они могут иметь и коммуникативную направлен-

ность и «окраску». Они могут также (а по отношению к управленческой деятельности – обязательно должны) включать и знания о способах контроля за эмоциями и пр. Все это, в свою очередь, означает, что одной из важнейших особенностей всех образований, обозначаемых понятием метапознания, является еще и та, которая фиксирует их в качестве *результативных* эффектов основных классов процессов, которые входят в состав четырех уже дифференцированных подсистем (метакогнитивной, метарегулятивной, метакоммуникативной, метаэмоциональной). Поэтому все образования метапознавательного плана имеют очень важную общую черту, которая, к сожалению, обычно упускается из вида при анализе метакогнитивной проблематики. Она состоит в том, что все они являются не только и не просто результатами и следствиями тех или иных собственно процессуальных образований, но именно поэтому – и своего рода «пост-процессуальными» и, следовательно, *метапроцессуальными* образованиями. Кроме того, именно поэтому о них уже нельзя говорить как об образованиях собственно функционального, процессуального типа. Они выступают уже в качестве образований структурного, подчеркнуто *апроцессуального* плана. Они поэтому существенно более стабильны, и устойчивы, что позволяет им реализовывать важнейшую функцию (а по отношению к деятельности и функцию во многом определяющую), которая связана с формированием, накоплением и систематизацией профессиональных знаний, с *профессиональным опытом* как таковым и производным от него необходимым уровнем компетентности. Следует учитывать также, что данный феномен особо важен именно для управленческой деятельности, для эффективного руководства в целом.

Тем самым можно видеть, что так сказать «лучший вариант» метакогнитивной организации состоит в том, чтобы дополнить, а в идеале – заменить систему средств *процессуальной* организации деятельности опорой на иные средства – на средства *результативного* плана. В их качестве как раз и выступает вся совокупность тех результатов, к которым привела и в которых «кристаллизовалась» сама процессуальная регуляция – *профессиональных знаний и опыта* в целом. В этом плане можно, хотя и с определенной долей условности, сделать следующее заключение. Лучший способ метакогнитивной регуляции деятельности – это не совершенствование ее *процессов* ее, а их замена на готовые и уже апробированные результаты, то есть на те знания, к которым оно привела (и «знания об этих знаниях» – метазнания). В связи с этим, вновь следует подчеркнуть, что огромное и явно недооцененное пока значение в регуляции и реа-

лизации деятельности в целом и в процессах переработки информации в ней, в частности, имеет *репродуктивный* принцип. По отношению именно к деятельности репродуктивность – и как общепсихологический феномен, и как один из основных принципов организации деятельности играет беспрецедентно большую роль. В реальности, то есть в условиях естественной деятельности, ни переработка информации, ни организация действий, ни ее регуляция в целом практически никогда не строятся лишь на, казалось бы, очевидном и очень «привлекательном» принципе *продуктивности*. Гораздо более типичным и жизненным, а к тому же – выгодным, экономичным и надежным является более «прозаический» принцип – принцип репродуктивности. В целях переработки информации и организации деятельности в первую очередь привлекается та информация и те способы, которые *уже были* выработаны и *осознанно* применены и которые, следовательно, обрели статуса «пост-сознательных» репрезентаций. Поэтому в подавляющем большинстве случаев вполне достаточно их простой актуализации для того, чтобы они выступили в качестве регулятивной основы деятельности (или какого-либо ее фрагмента).

Вместе с тем, констатация этого не означает, конечно, что данный принцип работает так сказать «автоматически». В действительности, как известно, деятельность характеризуется свойством «повторения без повторения» (Н.А. Бернштейн [31, 32]), то есть сочетанием моментов вариативности и инвариантности. Это объективно требует адаптации уже сложившихся деятельностных «заготовок» и стереотипов, способов и знаний о них в соответствии с такого рода изменениями. Однако наиболее важно при этом подчеркнуть то, что и в данном случае субъект опирается на уже полученные им *результаты* взаимодействий с предметом деятельности. Он базируется на тех «достижениях», которые есть у него в плане построения деятельности, в плане преодоления тех или иных ее ситуаций, а в более общем плане – и переработки информации в целом. Причем, конечно, в состав их содержания «допускаются» отнюдь не все результаты, не все «следы» такого взаимодействия. В него «отфильтровывается» лишь то, что прошло верификацию практикой, то есть оказалось достаточным и эффективным в плане организации деятельности (действия) или переработки информации. Все это, однако, объективно возможно лишь в том случае, если отмеченные выше процессы базируются на средствах и механизмах собственно *метакогнитивного* плана, поскольку именно они селективируют –

«отсеивают» и фиксируют только те знания, а также и «знания о них самих», которые наиболее релевантны реализации репродуктивного принципа.

Кроме того, следует отметить, что особую роль принцип репродуктивности играет именно по отношению к управленческой деятельности в целом и к реализации главной управленческой функции – *принятия решения* (ПР), в особенности [77, 133, 144, 146, 168, 178, 196, 200, 224, 238, 250, 264, 268, 356, 365, 377, 397, 422]. Действительно, как показал психологический анализ большого числа конкретных видов управленческой деятельности, реальная картина ее организации в целом и процессов ПР (как ключевых средств преодоления неопределенности), в особенности, в них является гораздо более сложной и неоднозначной, нежели это полагается традиционно [131]. Для нее очень характерно явление, которое, на первый взгляд, не согласуется со сложившимся в теории решений традиционными представлениями о базовых особенностях организации процессов ПР, но которое при более глубоком анализе вскрывает важную закономерность их организации деятельности [133]. Оно как раз и соответствует общему смыслу развитых выше представлений относительно роли принципа репродуктивности. Данное явление состоит в том, что первым и наиболее очевидным результатом анализа деятельности выступает не использование процессов ПР в их непосредственной форме, а явление, в некотором смысле противоположное ему. Его сущность заключается в применении субъектом различных средств и приемов, направленных на то, чтобы избежать самой необходимости принятия решения. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности с достаточной высокой очевидностью наблюдается мощная и стабильная тенденция к элиминации из структуры деятельности процессов ПР, а также к их замене другими средствами организации деятельности – прежде всего, теми, которые *уже встречались* в деятельности и привели к преодолению тех или иных деятельностных ситуаций. Указанная тенденция была обозначена понятием *элиминативного* поведения [128, 133]; она в естественных условиях оказывает очень мощное влияние на динамику и результаты деятельности, а также на ее субъективные корреляты, например, напряженность.

С этих позиций несколько по-новому и более объемно раскрывается и истинная детерминационная роль процессов ПР по отношению к организации деятельности, а также к обеспечению ее результативных параметров. Обычно эту роль принято рассматривать следующим образом. Процесс ПР имеет те или иные собственные результативные параметры – он может быть либо более, ли-

бо менее успешным. Одновременно он, естественно, включен в состав деятельности как одно из необходимых и, более того, решающих операционных средств ее реализации [133]. Тем самым и его качественные характеристики непосредственно влияют, а нередко – и предопределяют общие резульативные параметры всей деятельности. Все это, разумеется, справедливо. Однако только к этому реальная роль процессов ПР не сводится. Дело в том, что, как показано выше, процессы ПР, обладая своеобразной «отрицательной валентностью», стимулируют субъекта проявлять тенденцию к их возможно более полному исключению (элиминации) из деятельности, поскольку они объективно сопряжены с известным, а часто – и немалым риском. Они не являются поэтому оптимальными средствами ее организации. Субъект, в силу сказанного, выбирает и (или) формирует такие стратегии и способы реализации деятельности (вообще – стремится к такой ее организации и к такой ее структуре), которые позволяли бы достигать именно этого – минимизировать функциональную роль в ней процессов ПР [133]. Эти процессы как бы «выдавливают» сами себя из общей организации деятельности путем выбора и (или) формирования таких стратегий ее реализации, а в конечном счете, – и такой ее структурной организации, которая минимизирует их функциональную роль в ней.

Вместе с тем, не следует, конечно, упрощать реальную ситуацию, поскольку она, в действительности – именно в плане соотношения репродуктивного и продуктивного принципов организации деятельности является еще более сложной неоднозначной. Дело в том, что в любом отдельно взятом случае, то есть при возникающей в каждый конкретный момент времени ситуации она, характеризуясь сходством или даже подобием с уже содержащимися репрезентациями профессионального опыта, все же включает и тот или иной момент «новизны», отличия от «уже бывших» ситуаций. Поэтому и репродукция реагирования на нее должна быть не механической, а *адаптивной*. Она должна строиться не по типу автоматизированных реакций (операций), а по типу осознаваемых актов, ответов на нее. Реагирование на ситуации должно базироваться не на актуализации навыков, не по типу операций (которые как раз и ассоциируются в психологии деятельности с феноменом репродуктивности), а по типу опоры на системы *знаний*, по принципу актуализации именно знаний и построения на их основе соответствующего, то есть именно *осознаваемого* способа ответа. Очень показательным, что все это весьма органично соответствует одной из наиболее общих тенденций развития самого метакогнитивизма. Дело в

том, что оно в целом как раз и дифференцируется на две главные области – исследование метакогнитивных *процессов* и изучение *метапознания*. Если первое связано с раскрытием содержания процессуальной стороны рефлексивного обеспечения поведения и деятельности то второе – с раскрытием его «знаниевых» (результативных) средств и механизмов.

Наконец, все эти результаты дают основания и для еще одного заключения. Как можно видеть из данных, представленных на рис. 2, отнюдь не все основные подсистемы метакогнитивного плана обнаруживают значимые связи друг с другом. Более того, общее число *реально* выделяемых связей заметно меньше того, которое *потенциально* может быть установлено между ними. Наряду с этим, важно подчеркнуть и то, что между некоторыми из них существуют и связи отрицательной функциональной направленности. Обычно такого рода данные принято интерпретировать в том смысле, что они свидетельствуют о *недостаточном* уровне структурной организации тех или иных систем (в данном случае – метакогнитивной сферы), о недостаточной степени их интегрированности и др. Иными словами, *отсутствие* значимых корреляций рассматривается как индикатор недостаточной интегрированности и развитости систем. Вместе с тем, как мы уже отмечали, по-видимому, такая трактовка не всегда корректна и тем более полна. Дело в том, что по отношению ко многим индивидуальным качествам – особенно достаточно сложным большую роль в их организации играет свойство *парциальности*. Однако, если оно, действительно, присуще рефлексивности (а именно это и явилось одним из основных теоретических следствий проведенного в главе 2 анализа), то это должно каким-либо образом проявиться и в эмпирических данных – в том числе и представленных выше. Именно это, однако, и имеет место, в действительности. Дело в том, что *отсутствие* значимых корреляционных связей и тем более – наличие отрицательных связей как раз и является лучшим и наиболее *непосредственным* проявлением того, что свойство парциальности, действительно, присуще и рефлексии. Если бы она была унитарным и единым по своему содержанию и структуре процессом, то все его частные проявления были бы аналогичными – характеризовались бы принципиальным *сходством* проявлений и, следовательно, наличием положительных корреляций между ними.

Вообще говоря, в этой связи, по нашему мнению, необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. По отношению к интерпретации результатов структурно-психологического анализа в целом и анализа матриц интеркоррре-

ляций, в особенности, сложилась и стала очень распространенной достаточно негативная традиция. Она состоит в фактическом игнорировании информации об *отсутствии* тех или иных корреляций: полагается, что, если их нет, то и «говорить не о чем». Это своеобразный аналог известного явления «приуменьшения значимости неслучившегося события» [239]. В действительности, однако, это совершенно неправильно: само отсутствие связи может свидетельствовать об очень многом – в частности, о том, что те или иные параметры выступают относительно самостоятельными составляющими какой-либо системы и, следовательно, выявляют по отношению к ней фундаментальное свойство парциальности. Именно это и обнаруживается по отношению к рефлексивности и метакогнитивной регуляции в целом через отсутствие многих потенциально возможных значимых корреляций между основными подсистемами метакогнитивного плана.

Далее, материалы, представленные в табл. 8, позволяют констатировать наличие еще одной закономерности: именно те подсистемы, которые являются базовыми на системном уровне организации метакогнитивной сферы, *одновременно* выступают и как *ведущие* в плане обеспечения общей меры рефлексивности деятельности и метакогнитивного потенциала в целом. Так, для группы руководителей со средним уровнем развития метакогнитивного потенциала ведущими, то есть имеющими наиболее значимые корреляции с общей рефлексивности деятельности, являются процедуральная, ингибиторная и метарегулятивная подсистемы. Для группы руководителей с относительно наиболее низким уровнем развития метакогнитивного потенциала – это метакоммуникативная, метаэмоциональная и интеракционная подсистемы (то есть именно те, которые являются базовыми для их метакогнитивной сферы). В этом плане необходимо привлечь существующие в теории данные о соотношении двух типов детерминации какого-либо внешнего или внутреннего критерия (показателя, параметра и пр.) – *аналитического* и *структурного*. Известно, что между ними могут складываться различные отношения – от синергии до известной антагонистичности. Вместе с тем, совершенно понятно и естественно, что именно синергетический характер их сочетания как раз и является наиболее выигрышным и эффективным в плане обеспечения возможно большего функционального потенциала системы. В этом случае оба эти типа *синтезируются* и взаимоусиливают друг друга, повышая тем самым их «совместный потенциал». Однако, как можно видеть из представленных результатов, именно эта закономерность

как раз и имеет место на системном уровне – уровне, предполагающем интеграцию и организацию основных метакогнитивных подсистем. Выявляется детерминация общего потенциала как со стороны автономных влияний каждой из подсистем, так и со стороны эффектов их структурной организации.

Не менее показателен и тот факт, что базовые подсистемы являются *одновременно* и наиболее сформированными в абсолютном выражении. Так, для группы руководителей со средним уровнем развития метакогнитивного потенциала такая базовая подсистема, как процедуральная, имея структурный «вес» в 13 баллов, имеет и наибольшую степень развития среди всех иных подсистем (59 балла по методике КОМП). Занимающая второе место в этой же группе метарегулятивная подсистема, имеющая структурный «вес» 11 баллов, одновременно имеет также второе место по степени ее развития (55 баллов по методике КОМП). Причем, данная закономерность имеет место в обеих сравниваемых группах, что в очередной раз подчеркивает ее общий характер.

Наконец, можно видеть, что те метакогнитивные подсистемы, которые характеризуются наибольшей степенью развитости, являются одновременно и ведущими в плане определения общей степени рефлексивности деятельности и метакогнитивного потенциала. Так, для группы руководителей со средним уровнем развития метакогнитивного потенциала это следующие подсистемы: процедуральная (соответственно 59 баллов степени развития по методике КОМП и значимость связи с общей рефлексивностью деятельности на $p = 0,05$); метарегулятивная (соответственно 55 баллов степени развития по методике КОМП и значимость связи с общей величиной метакогнитивного потенциала на $p = 0,10$); ингибиторная (соответственно 51 балл степени развития по методике КОМП и значимость связи с его величиной на $p = 0,05$).

Обобщая рассмотренные результаты, можно сделать вывод, согласно которому на системном уровне организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности имеет место «тройное соответствие»:

- 1) между статусом подсистем как базовых и как ведущих;
- 2) между статусом как базовых и степенью их развитости;
- 3) между степенью их развитости и их статусом как ведущих.

Таким образом, по отношению к метакогнитивной детерминации, как можно видеть из представленных выше данных, обнаруживается значимая и очень выраженная функциональная роль *и* аналитической, *и* суммативной, *и*

структурной детерминаций *одновременно*. Все эти три типа детерминации действуют одновременно, то есть, фактически, в *синергии* друг с другом. Тем самым складываются *объективные* условия для повышения общего функционального ресурса всей совокупности факторов метакогнитивного плана (как компонентов метакогнитивной сферы). По-видимому, очень важной гранью метакогнитивной регуляции (равно как и ее отдельных компонентов – факторов метакогнитивного плана) является то, чтобы использовать не какой-либо *один* ресурс (либо аналитический, либо агрегативный, либо структурный), а *все* их вместе. Лишь в этом случае общий функциональный ресурс становится максимальным. По отношению к основным подсистемам метакогнитивной сферы можно констатировать поэтому *феномен «тройной синергии»*, состоящей в синтезе трех сочетаний типов детерминации (аналитической и агрегативной, аналитической и структурной, агрегативной и структурной). Отметим также, что аналогичный феномен был установлен ранее и по отношению к еще одной важной категории детерминант организации деятельности – к детерминантам мотивационного плана [135]. Такая принципиальная общность позволяет, по-видимому, считать указанные синергетические отношения двух основных типов детерминации (аналитической и структурной) *общей* закономерностью организации профессиональной деятельности.

Итак, подводя итоги анализу материалов представленных в данном параграфе, целесообразно резюмировать их основной смысл, состоящий в следующем. *Различными* путями было доказано, что содержание системного уровня организации метакогнитивной сферы не является аддитивной совокупностью, то есть агрегативным объединением основных подсистем, образующих метакогнитивную сферу, поскольку на этом уровне имеют место закономерные процессы их интеграции и дифференциации, приводящие к возникновению нового содержания. Такого рода интегративные эффекты имеют место в самых различных планах. Так, они существуют и эмпирически выявляются в значимых и *закономерных взаимодействиях* между подсистемами (обнаруживаемыми методом «факторных декомпозиций»). Они же обнаруживаются методом дисперсионного анализа. Эти эффекты, причем во множественном виде, обнаруживаются и при анализе матриц интеркорреляций основных метакогнитивных подсистем. Тем самым получает свое эмпирико-экспериментальное доказательство положение, согласно которому содержание метакогнитивной сферы на системном уровне организации в принципе несводимо не только к компо-

нентному уровню (синтезирующему ее компоненты), но и к субсистемному уровню. Кроме того, можно дифференцировать два основных аспекта, два этапа интеграции метакогнитивной сферы как системы из ее отдельных компонентов (основных факторов метакогнитивного плана). Первый – это их интеграция в отдельные подсистемы, которые обладают собственной качественной специфичностью и определенностью. Второй – это интеграция самих подсистем на системном уровне, который, как показано в данном параграфе, также имеет свою качественную специфичность и определенность и не сводится к простому объединению всех основных подсистем метакогнитивного плана.

Наряду с этим, средствами эмпирического и экспериментального характера установлено, что данному уровню присуща система собственных специфических закономерностей. Это, прежде всего, качественная, то есть различная именно в структурном плане организация основных подсистем в пределах системного уровня в зависимости от степени выраженности метакогнитивного потенциала. Следует специально акцентировать внимание и на том, что у руководителей со значимо различным метакогнитивным потенциалом *состав* подсистем *тождественен*; однако то, *как именно* эти подсистемы *организованы*, структурированы, интегрированы в указанных группах и какая в итоге складывается их системная организация, существенно различно. Следовательно, изменения общего уровня метакогнитивного потенциала определяются именно системными эффектами, возникающими вследствие интеграции подсистем в рамках всей метакогнитивной сферы. Они, как и любые иные эффекты собственно интегративного плана, порождают присущие интеграции как таковой *новое* содержание, новые качественные особенности и характеристики, которые в принципе отсутствуют у самих интегрируемых частей (в данном случае – у совокупности основных метакогнитивных подсистем). Однако именно это и является основным – объективным доказательством *качественной специфичности* общесистемного уровня ее организации, а также недопустимости его редукции к содержанию субсистемного уровня. В связи с этим, можно заключить также, что наиболее *общим* итогом всех проведенных и описанных в данном параграфе результатов является доказательство самостоятельности статуса системного уровня организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности, а также выявление его основных психологических характеристик, особенностей и закономерностей.

Наконец, следует констатировать, что все представленные материалы позволяют предложить конкретное по содержанию, но общее по смыслу решение не только первой группы сформулированных в начале данного параграфа задач – собственно *верификационных*, но и задач второй группы – собственно *объяснительного* и *поискового* плана. Первые связаны с тем, каким образом новые данные о закономерностях организации метакогнитивной сферы личности могут содействовать лучшему и более полному пониманию и объяснению – *интерпретации* уже установленных закономерностей и полученных результатов. Вторые связаны с тем, каким образом они могут содействовать развитию – расширению и углублению существующих представлений в целом и выявлению *новых* особенностей и закономерностей состава и содержания, структуры и организации метакогнитивной сферы личности в целом.

Действительно, полученные результаты позволяют дать новую и более детализированную интерпретацию целого ряда явлений и закономерностей, которые уже установлены в настоящее время. Ключевым в этом отношении является доказательство определяющей роли в них тех эффектов и механизмов собственно *структурного* типа, которые имеют место в плане организации основных подсистем метакогнитивного плана. Именно эти эффекты, средства и механизмы структурирования основных подсистем, то есть само *содержание* этой организации, а не только ее *степень* (которая и проявляется, в общей мере метакогнитивного потенциала, а соответственно, и изучается посредством нее) как раз и лежат в основе установленных закономерностей. Следовательно, они в значительной степени и *объясняют* их. Кроме того, с позиций полученных результатов предложено и новое, более полное объяснение феномена парциальности метакогнитивной сферы в целом и ее основных подсистем, в частности. Наряду с этим, полученные результаты привели и к выявлению новых явлений и закономерностей – в частности, феномена «тройной синергии», дифференциации функциональной роли в обеспечении результативных параметров управленческой деятельности двух типов рефлексивности – когнитивной и регулятивной и др.

Наконец, сформулированные теоретические представления о системном уровне организации метакогнитивной сферы личности как регуляторе управленческой деятельности, равно как и полученные на их основе конкретные эмпирические данные, содействуют решению еще одной группы задач – собственно прогностических, поисковых. Дело в том, что они, фактически, верифи-

цируют наиболее общее предположение, положенное в основу исследования – предположение не только о наличии собственной качественной определенности у общесистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности, но и о его принципиальной нередуцируемости к иным уровням ее организации. Вместе с тем, известно, что именно задачи прогностического типа, точнее их постановка и решение с позиций тех или иных вновь разрабатываемых представлений является наиболее важным и наиболее надежным индикатором конструктивности самих этих представлений, равно как и их обоснованности.

3.4. Метасистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

При рассмотрении данного уровня необходимо сделать ряд предварительных замечаний, способствующих более четкой формулировке тех проблем, которые являются основными при его изучении. Во-первых, основные задачи исследования каждого из уровней метакогнитивной сферы являются принципиально различными и определяются их психологической спецификой. Своя специфика имеется и по отношению к исследовательским задачам, связанным с изучением метасистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности.

Во-вторых, необходимо, конечно, учитывать, что именно данный уровень является наиболее специфичным общему методологическому подходу, положенному в основу всего нашего исследования и проанализированному в главе 2 – метасистемному. Следовательно, его рассмотрение, наряду с тем, что оно характеризуется вполне самостоятельной значимостью в плане раскрытия новых особенностей и закономерностей организации метакогнитивной сферы, имеет еще более общее и принципиальное значение. Оно связано с тем, что анализ именно данного уровня выступает наиболее репрезентативным для выявления тех возможностей, которые открывает сам методологический поход, положенный в основу всего этого исследований, равно как и в плане верификации его правомерности и конструктивности в целом.

В-третьих, необходимо отметить, что при исследовании именно этого уровня существуют очень большие трудности собственно эмпирического и экспериментального изучения. Основная причина заключается в том, что он исследован в настоящее время значительно слабее, чем все другие уровни. Можно

сказать, что в данной работе он, по существу, впервые становится предметом специального рассмотрения. Это не может не влиять на те возможности, которые *объективно* существуют в плане его конкретного исследования, в значительной степени затрудняя его. Кроме того, он объективно наиболее сложен и, соответственно, требует аналогичного, то есть повышенного внимания к нему. Следовательно, получение развернутых материалов относительно его специфики, содержания и закономерностей также сопряжено с большими трудностями, чем это имеет место при изучении иных уровней. Наконец, сегодня практически полностью отсутствуют не только конкретные методы его изучения, но даже и сколько-нибудь оформленные подходы к их разработке. Однако, несмотря на все принципиальные трудности, его все же необходимо начинать исследовать, поскольку без этого достаточно полная характеристика метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности не может быть осуществлена. Следует учитывать и то, что именно данный уровень является *высшим* уровнем всей иерархии уровней метакогнитивной сферы и в известной степени поэтому именно он наиболее важен для метакогнитивной регуляции деятельности и ее понимания.

Исходным и во многом определяющим шагом его изучения должно быть решение вопроса о выборе того аспекта анализа, который является объективно главным и, что также очень важно, обусловленным спецификой самого этого уровня. При решении данного вопроса необходимо учитывать следующее важнейшее в методологическом отношении положение: объективно главным аспектом того или иного гипотетически предполагаемого уровня, включенного в какую-либо иерархию, является аспект, связанный с выявлением и объяснением его *качественной* специфичности по отношению ко всем другим уровням. Поэтому главным является поиск качественных *различий* между уровнями той или иной системы, поскольку лишь при их обнаружении о самих уровнях можно говорить именно как о таковых. Вместе с тем, как мы отмечали в главе 2, эти, безусловно, правильные в общем виде положения в ряде случаев могут быть *необходимыми*, но еще *недостаточными* для адекватного, полного и корректного раскрытия некоторых предельно сложных системных образований. К последним относится и тот специфический класс систем, который обозначается как системы со встроенным метасистемным уровнем и к которым, как было подробно обосновано в главе 2, относится и метакогнитивная сфера личности.

Эта специфика заключается в следующем: та метасистема, в которую реально, *онтологически* включена какая-либо система (например, метакогнитивная сфера личности) и которая является первичной по отношению к ней, вместе с тем может быть *функционально* представлена в содержании самой этой системы, выступая как ее уровень. Отсюда вытекают три важных следствия, которые и определяют специфику исследования данного уровня. Первое: чем полнее будет такая представленность метасистемы в системе, тем эффективнее будет и сама система, тем бóльшим потенциалом и более богатым содержанием она будет обладать. Второе: на метасистемном уровне могут использоваться средства, процессы, механизмы и пр., которые реализуются на системном уровне. Отсюда с необходимостью следует, что метасистемный и системный уровни должны иметь принципиальное *сходство* содержания и принципов организации. Третье: система может входить в состав не одной, а нескольких метасистем, а те, в свою очередь, также могут быть одновременно представлены в ее содержании и составе. Данное положение с высокой степенью очевидности проявляется и по отношению к метакогнитивной сфере личности. Она является такой системой, которая объективно – онтологически включена одновременно в две метасистемы (психику и деятельность), которые, в свою очередь, функционально сами «встраиваются» в нее.

В свою очередь, это означает, что отношения между системным и метасистемным уровнем являются кардинально *иными*, чем отношения между всеми другими уровнями [127]. Так, традиционно считается (и это справедливо для всех уровней, кроме метасистемного), что отдельные уровни потому и являются принципиально различными структурными образованиями, что их качественная определенность значимо *различна*. Однако сама суть метасистемного уровня состоит в том, что на нем реализуются все те средства и механизмы, которые заложены в самой системе и составляют в своей совокупности ее качественную определенность. Следовательно, метасистемный уровень по отношению к системному одновременно *и* отличается качественной специфичностью, *и* не обладает ею. Он неспецифичен по отношению к системному уровню в аспекте тех *средств* – механизмов, процессов и др., которые используются на нем. Но он, в то же время, и очень специфичен, так как на нем кардинально меняется *предмет*, на который направлены все его операционные средства.

Таким образом, системный и метасистемный уровни должны обнаруживать не качественные различия в плане своих операционных и иных средств, а,

наоборот, их *принципиальное сходство*. И лишь при этом условии они могут быть поняты как основные и притом именно *различные* уровни в рамках единой иерархии. Очень показательным, что классической и наиболее явной иллюстрацией этого является уже самые первые из дифференцированных в метакогнитивизме процессы – метапамять и метамышление. Действительно, операционные средства мышления, будучи направлены на те или иные объекты внешней среды, образуют сущность его качественной определенности – содержание самого процесса мышления, его операционный состав. Однако они могут быть направлены и на качественно иной *предмет* – не на внешнюю, а на «внутреннюю» среду, в частности на него же самого. В этом случае и порождается процесс метамышления, имеющий принципиально аналогичный *операционный состав*, но столь же принципиально иной *предмет* – так сказать его «материал», то, на что она направлен. Поэтому объективно главным выступает верификация гипотезы о *принципиальном сходстве* структурно-функциональной организации и основных особенностей метасистемного и системного уровней организации метакогнитивной сферы. Если их принципиальное сходство будет установлено, то появятся необходимые и достаточные основания для того, чтобы считать верифицированным *самостоятельность уровневого статуса* первого из них – метасистемного. Исходя из сформулированных положений методологического плана, мы предприняли исследование некоторых основных закономерностей организации метасистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности. Полученные в нем данные могут быть объединены в несколько основных групп.

1. Первый цикл исследований базировался на следующем основном положении, которое является непосредственной конкретизацией общего подхода, положенного в основу данной работы. Если, действительно, содержанием метасистемного уровня выступают важнейшие особенности структурно-функциональной организации базовых «составляющих» психики – когнитивных и регулятивных процессов (а также их структура), равно как и иных, также важнейших ее «составляющих», то должно иметь место *подобие* их организации и организации самой метакогнитивной сферы. Иначе говоря, *структурные* и другие закономерности организации метакогнитивной сферы личности, согласно данному предположению, должны быть подобны аналогичным, то есть структурным закономерностям организации основных «составляющих» самой психики. Ее отдельные «составляющие» (повторяем, когнитивные и регулятивные

процессы, равно как и процессы иных классов – эмоциональные и мотивационные, а также индивидуальные качества личности), а также их структура, встраиваясь в метакогнитивную сферу, должны соответствующим образом проявляться в особенностях и закономерностях организации самой этой сферы. Это должно столь же закономерным образом выражаться не только в подобии, но и, фактически, в *изоморфизме* особенностей их структурной организации. При этом, мы разумеется, отдаем полный отчет в том, что данное предположение носит очень общий характер. В силу этого – именно в его общем виде оно, конечно, не может (и не должно) рассматриваться в качестве задачи данного исследования. В нем речь может идти лишь о том, чтобы попытаться верифицировать его на материале тех или иных – частных и парциальных, но репрезентативных проявлений как структурной организации некоторых основных «составляющих» психики, так и самой метакогнитивной сферы. Особо следует подчеркнуть, что при этом необходимо избрать в качестве предмета исследования такие их парциальные проявления, которые были бы наиболее важны как для первой, так и для второй из них, а потому – являлись бы *репрезентативными* по отношению к их содержанию в целом.

Действительно, как показал анализ, проведенный в главе 2, есть все основания считать, что не только традиционно изучающиеся процессы когнитивного плана, но и все иные основные «составляющие» психики (то есть все основные классы «первичных» процессов – регулятивные, эмоциональные, мотивационные, а также основные индивидуальные качества субъекта) могут выступать онтологической базой для «вторичных» образований. Они и составляют содержание самой метакогнитивной сферы. Остановимся на этом несколько подробнее. С одной стороны, все «первичные» процессы и качества, согласно общепринятой точке зрения, образуют *основные «единицы»* самой психики, то есть в известной мере выступают основными «носителями» содержания той метасистемы (психики), в которую включена метакогнитивная система. С другой стороны, согласно развитым нами представлениям, они же, но в их «вторичном» статусе, являются и «составляющими» самой метакогнитивной сферы. «Первичные» процессы и качества функционально включаются – «встраиваются» в нее и образуют тем самым метасистемный уровень ее организации. В силу этого, согласно данной трактовке каждое из них или, по крайней мере, подавляющее их большинство может выступать и в своем «первичном», и в своем

«вторичном» статусе. Выступая в последнем, они и составляют один из уровней общего содержания метакогнитивной сферы личности – метасистемный.

Наряду с этим, необходимо обязательно учитывать и еще одно очень важное положение, которое исходно явилось результатом теоретического анализа, а затем было многократно верифицировано в исследованиях эмпирико-экспериментального плана. Оно состоит в том, что существуют очень большие различия в *индивидуальной* мере развития – в степени представленности (сформированности) самой метакогнитивной сферы личности. Эти различия могут быть выявлены, например, через понятия индивидуальной меры развития рефлексивности личности, а также степени выраженности ее метакогнитивного потенциала в целом. «Вторичные» процессы и качества формируются не по принципу «все или ничего» (то есть их либо нет, либо они есть), а принципиально *континуально* и, следовательно, могут быть представлены с существенно разной степенью выраженности. Однако именно это и означает, что в основе всех индивидуальных различий, по-видимому, лежит то, насколько «первичные» процессы и качества подверглись трансформации и преобразовались также и во «вторичные» процессы и качества. Другими словами, индивидуальная мера выраженности самого метакогнитивного потенциала является производной от степени такого функционального включения. Она производна от того, насколько образования метасистемного уровня (то есть психики в целом) трансформировались в образования системного уровня (то есть метакогнитивной сферы). Если это, действительно, так, то изменения общего уровня метакогнитивного потенциала должны не только сопровождаться значимыми и закономерными изменениями на данном уровне, но и быть *следствием* этих изменений. Подчеркнем, что, говоря «об общем развитии» метакогнитивного потенциала, мы, как можно видеть из уже обсужденных результатов, имеем в виду очень большой диапазон этих изменений – от минимального до максимального.

Таким образом, на основе сказанного можно сформулировать предположение, допускающее прямую верификацию в ходе эмпирических исследований метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности. Если, действительно, основные «первичные» процессы и качества функционально включаются – встраиваются в содержание метакогнитивной сферы и образуют ее достаточно значимую часть, то их *структура*, их организация, должна быть закономерным образом связана с различиями в степени развития метакогнитивного по-

тенциала. Кроме того, при изменении степени метакогнитивного потенциала динамика структурной организации «первичных» процессов и качеств, с одной стороны, и «вторичных» процессов и качеств, с другой, должна быть не просто сходной, но и *изоморфной* в своих принципиальных чертах. Мы вполне отдаем отчет в высокой степени обобщенности такой формулировки и в невозможности *полной* верификации сделанного предположения. Вместе с тем *определенные* данные относительно него могут быть получены. Для этого, на наш взгляд, необходимо учитывать следующее положение, которое также было сформулировано и реализовано в охарактеризованных выше исследованиях.

Оно состоит в том, что по отношению к исследованию особенностей и закономерностей любых аспектов организации метакогнитивной сферы личности целесообразно реализовывать метод «полярных групп», взятый, однако, в его достаточно существенной модификации. Во-первых, как мы уже отмечали, не совсем оправданным является исключение «средней» группы. Дело в том, что именно ее анализ нередко является наиболее продуктивным в решении тех или иных вопросов, причины чего были рассмотрены выше. Во-вторых, разрешающая способность этого метода также повышается за счет выделения не трех, а большего числа экспериментальных групп. В-третьих, в исследовании целесообразно применять и прием так называемого «растягивания выборки», который также был охарактеризован выше. При этом следует особо подчеркнуть, что, как показано в параграфе 3.2., дифференцируемые таким образом подгруппы характеризуются не только различиями в количественных значениях выраженности метакогнитивного потенциала, но и *качественными* различиями тех структур процессов и образований, которые его составляют. Об этом свидетельствует качественная гетерогенность данных структур по критерию χ^2 .

Следовательно, сочетание приема «растягивания» выборки с качественными различиями в структурной организации метакогнитивного потенциала в этих подгруппах позволяет говорить о наличии именно *качественных*, то есть достаточно глубоких различиях метакогнитивного потенциала в них. Другими словами, эти различия носят *структурный*, то есть принципиальный характер. Отсюда, однако, вытекает возможность формулировки ключевого – критически значимого в плане основной исследовательской задачи предположения, которое, вместе с тем, уже допускает необходимую степень операционализации и, следовательно, возможность эмпирической проверки. Оно состоит в том, что, если *такого же* рода, то есть именно структурные перестройки и трансформации

будут иметь место и в плане организации «первичных» процессов и качеств, то справедливо и общее предположение о существовании самого метасистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности, а также о специфике его содержания, которая охарактеризована выше. Она как раз и состоит в том, что данный уровень является продуктом функционального включения – «встраивания» метасистемы в систему (в данном случае – в метакогнитивную сферу). Кроме того, согласно данному предположению, должен выявляться и изоморфизм этих перестроек на двух рассматриваемых уровнях.

Наряду с этим, при планировании и проведении исследования необходимо учитывать и некоторые дополнительные обстоятельства. На первый взгляд, представляется, что в целях решения его наиболее общей задачи вполне достаточно сравнить две структуры исследуемых параметров. Одна – это структура, образованная «вторичными», то есть метакогнитивными процессами и качествами. Другая – это структура, образованная «первичными» параметрами, характеризующими индивидуальную меру выраженности ряда основных, традиционно дифференцируемых компонентов психических процессов и свойств. Именно их и следует, казалось бы, сопоставить по уже не раз использовавшемуся выше и очень традиционному для такого рода задач критерию на предмет их гомогенности-гетерогенности, а также по системе индексов, позволяющих определить степень их организованности, интегрированности, структурированности. Вместе с тем, такое «прямое» и непосредственное сопоставление является некорректным и даже фактически неправильным, поскольку те компоненты – те «составляющие», из которых образованы сравниваемые структуры, являются в этих двух случаях принципиально, *качественно* разными сущностями. Следовательно, по отношению к ним невозможно применять метод прямого сопоставления особенностей и степени их структурной организации; качественно разные сущности и их организацию нельзя сравнивать посредством количественного метода.

В связи с этим, возможна, правда, аргументация несколько иного плана. Поскольку существует достаточно выраженная производность целого ряда «вторичных» параметров от «первичных», то можно было бы взять только те «первичные» и «вторичные» параметры, для которых она имеет место, и проводить исследование на их основе. Так, например, метамышление (как «вторичный» параметр) производно и в этом смысле генетически и функционально преемственно по отношению к мышлению (как «вторичному»); метапамять ана-

логичным образом производна по отношению к памяти. Однако таких – прямо соответствующих друг другу процессов и иных параметров очень мало; поэтому проводить сравнительный анализ только на их основе не вполне корректно (или даже – некорректно в существенной степени).

Кроме того, многие из «вторичных», то есть собственно метакогнитивных параметров являются, как показано выше, принципиально гетерогенными в отношении синтеза в них «первичных» параметров. Так, в частности, наряду с метакогнитивными *авто*процессами, существуют и *гетеро*процессы. Сущность последних состоит в том, что операционные средства каких-либо *одних* когнитивных процессов реализуются в отношении *других* когнитивных процессов. Классической и наиболее известной иллюстрацией такого рода операционно-процессуальных образований является, как известно, *мнемотехника* как таковая, состоящая в реализации средств одного «первичного» когнитивного процесса – мышления по отношению к организации другого и также «первичного» когнитивного процесса – памяти. Другими словами, в целом – в *общем* случае между «первичными» и «вторичными» параметрами отсутствуют отношения прямого *структурного* подобия. Это означает, что общность принципов и закономерностей самой их структурной организации (если она, действительно, существует) состоит не в плане сходства их структур *самих по себе*. Она появляется в плане того, каким образом будут представлены перестройки, то есть *трансформации* этих структур в зависимости от меры сформированности самой метакогнитивной сферы личности, от величины ее общего метакогнитивного потенциала.

В целях верификации данного предположения было проведено специальное исследование, организованное следующим образом. Вначале по отношению к выборке ($n = 80$) была осуществлена диагностика метакогнитивного потенциала посредством методики КОМП. Затем по отношению к ней была реализована охарактеризованная выше модифицированная нами методика «полярных групп». Напомним, что одним из важных аспектов такой модификации являлась дополнительная дифференциация средней группы на две подгруппы. Первая из них включает лиц, имеющих значения дифференцирующего критерия (в данном случае – метакогнитивного потенциала), которые обозначаются понятием «ниже среднего». Вторая подгруппа образована лицами, имеющими значения дифференцирующего критерия, обозначаемые понятием «выше средне-

го». Тем самым, значительно возрастает чувствительность – дифференцирующая способность метода «полярных групп».

После этого в каждой из образованных подгрупп испытуемых была проведена диагностика двух комплексов показателей. Вначале была диагностирована индивидуальная мера выраженности ряда основных «вторичных» процессов и качеств. Ими выступили следующие «составляющие»:

1. Методика «Метакогнитивной включенности в деятельность» (Metacognitive Awareness Inventory – MAI) (по [121]).

2. Методика диагностики рефлексивности, включающая субшкалы определения ауто-, социорефлексии и интегральную оценку развития рефлексивности [129].

3. Методика «Самооценки метакогнитивного поведения» Д. ЛаКоста (по [121]).

4. Разработанные нами методика диагностики уровня развития метамышления [125], а также методика диагностики уровня развития метапамяти [130].

5. Методика Д. Эверсон на диагностику метакогнитивного мониторинга в части двух ее субшкал – «планирование действий» и «самопроверка» (в обозначениях шкал сохранена авторская терминология) (по [121]).

6. Методика КМАИ З. Тобиаса для диагностики меры сформированности знаний о мониторинге – ЗМ (по [130]).

Первичные данные по этим методикам представлены в Приложении 11.

Далее, аналогичная процедура была реализована по отношению к определению индивидуальной меры выраженности основных «первичных» процессов и качеств. Ими выступили следующие «составляющие» когнитивной сферы.

1. Субтест «логический отбор (LS)», для исследования *индуктивных* компонентов мышления (здесь и далее – субтесты из методики ТУС Р. Амтхауэра [269]).

2. Субтест «определение общих черт (GE)», направленный на исследование способности к *абстрагированию* и оперированию вербальными понятиями.

3. Субтест «анalogии (AN)», направленный, в основном, на исследование комбинаторных способностей и операций по *анalogии*.

4. Субтест «определение общего (OO)», направленный, в основном, на оценку операций *абстрагирования* и *обобщения*.

5. Субтест «определение закономерностей (ОЗ)», направленный, как известно, в основном на наиболее известные мыслительные операции – *анализ и синтез*.

6. Субтест «геометрическое сложение (ГС)», направленный, в основном, на исследование способности к оперированию двухмерными образами, *пространственному воображению*.

7. Субтест «запоминание (З)». Состоит из заданий, направленных на диагностику уровня развития вербальной *кратковременной памяти*, способности сосредоточить внимание и сохранить в памяти усвоенное.

8. Опосредствованное *запоминание (ОЗ)* – по методике, разработанной в [120].

9. Кроме того, использовались четыре методики, направленные на диагностику основных параметров *мнемических, имажинативных, attentionных и перцептивных* процессов; их характеристика представлена, например, в [91].

Первичные данные по этим методикам представлены в Приложении 11.

Далее, выборка была дифференцирована на четыре группы, которые, как отмечалось выше, характеризуются достаточно большими, то есть именно качественными различиями в общем уровне выраженности метакогнитивного потенциала (поскольку они обнаруживают статистически достоверную гетерогенность по критерию χ^2). После этого по отношению к двум массивами данных психодиагностического обследования была применена охарактеризованная выше процедура структурно-психологического анализа. Она включала определение матриц интеркорреляций между всеми «первичными» параметрами, с одной стороны, и между всеми «вторичными» параметрами, с другой (см. Приложения 12, 13). Далее, на их основе строились структурограммы значимо коррелирующих параметров, которые и подвергались обработке по стандартной для этих случаев процедуре – прежде всего, по системе описанных выше структурных индексов. Иными словами, было определено, каким образом представлена структурная организация метакогнитивной сферы личности в зависимости от ее собственного уровня развития. Сам же этот уровень, в свою очередь, выражался через ее объективно главный – собственно результативный индикатор, то есть через величину метакогнитивного потенциала. Для первой и третьей групп (то есть для групп, соответственно, с низким значением метакогнитивного потенциала и с его значением «выше среднего») эти структурограммы представлены на рис. 6.

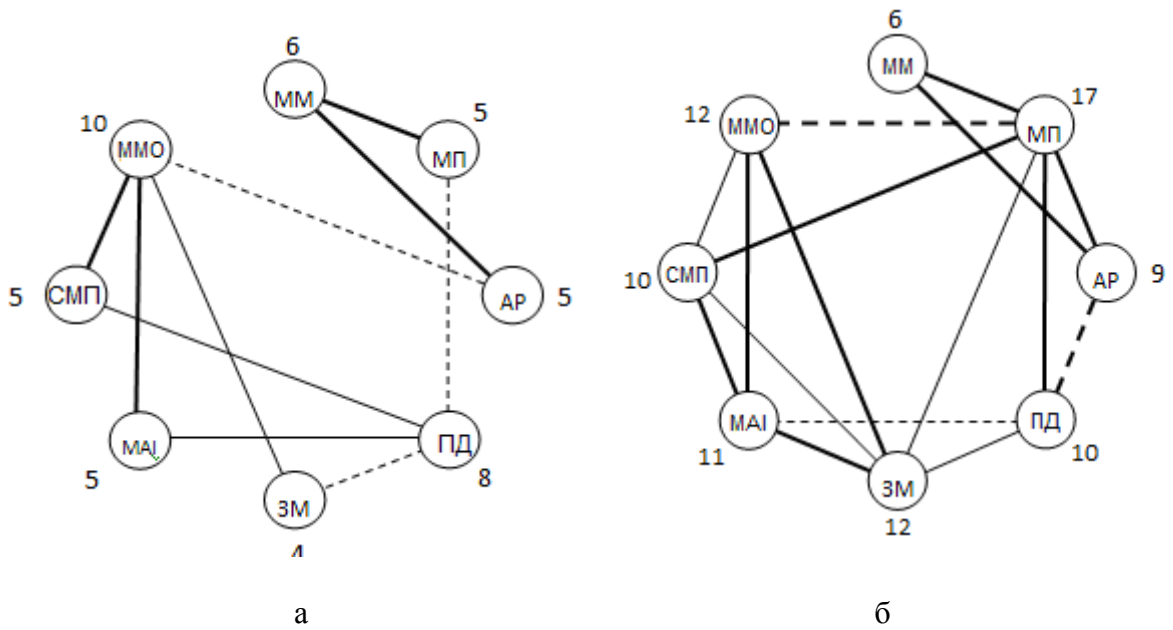

Рис. 6. Структурограмма метакогнитивных параметров для группы с низким (а) и высоким (б) метакогнитивным потенциалом. *Обозначения:* ММ – метамышление, МП – метапамять, АР – ауторефлексия, ПД – шкала «планирование действий» из методики Д. Эверсон, ЗМ – знание мониторинга, МАИ – данные по методике МАИ, СМП – методика «Самооценка метакогнитивного поведения», ММО – интегральная оценка метакогнитивного мониторинга; рядом с обозначением параметров указаны их структурные «веса»; жирная линии – связи, значимые на $p = 0,01$; полужирная линия – связи значимые на $p = 0,05$; сплошные линии – положительные связи; пунктирные линии – отрицательные связи.

Анализ всей совокупности полученных результатов позволяет сделать следующие основные заключения. Во-первых, найденные матрицы интеркорреляций и соответствующие им структурограммы параметров метакогнитивной сферы оказались достоверно различными, то есть статистически разнородными по критерию χ^2 (на $p = 0,05$). Это означает, что они являются *качественно гетерогенными*. Следовательно, значимые *количественные* изменения степени метакогнитивного потенциала обуславливают собой *качественные* перестройки всей структуры основных метакогнитивных параметров. Не исключено, правда, и своего рода «обратное» заключение: именно структурные перестройки как раз и лежат в основе изменения (повышения) количественных значений самого метакогнитивного потенциала. Другими словами, возможно, изменение величины метакогнитивного потенциала не просто сопровождается трансформациями всей структуры параметров метакогнитивной сферы, а *детерминируется* этими изменениями. Данное предположение станет предметом рассмотрения в ходе дальнейшего анализа.

Во-вторых, реализация по отношению к полученным данным метода определения обобщенных индексов их структурной организации позволила получить результаты, представленные в табл. 9.

Таблица 9.

Индексы структурной организации метакогнитивных параметров для групп с разной степенью выраженности метакогнитивного потенциала

Индексы	Н	НС	ВС	В
ИКС	18	26	35	33
ИДС	6	6	8	16
ИОС	12	20	27	17

Примечания: ИКС – индекс когерентности структуры; ИДС – индекс дивергентности структуры; ИОС – индекс организованности структуры; Н – руководители с низким значением метакогнитивного потенциала; НС и ВС – соответственно, руководители со значением метакогнитивного потенциала ниже и выше среднего; В – руководители с высоким значением метакогнитивного потенциала

Они также являются достаточно показательными в плане анализируемой проблемы, а главными из них являются два следующих результата. Первый: динамика наиболее обобщенного и потому наиболее важного индекса (ИОС) в зависимости от изменения общей величины метакогнитивного потенциала имеет достаточно сложный – нелинейный характер. Максимальные значения ИОС обнаруживаются не на минимальном, но и не на максимальном значении данного потенциала, а на том его значении, которое присуще третьей группе. В нее входят лица, имеющие, хотя и достаточно выраженную степень метакогнитивного потенциала, но не «наиболее высокую». Это свидетельствует о наибольшей организованности и соответственно – структурированности, а также о большем функциональном потенциале всей метакогнитивной сферы именно в этой группе.

Второй: общая динамика ИОС обусловлена как изменениями значений ИКС, так и значений ИДС; причем, диапазон их изменений является вполне сопоставимыми. Для ИКС – это вариации от 18 до 35 баллов, то есть в 1,9 раза; для ИДС – это вариации от 6 до 16 баллов, то есть в 2,6 раза. Следовательно, изменения степени общей структурной организации метакогнитивной сферы личности являются следствиями синхронных, «параллельных» трансформаций как интегрирующего, так и дифференцирующего плана, то есть различиями в

степени выраженности как собственно интегративных, так и дифференциальных средств и механизмов. Вместе с тем, если на интервале метакогнитивного потенциала от «низкого» до уровня «выше среднего» доминируют интегративные тенденции, то на интервале от «выше среднего» до «низкого» явно преобладающей становится дифференцирующая тенденция. Кроме того, *диапазон различий* ИКС и ИОС в зависимости от меры выраженности метакогнитивного потенциала *весьма* велик. Для ИКС, как отмечалось, он выражается «в размах» – $35 : 18 = 1,9$ раза и составляет величину $(35 - 18) = 17$ балла. Для ИДС, согласно тем же подсчетам, аналогичный диапазон составляет величину $(16 - 6) = 10$ баллов, а различия между максимальным и минимальным его значениями также измеряются «в размах» – $16 : 6 = 2,6$ раза. Для ИОС этот диапазон составляет от 27 до 12 баллов также изменяется «в размах» – $27 : 12 = 2,25$ раза. При этом обратим внимание, что в относительном выражении все эти диапазоны вполне сопоставимы по величине. Такие явные различия количественных значений структурных индексов позволяют заключить, что общие структуры метакогнитивных параметров имеют не частные и количественные, а именно качественные, глубокие и принципиальные отличия.

Итак, можно сделать главный вывод, согласно которому значительные различия в степени выраженности метакогнитивного потенциала имеют, прежде всего, *структурную обусловленность*; в них проявляются структурные перестройки общей организации основных параметров метакогнитивной сферы. Сами же структуры, обнаруженные при различных значениях метакогнитивного потенциала, являются *качественно гетерогенными*. Это означает, в свою очередь, что входящие в состав метакогнитивной сферы личности ее основные параметры по-разному организуются и образуют качественно различные структуры. От того, какая структура имеет место, в значительной степени зависит и общая степень метакогнитивного потенциала; причем, по-видимому, не только зависит, но и непосредственно детерминируется ею.

Далее, аналогичная в принципе процедура обработки результатов была осуществлена и по отношению ко всей совокупности «первичных» параметров. Другими словами, анализу были подвергнуты *структуры* «первичных» параметров, характерные для *тех же самых* четырех дифференцированных групп испытуемых – с низкой степенью выраженности метакогнитивного потенциала, со степенью «ниже среднего», «выше среднего» и с высокой степенью. В связи

с этим, необходимо акцентировать внимание на следующем – наиболее принципиальном обстоятельстве. В результате определения структур «вторичных» параметров были выявлены закономерности, которые имеют место на собственно *системном* уровне организации метакогнитивной сферы. Дело в том, что сами эти структуры как раз и определялись на основе тех параметров, которые непосредственно входят в ее собственное содержание. Вместе с тем, в результате определения структур «первичных» параметров выявляются те особенности и закономерности, которые имеют место уже на ином – *метасистемном* уровне организации метакогнитивной сферы (поскольку структуры определяются на основе тех – именно «первичных» параметров, которые характеризуют саму метасистему). В связи с этим, по отношению к динамике именно этих структур были сформулированы следующие предположения. Первое: *существенные* изменения степени общего метакогнитивного потенциала, вероятнее всего, сопровождаются *структурными перестройками* совокупности «первичных» параметров. Второе: сами эти перестройки, не исключено, могут носить *закономерный* характер, и обусловлены общими трансформациями всего метакогнитивного потенциала личности. В результате верификации этих предположений были получены следующие основные данные.

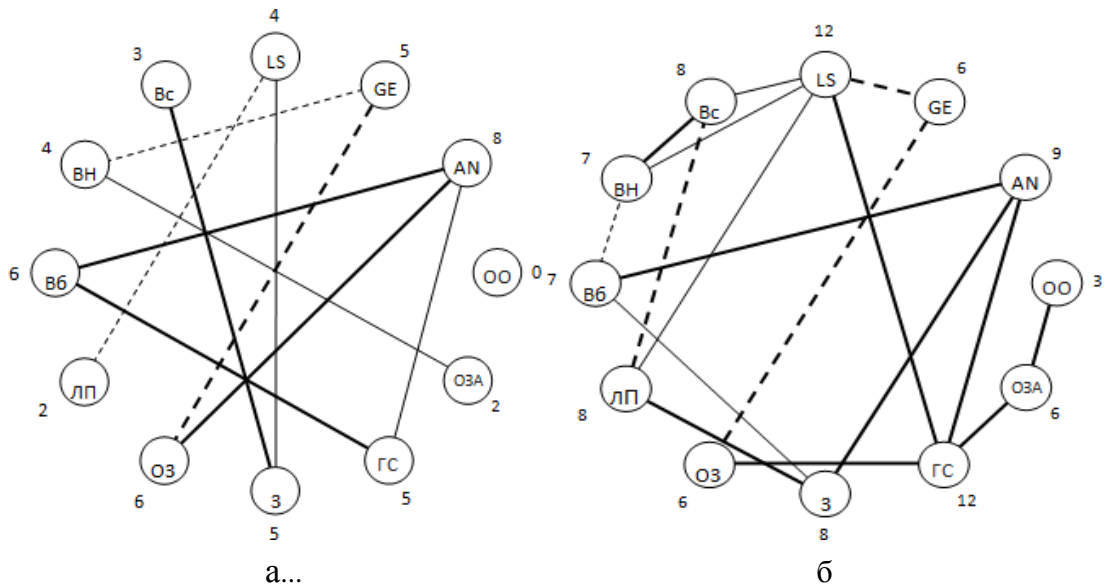

Рис. 7. Структурограммы параметров «первичных» когнитивных процессов при относительно низком (а) и высоком (б) значении метакогнитивного потенциала. *Обозначения:* LS, GE, AN, OO, O3A, GC, З – показатели субтестов: ОЗ – опосредствованное запоминание; ЛП, ВБ, ВН, Вc – соответственно, данные по методикам на диагностику имагинативных, аттенционных и перцептивных параметров [91]; жирная линии – связи, значимые на $p = 0,01$; полужирная линия – связи значимые на $p = 0,05$; сплошные линии – положительные связи; пунктирные линии – отрицательные связи; рядом с обозначениями параметров указаны их структурные «веса».

Во-первых, были определены структурограммы основных «первичных» параметров, характеризующих индивидуальную меру выраженности ряда психических процессов и качеств. Для первой и третьей групп они представлены на рис. 7.

Во-вторых, полученные матрицы интеркорреляций являются статистически значимые различными по критерию χ^2 на $p = 0,05$. Это означает, что структуры «первичных» параметров в данных матрицах являются *качественно гетерогенными*, то есть принципиально различными. При этом, однако, следует помнить, что эти структуры определены в группах, дифференциация которых произведена по специфически *метакогнитивному критерию* – по общей степени выраженности метакогнитивного потенциала. Отсюда с логической необходимостью следует, пожалуй, наиболее важный вывод. Он состоит в том, что структуры «первичных» параметров, которые характеризуют организацию самой метасистемы, являются сензитивными по отношению к различиям в общей степени метакогнитивного потенциала. Однако именно он и является главным – наиболее обобщенным проявлением (и воплощением) иного, то есть собственно системного, точнее – общесистемного уровня организации всей метакогнитивной сферы. При этом очень характерно, что изменения метакогнитивного потенциала сопровождаются значительными, то есть качественными перестройками всей структуры самих «первичных» параметров.

В-третьих, полученные матрицы и построенные на их основе структурограммы личностных качеств были обработаны по системе индексов, характеризующих степень их когерентности, дивергентности и общей организованности. Полученные результаты представлены в табл. 10.

Таблица 10

Значения структурных индексов организации «первичных» когнитивных параметров в группах с разной степенью выраженности метакогнитивного потенциала

Индексы	Н	НС	ВС	В
ИКС	18	27	32	28
ИДС	7	10	11	14
ИОС	11	17	21	14

Обозначения те же, что в таблице 9.

Эти данные указывают на вполне закономерный характер динамики индексов в зависимости от изменений степени развития метакогнитивного потенциала. Она, однако, также носит достаточно сложный – нелинейный характер, который уже был констатирован по отношению к динамике индексов структурной организации «вторичных» параметров. Так, ИКС, существенно возрастая при переходе от первой группы ко второй и, далее, к третьей, затем заметно снижается в четвертой группе. Это означает, что максимум «структурных эффектов», имеющих место по отношению ко всей совокупности «первичных» параметров, соотносится не с минимальными, но и не с максимальными значениями общего метакогнитивного потенциала личности, а с некоторыми, хотя и достаточно высокими, но все же не предельными его значениями. При этом различия в полученных величинах ИКС также достаточно существенны $32 : 18 = 1,8$ раза. Динамика ИДС выражена в сходной степени: различия в полученных величинах ИОС составляют $11 : 7 = 1,47$ раза. Наконец, весьма показательной является и динамика наиболее обобщенного индекса – ИОС: она практически аналогична характеру динамики ИКС; различия между максимальным и минимальным его значениями составляют $21 : 11 = 1,9$ раза.

Далее, как и в предыдущем исследовании, общая динамика ИОС обусловлена как изменениями значений ИКС, так и значений ИДС; причем, диапазон их изменений является приблизительно одинаковым. Для ИКС – это вариации от 18 до 32 баллов, то есть в 1,8 раза; для ИДС – это вариации от 11 до 7 баллов, то есть в 1,47 раза. Следовательно, изменения степени общей структурной организации метакогнитивной сферы личности являются следствиями синхронных – «параллельных» трансформаций как интегрирующего, так и дифференцирующего плана, то есть различиями в степени выраженности и собственно интегративных, и дифференциальных средств и механизмов. Кроме того, *диапазон различий* ИКС и ИОС в зависимости от меры выраженности метакогнитивного потенциала *весьма* велик. Для ИКС, как отмечалось, он выражается «в размах» – $36 : 12 = 1,9$ раза и составляет величину $(35 - 18) = 17$ балла. Для ИДС, согласно тем же подсчетам, аналогичный диапазон составляет величину $(16 - 6) = 10$ баллов, а различия между максимальным и минимальным его значениями также измеряются «в размах» – $16 : 6 = 2,6$ раза. При этом обратим внимание, что в относительном выражении эти диапазоны вполне сопоставимы по величине. Такие явные различия количественных значений структурных индексов позволяют сделать тот же вывод, который был сделан по результатам предыдущего

исследования: общие структуры метакогнитивных параметров имеют не частные – количественные, а именно качественные, то есть достаточно глубокие отличия.

Сопоставляя выявленную динамику структурных индексов организации совокупности исследованных «вторичных» – метакогнитивных параметров с аналогичной динамикой этих индексов, обнаруженной при изучении «первичных» когнитивных параметров, можно сделать три основных вывода, имеющих непосредственное отношение к основным задачам данного параграфа. Первый: следует констатировать не просто сходство, а подобие, достигающее до степени *изоморфизма* динамики индексов организации «первичных» и «вторичных» параметров. При этом следует иметь в виду, что динамика структурных индексов организации «вторичных» параметров *непосредственно* отражается – проявляется в особенностях и уровне развитости метакогнитивной сферы личности (поскольку сами «вторичные» параметры – это и есть основные «составляющие» данной сферы). Однако можно видеть, что и динамика индексов организации «первичных» параметров принципиально сходна с теми закономерностями, которым подчиняется динамика метакогнитивной сферы. Следовательно, можно заключить, что структурные трансформации «первичных» параметров в зависимости от степени выраженности метакогнитивного потенциала также носят вполне закономерный характер. Поэтому метасистемный уровень метакогнитивной сферы, содержание которого в данном исследовании анализировалось в аспекте основных «составляющих» психики – базовых «первичных» процессов и качеств, действительно, необходимо рассматривать как один из ее уровней, подчиненный тем же самым закономерностям, что и вся она в целом.

Второй: обнаруженный изоморфизм динамики структурных индексов на метасистемном и системном уровнях является подтверждением сформулированного нами ранее предположения относительно *специфики* доказательства уровневого статуса самого метасистемного уровня. О нем как о качественно специфическом уровне можно говорить тогда, когда выявляются не его принципиальные *различия* с «соседним» с ним уровнем – системным, а наоборот их принципиальное *сходство* или даже подобие. Однако именно это сходство и выявляет сравнительная динамика структурных индексов на метасистемном уровне и на уровне общей организации основных метакогнитивных подсистем, то есть на общесистемном уровне. Закономерности их изменений, как можно видеть из сравнения данных, представленных в табл. 9 и 10 практически *идентичны*.

Данное обстоятельство является, пожалуй, наиболее принципиальным. Оно *непосредственно* указывает на то, что «первичные» параметры, а также их структура, действительно, не только и не просто являются детерминантами самой метакогнитивной сферы, но и, фактически, во многом ее и составляют. Решающим аргументом этого как раз и выступает доказанная непосредственная и очень явная зависимость величины метакогнитивного потенциала от структурной организации «первичных» параметров. Она, в свою очередь, заключается в обнаруженном выше *подобии – изоморфизме* динамики структурных перестроек на двух исследуемых уровнях – метасистемном (индицируемым в данном исследовании через совокупность основных «первичных» параметров) и общесистемном (индицируемым через совокупность «вторичных» параметров). Это означает, что сами «первичные» параметры, фактически, входят в состав метакогнитивной сферы личности и составляют часть (по-видимому, достаточно существенную) всего ее содержания. Тем самым подтверждается и общее предположение о том, что метакогнитивная сфера личности принадлежит к специфическому классу систем со встроенным метасистемным уровнем.

Далее, на фоне изоморфизма динамики структурных индексов совокупности «первичных» и «вторичных» параметров в зависимости от изменения степени выраженности метакогнитивного потенциала можно видеть, что степень рельефности этой динамики по отношению к «первичным» параметрам несколько *менее представлена*. Так, в частности, различия в величинах наиболее обобщенного структурного индекса – ИОС для «вторичных» (метакогнитивных) параметров составляют 2,25 раза, а для структуры «первичных» когнитивных параметров только 1,90 раза. Данный результат, на наш взгляд, можно объяснить следующим образом. Основные «вторичные» параметры являются именно *главными* «носителями» качественно специфического содержания метакогнитивной сферы. «Первичные» же параметры являются лишь *потенциальной* основой для того, чтобы на ней – посредством ее закономерных трансформаций сформировались те или иные «составляющие» метакогнитивного плана. Поэтому их динамика носит более опосредствованный и менее рельефный характер, чем динамика собственно метакогнитивных образований.

Наряду с этим, полученные результаты дают основания и для еще одного вывода. Выше мы предположили, что если, действительно, принципиальное сходство метасистемного и системного уровней имеет место, то оно должно прослеживаться в плане закономерностей изменения их общей организации (в

частности, меры интегрированности и дифференцированности, структурированности и организованности). Если данное положение справедливо, то должна иметь место *положительная связь* между индексами структурной организации системы «первичных» и «вторичных» параметров. На рис. 8а и 8б представлены данные, характеризующие эту зависимость по отношению к наиболее обобщенному структурному индексу (ИОС) – как в аспекте зависимости ИОС «первичных» параметров от ИОС «вторичных» (то есть собственно метакогнитивных) параметров, так и наоборот.

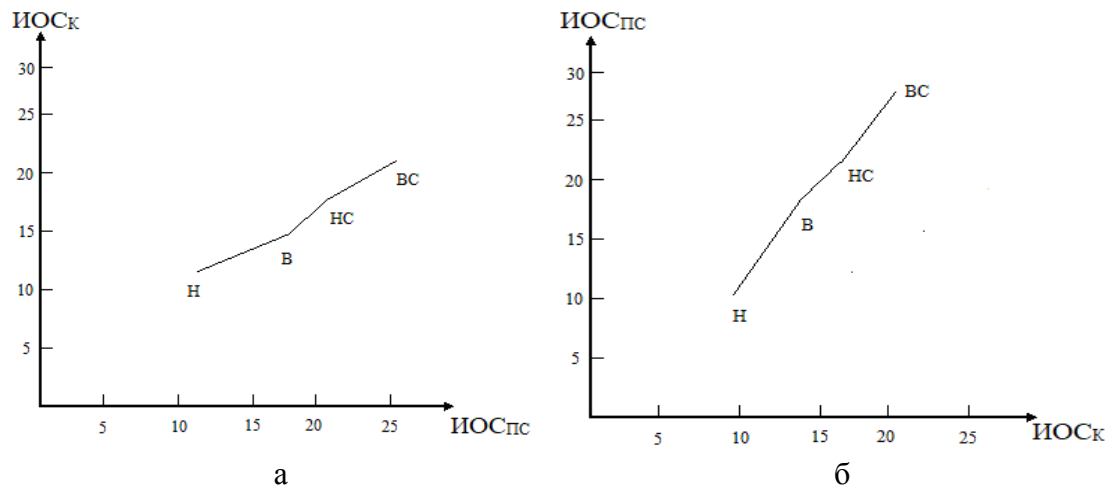

Рис. 8а, 8б. Взаимные зависимости индексов организованности структур «первичных» и «вторичных» (метакогнитивных) параметров. *Обозначения:* ИОС_{МК} – индекс организованности структуры личностных качеств; ИОС_К – индекс организованности структуры мотивационных подсистем; Н, НС, ВС, В – соответственно, данные по группам с низким, ниже среднего, выше среднего и высоким метакогнитивным потенциалом.

Можно видеть, что между ними, действительно, существует *прямая связь*. Отметим также, что, как показали дополнительные расчеты, аналогичные зависимости *прямого типа* существуют и между другими индексами – ИКС и ИДС.

Таким образом, обобщая все рассмотренные данные, можно заключить, что характер и мера выраженности организационных механизмов и средств на метасистемном и общесистемном уровнях метакогнитивной сферы личности *принципиально подобны*. Это является еще одним аргументом в пользу *уровневого статуса* самого метасистемного уровня, верификация предположения о котором и является одной из основных задач данного параграфа.

2. Как можно видеть из охарактеризованного выше цикла исследований, его основным предметом выступил ряд базовых параметров, характеризующих важнейшие «составляющие» психики в целом – психические процессы и каче-

ства. Эти «первичные» параметры выступают как важнейшие и наиболее репрезентативные «составляющие» ее содержания в целом. Оно, согласно нашим теоретическим предположениям, встраиваясь в метакогнитивную сферу, обретает в ней особый уровень организации – метасистемный. Именно это предположение и получило, как можно видеть из представленных материалов, свое подтверждение.

Вместе с тем, как подчеркивалось ранее, психики в целом, хотя и является, безусловно, важнейшей метасистемой по отношению к самой метакогнитивной сфере, выступает все же не единственной из них. Наряду с ней, существует и другая метасистема, в которую метакогнитивная сфера, с одной стороны, *онтологически* включена, а с другой, которая сама *функционально* включается в нее. Ей является метасистема *деятельности* субъекта (в частности, управленческой). В связи с этим, возникает объективная необходимость рассмотрения метакогнитивной сферы личности, а также верификации предположения о качественной специфичности одного из ее уровней – метасистемного по отношению именно к ней. Это и выступило в качестве основного предмета рассмотрения в следующем цикле исследований. Его замысел и организация были принципиально подобными предыдущему исследованию и заключались в следующем.

Как подчеркивалось выше, по отношению ко всем иным уровням организации, кроме метасистемного, задача обоснования самостоятельности их статуса состоит в доказательстве, прежде всего, его качественной *специфичности* по отношению к иным уровням и, в первую очередь, к «соседним» с ними как «сверху», так и «снизу». Иными словами, это задача обоснования их *принципиальных отличий* от всех иных уровней и нередуцируемости к ним. Вместе с тем, по отношению к метасистемному уровню (и только к нему) она имеет существенной иной и даже в определенной мере противоположный характер. Поэтому, если метасистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности, действительно, является качественно специфическим и выступает как один из основных в ней, то это должно проявляться не только и даже не столько в различиях его организации с иными уровнями, а наоборот, в принципиальном *подобии* или даже в изоморфизме основных закономерностей его организации с теми закономерностями, которые характерны для общесистемного ее уровня.

Именно это предположение, напомним, было основным и для первого из реализованных циклов. Однако оно же в силу своего общего характера должно выступить основным и для исследования взаимосвязей данной сферы (как сис-

темы) с еще одной метасистемой, в которую она реально – онтологически включена, то есть с самой деятельностью. Данное предположение, являясь, действительно, очень общим, должен быть подвергнуто необходимой конкретизации и операционализации в целях приведения к виду, доступному для эмпирической верификации. Это тем более необходимо, что, как показал анализ, проведенный в главе 2, сама метакогнитивная сфера личности, понятая в качестве интегративного регулятора управленческой деятельности, равно как и состав, а также содержание входящих в ней подсистем, во многом выступают продуктами и результатами собственно деятельностной детерминации. Они не только *испытывают* на себе ее влияние; дело еще и в том, что они по самой своей сути, фактически, и *являются* результатами транспонирования – своеобразного переноса собственно деятельностных средств и структур в само содержание метакогнитивной регуляции. Зачастую очень трудно и, более того, практически невозможно и даже контрпродуктивно разделить – провести четкую границу между тем, что *является* так сказать «собственным» содержанием метакогнитивной сферы, а что выступает в качестве тех исходно деятельностных средств и структур, которые функционально *используются* в целях метакогнитивной регуляции. Более того, чем менее определенными будут выступать такие различия, то есть, чем в большей степени сама метакогнитивная сфера будет «насыщаться» собственно деятельностными средствами и структурами, тем более эффективным будет и само ее функционирование.

Все эти положения теоретического плана выступили в качестве основы для планирования и проведения исследований данного цикла. Его общий дизайн был принципиально сходным с организацией исследований в первом – описанном выше цикле; это означает следующее. Прежде всего, следует, он требовал необходимой конкретизации сформулированных выше общих положений и их приведения к виду, допускающему эмпирическую верификацию. В этих целях они были операционализированы до следующего предположения. Если, действительно, метасистемный уровень организации существует как качественно специфический и как обладающий самостоятельным статусом, то это должно проявляться в принципиальном подобии или даже в изоморфизме каких-либо наиболее существенных особенностей его *функциональной* организации с закономерностями «соседнего» с ним – общесистемного уровня. В свою очередь, объективно главными при этом являются те перестройки, которые имеют место на обоих этих уровнях при изменении их важнейшего – собствен-

но результативного параметра, то есть того, насколько развита и сформирована сама метакогнитивная сфера. Эти перестройки должны, следовательно, изучаться, прежде всего, в плане их обусловленности тем, насколько выражена величина общего метакогнитивного потенциала личности. Сам этот потенциал, взятый в аспекте его итоговых – результативных проявлений, то есть его выраженности, должен вступать объективно основным «зондом» для выявления тех особенностей и закономерностей, которым подвержены при его различных значениях оба сопоставляемых уровня (метасистемный и общесистемный).

Исходя из этого, возможна дальнейшая операционализация сформулированного выше общего предположения. Действительно, для того, чтобы сделать его эмпирически верифицируемым, необходимо осуществить следующие процедуры. В начале необходимо определить совокупность основных «составляющих» метасистемного уровня – тех его «единиц», которые воплощают в себе его собственное качественно специфическое содержание. Затем следует определить то, каким образом они представлены – и в аспекте их содержания, и в плане их общей, то есть структурной организации при качественно различных значениях метакогнитивного потенциала субъекта этой деятельности (в данном случае – управленческой). Понятно, что одной из основных для реализации этого замысла выступает задача определения – выбора того, *что* же именно должно выступать в качестве искомых «единиц» самой деятельности. Это – очень «старая» и традиционная проблема; она в общем плане формулируется как проблема «единиц анализа» деятельности. Ее смысл, как известно, состоит в том, *что* именно следует рассматривать в качестве базовой «единицы» анализа деятельности? Как известно, в настоящее время существует такой вариант ее решения, который является наиболее обоснованным и конструктивным как с теоретической точки зрения, так и в плане его прикладных возможностей. Он разработан в русле системогенетической концепции деятельности и базируется на ее ключевом понятии – на понятии *психологической системы деятельности* [291, 292]. Это – своего рода «идеальный объект» психологического анализа деятельности, эксплицирующий ее как системное образование, в основе которого лежит целостная структура основных функциональных блоков деятельности с их координационными и субординационными зависимостями. Они и рассматриваются в качестве базовых «единиц» системы деятельности.

Вместе с тем, в плане данного исследования они должны быть рассмотрены, конечно, не «в целом» – не в их общем содержании, а *конкретизированно*: они должны быть проанализированы, прежде всего, в аспекте того, каким образом их содержание представлено в плане их собственно субъектной репрезентации. Иными словами, должно быть рассмотрено не все содержание этих блоков, а то, каким образом они репрезентированы в содержании психической регуляции деятельности. В этих целях полезным может быть, на наш взгляд, понятие *ментальной репрезентации деятельности* [125, 134]. Им, как известно, обозначается совокупность всех тех средств и процессов, структур и образований, посредством которых деятельность репрезентируется субъектом и получает в его психике свою так сказать «удвоенную форму». При этом главным и определяющим ее средством выступают средства и процессы собственно *рефлексивного* плана. Именно они во многом и лежат в основе субъектной репрезентации содержания деятельности, то есть в основе ее *осознания* и, соответственно, – в основе произвольной регуляции, которая, в свою очередь, составляет самую суть всей регуляции профессиональной деятельности в целом. Следовательно, выявлению и последующему исследованию должны быть подвергнуты не столько сами блоки в полноте их содержания, сколько то, каким образом они репрезентированы на уровне субъекта – *осознаются* им в плане их содержания. В данной связи очень позитивным является и то, что в русле системогенетической концепции содержатся и необходимые собственно методические средства для решения именно этой – уже предельно специфицированной задачи. В их качестве выступает разработанная под руководством В.Д. Шадрикова «Методика диагностики рефлексии деятельности» [298]. Она и была взята в качестве основы для исследования основных «составляющих» деятельности то есть для исследования самого метасистемного уровня. Конкретно, это означает, что в качестве таких «составляющих» и, соответственно, – в качестве методических средств их диагностики были взяты четыре основных показателя, на диагностику которых она направлена («Информационная основа деятельности», «Мотивация и целеполагание деятельности», «Принятие решения и реализация деятельности», «Общая рефлексия деятельности»).

В связи с последним показателем необходимо сделать следующее пояснение. Он, как можно видеть из его формулировки, не соотносится непосредственно ни с одним из основных функциональных блоков системы деятельности, а характеризует – в его исходном варианте именно *общую* рефлексивность дея-

тельности. Вместе с тем, при детализированном анализе вскрывается обстоятельство несколько иного и еще более имплицитного плана. Дело в том, что одной из важнейших функций *осознаваемого* контроля как такового – и в целом и за деятельностью, в особенности, является, как известно, функция, обычно обозначаемая как *детекция ошибок* и их последующей *коррекции*. Более того, в некоторых общепсихологических (а не деятельностно-ориентированных) концепциях сознания именно с этим связывается даже сама его суть и основное функциональное предназначение. Наиболее яркой иллюстрацией такого подхода является, как известно, концепция сознания В.М. Аллахвердова [9, 10]. Кроме того, существует и целый ряд эмпирических данных, а также материалов профессиографического характера, показывающих, что наиболее тесные и значимые связи существуют между показателями общей рефлексивности и индивидуальной мерой развития именно контрольных и коррекционных процессов (см. обзор в [131]). Следовательно, есть все основания полагать, что показатель общей рефлексивности деятельности, наряду со своим прямым предназначением, является не менее важным индикатором развития двух важнейших функциональных блоков системы деятельности – блоков контроля и коррекции.

Вместе с тем, в целях обеспечения возможно большей полноты охвата основных «единиц» деятельности (функциональных блоков) были привлечены и другие – также многократно апробированные и прошедшие верификацию по критерию практики методики. В их качестве выступили следующие методики (и, соответственно, те «единицы» самой деятельности, на диагностику которых они направлены): «Опросник метакогнитивной включенности в деятельность» (Metacognitive Awareness Inventory); «Шкала самооценки метакогнитивного поведения» (Д. ЛаКоста); методика диагностики степени сформированности самоконтроля Г.С. Никифорова [199]; методика диагностики способности к принятию управленческих решений, охарактеризованная в [133]. Таким образом, диагностике подвергались восемь основных структурно-функциональных «единиц» деятельности – ее базовых блоков, которые во многом и образуют все ее содержание и организацию. Тем самым они в достаточно полной степени репрезентируют и содержание всего метасистемного уровня организации метакогнитивной сферы в аспекте ее собственно деятельностной детерминации.

Далее, необходимо было определить и то, *что именно* должно быть рассмотрено в качестве аналогичных «единиц», но уже не метасистемного, а собственно системного уровня. Иными словами, необходимо определить те ключе-

вые и объективно главные структурные образующие данного уровня, которые в наибольшей мере и наиболее полно непосредственно воплощают в себе его содержание. При этом мы руководствовались положениями, сформулированными в плане решения данного вопроса в параграфе 2.3.1. В нем было обосновано положение о том, что такого рода «единицами», наиболее полно и непосредственно воплощающими в себе реальное содержание всей метакогнитивной сферы, вступают не отдельные компоненты метакогнитивной сферы, а их *подсистемы*. Кроме того, следовало учитывать и еще одно положение, состоящее в следующем. Сопоставляемые «единицы», то есть те образования, которые следовало рассмотреть на двух изучаемых уровнях, должны быть сопоставимыми по степени обобщенности – соразмерными и «равномасштабными» друг с другом. В силу этого, было бы некорректным проводить сопоставление таких крупных – *интегральных* «единиц», которыми выступают функциональные блоки деятельности и которые имеют статус функциональных *подсистем*, входящих в общую систему деятельности, с отдельными – *локальными* метакогнитивными параметрами. Для этого, напротив, необходимо избрать такие «единицы» самой метакогнитивной сферы, которые также имели бы статус *подсистем*. Именно потому в качестве тех «единиц», на основе которых проводилось исследование метакогнитивной сферы, выступили не отдельные метакогнитивные параметры (напомним, что именно это, напротив, являлось основным в предыдущем исследовании), а их функциональные синтезы – основные *подсистемы* метакогнитивной сферы.

Дальнейшее исследование было организовано следующим образом. По отношению к выборке руководителей среднего и низового звена предприятий и организаций как государственной, так и негосударственной форм собственности ($n = 80$) вначале была реализована батарея методик, направленных на диагностику основных «составляющих» самой метасистемы – деятельности, то есть ее основных функциональных блоков. В этих целях, как уже отмечалось, была использована методика «Рефлексии деятельности» [298], а также описанная выше методика КОМП. Затем аналогичная задача решалась и по отношению к основным «составляющим» общесистемного уровня. При этом подчеркнем, что ее решению содействовало то обстоятельство, что такого рода подсистемы, равно как и особенности их структурной организации, уже были предметом исследования, охарактеризованного в параграфе 2.3., в силу чего эти результаты

были привлечены к анализу материалов и данного цикла исследований. Напомним, что эта задача также решалась посредством реализации по отношению к восьми основным подсистемам метакогнитивного плана методики КОМП. В результате всех этих методических процедур были получены два массива эмпирических данных. Первый – это материалы, выявляющие специфику содержания и степень выраженности основных «единиц» собственно деятельностного плана (основных функциональных блоков) при различных значениях выраженности метакогнитивного потенциала, то есть в четырех подгруппах испытуемых. Второй – это материалы, выявляющие специфику содержания и степень выраженности основных «единиц» самой метакогнитивной сферы (ее базовых подсистем), взятых также при различных значениях выраженности метакогнитивного потенциала (см. Приложение 14). После этого к массивам эмпирических данных применялась процедура многомерного корреляционного анализа: для каждой подгруппы рассчитывались матрицы интеркорреляций между ними (они представлены в Приложении 15), на основе которых строились структурограммы значимо взаимосвязанных параметров (см. рис. 9).

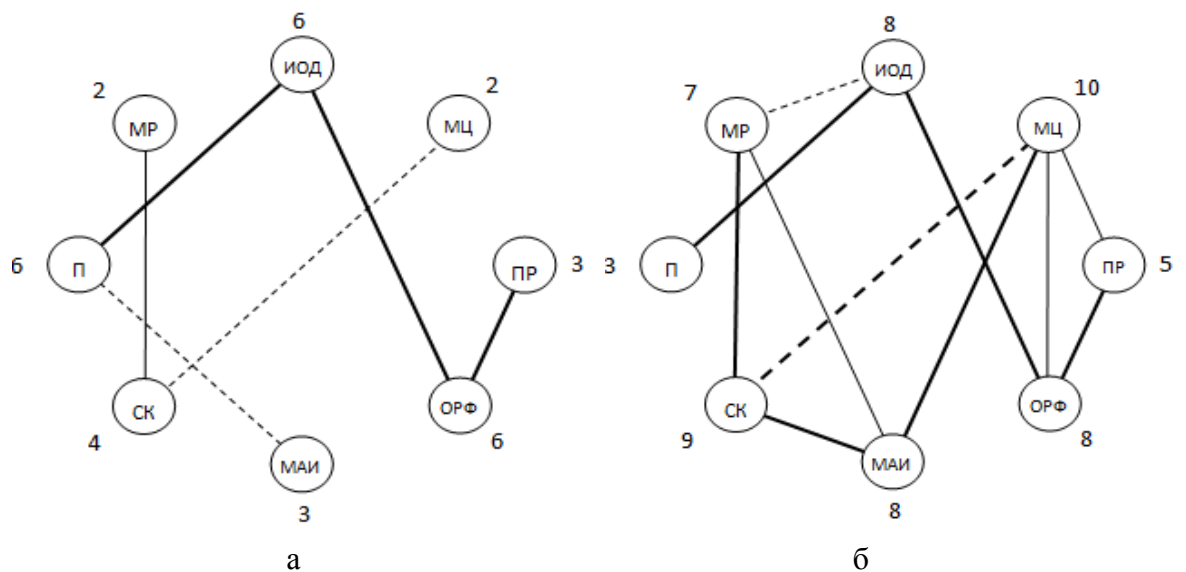

Рис. 9. Структурограммы деятельностных параметров рефлексии в первой (а) и третьей (б) группах. *Обозначения:* МАИ – данные опросника метакогнитивной включенности в деятельность; П – данные по «шкале самооценки метакогнитивного поведения» (методика Д. ЛаКоста); СК – данные по методике диагностики сформированности самоконтроля Г.С. Никифорова; МР – данные методики диагностики способности к принятию управленческих решений [113]; ИОД – рефлексия информационной основы деятельности (по методике, представленной в [298]); МЦ – рефлексия мотивации и целеполагания деятельности [298]; ПР – рефлексия принятия решения и реализация деятельности; ОРФ – общая рефлексия деятельности [298]; рядом с обозначениями параметров указаны их структурные «веса»; сплошная линия – положительные связи; пунктирная линия – отрицательные связи; жирная линия – связи, значимые на $p = 0,01$; полужирная линия – связи, значимые на $p = 0,05$.

Затем эти матрицы и структурограммы подвергались анализу посредством методики определения основных индексов структурной организации. В результате всех этих процедур были получены следующие основные результаты. Анализ всех этих материалов позволяет сделать следующие заключения, содействующие решению основных – рассматриваемых здесь задач. Первая группа такого рода заключений относится к данным, полученным при исследовании «единиц» деятельностного плана. Так, реализация по отношению к полученным структурограммам метода нахождения обобщенных индексов их структурной организации позволила получить следующие данные (см. табл. 11).

Таблица 11

Индексы структурной организации рефлексивно-деятельностных параметров

Индексы	Н	НС	ВС	В
ИКС	11	20	24	18
ИДС	5	7	5	10
ИОС	6	13	19	8

Обозначения те же, что в таблице 10

Они также достаточно показательны в плане анализируемой проблемы, а главными из них явились два следующих результата. Первый: динамика наиболее обобщенного и наиболее важного индекса (ИОС) в зависимости от изменения общей величины метакогнитивного потенциала имеет достаточно сложный – нелинейный характер. Это означает, что максимальные значения ИОС обнаруживаются не на минимальном, но и не на максимальном значении данного потенциала, а на значении, которое присуще третьей группе. В нее входят лица, имеющие, хотя и достаточно выраженную степень метакогнитивного потенциала, но не «наиболее высокую». Это свидетельствует о наибольшей организованности и структурированности, а также о большем функциональном потенциале системы деятельности в данной группе.

Второй: общая динамика ИОС обусловлена как изменениями ИКС, так и изменениями ИДС. Следовательно, как и в предыдущем исследовании, можно констатировать достаточно важный факт. Изменения степени общей структурной организации метакогнитивной сферы личности являются следствиями синхронных – «параллельных» трансформаций как интегрирующего, так и дифференцирующего плана, то есть различиями в степени выраженности и собственно интегративных, и дифференциальных средств и механизмов. Вместе с тем,

если на интервале метакогнитивного потенциала от «низкого» до уровня «выше среднего» доминируют интегративные тенденции, то на интервале от «выше среднего» до «низкого» явно преобладающей становится дифференцирующая тенденция. Кроме того, *диапазон различий* ИКС и ИОС в зависимости от меры выраженности метакогнитивного потенциала *весьма* велик. Для ИКС он выражается кратно – «в размах» – $24 : 11 = 2,2$ раза и составляет величину $(24 - 11) = 13$ балла. Для ИДС, согласно тем же подсчетам, аналогичный диапазон составляет величину $(10 - 5) = 5$ баллов, а различия между максимальным и минимальным его значениями также измеряются кратно – $10 : 5 =$ в 2,0 раза. Для ИОС этот диапазон составляет $(19 - 6) = 13$ баллов и также изменяется «в размах» – $19 : 6 = 3,0$. При этом обратим внимание, что в относительном выражении все эти диапазоны вполне сопоставимы по величине. Такие явные различия значений индексов заставляют сделать вывод о том, что общие структуры метакогнитивных параметров имеют не количественные, а качественные – глубокие отличия.

Помимо этого, полученные в результате расчетов матрицы интеркорреляций и соответствующие им структурограммы параметров метакогнитивной сферы оказались достоверно различными по критерию χ^2 . Это означает, что они являются *качественно гетерогенными*. Следовательно, значимые *количественные* изменения степени метакогнитивного потенциала сопряжены с *качественными* перестройками общей структуры основных функциональных блоков системы деятельности. В связи с этим, можно высказать предположение, согласно которому изменение величины метакогнитивного потенциала не просто сопровождается трансформации всей структуры функциональных блоков системы деятельности, но в известной степени *детерминирует* их. Оно станет предметом рассмотрения в ходе дальнейшего анализа.

Таким образом, можно сделать главный вывод, согласно существенные различия в общей *структурной организации* всей совокупности функциональных блоков системы деятельности значимо и закономерно сопряжены со степенью выраженности самого метакогнитивного потенциала личности как ее обобщенного регулятора. Справедливо и обратное: величина – индивидуальная мера выраженности данного потенциала является комплексной детерминантой для собственно *структурных перестроек* всей совокупности основных функциональных блоков системы деятельности. Данные перестройки, к тому же, имеют ярко явно выраженный структурный характер (что подтверждается данными, полученными по критерию). Эти структуры, обнаруженные при различ-

ных значениях метакогнитивного потенциала, являются *качественно гетерогенными*. Следовательно, метакогнитивный потенциал личности должен быть понят в качестве значимой и комплексной детерминанты структурной организации основных функциональных блоков системы деятельности. Кроме того, от него зависят не только содержательные особенности их структурной организации, но также и мера *организованности* этих структур. Причем, эта зависимость также является достаточно сложной – нелинейной по своему характеру.

Вторая группа результатов и, соответственно, тех заключений, которые можно сделать на их основе, относится к данным, полученным при исследовании «единиц» собственно метакогнитивного плана – основных метакогнитивных подсистем. Так, в таблице 12 представлены значения индексов структурной организации основных подсистем метакогнитивного плана для всех подгрупп испытуемых, а на рис. 10 они представлены в графической форме.

Таблица 12

Значения индексов структурной организации основных подсистем метакогнитивного плана

Индексы	Н	НС	ВС	В
ИКС	12	24	27	29
ИДС	4	8	3	12
ИОС	8	16	22	17

Обозначения те же, что в таблицах 10, 11

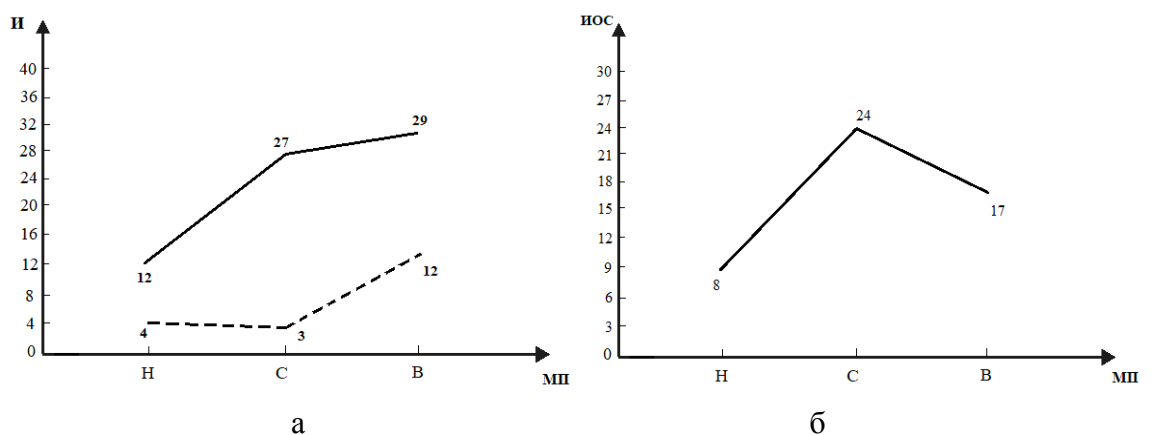

Рис. 10 Зависимости: (а) индексов когерентности (сплошная линия) и дивергентности (пунктирная линия) и (б) общей организованности подсистем метакогнитивной сферы от степени выраженности метакогнитивного потенциала (МП). *Обозначения*: Н, С и В – подгруппы руководителей с низкой, средней и высокой степенью метакогнитивного потенциала.

Можно видеть, что полученные данные в целом аналогичны смыслу уже обсужденных выше закономерностей. Действительно, при возрастании общего уровня метакогнитивного потенциала (то есть абсолютных значений по методике КОМП) увеличивается мера интегрированности и дивергентности структуры основных метакогнитивных подсистем. Однако, темпы их роста различны на разных интервалах общего континуума метакогнитивного потенциала. Вначале явно доминирует тенденция к их прогрессирующей интеграции, а при высоких значениях общего потенциала начинает доминировать дифференцирующая тенденция. Она выступает здесь уже не только как вполне самостоятельная (дополняя тем самым рассмотренную выше интегративную функцию), но и именно как доминирующая, преобладающая. Следовательно, можно сделать существенное в плане основных задач данной работы заключение: при переходе от средних значений общего метакогнитивного потенциала к ее высоким значениям в ее структуре дифференцирующие тенденции начинают *преобладать* над интегрирующими. Данное заключение, в свою очередь, позволяет выявить дополнительные особенности и закономерности.

В самом деле, очень показательным является то, что обе установленные зависимости, взятые в их *синтезе* друг с другом, находят свое проявление в наиболее обобщенном и значимом показателе степени структурированности параметров метакогнитивной сферы в – *индексе организованности*. В этом плане ключевое значение имеет то, что его динамика носит характер инвертированной U-образной зависимости – зависимости «типа оптимума» (см. рис. 10б). Это означает, что, как мы уже отмечали выше, максимальная структурированность и, следовательно, организованность основных метакогнитивных подсистем имеет место не на минимальных (что достаточно понятно), но и не на максимальных (что уже менее объяснимо) уровнях ее общего развития, а на некоторых промежуточных, «средних» значениях. Таким образом, именно средний, – *оптимальный* уровень метакогнитивного потенциала может рассматриваться как наиболее действенный для развертывания совокупности организационных средств по отношению к основным метакогнитивным подсистемам.

Таким образом, с достаточно высокой степенью очевидности вскрывается факт наиболее принципиального порядка: *наибольший* уровень структурной организации основных подсистем метакогнитивной сферы имеет место на среднем (но не минимальном и не максимальном) уровне развития общей степени ее выраженности, то есть общего метакогнитивного потенциала личности.

Наконец, в плане общей интерпретации полученных результатов принципиальное значение имеет и еще один – также эмпирически установленный результат. Он состоит в том, что сопоставление матриц интеркорреляций основных метакогнитивных подсистем в подгруппах испытуемых с низким и высоким значением общего уровня развития метакогнитивного потенциала на предмет их гомогенности-гетерогенности методом χ^2 выявило их статистически достоверную ($p = 0,05$) разнородность. Следовательно, в этих подгруппах общие структуры метакогнитивных подсистем являются разнородными – *качественно* отличными друг от друга, а не только различающимися в *степени* их организованности, структурированности (то есть количественно). В силу этого, можно считать, что именно *качественные трансформации* общей структуры метакогнитивных подсистем, приводят к изменениям ее количественных характеристик (структурных индексов). Наряду с этим, полученные результаты дают основания для еще одного вывода. Мы предположили, что если, действительно, принципиальное сходство метасистемного и системного уровней имеет место, то оно должно проследиваться в плане их общей организации, – меры интегрированности и дифференцированности, структурированности и организованности. Если данное положение справедливо, то должна иметь место *положительная связь* между индексами структурной организации системы «первичных» и «вторичных» параметров.

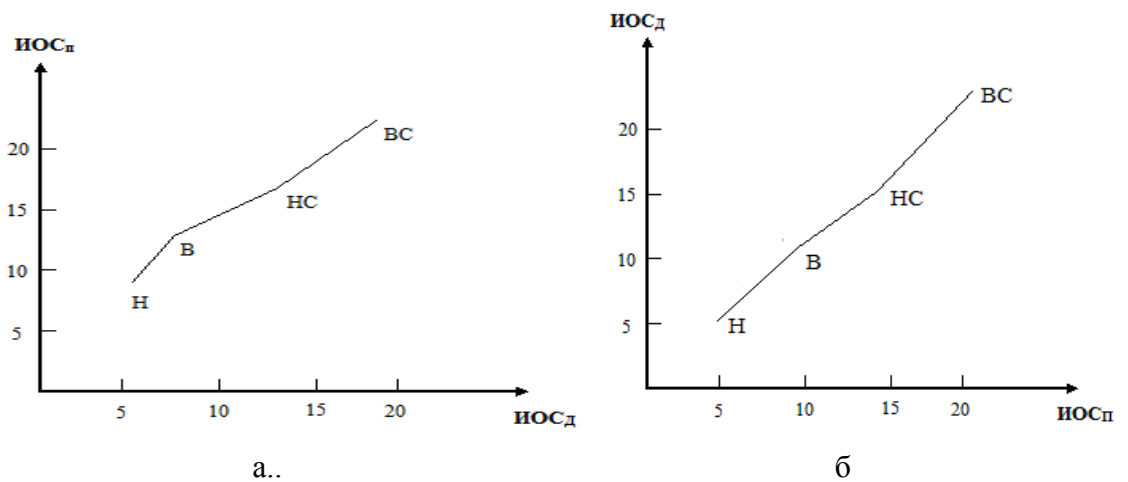

Рис. 11а, 11б. Взаимные зависимости динамики значений индексов организованности структур рефлексивно-деятельностных и метакогнитивных параметров. *Обозначения:* ИОСп – индекс организованности структуры «первичных» когнитивных параметров; ИОСд – индекс структурной организованности рефлексивно-деятельностных параметров; В, НС, ВС, С – соответственно, данные по группам с низкими, ниже среднего, выше среднего и высокими значениями метакогнитивного потенциала.

На рис. 11а и 11б представлены данные, характеризующие эту зависимость по отношению к наиболее обобщенному структурному индексу (ИОС) – как в аспекте зависимости ИОС функциональных блоков системы деятельности от ИОС основных подсистем метакогнитивного плана (то есть собственно метакогнитивных) параметров, так и наоборот. Можно видеть, что между ними, действительно, существует прямая связь. При этом подчеркнем, что аналогичные зависимости *прямого типа* существуют и между двумя другими индексами – ИКС и ИДС. Итак, выше были рассмотрены результаты двух основных циклов исследований, имеющих различную предметную отнесенность, но характеризующихся общностью их *ориентации*. Дело в том, что оба они были направлены на решение, прежде всего, задач соответственно *верификационного* плана, связанных с обоснованием и доказательством самостоятельности уровневого статуса одного из пяти основных уровней общей структурной организации метакогнитивной сферы личности – метасистемного. Вместе с тем, как отмечалось выше, верификационные задачи – это, хотя и очень важная, но все же лишь одна из ряда групп задач, имеющих место при исследовании самих уровней. Наряду с ними, необходимо рассмотреть и иные группы задач – прежде всего, собственно *исследовательские*, которые, в свою очередь, подразделяются на *интерпретационные* (связанные с новым объяснением уже известных феноменов и закономерностей) и *поисковые* (связанные с установлением новых феноменов и закономерностей). При этом, однако, необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. Оно состоит в том, что *в целом* – в их полном объеме весь спектр задач такого рода, все их множество, очень велико. В силу этого, их полное рассмотрение практически невозможно в отдельно взятом исследовании. Более того, строго говоря, с точки зрения основных задач данного исследования оно не является и обязательным. Дело в том, что гораздо более целесообразным является демонстрация конструктивности развитого выше подхода в целом, а также показ его исследовательских возможностей на материале тех или иных – *репрезентативных* проблем. Если он, действительно, обнаружит свою конструктивность и выявит свои эвристические возможности по отношению к ним именно как к репрезентативным и «олицетворяющим» многие иные имеющие место при этом проблемы, то можно сделать заключение и о его обоснованности в целом.

Исходя из этого, нами были реализованы еще три цикла исследований, направленных на решение таких – уже собственно исследовательских задач. Их общий и наиболее принципиальный смысл состоял в следующем. Если, действительно, дифференциация в общей структуре метакогнитивной сферы личности двух рассматриваемых здесь уровней (метасистемного и общесистемного) является правомерной и обоснованной, то это должно каким-либо образом *позитивно* проявляться в плане разработки тех или иных сформулированных в настоящее время, но не решенных проблем. Иными словами, если эта дифференциация справедлива, а сам метасистемный уровень организации метакогнитивной сферы личности, действительно, представляет собой важный фрагмент субъективной реальности, то это может содействовать решению тех или иных *общих* вопросов теоретического плана. Данное положение может быть, по нашему мнению, конкретизировано и представлено в следующем виде. Существуют ли какие-либо *новые*, не выявленные пока закономерности и феномены, которые обусловлены существованием метасистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности? Каким образом уже известные и, не исключено, наиболее общие особенности и закономерности, сопряженные с аналогичными, то есть также с наиболее *обобщенными* характеристиками субъекта, могут трансформироваться и, возможно, приводить к новым явлениям? Известно, что в качестве одних из наиболее явных и очевидных среди *обобщенных* характеристик субъекта (и, соответственно, характеристик самого метасистемного уровня) выступает категория *общих способностей* [268, 291, 294, 296]. И хотя вопрос об их составе и содержании до сих пор остается открытым, все же существует ряд вариантов его решения. Так, один из них предложен в работе [68] и сущность состоит в следующем. В качестве критерия их дифференциации обосновывается соответствие той или иной общей способности с определенным – базовым компонентом (аспектом) переработки информации. Так, интеллект соотносится, преимущественно, с применением знаний; креативность – с их преобразованием; обучаемость – с приобретением знаний. Этот вариант был выбран нами для организации данного исследования в качестве «рабочего». Необходимо подчеркнуть, что такой выбор обусловлен не столько его содержательными преимуществами перед иными, сколько другими, более конкретными причинами. Во-первых, он дифференцирует такие способности, для диагностики которых в настоящее время методический инструментарий является наиболее разработанным и, следовательно, их изучение более реализуемо в практиче-

ском плане. Во-вторых, несмотря на ряд присущих ограничений, данный подход в целом отвечает традиционным представлениям об общих способностях.

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос о том, существуют ли, если да, то какие именно феномены и закономерности, обусловленные взаимодействием каждой из этих общих способностей и метакогнитивной сферы личности? Приводит ли их синтез к каким-либо новым явлениям? Каким образом они сами трансформируются под детерминирующим и опосредствующим воздействием механизмов метакогнитивного плана? Испытывают ли сами эти механизмы влияние со стороны общих способностей и, если да, то какое именно? Все эти и аналогичные им вопросы не только не решены в сегодня, но и практически даже не сформулированы. Это явно не способствует ни развитию представлений о метакогнитивной сфере личности, ни развитию представлений об общих способностях личности. Кроме того, важно учитывать еще одно – наиболее принципиальное обстоятельство. Поскольку речь идет именно об *общих* способностях, то есть о таких «измерениях» субъекта, которые носят максимально *обобщенный* и важный характер, то исследование метакогнитивной сферы в связи именно с ними также может иметь аналогичные, то есть также общие следствия для понимания ее наиболее принципиальных закономерностей.

В целях решения этих задач необходимо получить два массива данных. Во-первых, данные, характеризующие индивидуальную меру развития трех общих способностей. Во-вторых, данные, раскрывающие выраженность метакогнитивных процессов и качеств, а также специфику и меру их структурной организации на различных уровнях способностей. Если первая из указанных задач решается относительно несложно и предполагает реализацию по отношению к выборке традиционных методик диагностики (соответственно, интеллекта, обучаемости и креативности), то вторая носит более комплексный характер. Они решались в методическом плане следующим образом.

В исследовании приняло участие 160 испытуемых. В их качестве выступили руководители среднего и низового звена управления ряда предприятий и организаций, а также коммерческих фирм гг. Ярославля, Москвы и Рыбинска. Возраст испытуемых – от 28 до 68 лет; из них – 73 мужского и 87 женского пола. При формировании выборки был использован, в том числе, и метод целенаправленной селекции испытуемых с возможно большей вариацией индивидуальной меры развития интеллекта. Это необходимо для экспликации исследуемой зависимости в возможно большем диапазоне значений интеллекта и, следовательно,

для ее выявления в достаточно полном виде. Для этого были сформированы четыре подгруппы испытуемых, значимо (при $p = 0,01$) различающихся по уровню развития психометрического интеллекта (по 40 человек). Диагностики интеллекта осуществлялась методикой Д. Векслера (WAIS). В первую подгруппу вошли испытуемые, показавшие наиболее низкие оценки диагностики интеллекта ($IQ < 95$), во вторую – испытуемые с интеллектом ниже среднего ($96 < IQ < 102$), в третью подгруппу – с интеллектом выше среднего ($113 < IQ < 120$) и, наконец, в четвертую подгруппу вошли лица с наиболее высоким интеллектом ($IQ > 121$). В целях диагностики индивидуальной меры обучаемости использовалась методика диагностики обучаемости «признаки четырехугольника» и методика «Ребусы» [80]. Наконец, для диагностики креативности использовалась методика определение «индекса оригинальности» в тесте вербальной креативности С.А. Медник [272]; перевод сырых баллов в стеноны в методиках на метакогнитивные качества личности и в тесте Э.П. Торренса [474].

Вторая задача – определение индивидуальной степени развития метакогнитивных процессов и качеств, а также специфики их структурной организации решалась следующим образом. Вначале по отношению ко всем испытуемым была реализована батарея методик, направленных на диагностику индивидуальной меры развития комплекса наиболее значимых метакогнитивных процессов и качеств. В этих целях применялись следующие – наиболее надежные, многократно апробированные методики.

1. Методика диагностики рефлексивности, позволяющая диагностировать ретроспективную рефлексивность (РРФ), рефлексивность настоящего (РФН), рефлексивность будущего (РФБ) и общую рефлексивность (ОРФ) [130].

2. Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта, позволяющая диагностировать саморефлексию (СмРФ) и социорефлексию (СоцРФ).

3. Шкала самооценки метакогнитивного поведения Д. ЛаКоста, диагностирующая самооценку уровня выраженности метакогнитивного поведения (СамМП).

4. Опросник метакогнитивной включенности в деятельность (МАИ), диагностирующий степень метакогнитивной включенности в деятельность.

5. Опросник метакогнитивной включенности в деятельности (Д. Эверсон) в части шкал «использование стратегий» (ИС), «планирование действий» (ПД), и степени выраженности самопроверки (СП), а также общий балл по нему.

6. Шкала диагностики способности к метарешениям (МР) [91, 133].

Первичные данные диагностики представлены в Приложении 16.

Важной процедурной особенностью данного исследования явилось то, что оно было реализовано на двух основных уровнях и, соответственно, этапах – аналитическом и структурном. Так, на первом из них переделались взаимосвязи индивидуальной меры развития каждой из трех основных – общих способностей и совокупностью основных параметров метакогнитивной сферы по отдельности. Для этого указанные выше параметры получали оценки по предусмотренным методикам их диагностики показателям. Цель структурного исследования заключается в том, чтобы определить, являются ли общие способности детерминантами перестройки всей структуры изучаемых метакогнитивных качеств личности. Если да, то каковы конкретные особенности этого влияния? Для этого был использован метод определения матриц интеркорреляций диагностированных метакогнитивных параметров, а также описанная ранее методика определения структурных индексов – когерентности, дивергентности и организованности их структуры (найденные матрицы и построенные на их основе структурограммы также представлены в Приложении 16).

В итоге реализации данной процедуры были получены следующие основные данные. Так, на первом этапе, как это предусмотрено модифицированным нами в параграфе 3.2., вариантом метода «полярных групп», каждая из трех выборок (соответственно, для каждой из способностей) была дифференцирована на четыре группы в зависимости от степени их развития. В группу I вошли испытуемые с наиболее низким уровнем соответствующей способности, в группу II – с ее развитием ниже среднего, в группу III – с ее развитием выше среднего и, наконец, в группу IV – с высоким уровнем. На рис. 12а представлены зависимость суммарного показателя развития метакогнитивных качеств от степени развития интеллекта, а на рис. 12б – от степени развития обучаемости и креативности. Наряду с этим, для каждой подгруппы испытуемых были определены матрицы интеркорреляций основных метакогнитивных параметров, а на их основе построены их общие структурограммы (они представлены в Приложении 17). В табл. 13 представлены данные динамики структурных индексов при изменении индивидуальной меры развития каждой из исследованных способностей.

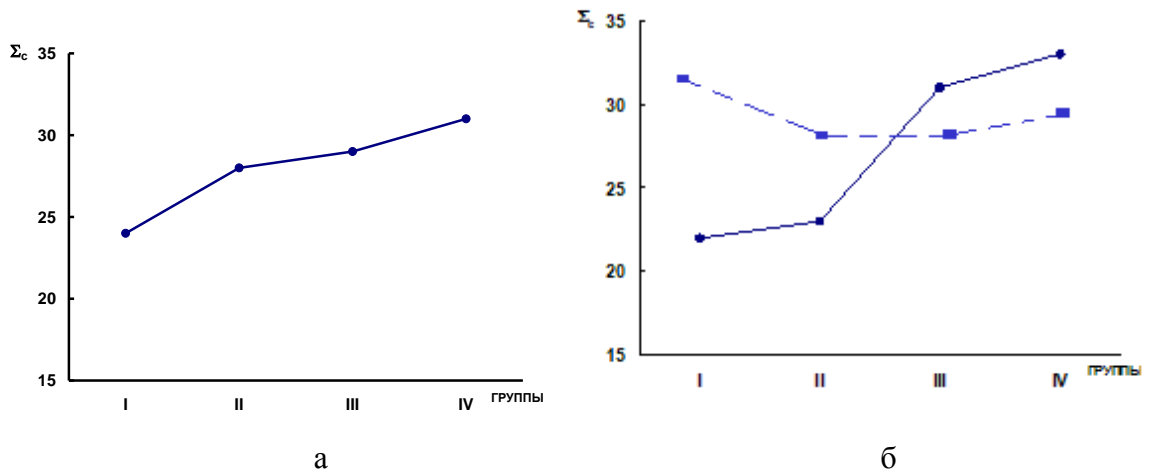

Рис. 12а, 12б Зависимости: (а) – суммарного показателя развития метакогнитивных качеств от степени развития интеллекта, (б) – обучаемости (сплошная линия) и креативности (пунктирная линия). Обозначения: Σ_c – средний суммарный показатель развития метакогнитивных качеств в стенах для испытуемых соответствующих групп (он определяется как сумма стеновых показателей по пяти использованным в данном исследовании методикам – см. в тексте); по оси абсцисс расположены группы испытуемых, различающихся по степени развития интеллекта, в порядке ее возрастания.

Таблица 13

Значения структурных индексов организации параметров метакогнитивной сферы

группы	интеллект				обучаемость				креативность			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
ИКС	14	26	40	28	19	24	33	39	39	32	23	23
ИДС	8	12	7	7	13	12	7	7	5	5	4	8
ИОС	6	12	33	21	6	12	26	32	34	27	19	15

Примечания: I, II, III, IV – группы с различной мерой развития трех общих способностей.

На рис. 13 и 14 и представлена динамика наиболее обобщенного индекса – ИОС, соответственно, для интеллекта, а также для обучаемости и креативности. Все эти данные позволяют сделать следующие заключения относительно исследуемых взаимосвязей (при этом их целесообразно сформулировать дифференцированно – отдельно для каждой из трех общих способностей). Так, по отношению к первой из них – интеллекту можно констатировать наличие закономерной связи между исследованными переменными, носящей характер прямой зависимости. Вместе с тем, она представлена в достаточно умеренной форме: она не настолько значима, как можно было бы ожидать на основании существующих

представлений о роли интеллекта в формировании и реализации метакогнитивных процессов и качеств.

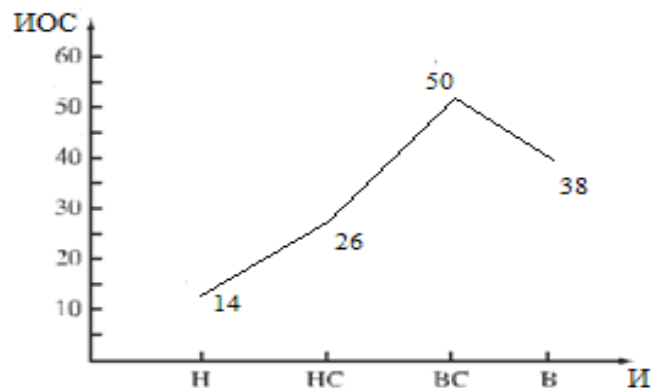

Рис. 13. Зависимость степени организованности метакогнитивных процессов и качеств от уровня развития психометрического интеллекта. *Обозначения:* ИОС – индекс организованности структуры метакогнитивных процессов и. И – различные уровни развития интеллекта: Н – наиболее низкий ($IQ < 95$), НС – интеллект ниже среднего ($96 < IQ < 102$), ВС – интеллект выше среднего ($113 < IQ < 120$), В – испытуемые с наиболее высоким интеллектом ($IQ > 121$).

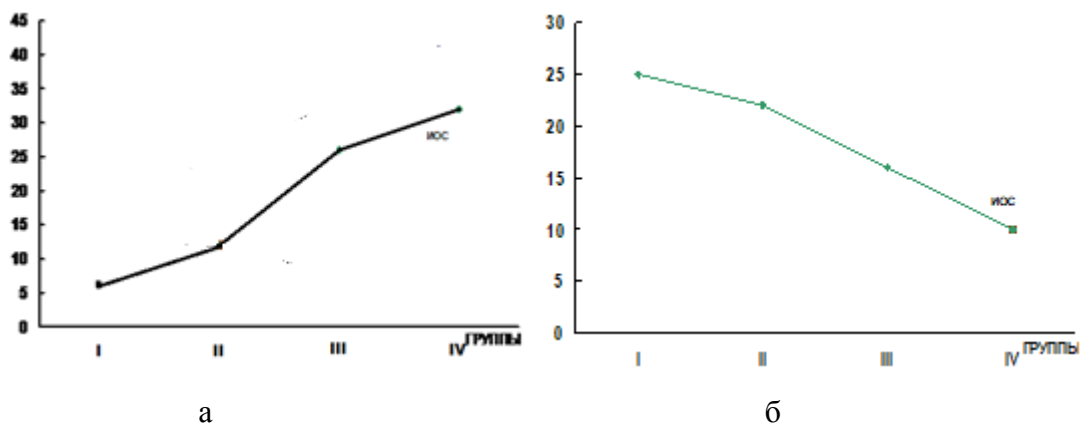

Рис. 14. Зависимости значений индекса организованности метакогнитивных качеств от степени развития обучаемости (а) и креативности (б). *Обозначения:* по оси абсцисс расположены группы испытуемых, различающихся по степени развития обучаемости и креативности в порядке их возрастания

Однако, эта связь в действительности, все же существует в достаточно рельефном виде, но представлена на ином уровне – структурном. Более того, она носит не вполне прогнозируемый априорно и сложный характер – является нелинейной и, по-видимому, имеет в качестве своих причин факторы достаточно имплицитного плана. Как можно видеть из данных, представленных на рис. 13, наименьшая степень организованности метакогнитивных параметров сопряжена с низким интеллектом. При увеличении индивидуальной меры его выраженности имеет место и возрастание уровня степени организованности метакогнитивных

процессов и качеств: это прослеживается на двух следующих значениях интеллекта. Иными словами, имеет место интервал, на котором, действительно, эксплицируется прямая связь изучаемых переменных. Однако, – и это не вполне отвечает априорным предположениям – наибольшее значение меры структурированности метакогнитивных параметров оказывается сопряжено не с аналогичным, то есть также наибольшим значением интеллекта. Напротив, по отношению к нему имеет место существенное (и значимое в статистическом отношении) снижение степени организованности метакогнитивных параметров. Ее зависимость от интеллекта меняет на этом интервале свой «знак» – инвертируется. Следовательно, она принадлежит не к зависимостям типа *максимума*, а к зависимостям типа *оптимума*. В основе обнаруженной закономерности лежат две основные группы причин. Первая – это фактически, общесистемная закономерность, согласно которой гипертрофированная «жесткость» структурной организации («гиперорганизация») системы является ингибитором ее функционирования. Вторая – это объективная сопряженность («сцепленность») высокого уровня развития метакогнитивного контроля с целым рядом иных субъектных качеств, которые сами по себе являются ингибиторами интеллектуальных функций (нейротизм, когнитивная ригидность, высокий уровень представленности психологических защит, максимизированность психического выгорания и др. [125]).

В-третьих, как показала дополнительная обработка данных, при изменении индивидуальной меры развития интеллекта имеют место не только количественные изменения структуры метакогнитивных параметров, но и их качественные трансформации. Данный вывод следует из сравнения полученных матриц на предмет их гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 .

В-четвертых, можно видеть, что в целом между интеллектом и метакогнитивной сферой личности существуют весьма сложные и неоднозначные отношения. Сама система (в данном случае – метакогнитивная сфера) во многом и является результатом тех трансформаций, которые разворачиваются на уровне метасистемы в целом и которые приводят к тому, что атрибутивные для самой метасистемы процессы – прежде всего, когнитивные обретают новую форму своего существования: они преобразуются из «первичных» во «вторичные». Тем самым имеет место очень типичное для всех систем со «встроенным» метасистемным уровнем функциональное включение (то есть именно «встраивание») метасистемного уровня в системный. В результате этого возникает очень специфическое явление *автовзаимодействия*. Оно, как известно, состоит в том, что когни-

тивные средства и механизмы, процессы и структуры, образующие интеллект, начинают взаимодействовать сами с собой – но в их «вторичной» форме, то есть в форме метакогнитивных процессов и структур [134]. В результате этого интеллект обретает принципиально новое свойство – осознаваемой, произвольной, то есть именно метакогнитивной, субъектно-контролируемой регуляции, то есть, фактически, атрибут его саморегулируемости. Однако, и сама складывающаяся таким образом метакогнитивная сфера не только «вбирает» в себя – ассимилирует и эксплуатирует тот когнитивный и вообще – функциональный в целом потенциал, который присущ всей метасистеме, но и в значительной степени базируется на нем, выступает как одна из форм его проявления. В результате наиболее типичного для всех метакогнитивных образований их «удвоения» и «оборачивания» на самих себя происходит фундаментальная трансформация: «просто» когниция становится «когницией по поводу когниции», то есть метакогницией; «просто» знание трансформируется в «знание о знании», то есть в метазнание. Тем самым выявляется очень типичная для образований метакогнитивного плана ситуация, которая была подробно охарактеризована в главе 2. Основные «составляющие» психики оборачиваются сами на себя – «удваиваются». В данном случае это и происходит по отношению к интеллекту – он порождает определенную и очень специфическую метаспособность – способность к использованию самой «первичной» общей способности, то есть самого себя [103, 125, 134].

Далее, по отношению ко второй общей способности – обучаемости можно констатировать следующие основные особенности и закономерности взаимосвязи ее индивидуальной меры выраженности с основными параметрами метакогнитивной сферы. Во-первых, степень влияния ее индивидуальной меры на отдельные метакогнитивные качества заметно более выражена, чем для интеллекта. Следовательно, она оказывает более значимое воздействие на степень развития отдельных метакогнитивных качеств. Во-вторых, несмотря на это, степень структурной детерминации метакогнитивных качеств обучаемостью все-таки более выражена, чем аналитическая детерминация. Это проявляется, прежде всего, в очень выраженной динамике индексов структурной организации метакогнитивных качеств при изменении степени обучаемости (см. рис. 14). Следовательно, обучаемость именно как общая способность обуславливает аналогичные по статусу, то есть также обобщенные изменения всей совокупности метакогнитивных качеств. В-третьих, специфика влияния обучаемости на метакогнитивные качества состоит в том, что она, в отличие от интеллекта, не обуславливает

качественных перестроек их структуры. Это следует из реализации по отношению к полученным данным критерия χ^2 . Ее изменение приводит, как правило, лишь к количественным изменениям степени их структурной организации.

Все эти данные могут быть объяснены психологической спецификой обучаемости и своеобразием ее связей с метакогнитивными качествами личности. Действительно, обучаемость как таковая во многом тождественна способности к выработке, закреплению и использованию тех или иных средств, способов, приемов осуществления деятельности, приобретения знаний и их использования и т.д. Однако, как известно, сами метакогнитивные процессы и качества как раз и являются одними из главных среди таких средств и способов. Поэтому обучаемость не только может и не только должна быть напрямую связана с большинством метакогнитивных процессов и качеств, но и во многом *заключается* в них. Обучаемость как способность сама по себе в существенной мере не только и «не просто» связана с формированием и развитием, усвоением и генерализацией метакогнитивных стратегий, а во многом в этом и *состоит*.

Вместе с тем, во взаимодействии обучаемости как общей способности, то есть одного из важнейших проявлений всей метасистемы (психики) с метакогнитивной сферой как ее «составляющей» (то есть как одной из входящих в нее систем) возникают новые явления и закономерности. Механизмом их порождения как раз и являются те специфические отношения, которые имеют место между метасистемным и системным уровнями организации: первый может функционально включаться, «встраиваться» во второй. Именно это и обнаруживается с достаточно высокой степенью очевидности в полученных результатах. Дело в том, что они вскрывают принципиальный факт: сами метакогнитивные процессы и качества, образования и структуры во многом выступают конкретными средствами и даже механизмами обучаемости как таковой и даже ее содержанием. Они в значительной степени обусловлены необходимостью в особом свойстве, в особой способности – способностью к обучению как базовым средством обеспечения должного уровня функционального потенциала субъекта, его ресурсных возможностей. В результате этого возникает тот же самый в принципе феномен, который был констатирован по отношению к интеллекту и который вообще является наиболее характерным для всех образований метакогнитивного плана. Он состоит в «оборачивании» тех или иных процессов и структур самих на себя, в их «удвоении». Точно так же обстоит дело и по отношению к обучаемости (как общей способности – того, что характеризует функционирование метасистемы):

она «в лице» метакогнитивной сферы «обращается сама на себя» – возникает феномен, аналоги которого уже частично были описаны в литературе и который обозначается понятием метаобучения. Он состоит в том, что происходит не только обучение, но и обучение самому обучению – тому, каким образом оптимизировать «первичное» обучение. Причем, в отличие от «просто» обучения (и обучаемости как его предпосылки), это – «вторичное» обучение и, соответственно, «вторичная» обучаемость носят подчеркнута произвольный – контролируемый и управляемый, преднамеренно осуществляющийся и, как правило, высокомотивированный характер. Тем самым, во взаимодействии метасистемного и системного уровней (то есть обучаемости и метакогнитивной сферы) порождается новый тип, новая ее форма – *самообучаемость*. Механизмом этого являются специфические отношения, имеющие место между метасистемным и системным уровнями организации: первый может функционально включаться, «встраиваться» во второй. Самообучаемость образует высший уровень организации обучаемости в целом, а ее интерпретация именно в этом – уровневом статусе позволяет предложить, как можно видеть из представленных выше данных, новую – структурно-уровневую интерпретацию этой общей способности, а сама она выступает и как еще одно проявление *метаспособностей*.

Наконец, анализ данных, полученных относительно взаимосвязи третьей общей способности – креативности с параметрами метакогнитивной сферы, также позволяет сделать ряд основных заключений. Во-первых, между степенью развития креативности и отдельными метакогнитивными параметрами метакогнитивной сферы существует взаимосвязь, носящая в целом закономерный и комплексный характер, но имеющая характер негативной и представленная лишь в форме тенденции (то есть лишь при $r = 0,20$). Во-вторых, в отличие от интеллекта и особенно – обучаемости это влияние практически полностью реализуется лишь на структурном уровне детерминации, а аналитическая детерминация не обнаруживается в значимом виде. В-третьих, взаимосвязь степени развития креативности и меры структурной организации метакогнитивных качеств носит закономерный характер: она имеет вид обратно пропорциональной зависимости. При возрастании креативности снижается степень структурной организации метакогнитивных качеств личности. В-четвертых, в основе динамики количественных показателей организации структур метакогнитивных качеств (структурных индексов) при изменении уровня развития креативности лежат, как правило, не количественные изменения этих структур, а их качественные перестройки (что

вытекает из обработки представленных данных по критерию χ^2). Это означает, что креативность может выступать детерминантой изменения всей структуры метакогнитивных качеств и является свидетельством ее достаточно сильной детерминационной роли в воздействии на них.

Интерпретируя эти результаты, можно сформулировать следующую гипотезу. По-видимому, наряду с процессами и механизмами метакогнитивного плана, в структурно-функциональной организации психики предусмотрены и такие средства, которые являются функционально противоположными им. Это средства обеспечения уже не контроля за «первичными» когнитивными (и иными) процессами, а средства *минимизации* или даже блокады такого контроля. Они и обеспечивают такую необходимую во многих случаях «спонтанность и симультанность» когнитивных процессов, внесение в них элементов «творческого хаоса». Аналоги этих средств уже частично описаны в когнитивной психологии – это, в частности, известная «эвристика блокады когнитивного контроля». Кроме того, в параграфе 2.3.1. была описана и сходная с ней в функциональном плане «эвристика блокады метакогнитивного контроля». Показательно, что именно эти средства, развиваясь и обогащаясь, генерализируясь и фиксируясь, приводят в итоге к формированию очень важного феномена, который также был описан нами выше и который – что следует подчеркнуть особо – явился исходно не результатом теоретического анализа, а выступил следствием эмпирического исследования реальной деятельности именно управленческого типа. Это феномен, обозначенный выше как явление «антирефлексии», смысл которого как раз и состоит в минимизации или даже к блокаде рефлексивного контроля.

Итак, обобщая представленные выше материалы, направленные на интерпретацию полученных в данном исследовании результатов, можно сделать следующее итоговое заключение. Все они в своей совокупности, дают комплексное решение проблемы общих способностей как детерминант метакогнитивных качеств личности. Эта детерминация раскрывается как очень сложная, внутренне гетерогенная, но одновременно – и достаточно организованная и закономерная. Система таких закономерностей, выявленная и проинтерпретированная выше, составляет основной результат данного исследования. Наряду с этим, необходимо зафиксировать и еще одно положение обобщающего плана, вытекающее из результатов представленного выше исследования. Оно, раскрывая дополнительные грани организации как самой метакогнитивной сферы, так и трех исследованных общих способностей, одновременно может служить и важным аргумен-

том в пользу необходимости дифференциации двух уровней организации метакогнитивной сферы – метасистемного и общесистемного. Действительно, как следует из результатов, полученных при исследовании первой из этих способностей – интеллекта, именно вследствие существования и взаимодействия этих уровней в общей структуре метакогнитивной сферы, сама она, начинает выступать «полем взаимодействия» двух категорий закономерностей. С одной стороны, это *объективные* закономерности, присущие самой метасистеме и составляющие основу всех ее собственных закономерностей в целом и закономерностей, лежащих в основе функционирования интеллекта. С другой стороны, это *субъективные* закономерности, присущие не самому интеллекту непосредственно, а тем произвольно регулируемым метапроцессам, которые возникают как средства его саморегуляции. В результате возникает необходимость (и возможность) в специфической способности – регулировать саму эту очень важную и именно общую способность, то есть интеллект как таковой. Это – умение так сказать «распоряжаться» своим интеллектом, «способность к использованию интеллектуальной способности», то есть своего рода «вторичная» способность.

Наконец, столь же общая закономерность выявляется и по отношению к креативности. В результате ее взаимодействия (именно как общей способности, то есть характеристики метасистемного уровня) с метакогнитивными процессами и механизмами (как атрибутами общесистемного уровня ее организации) вскрывается обстоятельство принципиального плана. Оно состоит в том, что в организации психики, действительно, воплощена одна из основных закономерностей, присущих сложным и сверхсложным системам и заключается в следующем. Наиболее развитыми и эффективными являются не те системы, которые обладают максимальной степенью организованности, а те, которые способны к внесению в свое содержание элементов противоречивости и дезорганизованности – *асистемности*, а затем и к ее преодолению и достижению за счет этого еще большей организованности. Иными словами, они обладают способностью к генерации и последующему использованию асистемности, однако, асистемности продуктивной. Поэтому, наряду с процессами и механизмами метакогнитивного плана, в структурно-функциональной организации психики предусмотрены и такие средства, которые являются функционально противоположными им.

Таким образом, можно видеть, что во взаимодействии общих способностей и метакогнитивной сферы, действительно, порождаются новые и достаточно значимые закономерности и образования. При этом следует особо подчеркнуть,

что первые репрезентируют метасистемный уровень ее организации, а сама она, взятая во всей полноте ее состава и организации – собственно системный уровень. Главной из этих закономерностей, по нашему мнению, является генерирование принципиально новой категории способностей – *метаспособностей*. Тем самым, и сама метакогнитивная сфера обогащается новым и очень обобщенным и мощным операциональным механизмом. Подчеркнем также, что установление этих – достаточно общих особенностей и закономерностей оказалось возможным при том условии, что общие способности и метакогнитивная сфера личности были рассмотрены и проинтерпретированы именно с позиций их принадлежности к двум качественно разным уровням организации – к метасистемному и общесистемному. При этом, как можно видеть, такое рассмотрение привело к конструктивным результатам, оказалось продуктивным. Это, в свою очередь, должно быть понято как объективное и важное свидетельство правомерности и самой дифференциации двух указанных уровней.

3.5. Компонентный уровень организации метакогнитивной сферы личности

Как отмечалось выше, все задачи, связанные с исследованием уровней организации метакогнитивной сферы, подразделяются на две группы – верификационные и исследовательские. Последние также подразделяются на интерпретационные и поисковые. При этом основная «тяжесть» спецификации изучения уровней связана, прежде всего, именно с первой группой задач – то есть с тем, каким образом и какими способами возможно обоснование – проверка и доказательство самостоятельности их собственно уровневого статуса. Иными словами, специфика исследования каждого уровня состоит, главным образом, в том, каким образом может быть доказано их существование как таковое, само их наличие в качестве относительно самостоятельных и качественно своеобразных сущностей. Напротив, задачи собственно исследовательского плана обычно менее специфичны – они менее сензитивны к различиям уровней. Однако по отношению к компонентному уровню ситуация во многом является не просто иной, но и отчасти даже противоположной. Более того, она не вполне отвечает и априорным предположениям, связанным с тем, как должен исследоваться данный уровень с учетом опыта других работ, направленных на изучение его же, но по отношению к иным предметам исследования. Дело в том, что в методологии системного подхода именно он считается наиболее очевидным и даже «само собой

разумеющимся» в плане его существования. Следовательно, по отношению к нему, задачи верификационного плана либо становятся сугубо подчиненными, либо вообще не рассматриваются. Другими словами, он считается наиболее очевидным и уже не требующим обоснования и доказательства, то есть верификации. Поэтому основной акцент переносится на задачи исследовательского плана, смысл которых связан с определением и интерпретацией тех особенностей и закономерностей изучаемой системы, которые имеют место на данном уровне.

Вместе с тем, по отношению именно к метакогнитивной сфере ситуация выглядит существенно иначе. Дело в том, что определение и интерпретация – понимание самой *сущности* и специфики ее базовых компонентов как раз и связано с наиболее принципиальными вопросами. Более того, именно при определении и последующем изучении компонентов данной сферы возникают наиболее острые вопросы относительно самого *предмета* метакогнитивизма в целом и, следовательно, правомерности его существования как такового. Наконец, именно в связи с обоснованием специфичности именно компонентного уровня и, соответственно, – его основной «единицы», то есть самого компонента сформулированы наиболее острые и часто высказываемые возражения *против* введения базового конструкта всего метакогнитивизма – понятия метакогнитивных процессов. Смысл этих вопросов и возражений, впрочем, хорошо известен и состоит в том, нужна ли вообще сама дифференциация, наряду, скажем, с «просто» мышлением еще какого-то специфического метамышления? Не является ли оно в принципе сводимым – редуцируемым к «просто» мышлению? Обладает ли метамышление какой-либо собственной качественной специфичностью, которая и не позволяет редуцировать его до традиционно исследуемых особенностей и закономерностей самого мышления? Вообще – нужна ли по отношению к нему дифференциация на «первичный» и «вторичный» процессы? Аналогичные вопросы сформулированы, как известно, и по отношению ко всем иным дифференцируемым метакогнитивным процессам – в частности, к метапамяти.

Кроме того, совершенно понятно, что от ответа именно на этот – критически значимый вопрос зависит не только та или иная трактовка компонентов метакогнитивной сферы, но и обоснование необходимости и даже возможности самого существования метакогнитивизма в целом. Дело в том, что только в том случае, если такая специфика по отношению к компоненту, действительно, существует и может быть доказана, можно вообще говорить о самостоятельности *предмета* всего метакогнитивизма и, следовательно, о его праве на существование.

ние как такового. В силу этого, при изучении именно данного уровня на первый план выходят задачи не собственно исследовательского, а именно верификационного плана; этим он и отличается практически от всех иных уровней. Подчеркнем также, что приоритет задач верификационного плана вовсе «не отменяет» необходимость и значимость других – собственно исследовательских задач; они, разумеется, также должны быть реализованы по отношению к нему.

Наряду с этим – основным положением, определяющим специфику стратегии исследования данного уровня, необходимо учитывать и ряд дополнительных обстоятельств, связанных как с его своеобразием, так и с общей – реализуемой в данной главе стратегией исследования метакогнитивной сферы личности. Во-первых, необходимость его специального рассмотрения диктуется именно этой общей логикой и стратегией изучения метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности. Дело в том, что она предполагает рассмотрение всех ее уровней и верификацию наиболее общего положения, согласно которому она построена на основе структурно-уровневого принципа и образует иерархию ряда базовых уровней.

Во-вторых, поскольку в данном исследовании реализуется структурно-уровневый подход к изучению метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, то компонентный уровень в принципе нельзя рассматривать вне контекста его включенности в общую структурно-уровневую иерархию всех иных уровней. Следовательно, необходимо попытаться синтезировать два ряда психологических фактов. Первый: каждый отдельно взятый параметр метакогнитивной сферы, то есть каждый ее компонент, безусловно, является вполне самостоятельной детерминантой данной деятельности. Второй: одновременно он практически никогда не действует «в отдельности», а выступает именно компонентом общей метакогнитивной регуляции деятельности в целом. Следовательно, возникает важная в теоретическом и практическом плане задача, состоящая в том, чтобы, не стирая граней между этими различными типами детерминации, определить их сравнительную выраженность и закономерности их взаимосвязи.

В-третьих, следует избегать ошибки, часто встречающейся при рассмотрении данного уровня и связанной с упрощенной трактовкой самого понятия компонента. Она нередко – гласно или нет, сводится к его пониманию как относительно *простого* (или даже *наиболее простого*) образования той или иной системы, из совокупности которых последняя и состоит. Тем самым происходит фактическое смешение двух совершенно разных понятий – компонента и *элемента*:

первый подменяется вторым (напомним, что данный вопрос уже был предметом нашего специального рассмотрения в параграфе 3.4.). Опираясь на его результаты в целом и на те признаки, которым должна удовлетворять дифференциация в системе компонентов, в особенности, необходимо, прежде всего, детализировать и конкретизировать само *понятие компонента*.

На наш взгляд, такая необходимость имеет принципиальное значение. Дело в том, что понятие нередко используется не в его строгом и, следовательно, – корректном значении, а достаточно аморфно и концептуально неопределенно; ему, а также определению его «границ» не уделяется обычно специального внимания. В результате этого очень часто под компонентом понимается, фактически, *любая* «составляющая», любая часть той или иной системы. Например, очень типичным и показательным в этом отношении является синонимичное использование понятий компонента и элемента, хотя, как было показано выше, это – совершенно разные, качественно специфические по отношению друг к другу образования (см. также обзор в [125]). В наиболее строгом и непосредственном смысле под компонентом следует понимать такую относительно простейшую «составляющую» системы, которая, однако, *еще* обладает основными характеристиками самой системы; она «несет на себе» все основные атрибуты ее качественной определенности. Отсюда следует, что компоненты (по определению) сами по себе являются достаточно сложными, именно *комплексными* образованиями. Они, в свою очередь, также состоят (именно *компонуются*) из определенных образований, но уже иного уровня и порядка сложности. Последними как раз и являются отдельные элементы, которые, в отличие от компонентов, *уже* утрачивают атрибуты качественной определенности системы, в которую они включены. Вместе с тем, действительная сложность соотношений компонентов и элементов состоит в том, что вторые объективно *необходимы* для порождения первых; однако «сами по себе» (то есть как некоторая агрегативная сумма) еще *недостаточны* для этого. Они обязательно должны быть подвергнуты определенной организации и лишь при этом условии – синтезируясь друг с другом, приводят к формированию компонентов.

Действительно, даже в самой этимологии понятия «компонент» содержится атрибут *комплексности* (*скомплектованности*, *композиционности*), то есть неэлементарности, а составного характера. *Компонент* – это нечто именно *комплексное*, то есть составное, предполагающее наличие в своем составе иных образований и, следовательно, их организацию. Следовательно, и анализ системы

на компонентном уровне, в отличие от элементного, предполагает необходимость выделения и последующего изучения *достаточно сложных*, внутренне дифференцированных и *составных* образований. Подход к трактовке компонентов с этой точки зрения должен быть именно *композиционным*, а не элементаристским. Одним из его смысловых оттенков как раз и является сравнимость, сопоставимость компонентов как таковых (*comparable* – сравнимый, сопоставимый). Компонент трактуется в общем виде как «сравнимый» и сопоставимый с аналогичными ему образованиями. Однако сложность данного вопроса заключается в том, что это сходство, «сравнимость» могут быть прослежены не столько в плане содержания и феноменологических характеристик компонентов, а в иных – более имплицитных их свойствах.

В-четвертых, следует учитывать и положение, которое также было сформулировано выше: компонентный состав метакогнитивной сферы личности является принципиально *гетерогенным* – очень разнородным по содержанию самих входящих в него «единиц». Причем, речь идет именно о качественных – глубоких различиях между ними. Так, ими выступают и образования собственно *процессуального* плана, и образования *результативного* плана (качества). Ими же выступают и совершенно иные образования – так называемого «*знаниевого*» плана «знания о знаниях» (метазнания). Наконец, ими выступают и собственно *операционные* образования (например, стратегии, «управляющие эвристики»). Такое разнообразие имеет, по-видимому, принципиальный смысл, поскольку лишь при его наличии возможна реализация метакогнитивной сферой тех – очень сложных функций, которые она и призвана реализовывать. Эта сложность, в конечном счете, обусловлена тем, что именно такие средства во многом обеспечивают феномен сознания как наиболее сложный из всех известных, а также реализацию регулятивной роли сознания по отношению к деятельности. Следовательно, согласно известному «закону необходимого разнообразия» (У.Р. Эшби [313]), компонентный состав должен отвечать требованию принципиальной гетерогенности входящих в него образований и структур, средств и процессов.

Подчеркнем, что постановка этих вопросов объективно вытекает и из общей логики развития представлений в метакогнитивизме и в психологии профессиональной деятельности. Как было показано в главе 1, эти представления в значительной степени «разделяют судьбу» развития большинства эмпирических проблем психологии, последовательность фаз их развития. На первой фазе доминирует аналитический способ исследования, когда те или иные аспекты

предмета исследования изучаются в относительной изолированности от его реальной целостности; исследуется их влияние на те или иные деятельностные и поведенческие проявления. Это аналитическая фаза, стадия развития представлений в той или иной области. Развитие метакогнитивизма на ней привело к накоплению очень большого массива эмпирических и экспериментальных данных, анализ которых проведен в главе 1. Вместе с тем, она – лишь первая и во многом еще несовершенная стадия развертывания процесса познания предмета. Она рано или поздно приводит к необходимости перехода на более совершенную стадию – стадию структурного, а затем и системного исследования. На ней изученные ранее отдельные аналитические проявления предмета начинают рассматриваться и изучаться уже именно как его компоненты, содержание которых не может не испытывать детерминацию со стороны всего целого.

Руководствуясь этим методологическим положением, мы предприняли попытку исследования некоторых, особенностей компонентного уровня метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности, наиболее существенных с точки зрения задач данной работы. Так, именно их учет обуславливает необходимость начать исследование данного уровня именно с того – ключевого вопроса, который был сформулирован выше как критически значимый в плане обоснования самого существования данного уровня, а также в плане обоснования правомерности выделения компонентов как таковых. Напомним, что этот вопрос в преднамеренно заостренной формулировке может быть представлен в следующем виде. Существует ли, наряду, например, с «просто» мышлением, еще и «вторичный», то есть именно метакогнитивный процесс – метамышление? Не является ли последнее принципиально редуцируемым до содержания и качественного своеобразия «просто» мышления? Вообще – в чем специфика первого по отношению ко второму? Как она может быть эксплицирована и доказана? По нашему мнению, остроту данного вопроса нельзя уменьшать. Наоборот, ее следует подчеркнуть, а сам этот вопрос сделать предметом первоочередного рассмотрения, поскольку именно от его решения зависит правомерность (и даже возможность) всех дальнейших исследований и этого уровня и всех иных уровней организации метакогнитивной сферы.

В этих целях нами был реализован специальный цикл исследований, результаты которого могут быть обобщены следующим образом. В параграфе 3.2. уже отмечалось, что одним из наиболее конструктивных и обоснованных средств решения вопроса о наличии качественного своеобразия у изучаемого предмета,

равно как и его нередуцируемости к иным «составляющим», является метод дисперсионного анализа [306]. Он, к тому же, является и очень традиционным, хорошо зарекомендовавшим себя в психологических исследованиях. Как известно, его использование может в *решающей* степени судить о неправомерности редукции содержания какого-либо сложного целого до агрегативной совокупности входящих в него частей. Дело в том, что с помощью данного метода можно определить не только степень вклада в тот или иной результат какого-либо фактора (или факторов) *в отдельности* и их *суммативного* влияния, но и степень вклада в него со стороны их *совместного* влияния. Однако это совместное влияние двух, трех (или более) факторов *объективно* возможно, если при их взаимодействии возникают *дополнительные* по отношению к каждому из них и к их простой сумме интегративные эффекты, возникает дополнительный «потенциал действия», то есть формируется определенная содержательная «прибавка» к этой простой сумме.

В связи с этим открывается возможность для того, чтобы определить, какая доля содержания изучаемого предмета детерминирована *отдельными* факторами, а какая – эффектами их *совместного*, интегративного влияния. Первая определяется через вычисление *автономных* дисперсий, а вторая – через вычисление дисперсии *взаимодействия* факторов (попарного, тройного и пр.). Если эффекты такого совместного влияния действительно обнаруживаются, то они должны быть проинтерпретированы как следствия системности организации отдельных факторов (в нашем случае – отдельных предикторов метакогнитивной сферы и ее основных подсистем), а также интегративных эффектов (и фактически *нового* процессуального, динамического и иного содержания), возникающих в их результате. Именно поэтому он и был избран нами в качестве основного метода при решении сформулированного выше вопроса.

Процедура его исследования имела следующий дизайн. Выборка испытуемых (руководители среднего и низового звена ряда государственных и коммерческих организаций гг. Ярославля и Москвы; $n = 80$) была продиагностирована на предмет определения у них индивидуальной меры развития параметров мышления как «первичного» когнитивного процесса; в этих целях применялись две методики – методика «Прогрессивных матриц» Равена и методика «Установление закономерностей» [232, 269]. Далее, была осуществлена диагностика индивидуальной меры развития процессов метамышления. Естественно, что при этом возникают значительно бóльшие сложности диагностического плана, связанные

с тем, что до настоящего времени вопрос о методическом инструментарии исследования метамышления разработан крайне слабо. В связи с этим, нами были использованы две специально разработанные методики диагностики метамышления: одна – специально разработанная нами и представленная в Приложении 3, а другая – предложенная в работе [125]. После этого испытуемые выполняли экспериментальное задание, состоящее из решения специально разработанного набора задач, воссоздающих те или иные – типичные для управленческой деятельности ситуации [205]. В качестве основного результирующего параметра экспериментальной деятельности выступал процент правильных решений по отношению к их общему числу. На основе всех этих процедур образовывался дисперсионный комплекс результатов, который имел вид, представленный в таблице 14. В итоге этих расчетов были получены следующие основные результаты. Во-первых, величины дисперсий, соотносимые с каждым из факторов в отдельности, оказались значимыми на $p = 0,05$ и достаточно существенными – они составили, соответственно, 22% и 13% всей дисперсионной нагрузки.

Таблица 14

Дисперсионный план обработки результатов изучения взаимодействия мышления и метамышления

		М	
		–	+
ММ	–	g_1 g_2 · g_n	h_1 h_2 · f_n
	+	k_1 k_2 · k_n	l_1 l_2 · l_n

Примечания: М и ММ – соответственно, показатели выраженности мышления и метамышления; $g_1 - g_n$, $h_1 - h_n$, $k_1 - k_n$, $l_1 - l_n$ – соответственно, индивидуальные значения процента правильных решений для испытуемых, вошедших в каждую из четырех групп; n – число испытуемых каждой из подгрупп, образованных сочетаниями уровня развития М и ММ; оно было одинаковым и составляло 20 человек. Ячейки дисперсионного плана образованы сочетаниями степени выраженности М и ММ. Первая из них включает испытуемых, характеризующихся сочетанием относительно низкого уровня развития мышления и низкого уровня развития метамышления; вторая – сочетанием высокого уровня развития мышления и низкого уровня развития процесса метамышления; третья – сочетанием низкого уровня развития мышления и высокого уровня развития процесса метамышления; четвертая – сочетанием высокого уровня развития мышления и высокого уровня развития метамышления. после этого производились все предусмотренные этим дисперсионным комплексом расчеты.

Следовательно, оба этих фактора оказывают значимое и достаточно сильное влияние на результаты всей деятельности; они являются значимым *по отдельности*, то есть в их автономном влиянии. Во-вторых, не только значимой в статистическом отношении, но и достаточно существенной оказалась и величина дисперсии *взаимодействия* этих факторов. В количественном отношении ее величина несколько меньше автономной дисперсии, соотносимой с первым фактором (15%), но больше величины дисперсии, соотносимой со вторым фактором (13%). Этот результат является наиболее принципиальным в плане общих задач данного исследования: он *непосредственно* указывает на то, что общее содержание детерминации результативных параметров экспериментальной деятельности не может быть сведено – редуцировано к аддитивной сумме содержаний детерминации со стороны двух факторов по отдельности. Не только значимая, но и достаточно существенная доля этого содержания сопряжена с эффектами взаимодействия факторов, с эффектами синергии, которые и возникают в ходе такого взаимодействия.

На основании этого следует заключить, что именно во взаимодействии метамышления и мышления формируется дополнительное, новое по отношению к каждому из них содержание, несводимое к их аддитивной совокупности. За счет этого выявляется наиболее важный в плане задач данного исследования факт: включение в регуляцию деятельности процессов метамышления приводит к возникновению нового – дополнительного процессуального содержания. Оно выступает продуктом именно взаимодействия двух исследованных процессов: его нет ни у одного из них «по отдельности», но оно генерируется при их синтезе, что и выявляется посредством обнаружения значимой дисперсии их взаимодействия. Тем самым подтверждается и основное предположение – о том, что метамышление, действительно, обладает самостоятельностью и специфичностью собственного процессуального содержания, а следовательно, – и его нередуцируемостью до содержания «первичного» когнитивного процесса мышления. При этом следует учитывать и обстоятельство достаточно имплицитного плана. Оно состоит в том, что функциональная роль метамышления (его автономный вклад) несколько меньше, чем его же влияние, но представленное в виде синергетических эффектов влияния совместно с первым фактором («просто» мышлением).

По нашему мнению, в этом заключена очень важная особенность. Истинная роль метамышления как регулятора деятельности заключается не только и

даже не столько в том, что оно *непосредственно* детерминирует ее организацию, сколько в том, что оно усиливает потенциал самого мышления (как «первичного» процесса), а через это – *опосредствованно* влияет и на результат деятельности. Именно это и проявилось в сравнительной выраженности трех обнаруженных влияний: наиболее сильное влияние оказывает первый фактор, на втором месте – влияние, обусловленное взаимодействием факторов, то есть, фактически, именно то влияние, которое и обусловлено воздействием метамышления на мышление. И только на третьем месте – автономное влияние самого метамышления. Однако, тот факт, что оно, действительно, находится на третьем, то есть на последнем месте, вовсе не означает, что это влияние «самое маленькое». Дело в том, что сама *природа* и механизмы этого влияния таковы, что они носят не только и не столько прямой, сколько принципиально опосредствованный характер. Поэтому об истинной силе влияния второго фактора на результаты деятельности надо судить не по величине автономной дисперсии второго фактора, а по *сумме* дисперсии этого фактора и дисперсии взаимодействия обоих факторов. В этом случае, как можно видеть из результатов, данное значение превышает автономную дисперсию первого фактора, что вполне естественно и закономерно, а одновременно и доказательно в плане основных задач данного параграфа.

Следовательно, эти результаты доказывают наиболее принципиальный факт: в метамышлении, являющимся наиболее традиционным и наиболее репрезентативным компонентом метакогнитивной сферы личности в целом, действительно, генерируется новое процессуальное содержание, несводимое к процессуальному содержанию «первичного» когнитивного процесса – процесса мышления. В силу этого, появляются необходимые и достаточные основания для того, чтобы понимать его именно как качественно специфическое и самостоятельное процессуальное образование. Сам этот компонент обретает самостоятельность статуса как базовой «единицы» метакогнитивной сферы. Вместе с тем, он является лишь *одним* из многих иных входящих в нее компонентов, в связи с чем их необходимо также включить в сферу исследования. В этих целях нами был исследован еще один – также очень традиционный и широко представленный в современных работах, а потому и весьма репрезентативный в плане общей проблематики метакогнитивизма процесс – *метапамять*. Дизайн исследования был аналогичен тому, по которому организовывалось только что описанное исследование. В итоге данного исследования были получены следующие основные результаты.

Во-первых, величины дисперсий, соотносимые с каждым из факторов в отдельности, оказались значимыми на $p = 0,05$ и достаточно существенными – они составили, соответственно, 24% и 10% всей дисперсионной нагрузки. Следовательно, оба этих фактора оказывают значимое и достаточно сильное влияние на результаты всей деятельности; они являются значимым *по отдельности*, то есть в их автономном влиянии. Во-вторых, не только значимой в статистическом отношении, но и достаточно существенной оказалась и величина дисперсии *взаимодействия* этих факторов. Причем, очень характерно и то, что в итоге выявилась та же ситуация, которая была констатирована и по отношению к исследованиям метамышления. В количественном отношении дисперсия взаимодействия является меньшей, чем автономная дисперсия, соотносимая с первым фактором (16%), но больше величины дисперсии, соотносимой со вторым фактором (10%). Этот результат является наиболее принципиальным в плане общих задач данного исследования: он *непосредственно* указывает на то, что общее содержание детерминации результативных параметров экспериментальной деятельности не может быть сведено – редуцировано к аддитивной сумме содержаний детерминации со стороны двух факторов по отдельности. Не только значимая, но и достаточно существенная доля этого содержания сопряжена с эффектами взаимодействия факторов, с эффектами синергии, которые и возникают в ходе такого взаимодействия. Следовательно, именно во взаимодействии метапамяти и памяти – формируется дополнительное, новое по отношению каждому из них содержание, несводимое к их аддитивной совокупности.

Кроме того, важно учитывать и еще одну обнаруженную закономерность, также являющуюся принципиально сходной с выявленной по отношению к метамышлению. Она состоит в том, что функциональная роль метапамяти (ее автономный вклад) несколько меньше, чем ее же влияние, но представленное в виде синергетических эффектов влияния совместно с первым фактором («просто» памятью). В этом вновь проявляется важная и, по-видимому, достаточно общая особенность, состоящая в следующем. Действительная роль метакогнитивных процессов в целом и метапамяти, в частности, как регуляторов деятельности заключается не только и даже не столько в том, что они *непосредственно* детерминируют ее организацию, сколько в том, что это влияние – усиливает потенциал самих «первичных» процессов, а через это, то есть *опосредствованно* влияет и на результат деятельности.

Обратим внимание и на то, что в двух описанных выше исследованиях изучались такие компоненты метакогнитивной сферы, которые, согласно существующей терминологии, принадлежат к классу так называемых метакогнитивных *автопроцессов*. Их сущность состоит в том, что операционные средства того или иного «первичного» когнитивного процесса реализуются в отношении его же самого («оборачиваются» на него), в результате чего и происходит типичное для всех метакогнитивных процессов «удвоение» – формируются «вторичные», то есть именно метакогнитивные процессы. Вместе с тем, необходимо учитывать, что, наряду ними, существует и еще один основной их класс – метакогнитивные *гетеропроцессы*. Их суть, напротив, состоит в том, что, как уже отмечалось выше, операционные средства какого-либо одного «первичного» когнитивного процесса реализуются в отношении другого «первичного» когнитивного процесса. Классическим и наиболее очевидным результативным проявлением такого рода гетеропроцессов, является, как известно то, что обычно обозначается понятием *мнемотехники*. Она как раз и выступает в плане своего собственно процессуального содержания как реализация средств и процессов собственно мыслительного характера по отношению к *другим* процессам – уже собственно мнемического характера. При этом имеет место взаимодействие двух разных «первичных» процессов – мышления и памяти; это – «мышление в отношении памяти». В связи с этим, собственно говоря, и возникает тот же самый вопрос, который был предметом рассмотрения в двух предыдущих исследованиях. Сводим ли процессуальное содержание, обеспечивающее функционирование мнемотехнических средств, к аддитивной совокупности тех «первичных» процессов, которые лежат в их основе – к «первичным» процессам мышления и памяти? Или же в их взаимодействии, то есть, фактически, в их синтезе возникает новое процессуальное содержание, в принципе нередуцируемое к рядоположенной сумме содержаний «первичных» процессов? Понятно, что лишь в случае позитивного ответа на эти вопросы можно говорить и о наличии качественной специфичности у тех процессов, которые лежат в основе мнемотехнических средств; можно говорить о самостоятельности их процессуального статуса именно как «вторичных», то есть метакогнитивных процессуальных образований.

Этот вопрос и был подвергнут исследованию, дизайн которого был идентичен тому, по которому осуществлялись два предыдущих исследования. Однако, при таком формальном сходстве, в содержательном плане он был образован,

разумеется, другими факторами и, соответственно, их сочетаниями (см. далее – рис.17). В итоге проведения исследования были получены следующие основные результаты. Во-первых, так же, как и в предыдущих исследованиях, на долю автономных дисперсий, то есть на долю тех вкладов, которые вносят в итоговый результат отдельные факторы (соответственно, 34% и 26%) приходится значимая дисперсионная нагрузка (на $p = 0,05$). Следовательно, каждый из этих процессов по отдельности является значимой детерминантой результативности экспериментальной деятельности.

Во-вторых, не только значимая в статистическом отношении, но и достаточно существенная доля дисперсии обнаруживается и по отношению к *взаимодействию* этих факторов: об этом свидетельствует ее величина – 12%. Следовательно, именно данный результат является, так же как и в двух предыдущих исследованиях, *непосредственным* доказательством несводимости всего содержания процессуального обеспечения этой деятельности к аддитивной совокупности влияния двух факторов по отдельности и, соответственно, к аддитивной совокупности тех процессов, которые его и обуславливают. Иначе говоря, именно во взаимодействии двух «первичных» процессов (в данном случае памяти и мышления) генерируется принципиально новое процессуальное содержание, несводимое к содержанию суммы процессов, которые и подлежали такому синтезу. Вновь выявляются все те же эффекты синергетического типа, которые возникают вследствие интеграции двух «первичных» когнитивных процессов и которые приводят к выходу за пределы простой суммы их парциальных содержаний. Тем самым, однако, получает свое доказательство обстоятельство наиболее принципиального плана: доказываемое существование своего собственного, качественно специфического содержания у такого рода процессуального синтеза. Оно свидетельствует о самостоятельности данного компонента именно как обладающего собственной качественной определенностью и его нередуцируемости к иным процессам и образованиям.

Кроме того, обратим внимание, что в данном исследовании обнаруживается и результат, несколько отличный от тех, которые установлены в двух предыдущих исследованиях. Он состоит в том, что величины дисперсии, обусловленные автономными влияниями обоих факторов и величина дисперсии их взаимодействии оказались вполне сопоставимыми и представленными на одном и том же уровне значимости ($p = 0,05$). Следовательно, в том случае, когда процессу-

альному синтезу подвергаются образования, принадлежащие к *разным* «первичным» когнитивным процессам, сами эффекты синергии оказываются представленными в большей степени, чем это имеет место по отношению к тем метакогнитивным процессам, которые входят в класс автопроцессов. В силу этого, можно высказать гипотезу, согласно которой, чем более гетерогенными являются интегрируемые «первичные» процессы, тем более выраженными являются сами эффекты интеграции и, соответственно, сильнее синергетические эффекты.

Таким образом, подводя итоги трем охарактеризованным выше исследованиям и резюмируя их общий смысл, необходимо подчеркнуть главное. Все они, причем – на разном материале выявляют одно и тот же общее и наиболее принципиальное обстоятельство – несводимость процессуального содержания метакогнитивных процессов, понимаемых в качестве компонентов метакогнитивной сферы, к аддитивной совокупности тех содержаний самих синтезируемых в них «первичных» когнитивных процессов. На уровне «вторичных» процессов генерируется новое процессуальное содержание, которое и придает им качественную специфичность, а также доказывает недопустимость их редуцирования до агрегативной суммы синтезируемых в них «первичных» процессов. Тем самым, однако, получает позитивное решение и основной – сходный для всех трех представленных выше исследований вопрос. Это, напомним, вопрос о самостоятельности психологического статуса самих – традиционно дифференцируемых компонентов метакогнитивной сферы, в качестве которых как раз и выступают, главным образом, отдельные метакогнитивные процессы. В силу этого, аналогичное, то есть позитивное решение получает и наиболее острый вопрос всего метакогнитивизма, а также в значительной мере снимаются и основные возражения против него (вопрос о самостоятельности статуса его основного предмета – метакогнитивных процессов).

Представленные выше результаты, наряду с тем, что они позволяют дать решение этого – основного вопроса, одновременно вскрывают очень сложные и неоднозначные отношения между «просто» мышлением и метамышлением. В них переплетаются и соединяются моменты их несомненной качественной определенности с моментами их столь же принципиальной и, более того, атрибутивной общности и единства, взаимозависимости и взаимопроизводности. В связи с этим формулируется, однако, еще один вопрос, который также необходимо подвергнуть рассмотрению. Он связан со специальным анализом тех отношений, которые, возможно, существуют между индивидуальной мерой раз-

вития процессов собственно мышления и метамышления. Данный вопрос также был подвергнут нами изучению как в ряде выполненных ранее работ (в частности, в [120, 125]), так и в специальном цикле исследований, процедура организации и основные результаты которого могут быть резюмированы следующим образом.

Вся выборка (она в целом была аналогична и по составу, и по количеству участвовавшей в предыдущем исследовании) дифференцировалась посредством описанных методик по параметрам индивидуальной меры развития как процессов мышления, так и метамышления (одна – разработанная нами и охарактеризованная в параграфе, а вторая – предложенная в [125]). На основе этого проводилась вся последующая обработка результатов. В ее итоге были получены следующие данные, представленные в таблице и на рис. 15 (первичные данные представлены в Приложении 17).

		М		
		-	+	
ММ	-	44	58	61
	+	46	76	51
		45	67	

Рис. 15. Результаты исследования взаимосвязи мышления и метамышления.
Примечания: М и ММ – соответственно, мышление и метамышление; «-» и «+» – соответственно, минимальный и максимальный уровень индивидуальной меры развития этих процессов; 45 и 67 – средние значения по столбцам; 61 и 51 – средние значения по строкам.

Расчеты, произведенные на основе представленных выше данных, показывают, что на долю автономного влияния фактора мышления приходится $(67 - 45) = 22$ единицы «внешнего критерия»; на долю автономного влияния метамышления – $(61 - 51) = 10$ единиц. Отметим, что обе эти величины являются статистически значимыми ($p = 0,05$). Вместе с тем наиболее показательным, что коэффициент *взаимодействия* между этими факторами, то есть между мышлением и метамышлением ($k_{М \times ММ}$), определенный по известному методу вычисления «разности двух разностей» [56], равен:

$$k_{М \times ММ} = (44 - 58) - (46 - 76) = -16 \text{ единиц}$$

Он также является статистически значимым ($p = 0,05$). Следовательно, между рассматриваемыми параметрами имеет место *значимое взаимодействие* – их взаимовлияние друг на друга. Показателен также *тип*, то есть характер этого взаимодействия. Оно, как можно видеть из представленных результатов, принадлежит к «*расходящемуся*» *типу* [56, 423], что свидетельствует о взаимоусиливающем взаимодействии факторов по отношению друг к другу в плане детерминации ими тех или иных результативных проявлений (в данном случае общей степени выраженности метакогнитивного потенциала). В самом деле, при минимальном значении метамышления влияние самого мышления на показатели критерия равно $(58 - 44) = 14$ единиц; при максимальном же значении метамышления оно равно уже $(76 - 46) = 30$ единицам, то есть более чем в 2 раза больше. Следовательно, метамышление оказывает именно *фасилитирующее*, то есть усиливающее влияние на действие собственно мышления.

С другой стороны, имеет место и еще один факт: при минимальном значении мышления влияние метамышления на показатели критерия равно $(46 - 44) = 2$ единицам, а при максимальном ее значении $(76 - 58) = 18$ единицам. Таким образом, и здесь можно констатировать аналогичную – фасилитирующую (усиливающую) роль одной подсистемы по отношению к действию другой. Подчеркнем также, что все три значения (два, свидетельствующие об «автономных влияниях» подсистем, и одно – об их взаимодействии) являются статистически *значимыми*. Кроме того, коэффициент взаимодействия между ними не только статистически значим, но даже *превышает* по величине одно из обнаруженных автономных влияний (со стороны метамышления).

Таким образом, по результатам данного исследования можно сделать вывод, согласно которому два рассмотренных процесса – «первичный» (мышление) и «вторичный» (метамышление), действительно, тесно взаимосвязаны и закономерно взаимодействуют в рамках метакогнитивной сферы личности. Очень показателен и сам характер этих взаимодействий – его фасилитирующая направленность. Данное обстоятельство позволяет выявить достаточно важную, по нашему мнению, закономерность, сущность которой состоит в следующем. Между двумя основными классами процессов («первичными» и «вторичными») существуют закономерные – вполне определенные и весьма целесообразные с функциональной точки зрения отношения и взаимодействия. Их суть как раз и состоит во взаимостимулирующем – фасилитирующем характере, что, в свою оче-

редь, обеспечивает главный результат – возникновение отношений *синергии* между ними, выход за пределы простой суммы тех функциональных потенциалов, которыми они обладают «по отдельности», а тем самым – и повышение общих ресурсных возможностей субъекта. Подчеркнем также, что аналогичные в целом результаты были получены и в еще одном исследовании, направленном на изучение взаимосвязи другой «пары» процессов – «первичного» когнитивного процесса памяти и «вторичного» метакогнитивного процесса метапамяти. Его дизайн был таким же, как и в описанном выше исследовании, а смысл полученных результатов состоит в следующем.

Во-первых, на долю автономного влияния фактора памяти приходится $(71 - 53) = 18$ единиц «внешнего критерия» (то есть процента правильно выполненных заданий), а на долю автономного влияния метапамяти $(67 - 57) = 10$ единиц; обе эти величины являются статистически значимыми. Вместе с тем наиболее показательным, что коэффициент *взаимодействия* между этими факторами ($k_{П \times МП}$), то есть между памятью и метапамятью, определенный по методу вычисления «разности двух разностей» [56], равен:

$$k_{П \times МП} = (51 - 63) - (55 - 79) = 12 \text{ единиц}$$

Он также является статистически значимым ($p = 0,05$). Следовательно, можно заключить, что между рассматриваемыми процессами имеет место *значимое взаимодействие* – их взаимовлияние друг на друга. Показателем также *типа*, то есть характера, содержания, этого взаимодействия. Он, как можно видеть из представленных результатов (так же как и в предыдущем случае), принадлежит к так называемому «*расходящемуся*» типу [56, 423], что свидетельствует о взаимоусиливающем взаимодействии факторов по отношению друг к другу в плане детерминации ими тех или иных результативных проявлений (в данном случае общей степени выраженности метакогнитивного потенциала). В самом деле, при минимальном значении метапамяти влияние самой памяти на показатели критерия равно $(63 - 51) = 12$ единиц; при максимальном же значении метапамяти оно равно уже $(79 - 55) = 24$ единицам, то есть в 2 раза больше. Следовательно, метапамять оказывает именно *фасилитирующее*, то есть усиливающее влияние на действие собственно памяти. Таким образом, по результатам данного исследования можно сделать вывод, согласно которому два рассмотренных процесса – «первичный» (память) и «вторичный» (метапамять), действительно, тесно взаимосвязаны и закономерно взаимодействуют в рамках метакогнитивной сферы личности. Между двумя основными классами процессов («первичными» и

«вторичными») существуют закономерные – вполне определенные и весьма целесообразные с функциональной точки зрения отношения и взаимодействия. Их сущность – как и в предыдущем исследовании – состоит в фасилитирующем характере, что обеспечивает отношения *синергии* между ними и повышение общих ресурсных возможностей субъекта.

Далее, исследованию был подвергнут наиболее общий и естественным образом возникающий при постановке данной проблемы вопрос. Это – вопрос о *характере* связи результативных проявлений мышления и метамышления; о том, как и согласно какой именно зависимости они сопряжены друг с другом; он был предметом исследования в наших предыдущих работах [125, 134]. Полученные при его рассмотрении результаты представлены на рис. 16.

Анализ этих данных позволяет сделать следующие основные заключения. Во-первых, вопреки предположениям, между результативными параметрами мышления и метамышления отсутствует не только прямая (и тем более – прямо пропорциональная) связь, но и вообще – однозначная, линейная связь. Это, однако, не означает, что ее вообще нет: она, в действительности, существует и допускает экспликацию экспериментальными средствами. Однако она носит сложный – нелинейный характер и в наиболее общем виде принадлежит к зависимостям типа оптимума (а не максимума).

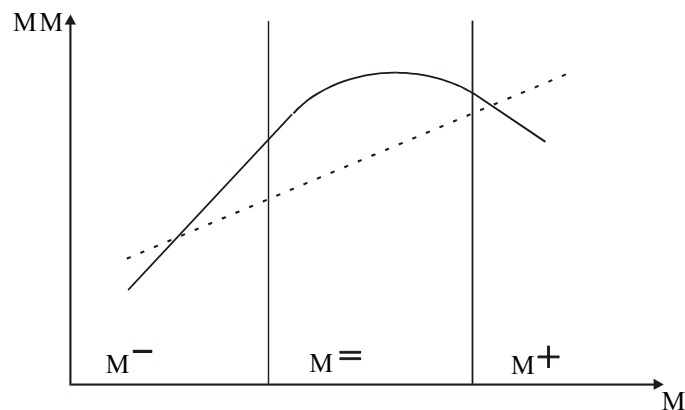

Рис. 16. Зависимость между результативными параметрами мышления и метамышления. *Примечания:* зависимость дана в обобщенном и схематизированном виде: итоговая кривая, в которой она выражается, имеет «сглаженный» вид и определялась посредством обработки индивидуальных результатов, представленных в виде пространства определенной конфигурации, посредством регрессионного анализа [54, 306]. M – интегральный показатель результативных параметров мышления; MM – интегральный показатель результативных параметров метамышления; сплошная линия – зависимость параметров метамышления от параметров мышления; пунктирная линия – тенденция обобщенной связи ними; M⁻, M⁼, M⁺ – интервалы относительно низкого, среднего и высокого уровня развития мышления.

Во-вторых, общий континуум индивидуальной меры выраженности результативных параметров мышления достаточно отчетливо дифференцируется на три основных «зоны», характеризующихся различным содержанием детерминационных отношений мышления и метамышления. Эти отношения определялись посредством использования метода «корреляционного отношения» – η^2 . В первой из них (низкий уровень развития мышления) имеет место значимое позитивное детерминационное воздействие метамышления на мышление, а обратного влияния не обнаруживается (коэффициент незначим). Во второй из них (средний уровень развития мышления) имеют место значимые детерминационные влияния и мышления на метамышление, и наоборот. В результате этого складываются необходимые и достаточные предпосылки для возникновения взаимофасилитирующих влияний и синергетических эффектов, что, в свою очередь, является объективным стимулом для повышения потенциала, как мышления, так и метамышления. В третьей из них (высокий уровень мышления) обнаруживается отрицательное детерминационное воздействие метамышления на мышление. Это свидетельствует о том, что высокоразвитое мышление, с одной стороны, в гораздо меньшей степени нуждающееся в каких-либо искусственно созданных – дополнительных операционных средствах, а с другой, – наиболее сензитивно к ингибирующему влиянию со стороны последних.

В-третьих, в наиболее общем плане все эти данные свидетельствуют об очень сложной организации одного из основных и, что еще более важно, наиболее репрезентативного и известного компонента всей метакогнитивной сферы – метамышления. Он – рассмотренный именно в качестве ее компонента, вовсе не является ни простым, ни одномерным, ни «парциальным» и гомогенным. Напротив, ему присуща очень высокая степень сложности и внутренней гетерогенности. Тем самым появляются все основания для отказа от традиционной точки зрения, которая состоит в том, что компонентный уровень метакогнитивной сферы, равно, впрочем, как и любой иной системы, является чем-то достаточно простым (по определению). Как раз напротив, именно он не только не является, но и не должен являться простым, поскольку в нем должны содержаться предпосылки для того, чтобы на этой – компонентной базе оказалась возможной формирование столь сложной системы, каковой и является метакогнитивная сфера личности. Упрощенная трактовка компонента неправомерна, поскольку она подменяет понятие компонента иным – качественно отличным от него, но обычно смешиваемым с ним понятием *элемента*.

Наряду с этим, было проведено еще одно исследование, в котором изучались эффекты взаимодействия уже не между «первичными» и «вторичными» процессами одного и того же качества, а между *разными* процессами. В этих целях данные, полученные в одной из описанных выше серий, были обработаны посредством методологии факторного исследования. Его конкретный план выглядел следующим образом (см. рис. 17; первичные данные представлены в Приложении 18).

		М+П	
		-	+
МТ	-	(М+П) ⁻ МТ ⁻	(М+П) ⁺ МТ ⁻
	+	(М+П) ⁻ МТ ⁺	(М+П) ⁺ МТ ⁺

а

		М+П		
		-	+	
МТ	-	42	54	48
	+	44	84	63
		43	69	

б

Рис. 17. а – план исследования взаимосвязи двух «первичных» процессов (памяти и мышления) и «вторичных» – мнемотехнических процессов; б – полученные в итоге его реализации результаты. *Примечания:* (М + П) – суммарный показатель степени развития двух «первичных» процессов – памяти и мышления; «-» и «+» – соответственно, минимальный и максимальный уровни индивидуальной меры развития этих процессов. В ячейках планах представлены сочетания, образованные двумя значениями переменных (М+П) и МТ. В табл. «б» представлены конкретные результаты его реализации: 43 и 69 – средние значения по столбцам; 48 и 63 – средние значения по строкам; в ячейках указаны процентные величины правильно выполненных заданий по отношению к их общему числу.

На основе анализа этих результатов можно сделать следующие основные заключения. Во-первых, расчеты показывают, что на долю автономного влияния фактора «первичных» процессов (то есть «памяти + мышление») приходится $(69 - 43) = 26$ единиц «внешнего критерия» (то есть процентных пункта правильно выполненных заданий); на долю автономного влияния фактора мнемотехнического плана – $(63 - 48) = 15$ единиц. Отметим, что обе эти величины являются статистически значимыми ($p = 0,05$). Вместе с тем, наиболее показательным, что коэффициент *взаимодействия* между этими факторами ($k_{(М+П) \times МТ}$), определенный по методу «разности двух разностей» [56], равен:

$$k_{(М+П) \times МТ} = (42 - 54) - (44 - 84) = 30 \text{ единиц}$$

Он также является статистически значимым ($p = 0,05$). Следовательно, между рассматриваемыми процессами имеет место *значимое взаимодействие*, их взаимовлияние друг на друга. Показателен также *тип*, то есть характер этого взаимодействия: он принадлежит к так называемому *«расходящемуся» типу* [56, 423], что свидетельствует о взаимоусиливающем взаимодействии факторов по отношению друг к другу в плане детерминации ими тех или иных результативных проявлений (в данном случае общей степени выраженности метакогнитивного потенциала).

Кроме того, особо следует подчеркнуть, что величина данного коэффициента является не только значимой, но и наибольшей по сравнению с величинами автономных влияний каждого их исследуемых факторов. Одновременно с этим, такого превышения не наблюдалось в двух уже охарактеризованных исследованиях. Данный результат имеет, по нашему мнению, принципиальный смысл и объясняется следующим. По всей вероятности, в тех случаях, когда в рамках метакогнитивных процессуальных образования синтезу подвергаются *разные* «первичные» процессы (в данном случае – мышление и память), эффекты синергии от такого синтеза, являются более существенными и выраженными, нежели в том случае, если один и тот же «первичный» процесс транспонирует свои операционные средства на себя.

При исследовании компонентного уровня организации метакогнитивной сферы личности и обосновании качественной определенности и, соответственно, самостоятельности статуса тех или иных его «единиц» – компонентов, следует учитывать и еще одно важное обстоятельство. В метакогнитивизме, как отмечалось выше, существует два основных направления. Первое из них имеет в качестве основного предмета исследования образования собственно *процессуального* (операционного) плана – основные *метакогнитивные процессы*. Второе направлено на исследование их итоговых эффектов, *результативных проявлений* – *метазнаний* (и обозначается, в силу этого, как психология метапознания). В силу этого, возникает необходимость обращения к образованиям именно этого – результативного, «знаниевого» плана. Основной исследовательский вопрос формулируется при этом аналогично тому, как он был сформулирован по отношению к изучению процессуальных компонентов. Обладает ли «метазнание» какой-либо качественной определенностью по отношению к «просто» знанию? Являются ли рядоположенными «первичные» и «вторичные»

знания, вовлекаясь в процессы регуляции деятельности? Или же при их взаимодействии возникают какие-либо эффекты собственно интегративного – синергетического типа, приводящие к типичному для них «выходу за пределы» самих синтезируемых компонентов? Генерируется ли в таком синтезе новое содержание (но уже именно «знаниевое», а не процессуальное), которое и не позволяет редуцировать эти компоненты до аддитивной совокупности тех «составляющих», которые в них взаимодействуют?

В целях ответа на эти вопросы была разработана специальная методическая процедура, принципиальный смысл и общий дизайн которой был аналогичен той, по которой были проведены три описанных выше цикла. Вместе с тем, она подверглась и определенной модификации, обусловленной спецификой изучаемых компонентов, носящих уже не процессуальный, а результативный – «знаниевый» характер. В исследовании участвовали 60 испытуемых – слушатели курсов повышения управленческой компетенции (отделение ДПО ЯрГУ им. П.Г. Демидова). После их окончания, как это и предусматривалось учебной программой, проводился экзамен, основным – причем, количественно измеримым показателем которого, как раз и являлась итоговая оценка. Вместе с тем, в данном случае она представлялась не в традиционной – 5-балльной шкале, а в иной шкале – размерностью в 100 баллов, то есть, фактически, в так называемой «шкале процента успешности (компетентности)», которая, как показано в ряде исследований весьма позитивно зарекомендовала себя [121]. Тем самым он индицировал уровень «первичных» знаний в данной предметной области.

Кроме того, следует учитывать, что в данном исследовании в качестве одной из основных переменных рассматривались не только «первичные», но и «вторичные» знания (метазнания). Количественный предиктор «вторичных» знаний определялся следующим образом [202]. Испытуемым предъявлялись задания, на которых в символической форме презентировались те или иные управленческие ситуации. Они должны были в течение заранее оговоренного и достаточно малого времени экспозиции (10 с) определить, реально ли с их стороны предложить решение данной ситуации в течение определенного – и также известного им времени. Подчеркнем, что в инструкции подчеркивалось не то, способны ли они вообще решить ту или иную ситуацию, а сделать это именно за отведенное время. Тем самым снимались опасности, связанные с возникновением целого ряда «побочных переменных». В частности, за счет этого испытуемые рассматривали данное задание не как «измерение их умственных спо-

способностей *вообще*», а как возможность решения задач именно за «*короткое время*». Важно и то, что эта оценка являлась не «общей» (по типу «да-нет»), а количественно выраженной – они приписывали определенный балл (по 7-балльной шкале) степени своей уверенности. Затем эти *субъективно прогнозируемые* оценки усреднялись и коррелировались с данными *объективной регистрации* (то есть с процентом правильно решенных ситуаций). Полученный, таким образом, коэффициент и рассматривался в качестве объективного показателя точности «чувства знания» (которое в данном случае выявляло точность самооценки испытуемыми своих знаний в плане их достаточности для решения тех или иных ситуаций). Таким образом, каждая из двух переменных принимала количественно представимый вид. Это допускало их дифференциацию на два «полярных» уровня – минимальный и максимальный. На основе этого образовывался дисперсионный комплекс, аналогичный тем, которые уже были рассмотрены выше. Он рассчитывался по той же схеме, которая также охарактеризована выше (см. параграф 3.2.).

Произведенные расчеты позволяют сделать следующие основные заключения. Во-первых, значимыми в статистическом отношении оказались величины дисперсии, обусловленные каждым из двух исследуемых факторов по отдельности (соответственно, 34% и 18%). Следовательно, оба они оказывают значимое *автономное* влияние на результаты деятельности. Во-вторых, значимой оказалась и величина дисперсии, обусловленная взаимодействием этих факторов – 14% ($p = 0,05$). Это непосредственно указывает на то, что во взаимодействии данных факторов возникают новые – дополнительные, то есть именно синергетические эффекты, порождается новое функциональное содержание и, соответственно, дополнительный потенциал, нередуцируемый к аддитивной совокупности самих синтезируемых фактов. В свою очередь, это является и столь же непосредственным указанием на самостоятельность и качественную специфичность самого изучаемого здесь компонента метакогнитивной сферы, но уже не процессуального, а «знаниевого» типа. В-третьих, очень показательны и соотношения количественных значений трех типов дисперсий. Наибольшей из них, как это и следовало ожидать, является величина автономной дисперсии, обусловленная первым фактором (34%). Это указывает на то, что ведущим – главным детерминирующим фактором эффективности выполнения деятельности является именно уровень «первичных» знаний. На втором месте по величине оказалась дисперсия, соотносимая со вторым фактором (18%) и

только на третьем – дисперсия, обусловленная их взаимодействием (14%). Напомним в этой связи, что по отношению образования процессуального плана была выявлена иная картина сравнительной значимости этих факторов (эффекты их взаимодействия занимали второе, а не третье место по их выраженности). Следовательно, можно заключить, что по отношению к результативным («знаниевым») компонентам эффекты синергии представлены несколько в меньшей степени, чем по отношению к процессуальным образованиям. И наоборот, по отношению к результативным («знаниевым») компонентам более выражено их автономное влияние на результаты деятельности.

Далее, по отношению к этим результатам был реализован иной способ обработки – методология факторного планирования и соответствующей, то есть также факторной обработки результатов. Все данные, согласно подобной методологии, представляются в виде таблицы «факторных декомпозиций», которая в данном случае имеет вид, представленный на рис. 18 (первичные данные см. в Приложении 19).

На основе этого определяются автономные величины влияния каждого фактора, а также степень и характер взаимодействия между ними. В итоге произведенных расчетов были получены следующие основные результаты.

		З	
		-	+
МЗ	-	З ⁻ ; МЗ ⁻	З ⁺ ; МЗ ⁻
	+	З ⁻ ; МЗ ⁺	З ⁺ ; МЗ ⁺

а

		З		
		-	+	
МЗ	-	34	58	46
	+	42	78	60
		38	68	

б

Рис. 18. План исследования взаимосвязи двух типов знаний: «первичных» – З и «вторичных» знаний (метазнаний) – МЗ (а); и результаты его реализации (б); пояснения в тексте.

Во-первых, величины автономных влияний каждого фактора на результаты деятельности оказались статистически значимыми (соответственно, для фактора «З»: $(68 - 38) = 30$ единиц критерия; для фактора «МЗ»: $(60 - 46) = 14$ единиц критерия). Это согласуется с аналогичными данными, полученными методом дисперсионного анализа. Следует особо подчеркнуть, что именно такая согласованность выводов, полученных на основе использования разных ме-

тодов, является важным средством их взаимоверификации и, следовательно, способом подтверждения их правомерности. Во-вторых, значимым оказался и коэффициент взаимодействия этих факторов:

$$K_{3 \times M3} = (34 - 58) - (42 - 78) = 12$$

Данный результат также должен рассматриваться как непосредственное указание на то, что они оказывают не только самостоятельное – автономное влияние на результаты деятельности, но и закономерным образом, причем – достаточно сильно взаимодействуют друг с другом в процессе этого воздействия. Как известно из методологии факторного эксперимента, это означает следующее: тот или иной фактор, помимо того, что он непосредственно влияет на результат, может влиять еще и на то, каким образом и с какой силой влияет на результат другой фактор. Тем самым он оказывает не только прямое, но и косвенное – опосредствованное влияние на результат – через изменение меры того, как на результат влияет другой фактор. Именно это и проявилось в нашем исследовании. Действительно, как можно видеть из представленных данных, повышение значений фактора «МЗ» приводит к тому, что сила влияния другого фактора – «З» также возрастает. Тем самым один фактор оказывает фасилитирующее – усиливающее влияние на то, каким образом на результат влияет другой фактор. В свою очередь, и возрастание фактора «З» также приводит к увеличению силы влияния на результаты другого фактора – «МЗ». Он также фасилитирует, усиливает его влияние на результаты деятельности. Иными словами, в данном случае обнаруживается тот тип взаимодействия между факторами (в данном случае), который обозначается в методологии эксперимента понятием «расходящегося» взаимодействия. Его смысл состоит в том, что факторы оказывают взаимофасилитирующее влияние друг на друга в плане их влияния на «зависимую» переменную исследования. Иными словами, возрастание значений каждого фактора приводит к усилению влияния на «зависимую» переменную другого фактора.

По нашему мнению, обнаружение именно этого типа взаимодействия позволяет установить еще одну – наиболее имплицитную особенность взаимодействия «первичных» и «вторичных» знаний. Она носит не вполне прогнозируемый с точки зрения априорных ожиданий характер, поскольку в определенной мере противоречит известному феномену Даннинга-Крюгера, который считается доказанным в необходимой степени [408]. Напомним, что суть данного феномена состоит в субъективно искаженной *переоценке* лицами с относительно

менее развитыми метакогнитивным потенциалом своих истинных возможностей, а также в *недооценке* своих возможностей лицами с относительно наиболее высоким метакогнитивным потенциалом. Вместе с тем, полученные результаты показывают, что с повышением уровня «первичных» знаний степень достоверности и объективной адекватности «вторичных» знаний (то есть самого «чувства знания») отнюдь не снижается, а наоборот возрастает. Это означает, что точность «вторичных» знаний, правильность «чувства знания» является не обратной, а прямой функцией от уровня представленности «первичных» знаний. Другими словами, чем бóльшим объемом «первичных» знаний обладает субъект, тем более точными являются его метакогнитивные суждения по поводу своих знаний; тем более адекватными становятся сами «вторичные» знания. В связи с этим возникает необходимость устранения или, по крайней мере, объяснения выявленного противоречия данного результата с отмеченным выше феноменом Даннинга-Крюгера.

Вместе с тем, при более внимательном рассмотрении оказывается, что между ними нет никакого противоречия, а речь должна идти не о выборе того, какой из этих вариантов правильный, а какой ошибочный. Дело в другом: сам этот эффект должен быть подвергнут необходимому *уточнению* и дифференциации именно с учетом полученных выше данных. Действительно, как можно видеть из них, он справедлив только для *субъективных* оценок «первичных» и особенно «вторичных» знаний – для оценок степени субъективной уверенности в них. Однако когда речь идет об *объективной* стороне дела, то есть о том, каким образом те и другие *действительно* оказывают свое детерминирующее воздействие на результаты деятельности, картина является существенно иной. «Первичные» знания вовсе не ингибируют, а наоборот, фасилитируют воздействие на деятельность «вторичных» знаний. В свою очередь, сами «вторичные» знания, хотя и в меньшей степени, но также фасилитируют позитивное влияние на деятельность «первичных» знаний. Это проявляется в характере взаимодействия между ними, который принадлежит к расходящемуся типу.

Далее, как отмечалось выше, при изучении компонентного уровня организации метакогнитивной сферы в управленческой деятельности следует учитывать и еще одну трудность общего порядка, состоящую в следующем. С одной стороны, необходимо вскрыть качественную определенность тех или иных компонентов, взятых в их относительной изолированности от целого; причем это и есть главная задача анализа «на уровне компонентов». С другой стороны, нельзя

не учитывать и того, что любой компонент обретает свое полное содержание именно как часть целого. Эти два аспекта исследования – преимущественно аналитический и преимущественно системный – не должны противопоставляться, а, наоборот, должны взаимодополнять друг друга. В связи с этим, однако, и возникает важная в теоретическом отношении задача: как, не стирая граней между этими, безусловно, различными типами детерминации, определить их сравнительную выраженность и закономерности их взаимосвязи? Поэтому следующий цикл исследований был направлен на решение именно данной задачи – задачи выявления и изучения *сравнительной силы* аналитической и структурной детерминации в общем составе метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности. Иными словами, в сравнительном плане рассматривались эффекты аналитической и структурной детерминации этой деятельности со стороны *отдельных* факторов метакогнитивного плана и их *комплексного* влияния.

Исследование было организовано следующим образом. На его первом этапе, используя результаты диагностики, полученные посредством методики КОМП, вся выборка испытуемых, в качестве которых выступали руководители ($n = 120$) среднего и низового звена была подразделена методом «полярных групп» на три части. В первую часть вошли руководители с наиболее *высокими* показателями по данной методике, свидетельствующими об относительно наиболее развитом метакогнитивном потенциале; во вторую – со *средними* значениями данного потенциала; в третью – с наиболее *низкими* значениями по данной методике. Наряду с этим, в целях обеспечения возможно большей надежности получаемых результатов, а также повышения «разрешающей способности» использованных методических процедур, нами был применен дополнительный методический прием; он основан на одном из полученных нами ранее результатов [124, 125, 133], а его смысл состоит в следующем. Как было установлено в этих работах, имеет место достаточно выраженная связь между степенью выраженности метакогнитивного потенциала и *стилевыми* предпочтениями в реализации управленческой деятельности. Чем выше степень метакогнитивного потенциала, тем более выражена склонность к использованию так называемых «мягких» стилей управления в целом и демократического стиля, в особенности. И наоборот, чем менее представлен метакогнитивный потенциал, тем более выражено предпочтение «жестких» управленческих стилей, в особенности – авторитарного.

В силу этого, вся выборка, основу которой составили испытуемые, участвовавшие в охарактеризованных в параграфе 3.2. исследованиях, была дифференцирована методом «полярных групп» на основании еще одного критерия. Им выступили показатели по шкале «Властность» из методики диагностики стилей управленческих решений [170]. При этом следует подчеркнуть, что данная шкала, равно как и вся указанная методика прошли тщательную проверку на предмет конструктивной валидности. В частности, данная шкала была валидизирована по отношению к широко известным методикам – к «Опроснику межличностных отношений» (ее шкале «Контроль, выраженное поведение») и к методике КУД (ее шкале «доминантность – подчиненность»). Кроме того, в качестве корректировочной применялась и шкала «либерализма – авторитаризма» из методики «Авторитарный потенциал личности» Т. Адорно (F-scale [4]) в адаптации Д.М. Денисовой [59]. В первую группу вошли руководители с высокими показателями по данному параметру, во вторую группу – со средними показателями и в третью – с относительно наиболее низкими показателями. Очень показательным, что данные, полученные двумя различными способами дифференциации выборки, оказались во многом сходными. Это означает, что по своему составу подгруппы, дифференцированные на основе результатов методики КОМП, с одной стороны, и на основе шкалы «либерализма – авторитаризма» оказались в существенной части *одинаковыми*. После этого к дальнейшей обработке привлекались только данные тех руководителей, которые вошли в указанные группы на основе обеих методик *одновременно*. Те руководители, которые имели не совпадающие результаты, исключались из дальнейшей обработки. Кроме того, как того и требует метод «полярных групп», определялись статистически достоверные различия между степенью развития метакогнитивного потенциала в двух «полярных группах»; они оказались значимыми на $p = 0,01$.

Далее, на втором этапе строились «метакогнитивные профили» отдельно для каждой из «полярных» подгрупп. Фактически, как можно видеть, речь идет о применении в данном исследовании известного метода «психологических профилей» в одном из его основных вариантов – варианте «параллельных профилей» [158].

На третьем этапе, исходя из построенных «метакогнитивных профилей», находились величины разницы в степени развития каждого отдельного предиктора метакогнитивной сферы (как ее компонента) в двух подгруппах. При этом

разница определялась без учета ее «знака», поскольку, например, для ингибиторной подсистемы более высокий уровень развития входящих в нее факторов негативно связан с общей величиной метакогнитивного потенциала, в отличие от других подсистем. Смысл получаемых таким образом результатов может быть проиллюстрирован следующей – несколько упрощенной схемой. Поскольку общее количество предикторов метакогнитивной сферы, диагностируемых методикой КОМП, достаточно велико и учет всех них посредством метода «параллельных профилей» привел бы к излишней громоздкости исследования, то из всей их совокупности целесообразно отобрать по два наиболее репрезентативных для каждой подсистемы предиктора. Полученные таким методом данные представлены на рис. 19.

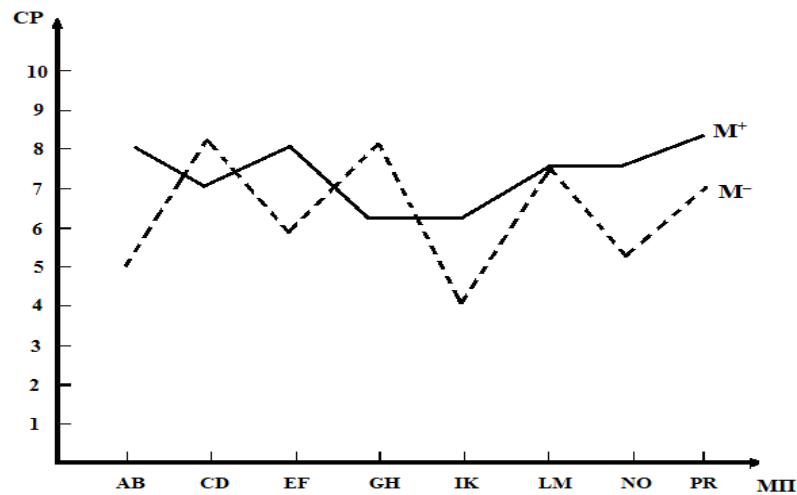

Рис. 19. Метакогнитивные профили для групп с разной степенью развития метакогнитивного потенциала. *Обозначения:* МП – метакогнитивные предикторы; СР – степень развития отдельных предикторов. Во избежание излишней громоздкости представленных профилей, на рисунке отображены результаты не по всем 80 метакогнитивным предикторам, а лишь определенная, но достаточно репрезентативная их часть, включающая 16 предикторов: АВ – два репрезентативных предиктора метакогнитивной подсистемы; далее: CD – предикторы метарегулятивной подсистемы; EF – предикторы метакоммуникативной подсистемы; GH – предикторы метаэмоциональной подсистемы; IK – предикторы ингибиторной подсистемы; LM – предикторы процедуральной подсистемы; NO – предикторы мониторинговой подсистемы; PR – предикторы интеракционной подсистемы; M⁺ – группа испытуемых с высоким значением метакогнитивного потенциала; M⁻ – группа испытуемых с низким значением метакогнитивного потенциала.

После этого, подсчитывался показатель, условно обозначенный как $\sum_{\Delta MP}$: это суммарная величина различий значений по всем 80 включенным в КОМП предикторам – отдельным факторам метакогнитивного плана. И, наконец, определялась также величина корреляционной связи между степенью развития

каждого метакогнитивного предиктора в отдельности с общей выраженностью метакогнитивного потенциала (отдельно для каждой из подгрупп испытуемых). В результате реализации всех этих исследовательских процедур были получены следующие основные данные.

Во-первых, степень развития отдельных факторов метакогнитивного плана в «полярных группах» в подавляющем большинстве случаев (в 68 из 80), то есть более чем в 75%, оказалась статистически значимой ($p = 0,05$). Следовательно, есть все основания полагать, что степень развития каждого фактора *в отдельности* является значимой детерминантой метакогнитивного потенциала. Данный вывод находит дополнительное подтверждение и в том, что в заметном большинстве случаев (51 из 68) статистически достоверными оказались и коэффициенты корреляции между индивидуальной мерой развития отдельных метакогнитивных факторов и величиной метакогнитивного потенциала в целом. Исходя из этого, можно заключить, что имеет место значимая и достаточно существенная собственно аналитическая детерминация мотивации УД со стороны компонентного состава метакогнитивной сферы личности.

Далее, столь же явные различия (причем в еще большей степени) обнаружены при определении суммарной *величины* $\sum_{\Delta MP}$ по отношению к «полярным группам». Эта величина по всем 80 пунктам опросника (а не только тем, которые представлены на рис. 19) составляет более 60 (!) баллов, а среднее значение степени развития мотивации УД в первой группе на 45% больше, чем в третьей. Следовательно, есть основания считать, что, наряду с аналитической детерминацией, имеет место и *суммативная* (точнее, агрегативная) детерминация общего уровня метакогнитивного потенциала со стороны всего комплекса исследованных предикторов. Причем, совершенно понятно, что аналитический и агрегативный аспекты детерминации тесно взаимосвязаны, поскольку второй является прямой производной от аналитических вкладов в нее со стороны отдельных предикторов.

Наконец, на основе первичных данных, свидетельствующих о степени выраженности отдельных предикторов метакогнитивной сферы, были рассчитаны матрицы интеркорреляций и построены соответствующие коррелограммы. При этом напомним, что, поскольку общее количество такого рода предикторов достаточно велико, то матрицы, рассчитанные на всем их множестве, также были бы чрезвычайно громоздкими и труднообозримыми в плане их последующего анализа. В силу этого, был использован описанный в параграфе

3.2. прием, суть которого состоит в том, что из каждой подсистемы отбиралось лишь 50% наиболее репрезентативных для нее метакогнитивных предикторов. Затем для каждой из двух найденных таким образом коррелограмм был определен интегративный параметр, являющийся объективным индикатором степени их структурной организованности – индекс организованности структуры – ИОС. В результате было обнаружено, что величина ИОС в группе руководителей с высокой степенью выраженности в 1,4 раза превосходит величину этого индекса в группе руководителей с низкой степенью его выраженности. Это означает, что уровень *структурной организации* отдельных факторов метакогнитивного плана в группе руководителей с высоким значением метакогнитивного потенциала также значимо выше, чем в группе с низким его значением ($p = 0,05$). Следовательно, наряду с аналитической и суммативной детерминациями метакогнитивного потенциала, имеет место и детерминация качественно другого типа – собственно *структурная*.

Таким образом, по отношению к метакогнитивной детерминации обнаруживается значимая и очень выраженная функциональная роль *и* аналитической, *и* суммативной, *и* структурной («организационной») детерминаций *одновременно*. Все эти три типа детерминации действуют одновременно, то есть, фактически, *в синергии* друг с другом. Тем самым складываются *объективные* условия для повышения общего функционального ресурса всей совокупности факторов метакогнитивного плана (как компонентов метакогнитивной сферы). По-видимому, очень важной гранью метакогнитивной регуляции (равно как и ее отдельных компонентов – факторов метакогнитивного плана) является то, чтобы использовать не какой-либо *один* ресурс (либо аналитический, либо агрегативный, либо структурный), а *все* их вместе. Лишь в этом случае общий функциональный ресурс становится максимальным. По отношению к отдельным факторам метакогнитивного плана как к компонентам метакогнитивной сферы можно констатировать поэтому *феномен «тройной синергии»*, состоящий в синтезе трех сочетаний типов детерминации (аналитической и агрегативной, аналитической и структурной, агрегативной и структурной). Отметим, что аналогичный феномен был установлен в параграфе 3.2 и по отношению к еще одному уровню метакогнитивной сферы – *субсистемному*.

Далее, полученные результаты были обработаны по комплексу методических процедур, направленных на дальнейшую конкретизацию и углубление представлений о соотношении аналитической и структурной детерминации ме-

такоегнитивной регуляции управленческой деятельности, о специфике этих типов детерминации, выявленной выше. В этих целях определялись уже не только матрицы интеркорреляций отдельных *компонентов* метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности, но использовались результаты определения матриц интеркорреляций основных *подсистем* метакогнитивной сферы (см. рис. 2 в параграфе 3.2.).

В итоге получены следующие основные результаты. Прежде всего, напомним, что в данном параграфе были определены значения наиболее интегративного показателя структурограмм отдельных *компонентов* – индекса организованности структур (ИОС) по отношению к «полярным» группам. Эти значения в группе руководителей с высокой степенью выраженности метакогнитивного потенциала в 1,4 раза превышают значения в группе руководителей с низкой степенью его выраженности. На основе этого, собственно говоря, и был сделан вывод о значимости структурных эффектов организации отдельных компонентов метакогнитивной сферы. Вместе с тем, если осуществить аналогичную процедуру по отношению к матрицам и, соответственно, – структурограммам, определенным на основе целостных *подсистем* метакогнитивного плана (см. параграф 4.3.), то разница в этих значениях составит уже не 1,4 раза, а 2,5 раза, то есть она увеличивается достаточно существенно – почти в два раза. Данный результат позволяет установить очень важный, по нашему мнению и достаточно общий факт, состоящий в следующем. Эффекты интегративного типа, обуславливающие ту ли иную степень структурной организации факторов метакогнитивного плана и всей метакогнитивной сферы в целом, существенно более выражены по отношению к организации целостных подсистем, чем по отношению к ее отдельным компонентам. Данный результат частично уже обсуждался в параграфе 3.3. – при анализе субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности. Он вскрывает два взаимосвязанных и взаимообусловленных обстоятельства принципиального плана.

Во-первых, наиболее значимыми и выраженными в структурной организации метакогнитивной сферы являются те процессы и механизмы, которые имеют место по отношению к организации ее основных подсистем, а не отдельных компонентов. Иными словами, они и более выражены, и более значимы именно на субсистемном, а не компонентном уровне ее организации. Как мы уже отмечали выше, это, в свою очередь, является прямым воплощением

одной из наиболее общих закономерностей системной формы организации в целом. Она состоит в том, что практически любая система интегрируется не из своих компонентов *непосредственно*, а из тех – более крупных образований, которые являются продуктами их синтеза – из подсистем. Чтобы раскрыть содержание системы, важно исследовать не только взаимосвязи компонентов, но и выявить, как, почему и в какой форме сорганизованы друг с другом ее основные подсистемы (а не только ее компоненты).

Во-вторых, существенность различий полученных значений организационных эффектов в «полярных группах» по отношению к отдельным *компонентам* и *подсистемам* (соответственно, в 1,4 раза и в 2,5 раза) является объективным и очень значимым аргументом в пользу того, что эти уровни являются существенно – качественно *различными* и, следовательно, также качественно специфическим. Однако, тем самым, хотя и опосредствованно, но очень убедительно вскрывается (и доказывается) сам факт самостоятельности этих уровней в целом, а также факт наличия аналогичного, то есть также самостоятельного статуса у компонентного уровня организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности.

Далее, по отношению к двум полученным корреляционным массивам (для совокупности отдельных компонентов – факторов метакогнитивного плана и для основных метакогнитивных подсистем) был реализован еще один методический прием, входящий в арсенал методологии структурно-психологического анализа. Он особенно широко используется при проведении психологического анализа профессиональной деятельности и состоит в следующем. Как известно, при анализе матриц и структурограмм тех или иных профессионально-важных качеств принято дифференцировать *ведущие* и *базовые* качества. Напомним, что ведущими являются те качества, которые имеют значимую положительную корреляционную связь с каким-либо внешним критерием. Базовыми являются качества, которые имеют наибольшее число и наибольшую значимость связей со всеми иными качествами, то есть характеризующиеся наибольшим структурным «весом» в их общей системе. Их прямыми аналогами и даже – по существу, конкретными формами проявления как раз и выступают сами изучаемые в данном исследовании параметры – отдельные предикторы метакогнитивного плана, с одной стороны, и их подсистемы, с другой. Наряду с этим, показано также, что одним из важных проявлений и, соответственно, показателей величины общего *функционального потенциала* формирующихся та-

ким образом синтезов, является *степень совпадения* двух этих категорий качеств. Показано, что при сходстве и тем более при совпадении базовых и ведущих качеств функциональный потенциал такого рода синтезов обычно существенно возрастает.

Очень характерно и доказательно, что именно эта – достаточно общая и значимая закономерность с высокой рельефностью уже была обнаружена нами в параграфе 3.1. по отношению к структурной организации основных метакогнитивных подсистем. Вместе с тем, как показала обработка результатов данной серии исследований, она же имеет место и по отношению к отдельным предикторам метакогнитивного плана, то есть выявляется не только на субсистемном, но и на компонентном уровне организации метакогнитивной сферы личности. Это означает, что в группе руководителей со средней выраженностью метакогнитивного потенциала (то есть с той, которая, как показано в параграфе 3.2., и является оптимальной в плане обеспечения деятельности) базовые и ведущие метакогнитивные факторы в существенной степени *совпадают*. Следовательно, те факторы, которые имеют наибольшие (и значимые) корреляционные связи с общей степенью метакогнитивного потенциала, одновременно обладают наибольшим структурным «весом» во всей метакогнитивной сфере. Напротив, в группе руководителей с низкой степенью выраженности метакогнитивного потенциала так же отчетливо представлено *различие* между базовыми и ведущими факторами как компонентами метакогнитивной сферы личности. Таким образом, более развитой и совершенной является та структура, в которой ее базовые и ведущие компоненты *совпадают* или же близки по своему составу. Те метакогнитивные факторы, которые оказывают непосредственное влияние на степень метакогнитивного потенциала (прямо влияют на него), в то же время, являются и *структурообразующими* для всей совокупности иных факторов. И напротив, те факторы, которые не обнаруживают непосредственной связи с общей величиной метакогнитивного потенциала, как правило, не обладают большой значимостью для обеспечения всей их организации в целом (то есть не являются структурообразующими – базовыми). Подчеркнем, что все эти закономерности имеют место по отношению и к организации отдельных компонентов метакогнитивной сферы, и к организации ее основных подсистем. Это вновь приводит к выводу, который уже был сделан нами ранее: по отношению к метакогнитивной регуляции деятельности имеет место синтез и, следовательно, усиление аналитической и структурной детерминации.

Наконец, было установлено также, что именно те метакогнитивные факторы и те основные метакогнитивные подсистемы, которые являются базовыми, характеризуются и наибольшей мерой выраженности, то есть получают относительно наибольшие оценки по методике КОМП. Однако по отношению к ведущим компонентам и подсистемам данная закономерность не прослеживается. Следовательно, и в этом плане структурная детерминация дополняет (и тем самым усиливает) аналитическую детерминацию. Такое взаимоусиление аналитической и структурной детерминации сочетается с максимальным уровнем развития метакогнитивных факторов и с их ролью в качестве ведущих; совпадением максимального уровня развития отдельных факторов метакогнитивного плана с их ролью в качестве базовых. Данная закономерность значительно в большей степени представлена в группе руководителей с относительно более высокой степенью метакогнитивного потенциала. Более того, по нашему мнению, именно она, по всей вероятности, и является причиной различий в степени его выраженности. В результате этого имеет место синтез и взаимоусиление аналитической, суммативной (агрегативной) и структурной детерминации общего метакогнитивного потенциала со стороны как отдельных компонентов, так и основных подсистем – то, что было обозначено выше как «тройная синергия».

Таким образом, подводя итоги рассмотрению компонентного уровня организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности, можно сделать следующее обобщающее заключение. Все это рассмотрение, равно как и проведенный в предыдущих параграфах анализ иных, также основных уровней ее организации, было направлено на решение двух основных групп задач – собственно *верификационных* и *исследовательских*. В плане первой из них основной результат исследования состоит в том, что, во-первых, удалось показать и обосновать – причем, очень разными методическими средствами качественную специфичность и, следовательно, самостоятельность собственного статуса компонентного уровня в общей структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы. Во-вторых, не менее, а не исключено, и более важно то, что такое обоснование оказалось неразрывно связанным с решением не просто важного и актуального, но и *критически* значимого для всего метакогнитивизма вопроса. Это, как мы отмечали выше, вопрос о правомерности самой дифференциации «первичных» (когнитивных) и «вторичных» (метакогнитивных) процессов как таковой. Именно полученные в данном параграфе результаты как раз и позволяют дать конкретный по содержанию (и, добавим, эмпири-

чески и экспериментально обоснованный), а одновременно – и общий по смыслу ответ на данный вопрос.

В плане решения второй из этих групп задач – собственно исследовательских сформулированный теоретический подход также оказался достаточно конструктивным. Прежде всего, он позволил дать новую непротиворечивую интерпретацию тех закономерностей, которые существуют в метакогнитивной сфере по отношению к двум уровням (и типам) входящих в нее детерминант – аналитических и структурных. При этом показано, что такого рода соотношения могут быть раскрыты с позиций привлечения наиболее общих и важных закономерностей собственно системного типа, установленных в теории систем. В частности, это закономерность, согласно которой общий функциональный потенциал системы, ее ресурс определяется не только уровнем развития ее отдельных компонентов, но и уровнем их структурной организации в целом и, соответственно, выраженностью эффектов собственно синергетического плана. Именно эта – по существу, прямая зависимость метакогнитивного потенциала от степени структурной организации и, следовательно, от меры представленности эффектов синергетического типа должна быть реализована в качестве интерпретационного средства для объяснения особенностей ее функционирования.

Наконец, удалось предложить решение не только тех исследовательских задач, которые носят собственно интерпретационный характер, но и тех, которые имеют преимущественно *поисковую* направленность. В частности, в этом плане были установлены некоторые новые феномены и закономерности организации метакогнитивной сферы (например, эффект тройной синергии в детерминации ее функционального ресурса; ситуационная форма проявления эффекта Даннинга-Крюгера). Показано также, что важной гранью результатов, полученных в ходе изучения компонентного уровня метакогнитивной сферы личности, является то, что при синтезировании отдельных компонентов в целостность формируются новый функциональный потенциал, новые ресурсные возможности, которые обусловлены эффектами их структурной организации. Однако, наряду с ними, сохраняется и очень существенная роль их аналитической детерминации. Это означает, что аналитическое влияние факторов метакогнитивного плана сочетается с их суммативным влиянием. Кроме того, аналитическая детерминация сочетается и со структурной детерминацией (при этом они взаимоусиливают друг друга). Имеет место также сочетание суммативной и структурной детерминации. В ре-

зультате всего этого и возникает специфический тип детерминации, который был условно обозначен выше как «тройная синергия».

3.6. Элементный уровень организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности

При рассмотрении данного уровня организации метакогнитивной сферы личности необходимо руководствоваться следующими основными положениями методологического плана. Во-первых, поскольку именно данный уровень обычно либо вообще не выделяется в составе метакогнитивной сферы, либо не дифференцируется от, действительно, сходного с ним, на первый взгляд, уровня – компонентного, он практически никогда не становится предметом *самостоятельного* рассмотрения. В силу этого, по отношению к нему задачи верификационного плана, сохраняя, разумеется, свою высокую актуальность и значимость, все же отходят на второй план, а на первый план выходят задачи собственно исследовательского типа. Причем, необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что такое изменение приоритетов связано вовсе не с тем, что верификационные задачи становятся менее значимыми, а с тем, что исследовательские задачи именно по отношению к данному уровню вообще не только не решены, но фактически, даже не сформулированы. Другими словами, можно сказать так: *прежде* чем проверять и для того, чтобы проверять (то есть решать задачи собственно верификационного плана), необходимо определить, *что именно* подлежит проверке – какие образования необходимо верифицировать на предмет наличия у них собственно уровневого статуса. Необходимо выяснить, *что* составляет сущность элементного уровня организации данной сферы и в чем заключаются основные отличительные особенности самих его «единиц», то есть базовых элементов. Сложность и неоднозначность данного вопроса связана еще и с тем, что он, на первый взгляд, имеет достаточно «простое и очевидное» решение, которое, однако, в действительности, оказывается поверхностным и требует существенного углубления и конкретизации. Действительно, как мы отмечали выше, с точки зрения данного решения – в целом достаточно корректного с формальной точки зрения в качестве элементов метакогнитивной сферы необходимо трактовать то, из чего складываются ее базовые компоненты, то есть сами «вторичные» процессы. В их качестве, разумеется, выступают «первичные» психические процессы, прежде всего когнитивные. Однако такое решение и приводит к целому ряду очень сложных и принципиальных вопросов собственно теоретического, то

есть исследовательского плана, которые необходимо подвергнуть приоритетному рассмотрению (см. далее). Оно выдвигает на первый план именно эти – исследовательские задачи.

Во-вторых, при рассмотрении сути и состава элементного уровня организации метакогнитивной сферы необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. Оно, на первый взгляд, не только не согласуется с рядом сформулированных выше положений, но и противоречит им. Действительно, как отмечалось выше, одной из основных теоретических трудностей исследования данного уровня является его практически полная недифференцированность и, следовательно, неопределенность того, какое именно содержание он имеет. Вместе с тем, как было показано в главе 2, в действительности – хотя и в максимально общем плане именно этот вопрос имеет вполне определенное решение. Согласно ему, в качестве онтологически представленной основы для метакогнитивных образований выступают практически все основные «составляющие» психики, но представленные в их исходном, то есть первичном статусе. Так, в качестве их «составляющих» могут выступать основные «первичные» когнитивные процессы, фрагменты декларативных знаний, те или иные качества личности, ее способности и пр. На их основе – именно как на онтологически представленной базе и формируются «вторичные» образования собственно метакогнитивного плана. Это, соответственно, метакогнитивные процессы, метазнания, метакачества, метаспособности и др. Вместе с тем, такое решение, являясь, действительно, обоснованным и корректным, не только не облегчает задачу исследования компонентного уровня, но в известной степени затрудняет ее. Дело в том, что с позиций такого решения выявляется важнейший факт – принципиальной гетерогенности состава этой сферы. Для того, чтобы она могла действительно реализовывать свои основные функции, ей объективно должен быть присущ именно разнообразный, многоплановый состав. Иными словами, она должна удовлетворять известному принципу «необходимого разнообразия» [313]. Вместе с тем, именно это обстоятельство и выступает существенным фактором, затрудняющим ее изучение. Не только ее компонентный состав, но и та элементная база, на которой он основывается, также выступает принципиально гетерогенной и множественной.

В-третьих, еще одной важной особенностью данного уровня является ключевая из возникающих при этом теоретических трудностей. Она, в свою очередь, непосредственно вытекает из наиболее общей и общепринятой – традиционной

трактовки метакогнитивных процессов. Это их понимание как принципиально «вторичных» и, следовательно, базирующихся на относительно более простых, чем они, процессах – «первичных». Однако последние в этом случае с необходимостью должны быть поняты в качестве их «составляющих» – элементов. Вместе с тем, здесь-то и возникает наиболее принципиальная трудность и даже – определенное неприятие такой трактовки. Действительно, правомерно ли вообще рассматривать в качестве элемента, то есть в качестве образования, имеющего (по определению) элементарное – простейшее строение, такие сложнейшие образования, каковыми выступают основные когнитивные процессы? Этот, действительно, наиболее принципиальный и очень острый вопрос не должен упускаться из вида, а при его решении должны быть учтены те результаты, которые были получены нами в ходе его рассмотрения в параграфе 2.4. Они показывают, что подлинной элементной базой метакогнитивной сферы личности выступают не столько сами «первичные» процессы *в целом*, сколько их относительно наименее сложные формы и уровни – их, хотя и относительно элементарные проявления, но такие, которые сохраняют «главное в них» – их *операционный состав* и, следовательно, репрезентируют их специфическое содержание. В силу этого, основным предметом исследования данного уровня, позволяющим одновременно уловить и его специфику в целом, и обеспечить ему достаточно высокую степень дифференцированности, а значит и «чувствительности», являются именно специфические для каждого процесса *операции*.

Вместе с тем, следует, конечно, понимать, что такой вывод не только содействует решению рассматриваемого вопроса, но и раскрывает его еще большую сложность, причем – сложность практически непреодолимую с точки зрения современного уровня методов психологического исследования. Дело в том, что отдельные операции, раскрытые в составе того или иного когнитивного процесса, практически невозможно ни изучать, ни диагностировать так сказать «в чистом» виде. Их практически невозможно «измерить», то есть представить в количественном виде, что, в свою очередь, является необходимым условием для распространения на них методологии экспериментального исследования. Возникает задача, которую можно обозначить как проблема «операционализации самих операций» – приведения к виду, допускающему их непосредственное экспериментальное (или, как минимум, эмпирическое) исследование. Эта трудность носит, действительно, наиболее принципиальный характер. Однако она может

быть существенно минимизирована при учете одного из основных положений, лежащего в основе практически всех диагностических методик когнитивной сферы в целом и интеллекта, в особенности [269, 282]. Оно состоит в том, что выполнение любого тестового задания предполагает, конечно, опору не только на тот или иной отдельно взятый процесс, а на всю их совокупность. Однако – и в этом заключается суть данного приема – должно соблюдаться следующее важнейшее и неременное условие. В них основная функциональная нагрузка должна все же ложиться на какой-либо определенный когнитивный процесс. Это можно обозначить как принцип *функционального доминирования* тех или иных процессов в моделируемых когнитивных заданиях, направленных на диагностику когнитивных процессов. Именно на этой основе и построены практически все интеллектуальные тесты. Однако то же самое с полным правом можно констатировать и по отношению к исследованию и диагностике отдельных операций. Их также невозможно ни смоделировать, ни диагностировать «в чистом» виде». Вместе с тем, к этому можно приблизиться за счет создания таких условий, в которых та или иная из них будет функционально доминировать. Именно это и было реализовано в представленном ниже исследовании. Учет всех этих обстоятельств является в значительной степени *достаточным* для того, чтобы перейти к собственно эмпирическому исследованию: он позволяет определить ту «единицу», которая носит именно *операционный* характер. Причем, она носит его не только в плане содержания, но и в плане возможности организации на ее основе конкретных экспериментальных исследований.

Все эти исследования были сгруппированы в несколько основных циклов. Так, замысел первого из них состоял в следующем. Если, действительно, отдельные – специфические для каждого «первичного» когнитивного процесса операции выступают в функции основных элементов метакогнитивной сферы и если их организация приводит к образованию ее компонентов, то должна существовать закономерная связь между тем, насколько они сорганизованы друг с другом, и степенью сформированности метакогнитивной сферы в целом. Исследование было организовано следующим образом. Вначале был определен *состав* операций, которые необходимо подвергнуть исследованию. Подчеркнем, что уже эта – исходная и, казалось бы, наиболее несложная задача сопряжена с достаточно существенными сложностями. Дело в том, что эти операции должны быть такими, чтобы, с одной стороны, выступать достаточно репрезентативными по отношению к общему предмету исследования, то есть они должны «олицетворять»

когнитивную сферу как таковую. Однако, с другой стороны, они должны быть и в необходимой степени операциональными, то есть допускать возможность их исследования в целом и диагностики степени развитости, в частности. В силу этого, были отобраны следующие когнитивные операции и, соответственно, методики диагностики степени их развитости. За базовую методику была при этом взята известная и широко применяющаяся психодиагностическая методика Р. Амтхауэра (ТУС) [269].

1. Субтест «логический отбор (LS)», направленный, в основном, на исследование *индуктивных* компонентов мышления.

2. Субтест «определение общих черт (GE)», направленный на исследование способности к *абстрагированию* и оперированию понятиями.

3. Субтест «анalogии (AN)», направленный, в основном, на исследование комбинаторных способностей и операций по *анalogии*.

4. Субтест «определение общего (OO)», направленный, в основном, на оценку операций *абстрагирования* и *обобщения*.

5. Субтест «определение закономерностей (ОЗА)», направленный, как известно, на наиболее известные мыслительные операции – *анализ* и *синтез*.

Наряду с этим, исследовались три группы операций, соотносящихся не с процессом мышления, а иными когнитивными процессами – воображением и памятью.

6. Субтест «геометрическое сложение (ГС)», для исследования способности к оперированию двухмерными образами пространственному воображения.

7. Субтест «запоминание (З)»; он состоит из заданий, направленных на диагностику уровня развития вербальной кратковременной памяти, способности сосредоточить внимание и сохранить в памяти усвоенное.

8. Опосредствованное запоминание (ОЗ) – по методике, разработанной в [134].

После этого была проведена процедура диагностики степени развитости, сформированности указанных операций, а также определение степени выраженности у испытуемых общего метакогнитивного потенциала по методике КОМП (см. Приложение 20). Затем по отношению к ним был реализован описанный выше метод «полярных групп», а вся выборка была дифференцирована на три группы в зависимости от степени выраженности метакогнитивного потенциала. Наконец, по отношению к этим результатам был использован метод «параллельных профилей» (который, как мы уже отмечали выше, является наиболее конст-

руктивной версией известного метода «психологических профилей»). На рис. 20 представлены «профили» уровня развитости отдельных когнитивных операций для двух «полярных групп» – с наименьшей и с наибольшей степенью выраженности метакогнитивного потенциала.

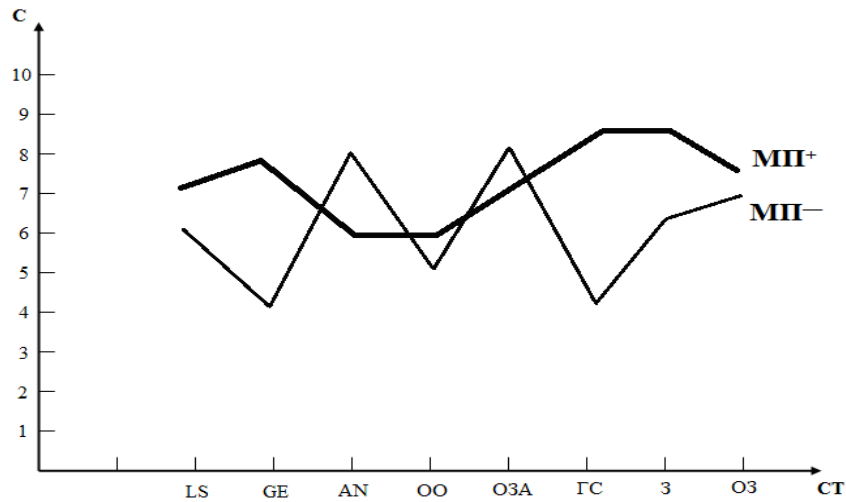

Рис. 20. «Профили» меры сформированности отдельных когнитивных операций для двух «полярных групп» – с наименьшей и с наибольшей степенью выраженности метакогнитивного потенциала. *Обозначения:* С – показатели шкалы стенов; СТ – субтесты психодиагностической методики ТУС Р. Амтхауэра (LS, GE, AN, OO, O3A, ГС, 3, O3), а также методика «Опосредствованное запоминание» (O3); МП– и МП+ – соответственно, группы с относительно низкими и относительно высокими значениями метакогнитивного потенциала

Сравнительный анализ этих «профилей» позволяет сделать следующее заключение. Во-первых, они заметно различаются по их «общей конфигурации». Для группы испытуемых с высокими значениями метакогнитивного потенциала «профиль» принадлежит к так называемому «плоскому» («платообразному») типу. Он характеризуется относительной *равномерностью* степени развития параметров – в данном случае меры сформированности отдельных операций. Во-вторых, их общее расположение таково, что «профиль» первой группы располагается выше, чем второй группы. Это означает, что в целом мера сформированности всей совокупности основных операций *по отдельности* также выше в первой группе. В-третьих, объединение двух этих результатов позволяет сделать и еще одно заключение: общая мера сформированности совокупности основных операций закономерно связана именно с конфигурацией их «профиля».

В связи с этим, возникает вопрос о направленности – о причинно-следственных связях между этими проявлениями метакогнитивной сферы. *Что* именно из них является причиной, а *что* следствием: либо конфигурация профи-

ля является следствием общей выраженности метакогнитивного потенциала; либо, наоборот, этот потенциал как раз и является следствием в различиях меры выраженности основных операций? На наш взгляд, существенно более вероятен первый из этих вариантов. Дело в том, что в случае значимо разной степени сформированности операций, аналогичная, то есть также существенная доля ресурса одних из них должна расходоваться на компенсацию недостаточной меры других – на их так сказать «подтягивание» под необходимый уровень. В случае же равномерного распределения степени сформированности операций, такой необходимости нет, а общий функциональный ресурс может быть сконцентрирован на задачах не компенсаторного, а собственно продуктивного характера.

Итак, можно видеть, что в результате был реализован первый из двух основных уровней исследования – собственно *аналитический*, на котором рассматриваются те или иные образования (в данном случае – операции и их связь с метакогнитивным потенциалом) *в отдельности*. Вместе с тем, известно, что существенно бóльшими возможностями обладает второй уровень – собственно *структурный*. Он уже неоднократно был описан и реализован в предыдущих параграфах; он был применен и по отношению к рассматриваемым здесь задачам. Конкретно это означает, что по отношению к результатам диагностики степени развития основных операций был применен метод определения матриц интеркорреляций. Это было осуществлено отдельно для каждой из трех групп испытуемых (то есть для групп с относительно наиболее низким, средним и относительно наиболее высоким значением метакогнитивного потенциала). На основе полученных результатов были построены структурограммы когнитивных операций в трех исследованных группах; они представлены на рис. 21, а соответствующие им матрицы интеркорреляций – в Приложении 21. В таблице 15 представлены значения структурных индексов, вычисленные для каждой из полученных матриц.

Таблица 15

Индексы структурной организации когнитивных операций

Индексы	Н	С	В
ИКС	16	19	25
ИДС	4	3	6
ИОС	12	16	19

Обозначения те же что и в таблицах 9, 10

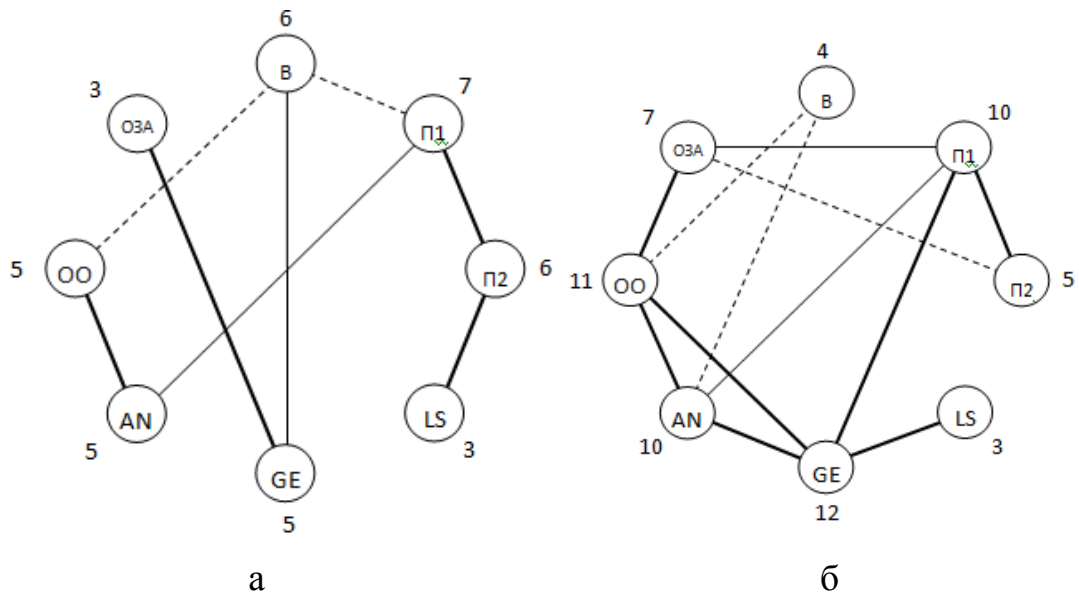

Рис. 21. Структурограммы результативных параметров когнитивных операции для группы испытуемых с низким (а) и высоким (б) метакогнитивным потенциалом. *Обозначения:* LS, GE, AN, OO, O3A – показатели субтестов из методики Р. Амтхауэра; П1, П2, В – соответственно, данные по методикам на диагностику мнемических и перцептивных операций [134]; рядом с обозначениями параметров указаны их структурные «веса».

Анализ этих материалов позволяет сделать следующие основные заключения. Во-первых, можно видеть, что значения всех трех основных индексов структурной организации (ИКС, ИДС, ИОС) существенно и, как показали расчеты статистически значимо на $p = 0,05$ выше в третьей группе испытуемых – с наибольшей степенью выраженности метакогнитивного потенциала. Одновременно они принимают наименьшие значения в первой группе – с относительно наименьшей его выраженностью. «Средняя» группа занимает аналогичное, то есть также промежуточное место по их значениям. Иными словами, можно констатировать существование следующей – по-видимому, основной зависимости. Мера выраженности метакогнитивного потенциала является прямой функцией от степени организованности операций, на основе которых она сама, в конечном счете, и базируется. Следовательно, организационные процессы и, соответственно, возникающие вследствие них эффекты синергетического типа, которые имеют место на собственно элементном уровне, действительно, прямо и значимо связаны с общей выраженностью метакогнитивного потенциала и, скорее всего, лежат в основе этой выраженности. Другими словами, этот результат вскрывает обстоятельство наиболее принципиального порядка: то, что *предположительно* выступало в качестве элементов метакогнитивной сферы (операции), *реально* и явилось тем, что ее в действительности образует и степень организации чего

прямо определяет степень ее сформированности. Тем самым, операции, действительно, обнаруживают свой статус в качестве ее элементов, а вся их совокупность раскрывается в качестве ее элементной базы.

Во-вторых, найденные матрицы были подвергнуты сравнительному анализу на предмет их гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 . В результате установлено, что они не являются гетерогенными, то есть *качественно* разнородными в этих группах, а различаются только в *количественном* отношении; они различаются не по их принципиальной архитектонике – не по содержанию и структуре связей, а именно по степени их представленности, выраженности, «силы». Обратим внимание на то, что данный результат несколько противоречит априорным ожиданиям, поскольку логичнее было бы прогнозировать существование именно качественных различий между группами, носящими именно «полярный», то есть существенно разный характер. Кроме того, было бы гораздо «интереснее и красивее» в теоретическом отношении, если бы эти – качественные различия все же имели место. Тогда можно было бы, например, сделать «броский» вывод о том, что в основе возрастания степени метакогнитивного потенциала лежат структурные перестройки организации его базовых элементов. Однако, в действительности, этого не наблюдается, в чем, тем не менее, заложен, важный смысл. Дело в том, что любое развитие, в том числе – развитие данного потенциала должно характеризоваться, прежде всего, *кумулятивным* характером тех результатов («достижений»), к которым оно приводит на различных этапах. В особой мере это относится именно к тем базовым – основополагающим средствам и механизмам, на основе которых и осуществляется такое развитие – к операциям, а также к их общей структуре. Гораздо более эффективным и действенным является именно ее прогрессивная *оптимизация* и последовательное совершенствование, а не ее «перманентные трансформации»; эволюционное развитие, а не «революционные» преобразования. Это и проявилось в полученных результатах.

Вместе с тем, обратим внимание, что в данном исследовании рассматривались не только собственно мыслительные операции, но и операции, соотносимые с иными когнитивными процессами, также с эффектами их синтетического проявления. В связи с этим, возникает необходимость конкретизации и углубления исследования – в переходе к рассмотрению того, как изучаемые особенности и закономерности представлены не по отношению к когнитивной сфере *в целом*, а

по отношению к основным, входящим в ее состав «первичным» когнитивным процессам *в отдельности*.

В этих целях нами был реализован специальный цикл исследований. В нем сформулированная выше задача рассматривалась по отношению, пожалуй, к основному и наиболее репрезентативному для всей когнитивной сфере «первичному» процессу – мышлению, равно как и к складывающемуся на его основе «вторичному» процессу – метамышлению. В процедурном плане *в целом* оно было таким же, как и предыдущее исследование. Однако оно имело и определенную *специфику* своего замысла и процедуры. Действительно, в предыдущем исследовании рассматривалась взаимосвязь *общей* степени выраженности метакогнитивного потенциала личности с уровнем и содержанием структурной организации *различных* когнитивных операций (то есть операций, соотносимых с разными когнитивными процессами, то есть со всей когнитивной сферой). В данном же исследовании предметом изучения выступила взаимосвязь индивидуальной меры развития *одного* метакогнитивного процесса (метамышления) со степенью и характером структурной организации операций, также соотносимых с одним – отдельно взятым «первичным» когнитивным процессом (мышлением). Поэтому в качестве предмета рассмотрения были взяты только те операции, которые носят подчеркнуто «мыслительный характер». Для этого из теста на диагностику интеллекта Р. Амтхауэра были отобраны только те субтесты, которые отвечают данному критерию. В этих целях, в частности, были вновь использованы те методики и, соответственно, – диагностируемых ими операции, которые охарактеризованы при описании предыдущего исследования. Далее, по отношению к ним была реализована та же самая процедура обработки, что и в предыдущем исследовании. В качестве гипотезы выступило следующее предположение: существует зависимость между индивидуальной мерой развития исследуемого метакогнитивного процесса (метамышления) и степенью структурной организации основных операций, входящих в операционный состав того «первичного» процесса, который с ним сопряжен (то есть процесса мышления). В табл. 16, а также на рис. 22 представлены результаты, полученные в данном исследовании и характеризующие связь структурной организации операций собственно мыслительного плана с выраженностью метакогнитивного потенциала (соответствующие матрицы интеркорреляций основных операций представлены в Приложении 22).

Индексы структурной организации мыслительных операций

Индексы	Н	С	В
ИКС	10	14	17
ИДС	3	5	4
ИОС	7	9	13

Обозначение

те же,

что в табл. 15.

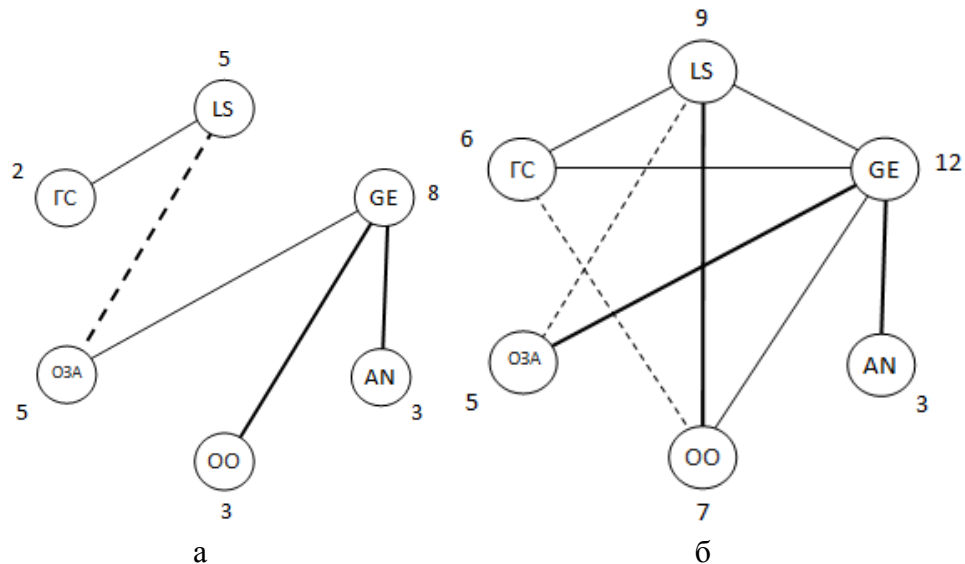

Рис. 22. Структурограмма базовых мыслительных операций при низком (а) и высоком (б) значении метакогнитивного потенциала. Обозначения те же, что на рис. 21.

Во-первых, можно видеть, что значения двух из трех главных индексов структурной организации (ИКС и ИОС) существенно и статистически значимо ($p = 0,05$) выше в третьей группе испытуемых – с наибольшей степенью выраженности метакогнитивного потенциала. Соответственно, значения ИКС в третьей группе в 1,7 раза больше, чем в первой, а значения ИОС – практически в 2 раза. Одновременно с этим, они принимают наименьшие значения в первой группе – с относительно наименьшей его выраженностью. «Средняя» группа занимает аналогичное, то есть также промежуточное место по их значениям. Следовательно, те «организационные процессы» и, соответственно, возникающие вследствие них эффекты, которые имеют место на собственно элементном уровне, действительно, прямо и значимо связаны с общей выраженностью всего метакогнитивного потенциала и, скорее всего, лежат в основе самой этой выраженности. Данный результат вновь выявляет обстоятельство наиболее принципиального порядка: то, что *предположительно* выступало в качестве элементов метакогни-

тивной сферы (операции), *реально* и явилось тем, что ее в действительности и образует и степень организации чего прямо определяет степень ее сформированности. Тем самым, операции, действительно, обнаруживают свой статус именно в качестве ее элементов, а вся их совокупность раскрывается в качестве ее элементной базы. И, если в предыдущем исследовании это было показано по отношению к различным когнитивным операциям, то в данном исследовании это же выявляется и по отношению к операциям, принадлежащим к одному из них, причем, главному, то есть к мышлению.

Во-вторых, найденные матрицы были подвергнуты сравнительному анализу на предмет их гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 . В результате установлено, что они не являются гетерогенными, то есть *качественно* различными в этих группах, а различаются именно в *количественном* отношении, то есть в плане того, насколько в них представлены средства собственно интегративного типа. По своему содержанию они остаются инвариантными на разных уровнях сформированности метакогнитивного потенциала, что свидетельствует об их, действительно, общем и достаточно глубинном характере. Однако, как известно, именно они как раз и лежат в основе генеративно-порождающих эффектов, благодаря которым во многом вообще на основе той или иной элементной базы» и формируется *новое качество*, трансформирующее агрегативную совокупность элементов в новые структурные единицы – в компоненты.

Итак, представленные данные, действительно, свидетельствуют о том, что содержание «вторичного» процесса метамышления в принципе *несводимо* к аддитивной совокупности операций, составляющих содержание операционного состава «первичного» процесса мышления, на основе которых оно формируется. Тем самым, однако, обнаруживается еще более значимый в плане основных задач данного параграфа факт: элементный уровень, представленный совокупностью основных операций, *качественно* отличается от компонентного, на котором локализованы метакогнитивные процессы – в данном случае метамышление. Индивидуальная мера его выраженности определяется не только и даже не столько *суммой* потенциалов отдельных операций, а эффектами их структурирования и *организации*. В результате их *интеграции* возникают специфические для любой интеграции эффекты супераддитивности, формируется новое операционно-процессуальное содержание, не позволяющее редуцировать их до простой суммы тех «составляющих» (операций), на основе которых, он и реализуется.

Рассматривая вопрос о сущности элементного уровня организации метакогнитивной сферы личности, необходимо учитывать еще одно важное теоретическое положение метакогнитивизма, являющееся в нем одним из основных. Оно состоит в том, что, наряду с «вторичными» образованиями собственно *процессуального* плана, то есть с самими метакогнитивными *процессами*, в качестве «вторичных» могут выступать и их результативные проявления – те *знания*, к которым приводит их развертывание. Однако, это не просто знания, а «знания о знаниях», то есть результаты развертывания именно «вторичных» – метакогнитивных процессов. Вообще говоря, практически в любом метакогнитивном образовании представлены в неразрывном синтезе две эти основные «составляющие» – процессуальная, а иначе – операциональная, с одной стороны, и «знаниевая» – содержательная, информационная, с другой. Такое двуединство обусловлено тем, что любое метакогнитивное образование имеет как собственно *процессуальные* механизмы, так и итоговые эффекты – *результативные* проявления. В целом, как уже отмечалось, в структуре всего метакогнитивизма сложились два основных течения, одно из которых направлено на исследование процессов, а второе – их итоговых, результативных эффектов (оно, как известно, закреплено во втором основном названии этого направления – «психология метапознания»). Следовательно, и сама элементная база метакогнитивной сферы личности должна быть образована теми «составляющими», которые соотносятся с обеими этими категориями метакогнитивных «составляющих». Можно видеть, что в представленных выше материалах исследованию была подвергнута первая из них – операциональная; теперь, следовательно, ее необходимо дополнить рассмотрением второй – содержательной, «знаниевой составляющей».

В связи с этим, однако, возникает целый ряд важных и сложных теоретических проблем, которые состоят в том, чтобы, во-первых, попытаться выявить, существуют ли какие-либо особенности и закономерности взаимосвязи этих двух главных «составляющих» метакогнитивных образований и, если да, то раскрыть их; во-вторых, необходимо попытаться уяснить и общий смысл такого двуединства. Следует учитывать также, что в наиболее общем плане сама суть всех образований метакогнитивного плана в том и состоит, что в них имеет место очень общий и важный механизм операционно-информационной обратимости: те результаты, к которым приводит развертывание когнитивных процессов (то есть знания), могут в дальнейшем выступать в качестве его операционных средств. Это, как известно, зафиксировано в положении, согласно которому зна-

ния из своего декларативного статуса трансформируются в статус процедуральных и оказываются в состоянии регулировать операционную сторону процессов. В наиболее общем плане данный механизм связан с тем, что система, порождая в процессе своего функционирования те или иные результаты, может затем использовать их же, но уже в качестве средства своего последующего процессуального развертывания.

Различные аспекты и проявления данного механизма были рассмотрены в работах [118, 119, 124], а в более конкретном плане – в плане его спецификации по отношению к *метакогнитивным* образованиям он составляет суть сформулированного нами *структурно-феноменологического* подхода к разработке проблематики метакогнитивизма. Более того, именно в этом, на наш взгляд, во многом и заключается общий *смысл* формирования в процессе эволюционного развития психики в целом самих образований метакогнитивного плана, их основное предназначение. Они позволяют в существенной степени повысить функциональный потенциал, расширить ресурсные возможности психики в целом и ее когнитивной подсистемы, в особенности. Именно эта трактовка составляет суть современного подхода к разработке проблематики метакогнитивизма – *ресурсного*. В свою очередь, такое расширение может быть существенным и эффективным лишь в том случае, если между двумя основными категориями «составляющих» метакогнитивных образований будут устанавливаться отношения не агрегативного, а именно *интегративного* типа, позволяющие «выйти» за пределы простой суммы потенциалов, которыми они располагают по отдельности. Иными словами, возникает естественное предположение, согласно которому между ними существуют специфически системные отношения синергетического типа.

Вместе тем, верификация данного предположения связана с очень существенными и, более того, принципиальными трудностями. Современные экспериментальные техники практически не позволяют дифференцировать – «разделить» в том или ином метакогнитивном образовании ту его часть, которая обусловлена его собственно операционной «составляющей», и ту, которая обусловлена его содержательной – «знаниевой» «составляющей». Однако, эта задача, будучи практически нереализуемой по отношению к какой-либо *отдельно* взятой операционной «составляющей» метакогнитивной сферы (например, по отношению к той или иной операции), значительно более реализуема по отношению к ней *в целом*. Действительно, для того, чтобы определить общий уровень ее сформированности – степень выраженности метакогнитивного потенциала, су-

существует специальная методика (КОМП), которая была подробно охарактеризована выше и применена в большом количестве конкретных исследований, в том числе и описанных в данной работе. Она как раз и позволяет диагностировать, прежде всего, именно процессуальную – операционную «составляющую». Одновременно с этим, *объем* тех знаний, которыми располагает субъект в отношении какой-либо предметной области – например, в отношении регуляции профессиональной деятельности, также вполне доступен измерению. Более того, именно такое измерение как раз и составляет самую суть многочисленных процедур и техник профессиональной аттестации. Сами знания – это наиболее традиционный предмет такого рода измерительных процедур, а для их диагностики разработаны многочисленные способы и методы (см. обзор в [125]). Их объем и является объективным индикатором второй основной «составляющей» метакогнитивной сферы – собственно «знаниевой», содержательной.

В связи с этим, возможна формулировка предположения, которое, с одной стороны, базируется на представленных выше результатах теоретического анализа, а с другой, – является вполне реализуемым в плане его эмпирической верификации. Если между двумя этими основными «составляющими» метакогнитивной сферы, действительно, существуют закономерные отношения синергетического типа, то они должны проявиться в существовании аналогичных отношений и между двумя наиболее обобщенными ее проявлениями – значениями общего метакогнитивного потенциала и количественными характеристиками профессиональных знаний. Данное предположение, будучи достаточно общим, в то же время является и вполне операциональным, поскольку допускает возможность своей непосредственной верификации. В этих целях нами были использованы данные уже охарактеризованного в параграфе 4.5. исследования с учетом, однако, его дополнения. Напомним, что в нем была исследована выборка слушателей курсов повышения управленческой компетентности, а само исследование, наряду с прочими его аспектами, предполагало и диагностику итоговых параметров обучения – оценку уровня знаний, проводившуюся в форме традиционного экзамена. Единственная модификация состояла в том, что результаты экзамена выражались не в обычных балльных оценках, а представлялись в 100-балльной шкале.

Далее, проводилась процедура диагностики у испытуемых общего метакогнитивного потенциала посредством методики КОМП. При организации исследования необходимо учитывать очень важный фактор, который мог бы вы-

ступить (при условии его неучета) «побочной» переменной исследования – фактор возрастных характеристик испытуемых. Дело в том, что уровень профессиональных знаний, степень сформированности профессионального опыта является естественной и прямой функцией именно от возраста (и сопряженного с ним профессионального стажа). Следовательно, данный фактор необходимо было нивелировать в проведенном исследовании, что и было сделано уже на этапе формирования выборки. Дело в том, что сам характер контингента обучающихся на отмеченных выше курсах таков, что он по определению предполагает существенную уравниность как по параметру возраста, так и по параметру стажа.

В итоге реализации данного исследования был получен следующий основной результат. Степень выраженности метакогнитивного *потенциала* (по методике КОМП) значимо (на $p = 0,05$) коррелирует с оценкой общего объема профессиональных *знаний*. Следовательно, чем выше сам этот потенциал, тем бóльшим объемом профессиональных знаний располагает субъект. Однако, справедливо и обратное утверждение: чем бóльшим объемом профессиональных знаний располагает субъект, тем в целом выше и значения его метакогнитивного потенциала. Безусловно, при интерпретации данной связи следует учитывать ее сложнейший и многократно опосредствованный характер со стороны целого ряда других значимых факторов. Так, в частности, важную роль играет фактор общего интеллекта, фактор мотивации и др. Тем не менее, связь эта существует и должна быть осмыслена и объяснена. На наш взгляд, такое объяснение является вполне естественным и вытекает из самой сути отношений между двумя основными «составляющими» метакогнитивных образований, констатированной выше, – операционной и «знаниевой». Это отношения именно синергетического – «взаимоусиливающего» характера, что, подчеркнем еще раз, наиболее выгодно с точки зрения расширения функциональных возможностей субъекта. Это и проявилось в полученном выше – основном результате: с ростом метакогнитивного потенциала расширяются и «знаниевые» возможности субъекта, а само их расширение является одним из условий повышения самого этого потенциала.

3.7. Выводы по главе

1. Основным и наиболее общим итогом данной главы является верификация посредством достаточно большого объема экспериментальных и эмпирических результатов правомерности предложенного в главе 1 решения проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности как регу-

лятора управленческой деятельности. С одной стороны, все они доказывают наличие у каждого из дифференцированных уровней собственной качественной определенности и существование развернутой системы собственных закономерностей, особенностей, механизмов и феноменов, а в целом – их уровневого статуса. С другой стороны, все дифференцированные уровни характеризуются наличием закономерных и тесных взаимосвязей и межуровневых взаимодействий иерархического типа.

2. Вся совокупность полученных экспериментальных и эмпирических материалов доказывает наличие у метакогнитивной сферы личности как системы очень явной и не в полной мере раскрытой пока специфики. Она заключается в том, что она не может быть адекватно понята в качестве системы классического типа, поскольку принадлежит к системам со встроенным метасистемным уровнем. Это означает, что та метасистема, которая выступает онтологически первичной по отношению к ней и является более общей (психическая организация субъекта в целом), в то же время оказывается функционально представленной в содержании ее самой и образует очень важную часть, аспект ее собственного содержания. Лишь с позиций такой интерпретации оказывается возможным преодолеть ряд принципиальных теоретических трудностей, которыми характеризуется как психология управления, так и современный метакогнитивизм и решение которых также предложено в данной главе. Ключевым условием этого является доказанный эмпирически факт, согласно которому в структуре метакогнитивной сферы, действительно, представлен в качестве самостоятельного и специфического метасистемный уровень ее организации.

3. Эмпирически и экспериментально доказано, что особую и, фактически, определяющую роль в общей организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности играет уровень, который не был до настоящего времени выявлен и проинтерпретирован – субсистемный. Он образован закономерной структурой основных подсистем метакогнитивного плана, каждая из которых представляет синтез качественно гомогенных и функционально сходных метакогнитивных процессов и структур, качеств и образований.

4. Предложена новая, наиболее обобщенная среди всех существующих в настоящее время интерпретация наиболее традиционного из всех дифференцируемых в метакогнитивной сфере личности уровня – компонентного, представленного совокупностью отдельных факторов метакогнитивного плана. Эмпирическими и экспериментальными средствами доказана нередуцируемость дан-

ного уровня ни к одному из других уровней организации метакогнитивной сферы. По отношению к этому уровню обнаружен, экспериментально изучен и теоретически проинтерпретирован новый факт – существование не описанного до настоящего времени механизма функционирования данного уровня, обозначенного как механизм «тройной синергии». Он состоит в синергетическом взаимодействии (и взаимоусилении) трех основных типов детерминации поведения и деятельности – аналитической, агрегативной и структурной.

5. Эмпирически и экспериментально доказана правомерность дифференциации в качестве самостоятельного – обладающего уровневым статусом еще одного, не описанного до настоящего времени уровня организации метакогнитивной сферы личности – элементного. Его состав дифференцируется на две основные категории. С одной стороны, его содержание образовано базовыми «первичными» когнитивными процессами, взятыми, однако, в их относительно наиболее простом, то есть именно элементарном виде – в аспект их операционного состава. С другой стороны, в него входит и множество локальных ментальных репрезентаций информации профессионального опыта – «первичных» знаний. И те, и другие, являясь объективной, то есть онтологической, базой для формирования процессов и структур метакогнитивного плана, подчиняются выявленному в работе механизму функциональной обратимости и тем самым обладают принципиальной способностью трансформации из статуса элементов в статус компонентов метакогнитивной сферы. В результате конституируются сами метакогнитивные процессы, а также порождаются знания специфического типа – процедуральные, дополняющие собой их первый базовый тип – декларативные. Таким образом, с этих позиций получают естественное решение две наиболее традиционные, наиболее общие и принципиальные проблемы как самого метакогнитивизма, так и психологии управленческой деятельности – проблема соотношения «первичных» и «вторичных» когнитивных процессов и проблема соотношения декларативных и процедуральных знаний. Они раскрываются как соотношения элементного и компонентного уровней организации метакогнитивной сферы личности.

6. В наиболее принципиальном плане обоснованное экспериментальными и эмпирическими средствами общее решение проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности позволяет непротиворечиво синтезировать в единой структуре уже из-

вестные уровни, а также установить и интегрировать в эту общую структуру не описанные до сих пор уровни – метасистемный, субсистемный и элементный.

7. Установлена совокупность новых закономерностей, феноменов и особенностей метакогнитивной сферы личности. Среди них можно отметить, в частности, следующие: феномен парциальности базовых метакогнитивных подсистем, а также его объяснение; инвертированную U-образную зависимость эффективности управленческой деятельности от степени структурной организации базовых метакогнитивных подсистем; «закон оптимума», эксплицирующий (и объясняющий) взаимную зависимость величины общего метакогнитивного потенциала личности и меры интегрированности основных метакогнитивных подсистем; механизм «тройной синергии» влияния метакогнитивных детерминант на результативные параметры управленческой деятельности, имеющий место как на компонентном, так и на общесистемном уровнях; генеративные по своей сути механизмы, приводящие к формированию дополнительного метакогнитивного потенциала на субсистемном уровне; феномен «антирефлексии» как важнейший атрибут ингибиторной подсистемы; наличие мощного «антирефлексивного потенциала» у каждого из основных атрибутов управленческой деятельности; система новых закономерностей генеративно-порождающего типа, порождаемая взаимодействием трех основных общих способностей (интеллекта, обучаемости и креативности) с базовыми компонентами метакогнитивной сферы, и др.

8. Конструктивность предложенного подхода подтверждается материалами этой главы еще и в том плане, что с его позиций оказалось возможным дать новое, более полное объяснение целого ряда уже установленных в эмпирико-феноменологическом плане явлений. Так, в частности, не только выявлен, но и объяснен «принцип парности» структурной организации субсистемного уровня, согласно которому между основными подсистемами метакогнитивного плана устанавливаются диадные отношения, позволяющие реализовывать компенсаторные отношения между ними и тем самым преодолевать их ограничения в случае их дефицитарной представленности. С позиций эмпирически и экспериментально обоснованной интерпретации метакогнитивной сферы как системы со встроенным метасистемным уровнем в новом и наиболее обобщенном свете предстает господствующая в современном метакогнитивизме парадигма, согласно которой доминирующей является «широкая трактовка» метакогнитивных феноменов. Дело в том, что понятие метасистемного уровня позволяет, с

одной стороны, органично включить в состав метакогнитивной сферы личности практически всю совокупность факторов метакогнитивного плана (а не только «вторичные» процессы и метазнания, что, напротив, характерно для «узкой» трактовки), но, с другой стороны, не допустить редукцию совокупности основных психических процессов, структур и образований лишь до их метакогнитивного статуса то есть избежать их фактического отождествления.

9. Характеристика результатов изучения метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности дана не только в плане ее основных уровней, но и в плане раскрытия закономерностей межуровневых взаимодействий. Доказано, что каждый вышележащий уровень формируется на основе ближайшего к нему нижележащего посредством интеграции компонентов последнего, внесения в него дополнительной организации. В итоге развертывания средств и механизмов организационного типа порождаются новые качества, которые обуславливают переход к вышележащему уровню. Так, отдельные компоненты метакогнитивной сферы – «вторичные», то есть собственно метакогнитивные процессы, соорганизуясь по функциональному критерию, интегрируются в основные мотивационные подсистемы, которые, однако, уже принципиально несводимы к простой сумме этих компонентов. В свою очередь, сами подсистемы также подлежат соорганизации, которая, к тому же, обретает различную форму и степень в зависимости, например, от общей выраженности метакогнитивного потенциала. В результате этого разные синтезы («паттерны») такой организации приводят к возникновению новых – также не только различных, но и множественных особенностей метакогнитивной сферы на общесистемном уровне ее организации.

10. Вся совокупность представленных в данной главе экспериментальных и эмпирических результатов, а также их обобщение дополняет и углубляет аргументы методологического и теоретического характера, изложенные в главе 1. Кроме того, они переводят их из статуса теоретических предположений в статус верифицированных положений. Все это позволяет считать реализованным второй основной этап общего гносеологического инварианта системного исследования – структурный. Это, в свою очередь, создает необходимые предпосылки для перехода к следующим этапам данного инварианта комплексной стратегии исследования – функциональному и генетическому.

Глава 4. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ МЕТАКОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

4.1. Постановка проблемы исследования

Материалы, представленные в предыдущей главе, позволили предложить комплексное решение проблемы структурной организации метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности. В его основу положена методология, базирующаяся на принципе метасистемного подхода. В свою очередь, необходимо учитывать, что он представлен в двух основных вариантах – онтологическом и гносеологическом [127]. Во втором из них он предполагает необходимость реализации по отношению к предмету исследования конкретной по содержанию, но достаточно общей по смыслу совокупности исследовательских процедур, обозначаемой понятием «алгоритма системного исследования». Он включает последовательность пяти основных этапов (планов) исследования – метасистемного, структурного, функционального, генетического и интегративного [125, 127]. Следовательно, метакогнитивная сфера личности как регулятор управленческой деятельности должна быть подвергнута последовательному изучению именно в тех пяти основных гносеологических планах, которые составляют содержание данного алгоритма. Их реализация позволяет раскрыть предмет (в данном случае – метакогнитивную сферу личности) в полной совокупности его объективно основных закономерностей – онтологических, структурных, функциональных, генетических и интегративных.

В свою очередь, именно это в значительной степени содействует разработке целостных представлений о его содержании и принципах организации. Этапы данного инварианта, отражающие логику и структуру системного исследования, совпадают с основными категориями закономерностей изучаемого предмета. Поэтому результаты, полученные при его реализации, воспроизводят в гносеологическом плане объективное содержание самого изучаемого предмета. В результате сумма знаний о предмете (метакогнитивной сфере), полученная на основе данного инварианта, предстает как упорядоченная и организованная совокупность, то есть как *концептуальная целостность*. Именно эти черты (упорядоченность, непротиворечивость, целостность, системность знаний о предмете) являются, как известно, определяющими характеристиками теории как таковой. В силу этого, как мы уже подчеркивали в главе 2, реализа-

ция данного инварианта является не только необходимым, но и достаточным условием для того, чтобы развитие представлений о предмете в основном перешло с эмпирической стадии на собственно теоретическую стадию.

Итак, в основу логики и структуры исследования метакогнитивной сферы должна быть положена последовательность указанных этапов гносеологического инварианта. Вместе с тем необходимо помнить, что реализация данной стратегии в ее полном объеме является именно стратегической целью, достижение которой требует не одного, а многих исследований. Исходя из этого, мы рассматриваем представленные в этой работе материалы как процесс и промежуточные результаты реализации данной стратегии. Однако, как можно видеть из проведенного анализа, эти результаты, не в полной мере охватывая проблему исследования, в то же время, характеризуются чертами концептуальной целостности. Кроме того, последовательность осуществления основных этапов должна быть именно такой, какой это и предписывается указанной выше совокупностью основных аспектов (планов), составляющих содержание «алгоритма системного исследования». Это означает, что он должен развертываться от метасистемного (онтологического) этапа к структурному и, далее, – к функциональному, генетическому и интегративному. Следовательно, двумя первыми и в этом смысле – исходными являются именно аспекты, связанные с метасистемным и структурным исследованием метакогнитивной сферы личности. Они и были реализованы, соответственно, в главах 2 и 3. В свою очередь, их реализация не только создает все необходимые и достаточные предпосылки для перехода следующему основному этапу данной стратегии – функциональному, но и требует такого перехода.

Данный этап, локализуясь непосредственно вслед за структурным этапом, в значительной мере базируется на его результатах. При осуществлении функционального этапа (аспекта) исследования необходимо учитывать одну из основных его особенностей, заключающуюся в следующем. «Если структурный этап (аспект) «алгоритма системного исследования» трактуется обычно как базовый и определяющий, поскольку он направлен на решение критически значимого для любой системы вопроса о ее субстанциональной основе – о содержании, «материале», а также о механизмах ее структурирования и интеграции в целостность, то функциональный аспект имеет иную специфику. Она состоит в том, что именно данный аспект является не только максимально общим, но и предельно многоплановым, гетерогенным, а само понятие «функционирования»

характеризуется выраженной полисемичностью» [127, с. 200]. Наряду с этим, данный этап имеет еще одну – также заслуживающую внимание, но обычно не учитывающуюся особенность. С одной стороны, он не является ни первым (а значит – исходным, отправным и потому определяющим и, следовательно, особо значимым), ни завершающим и поэтому также – «венчающим» все исследование и поэтому также выделяющимся по своей значимости. Напротив, он выступает третьим по порядку, то есть располагается ровно посередине общего алгоритма исследования. Однако именно это и означает, что он локализуется *в центре* данного «алгоритма» и, следовательно, характеризуется аналогичной, то есть также центральной ролью в его осуществлении. Он, обобщая результаты первых двух этапов (метасистемного и структурного) и базируясь на них, в то же время, создает необходимые и достаточные условия для реализации двух, основанных на нем и следующих за ним этапов – генетического и интегративного. Данное положение отражено в ряде известных положений методологического и гносеологического плана. Так, например, известно, что именно функционирование, многократно повторяясь, находит свою «кристаллизацию» в генетических новообразованиях и, следовательно, объективно сопряжено с переходом к генетическому плану исследования. Одновременно и сам генезис обуславливает ряд итоговых эффектов. Одними из основных среди них являются эффекты собственно интегративного плана, носящие характер синергетических. Это – важное, на наш взгляд, обстоятельство, обусловленное центральным местом и аналогичной ролью функционального этапа, должно быть зафиксировано специально, поскольку оно является значимым не только для общей логики исследования, но и для обобщения и интерпретации всей совокупности получаемых результатов.

Характеристика функционального этапа (плана) исследования и его основных задач уже была представлена в главе 2, в связи с чем отметим лишь его принципиальные особенности. В наиболее общем и определяющем виде он направлен на то, чтобы выявить и объяснить основные закономерности особой категории – закономерности собственно функционального типа. Эта максимально общая задача, точнее – даже макрозадача включает в себя целый ряд более частных, хотя также очень значимых направлений исследования, основными из которых являются следующие аспекты функционального плана исследования.

1. Раскрытие и объяснение основных особенностей собственно *временной*, то есть диахронической – темпоральной организации изучаемого объекта, его «бытия во времени» [34, 263]. Следует подчеркнуть, что по отношению к психологической проблематике данный аспект достаточно специфичен и конкретизируется, как правило, до рассмотрения особенностей и закономерностей собственно процессуального плана. Функционирование всегда представлено в процессуальной форме, а сама она является конкретной временной «разверткой» функционирования объекта. Категория функционирования и понятие процесса, фактически, взаимополагаемы и взаимообусловлены. Общеизвестно, что такая их взаимополагаемость является фундаментальной, прежде всего, именно для психологии. Так, пожалуй, одно из наиболее важных психологических понятий – понятие психических процессов, по существу, непосредственно базируется на общем понятии процесса. На нем же естественным образом основана и аналогичная по значимости, то есть также главная дифференциация содержания психики – ее дифференциация на классы и виды именно психических процессов. Все это, в конечном счете, связано с тем, что «психическое существует лишь в форме процесса»; что «процесс – это и есть способ существования психического» [240]. Другими словами, в одной из основных психологических категорий – в категории психических процессов воплощена главная черта и аналогичный – также основной атрибут функциональной организации как таковой. Он состоит в ее процессуальном характере; в возможности функционирования психического лишь в процессуальной форме. Поэтому раскрытие особенностей собственно процессуальной организации психических явлений в значительной степени равнозначно реализации этого – первого из основных аспектов общего функционального плана исследования.

Наряду с этим, следует учитывать, что временной, то есть собственно процессуальный аспект исследования включает два основных подаспекта. Первый предполагает раскрытие и интерпретацию закономерностей микропроцессуального типа, то есть тех, которые характеризуют функциональную динамику собственной процессуальной организации тех или иных объектов исследования. По отношению к метакогнитивной сфере личности – это, прежде всего, закономерности, лежащие в основе ее собственно временной организации в целом и ее основных функциональных составляющих – метакогнитивных процессов. Второй предполагает изучение закономерностей макропроцессуального типа, то есть тех, которые характеризуют взаимосвязи и взаимодействия изу-

чаемого предмета с более общей целостностью (метасистемой), в которую они объективно включены и обретают всю полноту своей функциональной организации. По отношению к исследованию метакогнитивной сферы это, разумеется, те закономерности, которые связаны с ее регулятивной ролью по отношению к метасистеме управленческой деятельности. Наконец, подчеркнем, что именно этот аспект, являясь, объективно и наиболее общим, и наиболее важным, тем не менее, не является, согласно сложившейся традиции, приоритетным в реализации функционального плана исследования. Это в свою очередь, выступает следствием, а одновременно – и показателем того, что методология функционального исследования требует своего развития и совершенствования.

2. В противоположность этому следующий аспект функционального плана, наоборот, является и наиболее традиционным, и широко представленным в психологических исследованиях. Он предполагает выявление и интерпретацию тех *функций*, которые реализует предмет исследования в контексте какой-либо более общей целостности, являющейся по отношению к нему самому метасистемой. Вообще говоря, именно этот аспект исследования является и наиболее традиционным, и наиболее представленным по отношению к большинству объектов психологического исследования.

3. Далее, необходима дифференциация еще одного – также основного аспекта общего функционального изучения. Он направлен на выявление и интерпретацию тех результативных эффектов, к которым приводит само функционирование – *функциональных новообразований*. В них «кристаллизуются» закономерности и содержательные особенности процесса функционирования; иногда для их обозначения, как известно, используется понятие так называемых «функциональных органов» системы.

4. Наконец, сущность еще одного – пожалуй, наиболее объемного по содержанию аспекта общего функционального плана исследования состоит в следующем. С одной стороны, он предполагает раскрытие общих *функциональных закономерностей*, связанных с организацией самого процесса функционирования изучаемого объекта, с его временной «разверткой», то есть с диахронической организацией. Однако, с другой стороны, это функционирование объективно сопряжено с его множественными взаимодействиями со всеми иными «составляющими» той системы, в которую он объективно включен. И в этих множественных взаимодействиях порождается огромное число самых различных закономерностей. Они, имея характер уже более частных, то есть своего

рода микрозакономерностей, тем не менее, очень важны в плане раскрытия особенностей его функционирования в этой системе. Другими словами, это все те закономерности, на основе которых происходит реальное взаимодействие изучаемого предмета со всеми иными «составляющими» системы. Это закономерности, по которым он функционирует в ней и которые, следовательно, составляют объективно важнейшую грань его общей организации. Отметим также, что установление именно этой категории закономерностей является обычно относительно менее сложной задачей, поскольку они фиксируют связи тех или иных установленных эмпирически и, следовательно, вполне эксплицированных переменных. Так, например, по отношению к исследованию метакогнитивной сферы личности, очень типичной и важной закономерностью такого рода является связь между степенью ее сформированности и эффективностью управленческой деятельности, а также величиной профессионального стажа. Кроме того, закономерности именно этого типа составляют существенную часть всего эмпирического базиса в разработке большинства проблем как теоретико-экспериментального, так и особенно прикладного плана.

Все отмеченные основные направления реализации общего функционального исследования тесно взаимосвязаны между собой; они в значительной степени «перекрываются» друг с другом и выделяются, прежде всего, в исследовательских целях. Так, например, раскрытие закономерностей процессуальной организации (первый аспект данного гносеологического плана) тесно связано и с выявлением тех функций, которые реализуются этой организацией (второй аспект общего плана), и с изучением тех новообразований, которые обусловлены ей (третий аспект). В свою очередь, раскрытие и интерпретация самих этих новообразований является основой для выявления системы базовых функциональных закономерностей исследуемого предмета (четвертый аспект). Наряду с этим, следует учитывать, что функциональный план исследования обладает еще рядом обобщенных особенностей, которые также необходимо учитывать при его реализации по отношению к исследованию метакогнитивной сферы личности, основные из которых состоят в следующем.

Во-первых, в литературе отмечается, что функциональный план изучения в определенном смысле более сложен в гносеологическом отношении, нежели структурный [132]. Если последний связан с решением базового и исходного для любого познания (не только научного, но и житейского) вопроса – вопроса о том, «из чего состоит и как устроен» предмет исследования, то функциональ-

ный план имеет иную специфику. Он направлен на решение вопроса о том, как, по каким закономерностям и на основе каких механизмов он «работает» – функционирует. Иначе говоря, данный исследовательский план связан, пожалуй, с наиболее трудным гносеологическим вопросом – с выявлением и объяснением тех конкретных механизмов, которые лежат в основе изучаемого предмета. Решение именно этого вопроса, однако, считается во многом эквивалентным его познанию как таковому. Таким образом, можно видеть, что функциональный план изучения синтезирует в себе две основополагающие гносеологические характеристики – ярко выраженную множественность и столь же явную сложность, что делает его реализацию также весьма трудной задачей.

Во-вторых, несмотря на свой очень общий, а потому – зачастую и подчеркнута теоретический характер, данный исследовательский план, в действительности, в целом ряде аспектов приводит к получению данных существенно более конкретного содержания, чем первые два этапа. Он, так сказать, более эмпиричен и более практичен, чем они; это связано, прежде всего, с тем, что именно в его итоге оказывается возможным получение конкретных по содержанию, хотя нередко и очень общих по смыслу закономерностей функционального типа, равно как и установление целой системы феноменов и эффектов, функций и новообразований. В свою очередь, именно это создает реальные предпосылки и для решения задач собственного прикладного плана, которые, как известно, требуют не только установления того, «как устроен предмет», но и того, как он, в действительности, «работает», то есть функционирует.

В-третьих, данный план исследования относительно наиболее специфичен собственному содержанию изучаемого предмета. Он в наибольшей степени отражает и воплощает в себе его атрибутивные особенности и характеристики, неразрывно связан с его главными содержательными чертами. По отношению к основной теме данного исследования это проявляется в том, что именно он наиболее полно и непосредственно связан со спецификой управленческой деятельности; он максимально специфичен ее собственному содержанию.

Наконец, в-четвертых, следует специально подчеркнуть и еще одну особенность функционального плана исследования, наиболее отчетливо проявляющуюся по отношению к управленческой деятельности. Дело в том, что именно этот план объективно и непосредственно связан с той чертой (и даже – атрибутом) данной деятельности, которая вообще считается основной и определяющей для нее – с ее собственно функциональной природой и строением.

Как известно, уже в самой первой концепции управления (административной, «классической», разработанной А. Файолем и его последователями) был предложен именно *функциональный подход* к нему [363]. Сами же представления об атрибутивно функциональной природе управленческой деятельности – о том, что совокупность основных управленческих функций составляет специфику содержания всей этой деятельности, ее «ядро» стали общепризнанными и «аксиоматичными». Это – очень важное обстоятельство также должно быть зафиксировано специально и выступить в качестве одного из интерпретационных средств в осмыслении результатов функционального исследования.

Все эти особенности функционального плана должны быть обязательно учтены при его реализации по отношению к изучению метакогнитивной сферы личности, а четыре сформулированные выше направления его реализации должны выступить как основные его этапы. Вместе с тем, последовательность их реализации должна быть несколько иной, чем та, которая представлена выше. Исходным этапом должен, по-видимому, выступить тот, который связан с анализом основных функций предмета исследования, а не с анализом особенностей его процессуальной организации. Это объясняется достаточно просто: анализ функций является относительно менее сложной и, следовательно, более реализуемой задачей, которая выступает и наиболее традиционной, а потому – подкрепленной опытом изучения и полученными при этом материалами. После этого необходимо перейти к процессуальному аспекту анализа (в двух его формах – микро- и макроанализа). Затем следует реализовать аспект, связанный с изучением функциональных новообразований, и, наконец, рассмотреть аспект, связанный с функциональными закономерностями предмета исследования.

4.2. Основные функции метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

Как отмечалось выше, один из основных и традиционных аспектов функционального плана исследования предполагает выявление и интерпретацию тех функций, которые реализует предмет изучения в контексте какой-либо более общей целостности, являющейся по отношению к нему метасистемой. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что не менее традиционной является и та основная особенность данной проблемы, которая чаще всего выступает и в качестве главной трудности на пути ее конструктивной разработки. Она состоит в очень явном эмпирико-феноменологическом, а нередко – описательном характере по-

давляющего большинства попыток ее решения и, соответственно, в выраженной эклектичности и несистематизированности дифференцируемых функций. В результате этого их совокупность зачастую характеризуется неупорядоченностью или даже хаотичностью – смешением в нем функций очень разного уровня обобщенности и очень разного характера и направленности, а также неопределенностью приоритетов в их сравнительной значимости. Кроме того, отсутствие или неявный характер критериев дифференциации функций порождает и известную проблему определения необходимости и достаточности выделяемых функций – ограничения их множества по отношению к исследуемому предмету.

По нашему мнению, в целях преодоления этой трудности, равно как и иных проблем, также осложняющих решение задачи определения состава и содержания функций изучаемого предмета, необходимо базироваться на двух главных положениях методологического порядка. Во-первых, это положение, согласно которому понятие функции является, конечно, не абсолютным (то есть не самостоятельным и самодостаточным), а принципиально относительным, то есть *релятивистским* по своей сути. Это означает, что дифференциация функций должна проводиться с обязательной ориентацией на какую-либо вполне конкретную систему, в отношении которой эти функции и реализуются. Функций «вообще», то есть абстрактных и «не привязанных» к какой-либо системе не существует просто по определению. Причем, таких систем может быть не одна, а несколько: в отношении каждой из них тот или иной объект может реализовывать разные наборы функций. В силу этого, возникает настоятельная необходимость определения той системы, в отношении которой осуществляется поиск и дифференциация функций. В плане основных задач данной работы это требование, в свою очередь, означает необходимость определения той системы, в отношении которой проводится поиск основных функций, реализуемых метакогнитивной сферы. Ей, разумеется, как раз и выступает сама управленческая деятельность. При этом сложность ситуации состоит именно в том, что полный состав возможных функций самой этой сферы вовсе не исчерпывается только теми, которые она реализует в отношении этой деятельности. Дело в том, что она выполняет еще целый ряд не менее важных функций по отношению и к иным системам – скажем, по отношению к личности [125]. Однако это уже иные функции, которые, являясь, безусловно, важными, не должны смешиваться с первой категорией – «деятельностно-ориентированных» функций и тем более не должны подменять и заменять их.

Во-вторых, следует базироваться и на еще одном положении не менее общего характера – о теснейшей связи и, более того, о взаимообусловленности и взаимоплагаемости «структуры и функций». Это означает, в частности, что объективным основанием – своего рода «каркасом» для организации частных функций выступает сама структура того или иного объекта; она и должна, соответственно, использоваться в качестве комплексного критерия и дифференциации функций, и их систематизации. Вместе с тем, следует учитывать очень сложный и неоднонаправленный характер связи «структуры и функций». Как известно, не только структура является «носителем» – детерминантой всей совокупности функций, но и наоборот, что зафиксировано в известном тезисе теории управления: «функция определяет структуру» [325].

Наконец, в-третьих, поскольку само понятие структуры является очень сложным и многоплановым, то возникает необходимость в его конкретизации – в выделении так сказать его «главного аспекта». В этом плане, по-видимому, наиболее перспективными является трактовка структурной организации с позиций наиболее общего и мощного принципа – *уровневого*, предполагающего дифференциацию ряда иерархически соподчиненных уровней (см. главу 2). Подчеркнем также, что именно он и был реализован нами при раскрытии структурной организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности.

Руководствуясь этими методологическими установками, можно, на наш взгляд, сформулировать следующие положения, направленные на решение проблемы определения содержания и состава основных функций метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Прежде всего, как это и предписывается методологическими императивами, в основу определения системы ее основных функций должен быть положен сформулированный выше *принцип относительности*. Согласно ему, функции должны выделяться не «вообще» и не в их абстрактном виде, а конкретно – по отношению к системе деятельности. При этом, разумеется, целый ряд весьма важных функций, которые присущи ей, могут не проявляться (или проявляться в подчиненном виде) в таком – деятельностном «измерении». Кроме того, дифференциация функций должна осуществляться на основе учета того, что эта сфера построена на основе структурно-уровневого принципа и образует иерархию пяти основных уровней. Следовательно, на каждом уровне должны быть локализованы те или иные – специ-

фичные именно ему функциональные проявления, а общая система деятельностных функций образована совокупностью разноуровневых функций.

Так, пожалуй, наиболее показательным в плане конкретного проявления этих общих закономерностей является тот уровень структурной организации метакогнитивной сферы, который был обозначен выше как общесистемный. На нем локализовано, по существу, все ее основное содержание, взятой при этом во всей полноте его организации, то есть во всей ее целостности и скоординированности. Такая целостная и «ненарушенная» организация данной сферы, ее экспликация именно как особой системы, имеющей вполне самостоятельное значение, позволяет с высокой степенью отчетливости выявить основной принцип и главный смысл ее именно общего функционального предназначения – ее своего рода макрофункцию. Действительно, как было показано в главе 3, существует прямая и очень выраженная взаимосвязь метакогнитивной сферы личности и одной из основных общих способностей личности – обучаемости. Эта связь настолько очевидна и многопланова, что обучаемость в целом во многом просто эквивалентна способности к выработке, закреплению и использованию тех или иных средств, способов, приемов метакогнитивного плана, служащих для осуществления деятельности, а также для приобретения знаний и их использования и т.д. Причем, именно метакогнитивные процессы и качества являются одними из главных и наиболее действенных среди таких средств, способов и приемов. Поэтому обучаемость не только может и не только должна быть напрямую связана с большинством метакогнитивных процессов и качеств, но и во многом *заключается* в них.

На наш взгляд, обнаруженная в данном исследовании прямая зависимость между уровнем обучаемости и степенью развития метакогнитивных процессов в наиболее общем плане допускает следующую интерпретацию. Она, по-видимому, объясняется тем, что сама эта степень в значительной мере как раз и является одним из важнейших результативных проявлений обучаемости как таковой. Обучаемость как способность сама по себе в существенной мере не только и «не просто» связана с формированием и развитием, усвоением и генерализацией метакогнитивных стратегий, а во многом в этом и состоит. Другими словами, в само содержание метакогнитивных процессов включены компоненты и факторы обучаемости; обучаемость во многом и состоит в овладении человеком различными операционными средствами метапамяти, метамышления, когнитивного мониторинга и т.д. При этом обучаемость с указанных позиций

следует трактовать несколько иначе – более широко, но, в то же время, и более дифференцированно. Действительно, одной из важнейших характеристик метакогнитивных процессов и качеств является то, что они расширяют функциональные возможности «первичных» психических процессов, повышают их потенциал, а тем самым выступают в качестве одного из направлений оптимизации *ментальных ресурсов* личности. Другой – столь же очевидной и определяющей их чертой является то, что они, в основном, носят осознаваемый, произвольно контролируемый характер и, следовательно, могут быть использованы самой личностью в качестве целенаправленно контролируемого средства повышения собственного когнитивного потенциала.

На основе синтеза этих двух особенностей становится принципиально возможным целенаправленное и осознанно регулируемое формирование личности метакогнитивных умений и иных средств расширения своего когнитивного потенциала. Они, следовательно, выступают в качестве важнейших проявлений – эффектов и средств обучаемости как таковой. С этих позиций становится достаточно очевидным, что вся совокупность метакогнитивных процессов и качеств личности (равно как и иных средств метакогнитивного плана), фактически, входит в само содержание и структуру обучаемости как общей способности. Они формируются, в основном, за счет реализации осознаваемых – метакогнитивных средств, а затем используются субъектом в качестве дополнительного источника, позволяющего расширить его потенциал и повысить ресурсные возможности психики, в том числе и по приобретению новых знаний, то есть именно в плане обучаемости. Тем самым, они раскрываются как один из очень важных *ментальных ресурсов* личности, расширяющих ее когнитивный потенциал. Это особо значимо именно по отношению к реальной деятельности, осуществляющейся в естественных и потому – зачастую весьма жестких условиях, предъявляющих высокие требования в когнитивной организации субъекта. Понятно также, что по очевидным причинам эти требования наиболее высоки по отношению к управленческой деятельности. Именно это, на наш взгляд, и лежит в основе той главной функции (точнее, *макрофункции*), которую реализует метакогнитивная сфера по отношению к управленческой деятельности. Она состоит в обеспечении возможно более полного и действенного метакогнитивного контроля за ее реализацией, а в этих целях – в *расширении ментальных ресурсов* личности и, соответственно, повышении ее *когнитивного потенциала* в целом. Подчеркнем также, что данное заключение не только органичным об-

разом соответствует одному из основных современных подходов, сложившихся в когнитивной психологии в целом и в метакогнитивизме, в частности, – *ресурсному*, но и является конкретным средством его дальнейшего развития.

Не менее, а пожалуй, еще более отчетливо конструктивность структурно-уровневого подхода к решению проблемы дифференциации основных функций метакогнитивной сферы в управленческой деятельности проявляется по отношению уже не к общесистемному уровню ее организации, а по отношению к иному ее уровню – субсистемному. В главе 2 была дана его подробная характеристика, в силу чего остановимся лишь на тех ее следствиях, которые необходимы для рассмотрения вопроса о дифференциации основных функций метакогнитивной сферы. Дело в том, что субсистемный уровень как раз и характеризует процесс функционирования отдельных подсистем. Естественно, что он принципиально своеобразен – качественно специфичен по отношению и к собственно системному, и к компонентному уровню. Данный уровень обладает целым рядом специфических особенностей, которые в наибольшей степени – естественным и органичным образом соответствуют самой сути деятельности как подчеркнуто функциональной по направленности и операциональной по своим конкретным средствам и механизмам (они охарактеризованы в параграфе). Одной из основных среди них является то, он предельно динамичен, поскольку продуктивно строится и переструктурируется в зависимости от требований и специфики объективных ситуаций (для преодоления которых он и предназначен). Любая сложноорганизованная система как «органическое целое», постоянно порождает некоторые функциональные органы, направленные на обеспечение ее основных функций, для преодоления основных объективных ситуаций, в которых она реализуется [29, 86]. Порождение таких «органов», а также их реализация – это и есть, собственно говоря, сам процесс ее функционирования. Именно поэтому данный уровень является *принципиально функциональным*: его состав и закономерности определяются совокупностью основных функций той или иной системы в целом.

Реализация этих положений по отношению к раскрытию содержания субсистемного уровня метакогнитивной сферы, проведенная в главе 2, позволила выявить восемь основных подсистем, которые, собственно говоря, и образуют его содержание. Это, напомним, метакогнитивная, метарегулятивная, метакommunikативная, метаэмоциональная, процедуральная, ингибиторная, интеракционная и мониторинговая подсистемы. Наиболее показательно и доказательно в

данной связи то, что все они как раз и были дифференцированы на основе вполне определенного и четкого, причем – «единого и единственного» (унитарного) критерия. Им является их соответствие с той или иной основной функцией по организации деятельности (причем, опять-таки – не деятельности «вообще», а именно управленческой, взятой во всей ее специфике и многоаспектности содержания). Однако именно это и означает, что структура субсистемного уровня объективно выступает комплексным – также многомерным (точнее – трехмерным) *критерием* для дифференциации самих этих функций, а также для их систематизации, то есть для их экспликации как органических частей единого целого. Следовательно, структура данного уровня, а также состав входящих в него подсистем (и их организацию) необходимо трактовать в качестве объективно представленного (онтологического) основания для формирования и развертывания базовых функций метакогнитивной сферы в управленческой деятельности. В связи с этим, можно (а на наш взгляд – необходимо) дифференцировать следующие основные функции метакогнитивной сферой по отношению к управленческой деятельности.

1. *Операторно-генеративная* функция, соотносящаяся с метакогнитивной подсистемой и реализуемая ей. Ее сущность состоит в том, что именно данная подсистема выступает основным операционным средством формирования и реализации самих метакогнитивных процессов и иных средств аналогичного типа, которые, в свою очередь, в дальнейшем выступают в качестве операционных средств всех иных подсистем. В этом проявляется базовый и во многом определяющий характер данной подсистемы и, соответственно, этой функции для всей метакогнитивной сферы личности.

2. Функция *регулятивного мониторинга*, соотносящаяся с метарегулятивной подсистемой и состоящая в том, что метакогнитивные процессы и иные средства выступают как своеобразные «регуляторы регуляторов», то есть средствами контроля за реализацией всей системы специфически регулятивных процессов [125].

3. и 4. Функции *коммуникативного* и *эмоционального мониторинга*, соотносящиеся, соответственно, с метакоммуникативной и метаэмоциональной подсистемами и состоящими в том, что метакогнитивные процессы выступают как регулятивно-контрольные средства по отношению к коммуникативным и эмоциональным процессам как регуляторам профессиональной деятельности.

5. *Процедуральная* функция, соотносящаяся с одноименной – процедуральной подсистемой и состоящая в формировании и реализации совокупности метазнаний, то есть таких «вторичных» знаниевых образований, которые выступают не только в функции декларативных, но и в функции процедуральных, то есть в качестве активных операторов по отношению к организации управленческой деятельности.

6. Функция *вторичного мониторинга*, соотносящаяся с мониторинговой подсистемой и состоящая в поддержании и реализации «контроля за контрольными функциями». Ее неоспоримым феноменологическим эквивалентом (и проявлением) является специфически метакогнитивное состояние, которое обозначается понятием «агенсу»: быть в нем – значит полностью контролировать свои действия, предвосхищать желаемый результат и добиваться его. Оно означает не только и не просто «метакогнитивный контроль», «метакогнитивный мониторинг», но еще и осознаваемый – субъектный контроль за ними как таковыми. Это – образование, предполагающее постоянную установку на поддержание «контроля за контролем», функционирование способов и средств контроля за собой «как за контролером своих же действий»

7. *Ингибиторная* функция, которая также соотносится с одноименной подсистемой и состоит в выработке и реализации таких – очень специфических средств, которые имеют противоположную по сравнению с рефлексивными процессами направленность. Они минимизируют роль рефлексивного, а шире – метакогнитивного контроля в целом за реализацией деятельности и ее основных «составляющих», а тем самым выступают как действенные средства обеспечения ее эффективности (напомним также, что подробный анализ данной функции представлен в параграфе 2.3.1.).

8. *Интеракционная* функция, также соотносящаяся с одноименной подсистемой и состоящая в обеспечении метакогнитивного контроля за реализацией одного из двух базовых «контуров» управленческой деятельности – собственно экспрессивного и имеющего своим содержанием систему интеракций руководителя и подчиненных.

Таким образом, можно видеть, что проблема дифференциации деятельностных функций получает не только свое теоретически обоснованное решение, но и такое решение, которое позволяет выявить объективно представленные, то есть онтологические основания для становления и реализации всех этих функций. Иными словами, эта проблема переводится с уровня эмпирико-феномено-

логического изучения на уровень онтологических оснований и базовых механизмов формирования и реализации основных функций. Это же означает, что основные – как уже установленные эмпирико-феноменологическими средствами функции, так и вновь обнаруженные в главе 2 деятельностные функции, действительно, получают свое обоснование. Причем, – не только в плане правомерности самой их дифференциации, но и в плане решения вопроса об их достаточности для реализации деятельности в целом, а также решения вопроса об их структурной организации.

Продолжая анализ проблемы дифференциации основных функций метакогнитивной сферы с позиций структурно-уровневого подхода и обращаясь к еще одному уровню ее организации – метасистемному, можно констатировать следующую картину. С одной стороны – и это составляет суть реализуемого в данной работе методологического подхода – сама метасистема может функционально включаться, то есть «встраиваться» в состав и содержание какой-либо из систем, онтологически входящих в нее. Однако не менее важна и обратная сторона дела: те особенности и закономерности, которые какая-либо система обретает вследствие функционального включения в нее метасистемы, могут вновь переноситься – транспонироваться на функциональную организацию самой метасистемы. Тем самым, складывается ситуация, при которой метасистема, «встраиваясь» в одну из своих систем, затем вновь использует эффекты такого включения в целях своей собственной, но уже трансформированной – оптимизированной организации. Именно эта ситуация и была неоднократно констатирована нами в ходе теоретического рассмотрения, а затем – и эмпирического исследования метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности. Действительно, при рассмотрении метасистемного уровня ее организации было выявлено достаточно общее и наиболее принципиальное обстоятельство. Оно, раскрывая важные грани организации как самой метакогнитивной сферы, так и важнейших личностных образований – общих способностей, одновременно служит аргументом в пользу самой необходимости дифференциации двух уровней организации метакогнитивной сферы – метасистемного и общесистемного и состоит в следующем.

Как следует из результатов, полученных при исследовании первой из этих способностей – интеллекта, именно вследствие существования и взаимодействия этих уровней в общей структуре метакогнитивной сферы, сама она, начинает выступать своеобразным «полем взаимодействия» двух категорий за-

кономерностей. С одной стороны, это *объективные* закономерности, присущие самой метасистеме и составляющие основу всех ее собственных закономерностей в целом и закономерностей, лежащих в основе функционирования интеллекта. С другой стороны, это *субъективные* закономерности, присущие тем произвольно регулируемым метапроцессам, которые возникают как средства его метакогнитивной саморегуляции. В результате возникает необходимость (и возможность) в специфической способности – в способности регулировать саму эту очень важную и именно общую способность, то есть интеллект как таковой. Это – умение так сказать «распоряжаться» своим интеллектом, «способность к использованию интеллектуальной способности», то есть своего рода «вторичная» способность. Иными словами, выявляется очень типичная для образований метакогнитивного плана их функция, которая была подробно охарактеризована в главе 2 и которая состоит в следующем. Основные «составляющие» психики оборачиваются сами на себя, «удваиваются»: в данном случае это и происходит по отношению к интеллекту – он порождает определенную и очень специфическую метаспособность – к использованию самой «первичной» общей способности, то есть самого себя.

Далее аналогичная закономерность обнаруживается и при исследовании второй общей способности – обучаемости. В результате ее взаимодействия именно как общей способности, то есть одного из важнейших проявлений всей метасистемы (психики) и метакогнитивной сферы как ее «составляющей» (то есть как одной из входящих в нее систем) порождаются новые явления и закономерности. Механизмом их возникновения как раз и являются те специфические отношения, которые имеют место между метасистемным и системным уровнями организации: первый может функционально включаться, «встраиваться» во второй. Именно это и обнаруживается с достаточно высокой степенью очевидности в полученных результатах. Дело в том, что они вскрывают принципиальный факт: сами метакогнитивные процессы и качества, образования и структуры во многом и выступают в функции конкретных средств и даже механизмов обучаемости как таковой и даже ее содержанием. Они во многом и порождаются необходимостью в особом свойстве, в особой способности – способностью к обучению как базовым средством обеспечения должного уровня функционального потенциала субъекта, его ресурсных возможностей. В результате этого возникает тот же самый в принципе феномен, который был констатирован по отношению к интеллекту и который вообще является наиболее

характерным для всех образований метакогнитивного плана. Он состоит в «оборачивании» тех или иных процессов и структур самих на себя, в их «удвоении». Точно так же обстоит дело и по отношению к обучаемости (как общей способности – того, что характеризует функционирование метасистемы): она «в лице» метакогнитивной сферы оборачивается сама на себя – возникает феномен, аналоги которого уже частично были описаны в литературе и который обозначается понятием *метаобучения*.

Наконец, столь же общая закономерность выявляется и при исследовании третьей способности – креативности. В результате ее взаимодействия (именно как общей способности, то есть характеристики метасистемного уровня) с метакогнитивными процессами (как «составляющие» общесистемного уровня организации этой сферы) порождается новая и достаточно существенная закономерность. Она является одним из частных проявлений еще более общей закономерностей, присущих сложным и сверхсложным системам и заключается в следующем. Наиболее развитыми и эффективными являются не те системы, которые обладают максимальной степенью организованности, а те, которые способны к внесению в свое содержание элементов противоречивости и дезорганизованности – асистемности, а затем и к ее преодолению и достижению за счет этого еще большей организованности. Они обладают способностью к генерации и последующему использованию асистемности, однако, асистемности продуктивной. Поэтому, наряду с процессами и механизмами метакогнитивного плана, в структурно-функциональной организации психики предусмотрены и такие средства, которые являются функционально противоположными им. Это – средства обеспечения уже не контроля за «первичными» когнитивными (и иными) процессами, а средства обеспечения минимизации или даже блокады такого контроля. Показательно, что именно эти средства, развиваясь и обогащаясь, генерализируясь и фиксируясь, приводят в итоге к формированию еще одной – очень специфической функции, которую можно условно обозначить понятием «антирефлексивной» функции.

Итак, можно видеть, что метакогнитивный контроль базовых функций общих способностей, являясь атрибутивно осознаваемым и в целом позитивным, может, однако, трансформироваться в свою противоположность. В наиболее общем все сказанное вплотную подводит к одной из наиболее имплицитных, но одновременно – и крайне значимых и сложных проблем, связанных с раскрытием специфики собственно психических закономерностей как таковых

и своеобразия характера их действия. Это проблема соотношения двух категорий закономерностей – объективных и субъективных. В данном случае они эксплицируются, соответственно, как собственные закономерности организации и функционирования общих способностей (носящие объективный характер) и закономерности осознаваемого (метакогнитивного) контроля – субъективные по своей сути, а потому и субъективные. Если соотношение между ними является адекватным, то есть не характеризуется явным доминированием какой-то одной из них (и, соответственно, подавлением другой), то между ними складываются отношения *синергии*. Если же такого рода трансформации становятся не вполне адекватными, то возникают эффекты *контрпродуктивного* плана. В любом случае, однако, выполняется наиболее общее правило: закономерности метакогнитивной сферы взаимодействуют с «первичными» закономерностями, по которым функционируют общие способности, и могут трансформировать их (конечно, в определенных пределах). Подчеркнем также, что этот – конкретный по содержанию результат обретает в свете сказанного и достаточно общее – методологическое звучание, поскольку он эксплицирует потенциал, заложенный в концептуальном синтезе психологии общих способностей и метакогнитивизма.

Не менее специфической является и та ситуация, которая обнаруживается при анализе проблемы основных функций метакогнитивной сферы с позиций ее уровневой трактовки, по отношению к двум другим уровням – компонентному и элементному. Главная – наиболее общая и принципиальная закономерность состоит в том, что по отношению к ним, фактически, отсутствуют какие-либо специальные особые и качественно своеобразные функции, реализуемые ими и обусловленные их содержанием. Более того, такое прямое соответствие было бы и неоправданным, и не оптимальным с точки зрения ее общей организации. Дело в том, что на этих уровнях представлены такие «единицы» общей организации метакогнитивной сферы, которые не только неспецифичны какой-либо – пусть и очень общей и важной, но все же одной из форм активности личности (деятельности), но не должны быть специфичными. Они, напротив, должны носить максимально обобщенный и своего рода индифферентный, инвариантный к различиям в видах и типах активности характер. Иными словами, они должны быть не деятельностью-специфическими, а обобщенными и инвариантными, то есть обусловленными собственными особенностями психики в целом и ее основных «составляющих». Лишь в этом случае они могут выступать в функции

своего рода алфавита, базиса для формирования на его основе иных – уже деятельностно-специфических функций. Все образования и структуры, представленные на этих уровнях, безусловно, реализуют целый спектр метакогнитивных функций; однако, все эти функции являются общими – принципиально неспецифическими (в том числе и по отношению к деятельности) и лишь и при этом условии могут выступать в качестве общих. Их сущность состоит в принципиальной неспецифичности; последняя им так сказать «противопоказана».

Вместе с тем, реальная сложность ситуации такова, что все же и они несут на себе определенный деятельностный отпечаток, причем – именно функционального плана. Дело в том, что под влиянием именно деятельностной детерминации они, равно как и многие иные общепсихологические феномены, подвергаются действию фундаментального явления оперативности. Как известно, оно заключается в «точной и тонкой адаптации» тех или иных психических образований и структур, феноменов и процессов, равно как и основных «составляющих» деятельности к конкретным условиям и требованиям их реализации, а также к их содержанию [207]. Известно, однако, что одной из основных граней данного явления выступает свойство, обозначаемое понятием *функциональной деформации*. Оно, как известно, состоит в нарушении беспристрастности и нейтральности отражения объекта в образе через акцентировку в нем характеристик объекта, особенно существенных в условиях конкретного действия и, наоборот, через свернутость или меньшую осознанность отражения в нем мало информативных в данной ситуации объектных свойств. Следовательно, можно заключить, что все основные «составляющие» метакогнитивной сферы личности – компоненты и элементы также обретают свою функциональную специфичность. Она, однако, состоит не в существовании каких-либо особых и соотносящихся с каждым из этих уровнем функций, а в обретении ими новых свойств – прежде всего, свойств оперативности и функциональной деформации (конкретные иллюстрации этого будут проанализированы в параграфе 4.7.).

Итак, можно видеть, что реализация структурно-уровневого подхода к проблеме определения основных функций метакогнитивной сферы в управленческой деятельности, действительно, позволяет выявить достаточно полную – развернутую и внутренне дифференцированную, но при этом и упорядоченную, то есть структурированную их совокупность. Немаловажно и то, что она синтезирует в себе как уже известные ее функции, так и новые – те, которые были установлены именно с позиций предложенной трактовки. Наконец, существен-

но, что такой подход позволяет раскрыть все основные функции не только и не столько как результаты эмпирико-феноменологического анализа, но и как необходимые *теоретические следствия* определенной – латентной структуры, в качестве которой выступает структурная организация метакогнитивной сферы, включающая пять основных уровней.

В заключение анализа проблемы выявления и интерпретации основных деятельностных функций метакогнитивной сферы, представляется целесообразным остановиться на еще одном значимом аспекте. Как известно, сама суть и главная специфическая (более того, атрибутивная) особенность управленческой деятельности состоит в ее принципиально функциональном строении и характере. Причем, практически каждая из этих функций строится по принципу целостного «управленческого цикла», то есть сама воспроизводит в себе всю их совокупность [190]. Другими словами, это означает, что реализация каждой из основных управленческих функций строится по типу воспроизведения в ней этого цикла, то есть всей их совокупности [202]. Тем самым функции объективно взаимопроникают друг друга, что и проявляется в их теснейшей взаимосвязи, равно как и в компенсаторных отношениях между ними. Вместе с тем, – именно поэтому в составе и содержании каждой из функций управления воспроизводятся и все основные функции самой метакогнитивной регуляции, которые были охарактеризованы выше. Однако это не означает, что при реализации каждой из управленческих функций содержание метакогнитивных функций также будет одинаковым и потому «однообразным». Как раз напротив, при реализации каждой из управленческих функций будут меняться приоритеты и акценты в их реализации: какие-либо будут выходить на первый план и становиться доминирующими, а какие-либо, наоборот, будут занимать субдоминантное положение, становясь своего рода латентными. Так, например, при реализации управленческой функции контроля на первый план выходят мониторинговая, интеракционная и ингибиторная функции, тогда как, скажем, процедуральная функция становится фоновой. При реализации другой управленческой функции – принятия решения, напротив, процедуральная функция выходит на первый план и становится доминирующей, поскольку, как показано выше, огромную роль в ее реализации играет принцип репродуктивности. Он, в свою очередь, в очень существенной степени базируется на всем арсенале профессиональных знаний именно процедурального типа, аккумулированных в феномен профессионального опыта руководителя. Иные же функции – скажем, функции

метакоммуникативного и метамотивационного мониторинга переходят при этом в субдоминантное положение. Очень важно подчеркнуть, что именно умение определять подобные приоритеты является важной гранью профессиональной компетенции управленца.

В связи с этим, необходимо дифференцировать еще одну особенность общей функциональной организации этой деятельности – своего рода «вторичную» функцию. Она состоит в том, что описанные выше так сказать «первичные» функции также должны быть сорганизованы, прежде всего, именно в функциональном плане. Другими словами, необходима своего рода «функция по организации функций», макрофункция (а точнее – метафункция). Она обеспечивает гибкость всей системы «первичных» функций, а в конечном итоге – адаптивность управленческой деятельности по отношению к меняющимся условиям. В дальнейшем мы возвратимся к этому предположению, поскольку, как будет показано далее, эта метафункция имеет самое непосредственное отношение к очень важной и даже определяющей проблеме всей управленческой психологии – к проблеме управленческой *компетентности*.

4.3. Микропроцессуальная организация метакогнитивной сферы личности

Следующим основным аспектом реализации общего функционального плана исследования метакогнитивной сферы личности является раскрытие и интерпретация особенностей и закономерностей ее собственно процессуальной организации – и в целом, и в плане ее основных «составляющих», то есть самих метакогнитивных процессов. Необходимо подчеркнуть, что именно этот аспект характеризуется сочетанием наибольшей значимости и наибольшей сложности. Его относительно наибольшая значимость объясняется тем – вполне объективным обстоятельством, что именно процессуальный аспект функциональной организации является непосредственной конкретизацией по отношению к предметам собственно психологического исследования главного и наиболее обобщенного атрибута (а одновременно – и параметра) любого функционирования – его бытия во времени. Оно предполагает раскрытие и объяснение основных особенностей собственно временной, то есть темпоральной организации изучаемого объекта. Кроме того, как отмечалось выше, по отношению к собственно психологическим объектам исследования в наиболее явном виде представлена еще одна закономерность: их функционирование всегда представлено в

процессуальной форме, а сама она является конкретной временной «разверткой» функционирования объекта. Категория функционирования и понятие процесса, фактически, взаимопологаемы и взаимообусловлены.

Следовательно, раскрытие особенностей собственно процессуальной организации психических явлений в значительной степени равнозначно реализации этого – одного из основных аспектов общего функционального плана исследования. Вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать, что именно он, являясь объективно наиболее общим и важным, тем не менее, остается до сих пор по отношению к собственно метакогнитивной сфере в целом и к ее основным «составляющим» – метакогнитивным процессам разработанным явно недостаточным. Более того, он вообще не является, согласно сложившейся традиции, приоритетным в реализации функционального плана исследования. Это, в свою очередь, выступает непосредственным следствием его относительно наибольшей сложности, связанной с имплицитным характером самой процессуальной организации как таковой и, соответственно, со сложностями доступа к этой внутренней – собственно процессуальной организации.

Констатируя это, нельзя в то же время не отметить, что к настоящему времени сложились и определенные предпосылки, содействующие реализации данного аспекта функционального плана исследования. Основными из них, по нашему мнению, являются следующие положения теоретического характера, сформулированные в общей теории систем и в когнитивной психологии. Так, одной из важнейших особенностей организации сложных систем является их способность использовать промежуточные результаты своего функционирования в качестве оснований (условий и факторов, детерминант и предпосылок) его организации, но на последующих этапах развертывания [226]. *Результаты*, генерируемые системой на какой-либо фазе функционирования, меняют свой статус и становятся факторами организации *процесса*, но уже на других, последующих его фазах [119, 121, 134]. Имеет место явление (точнее, по-видимому, механизм), обозначаемый как «погружение результата в процесс». Результативные эффекты меняют свой статус: они становятся уже не результативными, а посылочными факторами. При этом они используются как средства, как новые – полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах. Важной особенностью такого рода систем является, однако, не только использование ими своих частных,

«парциальных» результатов для организации процесса своего же собственного осуществления. Дело еще и в том, что эти результаты вначале – активно порождаются именно для обеспечения такого функционирования, а затем и на основе этого – используются в нем.

Еще одна – также очень общая закономерность, которую необходимо учитывать при раскрытии специфики функциональной организации метакогнитивных процессов, состоит в следующем. Вследствие рассмотренной выше особенности, тот или иной психический процесс, в особенности – когнитивный предстает как перманентное обогащение и расширение его содержания за счет использования результатов, достигаемых на том или ином его этапе. Как отмечал в этой связи А.В. Брушлинский, характеризуя специфику процессуальной организации мышления, оно всегда – пусть и в минимальной степени сопряжено с поиском и нахождением нового, с постоянным самообогащением процесса своего развертывания [37]. В итоге имеет место то, что обозначается обычно как *саморазвитие* или даже как «самостроительство» процесса [70, 143, 187, 213, 216, 236, 270, 274]. Однако трудно не видеть, что в основе этого в значительной степени как раз и лежит отмеченная выше трансформация результатов из своего первичного статуса во вторичный статус – в статус факторов и детерминант процессуального развертывания. В итоге любой психический процесс, в особенности, повторяем, когнитивный предстает и как постоянная трансформация тех или иных его «составляющих» из одного статуса другой – из результативного в процессуальный.

В более общем плане такая функциональная организация характерна, по существу, для любого сколько-нибудь сложноорганизованного процесса взаимодействия со средой и для любого развернутого процесса переработки информации. Действительно, как отмечается, например, в [131], «Процесс решения задач строится именно на основе данного принципа, поскольку каждый последующий его этап обязательно предполагает трансформацию полученных на предыдущих этапах результатов в посылки – условия дальнейшего развертывания самого процесса. Любая сколько-нибудь сложная поведенческая задача, а также преодоление подавляющего большинства поведенческих ситуаций объективно не допускают возможности сделать это «сразу» – симультанно» (с. 402). Напротив, это оказывается возможным лишь на основе дифференциации общего решения или процесса преодоления той или иной ситуации на последовательность частных, локальных временных компонентов – этапов и после-

дующей кумуляции получаемых парциальных результатов, а также их использованию в качестве детерминант организации процесса функционирования.

Наконец, при раскрытии особенностей функциональной организации метакогнитивных процессов необходимо обязательно учитывать и еще одну их – важную и достаточно общую особенность, установленную в сформулированном нами ранее структурно-феноменологическом подходе к их исследованию [118]. Она уже была предметом рассмотрения в главе 2, а ее сущность состоит в следующем. Те основные явления и феномены, которые установлены в метакогнитивизме и составляют его суть, в действительности, могут выступать и реально выступают не только в их исходном статусе – как феномены, но и в еще одном и также очень важном статусе – вторичном, операционном. Это означает, что они могут распознаваться – «улавливаться» и осознаваться субъектом, а затем использоваться им в качестве средств организации деятельности и поведения, то есть в их операционном статусе [122, 125]. Обретая его и становясь средствами деятельности, они, фактически, включаются в саму ее структуру, составляя в своей совокупности важную часть всего ее содержания. В более общем плане это означает, что система (психика) порождая некоторые эффекты и феномены своего функционирования, обладает способностью использовать их же в своем последующем функционировании, но уже в качестве средств оптимизации этого функционирования. Они обретают при этом свой «вторичный» статус – уже не объективно представленных феноменов и закономерностей, лежащих в основе организации деятельности, а субъективных средств, лежащих в основе ее реализации. Феномены (и закономерности) как *результативные* проявления и как нечто объективно представленное трансформируются в операционные и *процессуальные* средства реализации субъектом деятельности.

Таким образом, можно видеть, что данная закономерность является, фактически, одним из очень явных и, в то же время, важных и показательных частных проявлений той предельно общей закономерности, которая была охарактеризована выше. Вместе с тем, следует обязательно подчеркнуть, что по отношению к метакогнитивным процессам эта закономерность приобретает, как минимум, две новые и очень значимые специфические особенности. Во-первых, она становится здесь, по существу, *максимально* выраженной, получая свою представленность даже на феноменологическом уровне, то есть, выступая в качестве относительно самостоятельных феноменов и образований. Во-

вторых, что еще более значимо, она переводится на уровень *осознания*: она, как показано выше, не только «распознается и улавливается» субъектом как нечто существующее и могущее использоваться в качестве операционного средства, но и реально используется им – причем, именно на осознаваемом уровне, на уровне собственно произвольной регуляции. В результате этого очень многочисленные феномены метакогнитивного плана перестают быть только лишь эпифеноменами и становятся реальными и действенными средствами собственно операционного плана. Подчеркнем также, что данная закономерность распространяется не только на наиболее традиционные и терминологически зафиксированные в литературе метакогнитивные феномены (например, на феномен «метакогнитивной петли» – см. главу 3). Она имеет, по нашему мнению, гораздо более широкую сферу действия и охватывает собой, фактически, все те явления и средства, которые характеризуются следующей общей – определяющей особенностью. Они, порождаясь с необходимостью в ходе реализации тех или иных процессов, затем «распознаются и улавливаются» субъектом и, наконец, используются им в качестве операционных средств его оптимизации.

Так, в частности, с этих позиций должны быть проинтерпретированы широко известные феномены и средства *мнемотехнического* плана; феномены и приемы еще более общего типа, выявленные нами в работе [125] и обозначенные понятием *метатехнических* средств. С этих же позиций должны быть проинтерпретированы и все иные – многочисленные средства и приемы оптимизации как отдельных процессов, так и деятельности в целом, которые имеют важнейший общий признак. Они, порождаясь в деятельности и ее процессуальной регуляции, могут менять свою первичную форму – форму результатов (следствий, эпифеноменов, «субъективных находок») на вторичную форму. Они начинают использоваться субъектом как то, что может оптимизировать деятельность и ее регуляцию. В этом плане по-новому предстают, например, все результаты, выявленные и проинтерпретированные в очень важном, но, к сожалению, «не модном» сегодня направлении исследований, обозначаемым понятием «культуры умственного труда». В этом плане можно, по-видимому, говорить не только о классической феноменологии метакогнитивизма, но и о его своеобразной *макрофеноменологии*. Очень показательно в этой связи, что и такое – максимально общее и известное явление, как выработка на основе распознавания, а затем использования своих сильных и слабых сторон индивидуально-оптималь-

ного *режима труда*, а в более общем плане и индивидуального *стиля* деятельности, также предстает как проявление данной закономерности.

Таким образом, можно видеть, что, пожалуй, главная особенность собственно функциональной организации метакогнитивных процессов состоит в следующем. Во-первых, в ней находит свое непосредственное воплощение не какая-либо, пусть важная, но все же относительно частная особенность функциональной организации всех процессуальных образований психики, а ее объективно *главная* закономерность – самообогащение, «самостроительство» процесса за счет использования промежуточных результатов в качестве факторов процессуального развертывания. Во-вторых, эта закономерность приобретает здесь *качественно новую* форму: она переводится на уровень осознаваемого, произвольно контролируемого использования. Причем, очень важно подчеркнуть, что именно это позволяет объяснить обязательное наличие у метакогнитивных процессов их важнейшего атрибута – их осознаваемого характера. Следовательно, метакогнитивные процессы раскрываются как закономерное следствие *общей линии* усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный ее тип. Их функциональная организация раскрывается как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Эта особенность, являясь общей для всех когнитивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам максимально выраженной и, более того, составляет самую их суть – обуславливает их качественную специфичность. Основным смыслом и главным функциональным предназначением такой – новой формы, как мы уже отмечали, состоит в том, что она порождает дополнительные возможности: она позволяет расширить общий когнитивный потенциал, а в конечном итоге, содействует и повышению *ментальных ресурсов* субъекта деятельности.

Наконец, следует подчеркнуть, что все это находит свое объективное проявление (а одновременно – и подтверждение) в наиболее общей и важной специфической именно для метакогнитивных процессов закономерности их функциональной организации. Она также уже была предметом нашего анализа и обозначается понятием операндно-операторной обратимости. Напомним, что

ее сущность состоит в том, что психические процессы принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как «отражающее» и как «отражаемое» (точнее – и как порождающее и как порождаемое). Причем, эти модусы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Следовательно, наряду со всеми иными особенностями, именно она лежит в основе не только функциональной, но и собственно временной организации метакогнитивных процессов, поскольку любая «обратимость» может иметь только функциональный характер и объективно предполагает включение «временной координаты» в организацию процессов. В результате этого, в функциональной организации метакогнитивных процессов находит воплощение особый тип системности – временная, диахроническая системность, а сами они престают как одна из разновидностей систем *темпорального типа*. Это и есть *главная* и наиболее общая особенность их функциональной организации, представленной в ее микропроцессуальном плане, то есть по отношению к каждому метакогнитивному процессу.

Необходимо подчеркнуть также и то – отмечавшееся в начале данной главы обстоятельство, согласно которому именно в функциональном аспекте и именно по отношению к управленческой деятельности многие особенности и закономерности организации метакогнитивной сферы личности проявляются относительно наиболее явно и непосредственно – естественным образом. В самом деле, проведенный анализ показал, что наиболее общие и принципиальные особенности процессуально-психологической организации, действительно, очень полно проявляются в самой сути метакогнитивных процессов, поскольку она как раз и выступает еще одной – более сложной формой (и уровнем) такой организации. На ней основной принцип организации когнитивных процессов – принцип операндно-операторной обратимости достигает своей максимальной воплощенности и переводится на качественно новый уровень – уровень осознанной, произвольно регулируемой реализации. Кроме того, и необходимость в этом также наиболее выражена именно в управленческой деятельности, поскольку именно она, в силу своей высокой сложности и ответственности, предъявляет наибольший «запрос» по отношению к когнитивному потенциалу субъекта, к его ментальным ресурсам. Тем самым она объективно стимулирует интенсификацию этой основной функции и даже «предназначения» всех когнитивных процессов – их направленность на расширение этого потенциала за счет

интегративных эффектов, которые достигаются на уровне «вторичных», то есть метакогнитивных процессов.

Итак, выше была предпринята попытка рассмотрения одного из аспектов общего функционального плана исследования метакогнитивной сферы личности, связанного с особенностями и закономерностями *микропроцессуальной* организации входящих в нее образований. Можно видеть, что сформулированные в его итоге положения носят достаточно общий и преимущественно теоретический характер. Вместе с тем, в действительности, они допускают операционализацию и приведение к виду, позволяющему осуществить на их основе исследования экспериментального плана. Они, в свою очередь, направлены на решение двух основных задач. Во-первых, на верификацию этих представлений, и, во-вторых, на выявление дополнительных – не описанных в настоящее время особенностей организации метакогнитивных процессов.

Именно в этом плане нами было проведено исследование, замысел и организация которого состояли в следующем. В его основу было положено гипотетическое предположение, согласно которому, если, действительно, ключевую роль в микропроцессуальной организации метакогнитивных образований играет принцип операндно-операторной обратимости, то степень его выраженности должна быть непосредственно связана с общей величиной метакогнитивного потенциала личности и, более того, должна определять его, то есть быть его детерминантой. Другими словами, чем более выражена обратимость «первичного» и «вторичного» статуса метакогнитивных процессов, тем выше общий метакогнитивный потенциал. Так, по отношению к основному и определяющему для всей метакогнитивной сферы процессу – мышлению первый из этих статусов, фактически, равнозначен самому «первичному» процессу – мышлению, а второй – процессу метамышления. Следовательно, исходная задача конкретизируется до исследования взаимосвязей процессов мышления и метамышления. Подчеркнем также, что именно она была взята в качестве приоритетного объекта исследования, поскольку, во-первых, именно метамышление играет ключевую и определяющую роль во всей метакогнитивной сфере и вообще – во многом репрезентирует ее. Во-вторых, именно он выполняет и аналогичную, то есть также ключевую роль в развитии и обогащении общего процессуального содержания этой сферы в связи с присущими ему генеративно-порождающими функциями. Это означает, что, проявляясь наиболее полно именно в процессах

метамышления, метакогнитивная сфера личности в них же и *формируется* – развивается и, фактически, конституируется.

В свою очередь, данное заключение допускает уже такую степень конкретизации и операционализации, которая позволяет провести его эмпирическую верификацию. Она должна быть направлена на решение следующего вопроса: существует ли закономерная связь между степенью выраженности взаимодействия мышления и метамышления и общей величиной метакогнитивного потенциала? Оно и было положено в основу проведенного исследования. При его организации возникает, однако, существенная трудность, связанная с тем, что именно понимать под «связью между мышлением и метамышлением» и – в еще большей степени с тем, как ее выявлять и фиксировать. В целях минимизации данной трудности нами было реализовано следующее – общепринятое в методологии экспериментального исследования когнитивных процессов положение. Связь между ними эксплицируется посредством фиксации и последующего сравнительного исследования итоговых эффектов, то есть *результативных* проявлений изучаемых процессуальных образований. Далее, задача определения степени выраженности так сказать интенсивности взаимосвязи между ними также требует своего методического обеспечения. Дело в том, что в целях решения этой задачи нельзя ограничиться определением *простых* корреляционных связей между результативными проявлениями двух изучаемых процессов, поскольку «простые» корреляции не способны эксплицировать отношения детерминационного плана, а выявляют лишь те или иные соотношения между изучаемыми сущностями. В силу этого, нами был использован иной способ определения такого рода связей, который, как известно, наиболее релевантен решению именно такого рода задач и достаточно широко применяется в психологических следованиях – метод *корреляционного отношения* (η^2). При этом мы отчетливо осознаем, что данный метод не позволяет в *полной* мере решить задачу определения детерминационных связей между изучаемыми сущностями. Вместе с тем, он все же в очень значительной степени содействует ее решению, позволяя приблизиться к определению сути – направленности и выраженности именно детерминационных связей между ними.

Выборка исследования составила 54 испытуемых – руководителей среднего и низового звена организаций сервисного типа г. Ярославля (ПАО «Ростелеком» и «Глобус»). На его первом этапе у всех них была диагностирована индивидуальная степень развития «первичного» процесса (мышления) посредст-

вом охарактеризованных в главе 3 методик. На втором этапе по отношению к ним была реализована методика, направленная на диагностику индивидуальной меры выраженности «вторичного» процесса – метамышления. В этих целях была реализована специально разработанная нами в работах [124, 125] методика диагностики уровня развития метамышления. На третьем этапе у испытуемых была определена степень выраженности метакогнитивного потенциала; в этих целях применялась наша методика КОМП. В результате получены три массива данных, характеризующих индивидуальную меру развития процессов мышления, метамышления и общего метакогнитивного потенциала.

Далее, все эти результаты были подвергнуты обработке, которая строилась на основном сочетании двух традиционных и широко используемых, а потому – достаточно надежных и апробированных методов: метода «полярных групп» и корреляционного анализа. Вначале вся выборка была дифференцирована методом «полярных групп» на три подгруппы – с относительно наиболее высоким, средним и относительно наиболее низким значением величины метакогнитивного потенциала. Затем в каждой из этих подгрупп были определены значения коэффициентов «простой» корреляции и корреляционного отношения между изучаемыми процессами. В итоге такой обработки были получены следующие основные результаты (см. таблицу 17).

Таблица 17

Коэффициенты корреляции и корреляционного отношения мышлением и метамышлением у лиц с разной выраженностью метакогнитивного потенциала

	низкие показатели КОМП	средние показатели КОМП	высокие показатели КОМП
$\rho_{\text{м/мм}}$	$p = 0,10$	$p = 0,05$	$p = 0,10$
$\eta^2_{\text{м/мм}}$	незначимо	$\eta^2_{\text{м/мм}} = 0,52$	$\eta^2_{\text{м/мм}} = 0,56$
$\eta^2_{\text{мм/м}}$	незначимо	незначимо	$\eta^2_{\text{м/мм}} = 0,49$
$\rho_{\text{п/мп}}$	$p = 0,05$	$p = 0,01$	$p = 0,05$
$\eta^2_{\text{п/мп}}$	незначимо	$\eta^2_{\text{п/мп}} = 0,41$	$\eta^2_{\text{п/мп}} = 0,43$
$\eta^2_{\text{мп/п}}$	незначимо	незначимо	$\eta^2_{\text{мп/п}} = 0,37$

Анализ этих данных позволяет сделать следующие основные заключения. Во-первых, как и следовало ожидать, во всех подгруппах была выявлена зна-

чимая в статистическом отношении корреляция между индивидуальной мерой выраженности «первичного» и «вторичного» процессов – мышления и метамышления. Это вполне естественно и свидетельствует о теснейшей взаимосвязи рассматриваемых процессов.

Во-вторых, определение коэффициентов корреляционного отношения в этих подгруппах дало существенно более диверсифицированную и сложную картину. Так, в группе с относительно наименьшим метакогнитивным потенциалом на фоне существования «простой» корреляции между рассматриваемыми процессами, значения коэффициентов корреляционного отношения оказались статистически незначимыми. Данный результат свидетельствует о том, что степень взаимодействия и, соответственно, взаимодетерминации двух исследуемых процессов в здесь представлена слабо.

В-третьих, в подгруппе со средней степенью метакогнитивного потенциала – опять-таки на фоне существования «простой» корреляции индивидуальной меры развития мышления и метамышления обнаруживается и новый факт. Это – существование значимого коэффициента корреляционного отношения ($\eta^2_{\text{м/мм}} = 0,52$), который принадлежит по «шкале Чеддока» [54, 288] к категории так называемых «заметных» коэффициентов⁶. Он свидетельствует о наличии детерминационного воздействия «первичного» процесса (мышления) на «вторичный» (метамышление). Вместе с тем, в этой подгруппе не обнаружено «симметричного» ему коэффициента корреляционного отношения, то есть ($\eta^2_{\text{мм/м}}$). Следовательно, в группе со средним значением метакогнитивного потенциала связь двух изучаемых процессов носит своего рода «однонаправленный» характер. Мышление является значимой детерминантой метамышления; однако последнее не выступает действенным фактором развития первого.

В-четвертых, в подгруппе с наиболее высоким значением метакогнитивного потенциала при сохранении и даже заметном увеличении значений «простой» корреляции между исследуемыми процессами, обнаруживаются и значимые коэффициенты корреляционного отношения как между мышлением и метамышлением ($\eta^2_{\text{м/мм}} = 0,56$), так и наоборот, то есть, между метамышлением и мышлением ($\eta^2_{\text{мм/м}} = 0,49$). Следовательно, взаимосвязь изучаемых процессов здесь носит *двухсторонний* характер и строится по типу взаимного влияния их

⁶ Напомним, что, согласно данной шкале, дифференцируются следующие типы корреляционных отношений: «слабые» (0,1 – 0,3); «умеренные» (0,3 – 0,5); «заметные» (0,5 – 0,7); «высокие» (0,7 – 0,9); «весьма высокие» (0,9 – 0,99) [288].

друг на друга. Более того это взаимовлияние носит, по-видимому, характер именно детерминационного взаимодействия, поскольку оба коэффициента корреляционного отношения оказались статистически значимыми ($p = 0,05$). В свою очередь, это означает, что в данной подгруппе и «просто» мышление оказывает стимулирующее влияние на формирование метамышления и, что еще более существенно в плане рассматриваемых вопросов, само метамышление также оказывает значимое влияние на степень развития мышления, то есть является активным «началом» в его развитии. Это, по-видимому, является прямым следствием того, что именно в данной подгруппе механизм, охарактеризованный в ходе теоретического анализа, – операндно-операторной обратимости, представлен наиболее отчетливо.

Наконец, в-пятых, пожалуй, наиболее существенным результатом следует считать то, что именно мера тесноты и действительности взаимосвязей двух изучаемых процессов, то есть степень выраженности взаимодетерминационных взаимодействий между ними оказалась прямо пропорциональной величине общего метакогнитивного потенциала. Это позволяет считать, он во многом зависит – по существу, определяется теснотой и действительностью детерминационных отношений «первичного» и «вторичного» процессов – мышления и метамышления. Данный факт имеет, по нашему мнению, наиболее принципиальное значение. Он, с одной стороны, вскрывает и в значительной степени – доказывает главный вывод представленного выше теоретического анализа, согласно которому именно принцип операндно-операторной обратимости является базовой функциональной закономерностью, лежащей в основе организации метакогнитивных процессов как таковых. С другой стороны, он позволяет выявить и объяснить один их основных механизмов формирования и развития метакогнитивного потенциала в целом – установить определяющую роль в нем именно процессов метамышления как продуктивных, порождающих и, следовательно, генеративных по своему функциональному предназначению. Следовательно, функциональная роль метамышления как одного из «вторичных» процессов выходит за его собственные рамки: он раскрывается как продуктивное начало и как основное средство формирования и развития всего метакогнитивного потенциала личности; как ведущее операциональное средство формирования метакогнитивной сферы личности.

В еще одном исследовании, аналогичном в целом предыдущему по замыслу и организации, были исследованы взаимосвязи и детерминационные от-

ношения другой «пары» основных процессов – «первичного» (памяти) и «вторичного» (метапамяти) [125]. Вначале вся выборка (в ее качестве выступили испытуемые, принимавшие участие в предыдущем исследовании) была диагностирована на предмет индивидуальной меры выраженности собственно мнемических процессов; в этих целях использовалась методика «Запоминание двух рядов слов» и субтест «Повторение цифр» из шкалы Д. Векслера. Затем по отношению к ней была реализована методика, направленная на диагностику индивидуальной меры развития метапамяти [125]. Наконец, по отношению к ней была реализована и методика КОМП для определения степени выраженности общего метакогнитивного потенциала. Процедура обработки также была аналогична той, которая применялась в предыдущем исследовании, а главными ее средствами выступил корреляционный анализ и метод «полярных групп». Полученные результаты также представлена в таблице 17.

Анализ этих результатов позволяет сделать следующие заключения. Во-первых, общая тенденция динамики изменения величин и уровней значимости «простых» корреляции и «корреляционных отношений» по отношению к изучаемым здесь процессам является аналогичной той, которая установлена в предыдущем исследовании. Так, можно видеть, что при повышении степени выраженности общего метакогнитивного потенциала повышается относительная значимость взаимодействий исследуемых процессов, поскольку повышается уровень их статистической значимости. Если в группе с относительно наиболее низким метакогнитивным потенциалом оба коэффициента корреляционного отношения были незначимыми, то в подгруппе с относительно наиболее высоким его показателем данные коэффициенты значимы.

Во-вторых, наряду с этим, выявляется и факт, отличающийся от результатов представленного исследования связи процессов мышления и метамышления: значение «простых» корреляций между памятью и метапамятью в целом несколько выше, чем аналогичные коэффициенты между мышлением и метамышлением. В то же время, значения коэффициентов корреляционных отношений, наоборот, в целом выше для взаимосвязи процессов мышления и метамышления. Это означает, что по отношению к процессам мышления и метамышления, с одной стороны, и памяти и метапамяти, с другой, их итоговые – результативные и их операционные – процессуальные аспекты представлены по-разному. По отношению к мнемическим процессам более выражена взаимосвязь их собственно результативных аспектов, а по отношению к мыслитель-

ным процессам – взаимосвязь их процессуальных аспектов. К этому важному обстоятельству, мы еще обратимся в процессе дальнейшего изложения.

Наконец, в-третьих, представляет определенным интересом еще один результат, состоящий в следующем. Если сопоставить коэффициенты корреляции между индивидуальной мерой развития процессов мышления и метамышления с общей величиной метакогнитивного потенциала (первое исследование), с одной стороны, и аналогичные коэффициенты по отношению к процессам памяти и метапамяти (второе исследование), то оказывается, что они в первом случае заметно выше. Это, на наш взгляд, является прямым и достаточно явным указанием на то, что именно первая «пара» процессов (мышление и метамышление) и в особенности – взаимодействия между ними играют относительно бóльшую и даже определяющую роль в становлении метакогнитивного потенциала, чем вторая «пара» процессов (памяти и метапамяти). Данный результат допускает и несколько более общую интерпретацию. Он свидетельствует о том, что по отношению к развитию метакогнитивного потенциала бóльшую роль играет формирование и совершенствование его собственно операционных, процессуальных «составляющих», которые соотносятся именно с мышлением, с когницией и метакогницией именно как процессом. Относительно меньшая, хотя также значимая роль принадлежит в этом плане взаимосвязи и взаимодействию итоговых эффектов – результативных проявлений этих процессов, которые, как известно, и получают мнемическую фиксацию (а затем закрепление и сохранение в форме знаний). Это означает, в свою очередь, что в структуре метакогнитивной сферы относительно бóльшая функциональная роль принадлежит именно метакогниции – как ее операционной составляющей, а не метапознанию – как структуре ее итоговых эффектов (знаний и «знаний о знаниях»). Кроме того, можно видеть, что здесь вновь проявляется фундаментальное разделение двух основных областей, которые зафиксированы в двух близких или даже синонимичных обозначениях – в понятиях метакогнитивизма и метапознания.

4.4. Макропроцессуальная организация метакогнитивной сферы личности

Как отмечалось в начале данной главы объективно главным аспектом функционального исследования любого психического явления, в том числе, разумеется, и метакогнитивной сферы личности, является раскрытие и объяснение основных особенностей собственно временной, то есть темпоральной орга-

низации изучаемого объекта. По отношению к психологической проблематике данный аспект специфичен, поскольку конкретизируется до рассмотрения особенностей и закономерностей собственно процессуального плана. В свою очередь, собственно процессуальный аспект исследования дифференцируется на два различных подаспекта. Первый из них предполагает раскрытие и интерпретацию закономерностей *микр*процессуального типа, то есть тех, которые характеризуют функциональную динамику собственной процессуальной организации тех или иных объектов исследования. По отношению к метакогнитивной сфере личности – это закономерности, которые лежат в основе собственной временной организации ее основных функциональных составляющих – метакогнитивных процессов; оно и было проведено выше. Второй из них, к рассмотрению которого теперь необходимо обратиться, предполагает изучение закономерностей существенно иного – *макр*процессуального типа. Они, в свою очередь, также характеризуются двумя основными особенностями. Во-первых, они соотносятся с функционированием не отдельных, хотя и важных, но все же «парциальных» компонентов метакогнитивной сферы (то есть отдельных процессов), а с ее функционированием *в целом*. Во-вторых, они характеризуют взаимосвязи и взаимодействия изучаемого предмета с более общей целостностью (метасистемой), в которую объективно включен сам предмет и в составе которой он обретают всю полноту и многомерность своей функциональной организации. По отношению к исследованию метакогнитивной сферы это, разумеется, те закономерности, которые связаны с ее регулятивной ролью по отношению к метасистеме управленческой деятельности.

Вместе с тем, несмотря на очевидность своего смысла, реализация именно этого аспекта функционального исследования связана с принципиальными сложностями. Они обусловлены спецификой современного состояния метакогнитивного направления и особенностями его развития. Как отмечалось в главе 1, наиболее явными негативными чертами его современного состояния является все еще сохраняющийся отчетливо представленный внедеятельностный и по преимуществу аналитический характер метакогнитивизма. Эти особенности, впрочем, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, а в своей совокупности и определяют специфику сложившейся в настоящее время ситуации. Она состоит в том, что имеет место достаточно явный (а нередко – и намеренно культивируемый) разрыв когнитивной психологии в целом и метакогнитивизма, в частности, с психологической теорией деятельности.

Именно эти особенности сложившейся ситуации в целом и их негативная роль по отношению к раскрытию специфики процессуальной регуляции управленческой деятельности, в частности, как раз и проявляются с наибольшей отчетливостью при изучении особенностей ее функциональной организации. До сих пор отчетливый акцент при исследовании метакогнитивных процессов и всей сферы метапознания продолжает делаться на их изучении как образований именно *когнитивного*, познавательного плана, но не в их регулятивной функции, не в их направленности на *регуляцию* деятельности и поведения. Кроме того, главным (или даже – единственным) предметом исследования в нем остаются именно метакогнитивные процессы, но не «вторичные» процессы иной направленности – в частности, метарегулятивные.

Вместе с тем, при реализации макропроцессуального аспекта исследования уже в принципе нельзя абстрагироваться именно от этой – собственно регулятивной функции, от всей системы обеспечивающих ее процессов. Включаясь в нее, они выполняют уже не свои исходные (собственно когнитивные), а существенно иные – производные, вторичные по отношению к их природе функции – собственно регулятивные. Тем самым они приобретают новые особенности и закономерности, которые и необходимо раскрыть и проинтерпретировать. Однако, еще более важно то, что, реализуя собственно регулятивные функции, они представлены в целостной деятельности в тесной связи с еще одной очень важной группой процессов. Это процессы, входящие в уже рассмотренный в главе 2 класс специфически регулятивных процессов организации деятельности, которые обозначаются понятием *интегральных* процессов организации деятельности и поведения [127, 133, 134]. Напомним, что в него входят процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, планирования программирования, контроля, самоконтроля. Они являются принципиально сходными с метакогнитивными процессами, по крайней мере, в двух определяющих аспектах. Во-первых, они являются принципиально «вторичными», то есть именно интегративными, поскольку базируются на синтезе ряда «первичных» процессов (причем, не только когнитивных, но и иных). Во-вторых, все они направлены на реализацию именно регулятивных функций. Они вообще, как известно, дифференцируются на основе их соответствия с той или иной базовой функцией по организации деятельности. Следовательно, на основе констатации данной связи необходимо сделать следующее заключение, носящее принципиальный для проводимого здесь анализа характер. Реализация

макропроцессуального плана функциональной организации метакогнитивной сферы личности должна проводиться при обязательном учете именно этих процессов – интегральных, собственно регулятивных. Метакогнитивная сфера и ее отдельные «составляющие» реализуют свои собственно регулятивные функции в обязательном контакте с классом интегральных процессов организации деятельности. Поэтому и выявление особенностей их макропроцессуальной организации должно осуществляться с учетом такого взаимодействия. За счет этого может быть минимизирована и та основная негативная особенность всего метакогнитивизма, которая отмечена выше и которая состоит в его внедеятельностном характере, в его «внерегулятивной» направленности. Реализация именно такой методологической установки может, на наш взгляд, содействовать выявлению и объяснению не описанных до настоящего времени особенностей функциональной организации метакогнитивной сферы, взятой в ее собственно регулятивной направленности, то есть в ее деятельностном «измерении». В этом плане могут быть сформулированы следующие основные положения (напомним также, что данный аспект – правда, лишь в его наиболее общем плане уже был предметом рассмотрения в главе 2, в силу чего ниже мы будем использовать некоторые результаты проведенного в ней анализа).

Действительно, как показано выше, в психологической теории деятельности в целом и в исследованиях, выполненных в психологии профессиональной деятельности, в особенности, сформулированы представления о качественно специфическом классе процессов – интегральных, регулятивных. Они образуют, в свою очередь, определенный регулятивный инвариант основных средств и процессов, которые, собственно говоря, и лежат в основе психической регуляции деятельности. Необходимо подчеркнуть, что этот регулятивный инвариант потому и является инвариантом, что в значительной степени «безразличен» к содержанию и даже к типам систем, в которых он реализуется. Он выступает как необходимый и достаточный для их регуляции; обладает очень высокой степенью обобщенности и носит, действительно, общий, точнее – общесистемный характер. В силу этого, он и является не просто «регулятивным инвариантом», а именно *общесистемным регулятивным инвариантом*.

Наряду с этим, именно в данном контексте следует вновь подчеркнуть обстоятельство, также отмечавшееся ранее. Начиная уже с самой первой научной концепции управления, сформулированной в «классическом» – функциональном походе (А. Файоль [363]), полагается аксиоматичным, что сутью

управления является реализация совокупности некоторых административных функций (целеполагание, прогнозирование, планирование, мотивирование, принятие решения, контроль и др.). Они и составляют «ядро» управления как такового, его наиболее специфическое содержание. Управленческие функции поэтому являются тем «главным и основным», что составляет содержание данной деятельности и определяет ее качественное своеобразие по отношению ко всем иным видам и типам деятельности. Подчеркнем также, что совокупность этих административных функций образует в своей совокупности определенный – *инвариантный* набор специфически регулятивных средств. Они необходимы и достаточны для управления как такового. Этот набор носит именно инвариантный, то есть неспецифический по отношению к конкретным разновидностям самой управленческой деятельности и ее предметному содержанию характер. Он обеспечивает регуляцию совместной деятельности иерархического типа, которая, собственно говоря, и составляет психологическое содержание деятельности руководителя как такового; тем самым он также является специфически регулятивным инвариантом.

Вместе с тем, констатируя наличие *двух форм* общего регулятивного инварианта и сопоставляя их друг с другом, необходимо сделать следующее заключение, содействующее решению рассматриваемых здесь задач. И индивидуальная деятельность (в частности, деятельность самого руководителя), и совместная деятельность иерархически организованного типа (то есть вся управленческая деятельность как таковая) реализуются посредством *принципиально сходного* набора регулятивных средств – в форме указанного выше регулятивного инварианта. Это означает, что система базовых, «классических» управленческих функций *удивительно близка* по составу и содержанию к составу класса интегральных процессов; они, фактически, изоморфны. Такой изоморфизм является не только вполне закономерным, но и, фактически, необходимым. Дело в том, что в основе совокупности управленческих функций, равно как и состава интегральных процессов, лежит *один и тот же* регулятивный инвариант базовых процессов и средств взаимодействия систем с их «окружением». Разница лишь в том, что в случае интегральных процессов он направлен на организацию регуляции *индивидуальной* деятельности, а в случае управленческих функций – на организацию и регуляцию *совместной* деятельности иерархического типа.

Другими словами, он представлен в двух существенно разных формах, в двух своих базовых проявлениях – либо в *интрапсихическом* (внутреннем)

плане, либо в плане *интерпсихическом* (внешнем). В первом случае он реализуется как система интегральных процессов психической регуляции индивидуальной деятельности, а во втором – как совокупность основных управленческих функций. Однако суть дела заключается в том, что эти две его формы принципиально подобны по своему составу и назначению. Не менее существенно и то, что они реализуются одним и тем же субъектом, причем, одновременно и «параллельно» в одной и той же деятельности. Более того, один из них – «внутренний» (интрапсихический), состоящий в реализации интегральных процессов, осуществляется именно *в целях* обеспечения второго – интерпсихического, «внешнего», направленного на обеспечение основных управленческих функций. Наконец, очень важно, что первый является уровнем средств и механизмов по отношению ко второму – как к внешнему, собственно деятельностному их проявлению. Следовательно, есть все основания для формулировки следующего предположения достаточно общего порядка: то, каким образом реализуются управленческие функции, в определяющей мере зависит от того, каким образом данный инвариант представлен и реализуется во «внутреннем» плане.

Отсюда, однако, следует важный в плане анализируемых вопросов вывод: то, как руководитель осуществляет собственно управленческие функции, в очень существенной мере зависит от того, каким образом он реализует в *своей* индивидуальной деятельности регулятивные процессы. Руководитель в своей деятельности переносит на выполнение основных управленческих функций те особенности, которыми характеризуется система сложившихся у него регулятивных, интегральных процессов. Например, он формулирует и ставит перед подчиненными цели так, как он «умеет и привык» это делать сам для себя, то есть в соответствии со сформировавшимся у него процессом целеобразования и его особенностями. Он организует выработку и принятие решения подчиненными так, как он сам понимает этот процесс и в какой мере владеет навыками принятия решения. Он так строит функцию планирования, как сам привык и умеет планировать и т.д. В силу этого, по всей вероятности, эффективность реализации управленческих функций уже не просто зависит от сформированности у руководителя основных регулятивных процессов, а определяется ею.

В результате этого и складывается ситуация, при которой одни и те же регулятивные функции, представленные, правда, в разных формах, реализуются в деятельности управления не только одновременно, но и, фактически, в качестве средств осуществления друг друга. Общерегулятивные функции реализу-

ются в отношении организации других – собственно управленческих функций. Поэтому сама управленческая деятельность приобретает своего рода *метафункциональный* характер. При этом следует учитывать также, что совокупность самих интегральных процессов составляет, как известно, *главное* и наиболее специфическое содержание регулятивной подсистемы психики как таковой. Следовательно, можно заключить, что *главное* содержание управленческой деятельности обеспечивается таким же *главным* содержанием самой регулятивной подсистемы психики. Данное заключение, однако, позволяет приблизиться к объяснению и того, какими конкретными процессуальными средствами обеспечиваются сами управленческие функции и где, следовательно, необходимо осуществлять поиск их механизмов.

Действительно, исходя из сказанного, следует констатировать ситуацию, предельно похожую на тот принцип, который лежит в основе всех метакогнитивных процессов (равно, впрочем, как и иных образований метакогнитивного плана). Это – принцип «оборачивания» процессов самих на себя (их «удвоения»). Разница состоит лишь в том, что в данном случае имеет место «удвоение» уже не когнитивных процессов, а именно регулятивных процессов и возникновение вследствие этого метарегулятивных процессов. Каждая из основных регулятивных функций, образующих регулятивный инвариант, выступает не только в своем исходном виде – именно как процессуальное, активное образование (то есть как *оператор*), но и во вторичном виде – как то, на что он сама и направлена, то есть как относительно пассивный *операнд*, как «предмет регулирования». Следовательно, имеет место та же самая закономерность, которая лежит в основе конституирования всех метакогнитивных процессов как таковых. Процесс «удваивает» себя и выступает одновременно в двух основных формах, трансформируясь тем самым в метапроцесс. То же самое имеет место и по отношению к функциям как к «ядру» всего процессуального содержания управленческой деятельности. Регулятивные функции также «удваиваются», выступают одновременно и как операторы, и как операнды, а в результате этого приобретают форму метафункциональных образований. Они, однако, сохраняют свою исходно представленную регулятивную направленность. Поэтому и сама управленческая деятельность раскрывается новой – дополнительной и очень важной, на наш взгляд, «гранью: она предстает уже не только как принципиально метакогнитивная по процессам и механизмам своей реализации и обеспечения, но и как метарегулятивная

Приобретая такой характер, она, однако, не только не утрачивает и даже не снижает степень своего метакогнитивного характера, а наоборот усиливает его. Дело в том, что метарегулятивные процессы могут быть эффективными и действенными только тогда, когда они основаны на очень развитых механизмах и средствах собственно когнитивного плана. Действительно, для того чтобы реализовать по отношению к деятельности те или иные управленческие функции, субъект этой деятельности объективно базируется на том, каким образом он реализует по отношению к своей собственно деятельности те или иные интегральные процессы. Все это имеет очень отчетливые и неоспоримые феноменологические проявления и эмпирические проявления, ряд из которых уже был отмечен выше. Как отмечалось выше, хорошо известно, что руководитель использует такие формы и способы организации функции принятия управленческих решений, которые соответствуют тому, как он сам принимает решения, то есть его индивидуальным особенностям [38, 133]. Он так организует функцию контроля, как привык и может это делать в отношении своей деятельности, и как это представлено в интегральном процессе самоконтроля [134, 189, 385]. Он так организует и реализует функцию целеполагания, как «умеет и привык» это делать в своей деятельности и т.п. Фактически, в наиболее обобщенном виде, можно констатировать, что в основе всего этого лежит вполне естественный и даже необходимый механизм переноса (транспонирования) интегральных процессов на уровень реализации управленческих функций. Вместе с тем, именно по этой причине принципиально важным является следующее обстоятельство: прежде чем и для того чтобы такой перенос стал возможным, должна обязательно сформироваться определенная *репрезентация* содержания того или иного регулятивного процесса. Он должен быть, как минимум, осознан и лишь затем и на основе такого осознания он может быть реализован в отношении других – в форме той или иной соответствующей ему управленческой функции. Иными словами, для того, чтобы один регулятивный процесс был реализован в отношении другого, он должен быть когнитивно обеспечен – должен быть осознан и ментально репрезентирован. Поэтому любой метарегулятивный процесс с необходимостью предстает и как «вторичный» – метакогнитивный.

В еще более общем плане и на более глубоком уровне анализа вскрываются, впрочем, и дополнительные обстоятельства, также содействующие объяснению анализируемых здесь особенностей. Так, следует учитывать, что одной из ключевых особенностей всех регулятивных – интегральных процессов

является их принципиально синтетический, составной характер. В них входят практически все когнитивные процессы – причем, как в их «первичной», так и в неразрывно связанной с ней «вторичной» форме. Однако это означает, что в состав интегральных процессов органично включаются и основные метакогнитивные процессы. Тем самым существенно расширяется и обогащается общий потенциал регулятивных средств – процессов. В результате такого включения обеспечивается то, что каждый их интегральных процессов обязательно пожелит когнитивной репрезентации субъектом. Причем – и это еще одна ключевая их особенность, которая, в свою очередь, обусловлена принципиально осознаваемым характером интегральных процессов, – данные репрезентации представлены именно на осознаваемом уровне. Они, следовательно – просто по определению не могут реализовываться никак иначе, кроме как на основе аналогичных, то есть также осознаваемых процессуальных средств, в качестве которых как раз и выступают сами метакогнитивные процессы. Необходимо напомнить также, что трактовка этих процессов как основных парциальных процессуальных компонентов именно осознанной регуляции является, как известно, доминирующей в настоящее время.

Следовательно, реализация интегральных (регулятивных) процессов по отношению к своей собственной деятельности объективно приводит к формированию определенных *ментальных репрезентаций*, в которых фиксируется индивидуальный опыт их реализации. Они носят принципиально осознаваемый характер, который в свою очередь, может быть обеспечен лишь аналогичными по природе процессуальными средствами, в качестве которых и выступают собственно метакогнитивные процессы. В них фиксируется, обобщается и закрепляется складывающийся, в основном, как продукт собственной активности субъекта опыт регуляции деятельности. Он, в свою очередь, уже вполне допускает перенос с организации индивидуальной деятельности на организацию совместной деятельности. В результате такого переноса во многом и обеспечивается сама возможность процессуальной регуляции управленческой деятельности. Другими словами, именно тот – индивидуальный по истокам и метакогнитивный по природе опыт, который первоначально складывается и обобщается при реализации интегральных процессов в индивидуальной деятельности, затем транспонируется на реализацию этих же – специфически регулятивных функций, но уже по отношению к организации совместной деятельности.

Таким образом, реализация основных управленческих функций руководителем объективно возможна лишь на основе подключения основных процессов и иных средств собственно метакогнитивного плана. При этом, повторяем, данное обстоятельство объясняется достаточно просто: для того, чтобы стал возможным перенос формирующихся в индивидуальной деятельности регулятивных (интегральных) процессов на организацию аналогичных регулятивных функций, они, как минимум, должны подвернуться своей репрезентации и фиксации, которая, однако, носит принципиально осознаваемый характер и, следовательно, базируется на всей системе метакогнитивных процессов. Следовательно, сами метакогнитивные процессы – это необходимое связующее звено, своеобразный «мост» между индивидуальными регулятивными процессами и основными управленческими функциями. Благодаря этим процессам, одна форма регулятивного инварианта (представленная как система интегральных процессов) обретает способность обеспечивать другую его форму (систему основных управленческих функций).

Отсюда, однако, вытекают определенные следствия, которые уже вполне доступны эмпирическому исследованию и, соответственно, – верификации. Прежде всего, это наиболее общее предположение, согласно которому система интегральных процессов играет важную детерминационную роль по отношению к формированию и реализации управленческих функций. Это, далее и предположение о возможности оптимизации вторых на основе коррекции первых. Наконец, это и предположение, согласно которому индивидуальные особенности самих интегральных процессов могут быть закономерным образом связаны с процессуальными характеристиками и, в особенности, – со стилевыми особенностями управленческой деятельности.

Итак, на основе проведенного анализа можно сделать следующее обобщающее заключение. Реализация макропроцессуального аспекта общей функциональной организации метакогнитивной сферы личности содействует раскрытию и объяснению не только какого-либо частного, рядового аспекта этой деятельности, а главного ее атрибута – ее представленности в виде системы инвариантных управленческих функций, причем, именно в плане психологических механизмов их осуществления. Тем самым, оно способствует обнаружению и объяснению так сказать «главного в главном» – психологических механизмов самих управленческих функций. В еще более общем плане вновь можно констатировать необходимость в заключении, которое было сформулировано

выше: психология управления лишь тогда обретет необходимую полноту и действенность, когда она включает в свой понятийный состав и концептуальный строй представления о метакогнитивной сфере личности. Наконец, следует подчеркнуть, что, несмотря на очень общий характер, эти заключения, в действительности, создают основу для формулировки для предположений, которые не только допускают возможность их эмпирической верификации, но и требуют ее. Именно это и составило предмет изучения в специальном цикле исследований, к рассмотрению результатов которого теперь и необходимо перейти.

Действительно, исходная – основная и наиболее общая задача, которая должна быть подвергнута исследованию средствами эмпирического плана, может быть сформулирована следующим образом. Существует ли и, если да, то в чем конкретно проявляется принципиальное подобие двух основных – рассмотренных выше форм регулятивного инварианта. Одна из них представлена на уровне индивидуальной деятельности – в интрапсихической «плоскости» и выступает как система основных интегральных, регулятивных процессов организации деятельности и поведения. Другая представлена на уровне совместной деятельности иерархического типа (то есть управленческой деятельности) – в интерпсихической «плоскости» и вступает как совокупность базовых управленческих функций. При этом, разумеется, следует избегать упрощенной – схематизированной и механистической трактовки такого подобия и помнить о том, что эти две формы реализуются на *качественно* разных уровнях организации – посредством принципиально разных механизмов и операционных средств. Первая форма – за счет практически исключительно средств процессуально-психологического плана, то есть посредством операционных средств, заложенных в системе психических процессов как таковых. Вторая – за счет собственно действенных и деятельностных операционных средств, предполагающих опору на гораздо более широкий спектр операционных средств – в том числе внешнего, экстерииоризированного плана. В силу этого, очень трудно и, более того, не вполне оправданно ожидать их полного сходства, то есть подобия, доходящего до степени изоморфизма. Между ними, скорее всего, должны существовать отношения более «мягкого» варианта, описываемые понятием *гомоморфизма*. Следовательно, общая задача, подлежащая эмпирическому изучению, может быть конкретизирована до следующей формулировки. Существует ли, в действительности, подобие – гомоморфизм основных характеристик и особенностей, присущих системе интегральных процессов, с одной стороны, и свойственных

реализации управленческих функций, с другой? Если да, то в чем именно и в какой мере? Что в этой «диаде» вступает активным началом, то есть какова направленность детерминационных отношений между ними?

Переходя к характеристике конкретных исследований, направленных на решение этих и иных – сходных с ними вопросов, подчеркнем, прежде всего, что, на первый взгляд, их организация представляется достаточно несложной. Действительно, для ее решения, казалось бы, достаточно продиагностировать две совокупности показателей – индикаторов. Первая – это показатели, связанные с интегральными процессами и индицирующие их основные характеристики. Вторая – это показатели, связанные с параметрами реализации управленческих функций и индицирующие их характеристики – прежде всего, результативные. Затем необходимо сопоставить те и другие и сделать соответствующие заключения относительно степени подобия двух этих совокупностей. Вместе с тем, в действительности, эта задача сопряжена с целым рядом трудностей не только методического, но и принципиального плана. Отметим основные из них, равно как и возможные способы их минимизации.

Первая из них связана с тем, что в качестве одного из предметов исследования должны выступить образования подчеркнуто процессуального плана, образующие первую форму регулятивного инварианта – совокупность интегральных процессов регуляции деятельности. Известно, однако, что именно процессы являются одними из наиболее сложных – имплицитных и не представленных в сколько-нибудь явных феноменологических проявлениях предметов психологического исследования. Более того, в данном случае главным аспектом изучения являются не собственно содержательные аспекты этих процессов, а степень их выраженности, то есть индивидуальная мера развития. Следовательно, они должны быть изучены не «в целом» и не в их, по преимуществу, содержательных характеристиках, а в аспекте этой меры выраженности – не в их качественном, а в их количественном, «интенсивностном» плане.

Тем самым, казалось бы, задача их изучения облегчается, поскольку она конкретизируется до проблемы диагностики их индивидуальной меры выраженности, что, кстати говоря, переводит ее в разряд собственно психодиагностических задач. Однако, в действительности, это, к сожалению не так, что объясняется следующими причинами. Как известно, одной из наиболее характерных черт интегральных процессов является то, что они обретают свой, действительно, полный и богатый содержанием вид именно в контексте целостной дея-

тельности – под влиянием всего комплекса деятельностной детерминации, то есть будучи обогащенными *конкретными* деятельностными особенностями – прежде всего, ее содержательными и операционными «составляющими». Следовательно, диагностировать их в сколько-нибудь полном и корректном виде можно только с учетом обязательной деятельностной «привязки». В абстрактном – внедеятельностном виде они попросту утрачивают свою качественную определенность. Это – наиболее принципиальная трудность их исследования, прежде всего диагностического, направленного на определение индивидуальной меры их выраженности. Она носит настолько принципиальный характер, что, по существу, блокирует до сих пор разработку адекватных средств психодиагностического плана, направленных на определение меры их выраженности.

Вместе с тем, по нашему мнению, выход из этой ситуации, все же существует, а ее трудность допускает минимизацию при учете следующего важного обстоятельства. Как отмечалось выше, одной из атрибутивных особенностей всех интегральных процессов является их принципиально осознаваемый характер. Он, в свою очередь, обусловлен тем, что они выступают как продукты синтеза (то есть интеграции), по существу, всей системы иных процессов причем, не только когнитивных, но и иных – мотивационных, эмоциональных, волевых. Такая степень полноты достигаемой в них интеграции, в свою очередь, обуславливает и то, что они попросту «вынуждены» реализовываться на аналогичном, то есть также высшем уровне интеграции – на уровне осознанной регуляции. Вместе с тем, известно, что именно этот уровень, то есть сама осознанная регуляция как таковая попросту невозможна без опоры на те операционные и процессуальные средства, которые ее, собственно говоря, и обеспечивают. В их качестве – и это также хорошо известно, как раз и выступают основные метакогнитивные процессы, являющиеся «парциальными» компонентами рефлексии как базового процессуального средства самой осознанной регуляции.

Следовательно, метакогнитивные процессы не просто органично связаны с интегральными процессами, но и объективно включены в их состав. Более того, именно в них и «через них» обеспечивается само осознание как хода, так и результатов реализации интегральных процессов. Они обеспечивают репрезентацию интегральных процессов и в плане их реализации, и в плане тех результатов, к которым они приводят. Такие репрезентации, в свою очередь, фиксируются и генерализируются, обобщаются и систематизируются, а в итоге «кристаллизируются» в индивидуальном опыте. Они составляют очень важную его

часть – ту, которая является результатом самообучения и обозначается в ряде случаев удачным понятием *индуктивного* опыта, то есть опыта, «выведенного» из своей деятельности, почерпнутого от самого себя в процессе реализации деятельности. Понятно, что именно такого рода опыт и наиболее важен, и наиболее характерен именно для деятельности управленческого типа.

Вместе с тем, данный вывод не менее значим и в собственно методическом плане, вскрывая следующий принципиальный факт. Об индивидуальной мере развития интегральных процессов, которая и является основным предметом их психодиагностического исследования, вполне допустимо судить по тому, насколько полно и адекватно они репрезентированы именно в метакогнитивной сфере, то есть по тому, насколько по отношению к ним сложились средства собственно метакогнитивного плана. Данное положение допускает, по нашему мнению, и более «сильную» формулировку. Действенность и эффективность интегральных процессов не просто проявляется в их метакогнитивных индикаторах, но и во многом определяется ими. Так, например, степень эффективности и, соответственно, мера индивидуальной представленности планирования в очень существенной степени зависит от широты и разнообразия тех способов и стратегий, которые характеризуют корректные и конструктивные схемы планирования и которые наиболее эффективны в плане организации деятельности. Следовательно, само знание этих стратегий выступает уже не как декларативное, а как процедуральное, то есть является общим по смыслу, но конкретным по содержанию и очень действенным операционным средством реализации самого процесса планирования. Наконец, в этой связи, очень характерно, что к аналогичным выводам – пусть и косвенно, но вполне очевидно приходит и сам метакогнитивизм. Это проявляется в том, что многие методики, разработанные в его русле и предназначенные для исследования частных регулятивных функций по организации познания и поведения, как раз и направлены на диагностику репрезентаций о содержании способов и стратегий реализации основных регулятивных процессов организации и деятельности. Данное обстоятельство проявляется даже в названиях ряда методик, не говоря уже о тех обозначениях, которые даются отдельным шкалам, представленным в них. Так, например, очень характерной в этой связи является одна из наиболее распространенных методик – «Метакогнитивной включенности в деятельность», или такие базовые для ряда методик шкалы, как шкала «планирование действий» (Д. Эверсон), шкала «самопроверки» (то есть, фактически, самоконтроля).

Очень показательной в этом плане является и одна из новейших методик – «Тест рефлексии деятельности» (В.Д. Шадриков, С.С. Кургинян) [298], который образован специфически *деятельностными* шкалами (в частности, целеполагание, принятие решения).

Из всего сказанного следует важный, на наш взгляд, вывод. Диагностику индивидуальной меры выраженности основных интегральных процессов не только можно, но и необходимо строить на основе их ментальных репрезентаций, то есть, по существу, на основе того, каким образом и с какой степенью полноты и адекватности они отражены посредством всей совокупности средств метакогнитивного плана. В свою очередь, такая задача является значительно более реализуемой, поскольку именно на это и направлено очень большое количество разработанных в метакогнитивизме методик. Более того, такой подход отличается еще одной важной особенностью: он позволяет определять не степень выраженности того или иного интегрального процесса в какой-либо конкретной деятельности, а эту степень в ее так сказать «наддеятельностном» виде – без привязки к конкретной деятельности, то есть именно в их метадеятельностном виде. Он в значительно большей степени обусловлен не особенностями какой-либо конкретной деятельности, а имеет подчеркнуто субъектный характер, то есть отражает именно *индивидуальную* меру их выраженности. В силу всех этих аргументов, данный подход и был реализован нами в проведенном исследовании, а для определения индивидуальной меры выраженности основных интегральных процессов были использованы наиболее апробированные и позитивно зарекомендовавшие себя методики (при условии, разумеется, их необходимой модификации – см. ниже).

Далее, еще одна принципиальная трудность методического плана, связанная с решением сформулированных задач, носит уже более традиционный характер и состоит в следующем. Как можно видеть из их постановки, они предполагают необходимость не общей, а дифференцированной оценки показателей эффективности управленческой деятельности, то есть оценки основных управленческих функций. Следовательно, для ее решения явно недостаточно использования традиционных схем, основанных на методологии экспертного оценивания в их существующих вариантах. Их необходимо детализировать и конкретизировать, а сама методология экспертного оценивания, хотя и должна быть сохранена как базовая, но все же должна быть существенно модифицирована. Такая модификация осуществлена нами в разработанной в целях решения

сформулированных выше задач методике. Поскольку она была использована не только в описываемом исследовании, но и в ряде иных – рассматриваемых ниже исследованиях, то на ней целесообразно остановиться более подробно.

По своей сути она построена на основе синтеза методологии экспертного оценивания и опросной техники. Кроме того – и это также необходимо подчеркнуть специально, в ее разработке реализован ряд приемов и иных технических средств, которые предложены и успешно применены в одной из известных и позитивно зарекомендовавших себя методик аналогичной направленности – в «Методике оценки уровня квалификации педагогических работников» [297].

В результате разработанная нами методика позволяет давать *дифференцированную* оценку степени эффективности реализации основных управленческих функций. При этом специально подчеркнем, что, конечно, в адрес данной методики, возможны возражения, связанные с ее так называемым «субъективным характером», с возможной недостаточной компетентностью экспертов, с ситуационной обусловленностью экспертных оценок и др. Вместе с тем, не менее важно помнить и о том, что эти возражения справедливы точно в такой же степени (ни больше и не меньше), как и в отношении методологии экспертного оценивания в целом. Следовательно, оценка данной методики должна быть аналогичной той, которая приятна по отношению ко всей этой методологии. В свою очередь, это означает, что не признавать возможность предложенной выше методики – значит отрицать возможность самой методологии экспертного оценивания, что, разумеется, и недопустимо, и контрпродуктивно.

Кроме того, необходимо особо подчеркнуть и еще одно обстоятельство теоретико-методологического плана, связанное с данной методикой. Оно очень отчетливо проявилось, в частности, при разработке отмеченной выше методики, то есть по отношению к деятельности педагогического характера, а его смысл заключается в следующем. Как известно, одной из наиболее острых, а одновременно – и трудных, принципиальных проблем, связанных с реализацией компетентностного подхода к ней, является проблема определения базовых компетенций данной деятельности в целом и выработки обоснованного критерия их дифференциации. В настоящее время разработано несколько подходов к дифференциации основных компетенций (Дж. Равен, В.Д. Шадриков, И.А. Зимняя, А.К. Маркова, Н.В. Кузьмина [152, 198, 232, 297] и др.). Вместе с тем, в ряде исследований данной проблемы наиболее важным средством ее решения выступает следующее фундаментальное положение [134, 297]. Комплексным –

многомерным «носителем» главных оснований (критериев) определения базовых компетенций педагогической деятельности является не какая-либо – пусть даже и развернутая, но умозрительная конструкция, а реально представленная, онтологически существующая психологическая система деятельности [297]. Данный подход предполагает дифференциацию психологической системы любой профессиональной деятельности, в том числе и управленческой, на комплекс воедино связанных в структурно-функциональном отношении «составляющих» – функциональных блоков. Это блоки мотивации деятельности, цели деятельности, программы деятельности, информационной основы деятельности, принятия решений, профессионально-важных качеств, а также блоки контроля и самоконтроля и коррекции результатов деятельности. Следовательно, само понятие психологической системы деятельности, а также ее состав и структура (архитектоника) выступают не только системным, но и объективным, комплексным критерием для обоснованного определения состава базовых компетенций профессиональной деятельности, в том числе – и управленческой. Данный подход является общепризнанным, с ним солидарны многие исследователи, работающие в русле проблемы определения состава профессиональных компетенций. Он успешно реализован в разработанной в [297] «Модели специалиста с высшим профессиональным образованием».

Итак, смысл и основная идея охарактеризованного выше наиболее обоснованного, перспективного и конструктивного в прикладном плане подхода к решению проблемы определения базовых компетенций заключается в следующем. Основная цель и, соответственно, содержание всего процесса профессиональной подготовки руководителя определяется необходимостью формирования целостной системы компетенций. Они, в свою очередь, – на уровне их структурной организации, фактически, изоморфны всей психологической системе деятельности. Следовательно, в основе реализации компетентностной модели, в отличие от традиционной, лежит не формирование тех или иных, хотя и очень значимых, но все же – относительно частных аспектов и сторон деятельности личности, а формирование всей деятельности в целом.

Кроме того, управленческая деятельность, характеризуясь подчеркнуто функциональной природой и выступая как определенная совокупность специфических функций, также имеет в своей основе ту архитектонику, которая воплощена в понятии психологической системы деятельности. Однако главное как раз и состоит в том, что совокупность входящих в нее функциональных

блоков не только практически полностью изоморфна совокупности базовых управленческих функций, но и лежит в основе их собственно психологического обеспечения. Следовательно, именно функциональные блоки во многом и выступают теми комплексными средствами, которые лежат в основе обеспечения той или иной базовой управленческой. В свою очередь, это означает, что они выполняют аналогичную функцию и в отношении самих компетенций, которые обеспечиваются основными функциональными блоками. Поэтому именно психологическая система управленческой деятельности является комплексным и объективным критерием, то есть онтологическим основанием для дифференциации базовых управленческих компетенций, а также их структурирования в целостность – в управленческую компетентность.

Итак, реализация всех отмеченных выше положений, приемов и средств методологического и методического плана позволяет в итоге вплотную подойти к решению сформулированной выше основной задачи. Она, напомним, состоит в верификации предположения о существовании отношений гомоморфизма между системой интегральных процессов и совокупностью основных управленческих функций. Конкретная процедура исследования направленная на ее решения, имела следующий вид. Вначале по отношению к выборке руководителей ($n = 60$) была реализована батарея методик, направленных на диагностику тех параметров метакогнитивной сферы, которые имеют подчеркнuto регулятивный характер и которые в наибольшей мере репрезентируют в себе содержание и индивидуальную меру выраженности интегральных процессов организации деятельности. В их качестве выступили следующие параметры и, соответственно, методики, направленные на их диагностику.

1. Регулятивно-мотивационные процессы определялись посредством методики «Тест рефлексивности деятельности» [298], но только в той ее части, которая сопряжена с мотивационной составляющей деятельности, а также методики MSLQ (по [130]), направленной на диагностику уровня сформированности мотивационных метакогнитивных стратегий.

2. Целеполагание определялось посредством методики «Тест рефлексивности деятельности» [298] в той ее части, которая сопряжена с целевым блоком системы деятельности.

3. Регуляция информационной основы деятельности и базирующиеся на ее основе процессы прогнозирования также определялись посредством методики «Тест рефлексивности деятельности» [298].

4. Принятие решения и реализация деятельности (определялась посредством методики «Тест рефлексивности деятельности», а также методики «Диагностики процессов метарешений [91]).

5. Процессы планирования в деятельности (определялись на основе субшкалы «планирование действий» из методики Д. Эверсон (по [121])).

6. Процессы самоконтроля (определялись на основе субшкал «самопроверка» и «знания мониторинга» (из методики Д. Эверсон), а также методики на диагностику самоконтроля Г.С. Никифорова [199]).

Затем по отношению к выборке была реализована специально разработанная нами методика дифференциальной диагностики основных управленческих функций [124] (см. также Приложение 4). В результате этого каждый испытуемый получил характеристику в аспекте двух групп показателей – параметров индивидуальной меры развития интегральных процессов, и параметров, индицирующих эффективность реализации управленческих функций (см. Приложение 23). Наконец, по отношению к ним была реализована процедура экспертной оценки эффективности деятельности; посредством нее была определена подгруппа наиболее успешных руководителей ($n = 40$), в которой, как это следует из методологии психологического анализа профессиональной деятельности, закономерности ее организации представлены наиболее полно и рельефно. Все это составило необходимые и достаточные условия для решения исходной задачи. Основной и наиболее принципиальный из полученных результатов состоит в следующем. Между индивидуальной степенью развития интегральных процессов и степенью эффективности реализации управленческих функций существуют множественные значимые корреляционные связи (таблица 18).

Таблица 18

Компоненты регулятивно-инварианта (интегральные процессы и функции)	Коэффициенты корреляции	Уровень значимости
Регулятивно-мотивационные процессы	0,28	$p = 0,10$
Целеполагание	0,34	$p = 0,05$
Прогнозирование	0,52	$p = 0,01$
Принятие решения	0,48	$P = 0,01$
Планирование и программирование	0,46	$p = 0,01$
Контроль и самоконтроль	0,36	$p = 0,05$

Следовательно, как и прогнозировалось априорно, они, действительно, закономерным образом сопряжены друг с другом в плане уровня их развития в каждом индивидуальном случае. Кроме того, по отношению и к выборке в целом обнаруживается сходство общего «рисунка» – конфигурации степеней их развития (см. рис. 23).

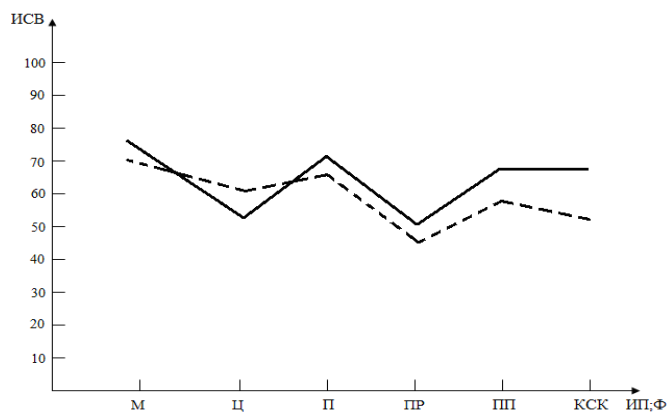

Рис. 23. Соотношение индивидуальной степени развития интегральных процессов (сплошная линия) и степени эффективности реализации управленческих функций (пунктирная линия). *Обозначения:* ИП и Ф – соответственно, основные интегральные процессы и функции управления: М – регулятивно-мотивационные процессы и функция мотивирования, Ц – целеполагание, П – прогнозирование, ПР – принятие решения ПП – планирование и программирование, КСК – контроль и самоконтроль. ИСВ – индивидуальная степень выраженности (в процентной шкале).

Все это означает, что исходная и основная гипотеза получает свое подтверждение: действительно, между индивидуальной мерой развития основных интегральных процессов и эффективностью реализации базовых управленческих функций существуют отношения подобия, достигающего до степени *гомоморфизма*. В свою очередь, за ними стоят причины достаточно общего и имплицитного плана. В их качестве, по-видимому, вступает то, что на реализацию управленческих функций как раз и транспонируются те операционные и иные средства, которые лежат в основе реализации самих интегральных процессов. Однако основными среди такого рода средств являются средства собственно метакогнитивного плана, поскольку они наиболее эффективно позволяют «уловить» – зафиксировать, систематизировать и зафиксировать тот индивидуальный опыт, который складывается по ходу реализации интегральных процессов и который затем транспонируется на реализацию и управленческих функций. Тем самым, однако, вскрываются собственно операционные средства, а отчасти – и механизмы, которые, в действительности, лежат в основе самих управленческих функций. Кроме того, появляются дополнительные данные, объясняю-

щие то, какими операционными и процессуальными средствами одна деятельность (управленческая) оказывается в состоянии эффективно регулировать и организовывать другую – «чужую». В конечном итоге, это становится возможным в силу того, что сама управленческая деятельность имеет не только функциональную природу, но и строится как метафункциональная по своим механизмам. Одни функции (представленные в виде интегральных процессов индивидуальной деятельности) реализуются в отношении других (собственно управленческих, направленных на организацию деятельности «других»). В этом и заключатся, по нашему мнению, важная и, пожалуй, наиболее специфическая грань общей функциональной организации данной деятельности.

Наряду с этим, в результате обработки данных был обнаружен и еще один – достаточно имплицитный и также значимый, на наш взгляд, результат. Он состоит в том, что сама степень сходства двух рядов параметров (связанных, с одной стороны, с интегральными процессами, а с другой, с управленческими функциями), то есть мера их *гомоморфизма* оказалась прямо связанной с общей эффективностью управленческой деятельности. Другими словами, чем в большей степени общая конфигурация эффективности управленческих функций соответствует паттерну самих интегральных процессов, тем выше общая эффективность и всей деятельности. Данный факт может быть объяснен только тем, что именно интегральные процессы, действительно, и являются реальной процессуальной основой для реализации самих управленческих функций. Тот «арсенал» средств и приемов, который складывается в индивидуальной деятельности при реализации этих процессов, действительно, составляет процессуальную основу и для реализации самих функций. И, чем в большей мере представлена такая опора, тем выше эффективность деятельности.

Представленные выше результаты, раскрывая дополнительные стороны функциональной организации управленческой деятельности, характеризуют, однако, пока лишь один из уровней исследования – собственно аналитический. Известно, однако, что он должен быть дополнен другим, еще более значимым уровнем – структурным. Его основной целью выступает уже не установление тех или иных локальных связей и закономерностей между изучаемыми сущностями, а выявление закономерностей их организации, то есть закономерностей собственно «организационного», структурного плана. В этом отношении также были получены некоторые новые данные, содействующие решению исследуемых проблем. Те первичные результаты, которые были получены по отноше-

нию к индивидуальной мере развития интегральных процессов, с одной стороны, и степени выраженности основных управленческих функций, с другой, были обработаны посредством методологии структурно-психологического анализа, которая уже не раз применялась выше. Это означает, что для каждой из трех дифференцированных по внешнему критерию подгрупп (то есть по экспертной оценке эффективности деятельности) были определены матрицы интеркорреляций как совокупности интегральных процессов, так и показателей эффективности реализации отдельных управленческих функций, а на их основе построены соответствующие структурограммы. Затем они были обработаны по стандартной процедуре структурно-психологического анализа, предполагающего определение структурных индексов по отношению к каждой матрице, а также сравнение полученных структур на предмет их гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 . На рис. 23 представлены структурограммы интегральных процессов для подгрупп относительно низко- и высокоэффективных руководителей (первичные данные и матрицы сданы в Приложениях 24, 25).

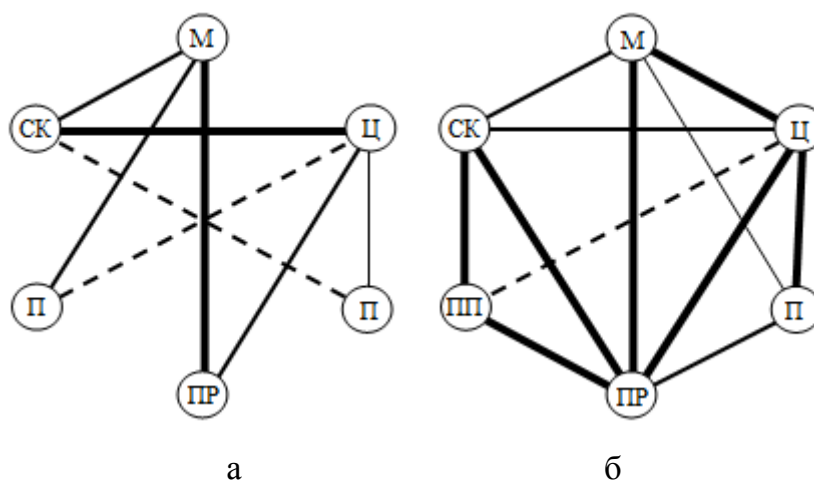

Рис. 24. Структурограммы интегральных процессов в группах относительно низкоэффективных (а) и высокоэффективных (б) руководителей. Пояснения в тексте.

Анализ всех полученных в данном цикле результатов, позволяет сделать следующие основные заключения. Во-первых, степень интегрированности и, в особенности, общей организованности структур интегральных процессов возрастает при повышении внешнего критерия. Иначе говоря, в зависимости от возрастания эффективности деятельности находится сама эта степень, значимо возрастая при переходе от подгруппы с относительно наименьшей эффективностью к подгруппе со средней и, далее, подгруппе с относительно наиболее высо-

кой эффективности деятельности. Можно видеть, что данный результат хорошо согласуется со многими аналогичными – полученными ранее данными, вскрывающими одну из важнейших закономерностей структурной детерминации профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности, со стороны ее субъектных детерминант. Это зависимость, которая состоит в наличии прямой и достаточно сильной связи между степенью интегрированности субъектных детерминант (в частности, профессионально-важных качеств – ПВК) и результативными параметрами самой деятельности, в особенности – эффективности. Так, в целом ряде работ показано, что мера организованности структур ПВК и значения внешнего критерия (например, качества деятельности в целом, а также ее основных параметров) являются достаточно тесно и вполне закономерно – непосредственно взаимосвязанными. Причем, эта взаимосвязь также проявляется по целому ряду конкретных направлений. В частности, она существует между основными параметрами деятельности и мерой организации структуры ПВК: чем выше значения параметров деятельности, тем выше мера структурной организации всей совокупности ПВК [134]. Наряду с этим, доказано, что мера организации структуры ПВК значимо возрастает в процессе профессионализации, то есть является функцией от нее [171]. Однако сама суть последней как раз и заключается во все более полном обеспечении внешнего критерия – в достижении все большей эффективности деятельности. Тем самым, вновь обнаруживается прямая связь степени организации структуры ПВК и внешнего критерия, а иными словами – организации факторов, обеспечивающих результат, и самого качества этого результата. Наконец, аналогичная – прямая и закономерная связь существует и в плане соотношения качества отдельных «составляющих» системы деятельности и меры организации индивидуальных качеств, которые лежат в основе их обеспечения. В частности, она отчетливо обнаруживается по отношению к связи эффективности процессов принятия решения с мерой структурной организации индивидуальных качеств, лежащих в основе их реализации: чем выше их организованность, тем выше и качество решений [133].

Во-вторых, аналогично этому степень интегрированности и особенно общей организованности основных управленческих функций при изменении (возрастании) внешнего критерия – экспертной оценки эффективности деятельности изменяется по тому же принципу. Она значимо возрастает при повышении эффективности деятельности. В силу этого, все те заключения, которые сдела-

ны выше о структурном характере детерминационных связей субъектных детерминант (в данном случае – индивидуальной меры развития интегральных процессов) с эффективностью деятельности, не только могут, но и обязательно должны быть сделаны и по отношению к совокупности управленческих функций. Это означает, что с высокой степенью отчетливости выявляется следующая – важная, по нашему мнению закономерность. Степень организованности (структурированности, интегрированности) основных управленческих функций значимо возрастает при повышении эффективности самой деятельности в целом. Ее, однако, можно сформулировать и несколько иначе: повышение эффективности этой деятельности не только сопровождается последовательным и значимым возрастанием степени организованности совокупности основных управленческих функций, но и, по-видимому, *зависит* от нее. К этому – не просто важному, но и, пожалуй, наиболее принципиальному обстоятельству мы возвратимся ниже. Пока же зафиксируем само наличие данной закономерности, а также то, что оно вполне допускает такую его наиболее общую интерпретацию, которая очень близка по смыслу с объяснением сходных по смыслу результатов структурно-психологического анализа. Суть такой интерпретации, как известно, состоит в следующем.

Дело в том, что именно структурная организация – фактически, *интеграция* компонентов выступает наиболее универсальным условием, и главной детерминантой достижения того или иного результата и его высокого качества. Он тем выше, чем в большей мере выражены эффекты интегративного плана, механизмы и средства организации и структурирования отдельных «составляющих». Они и выступают основными средствами обеспечения самого результата. Все это, однако, может иметь место лишь в том случае, если эффекты интеграции и структурной организации порождают новые возможности, новый потенциал. Другими словами, это возможно, если они, действительно, позволяют выйти за пределы рядоположенной совокупности компонентов – их аддитивного множества, объединенного на основе агрегативного принципа. Эффективность внешнего критерия определяется при этом уже не только и не столько агрегативной детерминацией, сколько детерминацией интегративной – собственно структурной и, по существу, системной. Интеграция компонентов, в отличие от их агрегации, порождает – генерирует этот новый потенциал, дополнительный по отношению к суммативному. Он, в свою очередь, и позволяет системе компонентов быть бóльшим, нежели их простая (то есть агрегативная)

совокупность. Причем, характерно то, что между значениями критерия (и внешнего и внутреннего) и мерой выраженности интегративных, структурных эффектов существует именно прямая связь: чем более выражены вторые, тем выше значения и первого [134].

Оба этих результата, с одной стороны, раскрывают некоторые новые – дополнительные особенности и закономерности структурной детерминации управленческих функций в аспекте их субъектных детерминант. С другой, они являются достаточно ожидаемыми – априорно прогнозируемыми, поскольку они вполне согласуются с базовыми и многократно верифицированными результатами, полученными на основе методологии структурно-психологического анализа.

В-третьих, анализ полученных результатов позволяет установить и *новый* факт – закономерность, которая пока не была дифференцирована ни в этой методологии в целом, ни при ее реализации по отношению исследованиям профессиональной деятельности. На рис. 25 представлены значения наиболее обобщенного структурного индекса организованности как системы интегральных процессов, так и совокупности базовых функций в группах разной эффективности деятельности.

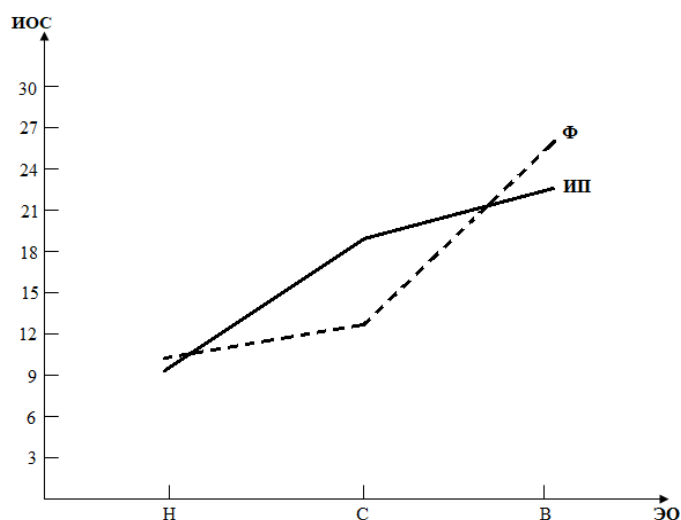

Рис. 25. Значения индекса организованности системы (ИОС) интегральных процессов (ИП) и совокупности базовых функций (Ф) в группах разной эффективности деятельности. *Обозначения:* Н, С и В – группы лиц с относительно низкой, средней и высокой эффективностью по результатам экспертного оценивания (ЭО).

Как следует из сравнения общей динамики изменения степени организованности интегральных процессов и совокупности основных функций, она характеризуется не просто принципиальным сходством, но и, фактически, тожде-

ством. Это означает, что повышение степени организованности (структурированности, интегрированности) системы интегральных процессов сопровождается аналогичными изменениями и организованности совокупности основных управленческих функций. Вместе с тем, по нашему мнению, речь должна идти не просто о том, что она «сопровождается» этими изменениями, а о том, что изменения степени организованности системы интегральных процессов как раз и являются базовой детерминантой – главным фактором самого повышения степени организованности функций. Не менее характерно и показательно, что обе эти – согласованные и, по-видимому, взаимообуславливающие друг друга динамики сопровождаются и последовательным повышением общей эффективности всей деятельности. Причем, опять-таки – по-видимому, не просто «сопровождаются», но и лежат в основе такого повышения. Следовательно, можно заключить, что одним из главных и комплексных факторов обеспечения организованности (скоординированности, структурированности) совокупности функций выступает повышение степени организованности тех процессов, на основе которых они реализуются – интегральных процессов. В свою очередь, именно это – такая вполне естественная динамика находит свое результативное проявление в повышении эффективности деятельности в целом.

В-четвертых, сравнение выявленных структур интегральных процессов и управленческих функций, полученных в трех разных подгруппах, на предмет их гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 дало следующие результаты. Структуры интегральных процессов оказались статистически значимо *разнородными* ($p = 0,10$), то есть качественно гетерогенными в этих подгруппах. Вместе с тем, структуры основных функций не характеризуются такими – именно качественными различиями, а изменяются лишь *количественно* – в мере своей организованности. Данный результат можно объяснить следующим образом. С одной стороны, именно процессуальное обеспечение деятельности – это звено, наиболее подверженное трансформациям, то есть оптимизации. Совокупность же функций, наоборот, относительно менее трансформируема. Она, напротив, более стабильна по своей структуре (и, добавим, должна быть стабильной). С другой стороны, это означает, что трансформации, имеющие место по отношению к процессам, являются более выраженными, поскольку носят не количественный, а качественный характер. Это также вполне закономерно, поскольку именно их изменения выступают средствами и механизмами, лежащими в основе всей выявленной – согласованной динамики процессов и функций.

Наконец, в-пятых, пожалуй, наиболее принципиальным именно в плане рассматриваемых здесь задач является еще один результат. Выявленная динамика степени организованности интегральных процессов и управленческих функций, как можно видеть из представленных результатов и их интерпретации, носит, фактически, тождественный характер, то есть описывается отношениями гомоморфизма. Причем, он обнаруживается и, следовательно, существует на собственно структурном уровне – не только в плане подобия отдельных процессов и функций (хотя и оно, как следует из результатов предыдущего исследования, также имеет место), но и в плане подобия их общих структур и трансформаций этих структур. Однако именно это же позволяет с достаточно высокой степенью обоснованности заключить, что аналогичный гомоморфизм существует не только в плане выявленной динамики, но и в плане того, что, собственно, говоря, и подлежит этой динамике, то есть в плане самих структур интегральных процессов и основных функций. Тем самым появляются решающие аргументы для обоснования правомерности – фактически, для эмпирической верификации сформулированы выше представлений теоретического характера. Их сущность, напомним, как раз и состоит в том, что такой гомоморфизм, действительно, имеет место и является закономерным по своей сути. Кроме того, из этого результата следует, что сходство или даже подобие существует не только между характером и успешностью реализации тех или иных управленческих функций и отдельных интегральных процессов, но и между их так сказать «общими конфигурациями» – паттернами. Однако с еще большей обоснованностью данное положение характеризуется и общее соответствие индивидуальных особенностей всех интегральных процессов индивидуальной деятельности и управленческих функций. Конкретный индивид характеризуется комплексным соответствием того, каким образом у него выражены интегральные процессы с тем, каким образом он реализует всю совокупность функций (а не только те или иные из них). Есть основания полагать также, что именно это комплексное соответствие лежит в основе стилевых особенностей всей управленческой деятельности. Сам же структурный гомоморфизм интегральных процессов и управленческих функций, обнаруженный и проинтерпретированный выше, является наиболее комплексной детерминантой формирования известных и очень полно исследованных на феноменологическом уровне стилевых различий реализации управленческой деятельности.

В заключение, подчеркнем, что еще одним – также значимым проявлением обнаруженного структурного гомоморфизма и его влияния на стилевые особенности управленческой деятельности выступает следующий результат. На характер реализации деятельности в целом и на ее стиль, в особенности, влияют не только особенности тех или иных интегральных процессов (как специфически регулятивных) «по отдельности» и не только особенности всей их совокупности. Значимое влияние оказывают и те процессы, а соответственно, и феномены, которые прямо рассматривать в качестве «вторичных» – производных от самих интегральных процессов. Речь при этом, разумеется, идет об особой категории процессов, которая лишь относительно недавно стала предметом специальных исследований и которые принципиально подобны о своей природе самим метакогнитивным процессам – о метарегулятивных процессах. Они составляют неоспоримую реальность управленческой деятельности, а одними из наиболее очевидных и, в то же время – важных для ее реализации является, например, процессы метарешений и метаконтроля. Их общая характеристика уже была дана нами ранее, а их суть, напомним, состоит в следующем. Так, сущность процессов метарешений состоит в том, что они направлены не на принятие того или иного конкретного решения, а на то, чтобы определить, идти на него, или же попытаться уйти от него. Это «решения о решениях», то есть именно метарешения. В свою очередь, понятие метаконтроля тесно связано с другим – крайне важным понятием метакогнитивизма – понятием «агенту» (неполный аналог понятия «самоконтроль»). Быть в состоянии «агенту» – значит полностью контролировать свои действия, предвосхищать желаемый результат и добиваться его. Оно означает не только и не просто «метакогнитивный контроль», «метакогнитивный мониторинг», но еще и осознаваемый – субъектный контроль за ними как таковыми. Это – образование, предполагающее постоянную установку на поддержание «контроля за контролем», функционирование способов и средств контроля за собой «как за контролером своих же действий».

При этом одна из достаточно интересных закономерностей состоит в том, что детерминационное влияние индивидуальных особенностей именно этих процессов на стилевые различия в реализации управленческой деятельности является еще более выраженным. Так, например, гипертрофия или даже своеобразная «патология» процессов метарешений имеет широко известные и столь же распространенные феноменологические проявления. Основными из них являются, скажем, типы руководителей-перестраховщиков и «начальников-

молчальников», а также известные феномены «спихотехники» (от слова «спихнуть» – переложить решения на других) и волокиты. Аналогичная гипертрофия контрольных и метаконтрольных средств порождает столь же известный феномен «неусыпного контроля», тип «руководителя-перфекциониста» и т.п. Иными словами, вновь обнаруживается общее и важное обстоятельство: именно структурный гомоморфизм системы регулятивных процессов и основных управленческих функций является одной из значимых детерминант стилевых особенностей всей деятельности. Причем, оказывается, что данное положение справедливо не только по отношению к интегральным процессам как «первичным» регулятивным процессам, но и к «вторичным», то есть метарегулятивным процессам (процессам метарешений, метаконтроля и др.).

Таким образом, подводя итоги реализации по отношению к исследованию метакогнитивной сферы еще одного аспекта функционального плана, связанного с изучением ее макропроцессуальной регуляции, можно заключить, что она, действительно, характеризуется достаточно развернутой и весьма сложной системой собственных закономерностей, в том числе – и таких, которые пока не были дифференцированы. Их выявление и интерпретация как раз и составила основной предмет проведенного в данном параграфе анализа, а также его основной результат. Вместе с тем, это же – итоговое обстоятельство не только служит основой для продолжения реализации общего функционального плана исследования, но и создает для него новые – дополнительные предпосылки. Дело в том, что и процессуальные особенности регуляции этой деятельности и особенности реализации основных функций объективно находят свое итоговое проявление («кристаллизацию») в целой системе разнообразных результативных эффектов, в том числе – феноменов и образований функционального типа. Тем самым, однако, логика проведенного выше анализа с необходимостью приводит к еще одному важному аспекту общего функционального плана исследования – к анализу тех новообразований, которые неразрывно связаны с процессом функционирования и, более того, порождаются им. К рассмотрению этого вопроса, следовательно, теперь и необходимо обратиться.

4.5. Функциональные новообразования как детерминанты управленческой деятельности

Одним из относительно частных – так сказать «производных», но одновременно и очень показательных результатов проведенного выше анализа яви-

лось обнаружение того факта, который уже не раз выявлялся по ходу рассмотрения многих иных аспектов метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Он состоит в том, что именно в функциональном плане изучения часто (или даже – как правило) обнаруживается очень полное – естественное и максимально выраженное соответствие целого ряда важных аспектов организации этой сферы и тех или иных важнейших сторон самой управленческой деятельности. Так, по отношению к микропроцессуальной организации данное обстоятельство проявляется в наибольшей степени соответствия основного функционального предназначения всех образований метакогнитивного типа – их направленности на расширение ресурсных возможностей субъекта, с одной стороны, и максимальной представленности в ней необходимости именно в этом, связанной с ее собственными атрибутивными характеристиками. Прежде всего, это высокая сложность и ответственность, а также принципиальная неопределенность, которые и требуют максимизации такого рода ресурсов. По отношению к макропроцессуальной организации это проявляется в не менее естественном и столь же максимально выраженном соответствии системы регулятивных процессов, лежащих в основе ее обеспечения, и системы основных управленческих функций в целом. Однако именно эта же закономерность проявляется и по отношению к еще одному важному аспекту функционального плана исследования, связанному с выявлением и объяснением тех функциональных новообразований к которым – как к своим итоговым эффектам приводит функционирование. Данное обстоятельство объясняется по отношению к связи проблематики метакогнитивизма и управленческой деятельности вполне естественным образом. Дело в том, что в ней с высокой степенью отчетливости и очевидности представлена одна из основных особенностей, присущих всей метакогнитивной сфере и состоящая в том, что она имеет свои итоговые проявления в целой совокупности специфических метакогнитивных феноменов. Их констатация и объяснение вообще составляет один из важнейших разделов всего метакогнитивизма.

Однако, в действительности, складывающаяся ситуация имеет еще более глубокий смысл и еще бóльшую значимость – и в общем плане, то есть по отношению к разработке метакогнитивного направления в психологии, и в более конкретном плане – по отношению к исследованию управленческой деятельности. Собственно говоря, именно эта ситуация, а также ее значимость по отношению к изучению профессиональной деятельности в целом и управленческой

деятельности, в особенности, и послужил «отправным моментом» в разработке сформулированного нами ранее структурно-феноменологического подхода к исследованию метакогнитивной сферы личности как регулятора деятельности. Сущность данного подхода уже была раскрыта выше (см., главу 2, а также [118, 121, 122, 125]), а его объяснительные возможности также реализованы по отношению к целому ряду уже проанализированных вопросов.

Вместе с тем, особо значимую роль данный подход по вполне объяснимым и естественным причинам играет именно по отношению к тому аспекту исследования, который является предметом рассмотрения в данном параграфе. Дело в том, что сами – многочисленные и очень разнообразные феномены, которые установлены в метакогнитивизме, обязательно должны быть проинтерпретированы не только в их «первичном» статусе (то есть в качестве *явлений*, лишь сопровождающих деятельность и поведенческую активность и процессы переработки информации), но и как реальные и достаточные сильные *детерминанты*, влияющие на нее. Они должны быть поняты не только и даже не столько как эпифеномены, сколько как их реальные и действенные детерминанты, а в ряде случаев – и как *операционные средства*. С позиций именно такой трактовки не только оказывается возможным дать более полное и точное объяснение многих феноменов метакогнитивного типа, но и уяснить общий смысл их существования и функционального предназначения. Все это и составляет основное содержание структурно-феноменологического подхода к их исследованию. С позиций данного подхода становится очевидным, что их смысл и в том и состоит, что они могут выступать не только в своей «первичной» форме, но во «вторичной» форме. Это и происходит за счет их распознавания (улавливания) субъектом, а затем их фиксации им в качестве того, «что может быть полезным», то есть что может быть использовано в качестве средств организации деятельности и поведения. Тем самым такое использование содействует оптимизации всей деятельности и поведения; оно выступает как новый – дополнительный и достаточно существенный ресурс для повышения общего когнитивного потенциала, для расширения ментальных ресурсов личности в целом. Однако именно это и составляет одну из важнейших особенностей функциональной организации любой деятельности, в том числе и управленческой.

Вместе с тем, это – хотя, конечно, очень значимая, но все же именно *одна* из такого рода из особенностей. Наряду с ней, существует, разумеется, и иные особенности и закономерности. В частности, очень значимая особенность со-

стоит в том, что общая совокупность такого рода феноменов является достаточно большой и весьма гетерогенной. При этом следует особо подчеркнуть, что множество таких феноменов не только допускает, но и требует двух несколько различающихся трактовок. Первая – это традиционная, трактовка, предполагающее ее так называемое «узкое» понимание, при котором в нее включаются лишь наиболее специфические феномены и эффекты. Вторая трактовка предполагает более широкое понимание метакогнитивных феноменов и эффектов и включает в их общую совокупность целый ряд иных – не специфицированных по отношению к метакогнитивной проблематике эффектов. Все они, однако, объединяются общим и очень важным признаком: возникая в деятельности в качестве объективных *следствий* функционирования метакогнитивной сферы, они в дальнейшем начинают использоваться субъектом в качестве его же *средств* и, соответственно, – средств организации всей деятельности в целом. Одной из «классических» и наиболее общих иллюстраций этого может служить уже отмечавшаяся нами ранее закономерность, состоящая в распознавании и фиксации субъектом деятельности негативного влияния на нее феноменов избыточного рефлексивного контроля, а затем – выработки средств его минимизации, обозначенных понятием «антирефлексивных» средств [125]. По нашему мнению, по отношению к деятельностной проблематике существенно более конструктивной является вторая – расширенная трактовка общей феноменологии метакогнитивного плана. Она позволяет не только более полно и, следовательно, корректно охватить всю совокупность феноменологических проявлений метакогнитивного плана, но и раскрыть их в собственно операционной функции.

Далее, непосредственным следствием такой расширенной трактовки метакогнитивной феноменологии является то, что ее спектр эксплицируется как достаточно широкий и весьма гетерогенный. В связи с этим, возникают не только трудности, обусловленные самим объемом изучаемого предмета, но и связанные с тем, какие приоритеты должны быть определены в плане их сравнительной значимости и что, следовательно, в первую очередь достойно исследования? Отвечая на этот вопрос, необходимо, по нашему мнению, руководствоваться критерием объективной значимости тех или функциональных новообразований (в том числе, и феноменов) для обеспечения эффективности деятельности. Он предписывает необходимость выбора среди них таких (или

такого), которые являлись бы не только объективно наиболее важными, но и определяющими, то есть *критически* значимыми для всей деятельности. Кроме того, следует учитывать и еще одну закономерность, также описанную в феноменологическом направлении метакогнитивизма: значимость феноменов пропорциональна их обобщенности: чем более интегративным по своей сути является тот или иной феномен, тем выше его значимость. В силу этого, в качестве предмета приоритетного исследования необходимо использовать не какие-либо локальные феномены, а феномены интегральные, обобщенные, а еще лучше – соотносящие по степени интегративности с деятельностью в целом.

Руководствуясь этими аргументами, нельзя не видеть, что в составе любой профессиональной деятельности и управленческой, в особенности, представлено такое функциональное новообразование, которое наиболее полным и явным образом отвечает всем им. Это, разумеется, интегральное по строению, комплексное по составу и определяющее по значению образование, обозначаемое понятием профессиональных *компетенций*. Оно характеризуется следующими основными чертами, которые и делают его наиболее «достойным кандидатом» на рассмотрение в аспекте основных задач данного параграфа.

Во-первых, компетенции являются принципиально *комплексными* образованиями (что отражено даже этимологически – в общем корне этих понятий). Они включают в свой состав классическую «ЗУНовскую триаду», а также способности личности. Во-вторых, они являются и столь же принципиально *интегративными*, поскольку, как показано в соответствующих исследованиях [134, 299], не сводятся к аддитивной совокупности своих компонентов, а характеризуются возникновением синергетических эффектов от их синтеза и, следовательно, несводимостью к их рядоположенной совокупности. Причем, такая интеграция реализуется, в основном, под влиянием специфически деятельностной детерминации. В-третьих, еще более очевидной особенностью выступает то, что именно они являются не просто наиболее значимыми для обеспечения всех сторон деятельности, в особенности – ее эффективности, но и вообще характеризуются *определяющей* ролью в этом. В-четвертых, они *двуедины* по своей функциональной сущности. С одной стороны, они с несомненностью являются базовыми факторами – детерминантами ее эффективности и в этом смысле ее условиями, предпосылками. С другой стороны, они являются и объективными следствиями профессионализации (в том числе, и развертывающейся на этапе профессиональной подготовки), а тем самым – выступают как типичные пред-

ставители тех итоговых эффектов, которые формируются в ходе генезиса деятельности и личности, то есть типичными представителями функциональных новообразований. В-пятых, они являются ярко выраженными *функциональными* новообразованиями. Дело в том, что каждая из основных профессиональных компетенций, как показано в исследованиях, не только напрямую соотносится с той или иной базовой функцией по организации деятельности, но и вообще – дифференцируется на основе именно функционального критерия (напомним, что данный аспект уже был предметом нашего анализа в предыдущем параграфе). Наконец, в-шестых, ключевые профессиональные компетенции – как в аспекте содержания, так и в аспекте формирования в очень значительной степени подвержены возможностям именно произвольного управления, *осознаваемого контроля*, «субъективного вмешательства» в них – всего того, что и составляет сущность метакогнитивной регуляции как таковой. Метакогнитивные процессы и качества с необходимостью входят в ее состав и контролируют ее.

В силу всех этих особенностей профессиональных компетенций, появляются достаточно веские основания для того, чтобы избрать в качестве приоритетного предмета исследования именно их, а также допустить, что оно может способствовать расширению существующих представлений о функциональных новообразованиях управленческой деятельности в целом. Руководствуясь этим, мы предприняли специальное исследование данного вопроса, организованное следующим образом.

За его основу и своего рода «отправной момент» были взяты результаты уже описанного в предыдущем параграфе исследования в той его части, которая затрагивала диагностику степени развития компетенций и особенности их структурной организации на разных качественных уровнях реализации управленческой деятельности. Они были, однако, дополнены за счет расширения объема выборки, что целесообразно в плане обеспечения большей обоснованности выводов – как в их содержательном аспекте, так и в плане статистической достоверности. В результате по отношению к трем дифференцированным по критерию эффективности деятельности подгруппам были определены матрицы интеркорреляций степени выраженности основных компетенций, а на их основе построены структурограммы значимо коррелирующих компетенций. Далее, они были обработаны по системе структурных индексов (индексов когерентности, дивергентности и организованности), а также сопоставлены на

предмет гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 . Анализ всех этих результатов позволяет сформулировать следующие основные заключения.

Во-первых, при возрастании значения «внешнего критерия» – эффективности деятельности значимо и достаточно существенно возрастает ИКС, то есть увеличивается степень интегрированности общей структуры компетенций. Во-вторых, хотя и в заметно меньшей степени, при этом возрастает и величина ИДС – увеличивается и степень дифференцированности структуры компетенций (то есть сравнительные темпы динамики ИКС и ИДС существенно различны). В-третьих, как своего рода «равнодействующая» указанных изменений закономерным образом изменяется наиболее обобщенный показатель – величина ИОС, индицирующая общую организованность компетенций. Она значимо и существенно возрастает, достигая своего максимума именно в подгруппе с относительно наибольшей эффективностью деятельности.

Все эти результаты имеют принципиально общий смысл, поскольку с разных сторон свидетельствуют о существовании единой и достаточно обобщенной закономерности. Она состоит в том, что в процессе деятельности и ее освоения происходит не только формирование и развитие отдельных компетенций, но и их все более полная интеграция – синтезирование в целостность с присущими ей эффектами синергетического плана. Они позволяют «выйти за пределы» простой суммы (аддитивной совокупности) компетенций и дают новую – специфически интегративную функциональную «прибавку» субъектного потенциала. Чем более выражены такого рода интегративные эффекты, тем выше эффективность деятельности. Иными словами, по отношению к феномену компетенций можно вновь констатировать те – очень общие и значимые закономерности интегративного плана, которые уже не раз были выявлены нами по отношению к иным структурным компонентам деятельности и которые достаточно подробно освещены в соответствующей литературе (см. обзор в [134]).

Кроме того, реализация по отношению к полученным результатам дополнительных методов статистической обработки (в частности, дисперсионного анализа) показала, что они характеризуются наличием и иных проявлений синергетических – интегративных эффектов. Это является еще одним подтверждением того, что на уровне их общей структуры, то есть их целостности, формируется такое содержание – такая функциональная «прибавка», которая не может быть редуцирована до их простой суммы. В связи с этим можно, по-

видимому, сказать и так: компетентность как синтез компетенций тем и отличается от их суммы, что позволяет обеспечить их интеграцию и, следовательно, привести к эффектам собственно синергетического, то есть специфически системного типа. Причем, очень характерно, что мера интегрированности отдельных компетенций весьма высока (это проявляется в большом количестве значимых связей между ними). Подчеркнем также, что аналогичный факт практически полной взаимосвязанности компетенций обнаружен ранее по отношению к еще одной важной деятельности – педагогической [297]. Поэтому и полученный нами результат предстает отнюдь не как единичный или тем более – случайный, а как вполне закономерный и, по-видимому, естественный, отражающий достаточно глубинные закономерности организации профессиональной деятельности в целом.

Вместе с тем, все эти результаты, позволяя установить некоторые новые и достаточно существенные закономерности, ставят, тем не менее, и ряд новых и еще более сложных вопросов. Прежде всего, это вопрос о смысле всех выявленных закономерностей, об их конкретном содержании и, следовательно, об их объяснении. Действительно, если в результате функционального синтеза частных компетенций порождается некоторое новое содержание, то что оно собой представляет, а также в чем его предназначение? По нашему мнению, можно предложить следующее решение этого вопроса. С одной стороны, в основе такого предназначения лежат все те механизмы и средства собственно интегративного плана, которые, в конечном итоге, направлены на *расширение* функционального ресурса субъекта деятельности, на повышение его функциональных и иных возможностей и которые были достаточно подробно рассмотрены выше. Однако, с другой стороны, в них проявляется и еще одна закономерность: существование большого количества функциональных связей между отдельными компетенциями, по-видимому, свидетельствует о том, что между ними в деятельности устанавливаются множественные отношения, в основном, *компенсаторного* типа. Их смысл состоит, как известно, в том, что они направлены на использование средств одних компонентов системы в качестве «помощников» реализации иных компонентов, представленных в дефицитарном виде. Высокоразвитые компоненты (в данном случае – компетенции), вступают в связь с менее развитыми, позволяя компенсировать их недостаточность.

Так, например, именно по отношению к управленческой деятельности данное обстоятельство, пожалуй, наиболее демонстративно и характерно, хотя

и описано пока лишь, в основном, на эмпирико-феноменологическом уровне. Например, недостаточный уровень компетенции, связанной с принятием управленческих решений, может в значительной степени компенсироваться со стороны компетенции, связанной с планированием деятельности, позволяющей *избежать* целого ряда ситуаций, требующих принятия решения. Вообще говоря, именно отношения компенсаторного типа между основными компетенциями во многом и выступают залогом и объективным условием всей компетентности. При этом, как можно видеть, совершенно неслучайно и этимологическое родство данных понятий. *Компетентность* всегда предполагает и *компенсацию* тех субъективных детерминант, которые представлены в дефицитарном виде. Быть *компетентным* означает не только обладать «сильными» сторонами, но и быть в состоянии *компенсировать* свои «слабые» стороны, которые практически всегда имеют место даже у высококвалифицированных профессионалов.

Наряду с этим, нельзя не видеть и того, что степень интегрированности, выявляемая именно по отношению к компетенциям, очень высока; она, как отмечалось выше, превосходит аналогичные эффекты, обнаруженные ранее по отношению к иным категориям субъективных детерминант – в частности, по отношению к профессионально-важным качествам. Для многих иных детерминант такая ситуация описывается, как известно, следующей формулой: они выступают не только как *части* целого, но и как части *целого*. Тем самым подчеркивается важность механизмов их синтезирования, интеграции в целостность и значимость тех «эффектов целостности», которые возникают вследствие и на основе этого. Однако, по отношению к компетенциям эта ситуация представлена в существенно более «заостренном» виде. Мера их интегрированности такова, что отдельные компетенции раскрываются как, хотя, конечно, «части целого» (то есть как компоненты общей компетентности), но уже не просто как «части», а скорее, как его проявления. Иными словам, в каждой из компетенций проявляется «все целое», хотя каждый раз и в специфической форме – в той или иной функциональной направленности. Это, впрочем, хорошо известный на феноменологическом уровне факт: он зафиксирован, например, в следующих выражениях: «в решениях руководителя проявляется вся его личность»; контроль несет на себе «печать личности» контролера и т.п. Фактически, складывается ситуация, при которой реализация каждой из управленческих функций и, соответственно, обеспечение каждой из соответствующих ей компетенции выступает как эффект *конвергенции* всех иных функций и соответствующих им

компетенций. Здесь вновь приходится констатировать тот случай, который подробно рассматривается в теории психических процессов и который характеризуется выражением «все состоит из всего», а также понятием «полносвязности» компонентов системы [282].

Вообще говоря, в данной связи в очередной раз со всей остротой встает и проблема обоснованности того подхода к исследованию управленческой деятельности, который считается и основным, и даже «каноническим», если не аксиоматичным – функционального. С позиций современных представлений в целом и тех данных, которые охарактеризованы выше, все более очевидным становится его определенная ограниченность: он, не переставая быть, разумеется, правильным, все же предстает как излишне аналитичный. Психологическая природа реализации каждой из этих функций, равно как и всей управленческой деятельности в целом, такова, что она не осуществляется ни в какой конкретный момент времени по типу реализации той или иной из них, а затем – другой и т.д. Ее организация имеет принципиально иной характер – не аналитический, а синтетический; сами же функции выступают, скорее, как удобные «единицы» описания деятельности, но не как реальные психологические средства ее осуществления. Такими средствами выступают деятельностные способы и стратегии, носящие принципиально комплексный характер и базирующиеся на синтезе тех аспектов, которые связаны с разными функциями.

Наконец, все эти результаты и обуславливающие их причины требуют, по нашему мнению, для своего объяснения учета еще одной закономерности. Повидимому, очень важным и представленным именно в наиболее интегративных образованиях деятельности (в компетенциях) является следующий функциональный механизм, который обнаруживается именно при условии учета фактов метакогнитивного плана. Объективно присущий всем компетенциям принципиально осознаваемый их характер не только позволяет, но и требует аналогичного, то есть также сознаваемого, произвольного контроля за их реализацией. Это, в свою очередь, означает, что субъект может не просто основываться на тех или иных компетенциях, но и регулировать характер и меру их использования в своей деятельности. Он может либо интенсифицировать опору на те или иные из них, либо минимизировать ее – при условии, например, ее дефицитарной представленности. Другими словами, по отношению к совокупности компетенций имеет место аналог хорошо известного, например, в психологии способно-

стей, явления селективного, произвольно контролируемого подключения тех или иных из них и блокады других.

Все это означает, по нашему мнению, что, наряду с частными управленческими компетенциями в процессе функционирования деятельности, а также ее профессиогенеза в целом формируется еще и компетенция особого типа и специфического предназначения. Ее суть состоит в том, что она означает возможность регулирования всех иных – базовых и потому «первичных» компетенций. Это – своего рода «компетенция по распоряжению своими компетенциями», «вторичная» компетенция, то есть, фактически, *метакомпетенция*. При этом еще раз подчеркнем: факты, убедительно свидетельствующие о ее существовании, хотя и установленные лишь на эмпирико-феноменологическом уровне, многочисленны и хорошо известны. Более того, степень выраженности такой метакомпетенции, равно как и объективная необходимость в ней, максимально представлены именно по отношению к управленческой деятельности. В свою очередь, это связано с целым рядом причин, носящих в целом вполне понятный и объяснимый характер. Это, например, наибольшая степень ответственности; статусные и престижные соображения, которые выходят на первый план именно в ней; боязнь потери авторитета и мн.др. Наконец, в связи с интерпретацией сущности и детерминант этой метакомпетенции необходимо подчеркнуть и обстоятельство, которое наиболее непосредственно соотносится с основным предметом исследования в данной работе. Эта метакомпетенция по своему генезу, функциональной направленности и операционным механизмам и средствам практически полностью носит «вторичный» и производный характер, то есть является именно метакогнитивной.

Таким образом, можно видеть, что, действительно, анализ наиболее важного и максимально интегративного образования управленческой деятельности – компетенций позволил выявить и объяснить новое образование функционального плана (то есть именно функциональное новообразование) – *управленческую метакомпетенцию*. Причем, повторяем еще раз: в ней нет ничего необычного – напротив, она имеет многочисленные эмпирические проявления и феноменологические референты. Они, однако, не только не делают ее менее значимой, но напротив, указывают на ее повсеместность и важность, а также усиливают необходимость ее теоретического объяснения, попытка которого и представлена выше. Наконец, отметим также, что понятие метакомпетенции вплотную подводит и к постановке одной из наиболее важных и острых про-

блем всей управленческой психологии – к проблеме управленческих способностей в целом и, возможно, наличия, некоторой базовой и универсальной способности, которая и обуславливает собой эффективность деятельности этого типа. Не исключено, что именно охарактеризованная выше управленческая метакомпетенция как раз и выступает в качестве ее своеобразного аналога или даже – основы. По-видимому, ее можно уподобить эквиваленту некоторого G-фактора всей системы управленческих способностей: это – своего рода «способность распоряжаться способностями». Данное предположение является тем более обоснованным, что в настоящее время сама категория *метаспособностей* получает все более широкое признание; она, в частности, исследована и в целом ряде наших работ – как в ее общепсихологическом значении, так и по отношению к профессиональной деятельности управленческого типа [119, 125]. Вместе с тем, мы, конечно, вполне осознаем, что данная проблема требует еще многих дополнительных исследований и своего дальнейшего обоснования.

4.6. Функциональные закономерности метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

Переходя к реализации этого – завершающего аспекта функционального плана исследования метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности, необходимо сделать ряд предварительных замечаний относительно его специфики. Прежде всего, именно он является, пожалуй, наиболее широким и разнородным по характеру входящих в него вопросов и, соответственно, наиболее объемным по содержанию материалов, полученных при его реализации. Данное обстоятельство связано с тем, что он фиксирует в себе, по существу, всю совокупность закономерностей – как общего, так и частного типа, которыми характеризуется функционирование исследуемого объекта в составе той или иной – более широкой и объективно представленной системы (точнее – систем). Далее, этот аспект является и относительно наиболее диверсифицированным, поскольку сами функциональные закономерности также характеризуются, как известно, отчетливо представленным разнообразием. Наряду с этим, он отличается и относительно меньшей определенностью – своего рода «размытостью» его границ, поскольку в целом ряде случаев очень трудно провести четкое разделение между ним и иными аспектами функционального изучения. Последние очень часто также могут быть представлены как направленные на раскрытие тех или иных закономерностей и, соответственно, вклю-

чающие их характеристику. Кроме того, данный аспект не только объективно и весьма тесно связан со всеми иными, уже реализованными аспектами, но и зачастую выступает как их логическое продолжение – развитие и углубление. Так, например, установление тех или иных новообразований приводит к необходимости рассмотрения того, как на основе их включения в предмет исследования модифицируется его функционирование, и какие новые особенности и закономерности самого функционирования возникают при этом.

Наконец, необходимо специально отметить и такую особенность данного аспекта исследования, на которую обычно не обращается специального внимания, но которая, в действительности, является очень важной и даже – основополагающей. Дело в том, что само по себе существование тех или иных стабильных и устойчивых – инвариантных закономерностей, в том числе и функциональных, является одним из объективных индикаторов того, что объект, в отношении которого эти закономерности выявляются, также объективно существует как аналогичный – инвариантный и стабильный, как онтологически представленный. Кроме того, само существование тех или иных функциональных связей между ним и иными компонентами той системы, в которую он включен, также следует рассматривать в качестве «индикатора» его самостоятельности и важности. Таким образом, через установление функциональных закономерностей решается своего рода макрозадача, состоящая в доказательстве онтологического статуса изучаемого предмета – в обосновании его самостоятельности и значимости. Другими словами, если нечто связано стабильными функциональными закономерностями с иными – уже не подлежащими сомнению объектами, то столь же объективно существует и само это «нечто». Следовательно, установление и объяснение именно закономерностей функционального типа, наряду с их самостоятельным значением, следует рассматривать в качестве важного средства обоснования развиваемых здесь представлений о самой метакогнитивной сфере как важной «составляющей» психической регуляции деятельности и ее онтологического статуса.

Данное обстоятельство является значимым и в еще одном смысле. Дело в том, что при реализации этого плана исследования – именно по причине его высокого разнообразия и выраженной множественности – всегда возникает вопрос о выборе тех функциональных закономерностей, которые необходимо сделать предметом приоритетного рассмотрения. Он, однако, решается вполне очевидным образом: в их качестве должны быть избраны те, которые являются

наиболее общими и важными – в наибольшей степени репрезентирующими категорию функциональных закономерностей как таковых. Однако, столь же известно, что именно эти – основные (базовые) функциональные закономерности как раз и являются наиболее значимыми в плане решения отмеченной выше макрозадачи. Если они, действительно, обнаруживаются, то это и выступает лучшим свидетельством самостоятельности его онтологического статуса.

Кроме того, необходимо помнить, что по отношению к проблематике профессиональной деятельности в целом и управленческой, в частности, уже оформился относительно стабильный набор такого рода закономерностей, которые наиболее традиционно исследуются в них. Прежде всего, это функциональные закономерности, характеризующие связь исследуемых предметов с «внешним критерием», то есть с результативными параметрами деятельности и, главным образом, с ее *эффективностью*. Это, далее, закономерности, связывающие его с уровнем профессионализации в целом и *стажем*, в частности. По отношению именно к управленческой деятельности это и зависимости, существующие между предметом исследования и ее собственно процессуальными характеристиками, которые в ней, как известно, обретают форму *стилевых* различий. Тем самым, возникает вопрос о возможном существовании функциональных закономерностей связывающих метакогнитивную сферу с основными общеуправленческими стилями. Важным и очень часто исследуемым видом функциональных закономерностей выступает специфика детерминационной роли фактора *пола* на функционирование предмета исследования. Особо важен и весьма специфичен данный аспект опять-таки по отношению к управленческой деятельности, поскольку он связан с традиционным вопросом о сравнительной степени управленческих способностей у мужчин и женщин. Наконец, очень явно и весьма специфично представлен в управленческой деятельности и еще один важный аспект функционального исследования: это зависимости тех или иных ее сторон и «составляющих», в частности, – функционирования метакогнитивной сферы от деятельностного статуса самого субъекта, который по отношению к управленческой деятельности конкретизируется в понятии иерархического *уровня управления* (руководства). Иными словами, важно определить, существует ли зависимость того, каким образом метакогнитивная сфера реализует свои регулятивные функции по отношению к деятельности, от различий в уровнях самого управления (низовом, среднем, высшем). Отмеченные

выше типы и разновидности закономерностей, по-видимому, должны стать предметом приоритетного исследования и в данной работе.

Переходя к рассмотрению тех результатов, которые были получены при их исследовании, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на большую значимость каждого из них, все же существует и так сказать «первая среди равных». Это, разумеется, зависимость, связывающая тот или иной – изучаемый в каждом конкретном случае предмет с «внешним критерием» – прежде всего, с ее эффективностью. Следует, конечно, учитывать, что, будучи значимым в теоретическом плане, он имеет еще большее – определяющее и вполне понятное значение в практическом отношении. Этим, собственно говоря, и обусловлена ее наиболее широкая представленность в психологии профессиональной деятельности. Данное обстоятельство проявилось и в том, что по ходу всего представленного изложения мы также уже неоднократно и в разных аспектах обращались к рассмотрению этого вопроса.

Действительно, в целом ряде работ, в том числе – и выполненных нами была установлена закономерность, носящая достаточно общий характер и проявляющаяся в очень разных видах и типах управленческой деятельности, а также на различных уровнях самого управления. Она состоит в том, что существует связь между уровнем развития рефлексивности и основными результативными параметрами деятельности – прежде всего, ее общей эффективностью [124, 129, 131]. Более того, данная связь является характерной и для иных видов деятельности, принадлежащих к субъект-субъектному классу, поскольку в них свойство рефлексивности выступает как профессионально-важное качество. Обнаруженная связь не носит, однако, характера простой, непосредственной детерминации, а является более сложной – нелинейной и описывается инвертированной U-образной кривой. Она принадлежит к категории так называемых зависимостей «типа оптимума». Это означает, что не только низкая, но и высокая рефлексивность является причиной снижения эффективности управленческой деятельности. При низких значениях развития рефлексивности она выступает ингибитором управленческой деятельности, что вполне очевидно даже с априорной точки зрения. Однако, – и это уже значительно менее очевидно и даже не вполне ожидаемо, на первый взгляд, относительно наиболее высокие значения уровня развития рефлексивности также ведут к дезоптимизации управленческой деятельности. Естественно, что данная закономерность требует

своего объяснения и выявления тех детерминант, которые лежат в ее основе. При этом следует подчеркнуть, что попытки этого, хотя и имеют место, но носят либо подчеркнуто феноменологический характер, либо апеллируют к косвенным аргументам – к экспликации тех факторов, которые способствуют ее проявлению, но не являются ее истинными детерминантами.

Действительно, как указывалось выше, в этом плане должен быть отмечен феномен «метакогнитивной петли» (metacognitive loop), состоящий в рефлексивной ингибиции, а в ряде случаев – и в блокаде когнитивных и поведенческих функций [430]. Кроме того, зафиксировано и контрпродуктивное влияние гиперрефлексивности на интеллектуальные функции [123, 282]. В этих же целях могут быть привлечены и известные явления рефлексивной гиперкоррекции и гиперконтроля, а также феномен «аналитического паралича», установленный в теории принятия решения (состоящий в фиксации – «застревании» субъекта на стадии «взвешивания» и рефлексивной оценки альтернатив выбора и в невозможности перехода от нее к самому выбору) [214]. Имеют место и попытки объяснения контрпродуктивных функций рефлексивности посредством постулирования двух ее принципиально разных форм – «хорошей» и «дурной» рефлексии [167]. Наконец, даже на уровне житейских, обыденных представлений (в folk-psychology) существует целый ряд выражений, в которых зафиксированы рассмотренные выше закономерности. Наряду с этим, в качестве объяснительного средства данной закономерности используется и апелляция к опосредствованному влиянию рефлексивности на деятельность. Оно заключается в том, что высокая рефлексивность «сцеплена» с рядом индивидуальных качеств, которые являются «противопоказаниями» для управленческой деятельности (в частности, – с нейротизмом, ригидностью, развитостью психологических защит и др. – см. обзор в [125]).

Вместе с тем, суть дела состоит в том, что речь должна идти не об этих особенностях и феноменах самих по себе – не об их факте (в действительности, несомненном, очень общем и важном, даже – фундаментальном), а о его объяснении. Необходимо выявить и объяснить те психологические механизмы и детерминанты, которые лежат в основе их реализации. Другими словами, речь идет о том, чтобы перейти от уровня явлений (феноменологического) на уровень сущности (объяснения). Это означает, что необходимо заглянуть за их «феноменологический фасад» и выявить лежащие в их основе детерминанты и

механизмы реализации. Кроме того, вполне очевидно, что сама рефлексивность, точнее – индивидуальная мера ее выраженности не только непосредственно связана с общим уровнем развития метакогнитивного потенциала личности, но и, фактически, является его прямым индикатором. Тем самым, она выступает в качестве предиктора степени метакогнитивной сферы личности, взятой именно на общесистемном уровне ее организации. Итак, все эти обстоятельства не только не отменяют необходимость изучения данной закономерности, но, напротив, делают ее еще более настоятельной, а также создают новые возможности для ее раскрытия.

В качестве его основной цели выступило исследование взаимосвязи между степенью выраженности общего метакогнитивного потенциала личности и закономерностями структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы, а также их связей с результативными параметрами управленческой деятельности. Процедура организации и проведения исследования, а также его основные результаты можно обобщить следующим образом.

Выборка состояла из представителей управленческого персонала ряда промышленных, сервисных и коммерческих предприятий и организаций гг. Ярославля, Москвы, Тольятти, Иваново (ПАО «Автодизель», «Ростелеком», «АвтоВАЗ», ОАО завод «Станкоагрегат», ОАО «Тензор», фабрика «Синель» и ряд других) как государственной, так и негосударственной форм собственности в количестве 190 человек. В состав испытуемых входили руководители среднего и высшего управленческих звеньев. Возрастной состав испытуемых варьировал от 29 до 67 лет. Использовались следующие методики психодиагностического, исследовательского и опросного типа.

На первом этапе исследования решалась задача верификации охарактеризованной выше – основной закономерности по отношению к выборке, на основе которой оно и проводилось. При этом в качестве методики диагностики степени выраженности метакогнитивного потенциала использовалась охарактеризованная выше методика КОМП. Для определения параметров «внешнего критерия», то есть для оценки эффективности самой управленческой деятельности, был реализован метод экспертной оценки, который применялся в его стандартном варианте [192, 216]. Он предполагал оценку эффективности деятельности тремя группами экспертов – двумя экспертами, занимающими нижестоящее положение по отношению к оцениваемому; двумя – одноранговыми с ним экспертами; двумя – вышестоящими экспертами. Оценивание проводилось по трем

основным критериям [202]; использовалась 100-балльная оценочная шкала, а затем результаты по всем экспертам усреднялись и представлялись в виде общей оценки. Затем выборка дифференцировалась на три подгруппы в зависимости от уровня развития метакогнитивного потенциала – на подгруппы низко-, средне- и высокорефлексивных руководителей. Подчеркнем, что указанные термины используются здесь для краткости: ими обозначаются подгруппы, дифференцированные на основе различий общего метакогнитивного потенциала (а не только рефлексивности в ее «узком» смысле). Затем для каждой подгруппы определялся средний показатель «внешнего критерия». Полученные данные представлены на рис. 26.

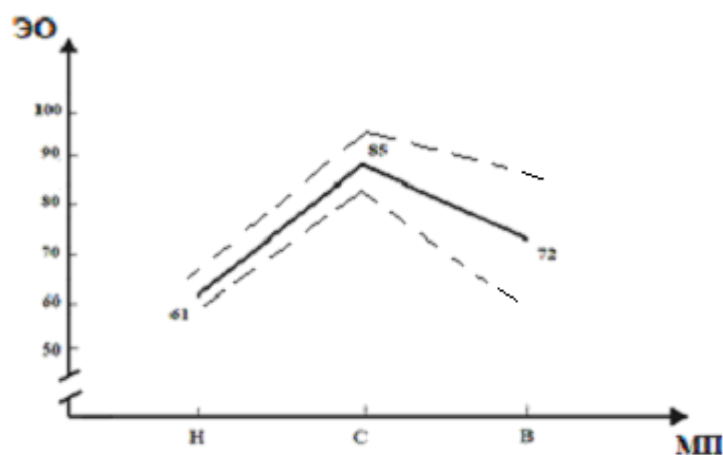

Рис. 26. Зависимость показателей экспертной оценки эффективности управленческой деятельности от индивидуальной меры выраженности метакогнитивного потенциала. *Обозначения:* ЭО – показатели экспертной оценки (по 100-балльной шкале); МП – индивидуальная мера развития метакогнитивного потенциала; Н, С и В – группы руководителей, соответственно, с низким, средним и высоким значением метакогнитивного потенциала; пунктирными линиями символизирован возрастающий разброс данных ЭО при увеличении степени метакогнитивного потенциала.

Можно видеть, что они в целом достаточно явно подтверждают охарактеризованную выше закономерность и, следовательно, с одной стороны, в очередной раз верифицируют ее, а с другой, создают условия для перехода к решению главной задачи данной работы – к выявлению тех причин и механизмов, которые лежат в ее основе. В этих целях нами был реализован метод структурно-психологического анализа, предполагающий определенную последовательность ряда специфических исследовательских процедур. Так, прежде всего, по отношению к выборке была реализована «батарея» психодиагностических методик, направленных на определение уровня развития ряда основных метакогнитивных подсистем, входящих в состав метакогнитивной сферы личности.

Именно они, как показано выше, являются основными ее «составляющими», а он в свою очередь, во многом базируется на их синтезе. После этого для каждой из трех дифференцированных подгрупп руководителей (то есть для подгрупп низко-, средне- и высокорефлексивных) были определены матрицы интеркорреляций основных подсистем, образующих метакогнитивную сферу, а на их основе построены соответствующие им структурограммы. В качестве иллюстрации на рис. 27 приведены структурограммы для подгрупп индивидов со средними и относительно наиболее высокими показателями рефлексивности.

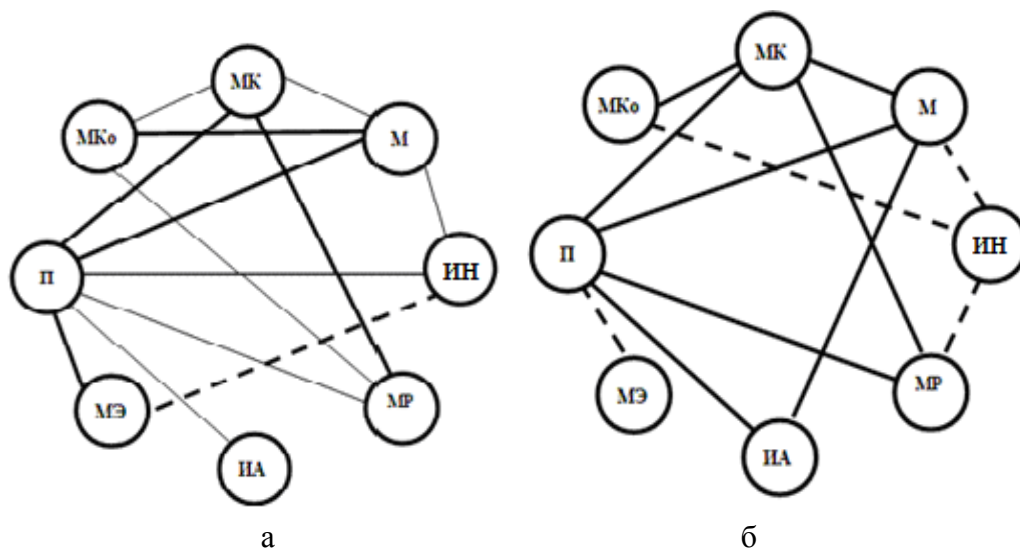

Рис. 27. Структурограммы основных метакогнитивных подсистем в подгруппе среднерефлексивных (а) и высокорефлексивных (б) руководителей. *Обозначения:* аббревиатурами обозначены следующие подсистемы: МК – метакогнитивная, М – мониторинговая, И – ингибиторная, МР – метарегулятивная, ИА – интеракционная, МЭ – метаэмоциональная, П – процедуральная, МКо – метакоммуникативная; жирная линия – связи, значимые на $p = 0,01$; полужирная линия – связи, значимые на $p = 0,05$; пунктиром обозначены отрицательные связи.

На основе этого, далее, определялись величины индексов структурной организации. Так, для подгруппы среднерефлексивных индивидов индекс когерентности равен 27 баллам, индекс дивергентности – 3 баллам, а индекс общей организованности – 24 баллам. Для подгруппы высокорефлексивных индивидов индекс когерентности равен 29 баллам, индекс дивергентности – 12 баллам, а индекс организованности – 17 баллам. Кроме того, подсчет этих же индексов для подгруппы низкорефлексивных индивидов дал следующие результаты: ИКС = 12, ИДС = 4, ИОС = 8. Все эти результаты могут быть представлены в графической форме. Так, на рис. 28 отображена сравнительная динамика изменения индексов когерентности, дивергентности и организованности в зависимости от изменения уровня рефлексивности.

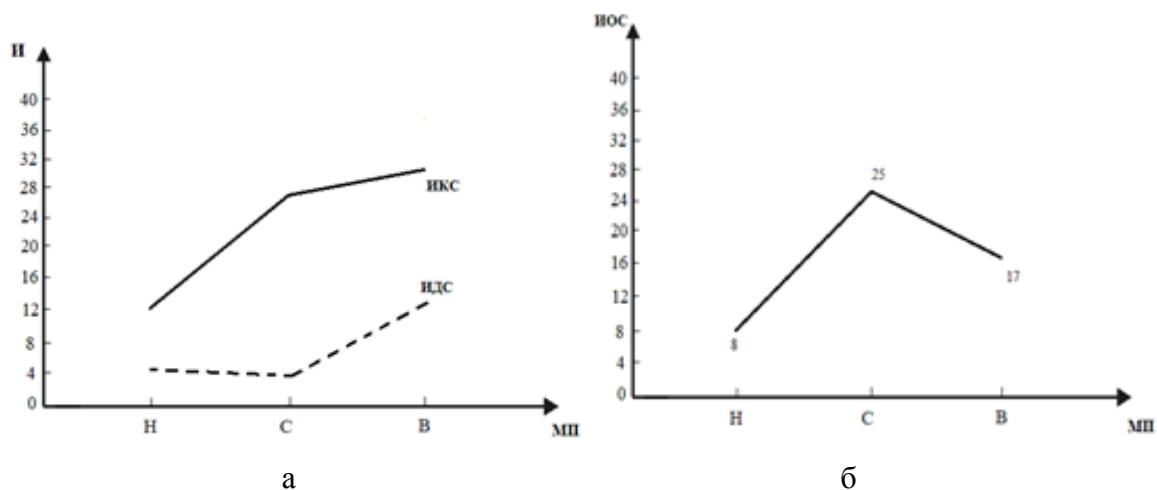

Рис. 28. Зависимости: (а) – значений индексов когерентности (сплошная линия) и дивергентности (пунктирная линия); (б) – общей организованности подсистем от величины метакогнитивного потенциала. *Обозначения:* Н, С, В – подгруппы с низким, средним и высоким значением метакогнитивного потенциала.

Можно видеть, что при возрастании метакогнитивного потенциала увеличивается мера интегрированности и дивергентности (дифференцированности) структуры основных подсистем. Однако, темпы их роста различны на разных интервалах его общего континуума. Вначале явно доминирует тенденция к их прогрессирующей интеграции, а при высоких значениях метакогнитивного потенциала начинает доминировать дифференцирующая тенденция. Она выступает здесь уже как вполне самостоятельная, дополняя тем самым интегративную функцию. Следовательно, можно сделать существенное в плане основных задач данной работы заключение: при переходе от средних значений рефлексивности к высоким значениям в ее структуре все более явное место начинают занимать дифференцирующие тенденции. Это, в свою очередь, позволяет выявить дополнительные особенности и закономерности.

Действительно, очень показательным является то, что обе установленные зависимости, взятые в их синтезе друг с другом, находят свое проявление в наиболее обобщенном и значимом показателе степени структурированности параметров метакогнитивной сферы – в индексе *организованности*. В этом плане ключевое значение имеет то, что его динамика носит уже отмеченный нами по отношению к связи рефлексивности и эффективности деятельности характер инвертированной U-образной кривой; она также является зависимостью «типа оптимума» (см. рис. 19). Это означает, что наибольшая организованность основных подсистем метакогнитивной сферы имеет место не на минимальных, но и не на максимальных уровнях ее общего развития, а на некоторых проме-

жуточных, средних значениях. Именно средний, а другими словами – оптимальный уровень метакогнитивного потенциала может поэтому рассматриваться как наиболее действенный для развертывания совокупности организационных средств по отношению к основным параметрам метакогнитивной сферы.

Таким образом, с достаточно высокой степенью очевидности вскрывается наиболее принципиальный факт. Он состоит в том, что, с одной стороны, наибольшая степень структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы имеет место на среднем уровне ее развития. Однако, с другой стороны, аналогичная или даже – практически тождественная зависимость выявляется и по отношению к связи уровня рефлексивности с эффективностью деятельности в целом. Как можно было видеть, она также носит характер инвертированной U-образной кривой, а максимальные значения «внешнего критерия» – эффективности деятельности также сопряжены именно со средним уровнем развития рефлексивности. Все это означает, что именно средства и механизмы структурной организации метакогнитивных процессов и качеств, то есть, фактически, степень их соорганизованности (а не общий уровень их развития, то есть не их абсолютные значения и не их простая сумма) как раз и является *наиболее* значимой детерминантой обеспечения эффективности всей деятельности в целом. Кроме того, эти данные вскрывают еще более имплицитный, но одновременно и более важный факт. Он состоит в том, что общий уровень метакогнитивного потенциала может при его относительно наиболее высоких значениях ингибировать эффективность деятельности, что и проявляется в охарактеризованной выше зависимости «типа оптимума». Однако, степень структурной организации тех основных метакогнитивных подсистем, которые лежат в ее основе, связана с эффективностью деятельности уже принципиально иной – прямой зависимостью. Следовательно, эффективность управленческой деятельности определяется не столько общим уровнем метакогнитивного потенциала, а тем, насколько он является внутренне организованным, структурированным. Эффекты структурного типа оказываются не менее, а еще более важными и действенными, чем детерминация деятельности со стороны его общей степени выраженности. Кроме того, эти эффекты оказывают на нее и более непосредственное, и более явное (именно прямое) воздействие, поскольку связаны с ее эффективностью именно прямо пропорциональной связью.

При интерпретации полученных данных следует обязательно учитывать, что выявленная зависимость (равно, впрочем, как и ряд уже представленных

выше) была определена на основе диагностики индивидуальной степени развития не только самой рефлексивности, а на основе определения выраженности общего метакогнитивного потенциала в целом. Этот показатель дает именно интегральную оценку всей метакогнитивной сферы личности. Он, как показано выше, характеризуется существенно большей гетерогенностью и множественности входящих в него структур и образований, нежели только рефлексивность. Однако еще более важно то, что он имеет и более сложное строение – собственную структуру, поскольку, как показано выше, включает в себя закономерным образом организованную совокупность основных метакогнитивных процессов и образований, качеств и иных «составляющих». Это, собственно говоря, и позволило выявить ключевой в плане объяснения данной зависимости результат. Он, напомним, состоит в том, что наибольшая структурированность (и, соответственно, организованность всей метакогнитивной сферы) имеет место на тех значениях общего метакогнитивного потенциала, который характеризуется наибольшей эффективностью. Это, в свою очередь, вскрывает факт наиболее принципиального плана: значения «внешнего критерия», то есть эффективность деятельности, определяются не столько абсолютной величиной метакогнитивного потенциала, сколько степенью ее структурной организации.

Данное обстоятельство находит проявление, а одновременно и прямое подтверждение еще в одном – также эмпирически установленном результате. Он состоит в том, что сопоставление матриц интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в подгруппах средне- и высокорефлексивных индивидов на их гомогенность-гетерогенность по критерию χ^2 выявило их статистически достоверную ($p = 0,05$) разнородность. Следовательно, в этих подгруппах общие структуры метакогнитивных параметров являются разнородными – качественно отличными друг от друга, а не только различающимися в степени их организованности, структурированности (то есть количественно). В силу этого, можно заключить, что наиболее сильной детерминантой эффективности деятельности выступает именно характер и содержание структурной организации, которая присуща метакогнитивной сфере на разных уровнях развития метакогнитивного потенциала. Изменения этого содержания – его качественные трансформации структуры метакогнитивной сферы, являются причиной изменений ее количественных характеристик (структурных индексов), а также оказывают непосредственное воздействие и на эффективность деятельности.

Тем самым, находит свое вполне логичное и, главное, подкрепленное конкретными эмпирическими данными объяснение та – многократно установленная и зафиксированная феноменологически связь, которая существует между рефлексивностью руководителя и эффективностью его деятельности. При этом следует особо подчеркнуть, что данное объяснение сопряжено именно с уровнем достаточно имплицитных средств и механизмов психического обеспечения деятельности – с эффектами и механизмами структурной организации основных подсистем метакогнитивной сферы и, соответственно, – базовых парциальных компонентов самой рефлексивности. Другими словами, такой способ объяснения полностью удовлетворяет тому критерию, который был сформулирован выше: объяснение должно предполагать переход с феноменологического уровня (то есть уровня явлений) на уровень сущностных детерминант и факторов, которые, собственно говоря, и лежат в основе самой феноменологии. Все это вскрывает следующий принципиальный, на наш взгляд, факт: объяснение этой – очень общей закономерности может быть достаточно глубоким лишь тогда, когда вскроет ее реальные детерминанты; когда в качестве объяснительного средства будет рассматриваться именно метакогнитивная сфера личности в целом, равно как и ее результирующий эффект – степень выраженности метакогнитивного потенциала. Следовательно, именно он должен выступить той «переменной», в отношении которой фиксируется эта зависимость. Другими словами, изученная ранее переменная «уровень рефлексивности» должна быть существенно детализирована и конкретизирована – представлена в качестве новой «переменной» – как общий метакогнитивный потенциал личности. Сама рефлексивность, хотя, конечно, также входит в него и, более того, образует его очень существенную часть, все же не исчерпывает его. Он включает в себя еще целый ряд очень важных, но не учитываемых пока в должной мере параметров метакогнитивного плана. Наряду с этим, важно и то, что он позволяет дать им не суммативное – не агрегативное, а именно интегративное представление, то есть выявить их как организованную структуру основных компонентов.

Далее, как можно видеть из представленных результатов, по мере увеличения «независимой переменной» – степени выраженности метакогнитивного потенциала закономерным образом изменяется не только «зависимая переменная» (то есть значения эффективности деятельности), но и столь же очевидным образом изменяется величина разброса ее значений. Иными словами, при увеличении метакогнитивного потенциала возрастает степень вариативности са-

мой этой – базовой и, повторяем, прочно установленной закономерности. Тем самым, однако, вывялятся принципиально новый факт. Он состоит в том, что зависимость эффективности управленческой деятельности от выраженности метакогнитивного потенциала является не абсолютной, а *относительной*. Причем, наиболее интересно то, что эта относительность проявляется «в отношении самого же этого потенциала» – он своими собственными изменениями опосредствует то, с какой степенью определенности будет проявляться сама эта зависимость. Его возрастание выступает не только фактором, опосредствующим влияние метакогнитивного потенциала на эффективность деятельности, но и фактором, «смазывающим» – диверсифицирующим и, следовательно, затушевывающим ее. Он придает ей более вариативный – размытый характер.

В свою очередь, именно этот результат позволяет достаточно естественным образом объяснить ряд хорошо и давно известных фактов, а также снять целый ряд вопросов и «возражений». Их смысл, как известно, состоит в том, что сама по себе эта зависимость (равно, впрочем, как и аналогичная ей зависимость, отраженная в «кривой Гизелли» [377]) зачастую вызывает и неприятие, и возражения, и даже отторжение по той причине, что не вполне укладывается в обыденные представления. Вместе с тем, более глубокая и сильная причина этого состоит в том, что она *действительно* нередко не выполняется в ее рельефной форме, поскольку носит принципиально диверсифицированный характер. Более того, мера ее вариативности как раз и возрастает пропорционально величине самого метакогнитивного потенциала. Иными словами, именно на тех его уровнях, которые обычно и провоцируют дискуссии относительно ее существования, она представлена в менее выраженной форме, что еще более усугубляют сомнения в ней. Все это – хотя и более сложная и «неудобная» с точки зрения исследовательских задач, но именно реальность, которую нельзя игнорировать, но которую, напротив, следует понять и принять.

В связи с этими результатами, возникает ряд новых и очень значимых вопросов, общий смысл которых состоит в следующем. Почему именно эффекты структурного типа, а также средства и механизмы «организационного» плана оказываются настолько значимыми? В чем так сказать «механизм самого этого механизма»? Как может быть объяснено установленное выше соответствие (фактически, изоморфизм) зависимости «внешнего критерия» – эффективности деятельности от степени метакогнитивного потенциала, с одной стороны, и динамики структурной организации системы параметров метакогнитивной сферы

от него же, с другой? На наш взгляд, можно предложить следующий вариант решения всех этих и аналогичных им вопросов.

В наиболее общем плане все они, в конечном итоге, являются объективным следствием действия интегративных механизмов и возникающих при этом синергетических эффектов. Последние, в свою очередь, со столь же объективной необходимостью приводят к формированию особой категории качеств – *системных*. В результате этого порождаются закономерные эффекты *супераддитивности*, смысл которых состоит в «выходе» за пределы простой суммы функциональных (и иных) возможностей и характеристик самих интегрируемых компонентов. Все это и приводит к существенному увеличению общего функционального потенциала системы (в чем вообще и заключается основной смысл и главное предназначение интегративных механизмов и системных качеств). В свою очередь, это является очень позитивным с точки зрения расширения когнитивного потенциала субъекта, а также увеличения его общих ресурсных возможностей по организации деятельности.

Однако, при высоких и особенно – при очень высоких степенях интегрированности все это становится также максимально выраженным. При этом следует учитывать, что – на фоне сказанного – сохраняется, конечно, и «автономное» воздействие каждого из метакогнитивных параметров на реализацию управленческой деятельности. В результате происходит объединение двух типов метакогнитивных детерминант – аналитических и структурных (то есть со стороны каждого метакогнитивного параметра «в отдельности» и их суммативного влияния, а также со стороны структурных эффектов их интеграции). Как следствие этого, общая степень детерминирующего влияния метакогнитивной сферы на реализацию деятельностных функций становится очень высокой. Метакогнитивные процессы и качества, контроль ими деятельностных функций выходит на первый план и начинает ингибировать их.

Все это находит проявление и подтверждение в ряде важнейших результатов и феноменов, установленных в метакогнитивизме и отмеченных выше. В наиболее общем виде это и проявляется в том, что эффективность управленческой деятельности связана с индивидуальной мерой развития рефлексивности «отношениями оптимума» (а не максимума). Вместе с тем, данный результат одновременно и *объясняет*, почему именно они существуют, то есть позволяет дать им структурно-психологическую интерпретацию. Все они выступают с

этих позиций как частный случай общих структурно-психологических закономерностей субъектной детерминации деятельности.

Далее, при дальнейшей содержательной спецификации объяснения полученных результатов с высокой степенью очевидности выявляется еще одна группа фактов, способствующая этому. Напомним, что в общем плане она уже была частично рассмотрена выше, а ее сущность состоит в том, что высокий уровень развития многих метакогнитивных параметров тесно связан («сцеплен») с целым рядом иных качеств, которые уже непосредственно и отрицательно влияют на реализацию интеллектуальных функций. Так, в частности, рефлексивность значимо коррелирует с нейротизмом, который, в свою очередь, во многих реальных – экологически валидных ситуациях является сильным ингибитором важных деятельностных функций [129]. Далее, установлено, что существует зависимость степени развития психологических защит личности от уровня развития ее метакогнитивных качеств [48]. Известно, однако, что их гипертрофированная представленность также выступает достаточно мощным ингибитором деятельностных функций, обуславливая в итоге относительно более низкий уровень ее эффективности. Показано также, что высокий уровень рефлексивности является мощным фактором психического выгорания, которое негативно влияет на реализацию как когнитивных функций, так и профессиональной деятельности [48, 204].

Наряду с этим, следует, конечно, учитывать и еще одну причину снижения эффективности деятельности при высоких значениях метакогнитивного потенциала. Как можно видеть из представленных выше данных, именно при высоких значениях в его структуре очень явно представлены, наряду с интегративными – «организационными» тенденциями, и противоположные – дезорганизационные. Они проявляются в резком увеличении (более чем в 3 раза) отрицательных связей между основными подсистемами метакогнитивной сферы. Однако, совершенно понятно и вполне естественно, что именно эти – отрицательные, дезоптимизационные отношения не могут не оказывать аналогичного, то есть также негативного влияния и на показатели «внешнего критерия», то есть на эффективность деятельности.

В более общем плане интерпретация полученных результатов предполагает необходимость обращения к еще одному – пожалуй, наиболее принципиальному аспекту рассматриваемой проблемы. Он состоит в установленной на материале самых разных видов и даже типов профессиональной деятельности

прямой зависимости «внешнего критерия» (результативных параметров) именно от степени организованности ее субъектных детерминант. В функции таких детерминант могут выступать индивидуальные качества и характеристики субъекта деятельности разного уровня обобщенности – прежде всего, разумеется, профессионально-важные качества. Однако, как следует из представленных выше результатов, равно как и из данных, рассмотренных в других разделах, именно это же обнаруживается и по отношению к функциональной роли самой метакогнитивной сферы личности как комплексной субъектной детерминанте управленческой деятельности. Максимум ее эффективности сопряжен с максимумом выраженности самих «организационных эффектов», имеющих место в этой сфере. Однако, существует очень явная и крайне важная специфика этой зависимости по отношению именно к метакогнитивной сфере, отличающая ее влияние от многих иных субъектных детерминант. Максимум «организационных эффектов» сопряжен не с максимальной выраженностью степени ее развития, а с некоторыми, хотя и достаточно высокими, но все же не максимальными значениями. В этом находит свое проявление еще одна грань действительной сложности метакогнитивной детерминации управленческой деятельности

Наконец, при интерпретации полученных результатов необходимо учитывать и еще одно обстоятельство достаточно общего, а потому – важного характера. Психологическая специфика всех метакогнитивных процессов и качеств состоит в том, что они являются осознаваемо регулируемые (хотя иногда, как мы отмечали выше, высказывается предположение, согласно которому некоторые из них могут носить и неосознаваемый характер [447]). Вместе с тем, нельзя отрицать важнейшего факта: они в основной своей массе не только и «не просто» направлены на контроль за реализацией деятельностных функций, но характеризуются именно осознаваемым, то есть *субъектно* контролируемым характером. Они субъектны, а потому и *субъективны*. В силу этого, в самой их природе заложена принципиальная возможность «отхода» от объективности действия тех – собственных закономерностей и механизмов, на основе которых базируется психическая регуляция деятельности. Однако отсюда с необходимостью следует, что они могут быть либо более адекватны задачам организации и реализации деятельностных функций, либо менее адекватны им. Во втором случае субъектный контроль во все большей мере трансформируется в субъективный, а, следовательно, – и не вполне объективный. Две категории психических детерминант реализации деятельности (объективные и субъект-

ные) могут интерферировать друг с другом, что и выступает ингибитором эффективности деятельности. Именно это и проявляется при высокой степени метакогнитивного контроля в целом и, прежде всего, при высоких значениях структурной организации метакогнитивных параметров. Поэтому метакогнитивный контроль деятельности функций, выступая атрибутивно осознаваемым и являясь очень положительным фактором на достаточно большом интервале меры его выраженности, может, однако, трансформироваться в свою противоположность при его очень высокой мере.

Таким образом, на основе данного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, оно показало, что изменения индивидуальной степени выраженности метакогнитивного потенциала закономерно связаны со структурными перестройками общей организации основных метакогнитивных подсистем. При его возрастании имеет место повышение степени как их интегрированности, так и дифференцированности (дивергентности). Во-вторых, соотношение интегрирующих и дифференцирующих тенденций в общей структурной организации метакогнитивной сферы различно при разной степени развития метакогнитивного потенциала. При его средней степени доминируют интегративные (организационные) тенденции, способствующие ее структурированности. Однако при его превышении все более начинает доминировать тенденция к их дивергентности, что, в свою очередь, приводит к нарастанию ее дезорганизации. В результате этого, максимальная степень структурной организации основных метакогнитивных подсистем имеет место при некоторой, хотя и достаточно высокой, но все же не максимальной, а средней, то есть, фактически, оптимальной степени развития метакогнитивного потенциала личности. В-третьих, общая степень выраженности метакогнитивного потенциала, на котором имеет место наибольшая степень ее структурной организации, практически идентична той степени, при которой эффективность «внешнего критерия» — эффективности управленческой деятельности принимает наибольшие значения. Следовательно, есть достаточные основания считать, что именно условие высокой степени структурной организации основных метакогнитивных подсистем является более значимой детерминантой самой этой эффективности, нежели общий уровень развития метакогнитивного потенциала в целом. В свою очередь, это означает, что в качестве очень важной, но остававшейся пока не раскрытой, детерминантой эффективности деятельности выступает, наряду с абсолютным уровнем развития этого потенциала, также степень его структурной

организации, состоящая в том, каким образом и с какой степенью сорганизованы основные метакогнитивные подсистемы. Установленные эмпирически эффекты «организационного» плана и структурообразующего характера, по-видимому, являются следствием интегративных механизмов и возникающих при этом синергетических эффектов. Они с объективной необходимостью приводят к формированию особой категории качеств – системных. В результате порождаются закономерные эффекты супераддитивности, смысл которых состоит в «выходе» за пределы простой суммы функциональных возможностей самих интегрируемых компонентов – в данном случае основных метакогнитивных подсистем, образующих в своей совокупности общий состав метакогнитивной сферы личности.

В заключение отметим также, что в ряде выполненных ранее исследований было установлено, что те закономерности, которые были рассмотрены выше и установлены по отношению к управленческой деятельности в целом, имеют место и по отношению к ее отдельным «составляющим». Так, они установлены по отношению к ее основным функциональным блокам – в частности, к важнейшему для управленческой деятельности блоку принятия решений [133]. Кроме того, в одной из наших работ было показано, что аналогичные закономерности имеют место и по отношению к еще одной также очень значимой для деятельности функции – контрольной [134]. Все эти и иные, сходные с ними результаты позволяют сделать вывод о том, что такого рода закономерности носят, действительно, общий характер; они присущи как деятельности в целом, так и ее основным «составляющим».

* * *

Следующим основным аспектом реализации общего цикла исследований, направленного на выявление и объяснение закономерностей функционального типа, имеющих место во взаимосвязи метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности и самой этой деятельности, выступило изучение *стилевых* особенностей ее реализации. При этом следует учитывать, что само понятие индивидуально-стилевых различий имеет по отношению к управленческой деятельности широко известную, прочную и общепринятую конкретизацию. Оно специфицируется до понятия *общеуправленческих* стилей (или стилей руководства), в результате чего обычно выделяются три «классических» стиля (авторитарный, демократический или коллегиальный и попустительский). Тем самым, данный аспект предстает и как один из наиболее специ-

фичных для всей управленческой проблематики. Он во многом вообще репрезентирует исследования в этой области.

Вместе с тем, по отношению к данному аспекту имеются еще, как минимум, две важные теоретические предпосылки его постановки и актуальности его исследования. Во-первых, практически все процессы и образования, структуры и феномены метакогнитивного плана имеют итоговые – результативные проявления и эффекты, а тем самым выступают как параметры функционирования субъекта, то есть как его качественные характеристик, как субъектные качества. Это в самом непосредственном смысле относится и к категории метакогнитивных *качеств*. В силу этого, вся метакогнитивная сфера раскрывается и как система субъектных детерминант организации деятельности. Однако, столь же известно, что именно категория субъектных детерминант является основной и ключевой в плане раскрытия особенностей и закономерностей формирования и функционирования стилей как таковых. Это и делает такую постановку данной проблемы максимально соответствующей и духу метакогнитивизма, и общему смыслу стилевого направления в целом. Во-вторых, столь же известно, что сама суть факторов метакогнитивного плана сопряжена, прежде всего, именно с процессуальными – стратегическими, а не с результативными проявлениями деятельности. Они значительно сильнее детерминируют именно ее процессуальную сторону, а в ее результативных показателях проявляются более опосредствованно и менее явно. Иными словами, это означает, что они также в наибольшей мере предстают как именно процессуальные, то есть собственно стилевые детерминанты (хотя, конечно, сохраняют и свою роль факторов собственно результативного плана).

Однако, несмотря на все эти – достаточно явные и существенные предпосылки для постановки проблемы метакогнитивных детерминант общеуправленческих стилей, она не просто исследована недостаточно, но, фактически, даже не сформулирована как самостоятельная. Она выступает еще одной областью исследовательских «дефицитов», которыми, как мы неоднократно отмечали, характеризуется ситуация на стыке психологии управления и метакогнитивизма. Совершенно очевидно, однако, что эту проблему все же необходимо начинать разрабатывать: есть все основания полагать, что столь сильные и комплексные факторы, каковыми выступают факторы метакогнитивного плана, которые, к тому же непосредственно локализованы на высшем – осознаваемом уровне регуляции деятельности, могут оказывать существенное влияние на

формирование и функционирование общеуправленческих стилей. В силу этого, выполненное исследование и было направлено на попытку ее изучения.

Оно было организовано следующим образом. Вначале выборка ($n = 110$) включающая руководителей среднего и низового звена ряда государственных и коммерческих предприятий и фирм как производственного, так и сервисного профиля гг. Москвы, Ярославля и Рыбинска была продиагностирована на предмет стилевых различий их деятельности. В этих целях реализовывалась методика А.Л. Журавлева – А.П. Захарова [75]. В результате выборка была дифференцирована на три подгруппы – в соответствии с тремя основными общеуправленческими стилями. При этом необходимо подчеркнуть, что те испытуемые, которые дали либо «неопределенный диагноз», либо не обнаружили стабильных стилевых различий, исключались из дальнейшей обработки. В результате этого исходная выборка подверглась определенному сокращению (до $n = 82$), которое, однако, явилось и средством повышения степени корректности его организации. Далее по отношению ко всем испытуемым была реализована разработанная нами методика КОМП, позволяющая определить не только степень выраженности общего метакогнитивного потенциала в целом, но также и меру выраженности всех восьми основных метакогнитивных подсистем, которые его и образуют (их подробная характеристика представлена в параграфе 2.3.1.). Наконец, все испытуемые были обследованы и на предмет выявления у них индивидуальной меры выраженности ряда основных метакогнитивных параметров. В этих целях были продиагностированы следующие параметры (с указанием использованных методик).

1. Методика «Метакогнитивной включенности в деятельность» (Metacognitive Awareness Inventory – MAI (по [121])).

2. Методика диагностики рефлексивности, включающая субшкалы определения ретроспективной рефлексивности, рефлексии настоящего, рефлексии будущего, а также интегральную оценку развития рефлексивности [129].

3. Методика определения уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта, включающая субшкалы ауторефлексии и социорефлексии (по [121]).

4. Методика «Самооценки метакогнитивного поведения» Д. ЛаКоста (по [121]).

5. Разработанная нами методика определения уровня развития метамышления [113], а также методика диагностики уровня развития метапамяти [130].

6. Методика Д. Эверсон на диагностику меры и характера метакогнитивного мониторинга в части двух субшкал – «планирование действий» и «самопроверка» (в обозначениях шкал сохранена авторская терминология) (по [121]).

7. Методика Р. Фелдер и А. Саломон для диагностики рефлексивности как фактора обучаемости (субшкала «активность – рефлексивность»).

8. Методика MSLQ, направленная на диагностику уровня сформированности мотивационных метакогнитивных стратегий.

Затем все полученные результаты были подвергнуты стандартной процедуре обработки и интерпретации, предусмотренной методологией структурно-психологического анализа. Это означает, что были рассчитаны матрицы интеркорреляций, причем, – на двух разных массивах данных. Вначале – по отношению к отдельным *параметрам* метакогнитивной сферы, а затем – по отношению к ее основным *подсистемам* (соответствующие матрицы представлены в Приложениях 26, 27). Данное обстоятельство имеет принципиальное значение и объясняется следующим. Анализ отдельных параметров метакогнитивной сферы личности (то есть ее отдельных компонентов) означает ее исследование на том уровне общей организации, который был обозначен выше как компонентный. В свою очередь, анализ основных подсистем, из которых, в конечном итоге, она и синтезируется, эквивалентен исследованию качественно иного уровня ее организации – субсистемного. За счет этого в исследовании было реализовано комплексное изучение данной проблемы одновременно на двух важнейших уровнях организации метакогнитивной сферы – компонентном и субсистемном. Очень показательным также, что выявленные особенности и закономерности оказались весьма сходными на обоих этих уровнях – причем, не только по их принципиальному смыслу и общей направленности, но даже и в относительно частных аспектах. В силу этого, в целях их характеристики остановимся только на одном из уровней – более обобщенном и, следовательно, более значимом – на субсистемном.

На основе полученных матриц строились структурограммы значимо коррелирующих отдельных метакогнитивных параметров, с одной стороны, и основных метакогнитивных подсистем, с другой. После этого матрицы и обрабатывались по системе основных структурных индексов, а также посредством критерия, служащего для определения степени их гомогенности-гетерогенности. В итоге реализации всех этих методов были получены следующие основные

результаты. Так, на рис. 29 изображены структурограммы основных метакогнитивных подсистем для представителей трех общеуправленческих стилей.

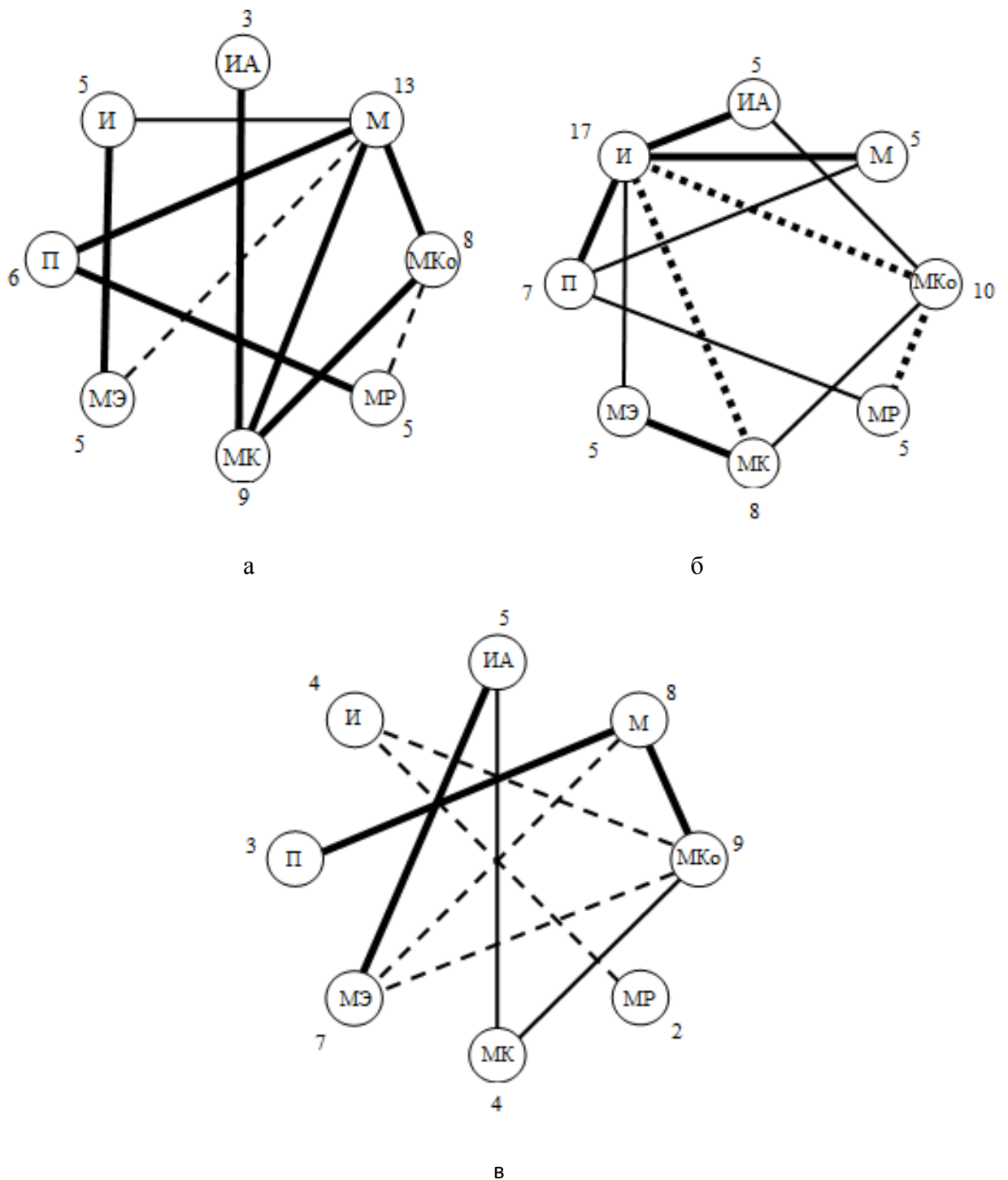

Рис. 29. Структурограммы основных подсистем метакогнитивной сферы для групп руководителей демократического (а), авторитарного (б) и попустительского (в) стилей; *Обозначения* те же, что на рис. 27.

На рис. 30 представлено соотношение значений основных структурных индексов для всех трех подгрупп, включавших представителей разных стилей.

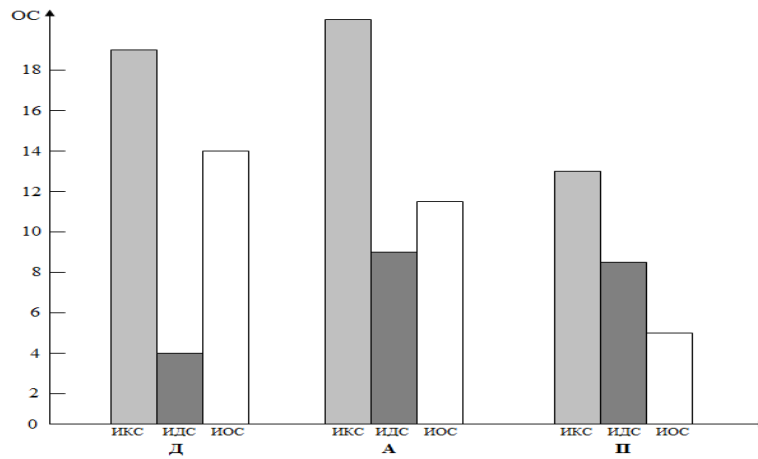

Рис. 30. Значения индексов структурной организации метакогнитивных параметров для демократического (Д), авторитарного (А) и попустительского (П) стилей. И – значения структурных индексов

Анализ этих результатов позволяет сделать следующие основные заключения. Во-первых, для разных стилей различны и значения структурных индексов (индексов интегрированности, дифференцированности и общей организованности). Однако сравнительная степень их изменений существенно различна – в значительно большей мере представлены изменения именно индекса интегрированности. И именно его изменениями в существенно большей степени детерминирована динамика наиболее общего и важного структурного индекса, показывающего общую организованность структуры основных метакогнитивных подсистем. Следовательно, в основе структурной детерминации стилевых различий метакогнитивными подсистемами лежат, прежде всего, интегративные средства и механизмы, а не средства дифференциального типа. Данное обстоятельство, в свою очередь, выявляет факт принципиального плана, одновременно служащий и его объяснительным средством. Именно интеграция – комплексирование субъектных детерминант, в том числе и тех, которые рассмотрены выше, являются объективной предпосылкой и важнейшим условием для возможности установления между ними отношений компенсаторного типа, которые во многом лежат в основе формирования стилей.

Во-вторых, в подгруппах, выделенных на основе стилевых различий, не только достаточно ощутимо меняется величина этих индексов и, повторяем, прежде всего, наиболее показательного из них – индекса организованности. Дело еще и в том, что эти различия закономерным образом связаны со сравнительной мерой эффективности самих стилей. Так, можно видеть, что подгруппа испытуемых, принадлежащих к демократическому стилю, рассматриваемому

обычно как оптимальный, характеризуется одновременно и относительно наибольшим значением ИОС. Несколько меньше величина ИОС (причем, не вполне значимо в статистическом отношении, то есть лишь на уровне тенденции ($p = 0,20$) в подгруппе, характеризующейся авторитарным стилем. Третья подгруппа, включающая лиц с наименее эффективным стилем – попустительским, характеризуется существенно меньшим значением ИОС. Данный результат позволяет выявить важную, на наш взгляд, закономерность: эффективность управленческих стилей является функцией от степени интегрированности основных метакогнитивных подсистем. Причем, скорее всего, «активным началом» в этой функциональной связи выступают не сами метакогнитивные подсистемы и средства их структурообразования, а именно стили. Дело в том, что они формируются по влиянию существенно более мощных детерминант собственно личностного плана. Тем не менее, факт остается фактом: организованность метакогнитивной сферы существенно различна при различных общеправленческих стилях. Чем они более эффективны, тем выше мера организованности основных метакогнитивных подсистем.

В-третьих, определенный интерес представляет и еще один результат, который следует из так сказать «попарного сравнения» найденных структур. Так, по отношению к структуре метакогнитивных подсистем, найденных для авторитарного стиля, весьма отчетливо выявляется факт важной функциональной роли в ней одной из подсистем, которая была обозначена в параграфе 2.3.1. понятием ингибиторной подсистемы. Напомним, что она имеет целый ряд важных причин своего возникновения именно в управленческой деятельности, а также направлений влияния на нее, общий смысл которых также раскрыт в параграфе. Он состоит в минимизации функциональной роли рефлексивных средств и механизмов организации деятельности, а зачастую – и в их произвольной блокаде. Однако можно видеть, что именно этот характер и направленность данной подсистемы как нельзя более полно, точно и вообще – естественным образом соответствует сути авторитарного стиля как такового. Следует учитывать также, что высокая выраженность ингибиторной подсистемы отнюдь не всегда, а на деле – достаточно редко выступает фактом отрицательного плана; как раз напротив, во многих случаях она играет позитивную роль (данный вопрос также был подробно рассмотрен нами в параграфе 2.3.1.). Она является нередко одним из факторов обеспечения эффективности управленческой деятельности, особенно в жестких и (или) экстремальных условиях ее реализации.

В этой связи очень показательным, что степень организованности структуры метакогнитивных подсистем в группе лиц с авторитарным и с демократическим стилем оказалась, как отмечалось, очень близкой. Это как раз и свидетельствует о сопоставимости или даже о сходстве этих стилей в плане их эффективности.

Вместе с тем, по отношению к сравнению двух других «пар» обнаруживается существенно иная картина. Так, для структур метакогнитивных подсистем, соотносящихся с демократическим и попустительским стилями, не было выявлено ни одной подсистемы, отчетливо доминирующей над всеми остальными (как это характерно для авторитарного стиля), то есть являющейся базовой в них. Для этих структур, напротив, характерна относительная паритетность – равномерность их представленности и, соответственно, их функциональной роли в обеспечении метакогнитивной регуляции в целом. Однако, на фоне этой общей для них особенности (которая одновременно отличает обе их от организации структуры, соотносящейся с авторитарным стилем), они характеризуются иным – пожалуй, еще более существенным различием. Это – различия в степени организованности, проявляющиеся в существенно разных величинах ИОС. Причем, этот индекс выше именно в той подгруппе, которая характеризуется принадлежностью к более эффективному стилю – демократическому. Данный результат вновь, но уже в ином плане выявляет все ту же наиболее принципиальную закономерность: эффективность стиля напрямую связана со степенью организованности основных метакогнитивных подсистем. Причем, и в этом плане, по-видимому, роль «активного начала» в этой функциональной связи опять-таки выполняет стиль как образование, формирующееся под влиянием относительно наиболее мощных – собственно личностных детерминант. Вместе с тем, по-видимому, и факторы метакогнитивного плана могут оказывать значимое обратное влияние на реализацию стиля, прежде всего, на его коррекцию и ситуационные трансформации. К этому вопросу мы обратимся несколько позже.

В-четвертых, сравнения найденных для каждого стиля матриц интеркорреляций основных метакогнитивных подсистем по критерию χ^2 на предмет их гомогенности-гетерогенности показало их статистически значимую разнородность. Данный результат, на наш взгляд, следует рассматривать вообще как наиболее принципиальный. Он с высокой степенью рельефности выявляет то, что в основе реализации общеуправленческих стилей лежат не отдельные – пусть важные, но все же частные метакогнитивные параметры и даже не их со-

вокупность, а определенным образом организованные *структуры* основных метакогнитивных подсистем. Они являются различными не только в мере – количественно, но и в более принципиальном плане – качественно. Это не «одна и та же» инвариантная структура, принимающая разные степени организованности в зависимости от доминирующего стиля, а разные структуры. Следовательно, управленческие стили имеют собственно *структурную*, а не аналитическую детерминацию в плане тех метакогнитивных факторов, на основе которых они реализуются. Основные общеуправленческие стили имеют свой – специфичный каждому из них «паттерн» метакогнитивных факторов, их структуру. Эти структуры качественно различны, отражая в себе (а частично и объясняя) содержательные особенности каждого основного общеуправленческого стиля.

Вместе с тем, констатируя эти достаточно общие и значимые закономерности, недопустимо и схематизировать ситуацию, не допускать неоправданной гиперболизации роли факторов метакогнитивного плана. Напротив, их оценка должна быть взвешенной и адекватной; она должна учитывать относительную подчиненность «силы» их влияния более мощным факторам собственно личностного плана, которые являются ведущими детерминантами существования стилевых различий. Причем, истинное значение и действительный смысл влияния факторов метакогнитивного плана заключается не только и даже не столько в их *прямом* действии, сколько в том, что они *опосредствуют* действие многих иных, в том числе и личностных детерминант.

* * *

Далее, еще одним – широко традиционно обсуждаемым вопросом психологии управления и теории (и особенно практики) менеджмента является проблема *половых* различий управленческих способностей. Она имеет целый ряд аспектов и формулировок, а главное ее содержание может быть охарактеризовано следующим проблемным комплексом. Как соотносятся друг с другом способности управленческой деятельности, к реализации функций руководства у мужчин и женщин? Действительно ли мужчины-руководители характеризуются в целом значимо более высоким уровнем их развития? Если да, то в чем причины этого? Существуют ли так называемые «специфически мужские» и «специфически женские» виды управленческой деятельности (а также их стили)? В чем состоят сильные и слабые стороны личности мужчин и женщин-руководителей? Доминирующая точка зрения по данной проблеме в целом достаточно однозначно свидетельствует о выраженных преимуществах мужчин-

руководителей, о более высоком уровне развития их управленческих способностей. Еще более явно в пользу этого свидетельствует реальная практика управления в целом и количественная пропорция мужчин и женщин руководителей, в частности.

Вместе с тем, во многих случаях и в целом ряде аспектов эти взгляды встречаются с систематическими исключениями, причем, настолько частыми, что возникает вопрос об их неслучайности. Более того, накапливается все больше данных, свидетельствующих о преимуществах женщин-руководителей по целому ряду параметров и аспектов управления. В общем виде складывающуюся ситуацию можно охарактеризовать так: чем далее развиваются исследования по этой проблеме и чем глубже становятся осуществляемые разработки, тем менее однозначной становится сформулированная выше – традиционная точка зрения по данному вопросу. Естественно, что данная проблема носит подчеркнуто комплексный характер – она является предельно многоплановой и многоаспектной. В силу этого, она в целом – в ее полном объеме не может, да и не должна быть предметом какого-либо отдельно взятого исследования. Она должна разрабатываться иначе – дифференцированно, но детализировано, а значит – углубленно, по ее основным аспектам. В результате этого постепенно формируется необходимый эмпирический базис, который и составит адекватную основу для обоснованных теоретических обобщений по ней.

Одним из основных и, пожалуй, даже – определяющим среди такого рода аспектов является, разумеется, вопрос о главных детерминантах половых различий, о тех индивидуальных качествах, которые лежат в их основе. В такой постановке данная проблема является частным, хотя и очень важным случаем общего вопроса о дифференциации систем профессионально-важных качеств. Одновременно это и вопрос о профессиональных способностях, являющийся очень важным и традиционным для психологии профессиональной деятельности. Вместе с тем, она, будучи именно такой – «классической», обретает по отношению к сфере управленческого труда и менеджмента выраженную специфику и особую актуальность. По отношению к реалиям современной России она усиливается еще и тем, что по некоторым данным наша страна является лидером по процентному соотношению женщин-руководителей – их доля составляет 47% [145]. В связи со всеми этими и многими иным важными обстоятельствами данный вопрос также был подвергнут самостоятельному исследованию. При этом он, как, был взят не «в целом», а в его, хотя и частном, но все,

же главным, определяющим аспекте – в аспекте исследования именно субъектных детерминант таких различий. Причем, он также был подвергнут дополнительной конкретизации, обусловленной основными целями данной работы, и детализирован до вопроса о выявлении и интерпретации роли факторов метакогнитивного плана как одного из классов субъектных детерминант управленческой деятельности.

При его исследовании следует обязательно учитывать, что степень различий в существующих взглядах и, что еще важнее, – разнообразие получаемых в отношении его исследования эмпирических материалов является, пожалуй, наибольшей. И именно эта неоднозначность как раз и должна рассматриваться как основная проблема, как главный источник вопросов и противоречий, требующих решения и преодоления. Суть этих противоречий состоит в том, что по отношению ко многим типам и видам управленческой деятельности не только не обнаруживается устойчивых и значимых различий между мужчинами и женщинами по целому ряду профессионально-важных качеств, но нередко женщины-руководители имеют более высокий уровень их развития [145]. Это, однако, находится в известном противоречии с более высокой профессиональной успешностью мужчин-руководителей. Известно также, что в настоящее время сформулирован и такой вариант разрешения данного парадокса, который является наиболее обоснованным и, главное, подкрепленным эмпирическими и профессиографическими данными. Он состоит в том, что различия между мужчинами и женщинами-руководителями, действительно, зачастую либо не проявляются в ощутимом и статистически значимом виде по отношению к *отдельно* взятым качествам, либо же эти развития столь незначительны, что они не могут объяснить различий в самой эффективности деятельности (которые, напротив, являются достаточно ощутимыми). Вместе с тем, на уровне *структурной* организации эти различия не только обнаруживаются, но и выявляются с высокой степенью отчетливости. Действительно, как показали исследования, эти различия оцениваются не в процентах, а «в размах» – кратно (см. обзор в [131]). Степень организованности профессионально-важных качеств мужчин-руководителей в среднем в 1,5-2 раза выше, нежели у женщин-руководителей [128, 131]. Следовательно, именно структурные эффекты интеграции отдельных ПВК в значительной мере и лежат в основе тех – существенных и достаточно очевидных различий в качестве реализации управленческой деятельности, которая систематически наблюдается у мужчин и женщин-руководителей.

При этом внешний критерий – бóльшая эффективность управленческой деятельности у мужчин-руководителей опять-таки связана со значимо более высокой степенью организованности, интегрированности структур ПВК. Одновременно по уровню развития отдельных ПВК различия могут не только отсутствовать, но женщины-руководители имеют даже более высокие показатели по некоторым из них.

В связи с этим, проблема исследования должна быть сформулирована следующим образом. Как существующие в настоящее время представления о соотношении аналитической и структурной детерминации управленческой деятельности со стороны индивидуальных качеств могут быть эксплицированы по отношению к такой их специфической категории, как качества (и иные факторы) метакогнитивного плана? Каковы закономерности обусловленности половых различий управленческой деятельности факторами метакогнитивного плана и как они могут быть объяснены, исходя из несомненной специфичности этих факторов? Эти и аналогичные, связанные с ними вопросы стали предметом изучения в специальном цикле исследований.

Оно было организовано следующим образом. Вначале формировалась выборка, уравненная по половому признаку; она включала 80 человек, по 40 каждого пола. По отношению к ним реализовывалась комплексная процедура психодиагностического обследования по 12 основным параметра метакогнитивного плана. Диагностировалось следующих основные параметры (с указанием методик их диагностики):

- Метакогнитивная включенность в деятельность (посредством методики *Metacognitive Awareness Inventory – MAI*).
- Ретроспективная рефлексия, а также рефлексия настоящего, рефлексия будущего и интегральный показатель развития рефлексивности (по методике диагностики рефлексивности [129]).
- Уровень выраженности и направленности рефлексии по субшкалы диагностики ауторефлексии и социорефлексии по методике М. Гранта.
- Самооценка метакогнитивного поведения по методике Д. ЛаКоста.
- Уровень развития метамышления (по разработанной нами методике, а также уровень развития метапамяти ([130]).

– Мера и характера метакогнитивного мониторинга в двух проявлениях – «планирование действий» и «самопроверка» (посредством субшкал методики Д. Эверсон).

– MSLQ – сформированность метамотивационных стратегий.

Далее, по отношению к ним была реализована методика КОМП, что в итоге позволило определить общую степень выраженности метакогнитивного потенциала в целом, а также индивидуальную меру выраженности всех восьми основных подсистем метакогнитивного плана. Иными словами, был реализован тот же методический прием, который уже применялся в ходе одного из описанных выше исследований. Его сущность состоит в том, что исследование проводилось одновременно на двух основных уровнях структурной организации метакогнитивной сферы. Во-первых, на компонентном (уровне отдельных метакогнитивных параметров) и, во-вторых, на субсистемном (уровне основных метакогнитивных подсистем). Такой прием повышает степень обоснованности и, что еще важнее, – меру обобщенности получаемых результатов, а также реализует взаимоверификационные функции по отношению тем результатам, которые оказывается возможным получить на разных уровнях.

Кроме того, поскольку в качестве предметов исследования выступают очень важные и во многом определяющие уровни организации метакогнитивной сферы, то она раскрывается не только комплексно, но именно в своих *основных* аспектах. Подчеркнем, что на обоих этих уровнях было реализовано исследование двух типов – построенное *аналитически* и реализующее принципы *структурного* исследования. Наконец, применялась и процедура экспертной оценки, позволяющая определить значения «внешнего критерия» для каждого испытуемого, что необходимо для выявления функциональных зависимостей эффективности деятельности от степени выраженности метакогнитивных детерминант и особенностей их структурной организации. В итоге реализации охарактеризованной процедуры получены следующие основные результаты.

Вначале был реализован аналитический этап исследования, смысл которого состоит в сравнительном изучении индивидуальной меры выраженности отдельных – основных метакогнитивных параметров и основных метакогнитивных подсистем у мужчин и женщин-руководителей (в этих целях были использованы материалы диагностики испытуемых, участвовавших в исследовании, которое охарактеризовано в параграфе 3.1.). На рис. 31 представлены дан-

ные, полученные в результате такого сравнения; при этом мы исходили из того, что одним из наиболее удачных способов представления такого рода материалов является метод «психологических профилей» (в особенности – в его варианте, обозначаемом как метод «параллельных профилей»).

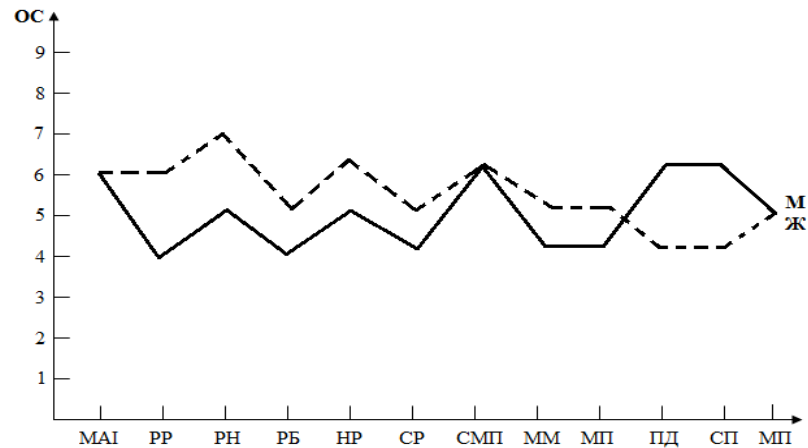

Рис. 31. Сравнительная степень выраженности отдельных параметров метакогнитивной сферы у мужчин (М) и женщин-руководителей (Ж). Пояснения в тексте.

Основной результат, вытекающий из сравнительного анализа этих профилей как по отношению к совокупности отдельных метакогнитивных параметров, так и по отношению к основным метакогнитивным подсистемам, заключается в следующем. Полученные профили, хотя в целом и являются различными, все же, характеризуются различиями в весьма умеренном виде: по отношению к отдельным параметрам значимые различия обнаруживаются лишь по 4 из 12 параметров, то есть лишь в их трети. Аналогичное сравнение, осуществленное по отношению к основным подсистемам, выявило различия лишь в 2 случаях из 8, то есть еще в менее выраженном виде. Своего рода результативным эффектом – обобщенным следствием этого является то, что различия в степени выраженности общего метакогнитивного потенциала (по методике КОМП) оказались не только статистически незначимыми, но и представленными в достаточно умеренном виде. Таким образом, с очевидностью выявляется тот факт, что степень этих различий явно непропорциональна тем – более существенным различиям, которые были обнаружены между этими двумя частями выборки по результатам использования метода экспертной оценки. Другими словами, обнаруживаемые различия в индивидуальной мере развития исследованных качеств отнюдь не таковы, чтобы ими можно было объяснить различия в значениях «внешнего критерия». В результате это и приводит к си-

туации, которая была констатирована выше как наиболее типичная для проблемы субъектных детерминант управленческой деятельности [128]. Другими словами, она должна быть распространена и на сферу собственно метакогнитивных детерминант. Еще важнее, однако, то, что она, по-видимому, должна и решаться по тому же принципу, который был сформулирован по отношению общей ситуации. Смысл этого решения, как показано выше, состоит в том, чтобы перейти от уровня аналитического исследования на структурный и выявить закономерности собственно структурной организации метакогнитивных детерминант управленческой деятельности у мужчин и женщин-руководителей.

В этих целях нами были определены матрицы интеркорреляций факторов метакогнитивного плана – как по отношению к отдельным параметрам (то есть на компонентном уровне организации метакогнитивной сферы), так и по отношению к основным ее подсистемам (они представлены в Приложениях 27 и 28). Для этого также были использованы материалы исследования, представленного в параграфе 3.1.; напомним, что они даны также в Приложении 6. Особо подчеркнем, что, как и предписывается методическими императивами структурно-психологического анализа, определение этих матриц осуществлялось не на всем объеме исходной выборки, а лишь на базе подвыборки с относительно наиболее высоким значением «внешнего критерия» (в данном случае показателей экспертной оценки). Далее, на основе этих матриц были построены структурограммы значимо коррелирующих подсистем (см. рис. 32).

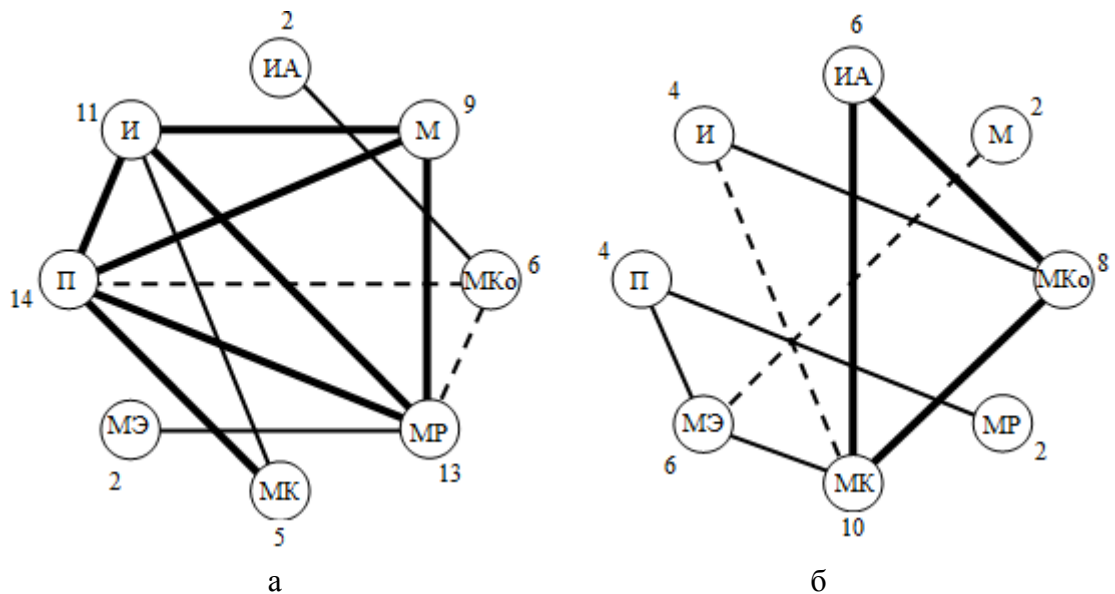

Рис. 32. Структурограммы подсистем метакогнитивной сферы у мужчин (а) и женщин (б) руководителей: *Обозначения те же, что на рис. 30.*

Наконец, по отношению к ним был реализован метод определения индексов структурной организации, а также метод χ^2 для определения степени гомогенности-гетерогенности матриц. Анализ этих результатов позволяет сделать следующие основные заключения.

Во-первых, наиболее явным и, в то же время, наиболее важным результатом выступает наличие достаточно выраженных и значимых в статистическом отношении ($p = 0,05$) различий между выборками, дифференцированными по половому признаку, в степени структурированности – общей организованности исследованных факторов как на уровне отдельных компонентов метакогнитивного плана, так и на уровне основных подсистем. Они в наиболее отчетливой форме проявляются по отношению к сравнительным значениям главного индекса – ИОС. Кроме того, можно видеть, что эти различия в существенно большей степени обусловлены различиями именно величины ИКС, а не ИДС. Следовательно, главную роль в различной степени выраженности «организационных» эффектов, приводящих к разной степени структурированности, играют именно средства и механизмы собственно интегративного плана.

Все это достаточно хорошо согласуется с данными, полученными в отношении иных категорий субъектных детерминант – прежде всего, индивидуальных качеств, а также ПВК, уровневых характеристик когнитивных процессов и др. (они уже были охарактеризованы выше). Вместе с тем, по отношению к факторам метакогнитивного плана это не только может, но и должно реализовываться с еще большей степенью рельефности. Дело в том, что, как отмечалось выше, сама суть всех образований метакогнитивного плана как раз и состоит в том, что они носят принципиально синтетический, интегративный характер. И именно этим обусловлено то, что значения «внешнего критерия» существенно выше по отношению к структурам, в которых мера организованности, интегрированности выше. Таковыми, однако, являются именно те структуры, которые определены на мужской половине выборки. Другими словами, можно видеть, что данный результат не только позволяет, но и требует распространения общих закономерностей структурной детерминации деятельности со стороны ее субъектных детерминант и на факторы собственно метакогнитивного плана, на метакогнитивную сферу личности. Показательно и доказательно также, что именно через такое распространение оказывается возможным дать обоснованное решение вопроса о специфике различий метакогнитивной детерминации управленческой деятельности у мужчин и женщин-руководителей.

Во-вторых, сравнение найденных матриц факторов метакогнитивного плана (как на уровне отдельных компонентов, так и на уровне основных подсистем) для мужчин и женщин-руководителей на предмет гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 показало их статистически достоверную (на $p = 0,05$) разнородность. Это означает, что матрицы и структуры метакогнитивных детерминант в этих двух группах различаются не количественно, не «в деталях» и частностях, а качественно: это разные структуры, а не модификации одной и той инвариантной по отношению к фактору пола структуры.

В этой связи необходимо напомнить, что общая степень выраженности метакогнитивного потенциала у мужчин и женщин оказалась, как уже отмечалась, весьма сходной, очень близкой в количественном выражении, а статистически она является незначимой. Следовательно, можно сделать еще один – также достаточно существенный в плане анализируемой проблемы вывод. Он состоит в том, что ведущую детерминирующую роль по отношению к обеспечению «внешнего критерия» (эффективности деятельности) выполняет не столько общая величина метакогнитивного потенциала, сколько то, каким образом он структурно организован. Действительно, на фоне сходства абсолютных значений этого потенциала, именно мужчины-руководители характеризуются сравнительно большими значениями «внешнего критерия». В то же время, структуры метакогнитивных детерминант у мужчин и женщин являются различными. Следовательно, сами различия во «внешнем критерии» могут быть объяснены именно различиям в структурной организации метакогнитивных детерминант, а не различиями в общем уровне метакогнитивного потенциала.

Данный вывод находит свое дополнительное и более детализированное подтверждение в еще одной группе результатов. На рис 32 рядом с обозначениями подсистем представлены значения их структурных «весов». Они, в свою очередь, наглядно демонстрирует сравнительную функциональную роль – сравнительную значимость основных подсистем в их общей структуре. Однако, как следует из этих данных, те подсистемы, которые играют определяющую роль в их общей структуре, являются различными для мужчин и женщин-руководителей. Так, для мужской половины выборки это процедуральная, ингибиторная, метакогнитивная и мониторинговая подсистемы, а для женской половины – интеракционная, метакоммуникативная, и метаэмоциональная подсистемы. Обращает на себя внимание, что у мужской половины выборки относительно выше функциональная роль подсистем, которые формируются под

влиянием специфически деятельностной детерминации. Они, как показано в главе 3, наиболее непосредственно и позитивно влияют на эффективность деятельности. Напротив, по отношению к женской половине более выражена функциональная роль тех подсистем, которые имеют в большей степени субъектную детерминацию. В связи с этим, сама собой напрашивается очевидная аналогия этой дифференциации с известным разделением индивидуальных качеств руководителя на так называемые «мужские» и «женские» качества. По-видимому, с этих позиций, можно говорить о специфически «мужских» и «женских» метакогнитивных подсистемах. К первым относятся, в частности, мониторинговая, процедуральная и ингибиторная подсистемы а ко вторым интеракционная, метакоммуникативная и метаэмоциональная подсистемы.

В-третьих, не только при интерпретации конкретных результатов – в том числе, и представленных здесь, но и при попытках корректного осмысления роли факторов метакогнитивного плана как детерминант деятельности в целом необходимо обязательно учитывать еще одно – крайне важное положение. Оно, однако, носит достаточно «скрытый», не вполне очевидный и в целом – несколько более сложный для осмысления характер, а его сущность заключается в следующем. Тот вариант интерпретации результатов, который представлен выше, с необходимостью приводит к экспликации функциональной роли факторов собственно метакогнитивного плана как достаточно важной, а их вклада в общую субъектную детерминацию – как весьма существенного. Вместе с тем, здесь-то и возникает вопрос: в какой мере данное заключение, действительно, является обоснованным, поскольку, как известно, наряду с факторами метакогнитивного плана, существует еще целая совокупность иных и с очевидностью более сильных детерминант такого рода? Не имеет ли здесь место известное явление «предметного фетишизма», согласно которому субъективная значимость предмета исследования гипертрофируется и переоценивается по сравнению с его объективной значимости? Дело, однако, в том, что, как мы уже отмечали выше, одной из наиболее характерных и очень специфических особенностей детерминационной роли факторов именно метакогнитивного плана является двуединый характер их влияния. С одной стороны, они оказывают детерминационное влияние на что-либо (в частности, на параметры деятельности) так сказать «сами по себе» – в их автономной функционально-детерминационной роли. Однако, с другой стороны, еще более важно, что они выступают и

своеобразными «проводниками» влияния на деятельность очень многих, а не исключено – и подавляющего большинства иных субъектных детерминант. Именно через них, то есть опосредствованно на нее влияют практически все иные субъектные детерминанты. Причем, объясняется это весьма просто: дело в том, что все образования и процессы, структуры и феномены метакогнитивного плана являются, как известно, парциальными проявлениями рефлексии и, следовательно, аналогичными носителями осознаваемой, произвольной регуляции. Поэтому их детерминационное влияние, фактически, выступает конкретной по содержанию, но очень общей по смыслу формой реализации произвольной, осознаваемой регуляции как таковой. В связи с этим, можно сказать так: истинная «сила» их детерминационной роли состоит не только и не даже не столько в их собственном – автономном воздействии. Она состоит в том, что через них и «в них» реализуется детерминационное влияние практически всех иных субъектных детерминант – в том числе, и наиболее сильных (с которыми обычно и принято сопоставлять саму силу их автономного влияния и делать выбор не в пользу метакогнитивных факторов). Тем самым, раскрывается, хотя и более сложная, но и с большей корректностью описывающая реальность картина субъектных детерминант деятельности в целом действительной роли в них факторов метакогнитивного плана.

Завершая рассмотрение некоторых основных – базовых для управленческой деятельности закономерностей функционального типа, возникающих в ней в связи с регулятивной ролью метакогнитивной сферы, нельзя оставить без внимания еще один аспект данной проблемы. Он, будучи значимым как в теоретическом, так и в практическом отношении, в то же время, максимально специфичен именно этому типу профессиональной деятельности, если не сказать – вообще уникален только для нее. Как известно, одной из основных и, в то же время, практически эксклюзивных особенностей управленческой деятельности является то, что она может реализовываться на качественно разных иерархических уровнях, что, в свою очередь, обозначается понятием уровней управления. В этом плане очень характерно и наиболее значимо, однако, не само по себе это разделение, а то, что в зависимости от уровня существенно, а нередко – и принципиально меняются многие особенности и закономерности управленческой деятельности. Их выявление и изучение – это вообще она из самых традиционных и «излюбленных» тем всей психологии управления, а в ее русле накоплен практически необозримый материал самого разного характер.

В связи с этим, однако, возникает вполне логичный вопрос: существует ли специфика метакогнитивной регуляции управленческой деятельности в зависимости от уровня управления? Если да, то в чем конкретно она состоит? Если нет, то почему именно она является своего рода «исключением из правила»? Эти вопросы до настоящего времени остаются не только практически полностью не изученными, но и фактически не сформулированными в явном виде. Понятно, что все они характеризуются очень высокой степенью сложности и неоднозначности, а нередко и противоречивости. Это связано, в первую очередь, с очень широким и не вполне определенным содержанием понятия уровней управления, а также с крайней гетерогенностью типов и форм управленческой деятельности. Причем, масштаб таких трудностей таков, что все эти вопросы допускают сегодня лишь свое частичное решение – точнее, даже лишь определенную степень приближения к нему.

Так, все эти трудности достаточно полно и отчетливо проявились и в той попытке, которая была предпринята нами в специальном цикле исследований. Они привели к тому, что он не позволил получить каких-либо однозначных – стабильных и инвариантных закономерностей, и в этом плане – так сказать «не увенчался успехом». Вместе с тем, помня о том, что «отрицательный результат – это тоже результат» и что его смысл состоит в том, чтобы попытаться выявить, почему именно он оказался таковым – отрицательным, мы предприняли попытку его дифференцированного объяснения. В результате этого оказалось возможным сформулировать представления об определенных тенденциях в тех трансформациях, которые претерпевает содержание и структура метакогнитивной регуляции при переходе от одного уровня управления к другому. Хотя, повторяем, какой-либо целостной и завершенной картины спецификации этой регуляции по отношению к тому или иному уровню выявить все же не удалось. Основные из этих тенденций состоят в следующем.

Так, прежде всего, в отношении наиболее общей тенденции, которая, по крайней мере, должна была бы иметь место здесь, можно допустить следующее. Степень эффективности метакогнитивной регуляции деятельности и, соответственно, мера и характер той структурной организации, которую она обретает при этом, должна выступать прямой функцией от иерархического уровня управления. Другими словами, чем выше уровень управления, тем эффективнее и организованнее должна быть структура ее регуляции в целом и метакогнитивной регуляции, в частности. Собственно говоря, во многом именно поэтому

лица с более эффективной метакогнитивной регуляцией – конечно, при прочих равных условиях, имеют бóльшие шансы на то, чтобы занять более высокие уровни управленческой деятельности.

Далее, этому содействует еще целый ряд очень важных и мощных факторов. Во-первых, существует известная тенденция, согласно которой в общем – массовом случае уровень управления коррелирует со стажем. Однако последний, в свою очередь, является одним из важнейших факторов профессионализации и, соответственно, профессионально-управленческой компетентности руководителя. Следовательно, именно лица относительно более высокого уровня управления должны обладать и более высоким уровнем компетентности. Во-вторых, еще более явным фактором является то, что – опять-таки при прочих равных условиях наибольшие шансы на карьеровое продвижение и, соответственно, на занятие все более высоких уровней управления имеют те лица, которые как раз и отличаются, в первую очередь, относительно большей профессионально-управленческой компетентностью. Это опять-таки приводит (или, повторяем, должно приводить) к прямой зависимости эффективности организации регуляции деятельности в целом и метакогнитивной регуляции, в частности, от уровня управления. В-третьих, относительно менее значимым, но также важным фактором является и известный «феномен стеклянного потолка» [348]. Он, напомним, состоит в существовании невидимого и формально никак не обозначенного барьера («потолка» в карьере), который ограничивает продвижение женщин по служебной лестнице по причинам, не связанным с их профессиональными качествами. В более общем плане во всем этом проявляется меньшая доступность именно высоких уровней управления для женщин и, следовательно, преобладание на них мужчин. Наконец, столь же известно, что они характеризуются более высоким уровнем профессионально-управленческой компетентности. Это также выступает еще одним фактором, обуславливающим прямую зависимость эффективности регуляции деятельности в целом и метакогнитивной регуляции, в частности, от уровня управления.

Таким образом, три отмеченных выше – очень мощных фактора, казалось бы, должны с необходимостью приводить к тому, что между уровнем управления и степенью эффективности метакогнитивной регуляции должна существовать не просто прямая, но и очень явная связь. Вместе с тем, в действительности, как показали исследования, этого не наблюдается, а сама эта связь, хотя и существует, но представлена, скорее, лишь как тенденция. Дело в том, что, как

хорошо известно, характер и темпы карьерового продвижения, факторы и обстоятельства подбора и обора кандидатов на управленческие должности отнюдь не всегда подчиняются строгим правилам и рациональным аргументам. Социум диктует свои правила и требует соблюдения своих норм и «обыкновений», которые отнюдь не всегда согласуются с нормативами «эталонного менеджмента». Все это является настолько сильными факторами, что они зачастую «перекрывают» силу действия всех трех указанных выше факторов, а в результате приводят к тому, что прогнозируемая априорно зависимость либо существенно «затушевывается», либо вообще не проявляется. При этом в ряде случаев, она обретает, к сожалению, инверсионную форму.

Вместе с тем, все же обобщение существующего эмпирического материала по данной проблеме, а также наш собственный опыт ее исследования позволяет выявить некоторые направления трансформаций метакогнитивной регуляции управленческой деятельности в зависимости от иерархического уровня. Во-первых, при переходе от относительно более низких управленческих уровней к более высоким существенно возрастает функциональная роль той подсистемы, которая была обозначена как ингибиторная. Это означает что все те феномены «антирефлексивной» направленности, которые были описаны в параграфе 2.3.1., также становятся при этом все более выраженными. Вообще говоря, следует подчеркнуть, что именно максимизация ингибиторной подсистемы и, соответственно минимизация функциональной роли собственно рефлексивных средств – это одна из наиболее явных тенденций, имеющих место в связи различиями в иерархических уровнях управления. Во-вторых, еще одной очень явной, хотя в целом и не вполне позитивной, является максимизация функциональной роли еще одной подсистемы – интеракционной. Данное обстоятельство связано с тем, что, чем более высокий уровень управления реализует субъект, тем меньше он «нагружен» операционными – техническими функциями и тем в большей степени он вынужден реализовывать «общеорганизационные» и представительские функции. Данное обстоятельство, впрочем, хорошо известно, приводя к известному феномену «профессиональной декавалификации» руководителей высшего звена. В-третьих, имеет место и еще одно явление, которое можно было бы обозначить как становление феномена парциальности самих подсистем. Это означает, что целый ряд метакогнитивных подсистем начинает функционировать все более дифференцированно – в зависимости от того, какую позицию занимает в данной ситуации руководитель и, соответственно, ка-

кую роль он выполняет в ней. Дело в том, что для управленцев в целом характерна маргинальность их статуса, заключающаяся в его известной двойственности. Они, как правило, выступают и как руководители (по отношению к подчиненным им лицам), и как подчиненные (по отношению к руководителям тех организационных структур, в которые включено возглавляемое ими подразделение). Отсюда следует, что одни и те же подсистемы должны функционировать в существенно разных режимах и, соответственно, должны быть представленными в разных формах. Например, для метакоммуникативной подсистемы лица высоких уровней управления характеризуются ее минимизацией в отношении к контактам с подчиненными (что проявляется в известных феноменах «невнимания к людям», черствости и формализма), но одновременной максимизацией и даже изощренностью в отношении контактов с более высокими инстанциями. В-четвертых, можно, по-видимому, констатировать и еще одну – достаточно общую закономерность трансформаций метакогнитивной регуляции в зависимости от уровневой принадлежности. Она, к сожалению, носит еще более негативный характер, нежели отмеченные выше. Дело в том, что процент лиц зрелого или «очень зрелого» (и даже преклонного) возраста увеличивается пропорционально самому этому уровню. Однако при этом следует принимать во внимание, что именно по отношению к высшим уровням управления наиболее сильны те негативные тенденции в психическом обеспечении деятельности в целом и ее метакогнитивной регуляции, в частности, которые обусловлены фактором возраста. Все они как раз и проявляются в том, что по мере перехода от низших уровней управления к относительно высшим очень часто мера эффективности метакогнитивной регуляции отнюдь не возрастает, а зачастую и достаточно ощутимо снижается.

В заключение анализа некоторых основных закономерностей функционального типа, имеющих место во взаимодействии метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности с самой этой деятельностью, а также с ее основными «составляющими», необходимо остановиться на еще одной. Вместе с тем, она имеет достаточно специфический характер, отличающий ее от всех уже рассмотренных. Так, во-первых, она является принципиально производной» от них и представлена всегда, так сказать, в «связанном» с ними виде. Во-вторых, она носит и своего рода «распределенный» характер, поскольку включена во многие деятельностные образования и структуры, а также объективно сопряжена с целым рядом иных закономерностей. В-третьих, по сфере

своего действия и, главное, по своему типу она имеет более высокий уровень обобщенности, нежели многие иные – в том числе и достаточно значимые и общие закономерности функциональной организации управленческой деятельности. Ее сущность может быть охарактеризована следующим образом.

Как мы постоянно фиксировали по ходу рассмотрения практически всех иных закономерностей, в том числе – и функционального типа, они далеко не всегда представлены в строгом и отчетливом виде, но напротив, характеризуются известной степенью вариативности и диверсифицированности проявления. Причем, сама эта степень также не является постоянной и, как правило, возрастает при увеличении степени выраженности метакогнитивного контроля в целом и индивидуальной меры рефлексивности, в особенности. Факты, иллюстрирующие, а одновременно и подтверждающие это, многочисленны и, по существу, повсеместны; отметим лишь некоторые из них – в том числе и те, которые уже рассматривались по ходу проведенного анализа. Так, по мере возрастания рефлексивности меняется степень вариативности зависимости качественных параметров важнейшего процесса всей управленческой деятельности – принятия решения от самой рефлексивности [133]. Аналогичная зависимость была выявлена нами по отношению к эффективности управленческой деятельности в целом и охарактеризована в данном параграфе. Наконец, все это, пожалуй, с наибольшей степенью рельефности, широты и эмпирической очевидности представлено по отношению и к такой важнейшей категории субъектных детерминант профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в особенности, каковой являются индивидуальные, личностные качества. Действительно, как показано в целом ряде исследований, в том числе и в наших предыдущих работах [125, 134], существует статистически значимая связь между индивидуальной мерой развития рефлексивности и степенью вариативности в проявлении большинства основных индивидуальных качеств, то есть с их пластичностью. Аналогичные данные получены и при исследовании «рефлексивных характерных адаптаций» личностных черт [311],

Все эти и многие иные сходные с ними явления и закономерности демонстрируют следующее – наиболее общее и принципиальное обстоятельство. Многие, а не исключено – и большинство закономерностей функциональной организации деятельности представлены в двух основных формах. С одной стороны, они существуют объективно – так сказать «сами по себе», то есть в своей «первичной» форме. Однако, с другой стороны, они могут подвергаться

своего рода метакогнитивной фиксации – распознаваться и улавливаться субъектом, осознаваться и пониматься им (конечно, с разной степенью отчетливости, полноты и адекватности), а затем и подвергаться субъективной трансформации с его стороны – подлежать внесению в них тех или иных изменений самого разного плана. В результате этого, они начинают проявляться уже под воздействием этих факторов, носящих – что следует подчеркнуть особо – именно метакогнитивный характер, в своей «вторичной» форме. В силу этого, тот вопрос, который был зафиксирован выше по отношению к индивидуальным качествам (что считать их истинной формой) не только может, но и обязательно должен быть распространен и на эти закономерности. Другими словами, та закономерность, которая исходно зафиксирована в нем, обретает очень общую или даже – всеобщую сферу своего действия, а ее смысл состоит в следующем. Факторы метакогнитивного плана порождают новый уровень действия самих функциональных закономерностей, генерируют «вторичные» закономерности, поскольку именно они и лежат в основе того, в какой форме и с какой полнотой проявятся сами «первичные» закономерности.

В связи с этим, однако, возникает все тот же вопрос: что именно следует считать истинной формой самих этих закономерностей – их «первичную» форму, в которой они представлены исходно; или же ту форму, в которой они представлены под воздействием факторов метакогнитивного плана? Ответ на него не допускает, конечно, простых и однозначных решений. Однако, независимо от тех или иных конкретных способов его решения, непреложным остается факт наиболее общего плана, состоящий в том, что сама эта трансформация имеет место и что она, имея, к тому же, принципиально вариативный характер и по мере, и по направленности, обусловлена именно факторами метакогнитивного плана. Тем самым выявляется действительная роль и реальное многообразие функциональной роли этих факторов в целом. С одной стороны, эта роль может быть понята так сказать в «узком» смысле, и рассмотрена в плане выявления конкретных зависимостей тех или иных деятельностных параметров от этих факторов. Однако, с другой стороны, она же предстает и в своем широком смысле; она состоит в том, что практически все основные функциональные закономерности реально действуют и, соответственно, – проявляются и (в том числе – и в исследованиях) лишь так сказать в метакогнитивно-опосредствованном виде, в трансформированной под воздействием факторов метакогнитивного плана – «вторичной» форме. Причем, как показывают исследования, сам харак-

тер имеющих место при этом трансформаций отнюдь не является произвольным и хаотичным [125, 134]. Как раз напротив, эти изменения носят вполне закономерный характер и реализуются в следующих основных формах. Тем самым, можно говорить о «закономерностях трансформаций самих закономерностей» – о том, что первые, действительно, имеют статус закономерностей и носят еще более общий характер, чем вторые. Подчеркнем еще раз, что степень их выраженности является очень явной именно по отношению к управленческой деятельности (а не исключено – и вообще максимальной среди всех типов деятельности). Это обусловлено целым рядом важнейших особенностей данной деятельности, а основные из них были рассмотрены в главе 1 и вытекают из ее принадлежности к субъект-субъектному классу.

Более того, в данной связи можно высказать предположение, согласно которому факторы метакогнитивного плана имеют в качестве одного из важных «генетических источников», то есть причин их возникновения и последующей эволюции именно причины межличностного, интерсубъектного плана, порождающие и возможность, и необходимость произвольного влияния на свои же собственные характеристики в ситуациях межличностных взаимодействий. Это, в свою очередь, составляет одну из важнейших граней произвольности и опосредствованности как двух базовых атрибутов поведения и деятельности. Зарождаясь на достаточно ранних этапах онтогенеза, эти атрибуты подвержены, как известно, в дальнейшем глубокой эволюции и трансформации. Они достигают своего максимум именно в сложных типах социальной активности и профессиональной деятельности под влиянием специфических для них черт и императивов. Наибольшую степень выраженности они приобретают именно в управленческой деятельности, чем и обусловлена их широкая представленность в ней. Аналогичной, то есть также максимально выраженной является и их роль в функциональной организации этой деятельности.

4.7. Особенности генезиса метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

При формулировке основных целей и задач данной главы мы уже отмечали, что очень значимым и, к тому же, достаточно широко и традиционно изучаемым параметром, в отношении которого исследуются закономерности функционального типа, связывающие его с тем или иным образованием (процессом, качеством и пр.), является профессиональный стаж. Кроме того, отме-

чалось, что данный параметр весьма специфичен и его не вполне корректно рассматривать лишь как «один из» всех иных, в отношении которых исследуются закономерности функционального типа, то есть как рядовой. Дело в том, что он непосредственно и очень явно – естественным образом сопряжен с другим, гораздо более общим и значимым как в теоретическом, так и в практическом плане аспектом исследования метакогнитивной сферы – *генетическим*. Однако необходимо учитывать, что сам генетический аспект является одним из пяти основных гносеологических планов исследования, предписываемых «алгоритмом системного исследования». Именно он положен в основу всей данной работы и поэтому, переходя к рассмотрению параметра стажа, мы, фактически, обращаемся к реализации этого – основного гносеологического плана исследования. Следовательно, ему также необходимо уделить не только специальное внимание, но и рассмотреть его в качестве *особого* – вполне самостоятельного и относительно автономного, а не рядоположенного всем иным параметрам, сформулированным в начале данной главы. Другими словами, это означает что, обращаясь к нему, мы уже выходим за пределы собственного функционального плана исследования – как третьего основного плана (после метасистемного и структурного) и обращаемся к реализации следующего – четвертого, также основного и вполне самостоятельного плана – *генетического*. Этим, собственно говоря, и обусловлена необходимость выделения его рассмотрения в самостоятельный раздел данной работы.

При обращении к нему следует учитывать целый ряд обстоятельств принципиального характера, либо затрудняющих его реализацию, либо, как минимум, придающих ему определенную специфичность. Во-первых, пожалуй, главным из них является то, что он очень явным и естественным образом связан с другим – также важным и не менее мощным фактором, оказывающим несомненное влияние на генезис большинства психических образований и деятельностных структур – с возрастом субъекта деятельности. Между этими двумя параметрами вообще имеют место те отношения, которые обозначаются в теории эксперимента понятием «естественного смещения» [56]. И хотя в целом они не полностью совпадают, степень их «перекрывтия» все же очень существенна. При этом, как показано в ряде наших предыдущих работ [123, 125], сам параметр возраста оказывается тесно и вполне закономерным образом связан с особенностями генезиса метакогнитивных образований. Он выступает значимой и комплексной детерминантой их генезиса – как на аналитическом уровне (то

есть по отношению к развитию каждого из них в отдельности), так и на структурном уровне (в плане степени их общей организованности, структурированности). Эти данные необходимо обязательно учитывать и при исследовании взаимосвязи метакогнитивных образований как регуляторов управленческой деятельности и параметра стажа, что и будет осуществлено ниже.

Во-вторых, еще одним и также осложняющим обстоятельством является аналогичное «смещение», имеющее место между параметром стажа и параметром степени профессионализации субъекта деятельности. Оно проявляется, как известно, в том, что эта степень значимо связана со стажем и вообще во многом является прямой функцией от него. Причем, это «смещение» также носит характер естественного, и оно не может быть полностью устранено в исследованиях такого рода.

В-третьих, еще одна трудность состоит в том, *что* именно следует понимать под «стажем» в отношении именно управленческой деятельности. Дело в том, что для нее очень типичной, как известно, является ситуация, при которой личность выступает субъектом какой-либо деятельности в двух качественно различных статусах – исполнительском и руководящем. Действительно, очень многие руководители, прежде чем стать ими, являлись исполнителями, то есть рядовыми работниками по той деятельности и в тех организациях, которые они впоследствии возглавили. Наряду с этим, не менее типична ситуация, при которой один и тот же субъект реализовывал собственно управленческую деятельность, но разных видов – и тогда используется понятие «общего управленческого стажа». В этом случае и возникает вопрос – какой стаж изучать: либо по той или иной отдельно взятой деятельности, либо общий управленческий стаж. Столь же известно, что большинство исследователей склоняется в пользу второго варианта. Подчеркнем также, что данный вопрос является еще более сложным и неоднозначным, поскольку связан с другим – также весьма «запутанным» вопросом: действительно ли, профессионализация субъекта как руководителя осуществляется лишь на этапе реализации им собственно управленческой деятельности? Или же она разворачивается и на этапе реализации им «неуправленческой» деятельности? Очень типична эта ситуация, например, для спортивной деятельности: многие спортсмены – особенно в игровых видах спорта уже по ходу своей профессиональной деятельности, приняв на каком-либо ее этапе решение о выборе после ее завершения карьеры тренера (то есть,

фактически, руководителя), целенаправленно готовят себя к ней, используя для этого самые разнообразные средства.

В-четвертых, очень типичной является и ситуация, при которой один и тот же субъект одновременно реализует и какую-либо «не-управленческую» деятельность, и деятельность управленческого типа. Так, например, она не просто очень характерна, но, фактически, нормативно предписывается в научных и образовательных организациях, когда один и тот же индивид является и исследователем (или преподавателем), то есть исполнителем, и руководителем – заведующим кафедрой или отделом, деканом или проректором и пр. В этом случае имеет место совершенно естественное «наложение» и смешение двух комплексов деятельностных детерминант – «неуправленческих», связанных с общей профессионализацией, с общим трудовым стажем и собственно управленческих, связанных с управленческим стажем. Эти два комплекса взаимодействуют сложным и неоднозначным образом, обуславливая аналогичный – также сложный характер генезиса личности руководителя и ее отдельных сторон. В частности, возникает очень острый вопрос: что в большей степени детерминирует генезис метакогнитивной сферы – общий стаж по той или иной деятельности или же стаж реализации в отношении нее управленческих функций?

В-пятых, достаточно нередкой является и ситуация, при которой руководитель на тот или иной период времени – причем, зачастую весьма продолжительный, не работает на управленческих должностях. При этом следует принимать во внимание, что таких «пауз» может быть и несколько. В таком случае возникает вопрос: следует ли учитывать эти «паузы» в общей величине стажа, в том числе, и управленческого? На первый взгляд, представляется очевидным, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Однако при более внимательном анализе оказывается, что именно в эти «паузы», которые очень часто являются вынужденными и личностно-негативными, происходят не менее, а зачастую и более существенные личностные и профессиональные трансформации, чем в «рабочие» периоды. Действительно, в этом плане очень показательными являются иллюстрации из сферы, например, спортивной деятельности. Известно, что мало, кто иной из руководителей столь часто вынужден брать «паузы», как спортивный тренер – по причине их частых увольнений, «смещений», переходов и пр. Причем, нередко все это сопровождается сильными и в основном негативными моментами, носящими иногда и драматиче-

ский характер. И именно в силу этого во время таких вынужденных пауз происходит существенное переосмысление личностью многих представлений о своей деятельности, своем поведении в отношении подчиненных и мн. др. Впрочем, все это не менее характерно и практически для всех иных социальных сфер и видов профессиональной деятельности.

В-шестых, необходимо принимать во внимание очень общий и крайне важный феномен маргинальности статуса подавляющего большинства руководителей – совмещение ими двух ролей. С одной стороны, они являются руководителями в отношении какой-либо группы, организации. С другой стороны, они одновременно реализуют и роль подчиненного, то есть, фактически, исполнителя, поскольку объективно включены в организационные системы более общего порядка и соподчинены руководству более высоких иерархических уровней. Вместе с тем, можно с большой долей уверенности предположить, что реализация этой – второй роли также значимо влияет на генезис того, каким образом руководитель реализует свою основную – первую роль.

В-седьмых, следует учитывать и то, что реализация управленческой деятельности может протекать в очень разных социо-экономических условиях – как относительно благоприятных и стабильных, так и экстремальных, «кризисных». Понятно, однако, что «цена» каждого временного интервала реализации управленческой деятельности, а также ее последствия для генезиса личности руководителя в этих – очень разных условиях также будет очень разной. В таком случае и возникает вопрос: как все это может быть учтено в исследованиях генетического плана?

В-восьмых, необходимо помнить и о том, что и в целом, то есть в наиболее общем – социо-экономическом плане реализация деятельностей управленческого типа сопряжена, как правило, с гораздо большей степенью изменчивости внешних и внутренних условий, с их динамичностью и нестационарностью, с неопределенностью, чем многие иные виды деятельности. Соответственно, и генезис субъекта этой деятельности также характеризуется аналогичными чертами, а в итоге – и большей турбулентностью, нежели относительно более «гладкое» развертывание генезиса иных видов и типов деятельности.

Наконец, в-девятых, существует и еще одна трудность, носящая, правда, более общий характер и возникающая при исследовании многих иных факторов и детерминант управленческой деятельности в целом. Она связана с ее очень выраженной и, более того, принципиальной гетерогенностью. Причем, как бы-

ло показано в параграфе 1.1., по отношению именно к ней мера гетерогенности наиболее велика. Дело в том, что она существует в двух взаимодополняющих аспектах, «измерениях». С одной стороны, это вертикальная гетерогенность, обусловленная наличием ряда качественно различных во многих отношениях уровней управления. С другой стороны, это еще более выраженная горизонтальная гетерогенность, обусловленная наличием огромного числа самых разнообразных видов и типов управленческой деятельности.

Наряду с этим, следует учитывать, что предметом данного исследования является не генезис субъекта деятельности управленческого типа в процессе профессионализации в целом, а генезис лишь одного, хотя и важного, но все же частного ее аспекта – метакогнитивной сферы. Следовательно, необходимо учитывать и детерминацию этого генезиса со стороны очень мощных детерминант общего плана, связанных с личностными трансформациями субъекта. При этом, однако, такой учет должен состоять вовсе не в стремлении к «очищению» исследования от их «загрязняющего и зашумляющего» влияния, а наоборот – к раскрытию того, каким образом они детерминируют генезис метакогнитивной сферы. Наконец, следует учитывать и то, что сама метакогнитивная сфера является, как показано выше, весьма сложным и внутренне гетерогенным образованием, принадлежащим к особому, качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Следовательно, все эти специфические особенности ее структурно-функциональной организации также необходимо учитывать при реализации генетического плана исследования.

Собственно говоря, именно это – последнее из отмеченных обстоятельств должно быть главным и исходным при формулировке общей гипотезы, положенной в основу реализации генетического плана исследования метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности. Поскольку метакогнитивная сфера личности как регулятор деятельности принадлежит к категории сложноорганизованных системных образований, то ее формирование и развитие представляет собой специфический именно для образований такого рода процесс – процесс *системогенеза*. Данное положение в настоящее время является доказанным и всесторонне обоснованным по отношению к целому ряду основных психологических «составляющих» деятельности [18, 131, 198, 215]. Вместе с тем, это не означает, что эвристический потенциал концепции системогенеза является уже полностью реализованным. Как раз наоборот, – в силу открытости данной концепции для новых областей изучения, она не только

может, но и обязательно должна быть распространена и на те «составляющие» деятельности, а также на те ее генетические аспекты, которые пока не охвачены системогенетическими исследованиями. Однако, эта гипотеза, будучи необходимой для раскрытия генетических закономерностей метакогнитивной сферы, сама по себе еще недостаточна. Дело в том, что данная сфера, сохраняя в себе базовые и общие атрибуты любых сложноорганизованных – системных образований, характеризуется, вместе с тем, выраженной спецификой, обусловленной ее принадлежностью к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Следовательно, есть все основания предполагать, что эта специфика будет также обуславливать наличие в общем процессе системогенеза метакогнитивной сферы дополнительных и, не исключено, – *качественно* новых закономерностей генетического плана.

Переходя к результатам специального цикла исследований, направленных на верификацию сформулированной выше гипотезы, отметим, что уже с самых первых шагов они далеко не всегда носили однозначный и ясный характер, не всегда напрямую свидетельствовали о ее правомерности. Вместе с тем, при углублении их анализа, а также по мере расширения спектра исследуемых вопросов это предположение получало все более полное обоснование и подтверждение. К их рассмотрению теперь и необходимо перейти.

Так, первое исследование данного цикла было организовано в соответствии со следующей процедурой. При компоновке выборки необходимо было учитывать отмеченную выше принципиальную гетерогенность форм и типов управленческой деятельности и в этих целях постараться обеспечить возможно большую степень ее диверсифицированности. В этих целях в нее были отобраны представители различных конкретных видов управленческой деятельности. При этом специально подчеркнем следующее – значимое, на наш взгляд, обстоятельство организационного плана, которое было положено в основу не только этого цикла, но и ряда иных исследований, представленных в данном параграфе. При формировании общей выборки, равно как и при ее дифференциации по параметру стажа, систематически использовались данные тех испытуемых, которые входили в выборки целого ряда других уже рассмотренных исследований. Такой шаг не только вполне допустим (поскольку параметр стажа обязательно фиксировался и учитывался практически во всех представленных выше исследованиях), но и крайне целесообразен. Он, во-первых, позволяет обоснованно сравнить результаты генетических исследований с результата-

ми уже описанных циклов. Во-вторых, он весьма экономичен, поскольку позволяет более «бережено» отнестись к уже полученным материалам, используя их неоднократно. Данное соображение особо актуально по отношению к исследованиям управленческой деятельности и ее субъекта – руководителя, поскольку, как хорошо известно, именно этот контингент по ряду очевидных причин особо труден в исследовательском плане. Наряду с этим, необходимо было обеспечить и достаточно большой диапазон различий стажа, на котором проводится исследование. В этих целях были скомпонованы три стажные группы: в первую вошли лица с управленческим стажем от 3 до 5 лет; во вторую – со стажем от 10 до 12 лет; в третью – со стажем от 20 до 22 лет. При этом приходилось учитывать и одну из отмеченных выше трудностей, связанных с тем, что очень сложно подобрать и вообще «найти» достаточно большое (то есть репрезентативное со статистической точки зрения) количество таких испытуемых-руководителей, которые имели бы достаточно большой стаж именно по какой-либо одной деятельности. В силу этого, за базовый критерий стажной дифференциации нами применялся критерий общего управленческого стажа.

Наконец, необходимо было использовать в качестве параметров, подлежащих исследованию, наиболее репрезентативные и, к тому же, обязательно различные – гетерогенные индикаторы самой метакогнитивной сферы, причем, взятые в их достаточно большом количестве и в комплексе друг с другом. В этих целях были исследованы следующие параметры (с указанием методик, посредством которых производилась их диагностика).

ММ – метамышление и МП – метапамять (по разработанной нами методике диагностики уровня развития метамышления [124]), а также методике определения уровня развития метапамяти [130];

СамРФ – саморефлексия и СоцРФ социорефлексия (по методике диагностики рефлексивности М. Гранта, включающей, в том числе, и субшкалы определения этих параметров (по [130]));

РФН – рефлексия настоящего и ИРФ – интегральный уровень рефлексивности (методике «Диагностики рефлексивности [130]));

ПД и СП – шкалы «самопроверка» и «планирование действий» (по методике Д. Эверсон; в обозначениях шкал сохранена авторская терминология);

ЗМ – мера сформированности «знаний о мониторинге» (по методике КМАИ З. Тобиаса (по [130]));

MAI – метакогнитивная включенность в деятельность (по методике «Metacognitive Awareness Inventory» [121]);

ШМП – шкала метакогнитивного поведения (по методике Д. ЛаКоста);

MP – способность к метарешениям (шкала методики диагностики способности к метарешениям [91]). Первичные данные представлены в Приложении 29.

Обратим внимание на то, что в качестве основных параметров метакогнитивной сферы были взяты, в основном, те из них, которые соотносятся с компонентным уровнем общей структурной организации метакогнитивной сферы личности. Не останавливаясь пока на этом – важном обстоятельстве (оно станет предметом анализа ниже) зафиксируем лишь сам его факт. Наконец, в организации исследования необходимо было реализовать и принцип единства аналитического и структурного уровней изучения. На первом из них рассматриваются связи предмета исследования (в данном случае – стажа) с отдельными параметрами метакогнитивной сферы, а на втором – с их целостной структурой. В свою очередь, напомним, что именно этот принцип вообще является одним из наиболее конструктивных и в целом, и по отношению к исследованию метакогнитивной сферы, в особенности. Напомним также, что именно он уже был реализован нами в ходе исследования зависимости особенностей метакогнитивной сферы личности от параметра возраста [123].

В итоге реализации этой процедуры было установлено, что при изменении стажа имеет место определенная динамика изменения индивидуальной меры выраженности этих параметров. Причем, как показал анализ этой динамики, по отношению к существенной их части она носит характер статистически значимой, что подтверждается обработкой данных по критерию Краскела-Уолеса [54]. Однако с наибольшей рельефностью выявляется другой факт. Эта динамика в существенно большей степени представлена именно к тем параметрам, которые носят деятельностно-ориентированный, то есть собственно регулятивный характер и направленность. Следовательно, при увеличении управленческого стажа наиболее выраженной динамике подвержены именно деятельностно-ориентированные, преимущественно регулятивно-направленные параметры метакогнитивной сферы, а не субъектно-направленные – деятельностно неспецифические параметры и подсистемы. Подчеркнем также, что этот результат но-

сит естественный и вполне прогнозируемый характер; он хорошо согласуется с априорными ожиданиями и допускает вполне традиционную интерпретацию.

Вместе с тем, несколько менее ожидаемым оказалось то, что в целом эта динамика является все же достаточно умеренной – как в отношении деятельностно-ориентированных, так особенно – в отношении субъектно-ориентированных параметров. Более того, ее степень такова, что она, казалось бы, ставит под сомнение тот – уже не раз обнаруживавшийся по ходу всего предшествующего изложения факт, согласно которому параметры метакогнитивной сферы и вся она в целом являются весьма *сильными* детерминантами деятельности. Они, следовательно, должны быть представлены в аналогичном – так же выраженном виде и в их профессиогенетическом аспекте, чего, однако, не наблюдается.

Однако такие «несоответствия» не только полностью снимаются, но и предстают как вполне естественные следствия причин более глубинного, а потому – важного плана. Они выявляются при переходе с аналитического уровня исследования на другой, более мощный уровень – структурный. Напомним, что его сущность состоит в выявлении особенностей и закономерностей собственно структурной организации тех и иных объектов исследования. В данном случае – это особенности структурной организации метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности и закономерности ее трансформаций в зависимости от профессионального управленческого стажа. В этих целях вновь был реализован метод структурно-психологического анализа. По отношению к каждому стажному «срезу» были определены матрицы интеркорреляций, найденные на массиве отдельных параметров метакогнитивной сферы (они представлены в Приложении 30). Подчеркнем также, что сами матрицы, как это и требуется императивами структурно-психологического анализа, определялись на основе не всего объема трех стажных групп, а на основе лишь тех их частей, которые имеют относительно наибольшие показатели «внешнего критерия» (в данном случае – эффективности деятельности). Далее, на основе матриц были построены структурограммы значимо коррелирующих параметров (см. Приложение 31). Наконец, эти матрицы и структурограммы были обработаны посредством методики нахождения структурных индексов (когерентности, дифференцированности и организованности), а также на основе критерия χ^2 , служащего для определения степени гомогенности-гетерогенности исследуемых структур. Полученные данные представлены в табл. 20.

Значения индексов структурной организации метакогнитивных параметров
в трех стажных группах

индексы \ группы	1-ая стажная группа	2-ая стажная группа	3-я стажная группа
ИКС	18	27	28
ИДС	2	5	3
ИОС	16	22	25

Обозначения: I – группа со стажем от 3 до 5 лет, II – группа со стажем от 10 до 12 лет, III – группа со стажем от 20 до 22 лет; ИКС – индекс когерентности структуры, ИДС – индекс дивергентности структуры, ИОС – индекс организованности структуры

Анализ этих результатов позволяет сделать следующие заключения. Во-первых, при возрастании стажа имеет место достаточно выраженная динамика основных структурных индексов, характеризующих содержание и степень структурной организации метакогнитивной сферы. Далее, эта динамика, в основном, сопряжена с изменением степени интегрированности (с величиной ИКС) структур, тогда как мера их дифференцированности (ИДС) изменяется в существенно меньшей степени. В результате наиболее обобщенный и потому – важный показатель структурированности (ИОС), а также его стажа динамика обусловлены, в основном, именно изменениями степени интегрированности, то есть действием собственно интегративных средств и механизмов, а не средств дифференциального типа.

Во-вторых, еще более значимым, по нашему мнению, является то, что сравнительный анализ матриц, полученных в различных стажных группах, на предмет их гомогенности-гетерогенности по критерию χ^2 позволил выявить еще один – принципиальный результат. Он состоит в том, что эти матрицы, определенные на массиве отдельных метакогнитивных параметров, оказались статистически однородными, то есть качественно гомогенными на разных значениях стажа. Между ними существуют, именно количественные различия в плане меры, степени их организованности, а не качественные различия. Данный результат, казалось бы, не вполне соответствует тем предположениям, которые можно сформулировать на основе существенности возрастных различий трех групп испытуемых. Более того, по-видимому, было бы гораздо «интереснее и красивее» в теоретическом отношении, если бы эти – качественные различия все же имели место. Тогда можно было бы, например, сделать «яркий» вывод о том,

что со стажем имеют место качественные перестройки системы метапроцессов и метакачеств. Однако, в действительности, этого не наблюдается, в чем, тем не менее, заложен, важный смысл. Дело в том, что любое развитие, а тем более – имеющее место в связи с изменением стажа должно характеризоваться преемственностью и кумулятивным характером результатов («достижений»), к которым оно приводит на различных этапах. В особой мере это относится именно к базовым – основополагающим средствам и механизмам, на основе которых осуществляется такое развитие – к психическим процессам и качествам (как «первичным», так и «вторичным»), а также к их общей структуре. Гораздо более эффективным и действенным является именно ее прогрессивная оптимизация и последовательное совершенствование, а не перманентные трансформации. Это и проявилось в полученных результатах.

Подчеркнем также, что в целом сходные результаты были получены нами и в другом цикле исследований, специально направленном на выявление возрастных особенностей метакогнитивной сферы личности [123, 125]. Их смысл может быть резюмирован следующим образом. Во-первых, при увеличении возраста испытуемых наиболее выражена динамика индекса когерентности структуры параметров метакогнитивной сферы. Это означает, что доминирующей возрастной тенденцией генетических перестроек данной сферы является все более полная ее организация в определенную целостность. Она при этом синтезируется во все более когерентную структуру. Можно сказать и более категорично: именно придание совокупности параметров черт структурированности, а значит – и интегрированности как раз и составляет доминирующий «вектор» этих трансформаций.

Во-вторых, динамика другого индекса – дифференцированности (дивергентности) не только заметно менее выражена, но и, фактически не представлена в сколько-нибудь явном виде. Кроме того, обращает на себя внимание и весьма малые абсолютные значения этого индекса во всех возрастных группах. На первый взгляд, это не соответствует априорным предположениям, хотя, в действительности, имеет вполне естественное объяснение, корнящееся именно в специфичности «вторичных» процессов и качеств и их отличиях от «первичных». Суть этой специфики состоит в том, что, как показано в [125], в общей структурной организации именно «вторичных» когнитивных процессов и качеств в очень существенной степени доминируют именно средства и механизмы синтетического, структурообразующего – так сказать, «соорганизационно-

го» типа. Они в целом, с одной стороны, намного более выражены по сравнению с аналогичными средствами и механизмами дифференцирующего типа; с другой стороны, мера этого преобладания выше, нежели аналогичная разница двух этих тенденций по отношению к «первичным» процессам.

В-третьих, в наиболее обобщенном виде доминирование именно этой – интегративной, «синтетической» тенденции (и лежащих в ее основе средств и механизмов) находит итоговое и наиболее явное выражение в генетической динамике индекса организованности. Кроме того, поскольку эта динамика, в основном, обусловлена изменениями индекса когерентности, а динамика индекса дивергентности существенно менее представлена, то она в значительной степени подобна ей.

Итак, наиболее общий и принципиальный вывод, который следует из анализа представленных результатов, состоит в том, что со стажем имеет место значимое и повышение степени организованности (структурированности, интегрированности) основных параметров метакогнитивной сферы личности. При этом различия в значениях наиболее важного структурного индекса – общей организованности третьей и первой групп измеряются даже отнюдь не «в процентах», а кратно – «в размах»: оно выше более чем в 2 раза в третьей группе. Понятно, что такого рода различия не могут быть каким-либо артефактом, но напротив, свидетельствуют о генетических перестройках достаточно глубинного и принципиального характера. В силу этого, становится необходимой попытка их выявления, равно как объяснения ее общего смысла и тех причин, которым она детерминирована.

Вместе с тем, констатация всех этих – действительно, важных особенностей не должна заслонять еще одного обстоятельства, представляющегося очень значимым именно в плане сформулированной выше гипотезы. Напомним, ее смысл состоит в том, что генезис метакогнитивной сферы, являющейся образованием системно-организованного типа, также должен отражать и воплощать в себе особенности генезиса именно системных образований, то есть принципы системогенеза. Однако, как можно видеть, представленные результаты отнюдь не свидетельствуют в пользу данного предположения. Действительно, они показывают, что структурная организация метакогнитивной сферы не характеризуется важнейшей чертой системогенетического типа развития – качественными трансформациями, а имеет характер лишь количественных изменений. Кроме того, и иные – также основные принципы системогенеза – на-

пример, принципы неравномерности и гетерохронности не эксплицируются в сколько-нибудь явном виде (за исключением принципов прогрессирующей интеграции и нарастающей дифференциации).

Однако при интерпретации полученных результатов необходимо учитывать и другое – принципиальное обстоятельство, делающее их не только не противоречащими исходной гипотезе, но, напротив, позволяющее вывить закономерность существенно более важного плана. Действительно, все они получены на основе исследования таких параметров метакогнитивной сферы, которые локализуются на вполне определенном уровне ее структурной организации – *компонентном*. Вместе с тем, он, выступая, действительно, базовым для всей структурной организации метакогнитивной сферы, вовсе не является единственным и даже – не главным, в том числе и в иерархическом отношении. Более того, в этом отношении он занимает иерархически наиболее соподчиненное место. Над ним надстраиваются иные – более сложноорганизованные и играющие большую роль в метакогнитивной регуляции деятельности уровни – в частности, *субсистемный* и *общесистемный*. В связи с этим, данные, изложенные выше, должны быть дополнены результатами исследования генетической динамики этих уровней и, кроме того, они должны быть реинтерпретированы в контексте тех результатов, которые будут получены при их исследовании. В силу этого, нами было осуществлено еще одно исследование, основной задачей которого было выявление особенностей генезиса метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности на *субсистемном* уровне организации.

Оно было организовано следующим образом. В диагностических целях по отношению к трем указанным выше стажным группам была реализована методика КОМП, позволяющая определять как общую степень выраженности как метакогнитивного потенциала в целом, так и индивидуальную меру развития восьми основных подсистем метакогнитивного плана в отдельности. После этого по отношению к полученным результатам – так же, как и к результатам предыдущего исследования была реализована двухэтапная процедура обработки, включающая этапы аналитического и структурного изучения. В итоге были получены следующие основные данные. На рис. 33 представлены структурограммы основных подсистем метакогнитивной сферы для трех разных стажных групп (соответствующие матрицы даны в Приложении 32). В табл. 21 представлены данные о динамике основных индексов, характеризующих степень когерентности, дифференцированности и общей организованности структур.

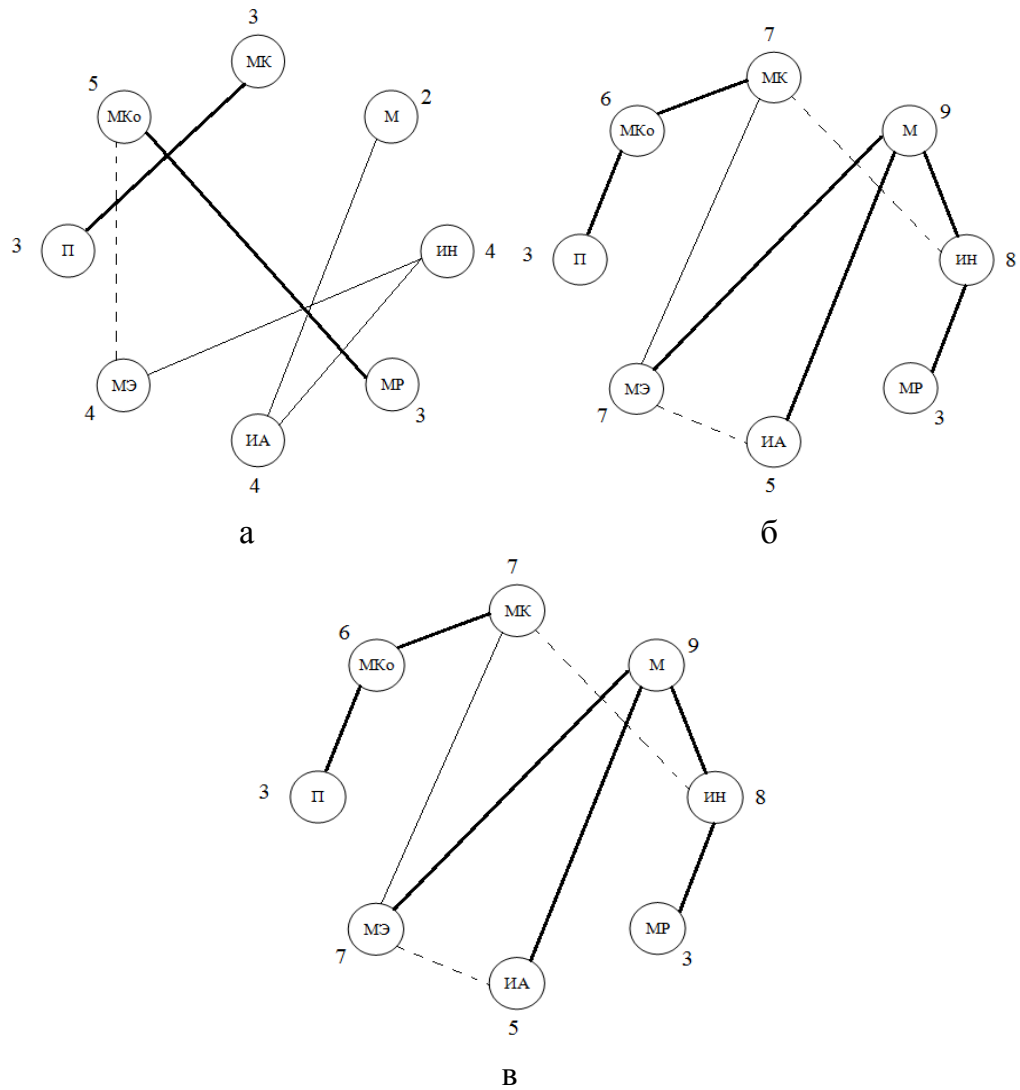

Рис. 33. Структурограммы основных подсистем метакогнитивной сферы для трех разных возрастных групп: а – для первой группы (3-5 лет); б – для второй группы (10-12 лет); в – для третьей группы (20-22 года); *Обозначения:* МК – метакогнитивная подсистема, МР – мета-регулятивная подсистема, МЭ – метаэмоциональная подсистема, МКо – метакоммуникативная подсистема, П – процедуральная подсистема, М – мониторинговая подсистема, ИН – ингибиторная подсистема, ИА – интеракционная подсистема; жирная линия – связи, значимые на $p = 0,05$; полужирная линия – связи, значимые на $p = 0,01$; пунктирная линия – отрицательные связи; рядом с обозначением подсистем указан их структурный «вес» в системе.

Таблица 21

Индексы структурной организации основных подсистем
метакогнитивной сферы в различных возрастных группах

индексы \ группы	1-ая возрастная группа	2-ая возрастная группа	3-я возрастная группа
ИКС	12	20	27
ИДС	2	4	7
ИОС	10	16	20

На рис. 34 эти же результаты представлены в графической форме

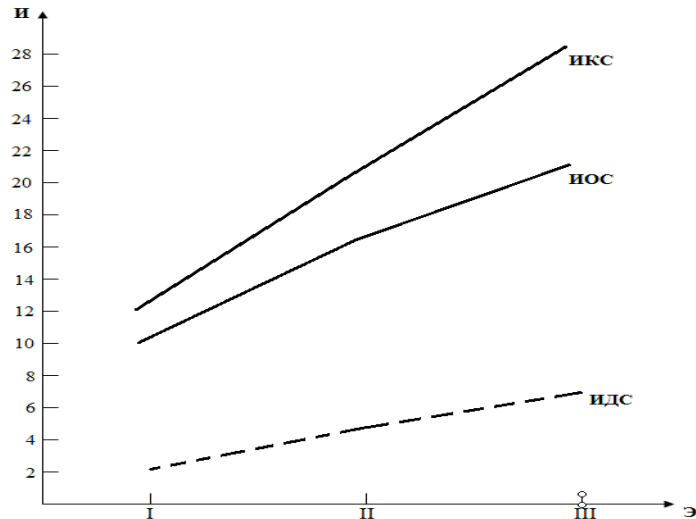

Рис. 34. Динамика индексов структурной организации основных метакогнитивных подсистем в зависимости от стажа. *Обозначения:* Э – этапы профессионализации (стажные группы: I-ая, II-ая и III-ья); И – значения структурных индексов.

Анализ этих результатов позволяет выявить следующие основные особенности генезиса метакогнитивной сферы на субсистемном уровне ее организации. Во-первых, с высокой степенью рельефности выявляется возрастание величины индекса когерентности (ИКС) основных подсистем метакогнитивного плана при переходе от одной стажной группы к другой. Это означает, что в ходе профессионализации имеет место значимое увеличение степени интегрированности основных подсистем. Причем, степень этого возрастания весьма существенна – она измеряется не столько «в процентах», сколько кратно – «в размах». Кроме того, ее мера значимо выше, нежели аналогичный показатель, найденный для динамики основных параметров метакогнитивной сферы в предыдущем исследовании. Подчеркнем также, что реализация по отношению к этим данным критерия Краскела-Уолеса подтвердила статистическую достоверность представленных данных о динамике ИКС ($p = 0,05$). Вместе с тем, наиболее значимым является то, что интерпретация этих данных с позиций концепции системогенеза с очевидностью вскрывает следующий важный факт. В процессе профессионализации субъекта управленческой деятельности по отношению к динамике формирования основных подсистем метакогнитивной сферы обнаруживается один из основных принципов системогенеза – принцип *прогрессирующей интеграции*.

Во-вторых, не менее очевидно, что в ходе профессионализации выявляется и закономерная динамика и второго основного индекса – дифференцирован-

ности основных подсистем. Она также последовательно возрастает, хотя – и это также значимо, темпы ее динамики представлены в существенно более умеренном виде. Следовательно, можно констатировать не только возрастание степени когерентности, интегрированности основных подсистем, но и увеличение степени их дифференцированности, дивергентности. Однако это означает, что по отношению к профессиогенетической динамике всей совокупности подсистем метакогнитивного плана следует констатировать действие еще одного основного системогенетического принципа – принципа *нарастающей дифференциации*. При этом степень изменчивости ИДС по отношению к динамике подсистем выше, чем по отношению к динамике отдельных параметров метакогнитивной сферы, выявленная в предыдущем исследовании (к этому факту мы еще возвратимся в ходе дальнейшего обсуждения).

В-третьих, можно видеть, что динамика изменения ИКС выражена в существенно большей степени, чем степень изменчивости значений ИДС. На рис. 33 это проявляется в существенно разном угле наклона зависимостей ИКС и ИДС от стажа. В результате суперпозиции этих двух зависимостей, каждая из которых свидетельствует о какой-либо важной системогенетической закономерности, возникает еще одна – также значимая закономерность этого рода. Она состоит в том, что по мере профессионализации увеличиваются значения наиболее обобщенного структурного индекса – общей организованности структуры. Однако, как известно из методологии структурно-психологического анализа, именно он, являясь наиболее обобщенным индикатором структурной организации, именно поэтому и выступает главным показателем общей организованности, сформированности системы. Другими словами, он индицирует то, насколько сама система является сформированной и, соответственно, насколько консолидированы ее основные «составляющие» – в том числе и основные из них, то есть ее основные подсистемы. Следовательно, по отношению к полученным результатам с очевидностью обнаруживается действие еще одной специфически системогенетической закономерности – принципа *консолидации*.

Таким образом, можно заключить, что по отношению к генетической динамике метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности на субсистемном уровне ее организации обнаруживаются три важнейших принципа системогенеза – принципы прогрессирующей интеграции, нарастающей дифференциации и последовательной консолидации. Данный факт является очень важным аргументом в пользу того, что этот генезис подчиняется ос-

новным закономерностям системогенеза – его принципам и, следовательно, является системогенезом как таковым. Кроме того, обратим внимание и на еще одно – важное обстоятельство: возрастание величины ИОС, индицирующее рост степени консолидированности структуры, фактически, означает, что повышается и так сказать общая мера воплощенности в ней системной формы организации как таковой. Поэтому можно считать, что главный смысл системогенеза как типа развития состоит в том, что в его ходе последовательно возрастает мера воплощенности в организации того или иного процесса системности как формы организации. Системогенез – это не только формирование системы, но и формирование *системности* как базового принципа организации. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что, наряду с рассмотренными принципами, обнаруживаются и другие, также основные закономерности такого рода – другие принципы системогенеза.

Так, в-четвертых, обработка полученных результатов показала, что сравнительные темпы формирования практически всех исследованных подсистем, то есть интенсивность их формирования и развития являются различными на разных фазах общего процесса профессионализации. Они формируются и развиваются с разной мерой выраженности на его различных этапах. Это проявляется, в частности, в том, что, скажем, процедуральная и мониторинговая подсистемы характеризуются существенно более высокими темпами формирования на относительно ранних этапах профессионализации, а на последующих этапах эти темпы значимо снижаются. И наоборот, темпы формирования, скажем, метарегулятивной, метакоммуникативной и метаэмоциональной подсистем являются очень умеренными на ранних этапах профессионализации; на более продвинутых ее этапах они, однако, становятся существенно более очевидными. При этом следует принимать во внимание и еще одно важное, но достаточно имплицитное обстоятельство. По отношению к динамике этих подсистем следует учитывать и действие своего рода «инволюционных факторов», обусловленных возрастными изменениями. Следовательно, вывод о том, что эта динамика имеет место и что она выражена достаточно очевидно, должен делаться с «поправочным коэффициентом» на эти – инволюционные изменения. Другими словами, в действительности, она еще более выражена, нежели это проявляется в полученных эмпирических данных. Все это, в свою очередь, свидетельствует о том, что динамике основных подсистем метакогнитивного плана

присуща еще одна важная и общая закономерность системогенетического типа, зафиксированная в принципе *неравномерности*.

В-пятых, как известно из концепции системогенеза, принцип неравномерности объективно сопряжен с еще одним важным и также общим принципом – с принципом *гетерохронности*. Он означает, что периоды наиболее интенсивного формирования различных «составляющих» системы, как правило, не совпадают друг с другом; они «разнесены» по времени. Однако именно это также с высокой степенью рельефности обнаруживается по отношению к сравнительной генетической динамике совокупности подсистем. Так, в частности, периоды наиболее интенсивного формирования процедуральной и ингибиторной подсистем существенно «разнесены» по времени – вторая формируется существенно позже (см. рис. 35а). Формирование метакогнитивной подсистемы опережает формирование метаэмоциональной подсистемы (см. рис. 35б).

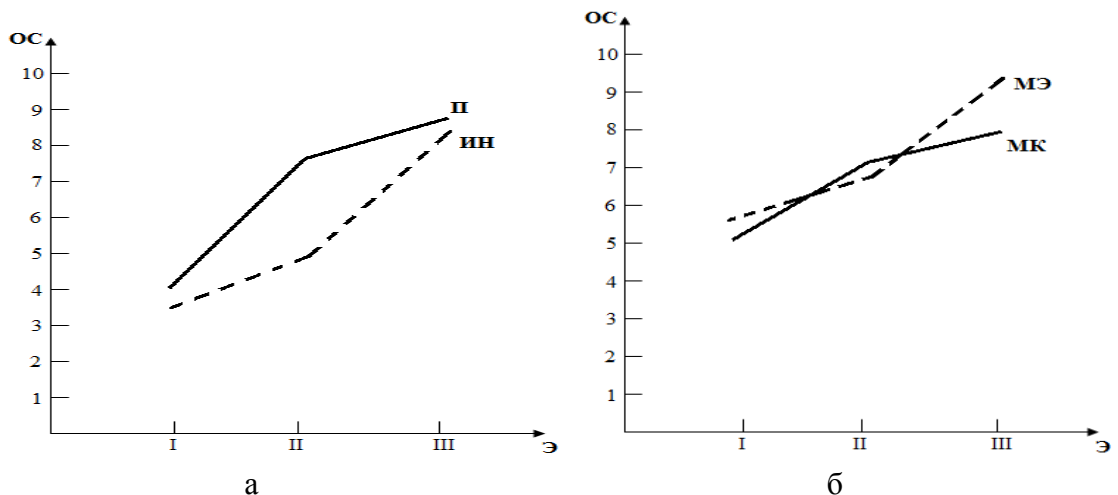

Рис. 35. Динамика степени развития процедуральной (П) и ингибиторной (И) подсистем (а), а также метакогнитивной (МК) и метаэмоциональной (МЭ) подсистем (б). Обозначения: Э – этап профессионализации (I-ый, II-ой, III-ий); ОС – общая степень сформированности в баллах примененной методики

Кроме того, наиболее интенсивное формирование метарегулятивной и интеракционной подсистем происходит на более «продвинутых» этапах профессионализма, чем, скажем, формирование процедуральной и мониторинговой подсистем. В целом наиболее явно это прослеживается в отношении сравнительной динамики двух разных групп подсистем – субъектно- и деятельностно-ориентированных. В первую входят метакогнитивная, метарегулятивная, метакоммуникативная и метаэмоциональная подсистемы; они представлены на рис. 1 «нижней» стороной «куба», дающего структурную экспликацию всей их совокупности. Во вторую входят процедуральная, мониторинговая, ингибиторная

и интеракционная подсистемы: они представлены его «верхней» стороной. В силу этого, можно заключить, что формирование подсистем собственно деятельностного плана наиболее интенсивно осуществляется на относительно более ранних этапах профессионализации субъекта управленческой деятельности, нежели формирование подсистем личностного плана. Следовательно, все эти – достаточно несложные сами по себе особенности, взятые в их совокупности, свидетельствуют о том, что по отношению к генезису основных подсистем метакогнитивной регуляции управленческой деятельности выполняется еще один основной принципа системогенеза – принцип *гетерохронности*.

В-шестых, следует особо подчеркнуть, что действие всех отмеченных выше принципов имеет по отношению к формированию метакогнитивной сферы и определенную специфику. Так, в частности, принцип неравномерности раскрывается еще одной – весьма значимой гранью. Его смысл состоит уже не только в том, что в нем фиксируются различия в темпах формирования тех или иных «составляющих» системы на разных интервалах ее развития (в данном случае – подсистем). Дело еще и в том, что общий диапазон, в котором происходит это формирование, также является не одинаковым – так сказать «разно-размерным» для разных подсистем. Другими словами, их формирование неравномерно еще и в том смысле, что диапазон – величина генетических трансформаций, присущая каждой из них, не совпадают, а наоборот, являются существенно разными. По отношению к полученным в данном исследовании результатам это проявляется, прежде всего, в том, что все восемь подсистем достаточно отчетливо дифференцируются в две разные группы. В первую входят те из них, которые складываются и развиваются, в основном, под влиянием собственно деятельностной детерминации: это те подсистемы, которые локализованы на верхней грани «куба» (см. рис. 1) – метарегулятивная, интеракционная, процедуральная и ингибиторная подсистемы. Диапазон их генетических изменений существенно больше, чем аналогичный диапазон второй группы подсистем – тех, которые имеют, в основном, уже не деятельностную, а субъектную детерминацию и которые локализованы на нижней грани «куба». Это метакогнитивная, метарегулятивная, метакоммуникативная и метаэмоциональная подсистемы. Кроме того, необходимо отметить также, что еще одной специфической особенностью данного принципа по отношению к генезису всей совокупности подсистем является то, что подсистемы первой группы (специфически деятель-

ностные) характеризуются, как отмечалось, опережающими темпами формирования на относительно более ранних этапах профессионализации, нежели формирование подсистем второй группы (специфически субъектных).

Наряду с этим, и принцип гетерохронности также обретает новую – дополнительную грань. Она состоит в том, что различия в мере сформированности тех или иных «составляющих» системы (в данном случае – подсистем) проявляются не только в абсолютной степени их сформированности на разных этапах профессиогенеза – не только в оценках их сформированности, но и в том, какую роль они играют в их общей структуре; поясним сказанное. Дело в том, что на разных этапах профессионализации закономерным образом меняется набор тех подсистем, которые обозначаются в методологии структурно-психологического анализа понятием базовых. Напомним, что ими являются те компоненты системы, которые имеют наибольший структурный «вес» в общей организации системы. Тем самым, они являются структурообразующими для нее. Как можно видеть на рис. 33, на первом стажном «срезе» это метакоммуникативная, интеракционная и метаэмоциональная подсистемы; на втором – мониторинговая, ингибиторная и метакогнитивная подсистемы; на третьем – процедуральная, ингибиторная, мониторинговая и метарегулятивная подсистемы. Однако, даже с чисто формально-логической точки зрения вполне очевидно, что тот или иной компонент системы – та или иная ее подсистема только тогда могут выполнять роль базовой, то есть, подчеркиваем, структурообразующей, когда они будут обладать, так сказать, соответствующей «мощностью», соответствующим потенциалом – будут сформированы, развиты в достаточно высокой степени. Следовательно, сами по себе различия в составе базовых подсистем на разных этапах профессионализации также является еще одним индикатором принципа гетерохронности.

В-седьмых, как известно, наряду с уже рассмотренными, в концепции системогенеза дифференцируются и другие также важные принципы: «одновременности закладки» компонентов системы, «обеспечения достаточного эффекта» в функционировании системы и целевой детерминации. В этой связи очень показательным и доказательным, что именно они с не меньшей степенью очевидности также обнаруживаются в генетической динамике основных подсистем метакогнитивного плана. Причем, их действие эксплицируется не только непосредственно теми эмпирическими данными, которые получены в данном исследовании, но и более общими и достаточно хорошо известными фено-

менами и закономерностями, описанными в психологии профессиональной деятельности. Так, в частности, с высокой степенью очевидности выявляется принцип «одновременности закладки» компонентов системы. Действительно, сама суть управленческой деятельности состоит, в частности, и в том, что ее реализуют, главным образом, те лица, которые при прочих равных условиях уже имеют относительно наиболее высокие показатели профессионального характера. Это те лица, которые «заслужили право» быть руководителем. Иными словами, это те профессионалы, у которых в относительно наибольшей степени уже сформированы соответствующие средства и процессы регуляции деятельности. Конечно, при этом следует учитывать, что реальность гораздо сложнее и неоднозначнее, а из отмеченного правила существуют достаточно многочисленные (хотя и нежелательные) исключения. Кроме того, следует учитывать, что – опять-таки при прочих равных условиях – специфика управленческой деятельности состоит еще и в том, что ее реализуют, как правило, не молодые или «очень немолодые» люди, у которых практически все основные когнитивные, метакогнитивные, регулятивные и иные средства уже – просто по определению сформированы в достаточно зрелом виде. Следовательно, именно по отношению к субъектам именно этой деятельности с полным основанием можно констатировать очень выраженное соблюдение принципа «одновременности закладки» – наличия всех подсистем в достаточно сформированном виде.

Далее, весьма рельефно и, что еще более значимо, – объективно проявляется и принцип обеспечения *достаточного эффекта*. Дело в том, что для эффективной реализации основных управленческих функций объективно необходима достаточно высокая степень сформированности не какой-либо части основных подсистем метакогнитивного плана, а всей их совокупности. «Выпадение» той или иной из них или даже их представленность в дефицитарном виде является объективным противопоказанием для реализации управленческих функций на нормативно приемлемом уровне. Следовательно, в случае такой дефицитарной представленности в действие выступают мощные механизмы компенсаторного типа. Они обеспечивают «подтягивание» уровня сформированности подсистем под необходимый и достаточный минимум.

Наконец, пожалуй, с наибольшей степенью очевидности обнаруживается и действие принципа *целевой детерминации*, хотя и в несколько специфическом виде. Дело в том, что основным и, что еще важнее, объективным критерием для дифференциации самих подсистем, как было подробно обосновано в главе 2,

является их соответствие той или иной функции по обеспечению регуляции деятельности и, следовательно, сама эта дифференциация осуществляется на основе той конкретной цели, ради которой реализуются сами эти функции. Иными словами, каждая подсистема формируется и развивается как «функциональный орган», направленный на реализацию той или иной конкретной цели.

Итак, можно видеть, что в общей генетической динамике основных подсистем метакогнитивного плана, действительно, воплощены все основные закономерности системогенетического типа – основные принципы системогенеза. Вместе с тем, дело заключается еще и в том, что наряду с этими – «классическими» принципами, обнаруживается и действие других – также очень общих и важных закономерностей системогенетического типа, описанных позже, чем сами «классические» принципы. Речь идет, прежде всего, о принципе *иерархизации*. Напомним, что его суть заключается в том, что генезис практически любой системы, то есть процесс системогенеза в непосредственном и исходном смысле, прежде всего (причем, совершенно объективно) предполагает формирование ее главного атрибута – уровневой структуры. Понятия уровней организации и системной организации во многом не просто синонимичны, но и взаимопологаемы. Следовательно, суть генезиса любой системы, а потому и ее главный принцип состоит в формировании ее уровневой структуры. Осуществляющееся в ходе генезиса системы становление иерархической структуры ее основных уровней является очень общей закономерностью генетического плана. Поэтому сам процесс становления иерархии – процесс иерархизации также должен быть рассмотрен как объективно необходимый принцип системогенеза.

Очень показательным, что именно этот – основной и базовый принцип с наибольшей полнотой и рельефностью проявляется в процессе генезиса метакогнитивной сферы личности как регулятора деятельности. Однако, для того, чтобы придать данному заключению должную степень наглядности и доказательности, необходимо рассмотреть полученные в описываемом здесь исследовании результаты в сопоставлении с результатами предыдущего исследования. Дело в том, что разница между ними состоит в том, на каком уровне организации метакогнитивной сферы рассматривался ее генезис. В первом исследовании им был уровень отдельных параметров метакогнитивной сферы, то есть компонентный уровень, а во втором исследовании генезис рассматривался на ином уровне – субсистемном. При этом наиболее общим результатом этих двух исследований явилось то, что в первом случае (то есть на уровне *аналитически*

дифференцированных компонентов), не выявляется сколько-нибудь закономерная динамика системогенетического плана. И напротив, во втором случае (на уровне их *системной* организации) эта динамика не только выявляется, но и представлена практически во всей ее полноте и многогранности. Следовательно, уже сам по себе этот факт *объективно* свидетельствует о том, что генезис метакогнитивной сферы принадлежит именно к системогенетическому типу; он представляет собой системогенез в его непосредственном и строгом смысле

Наряду с этим, важно и то, что данный тип генезиса вовсе «не отменяет» тех трансформаций, которые сопряжены с компонентным уровнем, а напротив, предполагает их и даже базируется на них. Дело в том, что сами подсистемы формируются как закономерные синтезы компонентном, приводя в итоге к становлению на основе компонентного уровня другого – иерархически более высокого уровня – субсистемного. На основе этого, можно видеть, что в сопоставлении результатов двух представленных исследований (и, соответственно, в сравнительной динамике компонентного и субсистемного уровней) проявляется действие механизмов становления иерархии. Это – формирование нового уровня (субсистемного) на основе уже существующего (компонентного). Тем самым, можно констатировать действие принципа иерархизации как такового. Однако, важно еще и то, что само складывание и развитие субсистемного уровня является объективным условием и ключевой предпосылкой для формирования на его основе еще более сложноорганизованного уровня – общесистемного. Дело в том, что сам общесистемный уровень как раз и представляет собой закономерную организацию его «единиц», каковыми и выступают основные подсистемы (в данном случае – метакогнитивного плана). Таким образом, принцип иерархизации распространяется и на следующий межуровневый переход – на формирование еще одного, еще более сложного иерархического уровня – общесистемного, локализующегося над субсистемным уровнем.

Наконец, специально подчеркнем, что именно с позиций принципа иерархизации естественным образом преодолевается то «противоречие», которое было констатировано в результате первого исследования. Напомним, что оно состояло в весьма умеренном характере генетической динамики практически всех отдельных компонентов метакогнитивной сферы в сочетании с достаточно выраженным возрастанием общего метакогнитивного потенциала. Об этом свидетельствует и то, что качественно однородными, то есть гомогенными являются только те структуры, которые синтезируют в себе отдельные – основ-

ные параметры метакогнитивной сферы. Иначе говоря, это те структуры, которые характеризуют компонентный уровень ее организации. Однако, по отношению к другому ее уровню – субсистемному имеет место не просто иная, но противоположная по смыслу картина. Те матрицы, которые были определены на основе массива основных метакогнитивных подсистем и которые характеризуют их структурную организацию в разных стажных группах, оказались качественно разнородными, то есть гетерогенными. Данный результат не только может, но и должен быть объяснен на основе учета следующего – определяющего обстоятельства. Дело в том, что все основные подсистемы, образующие в итоге метакогнитивную сферу личности, в реальности, то есть в условиях естественной профессиональной деятельности складываются и развиваются под влиянием так сказать «двойной детерминации». С одной стороны, это динамика личностных изменений самого субъекта деятельности. С другой стороны, это специфически деятельностная динамика, состоящая в том, что в ходе профессионализации, фактически, возникают новые – деятельностно-специфические подсистемы метакогнитивной регуляции (прежде всего, процедуральная, ингибиторная и мониторинговая подсистемы).

Следовательно, такие существенные и достаточно кардинальные изменения даже самого состава подсистем не могут не проявляться и в аналогичных, то есть также принципиальных трансформациях их общей структуры. Однако, качественная трансформация имеет место именно на уровне основных подсистем, образующих метакогнитивную сферу. Динамика же ее структурной организации, взятая на ином уровне – компонентном, который в существенно большей степени отражает и воплощает более общую и более стабильную – *субъектную* детерминацию и обусловленность метакогнитивной сферы носит аналогичный – менее выраженный характер и имеет вид поступательного разворачивания, эволюционного, а не трансформационного развития (объяснение чему уже было дано выше). Поэтому по отношению к структурной организации совокупности основных подсистем, то есть на субсистемном уровне организации метакогнитивной сферы имеют место качественные трансформации самих этих структур. Она, однако, существует и может быть обнаружена не на уровне отдельных компонентов, а на уровне их организации – прежде всего, на субсистемном уровне. Кроме того, важно подчеркнуть и то, что сам факт такого обнаружения свидетельствует и о правомерности развиваемого в данной работе об-

щего подхода к метакогнитивной сфере личности как системно-организованному, структурно-построенному образованию.

Завершая рассмотрение результатов данного исследования, подчеркнем еще одно – также важное в контексте его задач обстоятельство. Как мы уже отмечали выше, в целях выявления, обоснования и интерпретации специфически системогенетических закономерностей формирования метакогнитивной сферы личности не только могут, но и обязательно должны быть привлечены многочисленные данные эмпирико-феноменологического и деятельностно-аналитического плана, которыми располагает психология профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Так, одним из наиболее ярких проявлений принципов неравномерности и гетерохронности выступают те качественные трансформации, которые имеют место на достаточно продвинутых («поздних») этапах профессионализации субъекта управленческой деятельности и которые связаны с одним из важнейших метарегулятивных процессов – с процессом метарешений. Он, в свою очередь, входит в состав одной из основных подсистем – в метарегулятивную, а его сущность состоит в следующем (напомним также, что он уже анализировался нами в главе 2). Многочисленные данные самого разного плана убедительно свидетельствуют о том, что, прежде чем, принять какое либо конкретное решение, субъект принимает решение о том, идти ему на решение как таковое, или попытаться уйти от него. В результате такого «решения о решении», «вторичного решения» – метарешения, собственно говоря, и определяется принципиальная стратегия выхода из той или иной ситуации – либо посредством выбора какой-либо альтернативы, либо посредством замены этого выбора иными средствами преодоления неопределенности. В «управленческом фольклоре» сформулировано даже особое правило – «закон Фалькланда»: если решение можно не принимать, его нужно не принимать [190]. Это, в свою очередь, лежит в основе особого вида поведения – *элиминативного*, которое исследуется и в теории решений, и в так называемой «психологии уходов». Очень важно и то, что, вопреки сложившимся стереотипам, элиминативное поведение вовсе не является «отрицательным», негативным проявлением организации деятельности; более того. Оно в целом нередко даже более эффективно, нежели его непредставленность в структуре деятельности. Наконец, в контексте задач данного параграфа наиболее значимо то, что степень выраженности элиминативного поведения и, соответственно, процессов метарешений значимо *возрастает* по мере профессионализации

субъекта [133]. Кроме того, возрастает и степень сопряженности элиминативного поведения с параметрами эффективности деятельности. Другими словами, в ходе генезиса субъекта управленческой деятельности имеют место две разнонаправленные, но одинаково позитивные тенденции. Первая состоит в том, что формируется способность принимать решения, а вторая – в том, что формируется способность и соответствующие средства их не принимать.

Другой иллюстрацией действия системогенетических принципов в целом и принципов неравномерности и гетерохронности, в особенности, являются еще более известные и убедительные факты, эксплицирующие прямую связь профессионализации с тем, что обозначается по-разному, но едино по своей сути: самообладание, умение не поддаваться эмоциям, контроль за собой, способность «держаться в руках» и др. Речь идет о комплексе процессуальных средств, которые составляют неотъемлемую часть еще одной базовой подсистемы метакогнитивной сферы – мониторинговой. Однако, как известно, она в ее наиболее развитом виде складывается именно на относительно поздних этапах профессионализации. Сама степень ее сформированности служит даже мерилем профессионализма руководителя, уровня его зрелости.

Завершая анализ полученных результатов и возвращаясь к исходному – основному вопросу исследования (существуют ли значимые изменения метакогнитивной сферы в зависимости от стажа), можно предложить следующий – наиболее обобщенный вариант ответа. Эти изменения, действительно, существуют, но имеют гораздо более сложный характер, нежели можно было прогнозировать априорно. Так, по отношению к компонентному уровню организации метакогнитивной сферы они в большей мере представлены в форме динамики отдельных ее параметров, а структурные перестройки выражены на нем в существенно меньшей степени. На субсистемном уровне, напротив, намного более выраженными являются собственно структурные трансформации. Наконец, в общей динамике метакогнитивной сферы и ее основных подсистем, а также отдельных компонентов одновременно представлены два источника детерминации – общая, то есть субъектная, и специфическая, то есть деятельностная. В результате их комплексного воздействия имеющая место, в действительности, динамика обретает аналогичный – также комплексный, сложный, но вполне объяснимый с точки зрения особенностей метакогнитивной сферы характер.

Данное обстоятельство заслуживает особого внимания еще и потому, что оно является, фактически, важным аргументом в пользу одного из наиболее общих результатов структурного исследования данной сферы. Действительно, несмотря на целый комплекс факторов осложняющего и опосредствующего характера, которые влияют на процесс генезиса данной сферы и которые были отмечены в начале этого параграфа, он все же подчиняется наиболее общим закономерностям системогенетического типа. Метафорически выражаясь, эти закономерности, так или иначе, но все равно «пробивают себе дорогу» сквозь разнообразные влияния, затушевывающие и «нарушающие» нормативное протекание генезиса данной сферы именно в управленческой деятельности. Тем самым, однако, с еще большей обоснованностью подтверждается факт, действительно, объективного существования как основных особенностей ее структурной организации в целом, так и наличия в ней субсистемного уровня, в особенности (поскольку наиболее важные и инвариантные закономерности выявляются именно «в пространстве» основных подсистем). Кроме того, в этом проявляется и одна из основных, хорошо известных в методологии особенностей самого генетического исследования. Оно, наряду со своими прямыми функциями – предметно-ориентированными, направленными на раскрытие особенностей предмета исследования, выполняет еще и функции метода, точнее – методологии исследования. Дело в том, что установление системогенетического характера развития данной сферы, то есть развития, специфического именно для образований системного типа, хотя и опосредствованно, но *объективно* и аргументированно свидетельствует о системности организации метакогнитивной сферы, а также о том, что она структурируется из установленной в главе совокупности основных подсистем.

Далее, необходимо подчеркнуть, что все полученные в этом исследовании результаты достаточно полно соответствуют еще одному значимому положению реализуемого в данной работе метасистемного подхода к изучению метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Оно состоит в том, что для систем определенного, качественно специфического класса (со «встроенным» метасистемным уровнем) процесс их генезиса, представлен не в форме «обычного», классического системогенеза, а как процесс метасистемогенеза. Это означает, в частности, что важнейшей гранью их генезиса является все более полное и комплексное функциональное включение в них базовых характеристик той метасистемы (или нескольких метасистем), в которые они сами он-

тологически, то есть структурно включены. Тем самым генезис этих систем раскрывается и как во многом «вторичный», производный от детерминирующего влияния на него самих этих метасистем. В результате он обретает целый ряд новых качественно специфических и очень важных особенностей и закономерностей (их обзор см., например, в [134]). Однако именно это, как можно видеть из всей совокупности представленных материалов и является одной из наиболее характерных особенностей формирования метакогнитивной сферы в ходе освоения управленческой деятельности. Причем, в этом процессе происходит функциональное включение – «встраивание» в ее состав и содержание не одной, а трех метасистем – личности субъекта этой деятельности, особенностей содержания и организации деятельности, а также базовых параметров организационной среды, в которой она разворачивается.

Действительно, ее становление неразрывно сопряжено с теми трансформациями гораздо более общего и мощного плана, которые связаны с перестройками собственно личностного плана, а они, в свою очередь, оказывают аналогичное, то есть также очень сильное влияние на генезис и метакогнитивной регуляции. Причем, оно носит очень сложный и зачастую непредсказуемый, «нерегулярный» характер. Другая метасистема – сама деятельность в целом также очень сильно и, к тому же, неоднозначно влияет на генезис данной сферы. Она приводит к постоянным ее трансформациям и, более того, непосредственно детерминирует не только развитие, но и возникновение целого ряда ее подсистем (они были обозначены выше как подсистемы второй группы – деятельностные, локализованные на верхней грани «куба» на рис. 1). Наконец, третья метасистема также значимо детерминирует генезис метакогнитивной сферы, поскольку именно общий социо-организационный контекст, в котором объективно разворачивается управленческая деятельность, выступает очень мощной и подчеркнуто комплексной детерминантой не только ее содержания и структуры, но и ее генезиса. Кроме того, это влияние, как известно, является наиболее многозначным и трудно поддающимся упорядочиванию и прогнозированию. Именно эти три «источника» детерминации и придают генезису метакогнитивной сферы сложный и не однонаправленный характер, являются факторами затрудняющего плана при его исследовании. Одновременно их учет и использование в качестве интерпретационного средства позволяет полнее понять и объяснить важные особенности этого генезиса.

Наконец, следует подчеркнуть и еще одну – пожалуй, наиболее общую особенность генезиса управленческой деятельности в целом, которая также влияет на формирование и развитие метакогнитивной сферы. Данная особенность является весьма своеобразной, а отчасти – и эксклюзивной, заключааясь в следующем. Если по отношению к очень многим (или даже – ко всем) видам и типам профессиональной деятельности ее формирование как раз и выступает главной целью, основным смыслом и вообще – предназначением всего ее генезиса как такового, то по отношению к управленческой деятельности обстоит существенно иначе и даже, так сказать, в «инверсионной» форме. Для нее сам этот генезис, взятый в аспекте его результата – сформированной деятельности, выступает уже, скорее, средством и одним из главных, притом – объективных предпосылок и условий ее развертывания и даже существования. Дело в том, что при прочих равных условиях руководящие посты практически по любому из конкретных видов профессиональной деятельности занимают именно те лица (или, по крайней мере – *должны* занимать), которые как раз и характеризуются уже относительно наибольшей успешностью ее реализации. Собственно говоря, именно относительно более высокая профессиональная успешность очень часто является (или опять-таки – *должна* являться) не просто «одним из», а главным критерием самого отбора на управленческие должности. В этом смысле генезис управленческой деятельности в целом и ее основных «составляющих», в частности (в том числе, и метакогнитивной сферы) развертывается «после» и «на основе» уже в значительной мере реализованного формирования самой профессиональной деятельности, в отношении организации которой реализуется управленческая деятельность. Он так сказать «вынесен» за пределы освоения самой этой деятельности – находится «за» ним. В связи с этим, дополнительным смыслом наполняется и само понятие метасистемогенеза – он предстает как вынесенный за пределы содержательного освоения деятельности (отсюда и префикс «мета»). Конечно, в действительности, реальность более сложна и неоднозначна, поскольку, во-первых, далеко не всегда действует тот принцип, согласно которому на руководящие посты выдвигаются «лучшие в своем деле». Во-вторых, еще более характерной является ситуация, при которой имеет место совмещение продолжающегося освоения исполнительской деятельности с управленческой деятельностью по руководству ей же.

Таким образом, все эти результаты в своей совокупности, а точнее – в их комплексе и взаимодополнении вскрывают действительную – достаточно

сложную и неоднозначную картину динамики аналитических и структурных перестроек метакогнитивной сферы, а также ее основных подсистем и базовых параметров в зависимости от степени профессионализации. Вместе с тем, она носит не только сложный, а иногда – и не вполне прогнозируемый с точки зрения априорных ожиданий характер, но, в действительности, позволяет раскрыть некоторые новые закономерности структурной и функциональной организации всей метакогнитивной сферы. Наиболее важным и общим выводом, который можно сделать на основе представленных результатов и который раскрывает реальную сложность и специфику формирования метакогнитивной сферы является заключение о том, что оно принадлежит к системогенетическому типу, представляет собой системогенез как таковой. Присущие ему основные закономерности – базовые принципы системогенеза, однако, могут быть выявлены и адекватно проинтерпретированы при обязательном учете трех обстоятельств. Во-первых, при переходе от аналитического уровня исследования на более глубокий, но и более мощный уровень – структурный. Во-вторых, при обязательном учете требования диверсифицированного рассмотрения этих особенностей то есть их рассмотрения с учетом их уровневого статуса – либо на компонентном уровне метакогнитивной сферы, либо на ее субсистемном уровне. В-третьих, при обязательном условии учета двух типов детерминации этих трансформаций – со стороны собственно субъектных факторов и со стороны факторов деятельностного плана. Наконец, подчеркнем, что все сформулированные выше заключения, наряду с их собственно содержательным смыслом, имеют, на наш взгляд, и более общее значение. Они позволяют наметить пути синтеза трех крупных, вполне самостоятельных направлений, которые, однако, до сих пор развивались практически автономно друг от друга – теории системогенеза, психологии управления и современного метакогнитивизма.

Далее, необходимо учитывать, что процесс формирования метакогнитивной сферы характеризуется не только теми – наиболее общими особенностями и закономерностями, которые присущи системогенетическому типу развития, но и включает целый ряд особенностей и феноменов более частного, хотя также весьма важного плана. Одними из наиболее значимых и специфических именно для управленческой деятельности являются особенности, связанные с генетическими изменениями функциональной роли важнейшего когнитивно-личностного свойства, а одновременно и профессионально-важного качества руководителя – *рефлексивности*. Выше неоднократно подчеркивалось положение, соглас-

но которому оно является не только одним из наиболее важных для управленческой деятельности, но и объективно сопряжено с самой ее сутью и основными атрибутами. Действительно, через всю психологию управления «красной нитью» проходит положение о важнейшей роли и определяющем для их реализации значении факторов и детерминант, средств и механизмов собственно рефлексивного плана. При этом основной и магистральной тенденцией развития организаций, равно как и социума в целом выступает необходимость дополнения «физических» и сугубо материальных методов повышения заинтересованности в работе (таких, например, как денежное вознаграждение) пониманием мотивации как процесса создания внутреннего побуждения к деятельности в результате использования сочетания многих потребностей работника. В связи с этим руководитель вынужден учитывать психологические особенности подчиненных, для чего необходимы навыки восприятия и понимания их личностных характеристик, мотивационной направленности интерпретации поведения в разных ситуациях. Для адекватного понимания другого человека руководителю объективно необходимы как приобретенные с опытом навыки диагностики, так и рефлексивные способности, являющиеся одним из его основных профессионально-важных качеств. Кроме того, следует учитывать, что по-настоящему эффективным является не такое управление, при котором происходит выработка решений в уже возникших ситуациях, а такое, которое предвидит возникновение необходимости принимать решение и так планирует работу в организации, чтобы устранить саму потребность в решении. Навык такого опережающего управления (проактивного менеджмента), естественно, требует высокого уровня развития рефлексивных, то есть метакогнитивных по своей сути способностей.

Разумеется, можно приводить и другие иллюстрации значимости роли рефлексивных средств в реализации управленческих функций. Однако, гораздо важнее подчеркнуть обстоятельство наиболее общего и принципиального плана. Оно состоит в том, что в целом рефлексивность, являясь определяющим фактором эффективной реализации практически всех основных управленческих функций, оказывает значимое влияние и на процессуальные аспекты деятельности, и на ее итоговые результаты. Рефлексивный мониторинг их реализации существенно повышают эффективность управленческой деятельности; однако сам он базируется на основе всех тех средств и механизмов, которые носят собственно метакогнитивный характер. Вообще говоря, в литературе, посвященной

психологическим аспектам управленческой деятельности, стало «общим местом» указание на важность исследования рефлексивных процессов в управленческой деятельности. Это стало, фактически, одной из «аксиом» теории управления в целом и психологии менеджмента, в частности. Однако, именно это – предельно общий и, по существу, фундаментальный характер данного положения делает его особо важным и в плане анализируемых здесь вопросов. Он показывает, что, действительно, средства и приемы, процессы и механизмы собственно рефлексивного (и, следовательно, метакогнитивного) плана играют не просто важную, но и, по существу, определяющую роль в реализации всех основных управленческих функций. Они обладают известными в теории менеджмента свойствами «вездесущести» и «распределенности» по всей системе этих функций (Дж. Мексон и др. [190]). Кроме того, они характеризуются всепроницаемостью во все ее важнейшие и притом – наиболее сокровенные стороны. Все это, повторяем, хорошо и достаточно давно осознается исследователями, что является в принципе очень позитивной особенностью современного состояния исследований в данной области. Однако, не менее характерно, что данные, существующие в настоящее время в психологии управления, с одной стороны, и которые представлены на уровне эмпирико-феноменологических проявлений данной деятельности, с другой, все более убедительно свидетельствуют о неоднозначном, а нередко – и противоречивом влиянии данного свойства на ее результаты.

Кроме того, к сожалению, нередко в исследованиях управленческих функций имеет место просто констатация «важности рефлексивных средств и механизмов» и указание на то, что они «имеют место» при их реализации. При этом полагается, что только этого уже достаточно для того, чтобы выяснить и, главное, объяснить, как же именно действуют сами эти рефлексивные средства и механизмы, каковы имеющие при этом место психологические закономерности. Другими словами, имеет место то, что выше было бы обозначено нами как «рефлексивный редукционизм»: простая ссылка на рефлексивные аспекты управления рассматривается как достаточное объяснительное средство, являющееся, однако, квазиобъяснительным.

Далее, если основываться на базовых закономерностях профессионализации, то следует полагать, что данное свойство, являясь именно профессионально-важным, должно значимо развиваться по мере повышения ее уровня. В действительности, существуют данные (в том числе и полученные нами [123, 125]),

свидетельствующие о том, что с увеличением профессионального управленческого стажа имеет место снижение функциональной роли данного свойства в реализации деятельности. В преднамеренно заостренной формулировке данный вопрос может быть сформулирован следующим образом: нужна ли развитая рефлексивность руководителю, или же она вредна для него? Важность этого вопроса в контексте основных задач данной работы связана еще и с тем, что само свойство рефлексивности в значительной степени выступает комплексным наиболее обобщенным и комплексным – проявлением всей метакогнитивной сферы личности. В конечном счете, эта противоречивость результатов обусловлена объективной противоречивостью – известной «двойственностью», амбивалентностью управленческой деятельности. Наиболее известной моделью, эксплицирующей эту принципиальную двойственность, является «входная решетка управления» Р. Блейка и Дж. Моутон [32]. В общем плане смысл этой двойственности состоит в следующем. С одной стороны, обширный практический опыт показывает, что важным условием эффективности управленческой деятельности является ее реализация посредством так называемых «технократических» стратегий и принципов. Это – известная концентрация «на деле», а не «на людях»; отношение к людям «как к функциям», «концентрация на решении, а не на решателях». В них, разумеется, очень мало места остается рефлексивным факторам и детерминантам. С другой стороны, не меньшее число данных свидетельствует о том, что и противоположные стратегии управления – так называемого «управления с человеческим лицом» (или, по крайней мере, учет «человеческого фактора») все же является очень мощной детерминантной эффективностью управления. Лучший аргумент в пользу этого – относительно наибольшая эффективность во многих случаях партисипативной идеологии управления, во многом базирующейся именно на рефлексивных детерминантах.

В плане решения этого – действительно, очень сложного вопроса могут быть использованы результаты еще одного выполненного нами исследования генетического плана. Оно было организовано следующим образом. В трех рассмотренных при характеристике предыдущего исследования стажных группах была проведена диагностика свойства рефлексивности по специальной, предназначенной для этого методике [128]. Далее, в этих же группах была осуществлена и диагностика степени выраженности одной из восьми основных подсистем метакогнитивного плана, обозначенной выше как ингибиторная подсистема

ма. Напомним, что ее суть состоит в следующем. Она включает в себя целый комплекс очень разнородных по содержанию, но сходных по функциональной направленности средств, служащих для минимизации роли рефлексии и рефлексивности в организации управленческой деятельности. Обнаружение данной подсистем показывает, что рефлексия может не только усиливать (фасилитировать) сама себя, но и минимизировать (ингибировать) себя. Причем, очень важно и то, что такая ингибция – фактически, контролируемая и преднамеренная редукция рефлексивности осуществляется теми средствами и механизмами, которые также являются подчеркнута рефлексивными. Складывается ситуация, которую с определенной долей схематизации можно охарактеризовать так. Рефлексия, направленная на саму себя, может не только усиливаться, но и приводить к ее минимизации и даже блокаде, к «отключению». Рефлексия, выступая как средство по отношению к самой же себе – но уже как к предмету самой рефлексивной регуляции, может не только фасилитировать себя, но и ингибироваться. В целях диагностики степени выраженности ингибиторной подсистемы использована разработанная нами методика [124], а также одна из субшкал методики «Комплексного опросника метакогнитивного потенциала». Полученные результаты представлены на рис. 36.

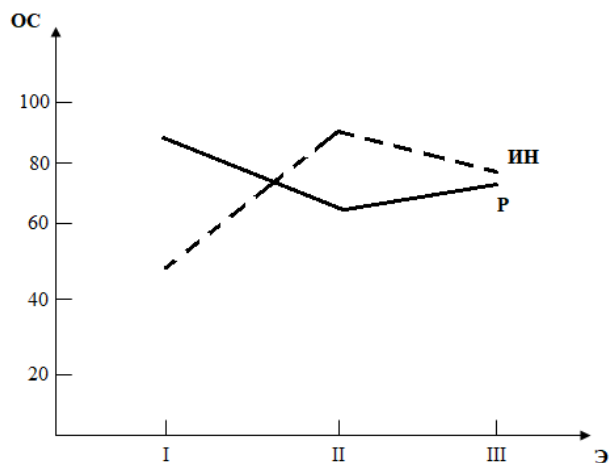

Рис. 36. Динамика индивидуальной меры развития рефлексивности (Р) и степени сформированности ингибиторной подсистемы (ИН) в процессе профессионализации. *Обозначения:* Э – этапы профессионализации (I-ый, II-ой, III-ий); ОС – общая степень сформированности (в баллах использованной методики).

Анализ этих результатов позволяет сделать следующие заключения. Во-первых, можно видеть, что, вопреки априорным прогнозам и теоретическим

ожиданиям, в целом – на всем протяжении профессионализации уровень развития рефлексивности не только не повышается, а хотя и умеренно, но снижается.

Во-вторых, эта общая динамика включает две разные фазы. На первой, действительно, имеет место достаточно отчетливое снижение уровня рефлексивности. Однако, на второй фазе имеет место, наоборот, хотя и существенно менее выраженное, но возрастание этого уровня. Суперпозиция этих разнонаправленных и выраженных в разной степени фаз и дает в итоге некоторое общее снижение уровня рефлексивности в процессе профессионализации.

В-третьих, на основе этого можно констатировать два явления. Первое из них можно обозначить как феномен *редукции рефлексивности* (или как «РР-феномен»). Он имеет место на первой из отмеченных генетических фаз и связан с относительно начальными и особенно – средними этапами профессионализации. Второе явление можно обозначить как феномен *вторичной рефлексивности*; он имеет место на второй фазе и связан с наиболее продвинутыми этапами профессионализации. Первое из этих явлений свидетельствует о том, что в ходе профессионализации, действительно, имеет место снижение уровня развития рефлексивности, которое, в свою очередь, объективно сопряжено с уменьшением функциональной роли данного свойства в деятельности. Данное явление – правда, зафиксированное лишь на феноменологическом уровне, как известно, зафиксировано в переходе от личностно-ориентированного управления к операционно-ориентированному управлению. По мере формирования деятельности, а также по мере увеличения собственного управленческого потенциала субъект во все большей степени обретает независимость от мнений и оценок других; он становится менее зависимым от необходимости «встать на их точку зрения», «учесть интересы» и пр. Причем, как показывает практика, это далеко не всегда является отрицательным фактором управления, а чаще – наоборот, содействует повышению эффективности управленческой деятельности. В наиболее общем плане это, как известно, проявляется в относительно большей эффективности «технократического стиля» управления. Вместе с тем, нельзя не учитывать и второго явления, которое пока не было подвергнуто теоретическому осмыслению, хотя его феноменологические корреляты в принципе достаточно известны. На наш взгляд, этот феномен имеет целый ряд причин, основными из которых являются следующие. Так, нередко именно на достаточно продвинутых или даже – завершающих фазах профессионализации, сопряженных с относительно большим возрастом, происходит, как известно, «переоцен-

ка ценностей». Приходит осознание того, что все же «главное – это люди». Кроме того, на этих же фазах личность уже во многом реализует себя – ей, как говорится в этих случаях, часто «уже не надо ничего доказывать», ее достижения – в том числе и в профессиональной сфере очевидны и общепризнанны. Конечно, может иметь место и противоположный сценарий; однако он, хотя и косвенно, но объективно подтверждает данное явление. Дело в том, что при этом – «негативном» сценарии, имеет место достаточно выраженный «профессиональный отсев», вследствие которого доля такого рода лиц значительно снижается. Следовательно, они во все меньшей степени определяют общую направленность действия данной закономерности [125].

В-четвертых, можно видеть также, что по мере профессионализации столь же закономерная динамика имеет место и в отношении степени представленности ингибиторной подсистемы. В самом деле, начальные и средние этапы профессионализации сопряжены с существенным возрастанием этой степени, свидетельствующем и об увеличении уровня ее сформированности; о все более полном развитии средств «антирефлексивного» плана. Затем, однако – на относительно наиболее продвинутых этапах эта роль, хотя и менее существенно, но все же снижается.

В-пятых (и это, на наш взгляд, являются наиболее показательной особенностью), сравнительная динамика средств рефлексивного и «антирефлексивного» плана является не только взаимосвязанной, но и, по-видимому, взаимопроизводной; поясним сказанное. Снижение функциональной роли факторов рефлексивного плана и, соответственно, уменьшение уровня развития рефлексивности, характерное для первой фазы, сопровождается закономерным возрастанием степени представленности средств противоположного характера – «антирефлексивных», ингибиторных. И наоборот, повышение роли рефлексивности, а соответственно, и уровня ее развития на относительно более продвинутых этапах сопровождается снижением роли ингибиторных средств. Причем, очень характерно, что период, на котором имеет место феномен редукции рефлексивности, непосредственно соотносится в хронологическом плане с максимумом значений выраженности средств «антирефлексивного» плана (то есть со своеобразным «*антирефлексивным пиком*»). Следовательно, и сам феномен редукции рефлексивности отнюдь не сводится просто к снижению роли собственно рефлексивных средств: в его основе лежит не только и даже не столько редукция этих средств, сколько формирование средств противоположной направлен-

ности – «антирефлексивных», ингибиторных. Тем самым, феномен «антирефлексивного пика» выступает и как объяснительное средство феномена редукции рефлексивности.

Представленные результаты, могут быть конкретизированы и углублены на основе учета еще двух важных обстоятельств, которые были выявлены в ходе исследования факторов рефлексивного плана в их генетическом аспекте. Первое состоит в том, что по мере профессионализации снижаются практически все показатели, индицирующие связь индивидуальной меры развития рефлексивности с основными результативными параметрами управленческой деятельности. В частности, снижаются значения коэффициентов корреляции между этой мерой и результативными параметрами; уменьшаются и коэффициенты «корреляционного отношения» между ними. В результате свойство рефлексивности во все большей мере утрачивает статус тех профессионально-важных качеств, которые обозначаются в теории деятельности понятием *ведущих* ПВК. Ими, как известно, являются те индивидуальные качества, которые значимо коррелируют хотя бы с одним результативным параметром деятельности. Вместе с тем, это вовсе не означает, что и в целом роль рефлексивности также снижается; ситуация является, в действительности, более сложной, но и более интересной. Как показывают многочисленные исследования, в том числе – и выполненные нами [125], в процессе профессионализации свойство рефлексивности во все большей степени начинает выступать как *базовое* ПВК. Этим понятием обозначаются те качества, которые характеризуются наибольшим числом и наибольшей значимостью связей со всеми другими ПВК. Базовые качества выполняют важную функцию – они являются структурообразующими для всей системы ПВК. Следовательно, можно заключить, что функциональная роль рефлексивности не снижается, а изменяется. Рефлексивность начинает выступать не прямой, непосредственной детерминантой, влияющей на результативные параметры управленческой деятельности, а комплексным средством организации и структурирования всех иных профессиональных качеств. Она во все большей степени выступает как *организационное* средство – как средство регуляции и координации детерминационной роли иных ПВК.

Тем самым, имеет место, фактически, трансформация самого статуса рефлексивности, изменение ее направленности и частично – общего характера: ее собственно когнитивный статус все более трансформируется в регулятивный статус. Рефлексия как процесс и рефлексивность как свойство все более обре-

тают собственно *регулятивную* направленность, а следовательно, – продуктивную роль по отношению к организации деятельности. Это свойство, по-видимому, подчиняется в его профессиогенетическом аспекте общей закономерности развития всех ПВК в ходе профессионализации. Данная закономерность состоит в том, что ПВК обретают в процессе освоения деятельности свойство *оперативности*. Оно, как известно, состоит в том, что в процессе профессионализации в структуре каждого ПВК преобладающему развитию подвергается особая категория механизмов – операционных. Они под влиянием деятельностной детерминации начинают все более «тонко и точно» соответствовать требованиям деятельности. Имеет место переход операционных механизмов качеств в оперативные [296]. Наиболее известными и важными проявлениями данной генетической закономерности являются такие специфически деятельностные проявления когнитивных процессов, как оперативное мышление и оперативная память. По-видимому, в процессе профессионализации и сама рефлексивность также становится «точно и тонко» приспособленной к требованиям, условиям и содержанию деятельности; она становится *оперативной рефлексией*. Ее отличие от «просто» рефлексии состоит в том, что общий потенциал данного свойства переориентируется на реализацию собственно деятельностных функций. Она в итоге становится представленной в виде тех процессов и образований, которые зафиксированы в метакогнитивизме – в виде метакогнитивного мониторинга, метакогнитивного слежения, состояния *agency* и др. Кроме того, средства, образующие ингибиторную подсистему, также являются специфически рефлексивными. Следовательно, еще одной категорией средств оперативной рефлексии выступают те из них, которые входят в состав ингибиторной подсистемы. В этом плане дополнительным смыслом наполняется уже сформулированное нами заключение, согласно которому минимизация функциональной роли рефлексии в деятельности не только не тождественна снижению опоры на это свойство, а напротив, предполагает его интенсификацию. Другими словами, для того, чтобы «отвлечься» от рефлексивных факторов, также нужна рефлексия, но «другая», противоположная по направленности – собственно регулятивная, то есть обретшая свойство оперативности.

Еще одна и также достаточно общая закономерность, выявленная в ходе реализации по отношению к исследованию метакогнитивной сферы генетического аспекта изучения, состоит в следующем. Как известно, в теории систем

показано, что существуют два основных, но принципиально различных пути – две «стратегии» развития систем как таковых. Во-первых, это относительно равномерное повышение потенциала *всех* ее компонентов; одновременный и пропорциональный рост потенциала каждого из них и всей их совокупности в целом. При этом именно такому – равномерному возрастанию потенциала подвержены именно все компоненты системы. Иными словами развиваются и те из них, которые уже имеют исходно относительно высокий его уровень (это – так называемые «сильные» звенья системы); и те, которые характеризуются относительно низким исходным уровнем (ее «слабые» звенья). Во-вторых, в ходе формирования общий ресурс системы – так сказать общий «генетический потенциал развития» может концентрироваться не на всех, а лишь на *части* ее компонентов. Причем, как правило, это те из них, которые уже обладают относительно высоким уровнем развития. Таким образом, это – своего рода стратегия «усиления и без того сильного». Одновременно те компоненты, которые характеризуются исходно относительно низким уровнем развития, не становятся «предметом распространения» на них общего ресурса развития. В связи с этим, однако, и возникает вопрос, который – в его общем виде – достаточно хорошо осознан в теории систем и получил свое решение в ней: какой из этих путей более эффективен? В наиболее общем и принципиальном плане решение данного вопроса заключается в том, что именно второй путь является наиболее эффективным, продуктивным, и перспективным, причем, – во многих отношениях [177, 226, 325, 329].

В связи с этими двумя сценариями генезиса возникает вполне естественный вопрос: по какому из них происходит развитие метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности? Полученные в плане возможного ответа на него данные, на первый взгляд, характеризуются неоднозначностью, но именно поэтому, в действительности, позволяют выявить новую, не описанную до сих пор закономерность. Так, все выборки руководителей, принимавших участие в предыдущих исследованиях генетического плана, были дифференцированы по половому признаку. Затем результаты, индицирующие динамику основных подсистем метакогнитивного плана, были обработаны отдельно для групп мужчин-руководителей и женщин-руководителей. В итоге был получен следующий основной результат (см. рис. 37). Можно видеть, что по отношению к группе мужчин-руководителей доминирующей является тенденция преимущественного развития именно тех подсистем, которые у них и без того являют-

ся относительно более представленными. Другими словами, развитие метакогнитивной сферы как системного образования у них преимущественно осуществляется по первому сценарию.

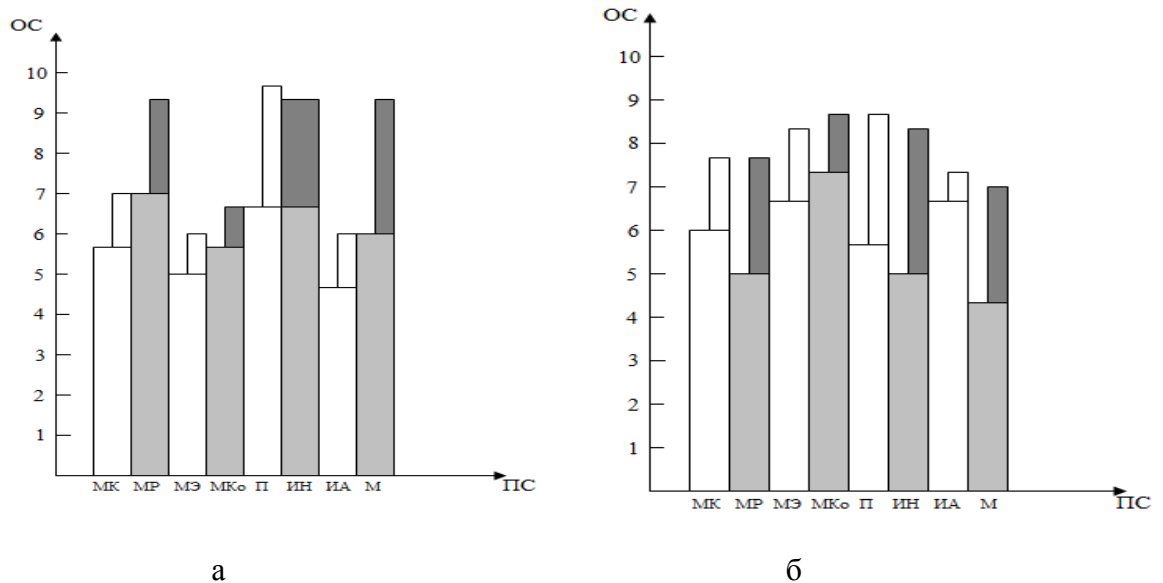

Рис. 37. Сравнительная динамика степени сформированности основных подсистем у мужчин (а) и женщин-руководителей (б). *Обозначения:* ПС – подсистемы (МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКo – метакоммуникативная, П – процедуральная, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная, М – мониторинговая). Широкие столбцы – начальные фазы профессионализации; узкие столбцы – продвинутые фазы.

При этом подчеркнем, что в качестве таковых выступают, как правило, те подсистемы, которые выше обозначены как «мужские» (метарегулятивная, процедуральная, ингибиторная, мониторинговая). Они, к тому же, являются и относительно более операциональными, а потому – в большей степени содействующими эффективности деятельности. Собственно говоря, этим частично и объясняется бóльшая эффективность мужчин-руководителей. Напротив, по отношению к выборке женщин-руководителей выявлено, что преимущественной тенденцией выступает относительно более интенсивное развитие тех подсистем, которые исходно представлены в относительно менее развитом виде. Примечательно, что в их качестве выступают опять-таки специфически «мужские» подсистемы. Тем самым, можно видеть, что общее развитие метакогнитивной сферы как системного образования у них осуществляется преимущественно по второму сценарию, который является менее эффективным, чем первый. Это, вероятно, выступает одним из факторов, обуславливающим относительно меньшую эффективность женщин-руководителей. Наконец, это же свидетель-

ствуется и о том, что генезис метакогнитивной сферы как системного образования *опосредствуется* фактором пола: он не является абсолютным в плане закономерностей, а относительным – опосредствованным фактором пола. Естественно, что влияние этого фактора является очень сложным – многократно опосредствованным и «сцепленным» с целым рядом иных важных факторов.

Кроме того, подчеркнем, что в этом вновь проявляется методологическая функция генетического плана исследования метакогнитивной сферы. Его реализация приводит к определенному расширению теоретических представлений, которые сложились в *концепции системогенеза*: она предстает новой гранью, поскольку включение в нее исследования метакогнитивной сферы позволяет сформулировать ее новое направление – исследование системогенетических закономерностей в зависимости от фактора пола. Можно видеть, что метакогнитивное направление выступает как фактор синтеза двух очень важных теоретических направлений – концепции системогенеза и исследований факторов полового диморфизма в организации деятельности.

4.8. Выводы по главе

1. В первом и объективно главном среди всех аспектов функционального плана исследования – собственно временном выявляется аналогичная, то есть также главная особенность собственно функциональной организации метакогнитивных процессов. Она имеет две основных грани и состоит в следующем. Во-первых, в ней находит свое непосредственное воплощение не какая-либо важная, но все же, относительно частная особенность функциональной организации всех процессуальных образований психики, а ее объективно главная закономерность – самообогащение, «самостроительство» процесса за счет использования промежуточных результатов в качестве факторов процессуального развертывания. Во-вторых, эта закономерность приобретает здесь качественно новую форму: она переводится на уровень осознаваемого, произвольно контролируемого использования. Причем, очень важно подчеркнуть в данной связи, что именно это позволяет объяснить обязательное наличие у метакогнитивных процессов их важнейшего атрибута – их осознаваемого характера.

2. Основные метакогнитивные процессы представляют собой закономерное следствие общей линии усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный тип такой организации. Их

собственная функциональная организация раскрывается поэтому как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы «дальнейшего» проникновения процесса к своему содержанию, а частично – и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Эта особенность, являясь общей для всех когнитивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам максимально выраженной и, более того, составляет самую их суть и порождает их качественную специфичность. Смысл и функциональное предназначение такой формы состоит в том, что она порождает дополнительные возможности – позволяет расширить общий когнитивный потенциал, а в конечном итоге и содействует повышению ментальных ресурсов субъекта деятельности.

3. В плане реализации макропроцессуального аспекта исследования доказано положение, согласно которому и индивидуальная деятельность (в частности, деятельность самого руководителя), и совместная деятельность иерархически организованного типа (то есть вся управленческая деятельность как таковая) реализуются посредством принципиально сходного набора регулятивных средств – в форме регулятивного инварианта. Система базовых управленческих функций, фактически, изоморфна составу класса интегральных процессов. Такой изоморфизм является не только вполне закономерным, но и необходимым: в основе совокупности управленческих функций (равно как и состава интегральных процессов) лежит один и тот же регулятивный инвариант базовых процессов и иных средств взаимодействия систем с их «окружением». Он, однако, представлен в двух существенно разных базовых формах – либо в интрапсихическом (внутреннем) плане, либо в плане интерпсихическом (внешнем). В первом случае он реализуется как система интегральных процессов психической регуляции индивидуальной деятельности, а во втором – как совокупность основных управленческих функций. В результате этого одни и те же регулятивные функции, представленные в разных формах, реализуются в деятельности управления не только одновременно, но и, фактически, в качестве средств осуществления друг друга. Общерегулятивные функции реализуются в отношении организации других – собственно управленческих функций. Поэтому управленческая деятельность приобретает своего рода метафункциональный характер. Следовательно, главное содержание управленческой деятельности обеспечивается таким же главным содержанием самой регулятивной подсистемы.

мы психики. Тем самым, однако, получает свое объяснение и то, какими конкретными процессуальными средствами обеспечиваются сами управленческие функции и где, следовательно, заложено объяснение их механизмов.

4. Обосновано положение, согласно которому объективным – онтологически представленным критерием дифференциации основных функций метакогнитивной сферы является ее собственная структурная организация, построенная по уровневому принципу. Определяющую роль в этой структуре, а следовательно, и во всей системе функций принадлежит одному из важнейших ее уровней – субсистемному. Это означает, что его структура объективно выступает комплексным – также многомерным (точнее – трехмерным) критерием для дифференциации самих этих функций, а также для их систематизации – для их экспликации как органических частей единого целого. Посредством этого проблема дифференциации деятельностных функций получила не только свое теоретически обоснованное решение, но и такое решение, которое позволяет определить объективно представленные, то есть онтологические основания для становления и реализации всех этих функций.

5. Выявлена совокупность дифференцированных на базе сформулированного выше критерия основных функций метакогнитивной сферы в управленческой деятельности. Она включает следующие основные функции: операторно-генеративную, функцию регулятивного мониторинга, функции коммуникативного и эмоционального мониторинга, процедуральную функцию, функцию вторичного мониторинга, ингибиторную функцию и интеракционную функцию. Реализованный подход позволил раскрыть все основные функции не только и не столько как результаты эмпирико-феноменологического анализа, но и как необходимые теоретически следствия латентной структуры, в качестве которой и выступает общая структурная организация метакогнитивной сферы, включающая пять основных уровней.

6. Обоснована и раскрыта определяющая роль во всей совокупности образований метакогнитивного плана системы профессиональных управленческих компетенций. Сущность основного результата, полученного в плане их исследования, состоит в том, что, наряду с частными – специальными управленческими компетенциями в процессе функционирования деятельности и ее профессиогенеза в целом формируется еще и обобщенная компетенция особого типа и специфического предназначения. Ее смысл и предназначение состоит в том, что она означает возможность регулирования всех иных – базовых и пото-

му «первичных» компетенций. Это своего рода «компетенция по распоряжению своими компетенциями», «вторичная» компетенция – фактически, метакомпетенция. Она по своему генезу и функциональной направленности, и по операционным механизмам и средствам практически полностью носит «вторичный» и производный характер, является именно метакогнитивной.

7. Установлена и проинтерпретирована система новых, не описанных до настоящего времени собственных – специфических закономерностей организации и функционирования метакогнитивной сферы в управленческой деятельности. Все они углубляют представления не о частных закономерностях, а закономерности, являющиеся объективно главными и наиболее традиционными в психологии профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Это закономерности, сопряженные с такими базовыми факторами и «измерениями» самой профессиональной деятельности, каковыми выступают ее результативные параметры (прежде всего, эффективность); процессуальные характеристики (и их специфическая именно по отношению к управленческой деятельности разновидность – стилевые характеристики); факторы половой дифференциации; уровневая принадлежность управленческой деятельности, уровень руководства.

8. Доказано, что многие, а не исключено – и большинство закономерностей функциональной организации управленческой деятельности представлены в двух основных формах. С одной стороны, они существуют объективно – так сказать «сами по себе», в своей «первичной» форме. Однако, с другой стороны, они могут подвергаться метакогнитивной фиксации – распознаваться и улавливаться субъектом, осознаваться и пониматься им (конечно, с разной степенью отчетливости, полноты и адекватности), а затем – подвергаться субъективной трансформации с его стороны и подлежать внесению в них тех или иных изменений самого разного плана. В результате этого, они начинают проявляться уже под воздействием этих факторов, носящих – что следует подчеркнуть особо – именно метакогнитивный характер в своей «вторичной» форме. В силу этого, факторы метакогнитивного плана порождают новый уровень действия самих функциональных закономерностей, генерируют «вторичные» закономерности, поскольку именно они и лежат в основе того, в какой форме и с какой полнотой проявятся сами «первичные» закономерности.

9. Формирование и развитие метакогнитивной сферы в процессе профессионализации воплощает в себе все основные особенности и закономерности, присущие развитию образований собственно системного типа – принципы системогенеза. Следовательно, по своему общему типу оно представляет собой процесс системогенеза.

10. Одним из основных механизмов системогенеза метакогнитивной сферы является формирование ее уровневой структуры в ходе профессиогенеза. Это означает, что в процессе освоения данной деятельности происходит закономерное формирование все новых и более сложных уровней организации метакогнитивной сферы на основе компонентного уровня (уровня отдельных метакогнитивных образований).

11. Общие принципы системогенеза специфицируются по отношению к формированию метакогнитивной сферы новыми особенностями и закономерностями, обусловленными детерминирующими воздействиями на него трех основных метасистем, в составе которых оно осуществляется.

12. Выявлены и проинтерпретированы новые феномены генетического плана – в частности, феномен «редукции рефлексивности», явление «вторичной рефлексивности», феномен «антирефлексивного пика», явление оперативной рефлексии. Все они эксплицируют дополнительные существенные грани генезиса как самой метакогнитивной сферы, так и генезиса управленческой деятельности в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги выполненного исследования, необходимо обобщить его основные результаты и сформулировать главные выводы, к которым оно привело. Основным из них явилась разработка *обобщающей психологической концепции* метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, настоятельная необходимость в которой обусловлена главными особенностями современного состояния двух крупных направлений – организационной психологии и метакогнитивизма. Действительно, и организационная психология в целом (и психология управленческой деятельности, в частности), и современный метакогнитивизм представляют собой сегодня значительный спектр проблем и предметных сфер исследований. Они содержат огромный – практически необозримый материал как эмпирико-феноменологического, так и теоретико-методологического характера.

Вместе с тем, до сих пор они разрабатываются подчеркнуто автономно друг от друга, вне должной взаимосвязи друг с другом. Очень характерно, что именно это обуславливает важнейшие особенности современного состояния исследований в каждом из них, которые одновременно являются главными трудностями их дальнейшего конструктивного развития. Так, основным и наиболее принципиальным недостатком современного метакогнитивизму, равно как и когнитивной психологии в целом, является присущая им очень характерная методологическая особенность, которая очень часто является главной причиной их критической оценки и, в действительности, обуславливает их существенную теоретическую ограниченность. Она состоит в том, что имеет место достаточно явный (а часто – и намеренно культивируемый) их «разрыв» с психологической теорией деятельности, с изучением целостной деятельности, поведения. В результате такой несинтезированнойности двух фундаментальных направлений современной психологии страдают они оба. Внедеятельностный подход к метакогнитивным процессам приводит к априорно зауженным концептуальным основаниям их изучения, к обеднению и уплощению получаемых результатов. Это, в свою очередь, порождает *ключевую* проблему всего метакогнитивизма – проблему экологической валидности получаемых в нем результатов, то есть таких, которые являются следствием исследований, проводимых на радикально упрощенных по сравнению с реальными, естественными условиями ситуациях экспериментально-лабораторного плана. Возникает принци-

пиальный вопрос о возможности и вообще – о правомерности их переноса, а также об их конгруэнтности реальным жизненным – деятельностным и поведенческим ситуациям. В конечном итоге, это вопрос об экологической валидности всего эмпирического базиса метакогнитивизма и, соответственно, о валидности и корректности осуществляемых на его основе теоретических обобщений, то есть о его концептуальном содержании. В свою очередь, недостаточный учет психологией деятельности наиболее сложных, то есть именно метакогнитивных процессов ее организации также существенно обедняет ее. Часто он вообще блокирует исследование наиболее принципиальных проблем, особенно проблемы раскрытия основных принципов структурно-функциональной организации и генетической динамики деятельности, а также проблемы выявления тех психологических механизмов, которые интегрируют структурные уровни деятельности в целостную и скоординированную иерархию.

Вместе с тем, очень характерно, что эти особенности, являющиеся наиболее важными и во многом определяющими современный облик метакогнитивизма и теории деятельности, в действительности, являются тесно взаимосвязанными и, более того, – взаимообуславливающими друг друга. И именно через установление их взаимосвязи – через определение возможных направлений их несинтезированной отчетливее всего вырисовываются основные перспективы дальнейшей разработки психологии управленческой деятельности на основе метакогнитивного подхода. Следовательно, с очевидностью формулируется фундаментальная задача синтеза двух этих крупных психологических направлений. Важно подчеркнуть, что по своему смыслу она является еще более значимой и глубокой, поскольку включение проблематики метакогнитивизма в психологию профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в особенности и вообще изучение метакогнитивных феноменов в контексте целостной деятельности, во многом эквивалентно смене общей парадигмы их изучения. Фактически, исследования подобного плана позволят в существенной мере перейти от *предметоцентрической* (аналитической) парадигмы, в рамках которой различные параметры метакогнитивной сферы личности рассматриваются, в основном, автономно, а не как реальный компоненты более широкой целостности – метасистемы (деятельности, поведения), к *системоцентрической* парадигме.

В силу этого, данное исследование в целом и его основной результат – обобщающая концепция метакогнитивной регуляции управленческой деятельности необходимо рассматривать как один из вариантов ответа вызову, диктуемые данной гносеологической ситуацией. В свою очередь, это оказалось возможным на основе реализации методологии системности по отношению к проблеме метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, причем не только в ее «классическом» варианте, но и с позиций *метасистемного подхода* как новой формы принципа системности. Именно это и позволило получить новые результаты, раскрывающие не описанные до сих пор закономерности структурно-функциональной организации и специфики генезиса метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, синтез которых составляет содержание сформулированной в данной работе концепции.

Резюмируя ее содержание и определяя концептуальный смысл наиболее принципиальных результатов, следует учитывать, что метасистемный подход, как известно, представлен в двух основных вариантах – онтологическом и гносеологическом. Первый из них содержит совокупность необходимых методологических императивов и общих исследовательских процедур, позволяющих раскрыть объективное, то есть именно онтологически представленное содержание предмета исследования, проявляющееся в пяти основных категориях закономерностей – метасистемных, структурных, функциональных, генетических и интегративных. Подчеркнем, что именно их установление и объяснение является объективным – необходимым и достаточным условием полного раскрытия предмета в его основных и наиболее непринципиальных аспектах, планах. Второй его вариант – гносеологический предполагает реализацию такой процедуры исследования, которая является не только необходимым, но и достаточным средством разработки целостных и обобщающих, то есть собственно концептуальных представлений. Она составляет общий «алгоритм системного исследования», а также лежит в основе стратегии его реализации; она обозначается как комплексная стратегия исследования. Она была положена в основу всей этой работы, а также в основу концептуализации полученных в ней результатов.

Реализация в данной работе метасистемного подхода именно в этих двух основных вариантах и привела в итоге, соответственно, также к двум наиболее общим и принципиальным ее результатам. Так, осуществление первого из них позволило раскрыть и объяснить наиболее репрезентативные закономерности метакогнитивной регуляции управленческой деятельности всех пяти их основ-

ных категорий – *метасистемные, структурные, функциональные, генетические и интегративные*. Тем самым, предмет исследования, действительно, получил свое комплексное – многоплановое и многомерное раскрытие именно в его главных аспектах, то есть, фактически, в его атрибутивном содержании. Одновременно с этим, и осуществление второго из них явилось достаточным условием для перехода от *комплекса* полученных результатов к их *системной* экспликации, что в гносеологическом плане как раз и эквивалентно переходу от претоеретической стадии разработки тех или иных проблем к собственно теоретической, то есть *концептуальной* стадии.

Наиболее общим и принципиальным итогом осуществления онтологического варианта реализованного в работе методологического подхода определения общего статуса метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности, то есть установление того, чем она, в действительности, является; что она представляет собой в ее истинном – онтологическом плане. Предложенное решение состоит в том, что она является специфическим системным образованием и относится к качественно своеобразному классу систем – к системам со встроенным метасистемным уровнем. Последнее означает, что та метасистема (психическая регуляция деятельности в целом), которая онтологически включает ее в свой состав как свою составляющую, одновременно *функционально* репрезентируется в ней как ее часть, то есть встраивается в нее. Это следует понимать в том смысле, что многие или даже практически все основные психические процессы и образования обладают фундаментальной общей особенностью – свойством *функциональной обратимости*. Они могут выступать и в своей «первичной» форме – в своей исходной качественной определенности; и во «вторичной» форме, когда их потенциал реализуется в отношении их же самих. Вследствие этого, они трансформируются в статус операторов по отношению к самим же себе (как операндам). Следовательно, все основные психические процессы, образования и структуры одновременно принадлежат и к метасистеме (психике в целом), и к системе (метакогнитивной сфере). Такие представления об онтологическом статусе метакогнитивной сферы позволяют установить новые закономерности и особенности ее организации. Эту сферу личности следует рассматривать как структуру, в состав которой могут входить образования, локализованные на различных уровнях психической организации. Метакогнитивная сфера является поэтому системой с принципиально вариативным содержанием. Функциональный принцип объединения допускает гиб-

кое присутствие в ней различных психических процессов, образований и структур. Кроме этого, метакогнитивная сфера как система со встроенным метасистемным уровнем имеет очевидные преимущества, обретает новые и, по существу, уникальные функциональные возможности: она содержательно обогащается, используя весь потенциал метасистемы (психической регуляции в целом). Основные психические процессы и образования, выстраиваясь в метакогнитивную сферу, обретают фундаментальное свойство *саморегулируемости*, что, в конечном итоге, приводит к становлению еще более общих атрибутов – самоорганизации и самопрезентации. Именно они, как известно, составляют суть и основное функциональное предназначение всех процессов и образований метакогнитивного плана.

Решение наиболее принципиального и общего вопроса – о психологическом статусе метакогнитивной сферы явилось ключевым условием для установления и объяснения всех иных базовых категорий закономерностей, лежащих в основе ее структурно-функциональной организации и генетической динамики. Собственно говоря, именно это – их выявление и верификация, раскрытие и объяснение как раз и составляют основное содержание всех последующих глав данной работы. Так, основным результатом *структурного* плана исследования явилось установление и раскрытие структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Доказано, что она организована на основе *структурно-уровневого* принципа и образует целостную *иерархию*, включающую пять основных уровней – метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный. Такое решение является не только наиболее полным среди существующих в настоящее время подходов, но и преодолевает их основной недостаток. Он состоит в том, что метакогнитивная сфера личности, как правило, не представляется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. До настоящего времени она изучается преимущественно с аналитических позиций, фиксирующих исследование лишь на уровне ее отдельных компонентов, а также взаимосвязей и взаимодействий между ними. Кроме того, предложенное в работе решение проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности полностью соответствует и основополагающим представлениям, сложившимся к настоящему времени относительно универсального общесистемного *критерия* диф-

ференциации основных уровней организации сложных систем. Он включает в себя также пять основных значений и поэтому предполагает необходимость дифференциации именно пяти основных уровней организации.

Существенным результатом работы как раз и является то, что в ней представлена подробная психологическая характеристика всех этих пяти основных уровней структурной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Так, сущность метасистемного уровня заключается в том, что его содержанием выступают основные «составляющие» психики в целом (процессы, образования, качества, свойства и пр.), взятые в аспекте атрибутивно присущего им общего свойства *самопрезентированности*, «обращенности на себя». Метасистема (психика), включаясь, то есть, функционально встраиваясь в собственное содержание метакогнитивной сферы, образует ее высший, ведущий уровень – метасистемный. Основным механизмом (и предпосылкой) этого является то, что, фактически, любое собственно психическое образование подчиняется одному из важнейших механизмов – механизму *функциональной обратимости*. В результате этого основные «составляющие» психики как метасистемы по отношению к метакогнитивной сфере оказываются представленными в ней самой; их совокупность входит в нее на правах структурного уровня ее собственной организации и содержания.

Наряду с этим, подробно раскрыта сущность, состав и структура *общесистемного* уровня организации метакогнитивной сферы личности в процессе управленческой деятельности. При этом весь комплекс полученных результатов позволил в существенной степени переосмыслить саму трактовку метакогнитивной сферы как системы и обосновать ее принадлежность к особому, качественно специфическому классу систем. Их адекватное и корректное объяснение требует реализации по отношению к их исследованию новых вариантов системной методологии. Это обусловлено доказанной в работе принадлежностью метакогнитивной сферы личности к системам со встроенным метасистемным уровнем. Наряду с этим, доказано, что она структурируется не из своих компонентов (отдельных образований метакогнитивного плана) непосредственно, как это полагается традиционно, а из их закономерных функциональных синтезов – из основных метакогнитивных подсистем.

Далее, еще одним итогом явилось доказательство того, что особую роль в общей организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности играет уровень, который не был описан до настоящего времени –

субсистемный. Он образован закономерным сочетанием восьми основных подсистем метакогнитивного плана, каждая из которых синтезирует в себе качественно гомогенные и функционально сходные метакогнитивные образования. На основе этого осуществлено комплексное решение значимой в теоретическом отношении проблемы определения состава, содержания и структурной организации данного уровня. С его позиций этот уровень раскрывается как имеющий во многом определяющее значение для всей метакогнитивной сферы. Он занимает центральное место в иерархической организации метакогнитивной сферы, что и обуславливает его объективно определяющую роль во всей ее организации. Важно также констатировать, что с точки зрения сформулированных представлений о субсистемном уровне организации метакогнитивной сферы личности дана новая интерпретация и обобщение некоторых основных положений современного метакогнитивизма относительно существования качественно гетерогенных видов, групп и классов метакогнитивных образований. Все известные в настоящее время их основные классы, представляющие собой феноменологически зафиксированную реальность и результат обобщения эмпирических данных, раскрываются при этом как объективно необходимые, стабильные «составляющие» метакогнитивной сферы личности в целом и ее субсистемного уровня в особенности.

Осуществлена и новая интерпретация и наиболее традиционного из всех дифференцируемых в метакогнитивной сфере личности уровня – *компонентного*, представленного совокупностью отдельных образований метакогнитивного плана, базирующаяся на операциональном способе дифференциации и последующей интеграции в рамках данного уровня. Впервые обоснована также сущность и содержание еще одного уровня организации метакогнитивной сферы личности – *элементного*, а также определены критерии и закономерности его дифференциации от компонентного уровня, равно как и механизмы сопряжения с ним. Данный уровень представлен всей совокупностью таких образований и структур, процессов и качеств, которые, являясь необходимыми для формирования метакогнитивных образований, в то же время, сами по себе еще недостаточны для этого. Поэтому в их качестве выступают практически все основные «составляющие» психики, но в своей исходной форме – в форме так называемых «первичных» процессов, качеств, состояний и пр. Они могут трансформироваться в метакогнитивные образования, но при обязательном условии либо их «удвоения», либо реализации их потенциала по отношению к иным «пер-

вичным» психическим процессам и образованиям, их дополнении иными средствами и механизмами.

Можно видеть, что с этих позиций получают дополнительный импульс для решения две наиболее традиционные и дискуссионные проблемы – проблема *соотношения* «первичных» и «вторичных» психических процессов (и иных основных «составляющих» психики), а также проблема определения *состава* самих «вторичных» образований. Соотношения между «первичными» и «вторичными» образованиями раскрываются и объясняются с этих позиций как соотношения компонентного и элементного уровней организации метакогнитивной сферы. Итак, предложенное решение проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы в управленческой деятельности позволяет непротиворечиво объединить как уже *известные* данные о возможной уровневой принадлежности метакогнитивных образований, так и установить *новые* уровни ее организации (метасистемный, субсистемный, элементный), а также синтезировать их в общую иерархическую структуру.

Таким образом, *концептуальный* характер полученных в данной работе и охарактеризованных выше результатов реализации структурного плана исследования заключается в том, что они позволяют предложить решение весьма общей и острой именно в теоретическом отношении проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности и в целом и в качестве регулятора управленческой деятельности, в частности. Тем самым реализуется концептуальный синтез уже существующих и вновь выявляемых данных относительно общего предмета исследования.

Вместе с тем, всю совокупность представленных в работе результатов следует рассматривать также в качестве необходимой и достаточной теоретической основы для организации и осуществления собственно экспериментальных и эмпирических исследований метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Это обусловлено тем, что они дают не только общее решение вопроса о принципах и закономерностях ее организации, но и содержат необходимые материалы собственно методологического и методического плана, создающие адекватную основу для организации комплексной программы ее эмпирико-экспериментальных исследований.

Аналогичным образом, и при реализации всех иных базовых гносеологических планов – функционального, генетического и интегративного также получена достаточно развернутая совокупность данных, раскрывающих предмет

исследования в них. Не дублируя, разумеется, все эти результаты, поскольку они представлены в выводах к соответствующим главам, а также к работе в целом, подчеркнем, что они, наряду со своим непосредственным содержанием, имеют и собственно *концептуальный* смысл. Так, в частности, в результате реализации *функционального* плана исследования предложено новое решение принципиальной проблемы дифференциации и объяснения *деятельностных функций* метакогнитивной сферы. Суть этого решения состоит в том, что общей и, главное, – объективной, а кроме того, и комплексной, многомерной детерминантой дифференциации функций метакогнитивной сферы является общая – охарактеризованная выше их структурная организация. Она, в свою очередь, базируется на уровневом принципе, что и дает в итоге искомый *критерий* для их дифференциации. Им выступает совокупность ее основных структурных уровней: каждый из них не только соотносится со вполне определенной категорией функций, но и – это главное, лежит в основе их выделения. Тем самым данная проблема получает не только свое теоретически обоснованное решение, но и такое, которое позволяет выявить объективно представленные, то есть онтологические основания для становления и реализации всех этих функций. Иными словами, эта проблема переводится с уровня эмпирико-феноменологического изучения на уровень онтологических оснований и базовых механизмов формирования и реализации основных функций. Это же означает, что основные – как уже установленные эмпирико-феноменологическими средствами, так и вновь обнаруженные в работе деятельности функции метакогнитивной сферы, действительно, получают свое обоснование – как в плане правомерности самой их дифференциации, так и в плане их общей организации. В концептуальном плане важно и то, что такой подход позволяет раскрыть все основные функции не только и не столько как результаты эмпирико-феноменологического анализа, но и как необходимые теоретически следствия определенной – *латентной структуры*, в качестве которой и выступает общая структурная организация метакогнитивной сферы.

Концептуальный смысл еще одной группы результатов функционального анализа, полученных при исследовании такой ключевой проблемы управленческой деятельности, каковой выступает проблема *управленческих компетенций*, состоит в следующем. Анализ этого наиболее важного и максимально интегративного образования управленческой деятельности позволил выявить и объяснить новое образование функционального плана (то есть функциональное но-

вообразование) – управленческую *метакомпетенцию*. Ее смысл и предназначение состоит в том, что она означает возможность регулирования всех иных – базовых и потому «первичных» компетенций. Это своего рода «компетенция по распоряжению своими компетенциями»; «вторичная» компетенция, то есть *метакомпетенция*. Она по своему генезу, функциональной направленности и операционным средствам практически полностью носит «вторичный» и производный характер, а потому является именно метакогнитивной. Кроме того, с позиций данного результата получает дополнительный импульс для своего теоретического решения одна из наиболее сложных и важных проблем психологии управления – проблема *управленческих способностей*, которая имеет, к тому же, и отчетливо представленный концептуальный характер.

Наконец, при реализации того аспекта функционального плана исследования, который связан с установлением и объяснением системы собственных – специфических для изучаемого предмета *закономерностей*, также была выявлена достаточно развернутая совокупность новых фактов не только эмпирического, но и собственно теоретического плана. При этом следует особо подчеркнуть, что анализу были подвергнуты не какие-либо *частные* закономерности, а именно те, которые являются объективно *главными* и наиболее традиционными в психологии профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Особого внимания в плане определения собственно концептуального содержания всех выявленных закономерностей заслуживает и еще один – наиболее обобщенный результат анализа основных закономерностей метакогнитивной регуляции деятельности, имеющий, по нашему мнению, достаточно общий характер. Он состоит в обосновании того, что многие, а не исключено – и большинство закономерностей функциональной организации деятельности представлены в двух основных формах. С одной стороны, они существуют *объективно* – так сказать «сами по себе», в своей «первичной» форме. Однако, с другой стороны, они могут подвергаться своего рода метакогнитивной фиксации – распознаваться и улавливаться субъектом, осознаваться и пониматься им, а затем подвергаться *субъективной* трансформации с его стороны – подлежать внесению в них тех или иных изменений самого разного плана. В результате этого, они начинают проявляться уже под воздействием этих факторов, носящих – и это следует подчеркнуть особо и специально – именно метакогнитивный характер, то есть в своей «вторичной» форме. В силу этого, факторы метакогнитивного плана порождают *новый уровень* действия

самих функциональных закономерностей, генерируют так сказать «вторичные» закономерности, поскольку именно они и лежат в основе того, в какой форме и с какой полнотой проявятся сами «первичные» закономерности.

Далее, наиболее общим и принципиальным – собственно концептуальным результатом реализации *генетического* плана явилось установление и объяснение *общего типа* генезиса метакогнитивной сферы как регулятора управленческой деятельности в ходе профессионализации ее субъекта. Доказано, что этот генезис воплощает в себе все основные особенности и закономерности, присущие развитию образований собственно системного типа – принципы системогенеза. Следовательно, по своему общему типу он должен быть проинтерпретирован именно как процесс *системогенеза*. Соответственно, на его интерпретацию и на трактовку его общих и более частных сторон должен быть перенесен весь тот концептуальный потенциал, которым располагает сама теория системогенеза на современном уровне ее развития. Вместе с тем, удалось показать, что в процессе системогенеза метакогнитивной сферы, наряду с сохранением наиболее общих его особенностей, закономерностей и принципов, имеются и дополнительные – специфические только ему особенности. Кроме того, и общие закономерности также, как правило, подвергаются определенной спецификации под влиянием своеобразия самого предмета генезиса. Тем самым вновь эксплицируется собственно *концептуальный* потенциал полученных результатов, поскольку они содействуют развитию и углублению представлений, сложившихся в одной из наиболее важных концепций профессиональной деятельности – в теории системогенеза.

Показательно, далее, что аналогичным, то есть также собственно концептуальным потенциалом характеризуются и основные результаты, полученные в заключительном аспекте исследования – *интегративном*. Их наиболее общий и принципиальный смысл состоит в следующем. Механизмы и средства собственно интегративного типа лежат в основе самого *конституирования* практически всех образований метакогнитивного плана – в основе их порождения и функционирования, а также структурной организации. Данное обстоятельство наиболее отчетливо представлено по отношению к главному предмету изучения метакогнитивизма – к метакогнитивным процессам. Действительно, любой из них складывается – формируется и развивается, а затем и функционирует как обязательный синтез, то есть, фактически, – *интеграция*, как минимум, двух процессуальных образований. Либо это так называемое «удвоение» *одного* и

того же когнитивного процесса (например, мышления, когда оно, «оборачиваясь на себя» трансформируется в «мышление о мышлении», то есть в метамышление). Либо же это синтез двух *разных* когнитивных процессов. Типичной и наиболее известной иллюстрацией второго случая являются процессуальные средства, лежащие в основе мнемотехники. Они, фактически, и представляют собой реализацию операционных средств одного когнитивного процесса – мышления по отношению к организации другого процесса – памяти и составляют часть еще одного метапроцесса, обозначаемого как «мышление относительно памяти» (*thinking about memory*). Кроме того, в них порождается новое процессуальное содержание, а также возникают дополнительные – достаточно существенные особенности и закономерности. Интеграция как их базовый механизм приводит к «выходу за пределы наличного» – той суммы потенциалов, которыми обладают сами интегрируемые в них «первичные» процессы в отдельности. Она, в отличие от простой агрегации, порождает эффекты собственно синергетического типа, которые феноменологически представлены в явлениях супераддитивности. За счет этого, в них и достигается определенная «прибавка» функциональных возможностей, обеспечивается расширение их общего потенциала и их содержания в целом. Этим же обуславливается и их несводимость к аддитивной совокупности (простой сумме) тех потенциалов, которыми располагают сами интегрируемые в них процессы. Следовательно, налицо «классическое» и наиболее типичное проявление действия именно интегративных средств и механизмов. Именно они и обеспечивают сам феномен «выхода за наличное», лежащий в основе эффектов супераддитивности как таковых. Однако именно они как раз и составляют суть системной формы организации, равно как и ее основной функциональный смысл и предназначение. В связи с этим, можно утверждать, что интегративные средства и механизмы не просто очень характерны для метакогнитивной сферы; суть дела состоит еще и в том, что данная сфера – это и есть конкретное проявление таких механизмов: она представляет собой так сказать «интеграцию в действии».

В наиболее общем – методологическом плане значимым представляется и доказательство в работе следующего – важнейшего для ее основных задач обстоятельства собственно теоретического плана. Оно состоит в том, что существует атрибутивная общность и даже взаимополагаемость интегративных средств и механизмов с важнейшей в методологическом плане категорией *ка-*

честв в целом и *системных качеств*, в особенности. Именно интегративный план исследования, причем, взятый в его онтологическом аспекте, как раз и направлен на то, чтобы выявить и объяснить ключевой механизм – механизм порождения и генезиса, то есть возникновения новых качеств на базе синтеза «старых». Данный механизм имеет целый ряд проявлений, а наиболее яркой его иллюстрацией выступает феномен, а одновременно – и механизм порождения *системных качеств*. Он лежит в основе возникновения известных эффектов системности, механизмов синергии, феноменов супераддитивности, эффектов целостности и пр. Все они приводят к столь же известному и фундаментальному эффекту «выхода за наличное», а также к возникновению важнейшей способности психики – способности к генерации принципиально нового содержания. Столь же существенно, что они в значимой степени содействуют объяснению того, каким образом это становится возможным. Данный механизм имеет большое количество своих частных проявлений; он, фактически, является «сквозным» для психики, обнаруживаясь на ее различных уровнях и по отношению к организации очень разных ее «составляющих» – процессов, свойств и индивидуальных качеств. В силу такого фундаментального характера и, соответственно, по причине своей очень широкой представленности – так сказать «вездесущести», данный механизм, а также порождаемые им следствия и феномены, постоянно эксплицируются при исследовании самых различных психических процессов, структур и иных образований, в том числе и метакогнитивных. В основе этого как раз и лежат те эффекты синергии, феномены целостности (системности) – супераддитивности, «выхода за наличное» и пр., которые составляют суть системной формы организации как таковой, придавая ей наиболее явную специфичность. Этим она – как именно интегративная по своей сути форма и отличается от всех иных форм организации, построенных на принципах агрегативности, аддитивности. Отметим наиболее репрезентативные иллюстрации данного положения.

Так, формирование и последующее функционирование целостных подсистем метакогнитивного плана, лежащих в основе психологического обеспечения деятельности, равно как и ее основных параметров, есть не что иное, как одно из важных проявлений именно данного механизма. Действительно, сама суть и основное предназначение этих – формирующихся в ходе профессионализации подсистем в том и состоит, чтобы расширить общий функциональный

потенциал субъекта, выйти за пределы простой суммы самих интегрируемых качеств, а тем самым содействовать оптимизации деятельности в целом. Другая специфически интегративная закономерность состоит в том, что существует стабильная функциональная связь общей выраженности метакогнитивного потенциала и степени структурной организации (то есть, фактически, интегрированности) основных подсистем метакогнитивной сферы. Это означает, что метакогнитивный потенциал обусловлен не столько уровнем развития всего множества отдельных метакогнитивных процессов и качеств, сколько тем, как эффективно они организованы друг с другом и представлены именно как интегративная целостность, то есть насколько эффективны сами средства и механизмы интегративного типа. Наконец, существует и прямая связь степени интегрированности метакогнитивных процессов и качеств с результативными параметрами деятельности, в особенности, с ее эффективностью.

Подчеркнем еще раз: сама суть механизмов интегративного типа обладает глубинным сходством и даже – взаимополагаемостью с природой одного из основных (а для психологии и важнейших) типов качеств – с системными качествами. Общеизвестно, что их природа (а одновременно – и «тайна») в том и заключается, что в них и «через них» как раз и обеспечиваются эффекты целостности, синергетические феномены, феномены супераддитивности и пр. Даже в самом определении системного качества зафиксирована эта их – атрибутивная черта. Ими, как известно, выступают такие свойства целого (то есть системы), которые присущи только ему, но которые отсутствуют у его частей и у их аддитивной совокупности, простой суммы.

Наконец, следует обязательно подчеркнуть, что вся совокупность обобщенных выше результатов значимо содействует и решению еще одной задачи собственно концептуального плана – точнее, даже своего рода макрозадачи. Действительно, одним из главных среди них как раз и выступает то, что исследования именно по этой проблеме, вообще – постановка и раскрытие вопроса о закономерностях метакогнитивных процессов и качеств в целостной деятельности является решающим условием *концептуального синтеза* двух важнейших направлений современной психологии – метакогнитивизма и психологии деятельности. В результате такого синтеза естественным образом возникает новое направление психологических исследований – *метакогнитивная психология деятельности*. Данная работа, собственно говоря, и направлена поэтому в значительной степени на ее обоснование и развитие, а также на то, каким образом

это развитие может способствовать прогрессу знаний в области психологии профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности, а в еще более широком плане – в области общей психологии. Очень характерно и показательно, что при этом опять-таки – но уже на уровне целых, причем очень крупных направлений имеют место все те же эффекты *«познавательной синергии»*, которые констатированы выше и которые составляют суть концепций как таковых. Действительно, в рамках метакогнитивной психологии деятельности оказывается возможным преодолеть основной недостаток современного состояния всего метакогнитивизма – его подчеркнуто внедеятельностный характер и, следовательно, недостаточную степень экологичности его эмпирических данных, равно как и осуществляющихся на их основе теоретических обобщений. Однако, с другой стороны, и сама теория деятельности преодолевает один из основных своих недостатков – явную «нечувствительность» ко многим новым и новейшим данным, которыми располагает современная когнитивная психология в целом и метакогнитивизм, в особенности. Поэтому их конвергенция, а в перспективе – и синтез, реализуемый через становление и развитие метакогнитивной психологии деятельности, является объективным условием получения широкого комплекса новых результатов, в том числе – и собственно концептуального характера. Он значимо содействует реальному прогрессу в двух фундаментальных направлениях – в когнитивной психологии в целом и в метакогнитивизме, с одной стороны, и в психологической теории деятельности, с другой.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно сформулировать следующие основные выводы по работе.

1. Метакогнитивная сфера личности организована на основе структурно-уровневого принципа и образует целостную иерархию, включающую пять основных уровней – метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный. Такое решение является не только наиболее полным среди существующих в настоящее время подходов к решению данной проблемы, но и преодолевает их основной недостаток. Он состоит в том, что метакогнитивная сфера личности, как правило, не эксплицируется и не раскрывается в плане ее принадлежности к образованиям специфически системного типа. До настоящего времени она изучается преимущественно с аналитических позиций, фиксирующих исследование лишь на уровне ее отдельных компонентов, а также взаимосвязей и взаимодействий между ними

2. Предложенное решение проблемы структурно-уровневой организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности полностью соответствует тем представлениям, которые сложились к настоящему времени относительно универсального общесистемного критерия дифференциации основных уровней организации сложных и сверхсложных систем. Данный критерий включает в себя также пять основных значений и поэтому предполагает необходимость дифференциации именно пяти основных уровней организации.

3. Сущность метасистемного уровня заключается в том, что его содержанием выступают основные «составляющие» психики в целом (процессы, образования, качества, свойства и пр.), взятые в аспекте атрибутивно присущего им свойства саморепрезентированности, «обращенности на себя». Метасистема (психика), включаясь, то есть встраиваясь в собственное содержание метакогнитивной сферы, образует ее высший, ведущий уровень – метасистемный. Основным механизмом (и предпосылкой) этого является то, что, фактически, любое психическое образование подчиняется одному из важнейших механизмов – механизму функциональной обратимости. В результате основные «составляющие» психики как метасистемы по отношению к метакогнитивной сфере оказываются представленными в ней самой; их совокупность входит в нее на правах структурного уровня ее собственной организации и содержания.

4. В управленческой деятельности особую и во многом определяющую роль играет уровень, который не был описан до настоящего времени – субсистемный. Он образован закономерным сочетанием основных подсистем метакогнитивного плана, каждая из которых синтезирует в себе качественно гомогенные и функционально сходные метакогнитивные образования. Кроме того, подробно раскрыты сущность, состав и структура системного уровня организации метакогнитивной сферы личности в процессе управленческой деятельности. Доказано, что она структурируется не из своих компонентов (отдельных образований метакогнитивного плана) непосредственно, как это полагается традиционно, а из их закономерных функциональных синтезов – из основных метакогнитивных подсистем.

5. Предложена новая интерпретация наиболее традиционного из всех дифференцируемых в метакогнитивной сфере личности уровня – компонентного. Он представлен совокупностью отдельных образований метакогнитивного плана, а его общая трактовка базируется на операциональном способе дифференциации и последующей интеграции компонентов в рамках данного уровня.

6. Впервые обоснована сущность и содержание еще одного уровня организации метакогнитивной сферы личности – элементного, а также определены критерии и закономерности его дифференциации от компонентного уровня, равно как и механизмы сопряжения с ним. Данный уровень представлен всей совокупностью таких образований и структур, процессов и качеств, которые, являясь необходимыми для формирования метакогнитивных образований, в то же время сами по себе еще недостаточны для этого. Поэтому в их качестве выступают практически все основные «составляющие» психики, но в своей исходной форме – в форме так называемых «первичных» процессов, качеств, состояний и пр. Все они могут трансформироваться в собственно метакогнитивные образования, но при обязательном условии либо их «удвоения», либо реализации их потенциала по отношению к иным, но также «первичным» психическим процессам и образованиям, их дополнении иными средствами и механизмами. В первом случае формируются образования, которые условно обозначаются термином *автопроцессов*, а их сущность состоит в том, что операционный потенциал какого-либо «первичного» когнитивного процесса реализуется в отношении него же самого, но выступающего при этом уже в качестве относительно пассивного операнда. Во втором случае формируются образования, которые зафиксированы в понятии *гетерепроцессов*, а их сущность состоит в том, что в них операционный потенциал того или иного «первичного» когнитивного процесса реализуется в отношении иного «первичного» процесса (например, мышление относительно памяти – *thinking about memory*).

7. Впервые установлены три не описанные ранее специфические подсистемы метакогнитивного плана – обозначенная как ингибиторная, интеракционная и мониторинговая подсистемы. Раскрыты их компонентный состав, определены ведущие детерминанты их формирования, а также их функциональная роль в метакогнитивной сфере личности и организации самой управленческой деятельности.

8. Предложено комплексное решение значимой в теоретическом отношении проблемы определения состава, содержания и структурной организации одного из важнейших уровней метакогнитивной сферы личности в процессе управленческой деятельности – субсистемного. Он занимает центральное место в иерархической организации метакогнитивной сферы, что и обуславливает его объективно определяющую роль во всей ее организации и включает в свой состав восемь базовых подсистем. Теоретически обоснована обобщенная модель

структурной организации данного уровня, являющаяся адекватным способом раскрытия реальной структурной организации подсистем метакогнитивного плана. Она позволяет решить ряд важных теоретических вопросов современного метакогнитивизма в целом и проблемы метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, в частности (например, вопрос о полноте состава основных метакогнитивных подсистем; вопрос о критериях их классификации и т. д.). Она является также конструктивным эвристическим средством изучения метакогнитивной регуляции деятельности, поскольку на ее основе возможно установление новых закономерностей и феноменов (в частности, «феномена парности» основных групп этих подсистем, который следует рассматривать как один из важных механизмов метакогнитивного обеспечения деятельности).

9. Обоснование существования субсистемного уровня организации метакогнитивной сферы личности, а также раскрытие его содержания и структуры является реальным теоретико-методологическим средством преобразования доминирующей в настоящее время парадигмы разработки проблемы метакогнитивной регуляции профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Оно демонстрирует тот значимый факт, что эта деятельность детерминруется часто не столько отдельными факторами метакогнитивного плана непосредственно, сколько всей метакогнитивной сферой личности в целом, то есть структурой всех ее основных подсистем. Поэтому «в центр» исследования должно быть поставлено не изучение детерминационной роли отдельных факторов метакогнитивного плана по отношению к управленческой деятельности, а раскрытие особенностей и закономерностей именно ее структурной детерминации со стороны всей системы этих факторов.

10. В результате эмпирических и экспериментальных исследований основных уровней организации метакогнитивной сферы в управленческой деятельности установлена развернутая совокупность новых закономерностей, феноменов и особенностей метакогнитивной сферы личности. Основными из них являются, в частности, следующие: феномен парциальности базовых метакогнитивных подсистем, а также его объяснение; инвертированная U-образную зависимость эффективности управленческой деятельности от степени структурной организации базовых метакогнитивных подсистем; «закон оптимума», эксплицирующий (и объясняющий) взаимную зависимость величины общего метакогнитивного потенциала личности и меры интегрированности основных метакогнитивных подсистем; механизм «тройной синергии» влияния метакогни-

тивных детерминант на результативные параметры управленческой деятельности, имеющий место как на компонентном, так и на общесистемном уровнях; генеративные по своей сути (интегративно-порождающие) механизмы, приводящие к формированию дополнительного метакогнитивного потенциала на субсистемном уровне; феномен «антирефлексии» как важнейший атрибут ингибиторной подсистемы; наличие мощного «антирефлексивного потенциала» у каждого из основных базовых атрибутов управленческой деятельности; система новых закономерностей генеративно-порождающего типа, порождаемая взаимодействием трех основных общих способностей (интеллекта, обучаемости и креативности) с базовыми компонентами метакогнитивной сферы и др.

11. Раскрыты и объяснены основные закономерности межуровневых взаимодействий и взаимопереходов в иерархической организации метакогнитивной сферы. Доказано, что каждый вышележащий уровень формируется на основе ближайшего к нему нижележащего посредством интеграции его компонентов, внесения в него дополнительной организации. В результате развертывания средств и механизмов организационного типа порождаются новые качества, которые обуславливают переход к вышележащему уровню. Так, отдельные компоненты метакогнитивной сферы – «вторичные», то есть собственно метакогнитивные процессы, соорганизуясь по функциональному критерию, интегрируются в основные метакогнитивные подсистемы, которые принципиально несводимы к простой сумме этих компонентов. В свою очередь, сами подсистемы также подлежат соорганизации, которая обретает различную форму и степень в зависимости, например, от общей выраженности метакогнитивного потенциала. В результате этого разные синтезы (паттерны) такой организации приводят к возникновению новых – также не только различных, но и множественных особенностей метакогнитивной сферы на общесистемном уровне ее организации.

12. Основные метакогнитивные процессы представляют собой закономерное следствие общей линии усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам, – самообогащения, «самостроительства» процесса за счет использования его промежуточных результатов в качестве факторов последующего процессуального развертывания. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный тип такой организации. Их функциональная организация раскрывается поэтому как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процес-

суальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично – и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Эта особенность, являясь общей для всех когнитивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам максимально выраженной и, более того, составляет самую их суть и порождает их качественную специфичность. Смысл и функциональное предназначение такой формы состоит в том, что она порождает дополнительные возможности – позволяет расширить общий когнитивный потенциал, а в конечном итоге содействует повышению ментальных ресурсов субъекта деятельности.

13. Индивидуальная деятельность руководителя и совместная деятельность иерархически организованного типа реализуются посредством принципиально сходного набора регулятивных средств – в форме выявленного в работе регулятивного инварианта. Это означает что система базовых управленческих функций, фактически, изоморфна составу специфического класса процессов – интегральных процессов психической регуляции деятельности. Такой изоморфизм является не только вполне закономерным, но и необходимым: в основе совокупности управленческих функций (равно как и состава интегральных процессов) лежит один и тот же регулятивный инвариант базовых процессов и иных средств взаимодействия систем с их «окружением». Он, однако, представлен в двух существенно разных базовых проявлениях – либо в интрапсихическом (внутреннем) плане, либо в плане интерпсихическом (внешнем). В первой он представлен как система интегральных процессов регуляции деятельности (целеобразование, прогнозирование, принятие решения, планирование, самоконтроль, коррекция), а во втором – как совокупность основных управленческих функций. *Общерегулятивные* функции реализуются в отношении организации других – собственно *управленческих* функций. Поэтому сама управленческая деятельность приобретает своего рода метафункциональный характер. Следовательно, главное содержание управленческой деятельности обеспечивается таким же главным содержанием самой регулятивной подсистемы психики. Тем самым, однако, получает свое объяснение и то, какими конкретными процессуальными средствами обеспечиваются сами управленческие функции.

14. Выявлена совокупность дифференцированных на базе сформулированного выше критерия основных функций метакогнитивной сферы в управ-

ленческой деятельности. Она включает следующие основные функции: операторно-генеративную, функцию регулятивного мониторинга, функции коммуникативного и эмоционального мониторинга, процедуральную функцию, функцию вторичного мониторинга, ингибиторную функцию и интеракционную функцию. Реализованный подход позволил раскрыть все основные функции не только и не столько как результаты эмпирико-феноменологического анализа, но и как необходимые теоретически следствия латентной структуры, в качестве которой и выступает общая структурная организация метакогнитивной сферы, включающая пять основных уровней.

15. Доказано, что, наряду с частными – специальными управленческими компетенциями в процессе функционирования деятельности и ее профессионального формирования формируется обобщенная компетенция особого типа и специфического предназначения. Ее смысл и предназначение состоит в том, что она означает возможность регулирования всех иных – базовых и потому «первичных» компетенций. Это своего рода «компетенция по распоряжению своими компетенциями», «вторичная» компетенция – фактически, метакомпетенция. Она по своему генезу и функциональной направленности, и по своим операционным механизмам и средствам практически полностью носит «вторичный» и производный характер, является именно метакогнитивной.

16. Установлена и проинтерпретирована система новых, не описанных до настоящего времени собственных – специфических закономерностей организации и функционирования метакогнитивной сферы в управленческой деятельности. Все они углубляют представления не только о частных закономерностях, а закономерности, являющиеся объективно главными и наиболее традиционными в психологии профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в частности. Это закономерности, сопряженные с такими базовыми факторами и «измерениями» самой профессиональной деятельности, каковыми выступают ее результативные параметры (прежде всего, эффективность); процессуальные характеристики (и их специфическая именно по отношению к управленческой деятельности разновидность – стилевые характеристики); факторы половой дифференциации; уровневая принадлежность управленческой деятельности, уровень руководства.

17. Формирование и развитие метакогнитивной сферы в процессе профессионализации воплощает в себе все основные особенности и закономерно-

сти, присущие для развития образований собственно системного типа – принципы системогенеза. Следовательно, по своему общему типу оно представляет собой процесс системогенеза. Вместе с тем, общие принципы системогенеза специфицируются по отношению к формированию метакогнитивной сферы новыми – дополнительными особенностями и закономерностями, обусловленными ярко выраженной спецификой самой управленческой деятельности. К ним, в частности, относятся выявленные и проинтерпретированы в работе новые феномены генетического плана – феномен «редукции рефлексивности», явление «вторичной рефлексивности», феномен «антирефлексивного пика», явление оперативной рефлексии и др.

18. Вся совокупность полученных в работе результатов является достаточной для обоснования и доказательства наиболее общего положения, составляющего основу данного исследования. Оно состоит в том, что по своему содержанию и принципам организации метакогнитивная сфера личности обладает принципиальной двойственностью. С одной стороны, она обладает рядом основных особенностей и характеристик, присущих системным образованиям как таковым и, следовательно, может быть отнесена к их разряду. С другой стороны, она обладает и целым рядом новых – дополнительных и более сложных особенностей, не позволяющих рассматривать ее в качестве системы «классических», традиционных типов. Следовательно, наиболее общим и адекватным методологическим средством раскрытия основных особенностей и закономерностей метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности должен выступить метасистемный подход. Конкретной стратегией его осуществления является гносеологический вариант данного подхода, предполагающий реализацию по отношению к предмету исследования процедуры, обозначаемой понятием «алгоритма системного исследования». Она включает в себя ряд основных гносеологических планов (этапов): метасистемный, структурный, функциональный, генетический и интегративный и выступает комплексной стратегией исследования метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности. Данная стратегия, а также полученные в итоге ее реализации результаты являются достаточным основанием для разработки обобщающих, то есть собственно концептуальных представлений о предмете исследования.

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

На правах рукописи

КАРПОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ

**СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
МЕТАКОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ
В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 19. 00. 03 – психология труда, инженерная психология,
эргономика (психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

диссертации на соискание ученой степени

доктора психологических наук

Том 2

Научный консультант:
доктор психологических наук, профессор,
академик Российской академии образования,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
Владимир Дмитриевич Шадриков

Ярославль

2019

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	4
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	38
1. Комплексный опросник метакогнитивного потенциала личности (процедура разработки и содержание)	38
2. Опросник степени выраженности средств «антирефлексивной» направленности.....	63
3. Методика определения индивидуальной степени выраженности процессов метамышления	66
4. Методика дифференцированной экспертной оценки основных управленческих функций (процедура разработки и содержание)	67
5. Методики экспериментального и эмпирического исследования метакогнитивных детерминант управленческой деятельности	87
6. Первичные результаты реализации методики «Комплексный опросник метакогнитивного потенциала» (КОМП) по отношению к выборке руководителей	100
7. Первичные данные процедуры экспертной оценки эффективности управленческой деятельности.....	104
8. Матрицы интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в группах руководителей с различным метакогнитивным потенциалом	110
9. Первичные данные исследования взаимодействия метакогнитивной и процедуральной подсистем методом факторных декомпозиций	111
10. Данные исследования взаимодействия метакогнитивной и ингибиторной подсистем методом факторных декомпозиций.....	112
11. Первичные результаты диагностики основных когнитивных и метакогнитивных параметров.....	113
12. Матрицы интеркорреляций параметров «первичных» когнитивных процессов при различных значениях метакогнитивного потенциала	117
13. Матрицы интеркорреляций метакогнитивных («вторичных») параметров при различных значениях метакогнитивного потенциала.....	119
14. Первичные данные диагностики основных деятельностных параметров и основных подсистем метакогнитивной сферы	120
15. Матрицы интеркорреляций основных деятельностных «составляющих» в группах с различными значениями метакогнитивного потенциала	124

16. Эмпирические результаты исследования взаимосвязи параметров метакогнитивной сферы и трех общих способностей (интеллекта, обучаемости и креативности)	125
17. Первичные данные исследования взаимодействия процессов мышления и метамышления методом факторных декомпозиций	158
18. Первичные данные исследования взаимодействия двух «первичных» процессов (памяти и мышления) и «вторичных» – мнемотехнических процессов методом факторных декомпозиций.....	159
19. Первичные данные исследования взаимодействия «первичных» и «вторичных» знаний	160
20. Первичные данные диагностики основных когнитивных операций	161
21. Матрицы интеркорреляций результативных параметров когнитивных операций.....	163
22. Матрицы интеркорреляций мыслительных операций на элементном уровне организации метакогнитивной сферы.....	164
23. Первичные данные диагностики степени развития интегральных процессов регуляции деятельности и экспертной оценки управленческих функций.....	165
24. Матрицы интеркорреляций степени развития интегральных процессов регуляции деятельности	168
25. Матрицы интеркорреляций данных экспертной оценки реализации основных управленческих функций.....	169
26. Матрицы интеркорреляций подсистем метакогнитивной сферы в подгруппах руководителей основных общеуправленческих стилей.....	170
27. Матрицы интеркорреляций основных параметров метакогнитивной сферы в подгруппе мужчин-руководителей	172
28. Матрицы интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в подгруппах руководителей мужчин и женщин.....	174
29. Первичные результаты диагностики параметров метакогнитивной сферы в трех различных стажных группах	175
30. Матрица интеркорреляций параметров метакогнитивной сферы в различных стажных группах	179
31. Структурограммы метакогнитивных параметров для стажных групп руководителей.....	183
32. Матрицы интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в трех стажных группах руководителей.....	185

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов В. С. Становление Я-концепции руководителя в управленческой деятельности [Текст] : автореф. дисс. ... докт. психол. наук. – М., 1999. – 50 с.
2. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания [Текст] / А. Ю. Агафонов. – СПб: Питер, 2003. – 296 с.
3. Адаир Дж. Эффективное лидерство [Текст] / Дж. Адаир. – М.: Эксмо, 2003. – 320 с.
4. Адорно Т. Исследование авторитарной личности [Текст] / Т. Адорно. – М.: Серебряные нити, 2001. – 416 с.
5. Айзенк Г. Ю. Структура личности [Текст] / Г. Ю. Айзенк. – СПб: Ювента, 1999. – 464 с.
6. Акопов Г. В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований [Текст] / Г. В. Акопов. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 272 с.
7. Акофф Р. О целеустремленных системах [Текст] / Р. Акофф, Ф. Эмери. – М.: Мир, 1974. – 272 с.
8. Александров Ю. И., Системные аспекты психической деятельности [Текст] / Ю. И. Александров, А. В. Брушлинский, К. В. Судаков, Е. А. Умрюхин. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 137 с.
9. Аллахвердов В. М. и др. Когнитивная логика сознательного и бессознательного [Текст] / В. М. Аллахвердов. – СПб.: СПбУ, 2006. – 351 с.
10. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс [Текст] / В. М. Аллахвердов. – СПб.: ДНК, 2000. – 518 с.
11. Адюшина Н. А. Рефлексивно-профессиональные особенности управленцев с мотивацией на успешную самореализацию [Текст] : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Сочи, 2000. – 24 с.
12. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – Л.: ЛГУ, 1977. – 332 с.
13. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – Л.: ЛГУ, 1986. – 368 с.
14. Анастаси А. Психологическое тестирование [Текст] / А. Анастаси. – М.: Педагогика, 1982. Т.1 – 316 с.; Т.2. – 292 с.
15. Андерсон Дж. Когнитивная психология [Текст] / Дж. Андерсон. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.

16. Анохин П. К. Избранные труды [Текст] / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 399 с.
17. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы [Текст] / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
18. Ансимова Н. П. Психология постановки учебных целей [Текст] / Н. П. Ансимова. – Ярославль, ЯГПУ, 2006. – 267 с.
19. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности [Текст] / В. Г. Асеев. – М.: Мысль, 1976. – 158 с.
20. Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека [Текст] / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2007. – 526 с.
21. Аткинсон Р. Человеческая память [Текст] / Р. Аткинсон. – М.: Прогресс, 1980. – 528 с.
22. Базаров Т. Ю. Управление персоналом [Текст] / Т. Ю. Базаров. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 560 с.
23. Базаров Т. Ю. Технологические основы оценки персонала (методические рекомендации к курсу «Ассесмент-центр») [Текст] / Т. Ю. Базаров, М. А. Ладионенко. – М.: Перо, 2017. – 368 с.
24. Бандурка А. М. Психология управления [Текст] / А. М. Бандурка, С. П. Бочарова, Е. В. Землянская. – Харьков: ООО Фортуна-пресс, 1998. – 464 с.
25. Барабанщиков В.А. Системность. Восприятие. Общение [Текст] / В.А. Барабанщиков, В. Н. Носуленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 479 с.
26. Беленкова Ю. С. Обучение метакогнитивным навыкам и методы оценки их сформированности [Текст] / Ю. С. Беленкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Всероссийский научный журнал – № 3, ч. 2. 2015. – С. 20-23.
27. Бендас Т. В. Психология лидерства [Текст] / Т. В. Бендас. – СПб: Питер, 2009. – 448 с.
28. Бернштейн Н. А. О построении движений [Текст] / Н. А. Бернштейн. – М.: Медгиз, 1947. – 255 с.
29. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активности [Текст] / Н. А. Бернштейн. – М.: Наука, 1990. – 495 с.
30. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор [Текст] / Л. Берталанфи фон // Исследования по общей теории систем: сборник перево-

- дов / общ. ред. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – Москва: Прогресс, 1969. – С. 23-82.
31. Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода [Текст] / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
 32. Блейк Р. Научные методы управления [Текст] / Р. Блейк, Дж. Моутон. – Киев: Наукова думка, 1990. – 240 с.
 33. Блюмберг В. А., Какое решение лучше? Метод расстановки приоритетов [Текст] / В. А. Блюмберг, В. Ф. Глущенко. М.: Наука, 1982. – 182 с.
 34. Болдачев А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма [Текст] / А. В. Болдачев. – М.: УРСС, 2011. – 211 с
 35. Борисова Е. А. Оценка и аттестация персонала [Текст] / Е. А. Борисова. – СПб: Питер, 2003. – 253 с.
 36. Брунер Дж. Психология познания [Текст] / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977. – 378 с.
 37. Брушлинский А. В. Психология субъекта [Текст] / А. В. Брушлинский. – СПб.: Алетейя, 2003. – 269 с.
 38. Брэдик У. Менеджмент в организации [Текст] / У. Брэдик. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 312 с.
 39. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика [Текст] / Л. Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2006. – 351 с.
 40. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание [Текст] / М. Вартофский. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
 41. Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов [Текст] / Л. М. Веккер. – М.: Смысл, 2000. – 685 с.
 42. Веккер Л. М. Психические процессы [Текст] / Л. М. Веккер. – Л.: ЛГУ, 1974. Т. 1. – 332 с; 1976. Т. 2. – 332 с.
 43. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: В 2-х т. Т.1. [Текст] / Б. М. Величковский – М.: «Академия» 2006. – 448 с.
 44. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека [Текст] / под ред. И. М. Фейгенберга, Г. Е. Журавлева. – М.: Наука, 1979. – 389 с.
 45. Виноградов А. А. Гетерохронность развития профессионально-важных качеств личности управленцев в ходе повышения квалификации [Текст] : дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2001. – 142 с.
 46. Виханский О. С. Менеджмент// учебное пособие [Текст] / О. С. Виханский, А. И. Наумов. – М.: Гардарики, 2003. – 528 с.

47. Воеводина, Н. А. Социология и психология управления [Текст] / Н. А. Воеводина. – М.: Омега-Л, 2011. – 199 с.
48. Волканевский С. В. Рефлексивность как детерминанта психического выгорания личности [Текст]: дисс....канд. психол. наук. – Ярославль, ЯрГУ, 2010.
49. Выготский Л. С. Собрание сочинений [Текст] / Л. С. Выготский. – Т.4. – М.: Педагогика, 1984. – 376 с.
50. Гамов Н. С. Психология менеджмента: практические тесты руководителя [Текст] / Н. С. Гамов, Д. А. Леженко, С. А. Венедиктов, Л. А. Крымская. – Запорожье, 1993. – 62 с.
51. Ганзен В. А. Системные описания в психологии [Текст] / В. А. Ганзен. – Л.: ЛГУ, 1979. – 211 с.
52. Генов Ф. Психология управления [Текст] / Ф. Генов. М.: Прогресс, 1982. – 422 с.
53. Гермейер Ю. Б. Игры с противоположными интересами [Текст] / Ю. Б. Гермейер. – М.: Наука. 1976. – 244 с.
54. Гласс Дж. Статистические методы в педагогике и психологии [Текст] / Дж. Гласс, Дж. Стэнли. – М.: Прогресс, 1976. – 494 с.
55. Горелик В. А. Анализ конкретных ситуаций в системах управления [Текст] / В. А. Горелик, М. А. Горелов, А. Ф. Кононенко. – М.: Наука, 1991. – 122 с.
56. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента [Текст] / Р. Готтсданкер. – М.: МГУ, 1982. – 464 с.
57. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект [Текст] / Д. Гоулман. – М.: АСТ, 2008. – 352 с.
58. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство. Искусство управление людьми на основе эмоционального интеллекта [Текст] / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. МакКи. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 302 с.
59. Денисова Д. М. Шкала F как инструмент исследования авторитарного потенциала личности [Текст] / Д. М. Денисова. – СПИИРАН. – вып. 21, 2012.– С. 228–237.
60. Деятельность: теория, методология, проблемы [Текст] / сост. И. Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – 359 с.
61. Дизель П. Поведение человека в организациях [Текст] / П. Дизель, У. МакКинси, Д. Ренан. – М.: Дело, 1993. – 207 с.

62. Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека [Текст] / Л. Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 316 с.
63. Донцов А. И. Феномен зависти [Текст] / А. И. Донцов – М.: Эксмо, 2015. – 520 с.
64. Донцов А. И. Психология коллектива [Текст] / А. И. Донцов. – М.: МГУ, 1984. – 208 с.
65. Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы [Текст] / Л. Я. Дорфман. – М.: Смысл, 1993. – 456 с.
66. Друкер П. Эффективный управляющий [Текст] / П. Друкер. – М., 1994. – 267 с.
67. Дружинин В. Н. Онтология психической реальности [Текст] / В. Н. Дружинин // Проблемы субъекта в психологической науке / М.: Академический проект, 2000. С. 64-75.
68. Дружинин В. Н., Психология общих способностей [Текст] / В. Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 1999. – 368 с.
69. Дудченко В. С. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования [Текст] / В. С. Дудченко. – М.: Кватро-принт, 2004. – 239 с.
70. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления [Текст] / К. Дункер // Психология мышления / под. ред. А. М. Матюшкина. – М.: Наука, 1965. – 234 с.
71. Емельянов С. В. Системы, целенаправленность, рефлексия [Текст] / С. М. Емельянов, Э. Д. Наппельбаум // Системные исследования. М.: Наука, 1981. – С. 7-39.
72. Ефимов В. В. Социология и психология управления [Текст] / В. В. Ефимов. – М.: КноРус, 2012. – 256 с.
73. Жане П. Психологическая эволюция личности [Текст] / П. Жане. – М.: Академический проспект, 2009. – 300 с.
74. Жариков Е. С. Психология управления. Книга для руководителя и менеджера по персоналу [Текст] / Е. С. Жариков. – М.: МЦФЭР, 2002. – 512 с.
75. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия [Текст] / А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 474 с.
76. Журавлев, А. Л. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований [Текст] / А. Л. Журавлев. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – 248 с.

77. Завалишина Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления [Текст] / Д.Н. Завалишина. – М.: Наука, 1985. – 219 с.
78. Завалкевич Л. Психология эффективного менеджера [Текст] / Л. Завалкевич. – М.: 2015. – 192 с.
79. Залевский Г. В. Психическая ригидность в норме и патологии [Текст] / Г.В. Залевский. – Томск: ТГУ, 1993. – 272 с.
80. Занков Л. В. Избранные педагогические труды [Текст] / Л. В. Занков. – М.: Педагогика, 1990. – 452 с.
81. Занковский А.Н. Организационная психология // учебник [Текст] / А. Н. Занковский. – М.: Флинта: МПСИ, 2000. – 648 с.
82. Занковский А. Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме [Текст] / А. Н. Занковский. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 296 с.
83. Залмах В. П. Выработка управленческих решений на производстве [Текст] / В. П. Залмах. – Рига, 1978. – 292 с.
84. Захарова Л. Н. Психология управления [Текст] / Л. Н. Захарова. – М.: Логос, 2012. – 376 с.
85. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт [Текст] / В. П. Зинченко. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 582 с.
86. Зинченко В. П. Методологические проблемы психологического анализа деятельности [Текст] / В. П. Зинченко, В. М. Гордон // Системные исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 82-127.
87. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание [Текст] / П. И. Зинченко. – М.: АПН РСФСР, 1969. – 471 с.
88. Знаков В. В. Понимание в познании и общении [Текст] / В. В. Знаков – Самара, 1998. – 187 с.
89. Игровое моделирование: теория и практика [Текст] / под ред. И. С. Ладенко. Новосибирск, Наука, 1987. – 228 с.
90. Исследование проблем молодежи в ГДР / общ. ред. В. А. Севецева. – М.: Прогресс, 1976. – 461 с.
91. Исследование психологических механизмов принятия решения в процессе профессиональной подготовки операторов. Отчет о НИР № 165 [Текст] – Ярославль: ЯрГУ, 1985. – 214 с.

92. История менеджмента [Текст] / под ред. Д. В. Валового. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 256 с.
93. Кабаченко, Т. О. Психология управления // учебное пособие [Текст]/ Т. О. Кабаченко. – М.: 2005. – 384 с.
94. Кабикин В. Е. Диагностика оперативного мышления [Текст] / В. Е. Кабикин. – Киев: Наукова Думка, 1977. – 109 с.
95. Камерон К., Куин Д. Диагностика и изменение организационной культуры [Текст] / под ред. И. В. Андреевой. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с.
96. Канджеми Дж. П. Психология современного лидерства. Американские исследования [Текст] / Дж. П. Канджеми. – М.: Когито-Центр. – 288 с.
97. Карабущенко Н. Б. Психология элит (теоретические основания) [Текст] / Н.Б. Карабущенко. – М.: Техпромграфика-М, 2012. – 288 с.
98. Карпов А. А. Возрастная динамика структурной организации метакогнитивной сферы личности [Текст] / А. А. Карпов // Российский психологический журнал, Том 15, № 2, 2018. – С. 108-132.
99. Карпов А. А. Взаимосвязь общих способностей и метакогнитивных качеств личности [Текст] / А. А. Карпов. – Саарбрюккен: «LAP LAMBERT Academic Publishing», 2014. – 204 с.
100. Карпов А. А. Внимательность как профессионально-важное качество руководителя [Текст] / А. А. Карпов // Методология современной психологии. – Вып. 4 / Сб. под ред. В. В. Козлова – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, 2014. – 292 с.
101. Карпов А.А. Дифференциальные аспекты структурной организации метакогнитивных качеств личности учащихся высших учебных заведений [Текст] / А. А. Карпов // Ярославский педагогический вестник – №4, 2017 – С. 218-222.
102. Карпов А. А. Интеллект как детерминанта метакогнитивных качеств личности [Текст] / А. А. Карпов // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – № 2. – Ярославль, 2012. – С.82-88.
103. Карпов А.А. Интеллект как фактор организации метакогнитивных процессов и качеств личности в профессиональной деятельности [Текст] / А. А. Карпов // Ярославский психологический вестник. – №39, 2012. – С. 7-12.
104. Карпов А.А. Исследование личностных качеств самоактуализирующейся личности [Текст] / А. А. Карпов // Ярославский педагогический вестник. – №4, 2016. – С. 138-141.

105. Карпов А. А. Исследование метакогнитивных процессов и качеств личности в деятельности управленческого типа [Текст] / А. А. Карпов // Ярославский психологический вестник. – № 2 (38). – Ярославль: ЯРО РПО, 2017. – С. 33-38.
106. Карпов А. А. Креативность как детерминанта метакогнитивной регуляции управленческой деятельности [Текст] / А. А. Карпов // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – № 1 (43). – Ярославль, 2018. – С. 84-90.
107. Карпов А. А. Метакогнитивный контроль регулятивных функций сознания [Текст] / А. А. Карпов // Мир психологии. – № 2 (94), 2018. – С. 135-150.
108. Карпов А. А. Метакогнитивное направление в психологии: современное состояние и перспективы исследований [Текст] / А. А. Карпов // Ярославский психологический вестник. – № 35. – М.-Ярославль: ЯРО РПО, 2016. – С. 6-12.
109. Карпов, А. А. Структурные закономерности рефлексивной детерминации управленческой деятельности в образовательном пространстве / А. А. Карпов, А. В. Карпов, Ю. М. Перевозкина, А. В. Чемякина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – Том 8. – № 5, 2018. – С. 209-228.
110. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности [Текст] / Карпов А. А. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – 256 с.
111. Карпов А. А. Обучаемость как детерминанта структурной организации метакогнитивных качеств личности [Текст] / А. А. Карпов // Ярославский педагогический вестник. – № 2. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. – С.78-87.
112. Карпов А. А. Основные тенденции развития современной метакогнитивной психологии // учебное пособие [Текст] / А. А. Карпов – Ярославль: ЯрГУ, Филигрань, 2017. – 152 с.
113. Карпов А. А. Принцип дублирования при подборе персонала в организации [Текст] / А. А. Карпов // Научный поиск / под ред. А. В. Карпова. – Ярославль, ЯРО РПО, 2009. – С. 102-107.
114. Карпов А. А. Рефлексивность как детерминанта стилей принятия решений в управленческой деятельности [Текст] / А. А. Карпов// Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – № 4 (42). – Ярославль, 2017. – С.82-87.

115. Карпов А. А. О содержании предмета современного метакогнитивизма [Текст] / А. А. Карпов, А. В. Карпов // Вестник РПО. – №37. – Ярославль: ЯРО РПО, 2017. – С. 12-27.
116. Карпов А. А. Процессы принятия решения в структурной организации деятельности [Текст] / А. А. Карпов, А. В. Карпов // Российский психологический журнал. – Том 13. – № 2, 2016. – С. 132-155.
117. Карпов А. А. Современная организационная психология // учебное пособие [Текст] / А. А. Карпов. – Ярославль: Филигрань, 2018. – 256 с.
118. Карпов А. А. Структурно-феноменологический подход в метакогнитивной психологии [Текст] / А. А. Карпов // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – №4 (35), 2016. – С. 24-29.
119. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности [Текст] / А. А. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 208 с.
120. Карпов А. А. Креативность как фактор организации метакогнитивных качеств личности в учебной деятельности [Текст] / А. А. Карпов, Б. М. Асоев // Ярославль, Ярославский педагогический вестник. №6, 2017. С. 56-63.
121. Карпов А. А. Введение в метакогнитивную психологию // учебное пособие [Текст] / А. А. Карпов, А. В. Карпов. – М.: Изд. дом РАО, 2015. – 512 с.
122. Карпов А. А., Карпов А. В. Взаимосвязь психометрического интеллекта с организацией метакогнитивных процессов и качеств личности [Текст] / А. А. Карпов, А. В. Карпов // Психологический журнал. – Том 37. – №2, 2016. – С. 69-78.
123. Карпов, А. А. Динамика метакогнитивных детерминант управленческой деятельности в процессе профессионализации / А. А. Карпов, А. В. Карпов, Н. Б. Карабущенко, А. В. Иващенко // Экспериментальная психология. – Том 11. – № 21. – С. 49-60.
124. Карпов А. А. Новые методики исследования метакогнитивной регуляции деятельности // учебное пособие [Текст] / А. А. Карпов. – М.: МПСУ, 2019 – 138 с.
125. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности [Текст] / А. А. Карпов. – М.: Изд-во РАО, 2018. – 784 с.
126. Карпов А. А. Фактор пола как детерминанта функциональной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности [Текст] / А. А. Карпов // Актуальные проблемы психологии и педагогики в совре-

- менном мире: Сб. трудов V Межд. научно-практ. конф. / ред. Н. Б. Карабущенко, Н. В. Сунгурова. – М.: РУДН, 2019 г. – С. 35-39.
127. Карпов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики [Текст] / А. В. Карпов. – М.: ИП РАН, 2004. – 506 с.
128. Карпов А. В. Психология менеджмента // учебник [Текст] / А. В. Карпов. – М.: Гардарики, 1999. – 568 с.
129. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности [Текст] / А. В. Карпов. – М.: ИП РАН, 2004. – 423 с.
130. Карпов А. В. Психология метакогнитивных процессов личности [Текст] / А. В. Карпов, И. М. Скитяева. – М.: ИП РАН, 2005. – 296 с.
131. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. [Текст] / А. В. Карпов – М.: Изд. Дом РАО, 2015.
132. Карпов А. В. Психология сознания: метасистемный подход [Текст] / А. В. Карпов. – М.: Изд. Дом РАО, 2011. – 1080 с.
133. Карпов А. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход [Текст] / А. В. Карпов, А. А. Карпов, Е. В. Маркова. – Ярославль: ЯрГУ; М.: Изд. Дом РАО, 2016. – 644 с.
134. Карпов А. В. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т.2 [Текст] / А. В. Карпов, А. А. Карпов. М.: РАО, 2018. – 460 с.
135. Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности [Текст] / Е. В. Карпова. Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 566 с.
136. Кашапов М. М. Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подхода [Текст] / М. М. Кашапов. – Ярославль, ЯрГУ, 2012. – 384 с.
137. Каширский Д. В. Психология личностных ценностей [Текст] : дисс.... докт. психол. наук. М.: РГГУ, 2014. – 550 с.
138. Келли Д. А. Теория личности. Психология личных конструктов [Текст] / Д. А. Келли. – СПб: Речь, 1955/2000. – 249 с.
139. Китов А. И. Психология хозяйственного управления [Текст] / А. И. Китов. – М.: Экономика, 1982. – 400 с.
140. Клайн П. Введение в психометрическое проектирование [Текст] / П. Клайн. – Киев, 1994.
141. Классики менеджмента [Текст] / ред. М. Уорнер. – СПб, Питер, 2001. – 1168 с.

142. Климонтова Т. А. Внутренний мир интеллектуально одаренного человека [Текст] / Т. А. Климонтова, А. В. Карпов. – Иркутск, 2016. – 299 с.
143. Когнитивная психология [Текст] / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 478 с.
144. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений [Текст] / Ю. Козелецкий. – М.: Прогресс, 1979. – 504 с.
145. Комаров, Е. И. Гендерный менеджмент // учебное пособие [Текст] / Е. И. Комаров, В. Ф. Жукова – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2012. – 187 с.
146. Конева Е. В. Особенности мышления в субъект-субъектных видах деятельности [Текст] / Е. В. Конева // Психологический журнал. Т. 17. – № 6, 1996. – С. 82–95.
147. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности [Текст] / О. А. Конопкин. – М.: Наука, 1980. – 170 с.
148. Корнилова Т. В. Введение в психологический эксперимент [Текст] / Т. В. Корнилова. – М.: МГУ, 1997. – 256 с.
149. Кравков С. В. Самонаблюдение [Текст] / С. В. Кравков. – М.: Русский книжник, 1922. – 176 с.
150. Крайг Г. Психология развития [Текст] / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
151. Красовский Ю. Д. Организационное поведение [Текст] / Ю. Д. Красовский. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 472 с.
152. Кудряшова Л. Д. Каким быть руководителю. Психология управленческой деятельности [Текст] / Л. Д. Кудряшова. – Л.: Лениздат, 1986 – 254 с.
153. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса [Текст] / В. П. Кузьмин. – М.: Политиздат, 1984. – 464 с.
154. Кунц Г. Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций [Текст] / Г. Кунц, С. О’Доннел. – М.: Прогресс, 1981. – 302 с.
155. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях [Текст] / Д. Кэмпбелл. – М.: Мир, 1980. – 390 с.
156. Ладанов И. Д. Психология управления рыночными структурами. Преобразующее лидерство [Текст] / И. Д. Ладанов. – СПб.: Перспектива, 1997. – 288 с.
157. Лазарева О. В. К вопросу о влиянии метакогнитивных процессов на понимание научного текста [Текст] / О. В. Лазарева // Вестник ЮУрГУ. – № 31, 2012. – С. 14-18.

158. Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах [Текст] / А. Ф. Лазурский. – М.: Наука, 1917/1995. – 271 с.
159. Ларичев О. И. Компьютерное обучение процедуральным знаниям [Текст] / О. И. Ларичев, Е. В. Нарыжный // Психологический журнал. – Т. 20. – № 6, 1999. – С. 53–61.
160. Левченко В. В. Психология состязательности: метасистемный подход [Текст] / В. В. Левченко, А. В. Карпов. – Пермь, ПГУ, 2016 – 602 с.
161. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание [Текст] / В. А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 340 с.
162. Лекторский В. А. Деятельностный подход вчера и сегодня [Текст] / В. А. Лекторский // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. – М.: Росспэн. – 2011. – С. 15-27.
163. Леньков С. Л. Российская организационная культура: специфика с позиций метасистемного подхода [Текст] / С. Л. Леньков // Журнал практического психолога. – 2007. № 4. – С. 37-49.
164. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 334 с.
165. Леонтьев А. Н. Становление психологии деятельности [Текст] / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 437 с.
166. Леонтьев Д. А. От инстинктов к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня, завтра [Текст] / Д. А. Леонтьев // Современная психология мотивации. – М.: Смысл, 2002. – С. 4-13.
167. Леонтьев Д. А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике [Текст] / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – Т. 11. – № 4, 2014. – С. 110-135.
168. Леонова А. Б. Психология труда и организационная психология: современное состояние и тенденции развития [Текст] / А. Б. Леонова, О. Н. Чернышева. – М.: Радикс, 1995. – 448 с.
169. Лепский В. Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности [Текст] / В. Е. Лепский. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 204 с.
170. Литвинов А. В. Метакогнитивность: понятие, структура, связь с интеллектуальными и когнитивными способностями (по материалам зарубежных ис-

- следований) [Текст] / А. В. Литвинов, Т. В. Иволина // Современная зарубежная психология. – № 3, 2013. – С. 59-68
171. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии [Текст] / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
172. Ломов Б. Ф. Антиципация в структуре деятельности [Текст] / Б. Ф. Ломов, Е. Н. Сурков. – М.: Наука, 1980. – 280 с.
173. Луковников Н. Н. Интеграция и дифференциация в развитии психических процессов [Текст] / Н. Н. Луковников. – Калинин, КГУ, 1984. – 79 с.
174. Люсин Д. В. Социальный интеллект, теория, измерение, исследования [Текст] / Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков. – Институт психологии РАН, 2004. – 176 с
175. Мазиллов В. А. Методологические проблемы психологии [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2006. – 252 с.
176. Майерс Д. Социальная психология [Текст] / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 2007. – 791 с.
177. Малиновский А. А. Основные понятия и определения теории систем [Текст] / А. А. Малиновский // Системные исследования. – М.: Наука, 1980. – С. 78-90.
178. Мамиконов А. Г. Принятие решения и информация [Текст] / А. Г. Мамиконов. – М.: Наука, 1983. – 183 с.
179. Мангутов Н. С. Организатор и организаторская деятельность [Текст] / Н. С. Мангутов, Л. И. Уманский. – Л.: ЛГУ, 1975. – 312 с.
180. Манифест метапознания [Электронный ресурс] // Дистанционное интернет-образование (<http://www.elitarium.ru>). Проверено 14.12.2003.
181. Маркова Е. В. Психология стилей управленческих решений [Текст] / Е. В. Маркова, А. В. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 2002. – 102 с.
182. Мартынов Е. Д. Профессионалы в управлении [Текст] / Е. Д. Мартынов – М.: Экономика, 1991. – 112 с.
183. Маслоу А. Психология бытия [Текст] / А. Маслоу. – М.-Киев, 1997. – 304 с.
184. Маслоу А. Маслоу о менеджменте: Самоактуализация. Просвещенный менеджмент. Организационная теория / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2003 (ГИПК Лениздат). – 413 с.
185. Мейли Р. Факторный анализ личности [Текст] / Р. Мейли // Психология индивидуальных различий: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1982 / Под ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 5. М.: Прогресс, 1975. – С. 153-159.

186. Мейстер Д. Инженерно-психологическая оценка при разработке систем управления [Текст] / Д. Мейстер, Дж. Рабидо. – М.: Машиностроение. – 344 с.
187. Ментальная репрезентация [Текст] / под ред. А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – 320 с.
188. Месарович М. Теория иерархических многоуровневых систем [Текст] / М. Месарович, Д. Мако, И. Такахара. – М.: Мир, 1973. – 334 с.
189. Метапсихология вчера, сегодня, завтра [Текст] : сборник материалов 5 Международной конференции им. С. Н. Шпильрейна. – Ростов н/Д, 2005. – 311 с.
190. Мескон М. Основы менеджмента [Текст] / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Дело, 1992 – 620 с.
191. Миллер Дж. Планы и структура поведения [Текст] / Дж. Миллер, Ю. Галантер, К. Прибрам. – М.: Прогресс, 1965. – 192 с.
192. Милорадова Н. Г. Психология управления в условиях стабильной неопределенности [Текст] / Н. Г. Милорадова. – М.: АСВ, 2004. – 232 с.
193. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции [Текст] / В. И. Моросанова. – М.: Наука, 1998. – 192 с.
194. Мэйджер Ч. Кто такой харизматичный лидер? [Текст] / Ч. Мэйджер // Психология современного лидерства / под ред. Дж. П. Канджеми, П. Ковальски. – М.: Когито-Центр, 2007. – 288 с.
195. Найссер У. Познание и реальность [Текст] / У. Найссер. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
196. Нейман Дж. фон Теория игр и экономическое поведение [Текст] / Дж. фон Нейман, О. Morgenstern. – М.: Наука, 1970. – 601 с.
197. Нестик Т. А. Метакогнитивные функции персональной социальной сети [Текст] / Т. А. Нестик // Экономические стратегии. – № 5, 2013. – С. 53-56.
198. Нижегородцева, Н. В. Системогенетический анализ готовности к обучению [Текст] / Н. В. Нижегородцева. – Ярославль: Аверс-пресс, 2004. – 338 с.
199. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека [Текст] / Г. С. Никифоров. – Л.: ЛГУ, 1988. – 157 с.
200. Нормативные и дескриптивные модели принятия решения [Текст] /. – М.: Наука. 1983. – 340 с.
201. Олпорт Г. Становление личности: Избр. Труды [Текст] / Г. Олпорт / Под общей ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 463 с

202. Организационная психология // учебник для бакалавров [Текст] / под ред. А. В. Карпова. – М.: Юрайт, 2012. – 570 с.
203. Организационная психология // учебник [Текст] / под общ. ред. А. Б. Леоновой. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 429 с.
204. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности [Текст] / В. Е. Орел. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2005. – 220 с.
205. Осипова Е. Н. Сценарно-натурный подход в исследованиях управленческих решений [Текст] / Е. Н. Осипова / Дипл. раб. – Ярославль, ЯрГУ, 1996. – 112 с.
206. Осуги С. Приобретение знаний [Текст] / С. Осуги, Ю. Саэки. – М., Мир, 1990. – 304 с.
207. Ошанин Д. А. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии [Текст] / Д. А. Ошанин // Инженерная психология: теория, методология, практика. М.: Наука, 1977. – С. 134-149.
208. Парсонс Т. Социальная система [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2018. – 529 с.
209. Перре-Клермон А. Н. Роль социальных взаимодействий в развитии интеллекта де-тей [Текст] / А. Н. Перре-Клермон. – М., 1991. – 240 с.
210. Петровский В. А. Человек над ситуацией [Текст] / В. А. Петровский. – М.: ВШЭ, 2010. – 560 с.
211. Петраш Е. А. Норма и нарушения социальной идентичности [Текст] : дисс. ... докт. психол. наук. Ярославль, ЯрГУ, 2016. – 415 с.
212. Петренко В. Ф. Многомерное сознание. Психосемантическая парадигма [Текст] / В. Ф. Петренко. – М.: Новый хронограф, 2010. – 424 с.
213. Пиаже Ж. Избранные психологические труды [Текст] / Ж. Пиаже. – М.: Просвещение, 1969. – 660 с.
214. Планкетт Л., Хейл Г. Выработка и принятие управленческих решений [Текст] / Л. Планкетт, Г. Хейл. – М.: Экономика, 1982. – 140 с.
215. Поваренков Ю. П. Профессиональное становление личности [Текст] : дисс. ... докт. психол. наук. М., 1999. – 359 с.
216. Познавательные процессы [Текст] / Под ред. А. В. Запорожца и др. – М.: Педагогика, 1982. – 321 с.
217. Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей [Текст] / В. П. Позняков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. – 240 с.

218. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии [Текст] / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 343 с.
219. Полякова Е. В. Метакогнитивный опыт как фактор интеллектуальной компетентности в области научно-исследовательской деятельности [Текст] / Е. В. Полякова // Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований. – М.: ИП РАН, 2005. – С. 223-228.
220. Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию [Текст] / Я. А. Пономарев. – М.: Наука, 1983. – 205 с.
221. Пошехонова Ю. В. Метакогнитивные основы профессиональной деятельности // учебное пособие [Текст] / Ю. В. Пошехонова. – Ярославль, ЯрГУ, 2008. – 131 с.
222. Практическое мышление: теоретические проблемы и прикладные аспекты [Текст] / Под ред. А. В. Карпова, Ю. К. Корнилова. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2007. – 440 с.
223. Прибрам К. Языки мозга [Текст] / К. Прибрам. М.: Прогресс, 1975 – 450 с.
224. Пригожин А. И. Методы развития организаций [Текст] / А. И. Пригожин. – М.: МЦФЭР, 2003. – 864с.
225. Пригожин А. И. Порядок из хаоса [Текст] / А. И. Пригожин. – М.: Наука, 1985. – 340 с.
226. Принцип системности в психологических исследованиях [Текст] / под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной. – М.: Наука, 1988. – 231 с.
227. Проблемы и методы принятия решения в организационных системах управления [Текст] /. – М.: Наука, 1986. – 288 с.
228. Психодиагностика: теория и практика [Текст] / ред. Н. Ф. Талызина. – М.: Прогресс, 1986. – 207 с.
229. Психология сознания. Хрестоматия [Текст] / сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. – 372 с.
230. Психология труда // учебник [Текст] / под ред. Е. А. Климова, О. Г. Носковой, Г.М. Солнцевой. – М.: Юрайт, 2015. – 618 с.
231. Психология труда // учебник для вузов [Текст] / под ред. А. В. Карпова. – М.: Владос, 2004. – 349 с.
232. Равен Дж. Компетентность в современном обществе [Текст] / Дж. Равен. – М.: Когито-центр, 2002. – 400 с.

233. Разина Т. В. Психология мотивации научной деятельности: методология, теория, эмпирические исследования [Текст] / Т. В. Разина. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014 – 296 с.
234. Регуш Л. А. Структура и возрастная динамика способности к прогнозированию [Текст] / Л. А. Регуш // Психологический журнал. – Т. 3. – № 5. – С. 31-40.
235. Рефлексивное управления [Текст] / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. – М.: ИП РАН, 2000. – 139 с.
236. Роговин М. С. Современная когнитивная психология и проблема мышления [Текст] / М. С. Роговин // Мышление: процесс, деятельность, общение / под ред. А. В. Брушлинского. – М.: Наука, 1982. С. 213-273.
237. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии [Текст] / М. С. Роговин. – Ярославль: ЯрГУ, 1977. – 79 с.
238. Росс А. Человек и ситуация [Текст] / А. Росс, Р. Нисбетт. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 430 с.
239. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 420 с.
240. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1957. – 327 с.
241. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1958. – 148 с.
242. Ружичка Й. Некоторые проблемы социальной психологии [Текст] / Й. Ружичка. – М.: Прогресс, 1981. – 255 с.
243. Савин Е. Ю. Метакогнитивный мониторинг в решении учебных задач: соотношение обобщенных и предметно-специфических навыков [Текст] / Е. Ю. Савин, А. Е. Фомин // Тез. 6-й конф. по когнитивной науке. – Калининград, 2014. – С. 514-518.
244. Садовский В. Н. Основы общей теории систем: логико-методологический анализ [Текст] / В. Н. Садовский. – М.: Наука, 1974. – 203 с.
245. Саймон Г. Наука об искусственном [Текст] / Г. Саймон. – М.: Мир, 1973. – 172 с.
246. Самыгин, С. И. Психология управления [Текст] / С. И. Самыгин. – Ростов на/Д: Феникс, 2016. – 391 с.
247. Свенцицкий А. Л. Социально-психологические проблемы управления [Текст] / А. Л. Свенцицкий. – Л.: ЛГУ, 1975. – 120 с.

248. Сенге, П. М. Пятая дисциплина: Искусство и практика самообучающейся организации: [Текст] / П. М. Сенге. – М.: Олимп-Бизнес, 1999. – 406 с.
249. Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе человека [Текст] / Е. А. Сергиенко. – М.: Наука, 1992. – 300 с.
250. Секреты умелого руководителя [Текст] / ред. И. В. Липсиц. – М.: Экономика, 1991. – 320 с.
251. Синягин Ю. В. Комплексная диагностика и оценка управленческого персонала [Текст] / Ю. В. Синягин. – М.: Изд-во РАГС, 2009 – 65 с.
252. Системогенез [Текст] / под ред. К. В. Судакова. – М., Наука, 1978. – 404 с.
253. Скворцова Ю. В. Метакогнитивные компоненты педагогического мышления преподавателя высшей школы [Текст] : дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, ЯрГУ, 2005. – 192 с.
254. Смолкин А. М. Активные методы при экономической подготовке руководителей производства [Текст] / А. М. Смолкин. – М.: Экономика, 1976. – 147 с.
255. Смирнов, В. Н. Психология управления персоналом в экстремальных условиях [Текст] / В. Н. Смирнов. – М.: Academia, 2011. – 310 с.
256. Совместная деятельность: методология, теория, практика [Текст] / отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988. – 228 с.
257. Современная психология [Текст] / ред. В. Н. Дружинин. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 686 с.
258. Сокольская М. В. Психология личностного здоровья профессионала [Текст] / М.В. Сокольская, А. В. Карпов. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2002. – 560 с.
259. Солсо Р. Когнитивная психология [Текст] / Р. Солсо. – СПб, Питер, 2006. – 586 с.
260. Спивак В. А. Корпоративная культура. Теория и практика [Текст] / В. А. Спивак. – СПб.: Питер, 2001. – 345 с.
261. Степин В. С. Теоретическое знание [Текст] / В. С. Степин. – М.: Наука, 2000. – 744 с.
262. Стернберг Р. Практический интеллект [Текст] / Р. Стернберг, Дж. Форсайт. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
263. Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология [Текст] / Ю. К. Стрелков. – М.: Академия, 2001. – 200 с.

264. Стюарт Дж. Тренинг организационных изменений [Текст] / Дж. Стюарт. – СПб, 2001. – 256 с.
265. Субботина Л. Ю. Психология защитного поведения [Текст] / Л. Ю. Субботина. – Ярославль, ЯрГУ, 2006. – 299 с.
266. Суходольский Г. В. Основы психологической теории деятельности [Текст] / Г. В. Суходольский. – М.: ЛКИ, 2008. – 168 с.
267. Тверски А. Принятие решений в неопределенности [Текст] / А. Тверски, Д. Канеман. – Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2005. – 632 с.
268. Теплов Б. М. Ум полководца [Текст] / Б. М. Теплов. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 452 с.
269. Тест умственных способностей [Текст] / И. Г. Сенин, О.В. Сорокина, В. И. Чирков (авторы адаптации). – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. – 47 с.
270. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека [Текст] / О. К. Тихомиров. – М.: МГУ, 1969. – 400 с.
271. Тода М. Логика систем: введение в формальную теорию структуры [Текст] / М. Тода, Э. Шуфорд // Иерархия и моделирование систем. – Казань, 1989. – С. 322-384.
272. Туник Е. Е. Диагностика креативности. Тест Э. Торренса [Текст] / Е. Е. Туник. – СПб.: Иматон, 1998. – 178 с.
273. Трусъ А. А. Психология управления [Текст] / А. А. Трусъ. – Минск: Высшая школа, 2014. – 317 с.
274. Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория [Текст] / Д. В. Ушаков. – М.: Изд-во ИП РАН, 2003. – 264 с.
275. Фресс П. Пиаже Ж. Экспериментальная психология [Текст] / П. Фресс, Ж. Пиаже. – М.: Прогресс, 1975. – 342 с.
276. Хакен Г. Синергетика [Текст] / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980. – 380 с.
277. Халецкий М. В. Уровни психологической деятельности [Текст] / М. В. Халецкий. – М.: Медгиз, 1970. – 202 с.
278. Халин С. М. Познание и метапознание: (проблемы типологического единства) [Текст] / С. М. Халин. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. – 244 с.
279. Халин С. М. Метапознание (некоторые фундаментальные проблемы) [Текст] / С.М. Халин. – Тюмень: ТюмГУ, 2003. – 97 с.
280. Хант Г. О природе сознания [Текст] / Г. Хант. – М.: Прогресс, 2004. – 255 с.

281. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность [Текст] / Х. Хекхаузен. – М.: Просвещение, 1986. Т.1. – 403 с.
282. Холл С. К. Теории личности [Текст] / С. К. Холл, Г. Линдсей. – М.: Апрель Пресс; Эксмо-Пресс, 2000. – 528 с.
283. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума [Текст] / М. А. Холодная. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
284. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования [Текст] / М. А. Холодная. – М.: «Барс», 1997. – 391 с.
285. Хьелл Л., Теории личности [Текст] / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 1997. – 606 с.
286. Чалдини Р. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! [Текст] / Р. Чалдини, Д. Кенрик, С. Нейберг. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 256.
287. Чередниченко И. П. Психология управления // учебник [Текст] / И. П. Чередниченко, Н. В. Тельных. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 608 с.
288. Чернова А. В. Статистическое изучение взаимосвязи социально-экономических явлений и процессов [Текст] / А. В. Чернова, И. А. Красноборская. – Орел: Орловский государственный технический университет, 2003. – 89 с.
289. Чернокова Т. Е. Проблема классификации метакогнитивных процессов [Текст] / Т. Е. Чернокова // Гуманитарный институт филиала Северного Арктического федерального университета им. М. В. Ломоносова. – Северодвинск. – С. 70-74.
290. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: Наука, 1982. – 182 с.
291. Шадриков В. Д. Деятельность и способности [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: 1995. – 405 с.
292. Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 640 с.
293. Шадриков В. Д. Роль рефлексии и рефлексивности в развитии способностей учащихся [Текст] / В. Д. Шадриков // Журнал Высшей школы экономики. – Т. 9. № 4, 2012. – С. 133-144.
294. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: Логос, 2006. – 402 с.

295. Шадриков В. Д. Психологическая характеристика нормального человека или Познай самого себя [Текст] / В. Д. Шадриков. М.: Логос, 2009. – 220 с.
296. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 419 с.
297. Шадриков В. Д. и др. Профессионализм современного педагога [Текст] / В. Д. Шадриков и др. – М.: Логос, 2012. – 168 с.
298. Шадриков В. Д., Кургинян С. С. Исследование рефлексии деятельности и ее ди-агностика через оценку конструкторов психологической функциональной системы деятельности [Текст] / В. Д. Шадриков, С. С. Кургинян // Экспериментальная психология. – Т. 8. – № 1, 2015. – С. 106-126.
299. Шадриков В. Д. Некогнитивная психология [Текст] / В. Д. Шадриков. – М.: Университетская книга, 2017. – 368 с.
300. Шакуров Р. Х. Эмоция. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). [Текст] / Р. Х. Шакуров. – Казань, 2001. – 300 с.
301. Шаров А. С. Психология культуры, образования и развития человека: учебное пособие [Текст] / А. С. Шаров. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. – 302 с.
302. Шартье Д. Обучение и перенос когнитивных и метакогнитивных стратегий [Текст] / Д. Шартье, Э. Лоарер // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы / Под ред. Т. Галкиной, Э. Лоарера. – М.: ИП РАН, 1997. – С. 201-217.
303. Шейн Э. Организационная культура и лидерство [Текст] / Э. Шейн. – СПб: Питер, 2002. – 319 с.
304. Шибутани Т. Социальная психология [Текст] / Т. Шибутани. – М.: АСТ Феникс, 1999. – 554 с.
305. Шепель В. М. Управленческая психология [Текст] / В. М. Шепель. – М.: Экономика, 1984. – 248 с.
306. Шеффе Г. Дисперсионный анализ [Текст] / Г. Шеффе. – М.: ГИФ, 1963. – 331 с.
307. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт [Текст] / А. Г. Шмелев. – СПб: Речь, 2002. – 480 с.
308. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы [Текст] / В. Штерн. – М.: Наука, 1998. – 335 с.
309. Штроо В. А. и др. Организационная психология // учебник [Текст] / В. А. Штроо и др. – М.: Инфра-М, 2017.

310. Шуванов, В. И. Социальная психология управления // учебник [Текст] / В. И. Шуванов. – М.: ЮНИТИ, 2013. – 463 с.
311. Щебетенко С. А. Черты личности в рефлексии и жизненных проявлениях человека [Текст] : дисс. ... докт. психол. наук. – М.: ВШЭ, 2017.
312. Щедровицкий Г. П. Избранные труды [Текст] / Г. П. Щедровицкий. – М.: Дело, 1995. – 560 с.
313. Эшби У. Р. Введение в кибернетику [Текст] / У. Р. Эшби. – М.: Иностранная литература, 1959. – 429 с.
314. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности [Текст] / Э. Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 246 с.
315. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное [Текст] / К. Г. Юнг. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.
316. Юревич А. В. Психология и методология [Текст] / А. В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 312 с.
317. Яценко Е. Ф. Ценностно-смысловая концепция самоактуализации [Текст] / Е. Ф. Яценко. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 325 с.
318. Alexander J. M. Development of metacognition in gifted children. / J. M. Alexander, M. Carr, P. J. Schwanenflugel // Directions for future research. Developmental Review, 1995. – P. 22-29.
319. Allon M. The relation between metacognition and intelligence in normal adolescents: Some tentative but surprising findings [Текст] / M. Allon, G. B. Gutkin, R. Bruning // Psychology in the Schools. 1994. Vol. 31. – P. 93-97.
320. Allport G. W. Personality: A psychological interpretation [Текст] / Gordon W. Allport. – Н. Holt and Company, 1937. – 618 p.
321. Atkins R. Metamemory in adults [Текст] / R. Atkins, P. Murphy // Journal of Psychology, vol. 5, 1993. – P. 58-72.
322. Atkinson J. W. Motivation and achievement [Текст] / J. W. Atkinson, J. O. Raynor. – Washington, 1974. – 480 p.
323. Baars B. J. A Cognitive Theory of Consciousness [Текст] / Bernard J. Baars. – Cambridge: Cambridge University Press. 1988. – 520 p.
324. Back M. D. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization [Текст] / Mitja D. Back, Juliane M. Stopfer, Simine Vazire, Sam Gaddis, Stefan C. Schmukle, Boris Egloff, Samuel D. Gosling // Psychological Science, 2010. Vol. 21. – P. 372-374.

325. Barnard Ch. The Function of the Executive [Текст] / Chester Barnard. – Cambridge, 1938. – 620 p.
326. Baron-Cohen S. Does the autistic child have a «theory of mind»? [Текст] / Simon Baron-Cohen, F. V. Leslie, U. Frith. – Cognition, 1985 21. – P. 37-46.
327. Bass B. M. From transactional to transformational leadership: Learning to share the vision [Текст] / Bernard M. Bass. – Organizational Dynamics, 1990. – P. 19-31.
328. Bennis W. Leaders: Strategies for Taking Charge [Текст] / Warren Bennis, Burt Nanus. – 2nd ed. – N. Y., 2007. – 327 p.
329. Bertalanfy L. von General system theory [Текст] / Ludwig von Bertalanfy. – Gen. Syst. 1956, V.1. – P. 90-97.
330. Bogdan R. J. (ed.). Minding Mind [Текст] / Radu J. Bogdan. – MIT Press, London, 2000. – 215 p.
331. Borkowski J. Components of Children's Metamemory [Текст] / John Borkowski, Nithi R. Muthukrishna // Memory development. – N. Y., 1992. – P. 142-158.
332. Brehm J.W. A theory of psychological reactance [Текст] / Jack W. Brehm. – N.-Y., Morristown, General Learning Press, 1970. – 287 p.
333. Briñol P. The role of metacognitive processes in emotional intelligence [Текст] / Pablo Briñol, Richard E. Petty, Derek D. Rucker. – University Autonoma of Madrid, Ohio State University and Northwestern University, 2006. – P. 26-33.
334. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation, and other more mysterious mechanisms [Текст] / Ann L. Brown // In F.E. Weinert, R.H. Kluwe (Eds.). Metacognition, motivation, and understanding. – Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates. 1987. – P. 65-116.
335. Brown A. L. Learning, remembering, and understanding [Текст] / A. L. Brown., J. D. Bransford, R. A. Ferrara, J. C. Campione // In: J. H. Flavell and E. M. Markman (Eds.), Handbook of Child Psychology Vol. 3: Cognitive Development. Fourth edition. – New York: Wiley, 1983. – 321 p.
336. Brown A. L. The problem of access intelligence and learning [Текст] / A. L. Brown, J. C. Campione // NATO conference, July 16-20, 1979. – P. 515-529.
337. Campione J. C., Brown A. L. Toward a theory of intelligence: Contributions from research with retarded children [Текст] / J. C. Campione, A. L. Brown // In R.J. Stern-berg, L. K. Detterman (Eds.). – Human intelligence: Perspectives theory and measurement. – Norwood, N. Y.: Ablex, 1979. – P. 90-210.

338. Carver C. S. Attention and self-regulation a control approach to human behavior [Текст] / Charles S. Carver, M. F. Sheier. – Springfield, 1981. – 224 p.
339. Catrambon R. Learning subgoals and methods for solving probability problems [Текст] / R. Catrambon, K. Hobjoak // Met. And Cognit., 1990, 18, № 6. – P. 593-603.
340. Cattell R. B. The birth of the Society of Multivariate Experimental Psychology [Текст] / Raymond B. Cattell // Journal of the History of the Behavioral Sciences, 1990. – № 26. – P. 48-57.
341. Cavanaugh J. C. Personality and metamemory correlates of memory performance in younger and older adults [Текст] / J. C. Cavanaugh, N. Z. Murphy// Educational Gerontology. 1986. N 12. – P. 385-394.
342. Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory [Текст] / David J. Chalmers. – Oxford and New York: Oxford: Oxford University Press. 1996. – 328 p.
343. Conway M. A. Memory and the self [Текст] / M. A. Conway // Journal of Memory and Language, 2005. Vol. 53. – P. 594-628.
344. Corno L. The metacognitive control components of self-regulated learning [Текст] / L. Corno // Contemporary Educational Psychology. – Volume 11. – Issue 4, 1986. – P. 333-346.
345. Costa P. T. Age differences in personality structure: A cluster analytic approach [Текст] / Paul T. Costa, Richard R. McCrae // Journal of Gerontology. – Vol. 31, 1976. – P. 564-570.
346. Daniels D. Mental Simulation [Текст] / D. Daniels. – Oxford, 1995. – 291 p.
347. Davidson. E. The role of metacognition in problem solving [Текст] / E. Davidson, D. Deuser, R. Sternberg // In Metcalfe & Shimamura (eds) Metacognition. – Cambridge: MIT press, 1994. – P. 207-226.
348. Davies-Netzley S. A. Gendered Capital: Entrepreneurial Women in American Enterprise [Текст] / Sally A. Davies-Netzley. – Taylor&Francis, 2015. – 160 p.
349. Deci E. L. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior [Текст] / Edward L. Deci. – N. Y. 2001. – 221 p.
350. Dennett D. C. Beliefs about beliefs [Текст] / Daniel C. Dennett // Behavioral and Brain Sciences, 4, 1978. – P. 568-70
351. Dienes Z. A theory of implicit and explicit knowledge [Текст] / Z. Dienes, J. Perner // Behavioral and Brain Studies, 1999. Vol. 22. N 5. – P. 735-808.

352. Dirkes M. A. Metacognition: Students in charge of their thinking [Текст] / M. A. Dirkes. – Roeper Review, 1985, 8(2). – P. 96-100.
353. Dixon R. A. Structure and development of metamemory in adulthood [Текст] / R. A. Dixon // Journ. of Gerontology. 1983. №38. – P. 682-688.
354. Donaldson M. Children's Minds [Текст] / Margaret Donaldson. – N. Y.: Wiley 1988. – 162 p.
355. Dörner D. et. al. Lohhausen: von Umgang mit Unbestimmtheit und Komplexität [Текст] / Dietrich Dörner [et al.]. – Bern: Huber, 1983. – 466 p.
356. Dörner D. Self-reflection and problem-solving [Текст] / Dietrich Dörner // Human and artificial intelligence. – Berlin, 1978. – P. 101-107.
357. Dunlosky J. et al. Improving Students' Learning With Effective Learning Techniques: Promising Directions From Cognitive and Educational Psychology [Текст] / John Dunlosky [et al.] // Psychological Science in the Public Interest 14(1). – P. 4-58
358. Dunlosky J. Importance of the kind of cue for judgment of learning (JOL) and the delayed – JOL effect [Текст] / John Dunlosky, Thomas O. Nelson // Memory and Cognition, 1992, N 12. – P. 355-360.
359. Duval T.S. A theory of objective self-awareness [Текст] / T. S. Duval, R. A. Wicklund. – New York, NY: Academic Press, 1972. – 353 p.
360. Ekman P. Expression or Communication About Emotion? [Текст] / Paul Ekman. – Washington, DC: American Psychological Association.
361. Epstein W. Coactivation and comprehension: Contribution of text variables to the illusion of knowing [Текст] / W. Epstein, A. Glenberg, M. Bradley // Memory and Cognition. 1984, N 12. – P. 355-360.
362. Eysenck H. J. Dimensions of personality [Текст] / Hans Jurgen Eysenck. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1950. – 342 p.
363. Fayol H. Administration industrielle et générale [Текст] / Henry Fayol. – Paris. Dunod et Pinat. 1917. – 174 p.
364. Felson R. B. Reflected appraisal and the development of self [Текст] / R. B. Felson // Social Psychology Quarterly, 1985. Vol. 48. – P. 71-78.
365. Fiedler F. A. Theory of Leadership Effectiveness [Текст] / Fred E. Fiedler. – N. Y., 1964. – 310 p.
366. Ferrari, M. Mind, Brain and Education: The Birth of a New Science [Текст] / M. Ferrari, H. McBride. – Learning, 2011. – P. 85-100.

367. Fischhoff B. An early history of «hindsight» research [Текст] / B. Fischhoff. – *Social Cognition*, 25. – P. 10-13.
368. Flavell J. H. Cognitive monitoring [Текст] / John Flavell // *Children's oral communication skills*. Academic Press, 2007. – P. 35-60.
369. Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive-developmental inquiry [Текст] / John Flavell // *American Psychologist*, 1979. – P. 90-110.
370. Flavell J. H. Metacognition: answered and unanswered questions [Текст] / John Flavell // *Educational Psychology*, 1989. V. 24. – P. 143-158.
371. Flavell J. H. *Cognitive Development*. Third edition [Текст] / John Flavell, P.H. Miller, S.A. Miller. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall 1993. – 441 p.
372. Fodor J. A. The modularity of mind [Текст] / J. A. Fodor. – Cambridge, MA: MIT Press, 1983. – 242 p.
373. Follett M. P. *The new state: group organization the solution of popular government* [Текст] / Mary P. Follett. – University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1998.
374. Gama C. Metacognition and reflection in its increasing awareness to improve learning [Текст] / Claudio Gama // *Proceedings of the Artificial Intelligence in Education Conference San Antonio (USA)*, 2001. – P. 492-495.
375. Garner R. *Metacognition and Reading Comprehension* [Текст] / R. Garner. – Norwood, Ablex, NJ, 1987. – 260 p.
376. Garner R. Metacognition: answered and unanswered questions [Текст] / R. Garner, P. A. Alexander // *Educational Psychology*, 1989. V. 24. – P. 143-158.
377. Ghiselli E. E. Intelligence and managerial success [Текст] / Edward E. Ghiselli // *Psychology Report*. – Vol. 121, 1963. – P. 41-49.
378. Greenleaf R. K. *The Servant-Leader Within: a Transformative Path* [Текст] / Robert K. Greenleaf. – New York: Paulist Press, 2003. – 310 p.
379. Greeno J. Trends in the theory of knowledge for problem solving [Текст] / J. Greeno // In D.T. Tuma, F. Reif (eds). *Problem Solving and Education*. – Hillsdale, N. Y., Erlbaum, 1980. – P. 160-183.
380. Greenwald A. G. Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes [Текст] / A. G. Greenwald, M. R. Banaji // *Psychological Review*. –Vol. 102, 1995. – P. 4-27.
381. Guilford, J. P. Some changes in the structure of intellect model [Текст] / Joy P. Guilford. – *Educational and Psychological Measurement*, 48, 1988. – 344 p.

382. Haack V. Programmieren als Schematisches Problemlösen [Текст] / V. Haack, K. Halm, K.-V. Wagner // Z. Psychol. 1989, 197. – № 3. – P. 217-262.
383. Hacker D. J. Metacognition: Definitions and Empirical Foundation [Электронный ресурс] // The University of Memphis ([http:// www. psycmemphis. edu/trg/meta.htm](http://www.psycmemphis.edu/trg/meta.htm)). – (дата обращения: 20.09.2015).
384. Hacker D. J. Teaching new thinking [Текст] / Douglas J. Hacker // Journal of developmental Psychol. – Vol. 5, 1997. – P. 173-190.
385. Handbook of Industrial, Work and Organizational Psychology. Volume 1: Personnel Psychology [Текст] / N. Anderson, D. S. Ones, H. K. Sinangil, C. Viswesvaran (eds.). – Sage Publications Ltd., 2002. – 512 p.
386. Hartman H. J., Metacognition in Learning and Instruction: Theory, Research, and Practice [Текст] / H. J. Hartman. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, 2001. – 345 p.
387. Hayes J. R. The complete problem solver [Текст] / John R. Hayes. – N. Y., Erlbaum, 1981. – 245 p.
388. Heller M. F. How do you know what you know? Metacognitive modeling in the content areas [Текст] / M. F. Heller // Journal of Reading, 1986, 29. – P. 415-421.
389. Hertzog C. Relationships between metamemory, memory predictions, and memory task performance in adults [Текст] / C. Hertzog, R. Dixon, D. Hultsch // Psychology and Aging, 1990, 5. – P. 215-227.
390. Higgins E. T. Self-discrepancy: A theory relating self and affect [Текст] / E. T. Higgins // Psychological Review, 1987. Vol. 94. – P. 319-340.
391. Hollander E. P. Leader, groups and influence [Текст] / E. Hollander. – N.-Y., 1964. – 165 p.
392. Iwaki, N. Hypercorrection of high confidence errors in lexical representations [Текст] / N. Iwaki, H. Matsushima, K. Kodaira. – Perceptual Motor Skills, 117, 2013. – P. 219-235.
393. James, W. The Principles of Psychology, Volumes I and II [Текст] / William James. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. – 396 p.
394. Janis I. Victims of Groupthink II [Текст] / Irwin L. Janis. – Boston, Houghton, 1972. – 288 p.
395. Jarman R. F. Metacognitive and frontal lobe processes: at the interface of cognitive psychology and neurophysiology [Текст] / R. F. Jarman, J. Vavrik, P. D.

- Walton // Genetic, Social, and General Psychology Monographs 121: 1995. – P. 153-210.
396. Jost J.T. Social metacognition: An expansionist re-view [Текст] / J. T. Jost, A. W. Kruglanski, T. O. Nelson // Personality and Social Psychology Review. – Vol. 2, 1998. – P. 137-154.
397. Kahneman D. Judgment under uncertainty [Текст] / David Kahneman, Paul Slovic, Amos Tversky. – Cambridge, CVP, 1982. – 555 pp.
398. Kamfer F. Freedom of choice and behavioral change [Текст] / F. Kamfer, L. Grimm // Journal of Consulting and Clinical Psychol., 1978, 46. – P. 41-48.
399. Kaplan C. A. In search of insight [Текст] / C. A. Kaplan, H. A. Simon // Cognitive Psychology, 1990, 22. – P. 374-419.
400. Karpov A. V. The interconnection of learning ability and the organization of meta-cognitive processes and traits of personality [Текст] / Anatoliy V. Karpov, Alexander A. Karpov, Natalia B. Karabushchenko, Alexander I. Ivashchenko // Psychology in Russia: State of the Art. – Volume 10. Issue 1, 2017. – P. 67-79.
401. Kenny D. A. Interpersonal perception: A social relations analysis [Текст] / D. A. Kenny. – New York, NY: Guilford Press, 1994. 292 p.
402. Kelemen W. L. Individual differences in metacognition: Evidence against a general metacognitive ability [Текст] / W. L. Kelemen, P. J. Frost, C. A. Weaver III // Memory and Cognition. – Vol. 28, 2000. – P. 92-107.
403. Kelly K. J. Metacognition of emotional face recognition [Текст] / Karen K. Kelly, Janet Metcalfe // Emotion, 2011, 11. – P. 86-96.
404. Kluwe R. H. Cognitive Knowledge and executive control: Metacognition [Текст] / R. H. Kluwe // In: D.R. Griffin (Ed.). Animal mind-human mind. – New York: Springer-Verlag. 1982. – P. 201-204.
405. Kolb S. K. Metacognition Metaphors [Текст] / S. K. Kolb. N. Y., 1995. – 185 p.
406. Koriat A. Our knowledge of our own knowledge: Monitoring and control processes in memory [Текст] / Asher Koriat // In K. Pawlik (Ed.), Bericht über den 39. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie in Hamburg. 1995. – P. 95-113.
407. Koriat A. The intricate relationships between monitoring and control in metacognition: Lessons for the cause and effect relation between subjective experience and behavior [Текст] / A. Koriat, H. Ma'ayan, R. Nussinson // Journal of Experimental Psychology: General. – Vol. 135, 2006. – P. 36-69.

408. Kruger J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments [Текст] / Justin Kruger, David Dunning // *Journ. of Pers. and Social Psychology*. – 77 (6), 1999. – P. 1121–1134.
409. Kuhn D. The importance of learning about knowing: Creating a foundation for development of intellectual values [Текст] / Deanna Kuhn. – *Perspectives on Child Development*, 2009. – 327 p.
410. Laing R. D. Interpersonal perception: A theory and a method of research (Vol. VII) [Текст] / Ronald D. Laing et al. – Oxford, UK: Springer, 1966. – 179 p.
411. Lefebvre V. A. Research on Bipolarity and Reflexivity [Текст] / Vladimir A. Lefebvre. – New York: The Edwin Mellen Press, 1992. – 426 p.
412. Lefebvre-Pinard M. Understanding and auto-control of cognitive functions [Текст] / M. Lefebvre-Pinard // *International journal of behavioral development*. – Vol. 6, 1995. – P. 15-35.
413. Lyons D.T. The hidden structure of overimitation [Текст] / Derek E. Lyons, Andrew G. Young, and Frank C. Keil. – Harvard University, Cambridge, MA. – vol. 104. – No. 50, 2007. – P. 1751-1756.
414. Maslow A. H. Motivation and behavior [Текст] / Abraham H. Maslow. – New York: Harper & Row, 1954. – 620 p.
415. Martinez M. E. What is metacognition? [Текст] / Michael E. Martinez. – Arlington, VA: Phi Delta Kappan, 2006. – P. 696-699.
416. Maustakas G. Theory and Method of Phenomenological Research [Текст] / G. Maustakas. – N. Y. Press. 1998. – 256 p.
417. Mayer J. D. Emotional intelligence as a standard intelligence [Текст] / John D. Mayer [et al.] // *Emotion*. 2001. – V. 1. – P. 232-242.
418. McCarthy B. Strategy is personality driven, strategy is crisis driven: Insights from entrepreneurial firms [Текст] / B. McCarthy. – *Management Decisions*, 41(4), 2003. – P. 327-339.
419. McClelland D. C. What is the effect of achievement motivation training in the schools [Текст] / David C. McClelland // *Teachers College Record*. – V. 74 (2), 1972. – P. 129-145.
420. McCombs K. About Differences in Predicting Metacognitive Performance [Текст] / K. McCombs // *Journ. of Cognitive Neuroscience*, 1997, vol. 19. – P. 7-13.

421. McCormick C. B. Metacognition and learning [Текст] / Christine B. McCormick // Handbook of psychology /Ed. E.B. Weiner. – V.7. Educational psychology/ Ed. W. M. Reynolds, G. E. Miller. – N.Y.: Wiley, 2003. – P. 79-102.
422. McDermott D. Planning and acting [Текст] / Drew McDermott // Cognit. Sci. – Vol. 2. – P. 71-110.
423. McGuigan F. J. (Ed.). Experimental Psychology. Methodological approach (3rd ed.) [Текст] / F. J. McGuigan. Englewood Cliffs, 1978. – 441 p.
424. Metacognition: Cognitive and Social Dimensions [Текст] / Ed. By V. Yzerbyt et al. SAGE Publications. 2002. – 253 p.
425. Metcalfe J. Self-reflective consciousness and the projectable self [Текст] / Janet Metcalfe, Hedy Kober // In H. S. Terrace, J. Metcalfe (Eds.), The Missing Link in Cognition: Origins of Self-Reflective Consciousness. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. – P. 57-83.
426. Metcalfe J. Metamemory [Текст] / Janet Metcalfe, John Dunlosky. – New York, Elsevier Ltd., 2008. – P. 351-360.
427. Metcalfe J. Metacognition of agency across the lifespan [Текст] / Janet Metcalfe, Teal S. Eich, Alan D. Castel. – Cognition. –V. 116, 2010. – P. 267-282.
428. Metcalfe J. (Eds.). Metacognition: Knowing about Knowing [Текст] / Janet Metcalfe, Artur P. Shimamura. – Cambridge, MA: MIT Press. 1994. – 323 p.
429. Metcalfe J. Metacognitive and Control Strategies in Study-Time Allocation [Текст] / Janet Metcalfe, Lisa K. Son // Columbia University. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – Vol. 26. – No. 1. – Columbia University, 2000. – P. 204-221.
430. Metcalfe, J. Evolution of metacognition [Текст] / Janet Metcalfe // In: J. Dunlosky, R. Bjork (Eds.), Handbook of Metamemory and Memory. New York: Psychology Press, 2008. – P. 29-46.
431. Mintzberg H. The Nature of Managerial Work [Текст] / Henry Mintzberg. – N. Y, 1973. – 290 p.
432. Murphy E. C. Leadership IQ: A Personal Development Process Based on a Scientific Study of a New Generation of Leaders [Текст] / Emmett C. Murphy. – John Wiley & Sons: N. Y, 1996. – 288 p.
433. Nelson T. O. (Ed.). Metacognition: Core Readings [Текст] / Thomas O. Nelson. – Boston: Allen and Bacon, 1992. – 225 p.
434. Nelson T. O. Consciousness and metacognition [Текст] / Thomas O. Nelson // American Psychologist. – №51, 1996. – P. 102-116.

435. Nelson T. O. A new technique for investigating the feeling of knowing [Текст] / Thomas O. Nelson, Louis L. Narens // *Acta Psychologica*, 1980. – № 46. – P. 69-90.
436. Nelson T. O. Metamemory: a theoretical framework and new findings [Текст] / Thomas O. Nelson, Louis L. Narens // In G. Bower *The Psychology of Learning and Motivation*. Vol. 26. – New York: Academic Press, 1990. – P. 125-141.
437. Nelson, T. O. Norms of 300 general-information questions: Accuracy of recall, latency of recall, and feeling-of-knowing ratings [Текст] / Thomas O. Nelson, Louis L. Narens // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 19. – P. 338–368.
438. *Organizational psychology* [Текст] / Ed. by D. A. Kolb [et al.] – Prentice Hall, Englewood Cliffs. – N.-J., 1984. – 639 p.
439. Paris S. G. *Reading Strategies, Metacognition and Motivation*. [Текст] / Scott G. Paris. – N. Y. 1988. – 343 p.
440. Perfect T. J. *Applied Metacognition* [Текст] / Timothy J. Perfect, Bennett L. Schwartz. – Cambridge University Press. 2002. – 220 p.
441. Perkins R. *Metacognition and Control Strategies Revised* [Текст] / R. Perkins, B. Salomon // *Social Psychology Journal*. – vol. 3, 1987. – P. 13-18.
442. Petty R. E. The role of metacognition in social judgment // *Social psychology: Handbook of basic principles* [Текст] / Richard E. Petty [et al.] / A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds.). New York, NY: Guilford Press, 2007. – P. 254-284.
443. Premack D. G. Does the chimpanzee have a theory of mind? [Текст] / David G. Premack, Guy Woodruff // *Behavioral and Brain Sciences*. – № 1, 1978. – P. 515-526
444. Pressley M. Cognitive strategies: good strategy users coordinate metacognition and knowledge [Текст] / M. Pressley, J. J. Borkowsky, W. Schneider // In R. Vasta and G. Whitehurst (Eds.), *Annals of Child Development*. – Vol. 5. – Greenwich, CT: JAI Press. 1987. – P. 89-129.
445. Pressley M. Self-regulated learning: Monitoring learning from text [Текст] / M. Pressley, E. S. Ghatala // *Educational Psychologist*, 25, 1990. – P. 19-33.
446. Pintrich P. R. The Role of Metacognitive Knowledge in Learning, Teaching, and Assessment [Текст] / Paul R. Pintrich // *Theory into Practice*. – Vol. 41. – №4, 2002. – P. 219-229.

447. Reder L. M. (Ed.). *Implicit Memory and Metacognition* [Текст] / Lynne M. Reder. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1996. – 200 p.
448. Ridley D. *Self-regulated Learning: the Interactive Influence of Metacognitive Awareness and Goal-setting* [Текст] / D. Ridley, P. Schuts, R. Glanz, C. Weinstein // *Journal of Experimental Education*. – No 60, 1992. – P. 293-306.
449. Rizzolatti G. *Mirrors in the Mind* [Текст] / Giacomo Rizzolatti [et al.] // *Scientific American* Band 295. – Nr. 5, 2006. – P. 30-37.
450. Rosch E. *Basic objects in natural categories* [Текст] / Eleanor H. Rosch [et al.] // *Cognitive Psychology*. – Vol. 81, 1976. – P. 390-398.
451. Rotter J. B. *Social Learning and Clinical Psychology* [Текст] / Julian B. Rotter. – Englewood Cliffs. N. J., 1954. – 214 p.
452. Schlenker B. R. *Self-presentation* // *Handbook of self and identity* [Текст] / Barry R. Schlenker / M. R. Leary, J. P. Tangney (Eds.). New York, NY: Guilford Press, 2003. – P. 492-518.
453. Schneider W. *Memory Development between 2 and 20* [Текст] / Wolfgang Schneider, Michael Pressley. – N. Y.: Springer-Verlag, 1989. – 180 p.
454. Schneider W. (Eds.). *Interactions among Aptitudes, Strategies, and Knowledge* [Текст] / Wolfgang Schneider, Franz E. Weinert // *Cognitive Performance*. N. Y.: Springer-Verlag. 1990. – 311 p.
455. Schneider W. *The development of metacognitive knowledge in children and adolescents* [Текст] / W. Schneider, K. Lockl // *Applied metacognition* / T. Perfect, B. Schwartz (Eds.). – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. – 297 p.
456. Schraw, G. *Promoting general metacognitive awareness* [Текст] / Gregory Schraw // *Instructional Science*, 26(1-2), 1998. – P. 113-125.
457. Schraw G. *Metacognitive theories* [Текст] / Gregory Schraw, David Moshman // *Educational Psychology Review*. – Vol. 7, 1995. – P. 351-371.
458. Schraw G. *Promoting self-regulation in science education: Metacognition as part of a broader perspective on learning* [Текст] / Gregory Schraw, Kent J. Crippen, Kendall Hartley // *Research in Science Education*. Vol. 36, 2006. – P. 111-139.
459. Schwartz B. L. *Tip-of-the-Tongue States: Phenomenology, Mechanism, and Lexical Retrieval* [Текст] / Bennett L. Schwartz. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002. – 307 p.
460. Scruggs G. *Modeling of metacognitive behavior in teaching practice* [Текст] / G. Scruggs // *Educational psychology*. 1985. V. 2. – P. 311-319.

461. Simon H. A. Administrative behavior [Текст] / Herbert A. Simon. – N. Y., 1947. – 236 p.
462. Sparrow J. Knowledge in Organizations [Текст] / John Sparrow. – N. Y.: Erlbaum 1998. – 291 p.
463. Stangor C. Mental representations of social groups: Advances in understanding stereotypes and stereotyping [Текст] / C. Stangor, J. Lange. – Advances in Experimental Social Psychology, 1994, – P. 357-416
464. Sternberg R. J. Beyond IQ [Текст] / Robert J. Sternberg. – Cambridge, England: CUP, 1985. – 222 p.
465. Sternberg R. J. Inside intelligence [Текст] / Robert J. Sternberg // American Scientist, 74, 1986. – P. 137-143.
466. Sternberg R. J. Thinking styles theory and assessment at the interface between intelligence and personality [Текст] / Robert J. Sternberg. – N. Y. Erlbaum 1994. – 337 p.
467. Stewart P. W. Metacognitive Development in Professional Educators [Текст] / P. W. Stewart, S. S. Cooper, L. R. Moulding // The Researcher. – № 21(1), 2007. – P. 32-40.
468. Stoner J. A. A comparison of Individual and Group Decision Involving Risk [Текст] / J. A. Stoner. – MIT, 1961. – 189 p.
469. Strack F. Reflective and impulsive determinants of social behavior [Текст] / Fritz Strack, Roland Deutsch // Personality and Social Psychology Review. – Vol. 8, 2004. – P. 220-247.
470. Stankov L. Complexity, metacognition, and fluid intelligence [Текст] / Lazar Stankov // Intelligence. – Vol. 28, 2000. – P. 121-143.
471. Swanson H. L. Influence of metacognitive knowledge and aptitude on problem solving [Текст] / H. L. Swanson // Journal of Educational Psychology. – Vol. 82, 1990. – P. 306-314.
472. Theresen C. E. Behavioral self-control [Текст] / C. E. Theresen, H. J. Mahoney. – N. Y.: 1974. – 242 p.
473. Tobias S. Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring [Текст] / Sigmund Tobias, Howard T. Everson // College Board Research Report 2002-3, New York, 2002. – P. 25-30.
474. Torrance E. P. Torrance Tests of Creative Thinking [Текст] / Ellis P. Torrance. – Scholastic Testing Service, Inc., 1974. – 144 p.

475. Tulving E. Memory and Consciousness [Текст] / Endel Tulving, S. A. Madigan // Review of Psychology. – Vol. 26, 1972. – P. 1-12.
476. Yukl G. A. Leadership in Organizations [Текст] / Gary A. Yukl. – N.Y., 1981. – 500 p.
477. Vos H. Metacognition in Higher Education [Текст] / Henk Vos // Twente University Press, 2001. – 154 p.
478. Watkins E. J. The paradox of consciousness [Текст] / E. J. Watkins, P. Brooksby, M. S. Schweiger, S. M. Enright // Lancet. – Vol. 357. – Issue 92 (49), 2001. – P. 77.
479. Welford A. T. On the human demands of automation: Mental work conceptual model satisfaction and training [Текст] / A. T. Welford // In: Industrial and business psychology. – Copenhagen. –vol. 5, 1961. – P. 182-193.
480. Wellman H. M. Metamemory revised [Текст] / H. M. Wellman // Contributions to human development. 1983. Vol. 9. – P. 31-51.
481. Wellman H. M. The origins of metacognition [Текст] / H. M. Wellman // In D. L. Forrest-Pressley, G. E. MacKinnon, and T. G. Waller (eds.), Metacognition, Cognition, and Human Performance. – vol. 1, Theoretical Perspectives, chapter 1, 1993. – P. 1-31.
482. Wells A. Emotional Disorders and Metacognition: Innovative Cognitive Therapy [Текст] / A. Wells. – Chi Chester, UK: Wiley. 2000. – 310 p.
483. Wiggins J. S. Personality and prediction: principles of personality assessment [Текст] / Jerry S. Wiggins. – Addison-Wesley Pub. Co., 1973. – 656 p.
484. Zeman A. The paradox of consciousness [Текст] / Adam Zeman // Lancet. – Vol. 357. – Issue 9249, 2001. – P. 77.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Комплексный опросник метакогнитивного потенциала личности (процедура разработки и содержание)

Вся совокупность положений теоретико-методологического плана, сформулированных в главе 1, составила основу для определения того, какой характер и направленность должна иметь данная методика изучения метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Как известно, все методики подразделяются на две основные категории – исследовательские и собственно диагностические (тестовые). В свою очередь, диагностические методики могут иметь, так сказать, «строгий характер» (то есть пройти все этапы стандартной процедуры психометрической верификации) и «квазидиагностический» характер. В этом случае за уровень развития метакогнитивной регуляции управленческой деятельности может приниматься, например, простая, не нормированная (и уж тем более не переведенная в стеновые показатели) сумма баллов, полученных по всем «пунктам» той или иной методики. Однако и те и другие имеют результатом какой-либо *количественный* показатель общей степени развития мотивации учения. Исследовательские методики, не претендуя на определение степени развития того или иного конструкта (в нашем случае – уровня развитости метакогнитивной регуляции деятельности), то есть на решение собственно «диагностических задач», обычно направлены на его содержательную, качественную характеристику. Из сказанного совершенно очевидно, что оптимальным вариантом была бы такая методика, которая позволяла бы определять и общую степень развития метакогнитивной регуляции, и качественные характеристики самих метакогнитивных детерминант управленческой деятельности (и их комплексов). В этом плане развитый выше подход к трактовке организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности позволяет сформулировать следующее принципиальное на наш взгляд, положение.

Поскольку метакогнитивная сфера личности в управленческой деятельности внутренне гетерогенна, то методика ее исследования *не должна* носить *лишь* диагностического характера. Эту сферу как внутренне гетерогенное, принципиально многокачественное образование в принципе нельзя *полностью* отобразить *одним* параметром, например, какой-либо «суммой баллов». Сколь-

ко-нибудь полная характеристика метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности может быть лишь *структурной*, вскрывающей и показывающей степень развития ее основных подсистем метакогнитивного плана.

Вместе с тем, сложность проблемы заключается еще и в том, что в целях изучения связи степени метакогнитивной регуляции деятельности в целом и управленческой, в частности, с другими психическими факторами, детерминантами и пр. все же объективно необходимо каким-то образом выразить ее в каком-либо одном *интегральном* показателе. Отсюда следует, что разрабатываемая методика должна по возможности преодолевать существующее противоречие между собственно диагностическим (измерительным) и исследовательским (качественным, содержательным) характером ее направленности.

Это требование, являющееся одним из наиболее важных, было реализовано в разработанной методике следующим образом. С одной стороны, посредством нее диагностировалась каждая из восьми основных подсистем метакогнитивного плана *в отдельности*. Это в дальнейшем позволяло определять содержание и, главное, *структуру* метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности, поскольку на основе такого рода количественных данных можно, например, определять коррелограммы взаимосвязей указанных подсистем. Кроме того, суммирование показателей развитости этих подсистем в их полной совокупности позволяет определять и своего рода *метакогнитивные профили* каждого испытуемого. Это означает, что метакогнитивная сфера может быть представлена именно как внутренне гетерогенное, *полифакторное* (а значит, *и полиметрическое*) образование. С другой стороны, необходимо все же предусмотреть и возможность определения *интегрального* показателя степени метакогнитивной регуляции деятельности. Это достигается вполне очевидным и достаточно простым с технической точки зрения способом – агрегативным суммированием оценок по всем восьми подсистемам.

Таким образом, можно видеть, что предложенный прием, действительно, позволяет синтезировать *количественный* подход (диагностику степени выраженности метакогнитивной регуляции деятельности) с *качественным* раскрытием ее содержания (содержания и структуры основных метакогнитивных подсистем). Тем самым, разработанная методика в существенной степени преодолевает принципиальную трудность теоретического плана – противоречие между количественным и качественным аспектами исследования диагностируемого конструкта. Поэтому она представляет собой своеобразный *синтез* методик собствен-

но диагностического и исследовательского типов, что в наибольшей степени соответствует как характеру исследуемого объекта, так и основным целям данной работы.

Еще одним важным психологическим принципом разработанной методики явилось следующее требование. Общеизвестно, что собственно диагностические методики являются более строгими, точными, воспроизводимыми, более объективными в целом. Это достигается за счет того, что они подвергаются предусмотренной в психодиагностике процедуре их многоэтапной разработки и психометрической проверки; они, в частности, проходят этапы определения внешней и внутренней валидности, «анализа пунктов», определения надежности и пр. И здесь вновь возникает объективное противоречие между стремлением к созданию максимально строгой и корректной, то есть прошедшей психометрическую верификацию методики и недопустимостью только диагностического характера методики изучения метакогнитивной сферы в управленческой деятельности (поскольку в последнем случае не будет учтен важнейший факт гетерогенности самой этой сферы). Есть основания считать, однако, что данное противоречие может быть в значительной степени преодолено посредством использования некоторых общепринятых «шагов» психометрической разработки. Они, однако, должны быть реализованы не столько в направлении стандартизации методики, сколько в направлении повышения степени обоснованности ее основных аспектов, а также учета специфики психологической природы самого диагностируемого конструкта – метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности.

На наш взгляд, еще одно важное требование к разрабатываемой методике заключается в следующем. Общеизвестно, что существуют два основных способа составления перечня индикаторов, раскрывающих сам предмет диагностики (в нашем случае – основных «составляющих» метакогнитивной сферы). Первый – это способ, согласно которому «пункты» методики (то есть вопросы испытуемому) формулируются самим исследователем, исходя из его собственных представлений о теоретическом конструкте, положенном в основу методики. Это – *априорный* подход. Второй способ заключается в обобщении «пилотажных», предварительных эмпирических результатов какой-либо проблемы; это – *апостериорный* подход. Известно также, что оба эти способа имеют как достоинства, так и недостатки. Нам представляется, что оптимальным вариантом является *сочетание* этих способов, их взаимодополнение, а следовательно,

их *взаимоверификация*. Конкретный способ такого взаимодополнения будет описан ниже.

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что этот вариант, хотя и является достаточно обоснованным и оправданным, все же, на наш взгляд, еще недостаточен для разработки методики, направленной на исследование именно метакогнитивной сферы личности и должен быть дополнен потому еще одним способом. Дело в том, что, как мы постоянно подчеркивали выше, данная методика должна носить принципиально *комплексный* характер, поскольку она направлена на исследование столь же принципиально комплексного образования – самой метакогнитивной сферы. Причем, и характер ее проявления также носит синтетический, комплексный тип, поскольку она рассматривается не только в ее личностном «измерении», но и в целостном деятельностном контексте, а следовательно, – в еще более полном и богатом виде. Однако – и это также отмечаюсь выше, в настоящее время уже существует целый ряд теоретически обоснованных и практически весьма конструктивных, а к тому же, и прошедших многократную апробацию и верификацию методик отдельных сторон и аспектов метакогнитивной сферы. Они уже позитивно зарекомендовали себя и доказали свою эффективность в качестве исследовательских методик. В связи с этим, вполне логично (а по нашему мнению – и необходимо) использовать те возможности, которые открываются в свете этого. Другими словами, необходимо осуществить следующую организационно-методическую процедуру. В качестве основных индикатов и индикаторов методики и, соответственно, в качестве ее основных «пунктов» – отдельных вопросов (или, по крайней мере, существенной их части) не только можно, но и нужно использовать те, которые уже прошли проверку исследовательской практикой и которые позитивно зарекомендовали себя в качестве средств определения отдельных сторон метакогнитивной сферы. Однако, их необходимо, во-первых, адекватно распределить по отношению к основным частям диагностического конструкта (основным подсистемам метакогнитивного плана); во-вторых, их необходимо синтезировать в общую совокупность, что и составит в итоге существенную часть всего содержания разрабатываемой методики. В этой связи можно сказать и так: поскольку разрабатываемая методика должна быть *комплексной* по своей сути и содержанию, то она со столь же очевидной необходимостью должна опираться на *комплекс* уже существующих методик. Она должна не только предполагать разработку чего-либо «полностью нового» и уже тем более – не отрицать старое

и не заменять его, а *дополнять* и *синтезировать* в себе все те, действительно, важные результаты и конструктивные методические приемы и «находки», которые уже существуют в настоящее время. Поэтому сама методика, направленная на комплексное исследование метакогнитивной сферы, также в известном смысле должна носить характер *метаметодики*: она должна быть в значительной своей части производной, «вторичной» по отношению к совокупности уже существующих методик. Соответственно этому, она будет переносить на себя те их преимущества, которые имеются у них самих и многократно подтверждены исследовательской практикой. Отсюда вытекает важнейшее, на наш взгляд, следствие: в этом случае она будет, *как минимум, не менее обоснованной и корректной*, чем они сами. Более того, можно обоснованно полагать, что мера ее корректности будет даже выше, поскольку она базируется не на какой-либо одной уже известной методике, а на их комплексе, что, естественно, повышает ее исследовательский потенциал, равно как и степень обоснованности.

Дополнительным требованием, которое также необходимо было, по нашему мнению, учитывать, явилось следующее положение. Как уже отмечалось, одним из основных недостатков прямого подхода к разработке психодиагностических методик (например, мотивационных) является знание испытуемым того, *что именно* выступает истинным предметом исследования. Так, в частности, при исследовании мотивации учебной деятельности это вопросы: «Почему ты учишься?» или «Что тебе нравится в учебе?» и т.п. При этом показано также, что степень фальсифицируемости результатов такого рода методик значительно возрастает в том случае, если сами вопросы носят *лично-адресованный*, то есть направленный на самого испытуемого характер. Особенно явно данная черта проявляется в опросниках на определение степени и характера мотивов деятельности – и профессиональной, и учебной. Они, как показывает анализ соответствующей литературы, имеют обычно стандартную, «привычную» форму: «Я учусь, потому, что...», «Меня привлекает в моей работе...» – и далее следует тот или иной индикатор мотивации (см. обзор в [125]). Эти недостатки могут быть в значительной мере преодолены при более «безличных» и общих формулировках, отражающих некоторые общие установки, мнения, оценки. Например, для диагностики мотивации может быть применена такая формулировка: «Любое задание следует делать как можно лучше» (это – общая, обезличенная мотивационная установка, на которую, однако, испытуемый переносит свои мотивационные установки).

Вместе с тем, по отношению к исследованию факторов метакогнитивного плана ситуация является существенно иной. Дело в том, что разрабатываемая методика направлена не на *отношение* к тому или иному фактору метакогнитивного плана, а на то, в какой мере и с какой степенью он реально *используется* обследуемым в его деятельности. Следовательно, «пункты» опросника (то есть сами вопросы) *по определению* должны носить именно личностно-ориентированный, так сказать адресный характер. Наряду с этим, следует учитывать, что именно по отношению к факторам метакогнитивного плана, как отмечалось, в значительной степени снимается «опасность» фальсификации, которая имеет место при таком адресном и личностно-ориентированном характере вопросов. Дело в том, что, как указывалось выше, они не носят принципиально *оценочного* характера и не фиксируют именно результативные проявления активности любого типа (деятельностной, поведенческой). И именно поэтому они в несопоставимо меньшей степени «затрагивают интересы» личности, вообще – так сказать, интересны ей с точки зрения того, «как это будет воспринято и оценено» со стороны», как она будет выглядеть в свете этих результатов.

Необходимо отметить, далее, что одним из значимых источников недостатков всех прямых опросных методов является неудачная (или вообще некорректная) формулировка *вопросов* (пряма или обратная, непосредственная или опосредствованная, абстрактная или конкретная и пр.). Следует учитывать также, что опасность такого рода искажающих влияний определяется «удачностью» той системы, которая и положена в основу формулировки вопросов. Вместе с тем, если такой системы нет, и вопросы будут представлены в преднамеренно разнообразной *диверсифицированной* формулировке, то исключается и сам именно систематический источник ошибки. Следовательно, еще одним важным условием повышения степени корректности разрабатываемой методики должно быть требование диверсифицированности формулировок ее вопросов. Большая доля вопросов, сформулированных в таком виде, повышает степень обоснованности и объективности данных диагностики.

Частным, но очень важным случаем данного требования является необходимость соблюдения и еще одного общего правила. Это правило сочетания так называемых «прямых» и «обратных» вопросов. По отношению к первым более высокая оценка утверждения испытуемым свидетельствует о большей степени развитости того или иного мотива, а по отношению ко вторым – наоборот. Данное обстоятельство, как известно, объясняется тем, что в подавляющем

большинстве случаев оценочные шкалы проградуированы «слева – направо». Крайние правые значения шкал символизируют «хорошие», «положительные» ответы, что и стимулирует возникновение у испытуемых установки (часто неосознанной) на то, чтобы давать варианты, соответствующие правым делениям оценочных шкал. Поэтому целесообразно чередование «прямых» и «обратных» вопросов. Следует, конечно, иметь в виду, что по отношению к диагностике именно метакогнитивной сферы «обратные» (то есть сформулированные в негативном виде) вопросы не всегда понятны испытуемым и, следовательно, не столь информативны, как «прямые». В силу этого, в нашей методике преобладали прямые вопросы как более информативные.

Наряду с этим, как известно, одним из недостатков всех прямых опросных методов являются трудности, связанные с недостаточно развитой способностью к самонаблюдению и самоанализу у испытуемых. Однако, по отношению к разработке данной методики и, к тому контингенту, для которого она предназначена, эта трудность относительно менее актуальна. Дело в том, что она адресована таким лицам, у которых – просто в силу возрастных и многих иных личностных особенностей, а также их профессиональных качеств, сама рефлексивность как свойство сформирована на достаточно высоком уровне. В противном случае они попросту не могли бы выполнять свою профессиональную деятельность и уже подверглись бы «профессиональному отсеву».

Все представленные выше требования и принципы создания методики изучения метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности, непосредственно вытекающие из сформулированного нами общего подхода к исследованию данной проблемы, а также из основных положений психодиагностики, были положены в основу ее разработки. Она включала ряд основных этапов, к характеристике которых теперь необходимо перейти.

На *первом* этапе посредством специального реферирования литературных источников определялся возможно больший круг тех методик, которые существуют в настоящее время в метакогнитивизме и которые направлены на исследование и (или) диагностику самых разнообразных проявлений метакогнитивного плана. Как уже отмечалось выше, в настоящее время существует достаточно большое количество такого рода методик, а сам опросный метод (причем, не только письменного, но и устного) вообще является доминирующим в этом направлении. При этом уже на данном – первом этапе сами методики также подвергались определенной селекции на основе двух главных критериев. Во-

первых, отбирались те из них, которые носят, преимущественно, либо обобщающий характер и не связаны с той или иной конкретной предметной сферой деятельности. Дело в том, что, как отмечалось выше, существенная часть всех существующих методик разработана по отношению к *учебной* деятельности и они, следовательно, не вполне специфицированы по отношению к своеобразию именно профессиональной деятельности в целом и управленческой, в особенности. Понятно, что они очень существенно отличается от учебной деятельности, а по многим параметрам является и противоположной ей. Во-вторых, отбирались лишь те методики, которые соответствуют возрастным характеристикам контингента данного исследования, в силу чего «отсеивались» те из них, которые адресованы лицам, не достигшим уровня взрослости. Данное требование также весьма актуально, поскольку доля методик, разработанных в метакогнитивизме и адресованных относительно младшим возрастным группам, достаточно велика. В результате этого определялся исходный «банк» методик, на основе которого были реализованы все иные этапы разработки новой методики.

Так, на *втором* этапе из всех отобранных методик осуществлялась селекция тех вопросов, содержащихся в них, которые соотносятся с той или иной из дифференцированных выше основных подсистем метакогнитивного плана и совокупность которых составляет содержание самого конструкта, положенного в основу всей этой методики. Иначе говоря, все представленные в общей совокупности методик вопросы распределялись на восемь основных групп, каждая из которых соотносится с той или иной основной подсистемой метакогнитивного плана. Например, в первую группу входили вопросы, которые так или иначе направлены на первую из подсистем – метакогнитивную и которые, вообще говоря, являются наиболее типичными и характерными для всех опросников такого рода. Во вторую группу входят все содержащиеся в «первичном банке» методик вопросы, связанные с исследованием уже иной категории детерминант, образующих содержание второй основной подсистемы – метарегулятивной и т.д. Подчеркнем, что, поскольку сам исходный «банк» был достаточно обширным, то и общее количество вопросов, вошедших в каждую из этих восьми групп, также оказалось достаточно большим. В частности, для метакогнитивной подсистемы оно равнялось 52; для ингибиторной подсистемы – 46. Однако, на этом – относительно «раннем» и во многом исходном, а значит определяющем этапе следовало идти именно на такое – преднамеренно большое количество вопросов. Это связано с тем, чтобы уже на этой стадии не упустить

какой-либо важный аспект, фактор метакогнитивного плана, который может играть значимую роль в регуляции деятельности. Метафорически выражаясь, «поисковая сеть должна быть закинута» максимально широко, чтобы «улов» оказался хорошим, и не было бы упущено ничего существенного.

На *третьем* этапе реализовывалась еще одна процедура, сходная по своим целям с предыдущей и направленная на формирование возможно более широкого исходного набора вопросов. Дело в том, что, строго говоря, нет достаточных оснований считать, что в уже существующих методиках отражены все основные проявления метакогнитивного плана; что они уже достаточны для того, чтобы их множество считать исчерпывающим в этом плане (или близким к этому). Как раз наоборот, именно в силу относительной «молодости» всего метакогнитивного направления, и его методическая составляющая также пока далека от совершенства. Но это означает, что уже содержащиеся в существующих перечнях «пункты» вовсе не исчерпывают собой всех возможных; они могут быть дополнены и расширены. В силу этого, для восполнения возможных пробелов и в целях расширения исходного множества вопросов была реализована специальная процедура, основанная на сочетании метода фокус-групп и метода «концентрации суждений». В результате этого, «на выходе» формулировалось определенное множество новых вопросов, которые, по мнению экспертов, также должны быть включены в методику, но которые отсутствовали в исходном множестве уже существующих методик.

Далее, на *четвертом* этапе исходный набор вопросов подвергался еще одной процедуре его обогащения. Дело в том, что по отношению к каждой из дифференцированных подсистем существуют, как известно, их наиболее репрезентативные и важные – по существу, атрибутивные для них проявления и стоящие за ними факторы. Именно они должны быть не только *обязательно* предусмотрены в общем перечне вопросов, но и играть в нем определяющую роль. Для каждой подсистемы они являются, во-первых, существенно разными и, во-вторых, они глубоко специфичны для каждой из них, воплощают в себе их сущность и их главное функциональное предназначение. Так, для метакогнитивной подсистемы это, разумеется, вопросы, которые адресованы двум основным «вторичным» процессам, с которых, собственно говоря, и началось развитие метакогнитивизма в целом – метапамяти и метамышления. Кроме того, должен быть предусмотрен и еще один – также очень «традиционный» и типичный для данной подсистемы вопрос, связанный с общим пониманием субъ-

ектом сущности этих факторов, а также степенью их обоснованности и применимости. По отношению ко второй основной подсистеме – метарегулятивной это вопросы, связанные с контролем за тремя *ключевыми* процессами регулятивного плана (принятием решения, планированием и контролем), которые чаще всего выступают предметом изучения в существующих опросниках. Это, например, следующие вопросы: «Я способен контролировать качество принимаемых мной решений»; «Я полностью согласен с пословицей «Семь раз отмерь, один отрежь»». По отношению к двум другим и также основным подсистемам – метаэмоциональной и интеракционной это вопросы, которые направлены на исследование тех базовых структурных «составляющих», которые дифференцируются в настоящее время в составе, соответственно, эмоционального и социального интеллекта. Последнее объясняется тем, что, как мы уже отмечали выше, обе эти подсистемы во многом являются конкретизацией по отношению к содержанию метакогнитивной сферы тех двух важнейших конструктов, которые составляют содержание понятий, соответственно, эмоционального и социального интеллекта. Так, по отношению к метаэмоциональной подсистеме это следующие структурные компоненты и, соответственно, ориентиры для формулировки адекватных им вопросов. Во-первых, это, разумеется, такой базовый компонент эмоционального интеллекта, как способность к регуляции своих эмоций. Будучи очень сложным и многоаспектным, он, тем не менее, в наиболее обобщенном и доступном для испытуемых виде может быть эксплицирован в опроснике в следующем его пункте: «Мне, как правило, удается контролировать свои эмоции». Во-вторых, это способность к идентификации эмоций. Он эксплицируется в опроснике посредством следующего пункта: «Я обычно замечаю, когда человек переживает, даже если он пытается это скрыть». Для интеракционной подсистемы, сопряженной, в основном, с социальным интеллектом, это уже иные структурные компоненты и связанные с ними вопросы. Первый – это умение понимать и учитывать точку зрения других людей. Он репрезентируется в опроснике в следующем пункте «Я умею согласовывать свои потребности, желания с потребностями окружающих». Второй – это умение хорошо адаптироваться в социальных ситуациях. Он репрезентируется в опроснике в следующем пункте «Я способен быстро осваиваться в новых ситуациях и сразу знакомиться с людьми». Вместе с тем, подчеркнем то главное и общее, что составляет суть данного этапа. Он направлен на гарантированный учет в первичном перечне вопросов тех, которые соотносятся с глав-

ными и определяющими – по существу, атрибутивными особенностями каждой из исследуемых подсистем метакогнитивного плана.

В результате реализации всех отмеченных этапов решалась общая для них задача – определение исходного множества вопросов, на основе которых и будет разрабатываться окончательный вариант методики. Поэтому их можно объединить в группу своего рода «собираательных», «накопительных» – *коллекционных* этапов. Вместе с тем, после того, как они будут реализованы, не только необходим, но и возможен переход к реализации второй группы задач и, соответственно, этапов – так сказать *селекционных*, связанных с отбором наиболее конструктивных из них в плане решения основных задач всей методики.

Однако, именно при их реализации и возникает одна из главных и даже критически значимых проблем разработки практически любой методической процедуры опросного типа. Ее суть, как известно, заключается не столько в отборе как таковом, сколько в выборе и, главное, в *обосновании* того *критерия* (или критериев), на основе которого и осуществляется сама селекция. Такой критерий в идеале должен носить не только обоснованный, но и объективный характер, а также вытекать из тех или иных также обоснованных в теоретическом плане представлений и доказанных положений содержательного характера. Необходимость в этом связана и с еще более общим обстоятельством, имеющим, как известно, широкий – по существу, гносеологический смысл. Оно состоит в том, что в целях решения задач, направленных на обоснование полноты чего-либо и критерия такой полноты возможны два варианта. Первый – это путь, обозначаемый как логико-дедуктивный и предполагающий именно *доказательство*, теоретическое обоснование полноты и корректности посредством, в основном, процедур спекулятивного плана (как отмечалось выше, он иногда обозначается как априорный). Второй – это путь *эмпирического* обоснования, предполагающий использование тех или иных верификационных средств уже собственно технического, операционального характера, а также реализацию средств математико-статистического обоснования (это – апостериорный способ). Безусловно, два этих пути не только не противоречат друг другу, но и могут выступать в качестве взаимодополнительных. Вместе с тем, при конкретной процедуре селекции все же должны быть определены приоритеты между ними и выбран тот или иной из них. Поэтому при разработке данной методики приоритет был сделан в отношении второго пути, что полностью согласуется и с теми императивами, которые приняты в психодиагностике в целом.

В силу этого, на следующем – *пятом* этапе в целях селекции из исходного множества вопросов наиболее значимых и репрезентативных была применена следующая методическая процедура. Вначале по отношению к каждой подсистеме проводился опрос на основе *всей* совокупности вопросов, вошедших в их исходное множество (то есть без какой-либо селекции). В итоге выборка дифференцировалась по тому итоговому баллу, который набирал каждый ее член посредством ответов на все вопросы. Затем по отношению к каждому из вопросов реализовывалась одна из основных и очень действенных, широко применяемых в психодиагностике процедура «анализа пунктов». Ее суть состоит, как известно, в том, что определяются коэффициенты корреляции между каждым «пунктом», то есть в данном случае – вопросом и итоговым баллом всей методики. Тем самым имеет место своего рода *автоселекция* вопросов: отбор каждого из них в аспекте его адекватности и релевантности всей их совокупности осуществляется на основе сопоставления именно с этой совокупностью. Если тот или иной вопрос обнаруживает значимую положительную корреляцию с общим баллом то он, разумеется, отвечает по своему смыслу и направленности всей этой совокупности. Однако именно последняя отражает содержание и сущность самой исследуемой подсистемы. В результате процедуры автоселекции были дифференцированы по 15 вопросов, имеющих наиболее сильные связи с итоговым баллом, то есть наиболее релевантные содержанию самих подсистем.

Далее, на следующем – *шестом* этапе была реализована еще одна процедура селективного плана, сущность которой состояла в следующем. Дело в том, что по отношению к каждой из восьми основных подсистем существует вполне определенный так сказать «внешний критерий», которому она наиболее полно и естественным образом соответствует. Так, в частности, для интеракционной подсистемы это, разумеется, индивидуальная мера развития социального интеллекта; для метакоммуникативной подсистемы – это данные комплекса методик, направленных на диагностику собственно коммуникативных способностей личности. Для других подсистем такой критерий, хотя также вполне очевиден, но для него пока отсутствуют методические средства его количественного определения; в частности, это метакогнитивная и процедуральная подсистемы. В силу этого, в целях компенсации данного пробела нами были разработаны две специальные методики, направленные на определение степени их выраженности. Во-первых, это методика исследования метамышления как процесса, кото-

рый во многом репрезентирует все содержание метакогнитивной подсистемы и является главным в ней (см. Приложение 3). Во-вторых, это методика, направленная на определение степени выраженности «антирефлексивных» факторов и соотносящаяся с ингибиторной подсистемой (см. Приложение 2). После этого все «пункты», входящие в исходный перечень, были подвергнуты уже отмеченной процедуре «анализа пунктов», но уже именно по *внешнему* критерию. В результате этого также были отобраны по 15 из них, которые обнаружили наиболее высокие и значимые корреляции с ним.

Затем на следующем – *седьмом* этапе два полученных в итоге перечня «пунктов» (по 15 в каждом) были подвергнуты обобщению – объединению в одно множество. Главным критерием его составления выступало *одновременное* вхождение того или иного «пункта» в оба этих перечня. Если это, действительно, имеет место, то оно выступает важнейшим доказательством его релевантности именно данной подсистеме и, более того, его непосредственной связи с *мерой* ее выраженности. Данное обстоятельство представляется наиболее существенным, хотя и достаточно имплицитным; поясним сказанное. Дело в том, что корреляция как таковая выявляет не только связь тех или иных сущностей, но и, прежде всего, связь степеней их выраженности, то есть связь их не только содержательных (качественных), но и *количественных* параметров. Следовательно, именно те «пункты», которые обнаруживают относительно наиболее высокие корреляции с внешним критерием, одновременно вносят и наибольший вклад в *меру* развития той или иной подсистемы. Это же означает, что именно их совокупность и должна являться основой для аналогичной, то есть также *количественной* оценки *степени* ее сформированности, развитости. При этом очень показательным (и доказательным в плане правомерности примененных процедур и обоснованности их результатов) явилось следующее обстоятельство. Два множества, полученные существенно *разными* путями, оказались в итоге очень сходными – их содержание совпадало в диапазоне 80%-90%, причем, для всех восьми подсистем. Это свидетельствует, во-первых, о правомерности самих использованных процедур, а во-вторых, о том, что именно эти – прошедшие так сказать «двойную» и *независимую* друг от друга селекцию «пункты», действительно, являются наиболее значимыми и наиболее репрезентативными в плане каждой из основных подсистем. В результате объединения двух перечней составлялся окончательный список вопросов – по 10 для каждой из основных подсистем. В свою очередь, на основе этого компоновался итогов-

вый вариант методики, включающий по 10 вопросов для каждой из восьми основных подсистем, то есть состоящий из 80 вопросов¹.

Далее, следует особо подчеркнуть, что окончательный вариант методики, включающий 80 вопросов, был, как требуют принципы психодиагностического исследования, верифицирован на предмет ее внутренней и внешней валидности. Это и составило содержание двух следующих этапов разработки методики.

Так, на *восьмом* этапе определялась внутренняя валидность данной методики. Следует отметить, что общая – стандартная процедура определения этого вида валидности имела в данном случае определенную специфику. Дело в том, что сам теоретический концепт и, соответственно, диагностический конструкт, который положен в ее основу, обладает принципиальной и ярко выраженной *гетерогенностью* и включает в себя ряд относительно самостоятельных и, главное, специфических в содержательном отношении «составляющих». Следовательно, и критерии для верификации внутренней валидности также должны быть аналогичными – гетерогенными и множественными. Другими словами, внутренняя валидность должна проверяться *отдельно* для каждой из подсистем и по разным *критериям*, точнее – по разным основаниям для каждой из них. В этих целях результаты пилотажного исследования по каждой подсистеме сопоставлялись на основе метода корреляционного анализа, соответственно, с результатами использования следующих методик для каждой из восьми подсистем. Ими были, как уже отмеченные выше, так и иные, релевантные данной задаче методики: отмеченная выше методика диагностики уровня развитости метамышления; методика диагностики эмоционального интеллекта [58]; методика диагностики социального интеллекта; разработанная нами методика диагностики «антирефлексивных» средств; методика для диагностики уровня представленности метакогнитивных стратегий; методика МАИ для диагностики процессов метарегулятивного плана и др. Корреляции итоговых показателей оказались значимыми для всех подсистем при значениях от $p = 0,10$ до $0,05$, что свидетельствует о достаточно высокой внутренней валидности данной методики.

Несколько сложнее обстоит дело с проверкой методики на предмет ее внешней валидности, которая осуществлялась на следующем – *девятом* этапе ее разработки. Дело в том, что одним из наиболее обобщенных показателей

¹ При этом следует отметить тот любопытный факт, что по каким-то причинам именно это количество – 80 наиболее часто встречается в существующих опросниках, разработанных в метакогнитивизме (см. обзор в [124]).

степени сформированности метакогнитивной сферы является уровень рефлексивности как таковой, индивидуальная мера рефлексивности как определенного качества личности. Оно может выступать для целого ряда видов деятельности, в особенности – для субъект-субъектных и в частности управленческой, и как профессионально-важное. Однако, очень специфическая особенность этого качества, как известно, состоит в том, что индивидуальная мера его развитости связана с эффективностью деятельности не традиционными отношениями *максимума* («чем больше мера, тем выше эффективность»), а отношениями *оптима* (в этом случае функция принимает максимальные значения не на максимальном, а на некотором промежуточном – среднем значении аргумента). Следовательно, если именно этот характер отношений обнаружится при сравнении результатов разрабатываемой методики с результативными параметрами деятельности, то это и будет являться решающим доказательством внешней валидности самой разрабатываемой методики.

В этих целях нами также было проведено дополнительное специальное исследование, направленное на решение данной задачи. В его результате была установлена именно такого рода зависимость между показателями методики и результативными параметрами деятельности (это исследование, равно как и иные сходные с ним по целям) подробнее описываются в работе [125]. Кроме того, известно также, что процедура определения внешней валидности предполагает и необходимость сопоставления результатов той или иной вновь разрабатываемой методики с результатами уже существующих методик и верификацию с их стороны. Для этого нами была реализована следующая процедура. Поскольку разрабатываемая методика направлена на исследование не просто метакогнитивных факторов, а факторов, взятых именно в деятельностно-специфицированном виде, то такого рода сопоставление необходимо было проводить с данными методик, направленных на диагностику не только *общей* рефлексивности, но и рефлексивности *в деятельности*. В силу этого, по отношению к исследованному контингенту были применены две методики (методика «Рефлексивности деятельности», разработанная под руководством В.Д. Шадрикова [298], а также предложенная в работе [124] методика диагностики уровня развития рефлексивности); их результаты суммировались, что и давало общий балл для каждого испытуемого. После этого результаты по вновь разрабатываемой методике коррелировались именно с этим – итоговым баллом, что и выступало показателем ее внешней валидности. В итоге полученный коэффи-

циент оказался статистически достоверным на уровне $p = 0,05$, что свидетельствует о высоком уровне внешней валидности разрабатываемой методики.

Наряду с этим, при разработке методики необходимо было учитывать и еще целый ряд требований, являющихся традиционными для разработки средств психодиагностического плана. Так, немаловажным условием корректности новой методики является также необходимость *чередования* «пунктов», то есть вопросов и утверждений, относящихся к *различным* подсистемам. В связи с этим, весь опросник был структурирован следующим образом. Поскольку он предполагал диагностику 8 подсистем метакогнитивного плана, а каждая из них определялась посредством 10 наиболее репрезентативных суждений («пунктов»), то в общем тексте опросника вопросы-суждения чередовались в порядке, соотносимом с каждой из подсистем. Это означает, что сначала идет вопрос, соотносимый с метакогнитивной подсистемой, затем с метарегулятивной подсистемой, далее – последовательно с метакоммуникативной, метаэмоциональной, процедуральной, мониторинговой, ингибиторной и интеракционной подсистемами. На диагностику каждой из 8 подсистем были направлены соответственно следующие утверждения: метакогнитивная подсистема – пункты 1, 9, 17, 25, 33, 41, 49, 57, 65, 73; метарегулятивная – пункты 2, 10, 18, 26, 34, 42, 50, 58, 66, 74; метакоммуникативная – пункты 3, 11, 19, 27, 35, 43, 51, 59, 67, 75; метаэмоциональная – пункты 4, 12, 20, 28, 36, 44, 52, 60, 68, 76; процедуральная – пункты 5, 13, 21, 29, 37, 45, 53, 61, 69, 77; мониторинговая – пункты 6, 14, 22, 30, 38, 46, 54, 62, 70, 78; ингибиторная – пункты 7, 15, 23, 31, 38, 46, 54, 62, 70, 78; интеракционная – 8, 16, 24, 32, 40, 48, 56, 64, 72, 80.

Кроме того, как указывалось выше, одним из обязательных требований является необходимость включения в опросник «обратных» утверждений. В связи с этим «пункты» опросника под номерами 27, 28, 30, 38, 41, 50, 69, 80 носили «обратный» характер. Окончательный вариант опросника представлен ниже.

Текст опросника

1. Когда я изучаю что-то новое, я соотношу это с тем, что мне уже известно в этой области.
2. Принимая важное решение, я склонен анализировать эффективность используемых мной стратегий.
3. Я легко прогнозирую слова и поступки своих сотрудников и коллег.

4. Я замечаю, когда человек переживает, даже если он (она) пытается это скрыть.
5. Я осознаю свои интеллектуальные преимущества и ограничения.
6. Обычно у меня есть четкие ориентиры, позволяющие мне контролировать ход своей деятельности и достигать запланированных результатов.
7. В сложной ситуации я придерживаюсь мнения, что первое решение самое лучшее.
8. Я знаю, какая именно информация особенно важна в моей работе.
9. Я отслеживаю, насколько эффективно я работаю над решением задач.
10. Я перепроверяю и корректирую, если это необходимо, принятое мной решение.
11. Мнение окружающих очень важно для меня.
12. В критических ситуациях я умею контролировать выражение своих эмоций.
13. Я сознательно концентрируюсь на важной для меня информации
14. Я могу сосредоточиться на работе, невзирая на помехи.
15. Я считаю, что в ситуации выбора лучше долго не задумываться.
16. Я использую свои интеллектуальные преимущества для компенсации своих слабостей.
17. Я владею, по меньшей мере, несколькими способами запоминания материала, необходимого для моей профессиональной деятельности.
18. Как правило, что-то задумав, я прокручиваю в голове свои замыслы, уточняя детали, рассматривая все варианты.
19. Мне неинтересно, какие чувства вызывают у других людей мои слова и поступки.
20. Я не умею управлять эмоциями других людей.
21. Я знаю, в каком случае каждая из используемых мной стратегий будет наиболее эффективна.
22. Когда я работаю, я тщательно контролирую свои действия.
23. Я довольно легко принимаю решение относительно какой-либо сложной ситуации.
24. Я всегда внимательно слушаю собеседника, кто бы он ни был.
25. Я спрашиваю себя, был ли более легкий путь сделать задание после того, как оно было выполнено.
26. Я способен контролировать качество принимаемых мной решений.
27. Мне трудно управлять ходом беседы или переговоров.

28. Мне, как правило, не удается контролировать свои эмоции
29. Я думаю, о том, какая информация мне понадобится, перед тем как приступить к выполнению задания.
30. Обычно я не анализирую промежуточные результаты своей работы.
31. Я умею отключаться от всего, кроме стоящей передо мной задачи.
32. Я способен быстро осваиваться в новых ситуациях и сразу знакомиться с людьми.
33. Изучая что-то новое, я время от времени делаю паузу и спрашиваю себя, насколько хорошо я понимаю материал.
34. Прежде чем начать выполнять ту или иную работу, я четко определяю ее цель.
35. Я могу сознательно произвести на другого человека нужное мне впечатление.
36. Я могу легко отключиться от переживания неприятностей.
37. В целом мои профессиональные знания можно охарактеризовать как глубокие.
38. Обычно я отвлекаюсь на посторонние вопросы в процессе осуществления деятельности.
39. Порой я принимаю необдуманные решения.
40. Я легко приспосабливаюсь к разным социальным ситуациям.
41. Я обычно не задумываюсь о причинах того, что со мной происходит.
42. Я пытаюсь разбить работу на некоторое количество отдельных заданий.
43. Мне бывает трудно понять чувства других, даже близких мне людей.
44. Как правило, я понимаю, какую эмоцию испытываю.
45. Я знаю, в каком случае каждая из используемых мной стратегий будет наиболее эффективна.
46. Я всегда в состоянии сконцентрироваться на работе, даже если она мне не интересна.
47. Мне бы хотелось научиться меньше думать и больше действовать, не заикливаться на каждом сделанном шаге и его последствиях.
48. Я умею согласовывать свои потребности, желания с потребностями окружающих.
49. Чтобы запомнить профессионально значимый материал, я использую приемы мнемотехники (например, запоминание по первым буквам и т.д.).
50. Я не всегда учитываю информацию о результатах своих решений.

51. Прежде чем сделать замечание другому человеку, я обязательно подумаю, в каких словах это лучше сделать, чтобы его не обидеть.
52. Чтобы понять ситуацию, нужно уметь соотносить свои чувства с тем, что их вызывает.
53. Я стараюсь полностью вникнуть в суть задания, прежде чем приступить к выполнению.
54. Решая трудную задачу, я думаю над ней даже тогда, когда занимаюсь другими делами.
55. Для успеха намного важнее сосредоточиться на деле, а не на людях и их мнениях.
56. Очень важно понимать мотивы поведения других людей.
57. В процессе ознакомления с новым материалом, я несколько раз перечитываю сложные для моего понимания абзацы.
58. Я проверяю, правильно ли я понял задание, перед тем как приступить к решению.
59. Работая над какой-либо проблемой в группе, я предпочитаю активно участвовать и вносить свои идеи.
60. Порой я настолько сильно переживаю свои ошибки, что не в состоянии ничего сделать, чтобы их исправить.
61. Я способен хорошо структурировать информацию.
62. Я проверяю, правильно ли я понял задание, перед тем как приступить к решению.
63. Главное для меня – представить конечную цель своей деятельности, а детали имеют второстепенное значение.
64. Время от времени я «оглядываюсь назад», что помогает мне лучше понять значимые для меня отношения.
65. Я рассматриваю несколько альтернатив решения проблемы перед тем, как выбрать окончательный вариант.
66. Секрет моего успеха в том, что, совершая действие, я всегда руководствуюсь заранее продуманным планом.
67. Я хорошо улавливаю знаки в общении, которые указывают на то, в чем другие нуждаются.
68. Для меня как отрицательные, так и положительные эмоции служат источником знания о том, как поступать в жизни.

69. Я не могу точно оценить степень своей компетентности в той или иной области.
70. Когда необходимо, я могу быть спокойным и сосредоточенным, чтобы действовать в соответствии с запросами жизни.
71. Я предпочитаю действовать, а не размышлять над причинами своих неудач.
72. Я склонен проигрывать поведение партнера по общению и вступать с ним в мысленный диалог.
73. Я делаю рисунки и диаграммы, помогающие мне лучше понять проблему, над которой я работаю.
74. Я обычно сразу вижу, сколько времени мне понадобится для решения возникающей задачи.
75. Я люблю наблюдать за поведением окружающих людей.
76. Я способен наблюдать изменение своих чувств.
77. Я пытаюсь при решении задач использовать те способы и методы, которые срабатывали раньше.
78. В экстремальной ситуации я не могу усилием воли взять себя в руки.
79. Я предпочитаю действовать спонтанно, лишние размышления и планирование только отнимают время.
80. Глядя на человека, мне сложно понять его эмоциональное состояние.

Испытуемому давалась следующая *инструкция*. «Оцените, пожалуйста, насколько представленные ниже высказывания правомерны по отношению к Вам. Чем в большей степени они справедливы по отношению к Вам, тем бóльшую оценку надо ставить». После каждого утверждения давалась 7-балльная шкала, на которой испытуемый должен был зафиксировать свой ответ:

1 – совсем не подходит; 2 – почти уверен, что не подходит; 3 – скорее не подходит, чем подходит; 4 – не знаю точно; 5 – скорее подходит, чем не подходит; 6 – почти уверен, что подходит; 7 – полностью подходит

Подчеркнем еще раз, что в компоновке опросника использован прием «чередования подсистем», то есть вопросы, адресованные предикторам каждой под-

системы, представлены с «шагом» в восемь пунктов (по числу подсистем). Иными словами, вопросы 1, 9, 16 и т.д. адресованы первой – метакогнитивной подсистем; вопросы 2, 10, 18 и т.д.; второй, то есть метарегулятивной подсистеме.

Как мы уже отмечали в начале характеристики данной методики, поскольку она базируется на прямом подходе и допускает возможность субъективного искажения, то в ней обязательно должны быть представлены специальные средства, препятствующие этому. Необходимо отметить также, что до настоящего времени данный тезис в основном лишь констатировался, но конкретных и тем более конструктивных попыток его реализации было крайне мало, а по отношению к методикам на диагностику метакогнитивных процессов и качеств вообще практически не было. В целях ликвидации этого пробела и обеспечения возможно большей защищенности результатов от элементов субъективизма и фальсификации, нами был разработан, апробирован, а затем реализован в описываемой методике следующий прием. Он базируется на известном в ряде научных дисциплин, а также примененном нами в ряде других исследований, *принципе дублирования данных* [108]. Каждый испытуемый основной выборки проходил обследование по данному опроснику *дважды* с достаточно продолжительным интервалом (1,5–2 месяца). При этом в каждом из двух обследований *порядок* вопросов в методике также был различным, что также препятствовало запоминанию возможно сфальсифицированных вариантов ответов. Если более чем в 10% случаев (то есть более чем в 8 «пунктах» из 80) ответы испытуемого различались больше чем на 2 балла, то все данные по этому испытуемому исключались из дальнейшей обработки. В описанном приеме заключается простой и ясный смысл: если испытуемый отвечает искренне, объективно, то результаты практически не могут различаться существенно; если же он намеренно фальсифицирует ответы, то, наоборот, различия могут быть существенными. Заметим, что прием дублирования основывается на том же принципе, что и прием многократной постановки *одних и тех же вопросов* подозреваемому во время следствия: известно, что сохранение, а затем воспроизведение преднамеренно искаженной информации является гораздо более сложным и менее надежным, чем информации объективной, истинной. Отметим, что прием дублирования, двукратного применения опросников, базирующихся на принципах прямого подхода, насколько нам известно, не был до сих пор реализован в психодиагностике как достаточно мощное средство повышения степени объективности, достоверности получаемых результатов.

Поскольку методика применялась дважды, то итоговую оценку по каждому «пункту» можно определять как *среднюю* величину этих двух оценок – по результатам 1-го и 2-го обследований. Если бы диагностика проводилась однократно, то размерность оценочной шкалы была бы идентична той, по которой работал сам испытуемый, то есть равнялась бы 7 баллам. Однако в том случае, когда обследование проводится два раза, а интегральный показатель определяется как средняя величина двух замеров, размерность оценочной шкалы существенно возрастает. Она также локализуется в интервале от 1 до 7 баллов, но с «шагом» изменения не в *один* балл, а в *полбалла*. Например, если в первом обследовании испытуемый дал оценку по какому-либо «пункту» 5 баллов, а во втором 6 баллов, то средняя, то есть итоговая, его оценка по данному «пункту» будет равна 5,5 балла. Таким образом, вся оценочная шкала «растягивается» с 7 единиц до 13 (1; 1,5; 2; 2,5; 3; 3,5; 4; 4,5; 5; 5,5; 6; 6,5; 7), то есть увеличивается практически в 2 (!) раза. Точно на столько же повышается и чувствительность, сензитивность предлагаемой методики. Причем это достигается не за счет каких-либо *дополнительных* содержательных средств, не за счет увеличения трудоемкости самой методики, а просто за счет *нового принципа* ее применения и обработки результатов.

Особо следует подчеркнуть, что использование данного приема позволяет повысить не только объективность, а значит, надежность, но и чувствительность (сензитивность) методики как таковой. То, что данный прием позволяет *одновременно* повысить и надежность и сензитивность методики вообще является редким случаем, так как известно, что эти два параметра любой методики являются антагонистическими: повышение одного, как правило, автоматически приводит к снижению другого и наоборот.

Увеличение размерности оценочной шкалы, как будет показано в ходе дальнейшего изложения, имеет очень существенное значение и еще в одном отношении. Дело в том, что одной из наиболее важных задач, которую необходимо будет решить, является определение структурных связей, нахождения корреляций между степенью развития отдельных мотивов, входящих в каждую из основных подсистем. Если оценочная шкала (в которой выражаются «сырые» эмпирические данные) имеет малую размерность, то при условии достаточно большой выборки очень многие испытуемые будут «делить» одни и те же ранговые места (при подсчете коэффициента корреляции r по Спирмену), что со статистической точки зрения нежелательно. Одним из выходов из этого поло-

жения является *априорное* увеличение размерности шкалы; однако в этом случае работать с такой шкалой, как показано в психометрике, будет либо неудобно, либо даже невозможно. Поэтому предложенное решение задачи увеличения *итоговой* размерности оценочной шкалы без увеличения ее *априорной* размерности является, по-видимому, оптимальным способом выхода из положения. В этом случае количество испытуемых, делящих одни и те же ранговые места при подсчете ρ по Спирмену, уменьшается *в разы*, что повышает степень обоснованности результатов.

Итак, выше мы достаточно подробно остановились на характеристике процедуры, принципах и содержании разработанной нами методики исследования и метакогнитивной сферы личности. Это было сделано по следующим причинам. Во-первых, потому, что данная методика является основой для большей части представленных ниже исследований. Во-вторых, потому, что в ней нашел воплощение ряд *новых*, не использовавшихся до сих пор приемов, содействующих повышению степени объективности и надежности результатов. В-третьих, потому, что эта методика является специфической и носит, по существу, комплексный, синтетический характер. Она позволяет диагностировать не только *общую* степень развития метакогнитивной сферы личности и не только степень развития *отдельных* категорий, групп факторов метакогнитивного плана, но, самое главное, она позволяет измерить степень развития *всех* основных подсистем, образующих в своей совокупности метакогнитивную сферу личности в управленческой деятельности. Это дает право обозначить ее как *комплексный опросник метакогнитивного потенциала* личности в управленческой деятельности (далее мы будем использовать аббревиатуру КОМП).

Кроме того, в результате ее разработки оказалось возможным синтезировать ряд считающихся противоречивыми по отношению друг к другу требований и особенностей. Так, в частности, она за счет приема *фактического* увеличения размерности оценочной шкалы без ее *априорного* увеличения позволяет *одновременно* повысить и надежность (объективность), и чувствительность (сензитивность) как два своих основных параметра. Далее, за счет приема *дублирования* в значительной мере преодолевается противопоставление прямого подхода как субъективного и требований обеспечения объективности результатов. Важно и то, что данная методика позволяет одновременно и определить количественно *общую степень* развития метакогнитивной сферы, и вскрыть *структуру* подсистем, обеспечивающих эту степень (посредством определения

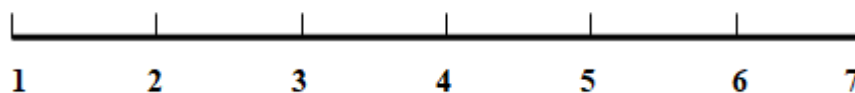
интеркорреляционных связей между степенью развития каждой из 8 подсистем метакогнитивного плана), то есть она обеспечивает решение двух задач одновременно – задач *результативной* и *структурной* диагностики. Наконец, предложенную методику нельзя считать ни только диагностической, ни только исследовательской: она синтезирует в себе черты обоих этих типов, являясь поэтому методикой синтетического типа. Она направлена, прежде всего, на решение исследовательских задач, но в то же время удовлетворяет ряду основных психометрических требований, специфичных для собственно диагностических методик (определение теоретического конструкта методики, верификация внешней и внутренней валидности методики, наличие процедуры «анализа пунктов» и др.). Все это позволяет рассчитывать на то, что она окажется достаточно конструктивным средством для решения основных задач данной работы.

Опросник степени выраженности средств «антирефлексивной» направленности

Данная методика направлена на определение тех средств, которые составляют содержание одной из подсистем метакогнитивного плана – ингибиторной, суть которой состоит в следующем. В психологии управления традиционно принято уделять достаточно большое внимание его собственно рефлексивным аспектам и средствам, а также трактовать саму рефлексивность как одно из профессионально-важных качеств руководителя, имеющее, соответственно, подчеркнута позитивную окраску. Однако к настоящему времени установлен ряд фундаментальных по своей значимости и принципиально сходных по смыслу закономерностей и явлений, свидетельствующих о наличии существенно иной и также достаточно важной и очень общей закономерности. Она состоит в том, что эффективность реализации подавляющего большинства деятельностных задач и управленческих функций является максимальной на некотором среднем, то есть оптимальном уровне развития рефлексивности (а не на минимальном и не на максимальном ее значении). Исследования, в том числе – и проведенные нами, показывают также, что субъект деятельности, как правило, распознает эту особенность, а затем – использует ее в качестве средства оптимизации своей деятельности. Для этого он прибегает к специфическим средствам, позволяющим минимизировать степень рефлексивного контроля за деятельностью и ее частными функциями. Он осознанно минимизирует (или блокирует) роль самого сознания в регуляции деятельности и поведения. В результате этого порождается своего рода «вторичный» феномен – феномен «метакогнитивной блокады»: рефлексивный контроль либо редуцируется, либо полностью блокируется. Эти данные не только позволяют, но и требуют дифференцировать качественно глубоко своеобразное проявление рефлексии (и рефлексивности). Она может не только усиливать (фасилитировать) сама себя, но и минимизировать (ингибировать) себя. Причем, очень важно, что такая ингибция – фактически, контролируемая и целенаправленная ее редукция осуществляется такими средствами и механизмами, которые также являются подчеркнута рефлексивными. В результате этого в управленческой деятельности складывается и развивается система своего рода «антирефлексивных» средств, на-

правленная именно на это. Она была обозначена в работе термином ингибиторной подсистемы.

Испытуемому давалась следующая *инструкция*: «Оцените, пожалуйста, насколько представленные ниже высказывания правомерны по отношению к Вам. Чем в большей степени они справедливы по отношению к Вам, тем большую оценку надо ставить». После каждого утверждения давалась 7-балльная шкала, на которой испытуемый должен был зафиксировать свой ответ

1 – совсем не подходит; 2 – почти уверен, что не подходит; 3 – скорее не подходит, чем подходит; 4 – не знаю точно; 5 – скорее подходит, чем не подходит; 6 – почти уверен, что подходит; 7 – полностью подходит

Текст опросника

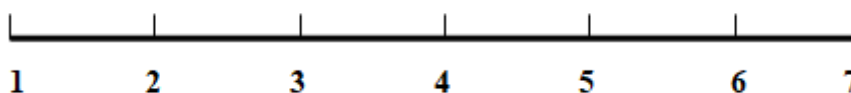
1. В сложной ситуации я полагаю, что первое решение самое лучшее.
2. Я считаю, что в ситуации выбора не нужно долго задумываться.
3. Мне несвойственно подолгу размышлять при принятии какого-либо решения.
4. Я довольно легко и быстро принимаю решение относительно какой-либо сложной ситуации.
5. Я считаю, что в большинстве ситуаций нужно действовать быстро, руководствуясь первой пришедшей в голову мыслью.
6. Я редко ставлю себя на место другого человека.
7. Для хорошего результата в работе намного важнее сосредотачиваться на деле, а не на людях и их мнениях.
8. Я предпочитаю действовать, а не размышлять над причинами своих неудач.
9. Прежде чем принять решение, я редко все тщательно обдумываю и взвешиваю.
10. Я стараюсь не задумываться над тем, какие мысли и чувства вызывают в других людях мои слова и поступки.
11. Я довольно легко принимаю решение относительно какого-либо серьезного дела.
12. В основном, я просто поступаю по ситуации, подолгу не раздумывая.

13. Я считаю, что нужно меньше думать и больше действовать, не заикливаясь на каждом сделанном шаге и его последствиях.
14. Если я с кем-то ссорюсь, то в большинстве случаев не считаю себя виноватым.
15. Редко бывает так, что я жалею о сказанном.
16. Я редко обращаю внимание на то, как другие люди реагируют на мои слова и поступки.
17. Я редко задумываюсь над причинами своего поведения.
18. Мне нетрудно управлять ходом беседы или переговоров.
19. Я редко задумываюсь над причинами и мотивами поведения других людей.
20. Иногда я принимаю необдуманные решения.
21. Мнение окружающих не слишком важно для меня.
22. Как правило, мне легко принимать решения, я никогда долго не думаю и не сомневаюсь.
23. Когда я начинаю действовать, я обычно не сомневаюсь в принятых решениях: все ли я учел, правильно ли оценил ситуацию, есть ли у меня для этого достаточно ресурсов и т.д.
24. Как правило, я трачу на оценку ситуации выбора мало времени.
25. Я всегда могу быстро и адекватно оценить стоящие передо мной задачи и ресурсы, необходимые для достижения желаемых результатов.
26. В ситуации выбора обычно я начинаю действовать быстро, не всегда правильно оценив обстановку.
27. Обычно я принимаю решения быстро, спонтанно, без лишних размышлений. Это может приводить к ошибке, но зато я не стою на месте.
28. Часто при решении задачи я спонтанно перескакиваю с одного действия на другое, отвлекаюсь, не могу довести дело до конца.
29. Я предпочитаю действовать спонтанно, лишние размышления и планирование только отнимают время.
30. Обычно я действую спонтанно и не анализирую промежуточные результаты. Только в конце можно оценить, действовал я правильно или нет.

Поскольку данная методика носит собственно исследовательский, а не специфически диагностический характер, то общая оценка степени выраженности средств антирефлексивной направленности определяется как простая сумма баллов, полученных по всем ее пунктам.

Методика определения индивидуальной степени выраженности процессов метамышления

Испытуемому давалась следующая *инструкция*: «Оцените, пожалуйста, насколько представленные ниже высказывания правомерны по отношению к Вам. Чем в большей степени они справедливы по отношению к Вам, тем бóльшую оценку надо ставить». После каждого утверждения давалась 7-балльная шкала, на которой испытуемый должен был зафиксировать свой ответ:

1 – совсем не подходит; 2 – почти уверен, что не подходит; 3 – скорее не подходит, чем подходит; 4 – не знаю точно; 5 – скорее подходит, чем не подходит; 6 – почти уверен, что подходит; 7 – полностью подходит

Текст опросника

1. Я рассматриваю несколько альтернатив решения проблемы перед тем, как выбрать окончательный вариант.
2. Я способен контролировать качество принимаемых мной решений.
3. Я делаю рисунки, диаграммы и другие дополнительные средства, помогающие мне лучше понять проблему, над которой я работаю.
4. Когда я изучаю что-то новое, я соотношу это с тем, что мне уже известно в этой области.
5. Перед тем, как приступить к решению проблемы, я определяю, что должно получиться в результате решения.
6. Решая трудную задачу, я размышляю над ней даже тогда, когда занимаюсь другими делами.
7. Часто полезно остановиться, чтобы лучше понять ситуацию в целом.
8. Я понимаю, какие стратегии использую, когда принимаю решения.
9. В ситуации выбора, я склонен анализировать эффективность используемых мной стратегий.
10. Я перепроверяю и корректирую, если это необходимо, принятое мной решение.
11. Перед тем, как принять решение, я всегда стараюсь все тщательно обдумать и взвесить.

12. Как правило, что-то задумав, я прокручиваю в голове свои замыслы, уточняя детали, рассматривая все варианты.
13. Чаще всего я принимаю обдуманые и взвешенные решения, позволяющие получить желаемые результаты.
14. Когда решение задачи закончено, я спрашиваю себя, достигнуты ли все поставленные цели.
15. Я проверяю, правильно ли я понял задание, перед тем как приступить к решению.
16. Я привык выделять главную мысль в решаемой задаче.
17. Как правило, я лучше понимаю материал, если применяю его на практике.
18. Я осознаю свои интеллектуальные преимущества и ограничения.
19. Я сознательно концентрируюсь на важной для меня информации
20. Я способен хорошо структурировать информацию.
21. Обычно я планирую весь ход решения какой-либо задачи.
22. Я думаю, о том, какая информация мне понадобится, перед тем как приступить к выполнению задания.
23. Я использую разные стратегии в зависимости от ситуации.
24. Я стараюсь прогнозировать возможные результаты решаемой задачи.
25. Я знаю, в каком случае каждая из используемых мной стратегий будет наиболее эффективна.
26. Когда мне не удастся что-либо понять, я изменяю способ работы с информацией.
27. Сначала я определяю общий принцип решения задачи.
28. Я пытаюсь при решении задач использовать те способы и методы, которые срабатывали раньше.
29. Обычно я анализирую промежуточные результаты своей работы.
30. Я слежу за ходом своих мыслей во время выполнения работы.
31. Обычно я перепроверяю, насколько правильно понял, что именно и как надо делать в каждом задании.

Поскольку данная методика носит собственно исследовательский, а не специфически диагностический характер, то общая оценка степени выраженности средств метамышления определяется как простая сумма баллов, по всем ее пунктам.

**Методика дифференцированной экспертной оценки
основных управленческих функций
(процедура разработки и содержание)**

Данная методика направлена на дифференцированную оценку эффективности реализации ряда основных управленческих функций. Следует специально подчеркнуть, что ее целью является не оценка уровня эффективности управленческой деятельности *в целом*, равно как и определение степени компетентности диагностируемого лица, а лишь определение сравнительной степени эффективности некоторых основных функций, что, в свою очередь, непосредственно связано с главными задачами данной работы. Вместе с тем, поскольку предметом исследования являются именно основные – базовые управленческие функции, то ее результаты в существенной мере связаны и с общей эффективностью деятельности. Она базируется на следующих трех группах положений методологического и методического плана.

Во-первых, она основана на наиболее общем и традиционном подходе к анализу управленческой деятельности – *функциональном*. Он, как известно, является и наиболее обоснованным, и общим, позволяющим в достаточно полной форме раскрыть структуру и содержание управленческой деятельности. Его формулировка представляет собой одно из главных достижений «административной школы» А. Файоля [363]. Позднее его основные положения были дополнены в работах Ч. Барнарда [325]. Основной смысл функционального анализа состоит в существовании в структуре управленческой деятельности конкретной системы функций, определяющих ее специфику этой деятельности в целом. Поэтому анализ управленческой деятельности во многом означает ее характеристику с точки зрения функций, реализуемых руководителем. В то же время, учитывать, что определение совокупности управленческих функций, а также их систематизация – их классификация является одной из наиболее сложных задач теории управления. В настоящее время положение о функциональной природе управленческой деятельности является общепризнанным. При этом разными авторами предпринимались попытки по решению данной проблемы; однако разработка целостных и максимально обобщенных концептуальных представлений о системе управленческих функций сопряжена с существенными трудностями. В частности, само по себе большое число и многооб-

разие этих функций значительно осложняет их систематизацию. Более того, до сих пор окончательно не определен и сам их набор. В одних случаях выделяют наиболее приоритетные функции, которые были определены в «административной» школе, в других – и иные многочисленные, более частные функции. В то же время, можно констатировать и разную степень обобщенности функций, что приводит к представленности в общем перечне функции заведомо разного уровня. С этим связан и другой затруднительный момент, который обусловлен взаимосвязью и взаимопроникновением функций. Помимо этого, в деятельности руководителя объективно существуют и базовые («первичные») функции и функции, производные от них, являющиеся продуктом их совместной реализации («вторичные»). К примеру, в качестве такой – синтетической функции рассматривается функция организации, которая интегрирует в себе ряд иных функций (планирование, принятие решения, контроль, мотивирование). Следует также учитывать, что управленческие функции различаются по своей направленности, что обусловлено, в первую очередь, социотехническим характером любой современной организационной системы. И наконец, вся система управленческих функций естественным образом зависит от содержания конкретной деятельности и должностного положения руководителя в иерархии управления.

Все эти обстоятельства, затрудняющие исследование управленческих функций, выдвигают на первый план проблему определения объективных оснований для их систематизации. В плане ее решения, как известно, было выделено три такого рода основания – «измерения» управленческого труда. Первое «измерение» связано с организацией и регуляцией непосредственно деятельности управления. Оно предполагает дифференциацию группы организационно-административных функций (или просто административных). Второе «измерение» связано с воздействием на важнейший и наиболее специфический компонент управленческой деятельности – на других людей, то есть, на персонал в организации и предполагает дифференциацию кадровых функций. И, наконец, третье «измерение» связано с направленностью управленческой деятельности на организацию самого технологического процесса. Оно приводит к дифференциации производственно-технологических функций. Иными словами, три рассмотренные «измерения» – деятельностное (административное), кадровое и производственно-технологическое – направлены, соответственно, на администрирование, на людей и на дело. Наряду с тремя отмеченными группами функ-

ций, существует и еще одна – особая группа функций; это производные (синтетические, комплексные) функции.

Учитывая это, следует констатировать также, что ведущую и определяющую роль во всей системе управленческих функций, образующих «ядро» всей управленческой деятельности, выполняют именно деятельностно-административные функции. В их общем составе наибольшую значимость имеют следующие функции: целеполагания, прогнозирования, принятия решения, планирования, программирования, мотивирования, и контроля. Именно они, в силу этого, и выступили основным предметом данной методики.

Во-вторых, следует учитывать также, что данный подход непосредственно связан с еще одним, также очень общим методологическим подходом – *компетенстным* и, более того, во многом базируется на нем. Данное обстоятельство является особо значимым, поскольку вскрывает тот факт, что сама эта методика позволяет определить не только те или иные функциональные проявления управленческой деятельности, но и в определенной мере раскрыть те собственно психологические детерминанты, которые лежат в их основе. Дело в том, что, как отмечалось в работе, именно по отношению к управленческой деятельности наиболее явно и отчетливо проявляется непосредственная связь ее функциональной природы с общей психологической архитектурой профессиональной деятельности как таковой, зафиксированной в понятии психологической системы деятельности. Она, в свою очередь, образована организованной совокупностью основных функциональных блоков, каждый из которых направлен на реализацию того или иного базового регулятивного процесса по ее организации. Эти процессы зафиксированы в понятии интегральных процессов психической регуляции деятельности и составляют общесистемный регулятивный инвариант. Однако, еще более существенно то, что именно он как раз и лежит в основе дифференциации основных компетенций профессиональной деятельности в целом и управленческой деятельности, в особенности. С позиций данного подхода комплексным – многомерным «носителем» главных оснований (критериев) определения базовых компетенций профессиональной деятельности является не какая-либо – пусть даже и развернутая, но умозрительная конструкция, а сама реально представленная, онтологически существующая психологическая система деятельности. Ее архитектура подробно раскрыта в [292]. Данный подход предполагает дифференциацию психологической системы любой профессиональной деятельности, в том числе и управленческой, на

комплекс воедино связанных в структурно-функциональном отношении «составляющих» – функциональных блоков, образующих целостную психологическую архитектуру деятельности. Следовательно, само понятие психологической системы деятельности, а также ее состав и содержание (архитектоника) выступают не только системным, но и объективным, комплексным критерием для обоснованного определения состава базовых компетенций профессиональной деятельности, в том числе – и управленческой. Это, прежде всего, блоки мотивации деятельности, цели деятельности, программы деятельности, информационной основы деятельности, блок принятия решений, блок профессионально-важных качеств, а также блоки контроля и самоконтроля и коррекции результатов деятельности. Данный подход является наиболее перспективным; с ним солидарны многие исследователи, работающие в русле проблемы определения состава профессиональных компетенций.

В-третьих, при разработке данной методики следует руководствоваться также и принципом *целевого назначения*, то есть исходить из того, на что именно она направлена и каковы ее основные задачи. Их специфика заключается в том, что они носят, прежде всего, именно *исследовательский*, а не собственно диагностический характер (как целый ряд иных методик). Дело в том, что *она* предполагает реализацию по отношению к ее результатам, прежде всего, сравнительно-психологического анализа в аспекте их сопоставления с результатами ряда иных и также исследовательских методик. Такого рода – именно *сравнительный* анализ, в свою очередь, не требует использование абсолютных – количественных (диагностических) оценок. Он базируется на ином способе оценивания – *импсативном*, то есть именно сопоставительном, сравнительном. В его основе лежит не использование «шкал отношений», как это предполагается методиками собственно диагностического плана, а использование «шкал порядка», сущность которых заключается в упорядочивании показателей вдоль некоторого континуума значений. Следовательно, она не должна подвергаться стандартным психометрическим процедурам, включающим известную совокупность основных этапов. В силу этого, для определения степени выраженности того или иного индиката, равно как и степени выраженности общего изучаемого конструкта (в данном случае – эффективности реализации основных управленческих функций), следует базироваться на непосредственном аддитивном, *агрегировании* ответов испытуемых на все пункты опросника, связанные с оп-

ределяемым индикатором, а не подвергать их последующему нормированию, которое, напротив, требуется для методик диагностического типа.

В-четвертых, следует учитывать также, что специфика основных задач данной методики состоит не в том, чтобы дать общую *оценку* степени эффективности реализации изучаемых функций, а в том, чтобы получить релевантные и репрезентативные данные, индицирующие *степень* этой эффективности. В силу этого, по отношению к получаемым в итоге результатам неправомерно применять оценочный подход («правильно – неправильно»). К их интерпретации следует подходить лишь с позиций того, насколько в них *проявляется* эта эффективность. Данное обстоятельство существенно «смягчает» требования к методике и к ее результатам, придавая им, в то же время, существенно большую обоснованность с точки зрения того, насколько они релевантны поставленной задаче.

В-пятых, следует учитывать также, что данный подход уже был успешно реализован в разработанной ранее методике диагностики уровня квалификации педагогических кадров. В силу этого, опыт ее разработки также был в существенной мере учтен при создании данной методики. Более того, по своей структуре она воплощает в себе основные параметры и особенности уже позитивно зарекомендовавшей себя – разработанной ранее методики и может рассматриваться поэтому как ее развитие и конкретизация по отношению к еще одному виду субъект-субъектных деятельностей (управленческой). Следовательно, она может рассматриваться в качестве обоснованной и релевантной в такой же степени, в какой и уже имеющаяся методика. Конкретно, их преемственность заключается в общности следующих основных положений методического плана.

1. Определение эффективности основных деятельностно-административных функций осуществляется в непосредственно связи с базовыми компетенциями и, более того, на их основе.

2. Это означает, в свою очередь, что для оценки каждой из функций используются те индикаторы, которые в наибольшей степени репрезентируют сущность той или иной компетенции и, соответственно, лежащего в ее основе функционального блока психологической системы деятельности (см. ниже).

3. Для определения совокупности такого рода – наиболее релевантных и репрезентативных индикаторов использовался ряд методических процедур предусмотренных методологией экспертной оценки (в частности, метод «частотно-значимостной селекции», метод «концентрации суждений» и др.). Напомним,

что первый из них состоит в следующем. Экспертам выдается бланк, в котором указано достаточно большое число возможных индикаторов, свидетельствующих о степени выраженности той или иной функции; в данном случае их число по отношению к разным функциям варьировало от 30 до 50. Эксперты, в качестве которых выступали сами руководители, должны были выбрать из этого списка 7 наиболее значимых, по их мнению, индикаторов. Затем определялась частота такого рода выборов по всей группе экспертов (их было в общей сложности 12 человек), а тем индикаты, которые характеризовались наибольшей частотой, по понятным причинам и рассматривались в качестве наиболее значимых. Вторым методом состоит в том, что те же эксперты оценивали значимость не уже сформулированных индикаторов (то есть работали не по «закрытому» принципу), а предлагали свои собственные варианты (то есть работали по «открытому» принципу). Те варианты, которые характеризовались наибольшей степенью повторяемости, рассматривались как наиболее значимые. Очень показательным, а в плане обоснованности полученных данных – и доказательным, что результаты, полученные этими двумя методами, оказались весьма сходными, а степень их согласованности составляла 80-85% , что является достаточно высоким значением.

4. В результате применения указанных методов по отношению к каждой компетенции, соотносящейся с той или иной базовой управленческой функцией, были установлены по три основных индиката:

Функция целеполагания.

1 Реалистичность целей, состоящая, прежде всего, в том, что ни должны обладать ключевой и критически значимой особенностью – их реализуемостью

2. Конкретность, означающая не только необходимую степень их детализации, но и их «понимаемость и принимаемость» со стороны исполнителей.

3. Обоснованность, смысл которой состоит в необходимости формулируемых целей именно с точки зрения наиболее насущных задач всей организации, равно как и перспектив ее деятельности.

Функция прогнозирования.

1. Точность предвидения, проявляющаяся, прежде всего, в степени подтверждаемости осуществляемых прогнозных оценок.

2. Знание реального положения дел; на первый взгляд, данный индикат является не вполне специфичным функции прогнозирования, однако он занял очень высокое «частотное» место в экспертных оценках. В действительности,

это вполне объяснимо, поскольку эффективность прогнозов не только во многом зависит именно от знания реального положения дел, но и, фактически, им определяется.

3. Умение использовать прошлый опыт, которое также является важнейшим условием для выработки прогнозных оценок.

Функция принятия решений.

1. Адекватность ситуации, состоящая, во-первых, в степени соответствия сути решения с конкретными особенностями ситуации, а также в их конструктивности в плане ее преодоления. Во-вторых, в степени необходимости реализации в ней именно процессов принятия решения, а не иных – в целом ряде существенно более оправданных средств выхода из ситуации (то есть средств «элиминативного поведения»).

2. Реализуемость, состоящая в том, что вырабатываемые решения должны обладать не столько свойство «абстрактной правильности», сколько «конкретной осуществимости» – быть действенными средствами выхода из ситуации.

3. Конструктивность, состоящая в том, насколько вырабатываемые решения вступают реальными средствами выхода из ситуации.

Функция программирования и планирования.

1. Детализированность – то, насколько планы и разрабатываемые на их основе программы являются конкретными и дифференцированными на отдельные этапы и подэтапы, то есть выступают в качестве алгоритмов действий.

2. Делегированность, состоящая в том, насколько руководитель способен к такому распределению частных задач, предусматриваемых планами и программой, которое соответствует индивидуальным особенностям подчиненных.

3. Ресурсность – умение реально соотносить вырабатываемые планы и программы с реальными ресурсами организации и, следовательно, обеспечивать их реализуемость.

Функция мотивирования.

1. Степень владения средствами «позитивного стимулирования», то есть умение поощрять, причем, в индивидуально специфической форме за успехи.

2. Степень владения тем, что обычно обозначается как «умение спросить», то есть, фактически, владение средствами «негативного стимулирования».

3. Выраженность по отношению к экспертируемому мотивирующего потенциала, связанного с фактором его «личного примера», то есть того, насколько

ко сам руководитель выступает ориентиром для следования ему со стороны подчиненных.

Функция контроля.

1. Степень владения экспертируемым реальной, а не формальной, властью и, соответственно, наличие у него действенных средств контрольных санкций, а потому – и степень зависимости от них самих подчиненных.

2. Неотвратимость, состоящая в том, насколько по отношению к данному руководителю можно говорить о наличии именно систематического контроля, состоящего, во-первых, в том, что результаты «не остаются без внимания» и, во-вторых, насколько он «не боится контролировать других».

3. Превентивность – умение владеть известным «предварительным контролем», то есть создавать такую организационную атмосферу, которая предполагала бы у исполнителей «установку на качество»

Далее, по отношению к каждому индикату определялись наиболее релевантные индикаторы, которые, в свою очередь, уже непосредственно использовались при формулировке базовых пунктов вопросника. Для каждого индиката было сформулировано по 5 пунктов (вопросов). Их совокупность составила общий текст разрабатываемой методики. Причем, ответы на них предполагали дифференцированный характер, в целях чего использовалась пятибалльная шкала.

Эксперту давалась следующая *инструкция*:

«Уважаемый эксперт!

В процессе экспертизы Вам предстоит оценить компетентность руководителя при выполнении им основных своих функций. Вам предлагается оценить ряд утверждений, которые отражают отдельные действия и качества, необходимые для профессиональной деятельности руководителя, используя 5-ти балльную шкалу.

5 – очень высокая степень выраженности указанной в утверждении характеристики. Она проявляется в подавляющем большинстве ситуаций, является устойчивой, полностью соответствует типичным качествам и работе руководителя.

4 – высокая степень выраженности характеристики. Она часто проявляется в управленческих ситуациях. Иногда возникают случаи, когда качества или функционирование руководителя не соответствуют утверждению.

3 – средняя степень выраженности характеристики. В некоторых ситуациях качества и деятельность руководителя соответствуют утверждению, в некоторых – не соответствуют.

2 – слабая степень выраженности характеристики. Она редко проявляется в управленческих ситуациях. Поведение и качества руководителя лишь иногда соответствуют утверждению.

1 – характеристика не представлена в деятельности руководителя. Качества и деятельность руководителя не соответствуют содержанию утверждения.

Отмечайте Ваш ответ знаком «+» в соответствующей колонке».

Текст методики

Целеполагание

1.1. Реалистичность		1	2	3	4	5
1	Определяет и устанавливает ясные цели сотрудникам организации					
2	Умеет выбирать необходимые для реализации цели средства					
3	Четко и однозначно объясняет исполнителю содержание задачи					
4	Оценивает способность исполнителя выполнить задачу с требуемым качеством и в нужные сроки					
5	Хорошо видит и понимает цели организации и способен их достигать					

1.2. Конкретность		1	2	3	4	5
1	Ставит ясные цели перед подчиненными					
2	Определяет приоритеты достижения целей подразделения в соответствии с общими целями организации					
3	Умеет доводить до подчиненных содержание целей работы					
4	Определяет содержание задачи, конечный и промежуточный результаты, шаги и сроки выполнения					
5	Сочетает постановку общих целей и их разделение на подцели					

1.3. Обоснованность		1	2	3	4	5
1	Руководствуется необходимостью в подробном разъяснении подчиненным целей организации					

2	Считает, что выработка цели должна быть подкреплена разнообразной проверенной информацией					
3	Способен учитывать возможно более широкий спектр внутри- и внешнеорганизационных факторов					
4	Умеет применять профессиональные навыки для достижения поставленной цели					
5	Проверяет понимание исполнителем содержания задачи, требований к качеству результата и срокам выполнения					

2. Прогнозирование

2.1. Точность предвидения		1	2	3	4	5
1	Способен предвидеть, как поступит любой из подчиненных в той или иной ситуации					
2	Способен учитывать возможные последствия принимаемых решений, действий и поступков, прогнозировать развитие событий					
3	Умеет заранее предвидеть возможные срывы и неудачи в работе					
4	Предпринимает действия по саморазвитию в тех областях, которые требуют улучшения					
5	При выработке решений в равной степени руководствуется и настоящим, и будущим					

2.2. Знание реального положения дел		1	2	3	4	5
1	Адекватно оценивает свои сильные и слабые стороны					
2	Знает текущую обстановку в организации, при прогнозировании будущего чаще склонен ожидать худшего, чем лучшего исхода					
3	Способен видеть и учитывать реальную ситуацию в организации с точки зрения ее ключевых субъектов					
4	Адекватно учитывает реальную оценку организации со стороны партнеров и конкурентов					
5	Владеет информацией о ключевых рисках организации					

2.3. Умение использовать прошлый опыт		1	2	3	4	5
1	Анализирует и систематизирует поступающую информацию, выделяя главное					
2	Хорошо знает достоинства, недостатки и другие					

	особенности своих подчиненных и самого себя					
3	Ориентируется в изменяющейся ситуации на основе личного профессионального опыта					
4	Придерживается, в основном, консервативных взглядов в управлении					
5	Владеет информацией об уровне профессионализма каждого из сотрудников					

3. Принятие решения

3.1. Адекватность ситуации		1	2	3	4	5
1	Способен реально оценивать свои возможности и ограничения в вырабатываемых решениях					
2	Обладает необходимыми знаниями в той области, в которой специализируется организация					
3	Критически оценивает задачи, стоящие перед организацией					
4	При принятии решений базируется на большом объеме информации					
5	Подробно анализирует проблемную ситуацию					

3.2. Реализуемость		1	2	3	4	5
1	Учитывает по возможности все, в том числе незначительные, факторы, оказывающие влияние на выработку решения					
2	Руководствуется тем, что не лучшее, но осуществимое решение ценнее, чем иные его варианты					
3	При выработке решений в качестве важнейшего фактора учитывает временные условия его принятия					
4	Разрабатывает различные варианты решения проблемной ситуации в зависимости от ее возможных изменений					
5	Заранее и конкретно определяет круг лиц, на которых будет возложена обязанность выполнения решения					

3.3. Конструктивность		1	2	3	4	5
1	Умеет четко выделять недостатки возможных альтернатив					
2	Предпочитает, чтобы решения принимались теми, кто в большей степени информирован, чем он					
3	Умеет выделять наиболее вероятные варианты разрешения ситуации					
4	Руководствуется правилом: лучше частичное раз-					

	решение ситуации, чем неопределенный поиск полного разрешения					
5	Умеет эффективно использовать в решениях опыт подчиненных и их ресурсы					

4. Программирование и планирование

4.1. Детализированность		1	2	3	4	5
1	Планирует повседневные дела согласно определенным принципам					
2	Планирует текущие и перспективные работы подразделения в соответствии с целями организации и подразделения					
3	Оптимизирует состав работ с учетом ограничений по ресурсам					
4	Учитывает и четко распределяет имеющиеся временные ресурсы, выдерживает сроки выполнения работ					
5	Детально планирует работу всего коллектива					

4.2. Делегирование		1	2	3	4	5
1	Адекватно понимает и учитывает задачи, место и роль каждого сотрудника в процессе командной работы					
2	Четко и однозначно объясняет исполнителю содержание задачи					
3	Способен определять и формулировать требования к качеству результата и срокам выполнения, Исходя из индивидуальных особенностей исполнителей					
4	Способен рационально и эффективно использовать возможности подчиненных, поручая им выполнение заданий					
5	Распределяет поручения подчиненным исходя из сочетания их особенностей и производственной необходимости					

4.3. Ресурсность		1	2	3	4	5
1	При принятии решений способен к всесторонней опоре на опыт и квалификацию своих подчиненных					
2	Адекватно оценивает и распределяет ресурсы (человеческие, временные, финансовые и др.), необходимые для выполнения запланированных работ					
3	Оптимизирует состав работ с учетом ограничений					

	по времени					
4	Планирует работы и занятость персонала, необходимые ресурсы заранее					
5	Владеет средствами расширения ресурсной базы принимаемых решений					

5. Мотивирование

5.1. Поощрение		1	2	3	4	5
1	Знает и умеет применять средства учета индивидуальных особенностей поощрения сотрудников					
2	Знает и учитывает реальные потребности сотрудников					
3	Систематически поощряет и стимулирует работников, успешно справляющихся со своими обязанностями					
4	Стимулирует создание позитивной атмосферы в организации					
5	Обеспечивает для подчиненных благоприятные условия продвижения по службе					

5.2. Наказание		1	2	3	4	5
1	Способен резко критиковать некачественно выполненную сотрудниками работу					
2	Умеет определять индивидуальные воздействия на сотрудника с целью вызвать желательное поведение					
3	Регулярно принуждает подчиненных к работе					
4	Умеет «спросить с подчиненных»					
5	Не боится «видеть недостатки» в работе подчиненных					

5.3. Личный пример		1	2	3	4	5
1	Обладает способностью «повести за собой»					
2	Адекватно воспринимает и учитывает оценку себя и своего поведения подчиненными					
3	Предлагает новые идеи, подходы к решению проблем					
4	Выходит за рамки формальных требований при выполнении своих обязанностей					
5	Берет на себя дополнительные работы, даже если они не являются его должностными обязанностями					

6. Контроль

6.1. Превентивность		1	2	3	4	5
1	Заранее планирует наиболее важные организационные мероприятия и возможные риски в них					
2	Создает атмосферу высокой ответственности за общеорганизационные и индивидуальные результаты					
3	Умеет разрабатывать и поддерживать четкую и понятную для подчиненных систему контроля в организации					
4	Способен определять основные формы и виды работ, по которым необходим более детальный контроль					
5	Оперативно перераспределяет работы между сотрудниками при возникновении затруднений с учетом загрузки и квалификации или при изменении целей и задач					

6.2. Неотвратимость		1	2	3	4	5
1	Регулярно контролирует соответствие результата заданным требованиям					
2	Систематически информирует о содержании и формах контрольных мероприятий					
3	Планирует будущие формы контроля работы сотрудников в соответствии с целями организации и подразделения					
4	Устанавливает возможные формы и сроки мероприятий по контролю результатов трудового процесса					
5	Задаёт контрольные «точки» проверки хода выполнения запланированных работ					

6.3. Реальная власть		1	2	3	4	5
1	Умеет требовать от других качественного и своевременного выполнения задания, установленного распорядка					
2	Владеет реальными рычагами воздействия на подчиненных					
3	Способен определять общее мнение сотрудников организации					
4	Склонен к жесткому типу управления коллективом					
5	Обеспечивает сохранение за собой определяющей роли в принятии организационных решений					

Пункты методики, направленные на оценку различных функций, комплексировались таким образом, чтобы обеспечить чередование по ним, а общий текст опросника представлен в следующем виде.

	Пункты опросника	1	2	3	4	5
1	Определяет и устанавливает ясные цели сотрудникам организации					
2	Способен предвидеть, как поступит любой из подчиненных в той или иной ситуации					
3	Способен реально оценивать свои возможности и ограничения в вырабатываемых решениях					
4	Планирует повседневные дела согласно определенным принципам					
5	Знает и умеет применять средства учета индивидуальных особенностей поощрения сотрудников					
6	Заранее планирует наиболее важные организационные мероприятия и возможные риски в них					
7	Умеет выбирать необходимые для реализации цели средства					
8	Способен учитывать возможные последствия принимаемых решений, действий и поступков, прогнозировать развитие событий					
9	Обладает необходимыми знаниями в той области, в которой специализируется организация					
10	Планирует текущие и перспективные работы подразделения в соответствии с целями организации и подразделения					
11	Знает и учитывает реальные потребности сотрудников					
12	Создает атмосферу высокой ответственности за общеорганизационные и индивидуальные результаты					
13	Четко и однозначно объясняет исполнителю содержание задачи					
14	Умеет заранее предвидеть возможные срывы и неудачи в работе					
15	Критически оценивает задачи, стоящие перед организацией					
16	Оптимизирует состав работ с учетом ограничений по ресурсам					
17	Систематически поощряет и стимулирует работников, успешно справляющихся со своими обязанно-					

	стями					
18	Умеет разрабатывать и поддерживать четкую и понятную для подчиненных систему контроля в организации					
19	Оценивает способность исполнителя выполнить задачу с требуемым качеством и в нужные сроки					
20	Предпринимает действия по саморазвитию в тех областях, которые требуют улучшения					
21	При принятии решений базируется на большом объеме информации					
22	Учитывает и четко распределяет имеющиеся временные ресурсы, выдерживает сроки выполнения работ					
23	Стимулирует создание позитивной атмосферы в организации					
24	Способен определять основные формы и виды работ, по которым необходим более детальный контроль					
25	Хорошо видит и понимает цели организации и способен их достигать					
26	При выработке решений в равной степени руководствуется и настоящим, и будущим					
27	Подробно анализирует проблемную ситуацию					
28	Детально планирует работу всего коллектива					
29	Обеспечивает для подчиненных благоприятные условия продвижения по службе					
30	Оперативно перераспределяет работы между сотрудниками при возникновении затруднений с учетом загрузки и квалификации или при изменении целей и задач					
31	Ставит ясные цели перед подчиненными					
32	Адекватно оценивает свои сильные и слабые стороны					
33	Учитывает по возможности все, в том числе незначительные, факторы, оказывающие влияние на выработку решения					
34	Адекватно понимает и учитывает задачи, место и роль каждого сотрудника в процессе командной работы					
35	Способен резко критиковать некачественно выполненную сотрудниками работу					
36	Регулярно контролирует соответствие результата заданным требованиям					
37	Определяет приоритеты достижения целей подраз-					

	деления в соответствии с общими целями организации					
38	Знает текущую обстановку в организации, при прогнозировании будущего чаще склонен ожидать худшего, чем лучшего исхода					
39	Руководствуется тем, что не лучшее, но осуществимое решение ценнее, чем иные его варианты					
40	Четко и однозначно объясняет исполнителю содержание задачи					
41	Умеет определять индивидуальные воздействия на сотрудника с целью вызвать желательное поведение					
42	Систематически информирует о содержании и формах контрольных мероприятий					
43	Умеет доводить до подчиненных содержание целей работы					
44	Способен видеть и учитывать реальную ситуацию в организации с точки зрения ее ключевых субъектов					
45	При выработке решений в качестве важнейшего фактора учитывает временные условия его принятия					
46	Способен определять и формулировать требования к качеству результата и срокам выполнения, Исходя из индивидуальных особенностей исполнителей					
47	Регулярно принуждает подчиненных к работе					
48	Планирует будущие формы контроля работы сотрудников в соответствии с целями организации и подразделения					
49	Определяет содержание задачи, конечный и промежуточные результаты, шаги и сроки выполнения					
50	Адекватно учитывает реальную оценку организации со стороны партнеров и конкурентов					
51	Разрабатывает различные варианты решения проблемы в зависимости от ее возможных изменений					
52	Способен рационально и эффективно использовать возможности подчиненных, поручая им выполнение заданий					
53	Умеет «спросить с подчиненных»					
54	Устанавливает возможные формы и сроки мероприятий по контролю результатов трудового процесса					
55	Сочетает постановку общих целей и их разделение на подцели					
56	Владеет информацией о ключевых рисках органи-					

	зации					
57	Заранее и конкретно определяет круг лиц, на которых будет возложена обязанность выполнения решения					
58	Распределяет поручения подчиненным исходя из сочетания их особенностей и производственной необходимости					
59	Не боится «видеть недостатки» в работе подчиненных					
60	Задаёт контрольные «точки» проверки хода выполнения запланированных работ					
61	Руководствуется необходимостью в подробном разъяснении подчиненным целей организации					
62	Анализирует и систематизирует поступающую информацию, выделяя главное					
63	Умеет четко выделять недостатки возможных альтернатив					
64	При принятии решений способен к всесторонней опоре на опыт и квалификацию своих подчиненных					
65	Обладает способностью «повести за собой»					
66	Умеет требовать от других качественного и своевременного выполнения задания, установленного распорядка					
67	Считает, что выработка цели должна быть подкреплена разнообразной проверенной информацией					
68	Хорошо знает достоинства, недостатки и другие особенности своих подчиненных и самого себя					
69	Предпочитает, чтобы решения принимались теми, кто в большей степени информирован, чем он					
70	Адекватно оценивает и распределяет ресурсы (человеческие, временные, финансовые и др.), необходимые для выполнения запланированных работ					
71	Адекватно воспринимает и учитывает оценку себя и своего поведения подчиненными					
72	Владеет реальными рычагами воздействия на подчиненных					
73	Способен учитывать возможно более широкий спектр внутри- и внешнеорганизационных факторов					
74	Ориентируется в изменяющейся ситуации на основе личного профессионального опыта					
75	Умеет выделять наиболее вероятные варианты разрешения ситуации					
76	Оптимизирует состав работ с учетом ограничений					

	по времени					
77	Предлагает новые идеи, подходы к решению проблем					
78	Способен определять общее мнение сотрудников организации					
79	Умеет применять профессиональные навыки для достижения поставленной цели					
80	Придерживается, в основном, консервативных взглядов в управлении					
81	Руководствуется правилом: лучше частичное разрешение ситуации, чем неопределенный поиск полного разрешения					
82	Планирует работы и занятость персонала, необходимые ресурсы заранее					
83	Выходит за рамки формальных требований при выполнении своих обязанностей					
84	Склонен к жесткому типу управления коллективом					
85	Проверяет понимание исполнителем содержания задачи, требований к качеству результата и срокам выполнения					
86	Владеет информацией об уровне профессионализма каждого из сотрудников					
87	Умеет эффективно использовать в решениях опыт подчиненных и их ресурсы					
88	Владеет средствами расширения ресурсной базы принимаемых решений					
89	Берет на себя дополнительную ответственность, даже если она не связана прямо его должностными обязанностями					
90	Обеспечивает сохранение за собой определяющей роли в принятии организационных решений					

Ключ к методике:

Целеполагание: №№ 1, 7, 13, 19, 25, 31, 37, 43, 49, 55, 61, 67, 73, 79, 85.

Прогнозирование: №№ 2, 8, 14, 20, 26, 32, 38, 44, 50, 56, 62, 68, 74, 80, 86.

Принятие решения: №№ 3, 9, 15, 21, 27, 33, 39, 45, 51, 57, 63, 69, 75, 81, 87.

Планирование и программирование: №№ 4, 10, 16, 22, 28, 34, 40, 46, 52, 58, 64, 70, 76, 82, 88.

Мотивирование: №№ 5, 11, 17, 23, 29, 35, 41, 47, 53, 59, 65, 71, 77, 83, 89.

Контроль: №№ 6, 12, 18, 24, 30, 36, 42, 48, 54, 60, 66, 72, 78, 84, 90.

Определение степени сравнительной эффективности исследуемых функций осуществлялось суммированием оценок по всем пунктам опросника. Соотносящихся с ее индикатами. Следовательно, каждая из функций могла в принципе получить оценку от 9 баллов (минимальная) до 45 баллов (максимальная), что обеспечивает достаточно высокую разрежающую способность методики.

Итак, данная методика имела следующую принципиальную структуру, которая обеспечивала ее релевантность задачам, на которые она направлена:

Уровень интегрального конструкта: управленческая деятельность в целом.

Уровень парциальных конструктов: основные управленческие функции.

Уровень индикатов: частные компетенции, соотносимые с каждой из основных функций.

Уровень индикаторов: деятельностные проявления частных компетенций.

Методики экспериментального и эмпирического исследования метакогнитивных детерминант управленческой деятельности

Одной из наиболее актуальных является задача разработки таких методов и методик, которые позволяли бы исследовать метакогнитивные процессы и качества, а также иные факторы метапознавательного плана именно в структуре целостной профессиональной деятельности – в качестве ее психологических детерминант. Вместе с тем, такая разработка может быть реализуемой лишь в том случае, если будут решены вопросы более общего, то есть методологического характера, связанные с проблемой метода метакогнитивизма в целом и спецификой исследования метакогнитивных процессов и качеств в реальной, естественной деятельности, в особенности. При решении данной задачи необходимо учитывать очень явную специфику метакогнитивных процессов (и, соответственно, тех качеств, в которых они находят свое итоговое – результативное проявление). Эта специфика эксплицируется через «двуединство» следующих их атрибутивных черт. С одной стороны, все метакогнитивные процессы не имеют своего автономного и самостоятельного – так сказать «итогового продукта», результата. Они в принципе не проявляются *непосредственно* в каком-либо результате – в той или иной качественной характеристике деятельности, поведения, общения и пр. В связи с этим, конкретно-психологическое исследование детерминационных функций метакогнитивных процессов по отношению к деятельностным и поведенческим проявлениям может быть только принципиально *опосредствованным*. С другой стороны, все эти процессы характеризуются и еще одной – впрочем, тесно связанной с предыдущей, особенностью. Она имеет два аспекта и состоит в следующем.

Во-первых, их влияние на деятельностные и поведенческие проявления носит не только принципиально опосредствованный, но и столь же принципиально *синтетический*, интегративный характер. Будучи «вторичными» по своей психологической природе, они всегда оказывают детерминирующее влияние на деятельность, поведение – вообще, на любой результат в *комплексе* с тем или иным «первичным» когнитивным процессом. Более того, они могут синтезироваться не только с каким-либо одним процессом, а с целым рядом процессов. Так, например, операциональные механизмы мышления могут «оборачиваться» на самоё себя, в результате чего порождается процесс метамышления.

Однако они же могут «накладываться» и на мнемические процессы, в результате чего порождаются средства и операции мнемотехнического плана, составляющие важный аспект другого метакогнитивного процесса – метапамяти. Во-вторых, еще одной яркой особенностью метакогнитивных процессов является то, что они характеризуются теснейшими – по существу, неразрывными связями друг с другом. В этом отношении они «повторяют» в своей организации принципы структурирования «первичных» когнитивных процессов. Метакогнитивные процессы в реальности осуществляют свои функции в целом и оказывают свое детерминирующее воздействие на деятельностные проявления лишь в комплексе друг с другом – *целостно*. Другими словами, эффекты структурной организации и феномены целостности принципиально неустранимы из этого влияния, а его исследование также должно осуществляться, прежде всего, не на аналитическом уровне изучения, а на *структурном* уровне. Очень важно и то, что именно на этом уровне – уровне, в значительно большей степени сохраняющем реальную целостность организации метакогнитивных детерминант, их влияние может быть *принципиально объективировано*. Оно непосредственно проявляется в тех или иных *внешних*, то есть именно объективных деятельностных и поведенческих «индикаторах». И как таковое – внешнее, объективное оно допускает свою фиксацию и затем – использование полученных данных в исследовательских целях.

Ссинтезируя две отмеченные выше – атрибутивные особенности всех метакогнитивных детерминант, можно сделать следующее обобщающее заключение методологического плана. Методологически корректное исследование детерминационных функций метакогнитивных процессов может и должно быть, во-первых, *принципиально опосредствованным* и, во-вторых, столь же *принципиально структурным*.

Конструктивность такого заключения проявляется вполне очевидным образом. Действительно, оно не только допускает, но и требует конкретизацию следующего плана. Реально онтологически, а потому объективно метакогнитивные детерминанты проявляются не просто *опосредствованно*, а *деятельностно-опосредствованно*, поскольку вся их *структура* как раз и представлена в качестве *системы* воедино связанных регулятивных аспектов общего процессуально-психологического обеспечения деятельности. То, каким образом – содержательно, структурно, организационно и пр., они структурированы и ком-

плексированы друг с другом, а также то, как представлены все иные их базовые характеристики, будет непосредственно проявляться в различиях осуществлении самой деятельности – в различиях и процессуального и результативного характера. Следовательно, через дифференциацию деятельностных параметров открывается возможность исследования, фактически, всех основных характеристик самих метакогнитивных процессов. Причем, подчеркнем, это исследование будет сохранять важнейшую их черту – структурность организации, их принципиально интегративный характер и комплексность их детерминирующей роли по отношению к деятельности.

Необходимо отметить, что охарактеризованный выше методологический подход является, по существу, одним из конкретных проявлений еще более общего методологического принципа – принципа *деятельностно-опосредствованного* исследования (ДОИ). Он хорошо зарекомендовал себя как эвристичное средство организации психологических исследований в целом и профессиографических исследований, в особенности. Это – и принцип активного оператора, и полунатурное моделирование в психологии труда, и принцип уровневого воспроизведения содержательных характеристик деятельности в инженерной психологии. Кроме того, в этом же ряду – и еще более общие подходы: принцип субъекта деятельности и принцип личностного опосредствования (см. анализ этих подходов в [125]). Все эти подходы и принципы не только могут, но и должны быть восприняты и развиты в русле психологического изучения метакогнитивных процессов. Одним из конкретных способов такого развития и является принцип ДОИ. Его конструктивность проявляется тем, что на его основе оказывается возможной разработка целого ряда конкретных и достаточно методик исследования метакогнитивных детерминант деятельности.

5.1. Методика «деятельностного зондирования». Так, по отношению к исследованию метакогнитивной сферы личности как комплексного регулятора деятельностной и поведенческой активности он может быть конкретизирован до методики, которую целесообразно обозначить как методика *«деятельностного зондирования»*. Ее суть состоит в том, что посредством нее метакогнитивные детерминанты деятельности исследуются не прямо и непосредственно, то есть не на основе интроспективных техник (что, как показано выше, чревато существенными трудностями и порождает основную проблему методов метакогнитивизма – проблему объективности данных), а существенно иначе. Это

реализуется опосредствованно, точнее – *деятельностно-опосредствованно*. Вся выборка лиц, придающих участие в исследовании, дифференцируется на подгруппы, согласно какому-либо *внешнему*, то есть деятельностному, а потому – *объективному* критерию на ряд подгрупп. В этих целях достаточно хорошо зарекомендовал себя, в частности, метод «полярных групп» Д. Фланагана. Он, как известно, предписывает дифференциацию выборки на подгруппы «лучших», «средних» и «худших» по тому или иному критерию. Далее по отношению в первой и третьей из этих подгрупп проводится комплексная психодиагностика уровня развития основных параметров метакогнитивной сферы. Поскольку сами эти подгруппы значимо и существенно дифференцированы именно по деятельностному параметру, то на их материале открываются благоприятные возможности для экспликации различий в собственно психологическом обеспечении деятельности. В частности, это означает, что все те различия, которые, возможно, существуют и в плане организации метакогнитивной сферы, будут обусловлены именно деятельностными факторами. Иначе говоря, именно эти факторы и будут выступать в данном случае дифференцирующим критерием того, как организовано психологическое обеспечение самой деятельности в аспекте ее метакогнитивных детерминант. Другими словами, сама деятельность – точнее, уровень ее сформированности и, соответственно, успешности будет выступать в этом случае своеобразным «зондом», позволяющим эксплицировать специфику и содержание организации любых ее психологических детерминант – в особенности детерминант метакогнитивного плана.

Далее по отношению к результатам психодиагностического обследования могут применяться практически любые средства обработки и интерпретации данных. Однако наиболее конструктивным в этом плане, как показывает наш опыт, является реализации методологии структурно-психологического анализа в целом и метода нахождения матриц интеркорреляций метакогнитивных детерминант (с последующим построением на их основе структурограмм и их анализом). Особо следует подчеркнуть, что метод «деятельностного зондирования» допускает свою реализацию в целом ряде конкретных вариантов. Так, например, выборка может быть дифференцирована не только по критерию различий в эффективности деятельности *в целом*, а по любым иным – более локальным критериям – показателям ее организации (например, по ее основным параметрам – качеству, производительности, надежности). Кроме того, необхо-

димо подчеркнуть, что данная методика открывает практически неограниченные возможности для дифференцированного исследования метакогнитивных процессов и качеств на деятельность в плане ее обусловленности самыми различными детерминантами и факторами. Так, она может быть реализована в плане определения роли, например, роли *стажных* детерминант на специфику метакогнитивной регуляции деятельности: в этом случае выборка просто дифференцируется по критерию величины стажа, а далее – к сформировавшимся таким образом подвыборкам применяется уже охарактеризованная выше процедура. Она же может быть реализована и по отношению к специфике метакогнитивной регуляции в двух основных *типах* деятельности – субъект-объектном и субъект-субъектном. В этом случае осуществляется все та же процедура, но дифференциация выборки осуществляется уже по иному критерию – критерию различий в типах деятельности. Она может быть реализована и в плане определения воздействия метакогнитивных детерминант на влияние на деятельность собственно личностных детерминант. Причем, речь идет не только о влиянии этих детерминант на традиционно изучающиеся профессионально-важные качества, но и на особую категорию личностных детерминант – на профессионально-негативные качества. Именно это и было сделано нами в исследовании [125]. Наконец, она же может быть реализована и для выявления специфики метакогнитивной регуляции, например, в деятельности *управленческого* и *исполнительского* типа. Здесь «работает» все та же процедура, хотя дифференциация выборки осуществляется по другому принципу – по различиям в типах деятельности (управленческой или же исполнительской). По существу, речь во всех этих вариантах идет о различных модификациях того, что в методологии психологического исследования обозначается понятием «внешнего критерия».

Необходимо подчеркнуть, что методика «деятельностного зондирования» допускает свою реализацию не только в виде дифференциации выборки по «внешнему критерию». Она может быть реализована и в варианте, предполагающем дифференциацию по «внутреннему критерию», то есть по параметру, который заложен внутри самой деятельности и, более того, – параметра, который отражает и воплощает какую-либо ее базовую особенность. В частности, «деятельностная дифференциация» может быть осуществлена по отношению к важнейшему аспекту ее организации – *уровневому*. Он в наибольшей мере отражает основной план организации деятельности – структурно-уровневый.

5.2. *Методика «стилевой дифференциации»*. Все охарактеризованные выше варианты методики «деятельностного зондирования» имеют еще одну – наиболее общую черту. Дело в том, что данная методика в целом позволяет исследовать метакогнитивные детерминанты в аспекте их соотношения с одной – вполне определенной метасистемой, которой в данном случае и выступает *деятельность*. Вместе с тем, наряду с ней, метакогнитивные детерминанты включены и в иные – столь же важные метасистемы, реализуя по отношению к ним свои регулятивные функции. Следовательно, во взаимодействии с ними, могут быть заложены основания для возможности разработки дополнительных методических средств исследования этих детерминант. Как известно, еще одной базовой метасистемой, которая является онтологически первичной по отношению к метакогнитивной сфере, является, разумеется, сама *личность* субъекта деятельности. Данная метасистема, имеет множество проявлений и модусов; она эксплицируется, в том числе, и в *стилевых различиях* осуществления деятельности. Подчеркнем, что проявления личности в стиле носят как известно, интегративный характер. В данном отношении уместно вспомнить известное выражение «человек – это стиль». Следовательно, не только возможна, но и необходима еще одна «плоскость» исследования метакогнитивных детерминант – собственно личностная. При этом дифференциация должна производиться по стиливым параметрам. В дальнейшем интерпретация с помощью методологии структурно-психологического анализа должна реализовываться по отношению к тем подвыборкам, которые и образуются в соответствии со стиливыми различиями. Например, в этом плане могут быть отмечены те результаты, которые характеризуют специфику метакогнитивной регуляции процессов *принятия решения* в управленческой деятельности в зависимости от основных стиливых различий в их реализации. Так, при этом нами было, в частности, показано, что степень структурной организации метакогнитивных детерминант является *наибольшей* по отношению именно к *наиболее* эффективному «решенческому» стилю – ситуационному. Одновременно она последовательно снижается при переходе к все менее эффективным «решенческим» стилям. На основе реализации факта стиливых различий появляется, таким образом, возможность разработки еще одной новой методики исследования метакогнитивных процессов и качеств, которую можно обозначить как методику *стилевой дифференциации*. Она – в более общем плане основана уже не на включенности метакогнитивных

процессов и качеств в метасистему деятельности, а на их включенность в другую метасистему – в личность субъекта деятельности.

Наконец, необходимо иметь в виду и то, что, наряду с двумя указанными – основными метасистемами (деятельностью и личностью), в которые реально включены метакогнитивные процессы и качества, существует еще одна базовая метасистема. Это, разумеется, метасистема, образованная всем комплексом средств и механизмов, соотносящихся с «феноменом *сознания*» (мы используем здесь термин «феномен» не столько в его непосредственном значении, сколько в плане указания на данную метасистему как таковую). Именно сознание, осознаваемая регуляция как таковая очень полно и самым непосредственным образом соотносится с сутью метакогнитивной сферы. Более того, сама эта сфера в определенном смысле – это и есть сознание как таковое (по крайней мере, – его операционная основа). На основе этой органичной связи возможна разработка еще одной методики, направленной на изучение метакогнитивной сферы личности. Ее суть состоит в следующем.

5.3. *Методика «рефлексивного расслоения».* Мы уже отмечали, что «критериальная дифференциация» выборки может быть представлена в двух разновидностях – как ее расслоение по «внешнему критерию», так и как ее расслоение по «внутреннему критерию». В свою очередь, «внутренний критерий» может иметь разную локализацию. В описанном выше случае он был локализован внутри деятельности – дифференциация осуществлялась по признаку уровневой принадлежности метакогнитивным детерминантам к тому или иному структурному уровню деятельности. Однако данный критерий может локализовываться и внутри другой метасистемы – он может носить уже не объектный (деятельностный), а субъектный характер. В частности, это означает, что выборка может быть дифференцирована по такому – выражаясь метафорически, «максимально субъектному», а потому – предельно внутреннему критерию, каковым выступает мера *рефлексивности* самого субъекта. При этом необходимо учитывать также, что именно в уровне рефлексивности находят свое максимально обобщенное, интегративное проявление все метакогнитивные параметры личности в целом. Более того, как показано нами в [125], сама рефлексивность как таковая является итоговым – результативным проявлением и синергетическим эффектом всех иных – более локальных процессов и качеств метакогнитивного плана; она выступает их результативным, а потому синтетиче-

ским проявлением. Следовательно, именно через «рефлексивное расслоение» и «в нем» проявляется наиболее глубинные, сущностные закономерности и механизмы собственно метакогнитивного плана. В связи этим, не только возможно, но и необходимо дифференцированное изучение метакогнитивной сферы на основе именно данного параметра. Такое изучение требует еще одного методического подхода, еще одной методики, которая также была разработана нами и получила обозначение как методика «*рефлексивного расслоения*». Ее суть состоит в том, что вся выборка дифференцируется по параметру степени рефлексивности (здесь также может быть использована уже описанный метод «полярных групп»). Затем по отношению к сформированным подгруппам (низкореклексивных, среднереклексивных и высокореклексивных индивидов) реализуется общая процедура структурно-психологического анализа. Кроме того, хорошо зарекомендовал себя и такой «вспомогательный прием», как целенаправленное – фокусированное формирование подвыборок. Он предполагает не просто расслоение исходной выборки на три подгруппы, а специальный подбор лиц в каждую из трех подгрупп таким образом, чтобы в них вошли индивиды, действительную, с низкой, средней и высокой степень развития рефлексивности. Данный прием обозначается еще и как метод «растягивания выборки по тому или иному параметру – в данном случае по рефлексивности.

Важной особенностью всех трех охарактеризованных выше методик («деятельностного зондирования», «стилевой дифференциации» и «рефлексивного расслоения») является то, что они допускают свою реализацию и по отношению к тем материалам, которые были получены в ходе многих исследований, выполненных ранее и в связи с иной проблематикой, нежели непосредственное изучение метакогнитивных детерминант. В этом плане они могут быть проинтерпретированы как комплексные средства обработки – точнее, реинтерпретации данных, полученных в связи с исследованием иных вопросов. Это оказывается возможным потому, что дифференциация – расслоение выборки может быть осуществлено по отношению к широкому спектру профессиографических исследований, поскольку их неперенным атрибутом (и даже императивным требованием к ним) как раз и является обязательная фиксация основных деятельностных параметров – прежде всего, результативных. В силу этого, они вполне допускают дифференцированное исследование многих субъектных детерминант (в том числе, разумеется, и метакогнитивного плана). Данный прием

можно обозначить как метод *реконструктивно-психологического* анализа деятельности и ее субъектных детерминант.

5.4. *Методика «факторных декомпозиций»*. Наряду с тремя охарактеризованными выше методиками, нами была разработана и еще одна – отличающаяся в процедурном плане от них методика, которая также вполне позитивно зарекомендовала себя при исследовании метакогнитивных процессов и качеств личности. По своей основной идее она является развитием и модификацией известной методологии факторного планирования эксперимента и обозначена нами как методика *«факторных декомпозиций»*. Ее сущность состоит в следующем. Как известно, одной из основных техник организации (дизайна) эксперимента является метод факторного планирования. В свою очередь, метод факторного *планирования* предполагает рассмотрение независимых переменных, как минимум, на двух их значениях (обычно, это минимальное и максимальное значения), а затем – построение «факторной матрицы», то есть факторного плана экспериментов, образованного сочетаниями «степеней свободы» независимых переменных. В простейшем варианте это – матрица размерностью 2×2 и объемом в 4 сочетания. Подчеркнем, что все это осуществляется *до* проведения самого исследования, лежит в основе его последующего проведения (почему собственно сам метод и обозначается как факторное *планирование*).

Вместе с тем, аналогичный прием может быть реализован не *до*, а *после* исследования – после получения того или иного массива экспериментальных или любых иных эмпирических результатов. При этом также осуществляется определенным образом организованная «декомпозиция» – дифференциация этих результатов. Простейший, хотя и наиболее часто используемый способ такой декомпозиции – это дифференциация результатов на основе сочетания двух каких-либо критериев. Поясним сказанное. Допустим, рассматриваются два каких-либо фактора, оказывающих влияние на эффективность профессиональной деятельности (или любого иного «внешнего критерия»). Тогда из всей совокупности лиц, принимающих участие в исследовании, должны быть отобраны те, которые характеризуются значимыми различиями по степени выраженности у них именно этих факторов. Они – факторы выступают при этом в качестве аналогов независимой переменной, а уровни их развития – в качестве аналогов значений этой переменной (минимального и максимального). Посредством комбинации этих значений образуются четыре подгруппы. Они

представляются в виде уже отмеченной выше «факторной матрицы», в ячейки которой заносятся значения «внешнего критерия» (например, параметров эффективности деятельности). После этого по отношению к такому представлению эмпирических результатов реализуется стандартная и отмеченная выше процедура обработки.

Так, например, в исследовании участвует определенная группа лиц, которые, разумеется, имеют разную степень развития каких-либо характеристик. Поэтому каждый из них может быть отнесен в определенную группу с тем или иным *сочетанием* развитости этих характеристик. Далее на основе сочетания этих параметров (в простейшем случае также используются обычно два каких-либо дифференцирующих параметра) может быть составлена матрица, имеющая размерность 2×2 и объем в 4 «ячейки». После этого для каждой сформированной таким образом группы определяется среднее значение того или иного показателя (например, выполнения экспериментальной деятельности), а последующая обработка результатов осуществляется способами, которые существуют в методологии факторного планирования. Напомним, что основными среди них являются определение так называемых «автономных влияний» каждой независимой переменной на зависимую переменную, а также *коэффициента взаимодействия* между ними. Последний наиболее показателен и интересен в психологическом смысле, поскольку он позволяет определить характер и степень *взаимодействия* между изучаемыми факторами; иначе говоря, – выявить эффекты супераддитивности в действии факторов на какой-либо «внешний критерий».

Другими словами, если рассматриваются два каких-либо фактора, оказывающих влияние на эффективность профессиональной деятельности (или любого иного «внешнего критерия»), то из всей совокупности лиц, принимающих участие в исследовании, должны быть отобраны те, которые характеризуются значимыми различиями по степени выраженности у них именно этих факторов. Факторы выступают при этом в качестве аналогов независимой переменной, а уровни их развития – в качестве аналогов значений этой переменной (минимального и максимального). Посредством комбинации этих значений образуются четыре подгруппы. Они представляются в виде уже отмеченной выше «факторной матрицы», в ячейки которой заносятся значения «внешнего критерия» (например, параметров эффективности деятельности).

Таким образом, вся совокупность представленных выше материалов в существенной степени содействует решению двух наиболее значимых, но одновременно – и наиболее трудных проблем современного метакогнитивизма в части его методических оснований. Во-первых, они позволяют повысить степень *объективности* получаемых эмпирических и профессиографических данных. Тем самым создаются необходимые и во многом достаточные предпосылки для решения двуединой задачи. С одной стороны, как отмечалось выше, практически все методы, используемые в метакогнитивизме, базируются на самонаблюдении и являются, по существу, различными модификациями интроспективных техник сбора первичной эмпирической информации. В связи с этим, *основной* методологической проблемой при исследовании метакогниций как раз и является проблема объективности и точности метакогнитивных суждений. Сформулированный выше общий методологический подход, предполагающий синтез деятельностно-ориентированных методов исследования метакогнитивных процессов и качеств с различными техниками собственно экспериментального и феноменологического плана, позволяет осуществить не только взаимное дополнение получаемых с их помощью результатов, но и реализовать их взаимную *верификацию*. В силу этого, он является действенным средством обеспечения объективно важнейшего гносеологического требования – обеспечения достоверности и верифицируемости результатов эмпирического плана. С другой стороны, все предложенные в данной статье конкретные методы и процедуры носят, как можно видеть из их характеристики, не альтернативный, а именно взаимно *дополнительный* характер. Поэтому они допускают возможность (и, более того, – необходимость) их *комплексного* применения, поскольку именно их комплекс является наиболее действенным средством решения еще одной важной задачи – экспликации возможно *большого объема* информации о предмете исследования. Кроме того это же обстоятельство – не только комплексный, но и взаимно дополнительный характер методов и методик – также создает новые возможности для верификации данных, получаемых посредством каждой из них.

Во-вторых, сформулированные выше представления содействуют также и обеспечению большей экологической валидности этих данных, поскольку вполне допускают свою реализацию не только в абстрактно-аналитических условиях экспериментального исследования, но и в условиях изучения реальной

профессиональной деятельности. В силу этого, открываются новые возможно и вырисовываются вполне конкретные перспективы для решения задачи, являющейся, по мнению многих исследователей не просто «очень важной», но и *критически значимой* для развития, по существу, любого научного направления. Это, как известно, задача обеспечения экологической валидности эмпирического базиса того или иного направления и, соответственно, валидности, а в конечном счете, – обоснованности и корректности осуществляемых на его основе теоретических обобщений. Следовательно, она во многом эквивалентна задачи наиболее общего и, фактически, «терминального» характера – задаче обеспечения обоснованности и корректности собственно теоретических, то есть концептуальных представлений о предмете исследования. Именно эта задача не только не решена, но и практически даже не сформулирована в явном виде в современном метакогнитивизме. С позиций предложенного выше общего подхода, равно как и разработанного в его рамках конкретных методов и методик деятельностно-опосредствованного исследования данная задача, как можно видеть из представленных данных, также получает новый импульс для своего конструктивного решения.

**Первичные результаты реализации методики «Комплексный опросник
метакогнитивного потенциала» (КОМП) по отношению
к выборке руководителей**

ПС И	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА	Σ
№ 1	49	43	35	46	37	48	55	51	364
№ 2	28	44	43	35	28	37	27	40	282
№ 3	57	29	24	40	36	50	49	41	326
№ 4	48	37	52	58	54	60	49	45	403
№ 5	35	57	44	49	60	30	49	43	363
№ 6	57	55	68	47	64	51	44	42	442
№ 7	60	58	60	65	55	60	57	69	484
№ 8	32	37	53	47	50	36	37	29	321
№ 9	48	30	35	44	44	49	55	57	362
№ 10	20	25	19	18	31	36	32	25	206
№ 11	28	22	37	39	30	35	25	28	244
№ 12	31	28	21	28	37	34	39	22	240
№ 13	44	46	40	34	33	32	38	54	321
№ 14	42	28	29	40	33	39	42	35	288
№ 15	31	39	28	25	21	22	39	37	242
№ 16	23	14	21	24	15	15	23	27	162
№ 17	67	49	63	54	61	46	52	49	441
№ 18	45	44	55	36	25	44	35	36	320
№ 19	54	63	50	49	34	36	41	37	364
№ 20	64	50	54	49	51	39	53	45	407
№ 21	25	35	37	39	30	28	23	25	242
№ 22	42	35	36	39	35	28	29	39	283
№ 23	34	38	53	45	48	33	40	30	321
№ 24	48	59	61	45	56	48	39	46	402
№ 25	19	27	20	17	19	15	21	22	160
№ 26	68	63	56	65	51	45	41	55	444
№ 27	50	68	68	66	52	52	68	52	483
№ 28	44	52	47	49	35	44	49	45	365
№ 29	42	48	33	27	41	49	47	42	322
№ 30	37	32	32	39	37	42	28	33	280
№ 31	57	39	57	41	49	59	53	52	407

№ 32	31	35	16	22	23	21	24	30	202
№ 33	15	20	18	14	12	14	15	12	120
№ 34	59	65	55	44	68	52	49	51	443
№ 35	39	55	31	38	29	39	41	49	321
№ 36	48	60	56	53	46	48	50	48	409
№ 37	23	20	14	24	18	27	21	15	162
№ 38	42	44	50	55	36	27	30	38	322
№ 39	44	60	53	42	57	66	57	62	441
№ 40	57	66	64	66	50	56	59	65	484
№ 41	42	44	37	61	43	57	37	47	363
№ 42	36	46	46	25	24	30	38	36	281
№ 43	40	46	52	53	33	28	28	40	320
№ 44	45	37	28	32	34	32	42	35	285
№ 45	28	26	22	29	31	35	32	39	242
№ 46	19	32	19	24	33	20	26	34	207
№ 47	66	66	64	69	61	67	62	67	522
№ 48	44	51	33	57	38	31	31	39	324
№ 49	65	64	64	54	65	63	53	55	482
№ 50	40	59	56	64	67	60	57	46	449
№ 51	36	46	65	48	55	49	55	51	405
№ 52	37	34	32	22	32	38	27	21	243
№ 53	54	38	41	46	43	62	43	37	364
№ 54	41	45	52	57	29	24	30	50	328
№ 55	60	51	51	36	42	41	42	44	367
№ 56	26	39	22	34	23	27	31	39	241
№ 57	32	36	20	16	29	15	31	29	208
№ 58	67	54	59	42	57	63	49	50	443
№ 59	16	17	23	29	19	17	23	24	168
№ 60	38	45	35	60	27	25	44	47	321
№ 61	65	67	62	69	66	66	66	62	522
№ 62	20	22	17	30	28	29	36	28	210
№ 63	63	44	47	35	42	38	43	49	361
№ 64	43	25	33	39	46	29	28	37	280
№ 65	42	48	44	33	39	39	48	30	323
№ 66	26	48	52	46	37	50	36	30	325
№ 67	36	45	49	52	56	49	35	47	369
№ 68	53	51	44	49	51	61	52	41	402
№ 69	59	46	76	60	61	50	48	47	447
№ 70	69	68	55	68	52	61	49	62	484

№ 71	29	21	39	32	28	28	35	31	243
№ 72	38	31	28	31	45	33	34	47	289
№ 73	39	47	44	61	34	30	32	36	323
№ 74	44	27	30	35	39	35	37	34	281
№ 75	61	44	42	49	60	32	44	35	367
№ 76	28	21	31	29	31	33	29	38	240
№ 77	37	45	39	42	28	31	30	33	285
№ 78	63	58	38	51	56	49	52	40	407
№ 79	51	66	66	46	68	56	44	40	446
№ 80	18	22	16	22	23	25	23	15	164
№ 81	69	58	60	66	56	64	61	54	488
№ 82	68	66	65	61	66	61	68	67	522
№ 83	38	35	61	55	39	45	37	50	360
№ 84	31	25	28	37	39	43	40	37	280
№ 85	53	47	42	43	39	38	29	29	320
№ 86	50	41	59	57	37	35	48	36	363
№ 87	48	40	35	46	54	66	52	60	401
№ 88	23	34	39	37	31	31	23	27	244
№ 89	30	24	31	30	18	25	25	19	202
№ 90	13	22	26	30	17	20	21	16	165
№ 91	66	53	66	64	57	50	59	61	482
№ 92	56	49	53	61	52	42	50	41	404
№ 93	38	42	35	55	52	51	48	41	362
№ 94	37	46	45	31	26	35	32	30	283
№ 95	50	24	41	43	36	39	38	49	320
№ 96	33	45	42	48	30	31	29	26	284
№ 97	35	34	39	26	24	32	28	25	243
№ 98	46	58	50	58	49	61	50	35	407
№ 99	23	28	17	36	27	29	26	20	208
№ 100	66	62	64	69	67	68	64	62	522
№ 101	35	28	31	33	20	19	22	15	203
№ 102	52	60	46	45	50	42	35	33	363
№ 103	46	27	44	47	28	40	49	48	329
№ 104	35	43	45	28	27	32	38	37	285
№ 105	43	62	36	54	46	44	44	37	366
№ 106	31	35	32	23	28	25	36	35	244
№ 107	30	34	24	31	24	20	21	18	202
№ 108	13	15	14	19	16	15	20	16	128
№ 109	57	67	69	48	51	61	44	48	445

№ 110	45	38	39	46	29	32	47	50	324
№ 111	41	42	29	27	40	25	47	30	281
№ 112	38	29	35	27	24	31	31	30	245
№ 113	62	48	39	44	52	61	58	42	406
№ 114	25	43	41	39	47	25	32	30	282
№ 115	60	42	48	35	53	47	48	30	368
№ 116	44	59	57	45	58	52	51	39	405
№ 117	28	25	19	35	30	17	31	18	203
№ 118	14	18	19	25	29	16	22	23	166
№ 119	44	49	31	34	32	29	33	32	284
№ 120	54	53	35	39	29	40	38	39	327

Обозначения: И – испытуемые; ПС – основные подсистемы: МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКо – метакоммуникативная, П – процедуральная, М – мониторинговая, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная, Σ – общий балл по методике КОМП.

**Первичные данные процедуры экспертной оценки эффективности
управленческой деятельности**

Э; К		В				П				Н			
		1Э		2Э		1Э		2Э		1Э		2Э	
		1к	2к	1к	2к	1к	2к	1к	2к	1к	2к	1к	2к
I	1					60	50	70	60	60	35	40	80
I	2					80	40	65	50	55	50	40	80
I	3					65	60	50	70	65	70	30	35
I	4					55	35	65	55	60	35	80	70
I	5					50	65	50	50	60	45	45	55
I	6					80	30	85	40	60	35	70	55
I	7					55	65	55	50	40	70	70	55
I	8					65	60	50	80	80	55	65	45
I	9					55	40	75	75	65	80	45	45
I	10					55	75	45	85	60	55	55	50
I	11					75	90	45	65	55	60	60	65
I	12					70	60	65	55	60	75	45	65
I	13					55	50	40	50	50	45	80	85
I	14					70	45	55	45	45	70	75	45
II	15	85	65	70	75	80	75	75	60	85	70	80	80
II	16	65	75	80	80	55	85	75	70	90	80	70	75
II	17	67	87	81	77	89	76	53	68	59	83	72	77

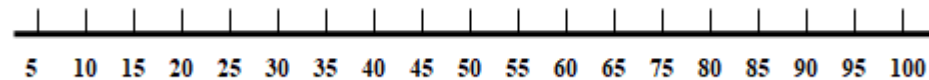
II	18	80	50	80	85	80	65	80	65	60	80	75	65
II	29	50	75	75	85	90	75	85	85	70	70	70	65
II	20	65	90	85	80	75	75	85	80	70	70	75	65
II	21	70	80	85	85	85	85	80	75	70	65	70	56
II	22	90	70	80	75	70	85	50	75	75	75	80	90
II	23	55	70	70	75	85	85	85	90	80	75	75	70
II	24	75	85	70	75	55	70	80	70	80	70	75	80
II	25	80	70	80	85	75	75	70	80	85	55	75	85
II	26	75	55	90	80	80	70	65	55	90	85	80	70
II	27	70	75	85	85	80	75	70	55	75	80	80	75
II	28	80	80	55	75	80	75	80	80	80	70	75	75
II	29	65	55	75	75	85	85	85	90	75	60	75	75
II	30	75	80	60	80	80	85	80	70	70	65	80	75
II	31	70	85	85	75	70	75	75	80	65	80	65	80
II	32	75	70	85	75	80	80	5	70	55	80	75	70
III	33	75	75	65	65	80	55	70	60	70	60	70	70
III	34	80	70	80	55	85	55	55	75	70	50	85	50
III	35	85	65	70	65	70	60	90	55	65	70	65	55
III	36	75	75	70	70	70	75	70	55	60	60	65	70
III	37	70	75	65	70	80	70	55	60	70	70	70	70
III	38	70	60	70	75	80	75	50	65	70	60	70	70
III	39	83	62	80	73	60	69	65	78	67	64	57	58
III	40	80	75	70	70	75	65	75	70	60	60	60	65
III	41	75	65	75	65	75	80	60	45	80	65	70	70
III	42	85	70	70	65	75	50	80	65	70	70	65	55
III	43	80	70	80	60	80	60	60	75	70	55	80	55

III	44	70	90	70	65	55	70	60	70	75	70	60	65
III	45	75	85	70	70	65	70	65	55	60	60	65	70
III	46	80	65	80	70	70	70	65	80	65	65	50	60
III	47	75	75	85	50	75	65	60	80	70	55	75	50
III	48	70	85	75	65	55	75	50	65	70	70	70	65
III	49	65	70	80	70	60	65	65	60	70	70	65	65
III	50	75	50	75	50	60	85	80	80	70	65	65	70
III	51	70	70	65	65	75	80	55	85	80	70	65	45
III	52	70	65	80	65	65	50	60	65	70	70	60	70
III	53	80	70	85	65	80	60	60	55	75	60	75	55
III	54	75	80	70	60	65	75	70	60	60	65	65	70
III	55	70	75	70	70	70	85	60	80	60	50	65	65
III	56	70	80	65	65	55	70	60	65	75	70	60	65
III	57	65	65	60	70	75	80	80	70	60	70	65	55
III	58	85	80	60	65	45	55	70	65	70	70	75	75
III	59	75	55	55	75	75	80	65	55	75	60	80	80
III	60	80	75	70	70	75	75	70	70	60	55	65	60
III	61	75	70	80	65	80	80	60	70	50	55	65	70
III	62	70	50	75	70	70	70	80	60	65	75	60	60
III	63	70	75	70	70	65	80	80	70	55	55	65	65
III	64	75	60	65	70	55	80	80	70	75	65	65	60
III	65	65	80	80	65	65	60	60	80	55	80	70	65
III	66	75	80	75	60	60	65	75	70	55	65	65	70
III	67	80	75	65	70	70	70	50	60	75	75	70	65
III	68	70	70	65	70	70	70	80	80	60	80	50	50
III	69	75	80	75	65	55	75	60	65	70	70	65	65

IV	60	50	80	55	65	60	80	60	70	60	55	50	70
IV	71	75	70	55	65	60	60	75	70	65	60	50	70
IV	72	70	75	50	70	50	70	75	65	70	65	55	60
IV	73	70	65	55	75	70	55	50	75	60	45	70	55
IV	74	65	80	70	55	60	55	60	50	55	75	60	65
IV	75	80	50	45	50	70	75	80	65	70	60	50	50
IV	76	65	70	70	70	55	75	70	65	75	60	50	55
IV	77	65	65	65	45	55	50	50	70	70	70	50	75
IV	78	70	70	65	70	65	70	55	65	55	70	50	60
IV	79	65	75	70	75	80	55	50	65	60	55	55	50
IV	80	80	70	60	70	85	50	65	50	60	65	55	55
IV	81	70	55	65	55	55	55	55	70	80	85	75	55
IV	82	55	70	60	70	55	50	50	75	60	55	80	75
IV	83	55	70	75	55	60	55	60	65	70	70	50	70
IV	84	70	80	65	75	45	50	65	65	55	70	65	55
IV	85	67	72	73	75	78	54	51	68	62	54	59	53
IV	86	65	76	68	63	63	52	62	47	53	75	63	69
IV	87	75	50	75	50	75	70	65	50	80	55	55	55
IV	88	65	60	70	55	50	55	55	60	85	80	65	50
IV	89	55	60	50	75	70	50	65	75	75	55	55	80
IV	90	65	70	75	70	45	55	55	50	70	75	55	65
IV	91	70	80	65	55	75	55	75	60	60	55	50	50
IV	92	55	55	70	50	55	70	80	65	65	60	60	55
IV	93	70	65	70	60	60	65	70	75	55	65	50	55
IV	94	70	70	75	65	65	45	65	50	50	70	65	65
IV	95	65	65	65	50	50	70	55	70	70	75	55	55

IV	96	70	55	65	60	50	60	75	70	45	60	65	60
IV	97	80	70	80	65	60	45	60	55	56	60	62	56
V	98	45	65	70	55	55	60	45	55				
V	99	55	65	70	50	40	65	45	65				
V	100	55	55	50	55	65	60	70	50				
V	101	70	45	45	60	60	75	60	50				
V	102	40	56	40	70	50	65	65	50				
V	103	50	60	55	55	60	60	50	55				
V	104	55	60	50	55	60	65	35	55				
V	105	70	65	60	65	40	35	35	60				
V	106	50	65	70	50	45	50	50	55				
V	107	55	55	40	55	60	45	60	70				
V	108	50	75	70	50	40	55	55	50				
V	109	55	55	65	60	50	60	40	55				
V	110	35	55	30	75	60	60	60	60				
V	111	65	70	50	60	50	55	40	50				
V	112	60	70	55	45	50	45	50	65				
V	113	55	35	65	55	55	50	60	65				
V	114	55	65	60	55	60	50	40	55				
V	115	65	55	45	60	60	50	55	50				
V	116	45	40	50	50	60	65	65	70				
V	117	50	55	50	50	35	65	70	65				
V	118	65	75	75	45	40	35	45	60				
V	119	60	55	55	55	50	65	50	50				
V	120	80	55	55	60	50	40	50	55				

Обозначения: Э – эксперты; К – критерии; В, П, Н – иерархическое положение экспертов: соответственно, вышележащее по отношению к экспертируемому, паритетное с ним и нижележащее по отношению к нему; 1Э, 2Э – два эксперта на каждом из трех уровней; УП – уровневая принадлежность экспертируемых: I и V – соответственно, руководители высшего и низшего звена; уровень среднего звена был дифференцирован на три подуровня – на руководителей «верхнего среднего» звена (II), собственно среднего звена (III) и «нижнего среднего» звена (IV); по отношению к экспертируемым руководителям высшего звена (I) по объективным причинам проводилась оценка только экспертами паритетного и нижележащего уровня; по отношению к экспертируемым низшего звена (V) по тем же причинам оценка проводилась только экспертами высшего и паритетного уровня. Оценки представлены в 100-балльной шкале, которая является прямым аналогом процентного способа выражения тех или иных показателей. Данное обстоятельство является важным в том плане, что в качестве экспертов выступили практические работники, для которых именно этот способ представления является наиболее привычным и понятным. Кроме того, для оптимизации процедуры оценивания использовался «графический способ» ответов, предусматривающий опору на шкалу, проградуированную с «шагом» (то есть с «ценой деления») в пять процентов и имеющую следующий вид.

В силу этого, все данные представлены в значениях, кратных этой «цене». Другими словами, с одной стороны, фактически использовалась 20-балльная шкала оценивания, имеющая, как известно, достаточно высокую разрешающую способность, а с другой, являющаяся весьма удобной в практическом применении, поскольку оценки представлялись не в самих баллах, а в процентных значениях.

Матрицы интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в группах руководителей с различным метакогнитивным потенциалом

Матрица интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в группе руководителей с относительно низким значением метакогнитивного потенциала

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	-0,331*	-0,173	0,252	0,204	0,104	-0,153	0,382*
МР		1,00	0,022	-0,165	-0,206	0,068	-0,105	0,079
МЭ			1,00	0,521**	0,002	0,114	0,193	0,654**
МКо				1,00	0,149	0,178	0,506**	0,657**
П					1,00	0,364*	0,023	0,112
М						1,00	-0,211	0,169
ИН							1,00	0,111
ИА								1,00

Матрица интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в группе руководителей со средним значением метакогнитивного потенциала

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	-0,341*	0,385*	0,072	0,400*	0,043	0,074	0,329*
МР		1,00	0,184	0,113	0,652**	0,501**	0,631**	0,148
МЭ			1,00	-0,187	0,330*	-0,167	0,206	-0,275
МКо				1,00	0,201	0,209	0,392*	0,128
П					1,00	0,503**	0,680**	0,077
М						1,00	0,151	0,394*
ИН							1,00	-0,610**
ИА								1,00

Обозначения: ПС – подсистемы: МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКо – метакоммуникативная, П – процедуральная, М – мониторинговая, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

Матрица интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в группе руководителей с относительно высоким значением метакогнитивного потенциала

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	-0,649**	0,703**	-0,408**	0,080	0,436**	-0,33*	0,504**
МР		1,00	0,07	-0,523**	0,004	0,600**	-0,173	0,203
МЭ			1,00	0,563**	-0,584**	-0,423**	0,154	0,603**
МКо				1,00	-0,315	0,094	0,271	0,420**
П					1,00	0,147	0,078	0,316*
М						1,00	-0,501**	-0,152
ИН							1,00	0,007
ИА								1,00

Обозначения: ПС – подсистемы: МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКо – метакоммуникативная, П – процедуральная, М – мониторинговая, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

**Первичные данные исследования взаимодействия метакогнитивной
и процедуральной подсистем методом факторных декомпозиций**

		МК				
		-		+		
П	-	360	312	300	361	316
		302	380	310	316	
		323	310	331	345	
		390	334	401	326	
		302	302	328	331	
		272	214	302	351	
		324	244	326	360	
		270	292	362	261	
		294	302	334	331	
	332	281	246	301		
	+	402	314	398	416	356
		283	322	450	400	
		362	314	401	442	
		277	327	435	330	
		347	342	412	380	
		310	297	379	470	
		262	295	384	379	
		222	299	402	350	
312		302	365	399		
341	310	420	288			
		307		366		

Обозначения: МК – метакогнитивная подсистема; П – процедуральная подсистема; в ячейках матрицы представлены индивидуальные значения степени выраженности метакогнитивного потенциала для каждого из испытуемых из четырех групп (то есть для групп, образованных следующими сочетаниями: МК⁻П⁻ – группа, образованная лицами с низкой степенью развития метакогнитивной и процедуральной подсистем; МК⁺П⁻; МК⁻П⁺; МК⁺П⁺ – групп, образованных различными комбинациями минимальной и максимальной степени развития данных подсистем) по методике КОМП; 316 и 356 – средние значения общего метакогнитивного потенциала по строкам; 307 и 366 – его средние значения по столбцам.

Данные исследования взаимодействия метакогнитивной и ингибиторной подсистем методом факторных декомпозиций

		МК				
		-		+		
ИН	-	318	308	363	321	350
		306	273	392	277	
		402	372	381	421	
		301	288	390	393	
		306	214	352	390	
		316	328	394	373	
		300	315	433	411	
		343	308	507	394	
		244	308	465	391	
		328	312	392	403	
ИН	+	313	390	384	382	371
		384	375	252	382	
		203	350	356	512	
		388	310	401	377	
		328	332	396	352	
		410	368	363	410	
		360	392	387	456	
		517	407	433	380	
		270	367	412	307	
		336	330	311	368	
		334		387		

Обозначения: МК – метакогнитивная подсистема; ИН – ингибиторная подсистема; «-» и «+» – соответственно минимальная и максимальная степени развития этих подсистем. В ячейках представлены индивидуальные значения общей степени метакогнитивного потенциала для каждого из испытуемых; 350 и 371 – средние значения по строкам; 334 и 387 – средние значения по столбцам.

Первичные результаты диагностики основных когнитивных и метакогнитивных параметров

П И	М	МП	ИРФ	ПД	ЗМ	МАІ	СП	ШМП	LS	GE	AN	ОО	ОЗА	ГС	З	ОЗ	ЛП	Вб	ВН	Вс
№ 1	12	23	36	13	3	205	14	39	12	14	11	20	12	8	4	7	5	5	8	5
№ 2	24	14	29	12	5	206	3	41	14	16	10	13	4	15	6	4	6	7	5	4
№ 3	27	21	35	14	6	206	15	33	7	8	7	14	11	12	3	4	5	2	5	6
№ 4	15	23	29	11	8	204	8	36	12	13	18	22	12	13	10	6	7	7	3	5
№ 5	23	15	36	15	3	204	4	28	8	9	12	14	8	15	6	4	3	3	8	5
№ 6	10	13	38	19	8	202	8	37	8	16	14	19	8	10	9	2	7	2	4	6
№ 7	22	8	24	15	7	202	4	44	11	12	12	16	15	6	9	8	7	5	8	10
№ 8	25	20	25	10	7	203	3	29	16	12	16	14	14	12	7	7	5	5	4	2
№ 9	19	23	35	7	5	202	11	34	11	11	17	21	15	11	4	5	8	5	4	5
№ 10	21	25	40	8	2	201	9	45	12	14	14	14	7	12	3	4	4	8	4	4
№ 11	19	20	41	13	7	202	9	41	11	10	13	12	4	7	7	6	6	4	5	8
№ 12	26	18	41	9	4	202	10	37	14	11	14	19	16	14	8	4	6	4	3	6
№ 13	14	16	46	16	5	200	7	44	10	10	18	22	17	18	4	5	3	3	7	4
№ 14	16	18	38	8	4	201	16	40	11	18	13	13	6	13	4	7	4	4	5	4
№ 15	18	11	43	16	4	201	12	37	16	16	11	15	10	14	4	3	3	6	6	5
№ 16	21	26	29	12	6	214	2	43	12	14	19	22	14	14	5	4	6	4	5	3
№ 17	14	13	31	11	9	201	12	38	18	14	11	14	11	17	3	8	6	5	7	8
№ 18	17	15	39	14	4	198	5	42	13	16	16	12	17	9	5	5	7	3	4	10
№ 19	18	28	29	9	3	197	8	44	10	15	16	19	18	8	8	6	9	6	4	3
№ 20	17	13	25	7	7	197	12	38	9	11	12	26	14	14	5	3	4	8	4	3
№ 21	11	25	47	18	3	196	4	39	9	10	19	13	14	16	4	5	5	6	7	5
№ 22	14	29	33	13	5	195	14	31	6	16	12	17	12	12	8	4	4	6	6	8
№ 23	21	25	47	6	6	195	13	45	13	15	10	12	11	15	5	4	3	4	2	4
№ 24	20	14	41	17	6	194	17	37	12	13	15	18	12	12	7	7	3	8	5	4

№ 25	13	22	34	8	8	193	4	33	13	12	9	18	17	15	9	1	6	4	8	3
№ 26	19	17	44	15	4	190	3	38	16	17	12	28	14	13	2	2	8	8	1	7
№ 27	17	19	37	12	6	205	4	43	12	14	11	15	13	5	4	5	5	3	5	2
№ 28	27	27	47	8	7	248	12	38	14	11	16	18	15	17	6	6	4	2	7	7
№ 29	21	12	38	17	4	240	4	37	14	13	13	12	11	15	3	7	7	4	8	9
№ 30	19	30	45	15	1	238	18	42	11	16	18	12	17	14	5	2	8	4	9	2
№ 31	12	25	35	12	5	179	7	41	13	6	14	19	12	13	4	5	6	8	5	1
№ 32	17	28	42	12	8	196	3	43	12	12	14	18	9	12	3	4	4	5	3	5
№ 33	15	11	41	11	4	203	10	41	15	10	12	11	9	16	3	7	6	3	4	6
№ 34	20	16	38	9	8	184	7	36	11	9	16	14	13	15	6	5	5	6	3	7
№ 35	24	12	38	14	4	186	1	29	12	10	17	18	11	19	8	8	4	5	5	7
№ 36	11	24	41	8	9	174	8	37	17	8	17	23	11	13	3	4	9	7	5	7
№ 37	23	14	38	9	3	172	13	38	13	9	14	12	16	10	7	2	4	3	6	9
№ 38	13	26	38	8	7	168	11	44	12	13	16	25	10	12	4	6	3	4	2	2
№ 39	15	30	43	10	4	175	9	42	8	16	12	16	9	15	6	6	5	5	7	3
№ 40	15	24	38	13	2	201	18	40	9	18	11	18	7	12	4	3	7	5	4	3
№ 41	18	18	39	14	6	214	4	41	10	13	14	12	13	9	7	4	4	10	4	5
№ 42	16	22	37	10	3	216	5	42	10	11	16	10	16	14	6	8	3	3	9	2
№ 43	14	14	45	11	8	206	2	45	12	9	8	22	14	13	4	4	4	5	6	7
№ 44	22	16	34	12	3	197	9	48	15	11	14	14	12	9	5	4	7	6	5	4
№ 45	24	21	28	9	7	173	11	42	17	9	7	18	14	14	3	5	2	7	5	7
№ 46	12	29	29	3	4	189	11	35	14	8	11	15	13	15	8	9	4	4	5	4
№ 47	23	9	34	14	10	208	3	36	16	8	13	19	17	8	5	3	6	8	7	8
№ 48	16	21	38	8	2	212	10	42	12	14	11	20	12	10	7	5	4	8	5	4
№ 49	19	27	37	15	6	203	4	40	8	13	14	12	10	8	3	5	3	4	4	4
№ 50	14	15	38	13	6	177	14	41	6	13	9	17	14	15	8	7	5	3	7	6
№ 51	17	20	40	12	8	191	15	41	11	12	13	19	10	11	6	5	5	7	3	8
№ 52	25	14	42	7	4	188	5	39	15	17	15	24	8	11	4	6	6	4	8	2
№ 53	17	18	44	9	3	204	3	38	17	16	9	21	12	15	6	8	8	6	8	4
№ 54	28	16	29	16	6	186	2	44	19	13	8	23	17	13	9	4	4	5	6	1

№ 55	15	21	35	15	4	213	18	42	12	12	12	17	12	12	5	4	2	2	5	5
№ 56	18	30	34	4	5	215	19	47	10	11	12	19	11	15	4	7	6	4	6	8
№ 57	19	27	28	15	8	171	8	42	8	9	7	22	12	17	3	3	4	8	6	4
№ 58	14	18	42	6	3	186	10	37	8	7	18	16	12	7	6	8	4	5	6	7
№ 59	16	13	38	9	5	208	15	41	11	11	11	14	14	13	8	5	3	5	5	4
№ 60	12	24	34	11	7	174	10	38	16	9	19	12	16	14	4	8	4	6	4	4
№ 61	21	16	37	10	4	197	17	39	11	14	12	27	6	17	4	4	5	10	3	7
№ 62	15	14	41	14	3	202	3	41	9	8	13	23	8	11	7	4	3	3	7	9
№ 63	20	17	40	12	4	200	13	42	7	10	13	17	11	11	4	6	7	3	1	6
№ 64	22	21	43	9	7	190	15	43	9	11	8	19	9	12	8	3	5	6	6	4
№ 65	14	23	28	4	10	202	4	29	10	13	18	21	12	13	3	6	9	8	4	3
№ 66	21	16	36	14	3	202	14	44	11	16	14	24	17	9	3	4	4	3	2	6
№ 67	17	18	32	16	5	206	9	31	15	18	11	13	14	16	6	6	5	4	5	6
№ 68	19	27	37	7	2	214	2	28	13	19	18	15	14	10	4	7	2	3	5	7
№ 69	13	12	31	9	5	188	9	46	13	15	13	19	12	13	5	4	7	3	4	5
№ 70	15	17	45	11	4	200	3	48	12	9	11	15	6	10	4	5	8	9	2	8
№ 71	18	19	47	13	8	202	4	33	11	11	9	17	18	15	5	6	4	5	6	3
№ 72	16	14	34	15	3	187	10	31	15	8	15	23	15	12	7	7	4	6	8	7
№ 73	20	12	46	8	9	179	18	47	14	20	14	24	13	12	8	5	6	3	5	6
№ 74	15	17	32	10	4	192	18	42	14	12	15	17	11	11	6	5	8	5	6	3
№ 75	25	28	29	12	2	190	12	42	15	12	13	18	12	16	6	6	4	8	7	3
№ 76	17	22	33	9	6	205	7	38	12	16	12	24	14	14	4	4	6	6	4	7
№ 77	18	11	28	9	7	291	15	44	14	10	9	17	17	14	8	6	5	5	7	6
№ 78	14	26	46	12	6	209	8	41	11	11	14	19	15	15	5	7	5	5	4	4
№ 79	16	24	44	8	5	204	4	45	12	13	14	25	11	13	7	6	4	7	3	5
№ 80	17	28	34	14	5	193	19	42	15	14	12	21	12	12	4	3	7	6	8	6

Обозначения: П – диагностируемые параметры, И – испытуемые, LS – субтест «логический отбор» из методики ТУС Р. Амтхауэра; GE – субтест из этой же методики, направленный на исследование способности к абстрагированию и оперированию вербальными понятиями; AN – субтест «анalogии» из этой же методики, направленный на исследование комбинаторных способностей и

операций по аналогии. ОО – субтест «определение общего», направленный на оценку операций абстрагирования и обобщения, ОЗ – субтест «определение закономерностей», направленный на наиболее значимые мыслительные операции – анализ и синтез, ГС – субтест «геометрическое сложение», направленный на определение способности к оперированию двухмерными образами, пространственному воображению, З – субтест «запоминание», направленный на диагностику уровня развития вербальной кратковременной памяти; ОЗ – опосредствованное запоминание, ЛП – логическая память, Вб – воображение, ВН – интегральный показатель диагностики аттенционных процессов, Вс – восприятие (последние пять параметров диагностировались посредством разработанных в [91] методик). ММ – метамышление, МП – метапамять, ИРФ – интегральный уровень рефлексивности, ПД, СП – шкалы «планирование действий» и «самопроверка» из методики Д. Эверсон, ЗМ – «знание мониторинга», МАІ – метакогнитивная включенность в деятельность, ШМП – шкала метакогнитивного поведения по методике Д. ЛаКоста. Данные по каждому метакогнитивному параметру представлены в «сырых» единицах тех методик, которые использованы при их диагностике. Данные по «первичным» когнитивным параметрам LS, GE, AN, ОО, ОЗА и ГС представлены в единицах методики Р. Амтхауэра, а по параметрам ОЗ, ЛП, Вб, ВН и ВС – в стенах; данные представлены в единицах соответствующих методик.

Подгруппа с относительно наиболее высокими значениями
метакогнитивного потенциала

О	LS	GE	AN	ОО	ОЗА	ГС	З	ОЗ	ЛП	ВБ	ВН	ВС
LS	1,00	-0,659**	0,320	0,208	-0,152	0,603**	0,267	-0,212	0,455*	0,114	0,48*	0,523*
GE		1,00	0,052	0,002	0,172	0,149	0,114	-0,623**	0,208	0,352	0,201	0,102
AN			1,00	0,204	0,201	0,645**	0,632**	0,116	0,124	0,577**	-0,101	0,285
ОО				1,00	0,591**	0,303	0,246	0,260	0,077	0,262	0,208	0,061
ОЗА					1,00	0,589**	0,169	-0,131	0,302	0,315	-0,119	0,203
ГС						1,00	0,102	0,653**	0,076	0,213	0,347	0,082
З							1,00	0,328	0,704**	0,459	0,154	0,085
ОЗ								1,00	0,214	0,323	-0,083	0,004
ЛП									1,00	0,213	0,101	0,602**
ВБ										1,00	0,109	0,608**
ВН											1,00	0,684**
ВС												1,00

Обозначения: LS, GE, AN, ОО, ОЗА – показатели субтестов из методики Р. Амтхауэра; ЛП – данные по методике на логическую память, ВБ, ВН, ВС – соответственно, данные по методикам на диагностику имагинативных, аттенционных и перцептивных операций.

**Матрицы интеркорреляций метакогнитивных («вторичных») параметров
при различных значениях метакогнитивного потенциала**

Матрица интеркорреляций метакогнитивных («вторичных») параметров
в подгруппе с относительно наиболее низким метакогнитивным потенциалом

П	ММ	МП	ИРФ	ПД	ЗМ	МАИ	СМП	MSLQ
ММ	1,00	0,621**	0,604**	0,352	0,327	0,443	0,386	0,403
МП		1,00	0,149	-0,477*	0,004	0,088	0,276	0,247
ИРФ			1,00	0,004	0,267	0,125	0,106	-0,504*
ПД				1,00	-0,523*	0,539*	0,462*	0,066
ЗМ					1,00	0,181	0,202	0,455*
МАИ						1,00	0,178	0,590**
СМП							1,00	0,629**
MSLQ								1,00

Матрица интеркорреляций метакогнитивных («вторичных») параметров
в подгруппе с относительно наиболее высоким метакогнитивным потенциалом

П	ММ	МП	ИРФ	ПД	ЗМ	МАИ	СМП	MSLQ
ММ	1,00	0,589**	0,678**	0,124	0,104	0,077	0,253	0,246
МП		1,00	0,724**	0,585**	0,624**	0,101	0,683**	-0,652**
ИРФ			1,00	-0,662**	0,082	0,211	0,171	0,165
ПД				1,00	0,479*	-0,456*	0,075	0,256
ЗМ					1,00	0,614**	0,487*	0,583**
МАИ						1,00	0,604**	0,678**
СМП							1,00	0,519*
MSLQ								1,00

Обозначения: П – метакогнитивные параметры: ММ – метамышление, МП – метапамять, ИРФ – интегральный показатель рефлексивности, ЗМ – мера сформированности «знаний о мониторинге», МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность, СМП – самооценка метакогнитивного поведения» (Д. ЛаКоста), MSLQ – метамотивационные стратегии.

**Первичные данные диагностики основных деятельностных параметров
и основных подсистем метакогнитивной сферы**

П И	ИОД	МЦ	ПР	ОРФ	МАИ	СК	П	МР	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
№ 1	10	13	16	24	205	21	32	7	25	35	37	39	30	28	23	25
№ 2	24	19	20	29	242	22	41	9	44	52	47	49	35	44	49	45
№ 3	27	22	21	44	230	19	28	7	42	44	37	61	43	52	37	47
№ 4	12	11	16	27	204	14	27	7	31	35	16	22	23	21	24	30
№ 5	10	15	13	31	178	14	28	5	23	20	14	24	18	27	21	15
№ 6	13	16	14	28	198	12	27	5	18	22	16	22	23	25	23	15
№ 7	20	27	21	49	230	14	44	8	59	54	68	60	61	50	48	47
№ 8	8	13	12	32	202	18	29	7	68	62	64	69	59	63	68	62
№ 9	33	28	25	31	256	19	45	6	46	27	44	47	28	40	49	48
№ 10	13	14	14	29	201	16	34	5	23	34	39	37	31	31	23	27
№ 11	15	16	20	19	202	16	39	5	13	15	14	19	16	15	20	16
№ 12	10	14	17	27	202	15	34	5	14	18	19	25	29	16	22	23
№ 13	12	16	18	30	200	14	38	4	28	25	19	35	30	17	31	18
№ 14	22	23	21	29	260	23	46	8	66	49	66	64	57	60	59	61
№ 15	17	26	21	48	234	21	39	5	28	21	31	29	31	33	29	38
№ 16	21	25	27	45	243	23	43	7	63	58	38	51	56	49	52	40
№ 17	13	16	21	61	201	16	47	4	42	48	44	33	39	39	48	30
№ 18	18	18	19	39	198	16	42	4	32	36	20	16	29	15	31	29
№ 19	21	23	17	40	224	23	34	6	60	51	51	36	42	41	42	44
№ 20	17	14	21	34	197	12	38	6	41	45	52	57	29	24	30	50
№ 21	16	24	17	43	195	14	36	5	45	37	28	32	34	32	42	35
№ 22	11	15	18	32	196	18	31	6	31	35	16	22	23	21	24	30
№ 23	20	18	16	34	198	12	41	5	23	20	14	24	18	27	21	15

№ 24	25	29	24	55	237	18	47	8	44	52	47	49	35	44	49	45
№ 25	12	10	13	41	193	14	32	3	19	27	20	17	19	15	21	22
№ 26	11	13	13	33	174	12	37	3	23	14	21	24	15	15	23	27
№ 27	17	16	18	37	205	11	33	5	34	38	53	45	48	33	40	31
№ 28	19	16	21	42	189	14	38	6	37	32	32	39	37	42	28	33
№ 29	12	20	22	46	240	16	36	4	34	37	53	47	50	36	37	29
№ 30	23	21	27	60	250	20	42	8	49	43	35	46	37	48	55	51
№ 31	15	11	16	39	179	12	44	5	20	25	19	18	31	36	32	25
№ 32	26	21	21	58	196	18	42	6	32	35	16	22	23	21	24	30
№ 33	18	19	23	51	200	16	41	6	36	46	46	25	24	30	38	33
№ 34	14	16	17	43	184	12	36	3	19	32	19	24	33	22	26	34
№ 35	21	19	21	55	222	16	29	8	36	46	65	48	55	49	55	52
№ 36	18	23	17	47	202	15	35	5	61	44	47	35	42	38	43	49
№ 37	11	14	17	44	172	16	37	4	20	22	16	22	23	25	23	15
№ 38	31	29	28	57	239	19	46	7	65	58	56	66	62	62	61	58
№ 39	9	11	15	34	175	13	42	4	24	34	39	37	31	31	23	27
№ 40	11	14	18	45	199	12	40	5	23	28	17	36	27	29	26	22
№ 41	17	12	14	32	214	15	39	4	33	34	24	31	24	20	21	18
№ 42	14	19	15	35	216	16	41	5	37	29	35	27	24	31	31	30
№ 43	26	24	26	63	226	20	46	7	64	62	64	68	59	63	64	62
№ 44	30	27	24	61	252	22	48	6	67	63	64	69	55	60	67	60
№ 45	24	30	23	56	246	20	38	6	69	58	56	70	54	62	61	53
№ 46	16	19	18	48	189	17	36	5	18	19	16	22	23	36	23	18
№ 47	25	23	17	52	258	18	34	8	28	21	31	30	31	24	28	38
№ 48	22	15	18	46	212	17	41	7	26	48	52	46	37	50	36	31
№ 49	17	16	19	39	202	15	39	3	32	36	20	19	33	15	32	27
№ 50	18	19	20	46	177	14	37	4	43	52	33	57	37	34	31	39
№ 51	15	12	13	43	192	15	31	4	31	35	16	26	24	21	23	32
№ 52	17	18	16	45	188	15	39	5	32	36	53	47	42	35	37	29
№ 53	22	21	18	57	203	19	43	9	50	58	60	65	54	59	56	67

№ 54	27	22	19	64	245	22	42	9	52	55	62	53	55	60	56	62
№ 55	11	14	15	45	202	13	45	4	28	44	43	35	37	34	27	41
№ 56	10	16	11	47	186	12	37	3	19	27	22	17	18	20	24	22
№ 57	19	16	10	42	171	13	32	4	18	23	28	21	19	16	25	24
№ 58	13	17	16	37	193	12	34	6	39	37	26	32	34	32	44	38
№ 59	32	26	24	58	248	17	41	7	58	63	64	67	50	52	56	61
№ 60	13	15	17	40	174	14	38	5	37	34	30	23	32	37	27	31
№ 61	16	17	18	36	187	15	39	4	39	47	42	51	34	31	32	36
№ 62	25	28	25	59	244	23	45	5	57	49	53	61	52	44	50	41
№ 63	13	11	14	33	200	19	41	5	35	37	39	26	28	33	28	25
№ 64	17	19	24	42	215	14	36	6	34	34	40	27	25	32	29	45
№ 65	15	14	16	41	202	16	29	5	30	26	31	30	19	27	25	19
№ 66	30	23	29	65	202	12	44	8	59	66	69	48	51	50	43	48
№ 67	29	22	26	61	217	18	33	9	57	56	67	51	46	52	44	42
№ 68	12	17	16	43	214	19	28	5	35	29	34	33	20	18	24	15
№ 69	16	19	17	54	188	17	36	6	26	38	31	35	24	26	22	27
№ 70	12	11	16	49	181	18	38	4	27	26	25	31	19	30	31	29
№ 71	14	17	17	39	202	20	33	4	19	23	18	22	23	28	26	25
№ 72	13	17	15	42	187	12	32	5	28	27	23	29	31	34	32	41
№ 73	17	18	19	52	179	11	37	7	26	29	21	32	31	38	27	37
№ 74	22	22	18	59	209	19	41	8	34	52	45	42	47	60	55	52
№ 75	26	19	23	64	253	22	43	7	44	53	49	41	43	56	58	61
№ 76	15	14	17	41	205	19	34	3	33	34	41	26	19	29	33	27
№ 77	18	19	21	38	191	13	38	5	42	48	31	33	36	24	22	29
№ 78	26	24	17	58	211	19	40	7	50	58	61	55	54	60	52	70
№ 79	12	15	16	46	174	17	39	5	26	19	36	24	28	30	45	36
№ 80	23	19	17	52	246	18	42	7	32	29	27	36	47	31	34	27

Обозначения: ИОД – рефлексия информационной основы деятельности (по методике «Рефлексивность деятельности» [298]), МЦ – рефлексия мотивации и целеполагания, ПР – рефлексия принятия решения, ОРФ – общая рефлексия деятельности (три послед-

них параметра – по той же методике); МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность, СК – самоконтроль, П – планирование, МР – данные по методике на исследование процессов метарешений [91], МК – метакогнитивная подсистема, МР – метарегулятивная подсистема, МЭ – метаэмоциональная подсистема, МКо – метакоммуникативная подсистема, П – процедуральная подсистема, М – мониторинговая подсистема, ИН – ингибиторная подсистема, ИА – интеракционная подсистема; данные представлены в единицах соответствующих методик.

Матрицы интеркорреляций основных деятельностных «составляющих» в группах с различными значениями метакогнитивного потенциала

Матрица интеркорреляций основных деятельностных «составляющих» в группе с относительно наиболее низким метакогнитивным потенциалом

	ИОД	МЦ	ПР	ОРФ	МАИ	СК	П	МР
ИОД	1,00	0,201	-0,104	0,609**	0,421	0,128	0,592**	0,167
МЦ		1,00	0,253	0,116	-0,194	-0,465*	0,184	-0,129
ПР			1,00	0,643**	0,218	0,202	-0,176	0,181
ОРФ				1,00	0,103	0,101	0,346	0,335
МАИ					1,00	0,117	-0,490*	-0,188
СК						1,00	0,216	0,509*
П							1,00	0,180
МР								1,00

Матрица интеркорреляций основных деятельностных «составляющих» в группе с относительно наиболее высоким метакогнитивным потенциалом

	ИОД	МЦ	ПР	ОРФ	МАИ	СК	П	МР
ИОД	1,00	0,181	-0,279	0,602**	0,308	-0,167	0,603**	-0,485*
МЦ		1,00	-0,474	0,494*	0,654**	-0,663**	0,133	0,401
ПР			1,00	0,682**	0,132	0,182	0,189	-0,121
ОРФ				1,00	0,338	0,346	0,077	0,049
МАИ					1,00	0,676**	0,351	0,565*
СК						1,00	-0,182	0,553*
П							1,00	0,180
МР								1,00

Обозначения: ИОД – рефлексия информационной основы деятельности (по методике «Рефлексивность деятельности» [298]), МЦ – рефлексия мотивации и целеполагания, ПР – рефлексия принятия решения, ОРФ – общая рефлексия деятельности (три последних параметра – по той же методике); МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность, СК – самоконтроль, П – планирование, МР – данные по методике на исследование процессов метарешений [91]; * – $p = 0,05$; ** – $p = 0,01$.

**Эмпирические результаты исследования взаимосвязи параметров
метакогнитивной сферы и трех общих способностей
(интеллекта, обучаемости и креативности)**

**Первичные результаты испытуемых по методикам на диагностику
метакогнитивных качеств и интеллекта**

В приведенных ниже таблицах для каждой из четырех групп, различающихся по степени развития интеллекта, представлены результаты, полученные по всем шкалам методик диагностики метакогнитивных качеств, а также степени развития интеллекта.

Обозначения в таблицах:

1. Методика диагностики рефлексивности (методика А.В. Карпова – В.В. Пономаревой): РФР – рефлексивность ретроспективная, РФН – рефлексивность настоящего, РФБ – рефлексивность будущего, РФО – рефлексивность общая.
 2. Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта: СМРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия.
 3. Шкала самооценки метакогнитивного поведения Д. ЛаКоста: СаМП – самооценка уровня выраженности метакогнитивного поведения.
 4. Опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory): МАИ – степень развития метакогнитивной включенности в деятельность.
 5. Опросник Д. Эверсон: МАИ (Э) – шкала степени метакогнитивной включенности в деятельность, ИС – шкала уровня использования стратегий, ПД – шкала уровня планирования действий, СП – шкала степени выраженности самопроверки, ОБЭ – общий балл по методике Д. Эверсон.
 6. Тест диагностики интеллекта Д. Векслера (WAIS), диагностирующий общий уровень интеллектуальных способностей (IQ).
 7. Шкала диагностики способности к метарешениям (MP) [91].
- Данные представлены в единицах соответствующих методик.

Исп.	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ	МР	IQ
1	38	34	21	121	32	37	38	197	8	8	10	10	37	63	75
2	36	34	38	127	42	32	49	199	8	14	5	10	39	63	75
3	40	31	39	135	35	32	38	199	10	11	10	15	46	67	76
4	38	40	37	139	42	37	48	172	15	8	6	13	37	66	77
5	35	30	34	126	38	38	36	247	10	11	8	12	41	70	77
6	34	39	34	106	40	39	48	201	8	8	12	8	38	65	79
7	37	27	37	108	29	27	42	169	9	12	8	16	46	60	79
8	40	37	34	111	30	39	34	227	17	14	10	15	49	68	80
9	44	34	48	128	27	25	41	221	16	15	4	16	45	69	81
10	36	36	32	117	37	32	42	213	10	15	13	10	48	67	81
11	43	28	35	131	34	32	48	204	13	12	9	7	38	66	81
12	38	38	40	117	42	37	42	169	7	9	9	13	41	64	81
13	29	29	36	153	38	38	42	200	10	10	13	9	42	68	83
14	38	38	26	137	37	32	41	213	13	15	8	12	45	69	83
15	43	34	26	96	40	39	46	201	24	13	13	17	53	67	85
16	39	26	42	137	37	35	46	251	10	16	4	6	36	73	86
17	26	39	36	106	44	40	39	232	12	12	9	7	38	69	86
18	28	27	31	136	36	40	38	191	9	9	11	10	41	64	86
19	32	34	38	122	39	30	48	206	15	13	12	10	46	67	87
20	34	38	40	103	37	34	42	199	15	12	9	8	44	66	88

Исп.	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ	МР	IQ
1	36	36	32	123	39	34	42	218	10	15	13	10	48	69	89
2	32	40	38	105	39	39	41	210	9	4	16	5	44	66	90
3	43	28	35	138	36	34	48	209	10	12	9	7	38	68	90
4	39	31	36	160	49	39	40	218	13	10	8	15	46	73	90
5	34	41	35	102	39	36	38	206	8	13	8	5	34	63	92
6	30	26	37	123	37	38	41	224	8	12	6	5	31	65	93
7	40	42	26	142	36	34	41	209	8	10	6	4	28	66	94
8	44	35	29	159	46	39	43	201	15	15	7	8	45	72	94
9	37	31	34	111	43	43	30	185	14	12	11	8	42	63	94
10	32	34	25	137	35	37	46	179	15	16	10	17	58	63	94
11	26	34	34	134	31	39	46	201	16	15	10	17	58	69	95
12	38	28	32	147	39	34	44	218	15	14	10	10	49	70	95
13	36	40	41	135	39	37	47	221	14	12	12	10	48	72	96
14	41	37	45	124	54	34	38	201	13	12	14	6	45	70	97
15	37	33	37	124	47	39	42	174	12	10	11	10	56	66	97
16	32	38	29	128	34	26	41	182	12	10	8	11	41	62	97
17	26	39	39	121	34	36	36	228	13	17	16	13	59	71	98
18	38	38	40	123	44	39	42	174	10	9	9	13	41	65	99
19	31	38	37	154	38	36	38	248	11	8	9	10	38	73	100
20	29	34	31	139	39	31	48	183	9	8	10	13	40	65	100

Исп.	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ	МР	IQ
1	40	31	26	124	40	31	41	196	6	7	5	3	21	61	101
2	41	34	34	151	43	32	42	193	14	13	11	8	46	70	102
3	26	31	31	110	31	38	38	173	11	17	11	12	51	62	102
4	29	26	31	106	39	36	40	184	12	13	10	18	53	63	105
5	34	30	39	118	32	41	39	249	11	13	9	9	42	70	107
6	39	26	42	143	39	37	46	251	10	16	4	6	36	73	107
7	26	39	36	112	46	42	39	232	10	12	9	7	38	68	108
8	29	34	25	113	39	34	46	207	17	12	14	13	56	67	109
9	29	39	29	118	41	38	50	213	12	15	12	9	48	69	109
10	29	37	40	127	37	34	40	234	15	12	3	5	35	68	109
11	36	36	40	121	52	45	40	204	17	18	19	19	73	76	110
12	26	31	34	121	46	34	44	246	13	14	12	8	47	71	112
13	37	34	37	108	44	37	46	204	13	12	14	7	46	68	112
14	35	40	38	103	47	40	38	185	12	10	11	9	51	66	112
15	37	43	38	103	39	37	41	211	17	13	16	10	56	70	113
16	37	34	45	125	47	39	46	235	15	17	15	11	58	76	114
17	34	34	39	128	34	31	41	201	11	9	12	5	37	64	114
18	36	36	24	121	37	28	39	190	6	7	11	7	31	62	114
19	36	36	24	127	36	30	48	171	14	11	12	11	48	65	115
20	30	30	39	99	48	47	38	238	13	8	8	5	34	69	115

Группа IV

Исп.	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ	МР	IQ
1	35	31	31	123	26	40	40	207	8	9	10	2	29	61	116
2	37	37	32	140	27	32	40	215	8	15	10	15	48	67	116
3	36	34	38	139	67	36	49	209	10	14	5	10	39	68	117
4	28	29	33	158	31	31	36	218	15	12	7	8	42	67	117
5	40	31	39	147	39	36	38	209	10	11	10	15	46	69	117
6	46	30	31	140	32	28	46	208	8	16	15	8	47	67	117
7	47	30	34	130	42	33	40	211	9	12	6	5	32	65	119
8	38	34	30	151	43	38	39	215	17	10	18	16	61	73	119
9	41	43	38	140	43	45	41	210	16	11	4	5	36	69	129
10	38	40	37	151	46	41	48	184	10	8	6	13	37	68	120
11	32	32	34	141	36	31	39	179	13	12	11	15	51	65	120
12	37	32	36	11	33	36	36	250	7	13	10	8	38	68	121
13	35	30	34	138	42	42	42	257	10	11	8	12	41	72	121
14	46	36	39	132	33	33	33	214	13	15	10	14	52	70	121
15	40	39	42	139	42	42	40	220	24	16	10	15	65	76	125
16	34	39	34	118	44	44	43	211	10	8	12	8	38	67	125
17	27	27	31	147	50	50	43	199	12	9	8	11	41	68	126
18	39	30	32	149	40	40	36	202	9	11	10	11	41	68	126
19	39	31	32	138	31	31	39	208	15	10	9	12	46	68	127
20	46	39	37	168	36	36	32	205	15	17	8	12	52	73	128

**Первичные результаты испытуемых по методикам на диагностику
метакогнитивных качеств при изучении
их взаимосвязи с креативностью**

В приведенных ниже таблицах для каждой из четырех групп, различающихся по степени развития креативности, представлены результаты, полученные по всем шкалам методик, направленных на диагностику метакогнитивных свойства личности. Результаты представлены в стеновых оценках.

Обозначения в таблицах:

1. Методика диагностики рефлексивности (методика А.В. Карпова – В.В. Пономаревой): РФР – рефлексивность ретроспективная, РФН – рефлексивность настоящего, РФБ – рефлексивность будущего.
 2. Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта: СмРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия.
 3. Шкала самооценки метакогнитивного поведения Д. ЛаКоста: СаМП – самооценка метакогнитивного поведения.
 4. Опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory): МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность.
 5. Опросник Д. Эверсон: МАИ (Э) – шкала степени метакогнитивной включенности в деятельность, ИС – шкала уровня использования стратегий, ПД – шкала выраженности планирования действий, СП – шкала уровня самопроверки.
 6. Шкала диагностики способности к метарешениям (МР).
- Данные представлены в единицах соответствующих методик.

Группа I

Исп.	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	ИС	ПД	СА	МАИ (Э)	ОбЭ
1	37	40	41	127	37	34	40	239	15	12	3	5	35
2	34	48	33	134	29	27	41	226	10	15	4	16	45
3	26	37	34	123	37	38	41	224	8	12	6	5	31
4	39	42	28	133	40	38	45	215	24	16	10	15	65
5	31	42	36	162	37	31	47	214	14	16	8	12	50
6	39	26	30	130	39	34	42	210	9	7	5	1	23
7	37	32	21	134	25	30	40	210	8	15	10	15	48
8	34	38	33	126	35	34	48	208	12	18	21	4	45
9	42	26	34	142	36	34	41	209	8	10	6	4	28
10	38	39	30	115	41	40	39	207	5	4	10	5	24
11	30	34	25	124	40	31	40	206	9	12	6	5	32
12	43	38	26	134	41	43	41	205	16	11	4	5	36
13	36	34	33	127	47	30	40	205	14	15	6	2	37
14	31	39	24	141	37	34	38	204	10	11	10	15	46
15	34	38	23	133	44	34	49	204	10	14	5	10	39
16	31	37	29	132	29	37	42	203	15	10	9	12	46
17	30	31	24	134	30	26	46	203	8	16	15	8	47
18	26	20	31	125	40	39	41	203	3	10	15	10	38
19	30	24	36	116	28	36	38	203	12	7	4	9	32
20	31	31	20	117	24	38	40	202	8	9	10	2	29
21	40	35	36	128	46	31	39	202	9	14	11	14	48
22	34	21	37	127	34	39	38	202	9	8	10	10	37
23	35	29	34	159	46	39	43	201	15	15	7	8	45
24	31	26	39	124	40	31	41	201	6	7	5	3	21
25	39	37	29	160	34	30	42	200	15	17	8	12	52

Исп.	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	ИС	ПД	СА	МАИ (Э)	ОбЭ
1	34	31	38	138	44	37	41	204	10	12	6	6	33
2	23	35	39	137	35	31	42	204	16	11	6	7	37
3	31	20	37	145	48	26	47	201	15	16	6	4	41
4	34	34	36	127	39	31	38	201	15	11	14	8	38
5	37	30	38	124	46	30	41	201	11	8	7	5	31
6	23	20	29	122	36	34	44	200	17	19	10	14	60
7	28	36	34	129	43	39	41	200	15	16	11	15	57
8	34	31	20	139	40	42	41	198	11	8	8	11	38
9	34	39	31	128	39	34	42	198	13	19	22	5	49
10	37	38	29	131	37	37	40	197	5	7	11	9	32
11	40	32	33	131	40	37	36	197	17	12	5	6	40
12	38	31	27	121	39	34	39	197	13	15	12	15	55
13	31	34	36	138	39	36	38	196	22	17	11	16	66
14	31	30	29	112	44	35	42	196	9	6	7	4	26
15	38	34	31	110	38	40	42	195	16	17	11	13	57
16	34	29	21	114	38	34	41	195	13	16	12	15	46
17	38	31	20	113	37	34	42	194	10	8	7	5	30
18	30	31	29	104	46	45	37	194	11	8	8	11	38
19	31	32	37	135	31	30	41	193	16	9	6	11	42
20	38	34	27	135	29	37	40	193	11	13	8	10	41
21	29	26	30	112	34	38	39	192	10	12	6	6	33
22	36	39	40	133	40	41	35	192	15	16	10	13	54
23	41	31	28	119	37	31	38	192	19	13	16	17	65
24	31	37	34	118	34	37	38	192	15	7	11	9	42
25	27	29	32	110	37	40	37	192	13	10	11	8	41

Группа III

Исп.	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	ИС	ПД	СА	МАИ (Э)	ОбЭ
1	30	34	25	124	40	31	40	206	9	12	6	5	32
2	43	38	26	134	41	43	41	205	16	11	4	5	36
3	36	34	33	127	47	30	40	205	14	15	6	2	37
4	31	39	24	141	37	34	38	204	10	11	10	15	46
5	34	38	23	133	44	34	49	204	10	14	5	10	39
6	31	37	29	132	29	37	42	203	15	10	9	12	46
7	30	31	24	134	30	26	46	203	8	16	15	8	47
8	26	20	31	125	40	39	41	203	3	10	15	10	38
9	30	24	36	116	28	36	38	203	12	7	4	9	32
10	31	31	20	117	24	38	40	202	8	9	10	2	29
11	40	35	36	128	46	31	39	202	9	14	11	14	48
12	34	21	37	127	34	39	38	202	9	8	10	10	37
13	35	29	34	159	46	39	43	201	15	15	7	8	45
14	31	26	39	124	40	31	41	201	6	7	5	3	21
15	39	37	29	160	34	30	42	200	15	17	8	12	52
16	34	31	38	134	44	37	41	200	9	11	5	5	29
17	23	35	39	133	35	31	42	200	15	10	5	6	35
18	31	20	37	141	48	26	47	197	14	15	5	3	37
19	34	34	36	123	39	31	38	197	14	10	13	7	34
20	37	30	38	120	46	30	41	197	10	7	6	4	27
21	23	20	29	118	36	34	44	196	16	18	9	13	56
22	28	36	34	125	43	39	41	196	14	15	10	14	53
23	34	31	20	135	40	42	41	194	10	7	7	10	34
24	34	39	31	124	39	34	42	194	12	18	21	4	45
25	37	38	29	127	37	37	40	193	4	6	10	8	28

Исп.	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	ИС	ПД	СА	МАИ (Э)	ОбЭ
1	36	40	42	119	49	42	38	205	16	17	18	18	69
2	31	34	42	119	43	31	42	247	12	13	11	7	43
3	42	39	49	95	45	44	36	239	12	7	7	4	30
4	34	45	44	121	44	36	44	236	14	16	14	10	54
5	33	33	39	104	40	34	28	170	12	14	13	4	43
6	37	45	36	120	51	31	36	197	12	11	13	5	41
7	34	37	43	104	41	34	44	205	12	11	13	6	42
8	31	34	35	107	40	40	28	181	13	11	10	7	38
9	40	38	43	99	44	37	36	186	11	9	10	8	47
10	28	32	34	104	37	36	46	175	6	16	9	8	39
11	33	37	36	120	44	36	40	170	11	9	10	9	52
12	45	26	39	128	39	31	36	164	15	7	7	14	43
13	40	37	27	141	41	36	46	175	9	7	5	12	33
14	38	40	34	105	36	33	40	200	10	11	8	7	41
15	31	34	31	99	33	35	36	239	13	14	12	15	54
16	36	32	34	115	36	31	40	214	9	14	12	9	44
17	34	30	26	141	38	33	37	206	16	9	17	15	57
18	34	34	40	147	40	29	40	194	13	12	10	7	42
19	34	25	35	133	32	34	44	175	14	15	9	16	54
20	27	31	32	138	35	39	36	192	10	8	10	9	37
21	40	38	34	101	36	36	39	206	8	3	15	14	40
22	37	34	32	113	29	38	32	228	9	13	9	14	45
23	39	34	29	108	39	38	46	202	9	7	11	7	34
24	31	31	40	106	28	35	36	174	10	16	10	11	49
25	31	26	39	103	33	33	34	192	16	12	14	10	52

Первичные результаты испытуемых по методикам на диагностику метакогнитивных качеств и степени развития обучаемости

В приведенных ниже таблицах каждой из четырех групп, различающихся по степени развития обучаемости, представлены результаты, полученные по всем шкалам методик, диагностирующих метакогнитивные свойства личности.

Обозначения в таблицах:

1. Методика диагностики рефлексивности (методика А.В. Карпова – В.В. Пономаревой): РФР – рефлексивность ретроспективная, РФН – рефлексивность настоящего, РФБ – рефлексивность будущего, РФО – рефлексивность общая.
2. Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта: СмРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия.
3. Шкала самооценки метакогнитивного поведения Д. ЛаКоста: СаМП – самооценка метакогнитивного поведения.
4. Опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory): МАИ – степень выраженности метакогнитивной включенности в деятельность.
5. Опросник Д. Эверсон: МАИ (Э) – шкала уровня метакогнитивной включенности в деятельность, ИС – шкала степени использования стратегий, ПД – шкала уровня планирования действий, СП – шкала выраженности самопроверки, ОбЭ – общий балл по методике Д. Эверсон.
6. Шкала диагностики способности к метарешениям [91].

Данные представлены в единицах соответствующих методик.

Исп.	РФР	РФН	РФБ	МР	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ (Э)	ИС	ПД	СА
1	30	26	37	20	37	38	41	209	8	12	6	5
2	39	34	38	15	35	34	48	193	12	18	21	4
3	28	36	34	18	47	30	40	190	14	15	6	2
4	48	26	20	17	40	39	41	188	3	10	15	10
5	44	35	29	15	46	39	43	186	15	15	7	8
6	38	31	20	18	48	26	47	182	14	15	5	3
7	39	34	31	19	40	42	41	179	10	7	7	10
8	37	31	34	10	39	36	38	177	21	16	10	15
9	21	30	31	19	46	45	37	175	10	7	7	10
10	40	41	31	10	37	31	38	172	18	12	15	16
11	38	31	29	20	28	30	39	171	8	12	6	4
12	41	38	34	14	38	31	41	169	10	12	15	12
13	40	39	42	10	40	38	45	200	24	16	10	15
14	40	42	26	21	36	34	41	194	8	10	6	4
15	40	31	39	15	37	34	38	189	10	11	10	15
16	34	30	24	10	28	36	38	188	12	7	4	9
17	40	31	26	23	40	31	41	186	6	7	5	3
18	26	34	34	19	39	31	38	182	14	10	13	7
19	37	34	39	15	39	34	42	179	12	18	21	4
20	26	31	30	23	44	35	42	177	8	5	6	3
21	36	31	32	17	31	30	41	174	15	8	5	10
22	26	31	37	17	34	37	38	172	14	6	10	8
23	34	31	26	15	46	40	40	171	16	15	7	8
24	37	31	38	18	34	38	40	168	9	8	10	10
25	26	27	31	18	26	31	38	166	12	10	8	6

Исп.	РФР	РФН	РФБ	МР	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ (Э)	ИС	ПД	СА
1	38	31	29	20	28	30	31	166	8	12	6	4
2	41	38	34	14	38	31	33	164	10	12	15	12
3	32	34	31	20	34	38	31	161	8	10	6	5
4	37	31	40	10	36	31	33	159	16	17	10	17
5	29	30	25	18	37	31	28	158	11	11	7	6
6	29	34	31	21	38	34	33	156	12	8	4	4
7	46	40	30	15	29	31	32	155	12	15	9	9
8	37	31	31	22	27	26	29	150	7	3	7	7
9	29	27	34	23	27	34	29	148	6	7	7	1
10	27	36	31	12	33	27	42	132	16	14	15	9
11	37	31	40	14	40	27	31	147	10	6	8	12
12	37	31	38	10	34	38	32	163	9	8	10	10
13	46	30	31	18	30	26	41	183	8	16	15	8
14	38	34	30	18	41	36	31	190	17	10	18	16
15	40	38	31	17	34	31	34	149	12	14	8	4
16	30	26	37	20	37	38	33	204	8	12	6	5
17	28	36	34	18	47	30	32	185	14	15	6	2
18	44	35	29	15	46	39	35	181	15	15	7	8
19	39	34	31	19	40	42	33	174	10	7	7	10
20	21	30	31	19	46	45	29	170	10	7	7	10
21	39	34	38	15	35	34	40	188	12	18	21	4
22	48	26	20	17	40	39	33	183	3	10	15	10
23	38	31	20	18	48	26	39	177	14	15	5	3
24	37	31	34	10	39	36	30	172	21	16	10	15
25	40	41	31	10	37	31	30	167	18	12	15	16

Исп.	РФР	РФН	РФБ	МР	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ (Э)	ИС	ПД	СА
1	30	42	39	13	48	47	38	258	13	8	8	5
2	37	37	32	14	25	30	40	235	8	15	10	15
3	26	31	31	19	31	38	38	193	11	17	11	12
4	29	26	31	23	39	36	40	204	12	13	10	18
5	25	30	31	12	31	28	36	188	7	7	4	3
6	34	31	26	15	46	40	40	201	16	15	7	8
7	37	31	38	18	34	38	40	198	9	8	10	10
8	26	27	31	18	26	31	38	196	12	10	8	6
9	29	31	34	13	29	30	40	194	15	14	8	15
10	40	27	31	16	37	31	29	193	10	12	8	11
11	34	38	26	21	39	34	40	191	8	9	7	2
12	43	39	37	13	42	23	42	188	13	16	11	11
13	40	38	31	17	34	31	42	184	12	14	8	4
14	44	41	44	14	26	27	38	183	14	15	10	9
15	37	45	38	10	51	44	46	238	18	18	16	12
16	26	34	34	19	39	31	38	212	14	10	13	7
17	37	34	39	15	39	34	42	209	12	18	21	4
18	26	31	30	23	44	35	42	208	8	5	6	3
19	36	31	32	17	31	30	41	204	15	8	5	10
20	26	31	37	17	34	37	38	202	14	6	10	8
21	34	31	26	15	46	40	40	201	16	15	7	8
22	37	31	38	18	34	38	40	198	9	8	10	10
23	26	27	31	18	26	31	38	196	12	10	8	6
24	29	31	34	13	29	30	40	194	15	14	8	15
25	40	27	31	16	37	31	29	193	10	12	8	11

Исп.	РФР	РФН	РФБ	МР	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ (Э)	ИС	ПД	СА
1	40	39	42	10	40	38	45	235	24	16	10	15
2	40	42	26	21	36	34	41	229	8	10	6	4
3	40	31	39	15	37	34	38	224	10	11	10	15
4	34	30	24	10	28	36	38	223	12	7	4	9
5	40	31	26	23	40	31	41	221	6	7	5	3
6	26	34	34	19	39	31	38	217	14	10	13	7
7	37	34	39	15	39	34	42	214	12	18	21	4
8	26	31	30	23	44	35	42	212	8	5	6	3
9	36	31	32	17	31	30	41	209	15	8	5	10
10	26	31	37	17	34	37	38	207	14	6	10	8
11	34	31	26	15	46	40	40	206	16	15	7	8
12	37	31	38	18	34	38	40	203	9	8	10	10
13	26	27	31	18	26	31	38	201	12	10	8	6
14	29	31	34	13	29	30	40	199	15	14	8	15
15	40	27	31	16	37	31	29	198	10	12	8	11
16	34	38	26	21	39	34	40	196	8	9	7	2
17	43	39	37	13	42	23	42	193	13	16	11	11
18	40	38	31	17	34	31	42	179	12	14	8	4
19	44	41	44	14	26	27	38	177	14	15	10	9
20	37	45	38	10	51	44	46	243	18	18	16	12
21	30	42	39	13	48	47	38	283	13	8	8	5
22	37	37	32	14	25	30	40	230	8	15	10	15
23	26	31	31	19	31	38	38	198	11	17	11	12
24	29	26	31	23	39	36	40	209	12	13	10	18
25	25	30	31	12	31	28	36	193	7	7	4	3

**Матрицы интеркорреляций метакогнитивных качеств при различных значениях
степени развития интеллекта**

Группа I

	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ	МР
РФР	1,00	-0,04	0,07	-0,06	-0,46	-0,42	0,14	-0,01	0,27	0,32	-0,37	0,51	0,28	0,10
РФН		1,00	0,09	-0,41	0,39	0,20	0,06	-0,13	0,17	-0,12	0,08	0,06	0,06	-0,07
РФБ			1,00	-0,07	-0,07	-0,44	0,19	0,08	0,09	0,25	-0,52	0,00	-0,11	0,21
РФО				1,00	-0,04	-0,11	0,03	0,05	0,22	-0,05	-0,26	-0,18	-0,37	0,38
СмРФ					1,00	0,51	0,51	-0,06	-0,04	-0,24	0,15	-0,39	-0,30	0,11
СоцРФ						1,00	-0,22	0,11	-0,01	-0,50	0,39	-0,26	-0,24	0,06
СаМП							1,00	-0,27	0,00	0,04	-0,11	-0,28	-0,24	-0,03
МАИ								1,00	0,08	0,56	-0,20	-0,30	-0,05	0,82
МАИ(Э)									1,00	0,28	0,05	0,01	0,13	0,40
ИС										1,00	-0,31	0,07	0,42	0,58
ПД											1,00	0,03	0,43	-0,21
СП												1,00	0,67	-0,20
ОбЭ													1,00	0,01
МР														1,00

Обозначения: РФР – рефлексивность ретроспективная, РФН – рефлексивность настоящего, РФБ – рефлексивность будущего, РФО – рефлексивность общая (по методике А.В. Карпова – В.В. Пономаревой). СмРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия (по методике уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта). СаМП – самооценка метакогнитивного поведения (по методике самооценки метакогнитивного поведения Д. ЛаКоста). МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность (по опроснику метакогнитивной включенности в деятельность – Metacognitive Awareness Inventory). Данные по шкалам опросника Д. Эверсон: МАИ (Э) – метакогнитивная включенность в деятельность, ИС – использование стратегий, ПД – планирование действий, СП – самопроверка. ОбЭ – общий балл по опроснику Д. Эверсон. МР – способность к метарешениям (шкала методики диагностики способности к метарешениям [91]). Объем выборки (N) – 20 испытуемых. ИКС (индекс когерентности структуры) – 21; ИДС (индекс дивергентности структуры) – 11; ИОС (индекс организованности структуры) – 10.

Группа II

	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ	МР
РФР	1,00	0,03	0,04	0,18	0,62	0,15	-0,11	-0,19	-0,09	-0,10	-0,24	-0,46	-0,32	0,11
РФН		1,00	0,08	-0,26	-0,08	-0,18	-0,06	0,03	-0,21	-0,20	0,27	0,01	-0,06	-0,01
РФБ			1,00	-0,36	0,44	0,28	-0,45	0,26	-0,05	-0,21	0,49	-0,07	0,08	0,38
РФО				1,00	0,09	-0,12	0,08	0,26	0,37	0,10	-0,45	0,13	0,04	0,59
СмРФ					1,00	0,29	0,20	-0,18	0,09	-0,20	0,09	-0,21	-0,02	0,26
СоцРФ						1,00	0,05	0,01	0,24	0,06	0,10	0,13	0,21	0,17
СаМП							1,00	-0,30	0,29	0,32	-0,01	0,40	0,36	-0,32
МАИ								1,00	-0,11	0,08	0,09	-0,20	-0,17	0,66
МАИ(Э)									1,00	0,53	0,19	0,43	0,74	0,39
ИС										1,00	0,01	-0,02	0,47	0,14
ПД											1,00	0,36	0,57	0,20
СП												1,00	0,69	0,11
ОбЭ													1,00	0,28
МР														1,00

Обозначения те же, что и для группы I. Индекс когерентности структуры (ИКС) – 30; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 6; индекс организованности структуры (ИОС) – 24.

	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ	МР
РФР	1,00	0,01	0,11	0,44	0,07	-0,26	0,15	-0,14	-0,09	-0,14	0,07	-0,16	0,08	0,14
РФН		1,00	-0,12	-0,37	0,25	0,07	-0,09	-0,15	0,13	-0,37	0,24	-0,13	0,01	-0,01
РФБ			1,00	-0,01	0,44	0,67	-0,17	0,65	0,36	0,43	-0,01	0,00	0,25	0,76
РФО				1,00	-0,14	-0,47	0,33	0,11	-0,11	0,17	-0,25	-0,22	-0,19	0,22
СмРФ					1,00	0,52	0,03	0,24	0,30	0,14	0,33	0,15	0,33	0,44
СоцРФ						1,00	-0,27	0,42	0,31	0,36	0,16	0,26	0,36	0,52
СаМП							1,00	0,07	0,25	0,29	0,20	0,03	0,18	0,29
МАИ								1,00	0,08	0,21	-0,30	-0,38	-0,18	0,67
МАИ(Э)									1,00	0,44	0,55	0,43	0,76	0,43
ИС										1,00	0,36	0,44	0,70	0,63
ПД											1,00	0,63	0,81	0,31
СП												1,00	0,86	0,20
ОбЭ													1,00	0,44
МР														1,00

Обозначения те же, что и для группы II. Индекс когерентности структуры (ИКС) – 44; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 6; индекс организованности структуры (ИОС) – 38.

	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ	МР
РФР	1,00	0,36	-0,01	-0,05	-0,15	-0,31	0,28	0,05	0,05	0,53	0,06	0,01	0,19	0,32
РФН		1,00	0,11	0,02	0,16	0,29	0,45	-0,14	0,37	0,16	-0,17	0,12	0,20	0,43
РФБ			1,00	0,08	0,44	0,30	0,13	0,05	0,34	-0,10	0,01	0,30	0,26	0,47
РФО				1,00	0,17	-0,23	-0,25	-0,39	0,38	0,17	-0,08	0,43	0,39	0,36
СмРФ					1,00	0,55	0,18	-0,13	0,20	-0,34	-0,23	0,14	-0,02	0,33
СоцРФ						1,00	0,03	0,13	0,20	-0,65	-0,25	-0,15	-0,26	0,12
СаМП							1,00	-0,20	-0,12	0,13	0,00	-0,07	-0,06	0,08
МАИ								1,00	-0,07	0,19	0,04	-0,12	-0,02	0,33
МАИ(Э)									1,00	0,20	0,03	0,36	0,69	0,66
ИС										1,00	0,05	0,22	0,50	0,42
ПД											1,00	0,33	0,53	0,14
СП												1,00	0,79	0,59
ОбЭ													1,00	0,73
МР														1,00

Обозначения: Индекс когерентности структуры (ИКС) – 34; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 4; индекс организованности структуры (ИОС) – 30.

Матрицы интеркорреляций метакогнитивных качеств при различных значениях степени развития креативности

Группа I

	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ
РФР	1,00	0,22	0,02	0,38	0,03	0,02	0,13	0,34	0,11	-0,13	-0,02	0,09	0,21
РФН		1,00	-0,15	0,27	-0,12	0,23	0,55	0,48	0,47	-0,10	0,38	0,40	0,49
РФБ			1,00	-0,16	0,05	-0,17	0,03	0,05	-0,16	-0,28	-0,14	-0,22	0,19
РФО				1,00	-0,33	0,44	0,04	0,44	0,53	-0,01	0,47	0,63	0,67
СмРФ					1,00	-0,13	-0,09	0,04	-0,50	0,06	-0,17	-0,33	0,17
СоцРФ						1,00	0,12	0,29	0,55	0,04	-0,01	0,33	-0,33
СаМП							1,00	0,09	0,18	-0,27	0,03	-0,05	0,44
МАИ								1,00	0,46	-0,30	0,25	0,47	0,15
МАИ(Э)									1,00	0,24	0,37	0,77	0,48
ИС										1,00	0,24	0,45	0,71
ПД											1,00	0,79	0,69
СП												1,00	0,69
ОбЭ													1,00

Обозначения: РФР – рефлексивность ретроспективная, РФН – рефлексивность настоящего, РФБ – рефлексивность будущего, РФО – рефлексивность общая (по методике А.В. Карпова – В.В. Пономаревой). СмРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия (по методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта). СаМП – самооценка метакогнитивного поведения (по методике самооценки метакогнитивного поведения Д. ЛаКоста). МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность (по опроснику метакогнитивной включенности в деятельность – Metacognitive Awareness Inventory). Данные по шкалам опросника Д. Эверсон: МАИ (Э) – метакогнитивная включенность в деятельность, ИС – использование стратегий, ПД – планирование действий, СА – самопроверка. ОбЭ – общий балл по методике Эверсон. Объем выборки испытуемых (N) – 25. Индекс когерентности структуры (ИКС) – 39; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 5; индекс организованности структуры (ИОС) – 34.

	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ
РФР	1,00	0,21	-0,30	0,03	0,06	-0,08	-0,18	-0,14	-0,07	0,01	0,18	0,06	-0,02
РФН		1,00	0,28	0,28	-0,15	0,21	-0,24	-0,05	0,18	0,05	0,30	0,17	0,21
РФБ			1,00	0,41	0,22	-0,19	-0,09	0,29	0,34	0,09	-0,30	-0,22	0,04
РФО				1,00	0,13	-0,23	0,14	0,48	0,20	0,18	-0,29	-0,03	0,07
СмРФ					1,00	0,09	0,03	0,46	-0,16	0,02	-0,11	-0,22	-0,19
СоцРФ						1,00	-0,43	-0,36	-0,25	-0,07	0,03	0,22	-0,01
СаМП							1,00	0,52	-0,12	0,17	-0,20	-0,32	-0,10
МАИ								1,00	-0,02	0,13	-0,18	-0,29	-0,20
МАИ(Э)									1,00	0,54	0,17	0,49	0,77
ИС										1,00	0,32	0,41	0,77
ПД											1,00	0,53	0,53
СП												1,00	0,76
ОбЭ													1,00

Обозначения те же, что и для группы I.

Индекс когерентности структуры (ИКС) – 32; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 5; индекс организованности структуры (ИОС) – 27.

	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ
РФР	1,00	0,36	0,00	0,31	0,38	0,01	-0,16	-0,04	0,06	-0,05	-0,07	-0,13	-0,13
РФН		1,00	-0,38	0,26	-0,06	0,03	-0,05	0,09	0,17	0,16	0,14	0,19	0,20
РФБ			1,00	-0,16	0,29	-0,25	-0,10	-0,27	0,06	-0,17	-0,25	-0,25	0,27
РФО				1,00	0,24	0,00	0,38	0,09	0,23	0,30	-0,14	0,23	0,34
СмРФ					1,00	-0,12	0,16	-0,03	0,06	0,22	-0,28	-0,23	-0,05
СоцРФ						1,00	-0,18	-0,04	-0,02	-0,33	0,05	0,27	-0,04
СаМП							1,00	-0,19	0,34	0,53	-0,16	-0,04	0,37
МАИ								1,00	-0,08	0,04	-0,23	-0,02	0,05
МАИ(Э)									1,00	0,44	-0,33	0,14	0,42
ИС										1,00	0,20	0,14	0,76
ПД											1,00	0,33	0,42
СП												1,00	0,68
ОбЭ													1,00

Обозначения те же, что и для группы II.

Индекс когерентности структуры (ИКС) – 23; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 4; индекс организованности структуры (ИОС) – 19.

	РФР	РФН	РФБ	РФО	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП	ОбЭ
РФР	1,00	0,42	0,05	-0,01	0,31	0,05	0,11	0,11	-0,13	-0,53	-0,22	0,02	-0,22
РФН		1,00	0,32	-0,21	0,68	0,29	0,26	0,38	-0,14	-0,12	0,13	-0,31	-0,17
РФБ			1,00	-0,25	0,52	-0,03	-0,07	0,04	0,37	0,25	0,11	-0,35	0,17
РФО				1,00	0,06	-0,30	0,27	-0,19	0,20	-0,02	-0,09	0,27	0,11
СмРФ					1,00	0,13	0,23	0,08	0,21	-0,17	0,14	-0,43	-0,12
СоцРФ						1,00	-0,12	0,06	-0,23	-0,14	-0,13	0,08	-0,21
СаМП							1,00	0,16	-0,34	-0,04	-0,03	-0,04	-0,19
МАИ								1,00	0,03	0,06	0,36	0,01	0,09
МАИ(Э)									1,00	0,22	0,34	0,22	0,57
ИС										1,00	0,24	0,19	0,56
ПД											1,00	0,12	0,47
СП												1,00	0,61
ОбЭ													1,00

Обозначения те же, что и для групп II и III.

Индекс когерентности структуры (ИКС) – 23; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 8; индекс организованности структуры (ИОС) – 15.

Матрицы интеркорреляций метакогнитивных качеств при различных значениях степени развития обучаемости

Группа I

	РФР	РФН	РФБ	МР	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ (Э)	ИС	ПД	СП
РФР	1,00	0,28	-0,20	-0,33	-0,01	-0,08	0,41	0,19	-0,06	0,34	0,26	0,28
РФН		1,00	0,21	-0,28	0,17	-0,19	0,19	0,07	0,39	0,28	0,23	0,18
РФБ			1,00	-0,23	-0,16	0,12	-0,01	0,11	0,35	0,24	0,42	0,28
МР				1,00	0,12	-0,08	0,03	0,00	-0,70	-0,47	-0,36	-0,70
СмРФ					1,00	0,22	0,31	0,19	0,13	0,26	-0,06	-0,10
СоцРФ						1,00	-0,17	0,12	-0,05	-0,19	-0,02	0,33
СаМП							1,00	0,41	0,08	0,49	0,22	-0,33
МАИ								1,00	-0,04	0,27	-0,05	-0,15
МАИ (Э)									1,00	0,48	0,07	0,46
ИС										1,00	0,46	-0,01
ПД											1,00	0,19
СП												1,00

Обозначения: Методика диагностики рефлексивности (методика А.В. Карпова – В.В. Пономаревой): РФР – рефлексивность ретроспективная, РФН – рефлексивность настоящего, РФБ – рефлексивность будущего (по той же методике). МР – способность к метарешениям (шкала методики диагностики способности к метарешениям [91]). СмРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия (по методике уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта). СаМП – самооценка метакогнитивного поведения (по методике самооценки метакогнитивного поведения Д. ЛаКоста). Опросник метакогнитивной включенности в деятельность (Metacognitive Awareness Inventory): МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность (по опроснику метакогнитивной включенности в деятельность – Metacognitive Awareness Inventory). Шкалы методики Д. Эверсон: МАИ (Э) – метакогнитивная включенность в деятельность, ИС – использование стратегий, ПД – планирование действий, СП – самопроверка. Объем выборки (N) – 25 испытуемых. Индекс когерентности структуры (ИКС) – 19; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 11; индекс организованности структуры (ИОС) – 8.

	РФР	РФН	РФБ	МР	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ (Э)	ИС	ПД	СП
РФР	1,00	0,20	-0,21	-0,28	-0,15	-0,17	0,25	0,21	-0,05	0,30	0,40	0,29
РФН		1,00	0,06	-0,36	0,03	-0,21	0,12	-0,25	0,52	0,29	0,21	0,19
РФБ			1,00	-0,33	-0,21	0,01	-0,07	-0,09	0,14	0,01	0,11	0,21
МР				1,00	-0,14	0,08	-0,18	0,11	-0,60	-0,45	-0,45	-0,68
СмРФ					1,00	0,33	0,04	0,45	0,37	0,13	-0,11	0,14
СоцРФ						1,00	-0,32	0,39	-0,12	-0,23	-0,08	0,13
СаМП							1,00	0,13	0,12	0,57	0,41	-0,17
МАИ								1,00	0,00	0,31	0,20	0,00
МАИ(Э)									1,00	0,51	0,19	0,47
ИС										1,00	0,34	0,03
ПД											1,00	0,45
СП												1,00

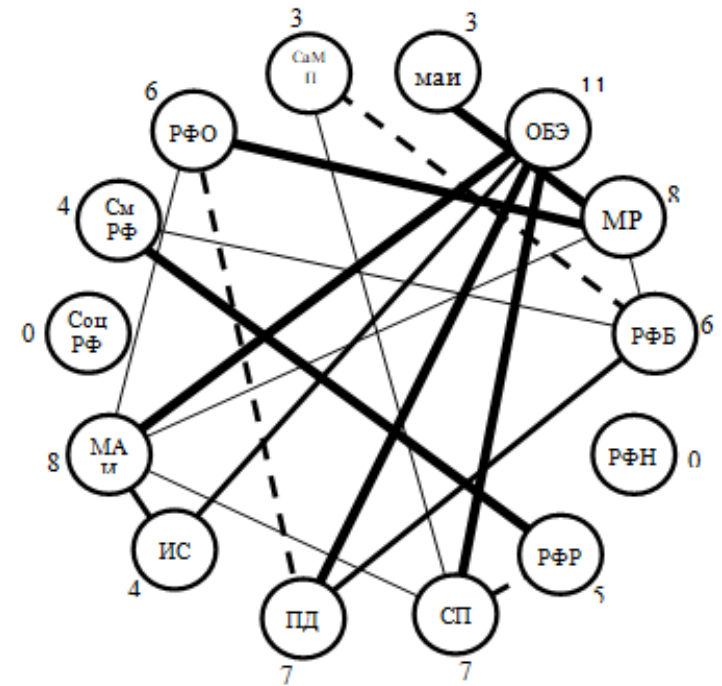
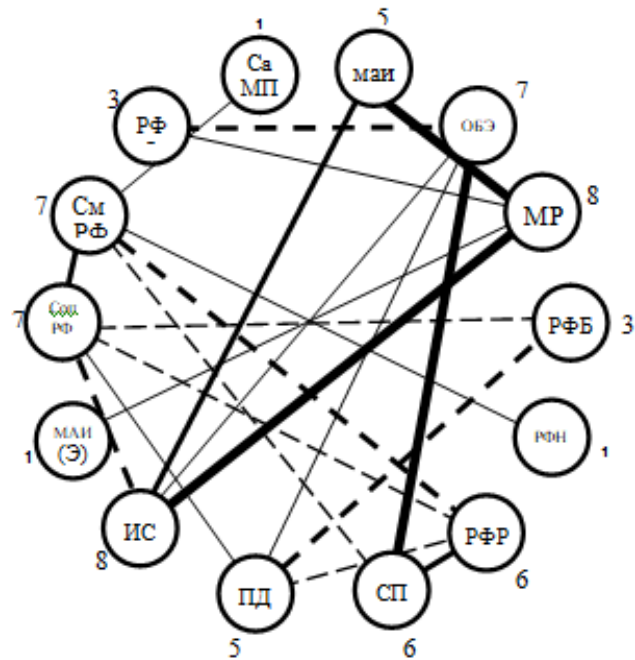
Обозначения те же, что и для группы I. Индекс когерентности структуры (ИКС) – 33; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 7; индекс организованности структуры (ИОС) – 26.

	РФР	РФН	РФБ	МР	СмРФ	СоцРФ	СаМП	МАИ	МАИ(Э)	ИС	ПД	СП
РФР	1,00	0,46	0,23	-0,22	0,07	-0,23	0,20	0,03	0,09	0,38	0,12	0,13
РФН		1,00	0,37	-0,31	0,31	0,19	0,51	0,41	0,28	0,32	0,28	-0,14
РФБ			1,00	-0,44	0,09	0,08	0,17	0,15	0,50	0,37	0,60	0,35
МР				1,00	0,04	-0,10	-0,07	-0,24	-0,55	-0,38	-0,18	-0,33
СмРФ					1,00	0,55	0,35	0,46	0,23	0,09	0,26	-0,15
СоцРФ						1,00	0,21	0,66	0,29	-0,01	0,17	0,04
СаМП							1,00	0,30	0,39	0,33	0,29	0,03
МАИ								1,00	0,22	-0,05	0,14	0,10
МАИ(Э)									1,00	0,47	0,33	0,44
ИС										1,00	0,66	0,47
ПД											1,00	0,22
СП												1,00

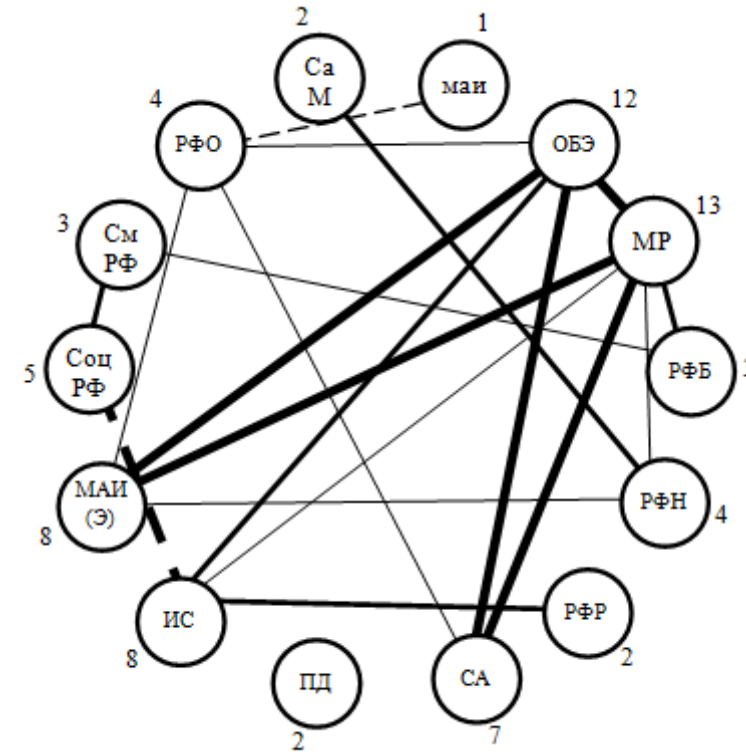
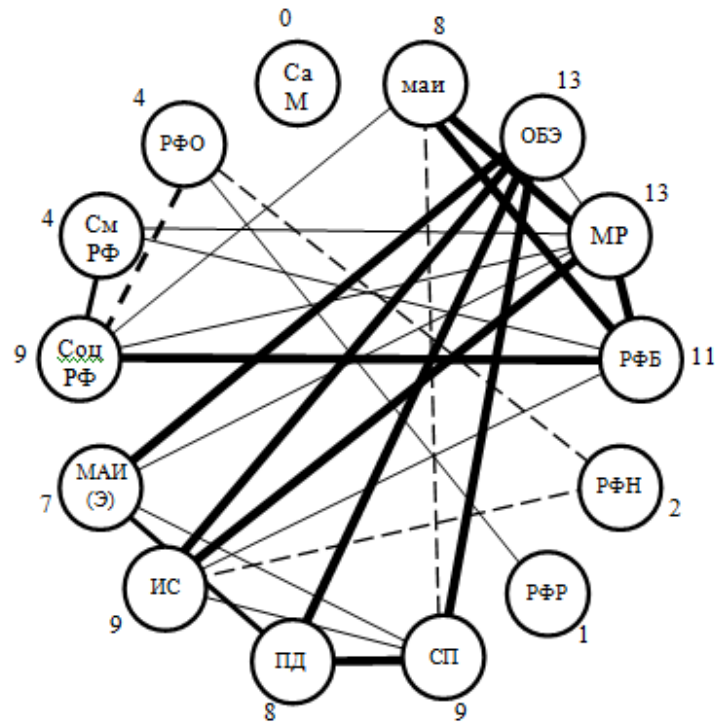
Обозначения те же, что и для группы I.

Индекс когерентности структуры (ИКС) – 39; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 7; индекс организованности структуры (ИОС) – 32.

Структурограммы метакогнитивных качеств при их изучении во взаимосвязи с интеллектом

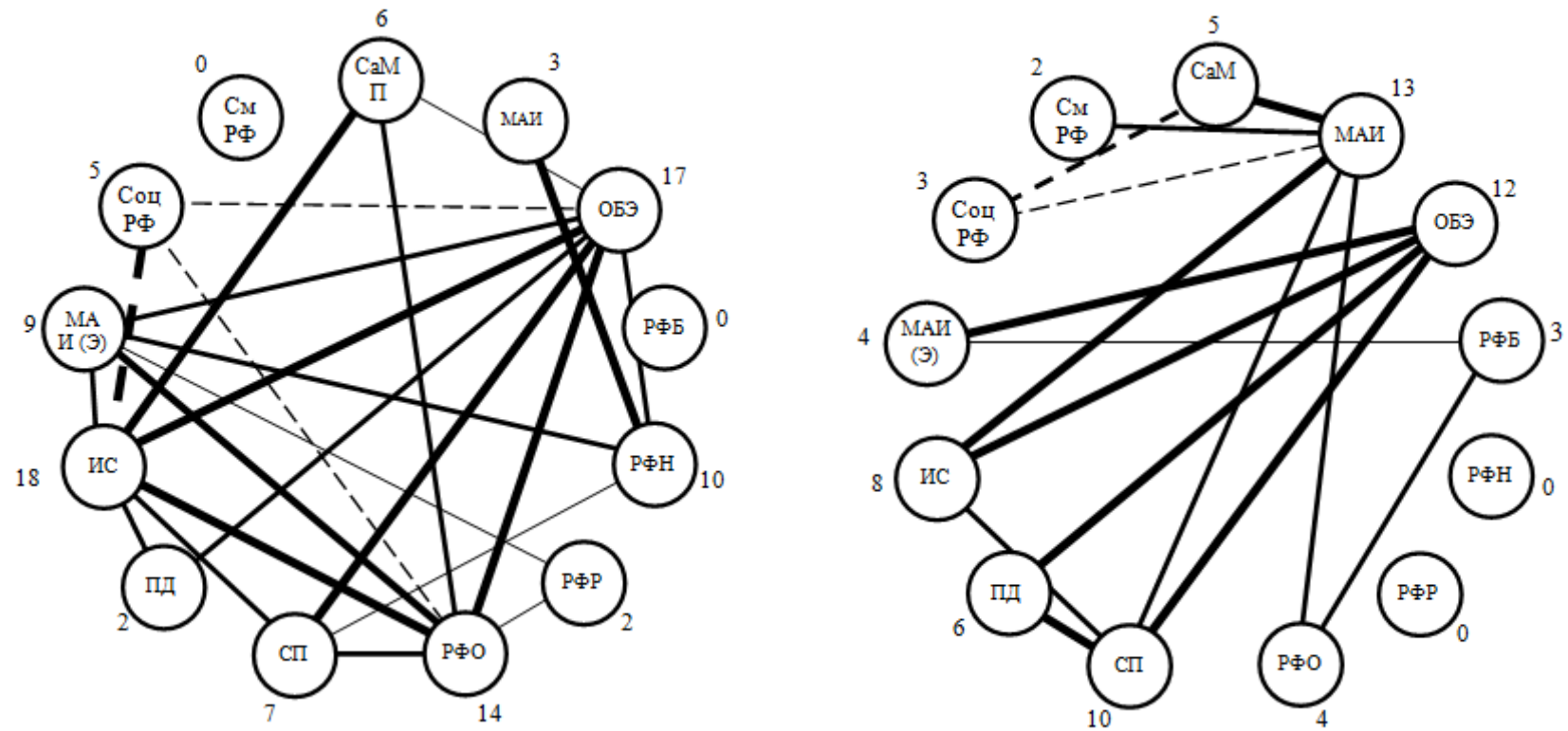

Структурограммы метакогнитивных качеств для I (слева) и II (справа) групп испытуемых при исследовании их взаимосвязи с интеллектом. *Обозначения* метакогнитивных качеств те же, что и в таблицах данного приложения; рядом с каждым качеством указан его общий структурный «вес». Жирной линией обозначены корреляции, значимые на $p = 0,01$; полужирной линией – корреляции, значимые на $p = 0,05$; тонкой линией – корреляции, значимые на $p = 0,10$. Пунктирными линиями обозначены отрицательные корреляции аналогичных уровней значимости.

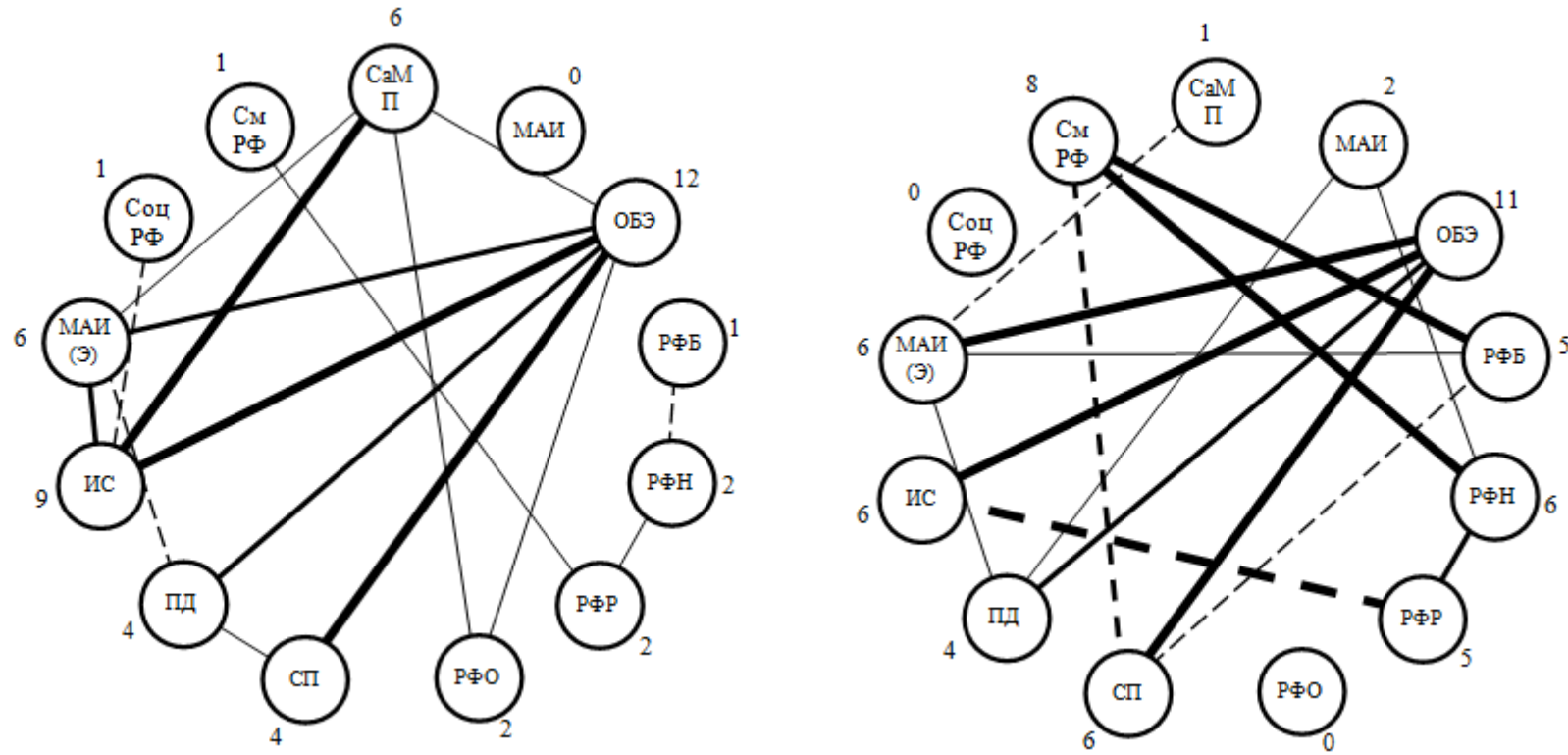

Структурограммы метакогнитивных качеств для III (слева) и IV (справа) групп испытуемых при исследовании их взаимосвязи с интеллектом. *Обозначения* те же, что и в таблицах данного приложения.

Структурограммы метакогнитивных качеств при их изучении во взаимосвязи с креативностью

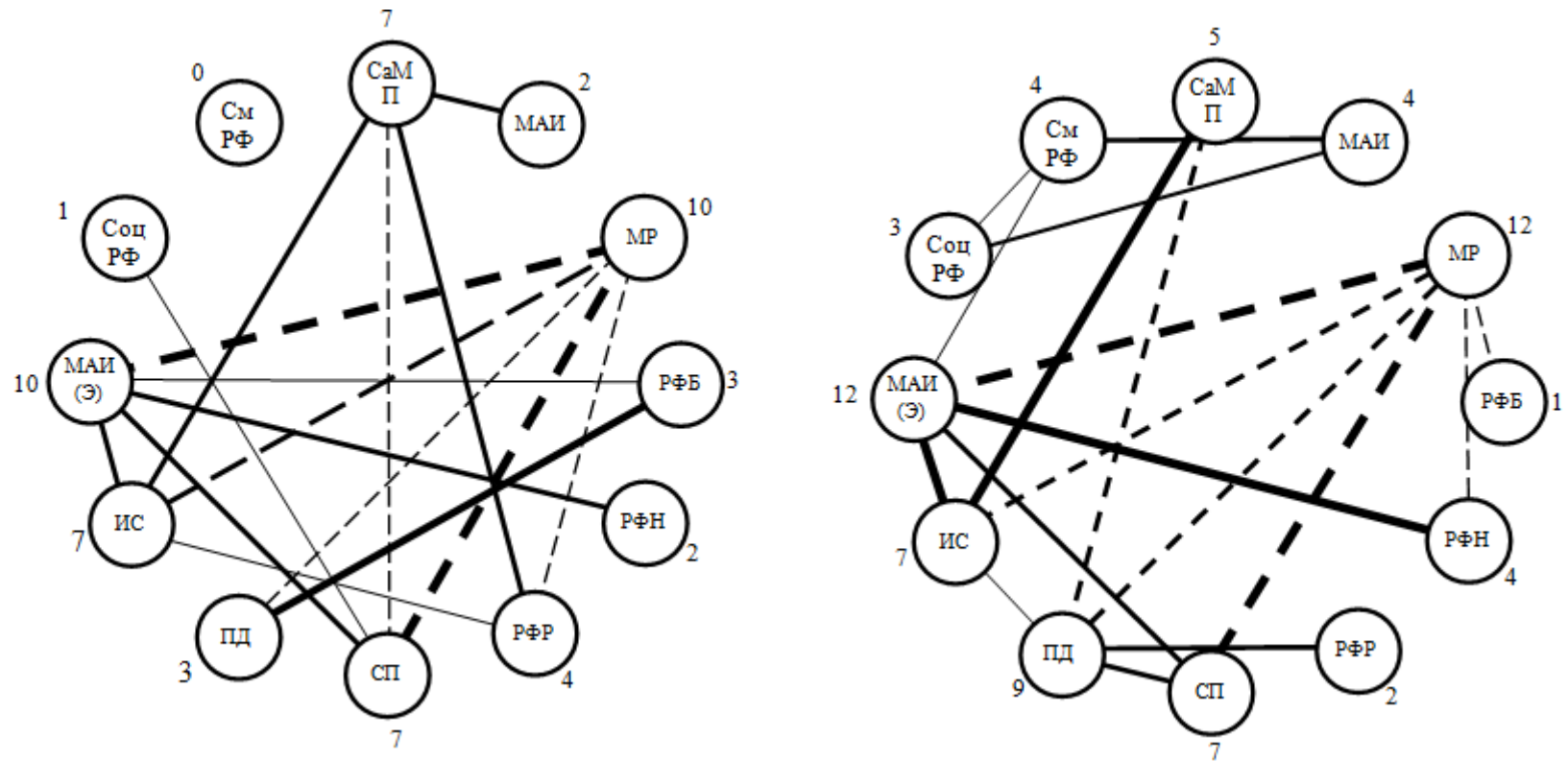

Структурограммы метакогнитивных качеств для I (слева) и II (справа) групп испытуемых при исследовании их взаимосвязи с креативностью. *Обозначения те же, что и в таблицах данного приложения.*

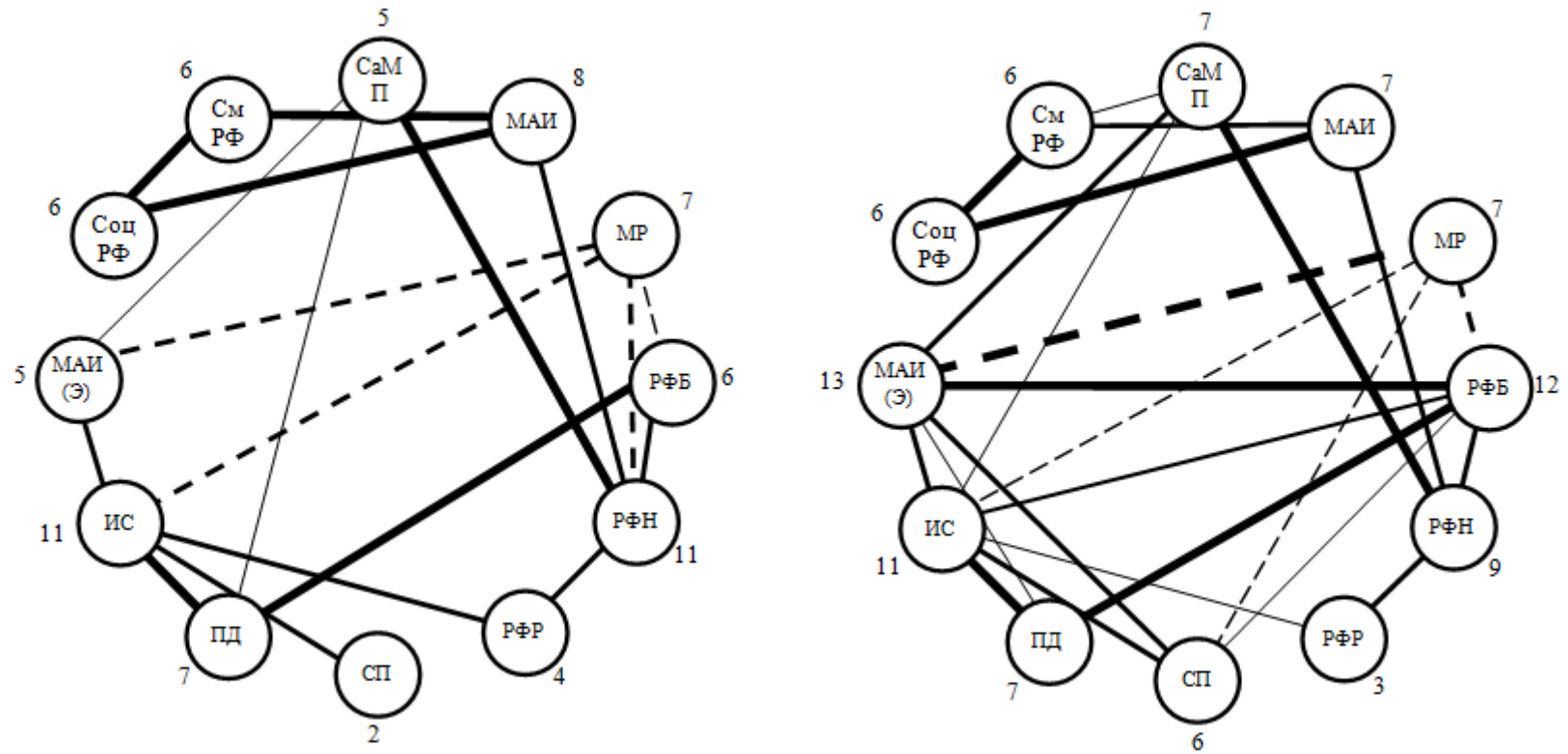

Структурограммы метакогнитивных качеств для III (слева) и IV (справа) групп испытуемых при исследовании их взаимосвязи с креативностью. *Обозначения те же, что и в таблицах данного приложения.*

Структурограммы метакогнитивных качеств при их изучении во взаимосвязи с обучаемостью

Структурограммы метакогнитивных качеств для I (слева) и II (справа) групп испытуемых при исследовании их взаимосвязи с обучаемостью. *Обозначения те же, что и в таблицах данного приложения.*

Структурограммы метакогнитивных качеств для III (слева) и IV (справа) групп испытуемых при исследовании их взаимосвязи с обучаемостью. *Обозначения те же, что и в таблицах данного приложения.*

**Первичные данные исследования взаимодействия процессов мышления
и метамышления методом факторных декомпозиций**

		М				
		-		+		
ММ	-	52	44	70	56	61
		45	49	52	60	
		61	52	58	71	
		60	43	50	60	
		34	27	58	51	
		54	56	44	64	
		39	32	68	48	
		36	28	66	72	
		50	44	56	65	
		38	36	46	45	
	+	42	46	86	78	51
		36	26	79	74	
		34	44	78	76	
		60	48	78	81	
		46	21	90	62	
		56	66	64	76	
		57	32	88	73	
		50	71	74	74	
		56	36	71	78	
58	34	74	66			
		45		67		

Обозначения: М – мышление, ММ – метамышление; «-» и «+» – соответственно, минимальный и максимальный уровень индивидуальной меры развития этих процессов. В ячейках представлены индивидуальные данные по каждому испытуемому (в процентах правильно выполненных заданий решений по отношению к их общему числу). Кроме того, по отношению к этим индивидуальным данным использовался «поправочный коэффициент», позволяющий учитывать также и скоростной параметр деятельности, то есть обратно пропорциональный времени выполнения заданий.

Первичные данные исследования взаимодействия двух «первичных» процессов (памяти и мышления) и «вторичных» – мнемотехнических процессов методом факторных декомпозиций

		М+П				
		-		+		
МТ	-	46	24	74	60	48
		44	40	44	59	
		51	56	54	34	
		42	47	48	54	
		42	37	64	49	
		33	42	54	48	
		40	28	49	64	
		37	42	34	54	
		28	44	44	59	
	47	60	62	72		
	+	48	70	94	86	60
		49	44	90	86	
		41	32	87	87	
		40	44	79	84	
		28	45	82	76	
		39	58	88	78	
		46	47	81	89	
		56	48	84	80	
		42	30	82	92	
43		29	74	81		
		43		60		

Обозначения: (М + П) – суммарный показатель степени развития двух «первичных» процессов – памяти и мышления; МТ – степень выраженности мнемотехнических средств; «-» и «+» – соответственно, минимальный и максимальный уровни индивидуальной меры развития этих процессов. Ячейки плана содержат индивидуальные данные испытуемых, входящих в подгруппы, которые образованы сочетаниями двух значениями переменных – (М+П) и МТ.

**Первичные данные исследования взаимодействия
«первичных» и «вторичных» знаний**

		З				
		-		+		
МЗ	-	50	38	59	58	46
		36	34	68	81	
		43	20	64	58	
		52	39	52	78	
		30	48	25	62	
		16	25	58	38	
		18	32	57	38	
		29		54		
	+	43	60	94	80	60
		48	42	80	66	
		36	27	88	80	
		41	24	76	62	
		56	60	82	77	
		57	24	77	68	
43	28	90	78			
41		73				
		38		68		

Обозначения: З – «первичные» знания, МЗ – «вторичные» знания (метазнания); «-» и «+» – соответственно, минимальный и максимальный уровень исследуемых переменных (З и МЗ).

Первичные данные диагностики основных когнитивных операций

О И	LS	GE	AN	OO	ОЗА	В	П1	П2
№ 1	12	18	12	12	7	5	5	6
№ 2	15	11	11	14	11	6	4	3
№ 3	12	14	19	22	14	3	3	8
№ 4	19	16	10	15	11	9	5	5
№ 5	17	16	16	13	12	5	5	3
№ 6	13	13	16	17	17	10	8	4
№ 7	9	14	11	25	14	9	5	5
№ 8	9	11	12	26	13	7	3	5
№ 9	10	10	13	14	11	6	7	7
№ 0	6	14	10	12	11	5	5	4
№ 11	12	12	14	18	12	8	8	6
№ 12	11	11	9	18	16	7	4	7
№ 13	15	15	11	19	17	5	8	3
№ 14	13	17	14	15	14	5	6	6
№ 15	15	14	15	28	13	4	5	2
№ 16	15	13	14	11	11	5	1	6
№ 17	11	12	12	12	18	4	5	4
№ 18	13	8	14	18	12	3	7	7
№ 19	11	10	14	19	9	9	5	5
№ 20	14	15	11	11	9	6	8	6
№ 21	12	14	15	13	10	8	8	3
№ 22	8	9	17	12	12	4	2	3
№ 23	14	14	13	19	6	5	4	9
№ 24	9	12	9	19	11	6	7	5
№ 25	12	7	12	12	12	8	8	2
№ 26	12	12	12	15	7	4	5	5
№ 27	11	20	13	27	8	2	3	7
№ 28	15	11	15	11	12	7	5	7
№ 29	18	14	16	11	15	4	3	4
№ 30	10	14	16	12	15	6	3	6

№ 31	14	13	13	18	8	4	3	4
№ 32	12	11	10	11	6	4	6	6
№ 33	17	10	11	13	14	3	8	8
№ 34	13	11	11	19	16	6	4	5
№ 35	11	15	10	23	7	3	6	5
№ 36	9	10	8	12	11	5	4	6
№ 37	12	16	18	26	14	4	8	4
№ 38	10	12	13	16	11	3	4	7
№ 39	12	18	14	18	18	8	6	10
№ 40	18	12	13	11	17	5	5	6
№ 41	19	15	16	10	14	4	5	5
№ 42	13	14	15	24	14	5	3	4
№ 43	20	16	14	14	11	8	7	3
№ 44	13	13	12	16	12	2	4	4
№ 45	11	13	14	16	12	4	9	9
№ 46	8	14	16	18	16	10	2	7
№ 47	11	11	18	21	13	4	5	6
№ 48	17	10	8	15	14	6	6	5
№ 49	6	16	10	14	16	8	7	4
№ 50	19	7	16	20	11	3	3	6
№ 51	13	14	15	18	15	6	5	4
№ 52	13	8	10	15	13	9	4	3
№ 53	16	11	12	18	10	5	7	7
№ 54	12	10	14	22	10	4	8	7
№ 55	11	8	12	24	13	8	5	5
№ 56	17	17	10	17	8	4	6	8
№ 57	14	14	13	15	10	6	4	4
№ 58	17	13	14	19	9	7	6	7
№ 59	12	8	13	23	10	4	5	5
№ 60	11	14	11	17	12	5	7	6

Обозначения: И – испытуемые, О – когнитивные операции: LS, GE, AN, OO, ОЗА – показатели субтестов из методики Р. Амтхауэра; П1, П2, В – соответственно, данные по методикам на диагностику мнемических и перцептивных операций [91].

**Матрицы интеркорреляций результативных параметров
когнитивных операций**

Подгруппа с относительно наиболее низким значением
метакогнитивного потенциала

О	LS	GE	AN	ОО	ОЗА	В	П1	П2
LS	1,00	0,381	0,370	0,152	-0,109	0,403	0,332	0,614**
GE		1,00	0,101	-0,100	0,669**	0,491*	0,090	0,078
AN			1,00	0,592**	0,307	0,179	0,506*	-0,158
ОО				1,00	0,247	-0,550*	0,254	0,236
ОЗА					1,00	0,171	0,081	0,039
В						1,00	-0,463*	0,215
П1							1,00	0,702**
П2								1,00

Подгруппа с относительно наиболее высоким значением
метакогнитивного потенциала

О	LS	GE	AN	ОО	ОЗА	В	П1	П2
LS	1,00	0,641**	0,409	0,412	0,203	-0,173	0,168	0,124
GE		1,00	0,594**	0,621**	0,205	0,194	0,68**	0,253
AN			1,00	0,662**	0,102	-0,471*	0,541*	0,059
ОО				1,00	0,704**	-0,561*	0,204	0,104
ОЗА					1,00	0,369	0,651**	-0,544*
В						1,00	0,149	-0,110
П1							1,00	0,646**
П2								1,00

Обозначения: О – исследуемые операции: LS, GE, AN, ОО, ОЗА – показатели субтестов из методики Р. Амтхауэра; П1, П2, В – соответственно, данные по методикам на диагностику мнемических и перцептивных операций; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

**Матрицы интеркорреляций мыслительных операций на элементном уровне
организации метакогнитивной сферы**

Подгруппа с относительно низкими значениями метакогнитивного потенциала

О	LS	GE	AN	ОО	ОЗА	ГС
LS	1,00	0,404	0,309	0,384	0,038	0,571**
GE		1,00	0,204	0,201	0,554**	0,522**
AN			1,00	0,602**	0,145	-0,561**
ОО				1,00	-0,104	0,601**
ОЗА					1,00	-0,101
ГС						1,00

Подгруппа с относительно высокими значениями метакогнитивного потенциала

О	LS	GE	AN	ОО	ОЗА	ГС
LS	1,00	0,661**	0,369	0,366	-0,145	-0,534**
GE		1,00	0,593**	0,672**	0,104	-0,080
AN			1,00	0,564**	0,079	0,643**
ОО				1,00	0,623**	-0,601**
ОЗА					1,00	0,560**
ГС						1,00

Обозначения: О – исследуемые операции; LS, GE, AN, ОО, ОЗА, ГС – показатели суб-тестов из методики Р. Амтхауэра; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

**Первичные данные диагностики степени развития интегральных процессов
регуляции деятельности и экспертной оценки управленческих функций**

И П	ИП						Ф					
	М	Ц	П (ИОД)	ПР	ПП	СК	М	Ц	П (ИОД)	ПР	ПП	С
№ 1	80	64	77	63	71	66	75	65	65	45	60	60
№ 2	76	52	66	59	83	67	75	50	50	30	45	55
№ 3	68	54	73	44	69	53	75	75	90	55	70	60
№ 4	78	48	72	58	71	71	70	55	75	50	55	50
№ 5	77	58	74	55	72	72	75	50	85	35	45	55
№ 6	79	57	70	56	79	70	80	65	60	50	65	55
№ 7	78	46	71	41	78	72	80	50	40	45	50	50
№ 8	88	39	75	41	55	74	80	75	85	40	50	40
№ 9	85	42	85	39	65	80	65	60	80	40	40	35
№ 10	89	54	63	54	74	69	85	70	65	45	70	45
№ 11	80	52	65	53	64	60	70	55	85	30	55	55
№ 12	88	61	75	63	61	69	85	90	70	60	85	35
№ 13	65	53	72	85	72	71	75	60	85	55	60	75
№ 14	78	58	79	57	69	72	80	45	55	55	50	55
№ 15	86	43	70	45	71	68	80	60	45	55	45	45
№ 16	69	67	73	59	68	79	75	80	80	40	75	35
№ 17	88	60	71	61	71	62	80	85	85	60	75	60
№ 18	87	54	72	53	89	67	70	65	65	50	70	50

№ 19	85	64	74	66	74	69	75	40	90	45	40	45
№ 20	88	62	74	79	82	78	75	70	60	50	60	70
№ 21	78	53	75	55	74	70	75	40	85	55	40	55
№ 22	79	61	71	61	69	61	75	85	85	60	85	55
№ 23	77	52	69	74	87	48	70	65	35	60	60	70
№ 24	79	50	78	50	72	88	80	70	45	45	70	50
№ 25	80	52	72	54	70	72	75	45	90	40	45	55
№ 26	67	57	74	56	72	79	80	80	50	35	80	55
№ 27	81	64	61	60	84	37	60	60	45	55	60	60
№ 28	79	43	63	47	79	56	70	75	80	55	70	45
№ 29	84	51	54	49	62	53	70	55	55	55	60	45
№ 30	88	58	64	60	88	54	75	60	85	50	55	35
№ 31	71	56	68	55	62	66	80	55	75	40	55	50
№ 32	78	43	64	41	59	61	75	85	55	45	85	40
№ 34	74	68	73	64	72	71	75	80	80	60	80	60
№ 35	84	54	72	50	72	64	75	70	80	45	70	50
№ 36	66	51	64	68	61	63	65	70	55	30	70	65
№ 37	78	51	68	49	64	70	80	85	70	50	80	45
№ 38	82	67	73	64	83	74	75	45	35	55	40	60
№ 39	85	56	72	55	81	69	70	70	75	45	75	50
№ 40	79	53	70	52	67	51	70	55	45	55	55	55
№ 41	88	54	88	50	78	79	80	80	65	50	75	55
№ 42	77	43	71	51	74	85	75	85	55	45	85	50
№ 43	76	49	72	38	83	82	70	30	85	45	45	45
№ 44	74	51	74	54	69	71	75	65	55	50	65	35
№ 45	77	52	73	51	70	73	75	60	90	55	60	55

№ 46	86	58	64	53	82	63	65	70	55	40	65	45
№ 47	85	53	67	42	86	66	70	85	65	35	85	55
№ 48	58	47	66	44	61	59	70	60	50	35	65	45
№ 49	84	52	74	53	73	75	75	85	50	40	85	50
№ 50	88	57	72	65	85	76	75	75	90	35	75	60
№ 51	58	56	73	58	72	72	75	50	40	55	50	55
№52	83	58	79	57	74	74	80	55	40	65	50	55
№ 53	76	51	65	49	66	63	75	40	65	40	40	50
№ 54	86	38	59	40	67	54	80	60	50	40	60	40
№ 55	84	41	78	40	86	80	75	55	35	35	55	40
№ 56	85	52	73	51	79	71	75	35	65	55	40	50
№ 57	78	44	79	42	78	72	80	55	50	35	55	45
№ 58	72	58	72	56	71	69	70	50	75	50	50	55
№ 59	78	38	71	51	69	67	75	40	65	45	45	50
№ 60	86	41	74	40	81	73	70	50	80	45	50	40
Среднее	78	52	70	53	72	67	75	60	65	45	60	50

Обозначения: И – испытуемые, П – данные, соответственно, по результатам исследования интегральных процессов (ИП) и основных функций (Ф); М – мотивационно-регулятивные процессы, Ц – целеобразование, П (ИОД) – прогнозирование (на основе информационной основы деятельности), ПР – принятие решения, ПП – планирование и программирование, СК – самоконтроль, М – мотивирование, Ц – целеполагание, П (ИОД) – прогнозирование (на основе информационной основы деятельности), ПР – принятие решения, ПП – планирование и программирование, К – контроль. Результаты представлены в единицах, предусмотренных использованными исследовательскими и диагностическими методиками.

**Матрицы интеркорреляций степени развития интегральных процессов
регуляции деятельности**

Подгруппа руководителей с относительно наиболее низкими значениями
экспертной оценки эффективности деятельности

	М	Ц	П (ИОД)	ПР	ПП	СК
М	1,00	0,439	0,318	0,621**	0,482*	0,503*
Ц		1,00	0,484*	0,521*	-0,554*	0,703**
П (ИОД)			1,00	0,229	0,248	-0,501*
ПР				1,00	0,105	0,169
ПП					1,00	0,088
СК						1,00

Подгруппа руководителей со средними значениями экспертной оценки
эффективности деятельности

	М	Ц	П (ИОД)	ПР	ПП	СК
М	1,00	0,584**	0,159	0,623**	-0,268	0,117
Ц		1,00	0,136	0,702**	0,101	0,481*
П (ИОД)			1,00	-0,461*	0,592**	0,005
ПР				1,00	0,603**	-0,501*
ПП					1,00	0,564*
СК						1,00

Подгруппа руководителей с относительно наиболее высокими значениями
экспертной оценки эффективности деятельности

	М	Ц	П (ИОД)	ПР	ПП	СК
М	1,00	0,644**	0,481*	0,682**	0,209	0,473*
Ц		1,00	0,704**	0,582**	-0,417*	0,503*
П (ИОД)			1,00	0,520*	0,068	0,031
ПР				1,00	0,714**	0,600**
ПП					1,00	0,581*
СК						1,00

Обозначения: М – мотивационно-регулятивные процессы, Ц – целеобразование, П (ИОД) – прогнозирование (на основе информационной основы деятельности), ПР – принятие решения, ПП – планирование и программирование, СК – самоконтроль; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

**Матрицы интеркорреляций данных экспертной оценки реализации
основных управленческих функций**

Подгруппа руководителей с относительно наиболее низкими значениями
экспертной оценки эффективности деятельности

	М	Ц	П (ИОД)	ПР	ПП	К
М	1,00	0,701**	0,209	0,614**	-0,483*	0,458*
Ц		1,00	0,210	0,204	-0,542*	0,303
П (ИОД)			1,00	0,584**	0,024	0,501*
ПР				1,00	0,492*	0,070
ПП					1,00	0,149
К						1,00

Подгруппа руководителей со средними значениями
экспертной оценки эффективности деятельности

	М	Ц	П (ИОД)	ПР	ПП	К
М	1,00	0,601**	0,259	0,644**	0,258	0,502*
Ц		1,00	0,581**	0,176	0,335	0,521*
П (ИОД)			1,00	0,484*	-0,603**	0,502*
ПР				1,00	0,299	0,581**
ПП					1,00	-0,501*
К						1,00

Подгруппа руководителей с относительно наиболее высокими значениями
экспертной оценки эффективности деятельности

	М	Ц	П (ИОД)	ПР	ПП	К
М	1,00	0,309	0,604**	0,581**	-0,463*	0,592**
Ц		1,00	0,461*	0,693**	0,146	0,544*
П (ИОД)			1,00	0,502*	0,601**	0,631**
ПР				1,00	0,594**	0,484*
ПП					1,00	0,146
К						1,00

Обозначения: М – мотивирование, Ц – целеполагание, П (ИОД) – прогнозирование (на основе информационной основы деятельности), ПР – принятие решения, ПП – планирование и программирование, К – контроль; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

Матрицы интеркорреляций подсистем метакогнитивной сферы в подгруппах руководителей основных общеуправленческих стилей

Подгруппа руководителей с демократическим стилем управления

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	-0,319	0,316	0,591**	0,118	0,611**	-0,110	0,493**
МР		1,00	0,281	-0,392*	0,691**	0,299	0,071	0,061
МЭ			1,00	0,282	0,202	-0,401*	0,703**	0,199
Мко				1,00	0,145	0,494**	0,159	-0,213
П					1,00	0,521**	0,125	0,128
М						1,00	0,381*	0,305
ИН							1,00	0,255
ИА								1,00

Подгруппа руководителей с авторитарным стилем управления

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	0,309	0,481**	0,403*	0,208	-0,113	-0,614**	0,177
МР		1,00	0,301	-0,602**	0,389*	0,090	0,094	0,157
МЭ			1,00	-0,285	0,189	0,101	0,408*	-0,115
МКо				1,00	0,204	0,309	-0,484**	0,393*
П					1,00	0,401*	0,513**	0,278
М						1,00	0,582**	0,177
ИН							1,00	0,581**
ИА								1,00

Обозначения: ПС – подсистемы; МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКо – метакоммуникативная, П – процедуральная, М – мониторинговая, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

Подгруппа руководителей с попустительским стилем управления

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	0,159	0,128	0,411*	-0,300	0,177	0,166	0,413*
МР		1,00	0,204	0,106	0,009	0,104	-0,402*	0,085
МЭ			1,00	-0,394*	-0,166	-0,384*	0,177	0,501**
МКо				1,00	0,206	0,503**	-0,472*	0,205
П					1,00	0,490**	0,105	0,166
М						1,00	0,147	0,068
ИН							1,00	-0,204
ИА								1,00

Обозначения: ПС – подсистемы; МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКо – метакоммуникативная, П – процедуральная, М – мониторинговая, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

**Матрицы интеркорреляций основных параметров метакогнитивной сферы
в подгруппе мужчин-руководителей**

П	МАИ	РР	РН	ПР	ИР	СР	СМП	ММ	МП	ПД	СП	MSLQ
МАИ	1,00	0,315	0,206	-0,207	0,104	0,102	0,308	0,077	0,124	0,256	-0,165	0,125
РР		1,00	0,176	0,187	0,501**	0,204	-0,115	0,049	-0,392*	0,101	-0,103	0,188
РН			1,00	0,204	0,393*	-0,149	0,168	0,494**	-0,187	0,276	0,484**	0,304
ПР				1,00	0,453*	0,169	0,104	0,278	0,204	0,177	0,209	0,210
ИР					1,00	0,204	0,179	0,602**	0,315	-0,459*	0,309	0,442*
СР						1,00	-0,401*	0,179	0,278	-0,412*	0,246	0,035
СМП							1,00	0,079	0,068	0,147	0,146	0,110
ММ								1,00	0,179	0,178	0,276	0,274
МП									1,00	0,149	0,703**	0,104
ПД										1,00	0,248	0,307
СП											1,00	0,444*
MSLQ												1,00

Обозначения: П – метакогнитивные параметры: МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность, РР – ретроспективная рефлексия, РН – рефлексия настоящего, ПР – перспективная рефлексия, ИР – интегральный показатель рефлексивности, СР – саморефлексия, СМП – самооценка метакогнитивного поведения ММ – метамышление, МП – метапамять, ПД – планирование действий, MSLQ – сформированность мотивационных метакогнитивных стратегий; * – связи, значимые на $p = 0,05$, ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

**Матрицы интеркорреляций основных параметров метакогнитивной сферы
в подгруппе женщин-руководителей**

П	МАИ	РР	РН	ПР	ИР	СР	СМП	ММ	МП	ПД	СП	MSLQ
МАИ	1,00	0,329	0,184	0,176	0,185	-0,149	0,391*	0,078	0,017	0,664**	0,623**	-0,110
РР		1,00	-0,316	0,175	0,422*	0,079	0,188	0,254	-0,404*	0,187	-0,206	0,205
РН			1,00	-0,239	0,421*	0,218	0,512**	0,347	-0,146	0,402*	0,125	0,204
ПР				1,00	0,544**	0,175	0,156	0,681**	0,147	0,128	0,107	0,106
ИР					1,00	0,265	0,256	0,329	0,128	-0,383*	0,067	0,702**
СР						1,00	-0,401*	0,116	-0,115	-0,464*	0,045	-0,276
СМП							1,00	0,127	0,088	0,009	0,175	0,602**
ММ								1,00	0,553**	0,176	0,177	0,078
МП									1,00	0,209	0,204	0,153
ПД										1,00	0,102	0,100
СП											1,00	0,591**
MSLQ												1,00

Обозначения: П – метакогнитивные параметры: МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность, РР – ретроспективная рефлексия, РН – рефлексия настоящего, ПР – перспективная рефлексия, ИР – интегральный показатель рефлексивности, СР – саморефлексия, СМП – самооценка метакогнитивного поведения ММ – метамышление, МП – метапамять, ПД – планирование действий, MSLQ – сформированность мотивационных метакогнитивных стратегий; * – связи, значимые на $p = 0,05$, ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

**Матрицы интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы
в подгруппах руководителей мужчин и женщин**

Подгруппа мужчин-руководителей

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
М	1,00	-0,204	0,202	0,105	0,489**	0,004	0,388*	0,189
МР		1,00	0,381*	-0,404*	0,637**	0,516**	0,521**	0,116
МЭ			1,00	0,346	0,217	0,202	-0,175	0,086
МКо				1,00	-0,434*	0,245	-0,226	0,387
П					1,00	0,703**	0,493**	0,102
М						1,00	0,511**	0,078
ИН							1,00	0,069
ИА								1,00

Подгруппа женщин-руководителей

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	0,104	0,424*	0,583**	-0,102	0,205	-0,392*	0,681**
МР		1,00	0,206	0,187	0,401*	-0,248	0,251	0,012
МЭ			1,00	0,259	0,482**	-0,593**	-0,204	0,176
МКо				1,00	0,302	0,256	0,464*	0,616**
П					1,00	0,177	0,104	-0,102
М						1,00	0,176	0,139
ИН							1,00	0,269
ИА								1,00

Обозначения: ПС – основные подсистемы; МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКо – метакоммуникативная, П – процедуральная, М – мониторинговая, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная подсистема; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

Первичные результаты диагностики параметров метакогнитивной сферы

в трех различных стажных группах

Первая группа (от 3 до 5 лет)

Исп.	ММ	МП	СамРФ	СоцРФ	РФН	ИРФ	ПД	СП	ЗМ	МАІ	ШМП	МР
1	3	3	6	3	5	8	6	4	3	3	6	8
2	5	4	6	8	6	3	7	6	3	7	6	2
3	8	5	4	5	3	4	4	5	10	6	5	4
4	9	3	6	7	5	5	8	7	9	7	6	8
5	9	6	3	10	5	8	7	5	9	6	5	7
6	7	7	5	7	9	2	3	4	5	5	2	4
7	8	5	6	6	10	8	8	6	8	9	5	6
8	9	5	5	7	8	4	8	7	7	8	4	5
9	7	3	4	4	7	7	3	6	9	6	5	9
10	7	9	5	5	5	5	4	8	6	6	5	6
11	7	3	5	6	5	4	4	5	7	6	3	4
12	7	5	10	6	5	7	6	6	5	6	5	4
13	8	7	6	10	5	7	4	7	8	4	7	8
14	6	3	4	4	5	4	6	3	8	5	3	4
15	9	4	10	7	7	7	4	7	5	6	3	2
16	6	6	6	6	5	4	4	4	4	8	6	5
17	5	3	6	4	7	2	3	6	7	4	5	3
18	7	10	9	8	7	9	8	5	7	7	8	4
19	9	8	4	7	8	5	4	6	4	6	4	7
20	8	4	6	8	6	6	6	6	9	6	6	4
21	7	5	6	6	6	5	7	6	7	7	6	6
22	7	6	5	5	6	4	2	4	8	5	5	2
23	8	7	4	7	6	6	8	6	4	4	5	7
24	6	6	6	3	5	7	7	6	6	7	6	7
25	6	5	5	5	5	8	5	3	6	6	3	1

Вторая группа (10-12 лет)

Исп.	ММ	МП	СамРФ	СоцРФ	РФН	ИРФ	ПД	СП	ЗМ	МАИ	ШМП	МР
1	10	4	9	4	5	7	10	10	7	6	7	9
2	8	6	6	8	6	5	4	7	6	5	5	1
3	4	5	4	6	8	8	4	5	6	4	4	4
4	6	7	4	6	6	6	2	4	5	6	8	9
5	10	5	8	6	6	6	8	8	5	10	4	7
6	4	5	6	5	5	6	2	6	5	4	8	6
7	6	3	4	4	5	5	3	4	7	8	5	4
8	7	3	5	5	6	7	5	5	4	4	5	3
9	5	6	4	8	5	6	3	5	2	4	8	1
10	7	6	8	4	6	8	7	7	5	8	6	6
11	6	5	5	8	4	5	4	6	10	6	7	7
12	5	5	5	5	5	7	3	5	7	8	7	3
13	9	4	10	7	7	7	4	7	5	6	3	2
14	6	6	6	4	7	6	7	7	10	4	8	8
15	6	5	1	5	4	3	4	7	5	6	7	6
16	7	5	6	7	6	4	6	8	9	4	6	7
17	5	8	3	9	6	6	3	6	10	4	5	3
18	8	7	4	7	5	5	4	8	6	7	6	9
19	3	3	6	3	5	8	6	4	3	3	6	8
20	8	4	5	5	8	9	5	7	4	7	7	5
21	8	5	6	5	6	6	5	7	8	8	9	7
22	8	6	4	8	8	5	6	5	7	7	1	7
23	9	4	5	8	4	6	8	9	10	10	10	4
24	9	6	5	4	6	6	3	5	4	6	8	4
25	6	7	6	7	7	7	6	6	8	3	3	5

Третья группа (20-22 года)

Исп.	ММ	МП	СамРФ	СоцРФ	РФН	ИРФ	ПД	СП	ЗМ	МАІ	ШМП	МР
1	5	3	4	4	3	7	7	4	6	5	3	3
2	6	4	9	6	5	7	6	5	3	3	6	10
3	7	7	4	3	8	9	5	5	9	8	3	10
4	8	5	3	6	6	3	6	6	9	9	4	6
5	7	10	4	6	5	5	6	8	5	3	8	9
6	6	6	6	8	6	8	6	7	8	7	7	7
7	5	5	4	8	6	9	4	4	10	8	4	7
8	7	2	9	6	4	4	5	6	10	5	5	7
9	1	6	3	6	4	6	5	6	5	6	9	8
10	2	7	6	8	6	7	6	5	7	6	8	8
11	8	4	4	8	2	3	5	3	8	7	4	7
12	8	7	5	9	7	9	7	9	9	5	8	2
13	6	6	6	4	7	6	7	7	10	4	8	8
14	5	5	5	8	5	7	5	4	5	6	5	8
15	8	7	7	8	9	9	6	9	7	10	9	7
16	5	3	6	4	3	2	3	5	7	4	4	7
17	7	2	1	8	6	5	7	7	7	7	5	3
18	4	5	6	5	2	6	5	6	5	4	8	6
19	5	3	4	5	6	6	3	4	8	5	6	9
20	9	4	1	7	3	5	6	4	5	6	5	4
21	6	6	4	9	7	6	7	4	1	6	7	6
22	8	5	5	8	8	8	9	8	7	8	6	6
23	7	5	4	9	6	5	9	9	8	6	4	7
24	5	3	4	5	5	9	5	5	3	3	2	10
25	10	8	9	8	6	5	5	3	10	8	8	9

Обозначения: ММ – метамышление, МП – метапамять, СамРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия, РФН – рефлексия настоящего, ИРФ – интегральный уровень рефлексивности, ПД и СП – шкалы «самопроверка» и «планирование действий» из методики Д. Эверсон, ЗМ – знание мониторинга, МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность, ШМП – шкала метакогнитивного поведения по методике Д. ЛаКоста, МР – метарешения; данные представлены в единицах перевода «сырых» результатов тестовых методик в стеновые оценки.

Матрица интеркорреляций параметров метакогнитивной сферы в различных стажных группах

Матрица интеркорреляций параметров метакогнитивной сферы в I-ой стажной группе

П	ММ	МП	СамРФ	СоцРФ	РФН	ИРФ	ПД	СП	ЗМ	МАИ	ШМП	МР
ММ	1,00	0,26	-0,06	0,60	0,22	0,10	0,14	0,47	0,44	0,35	-0,14	0,16
МП		1,00	0,04	0,35	0,15	0,20	0,03	0,14	-0,18	0,09	0,25	0,08
СамРФ			1,00	0,08	0,10	0,29	0,13	0,24	-0,33	0,15	0,25	-0,33
СоцРФ				1,00	0,14	0,12	0,25	0,29	0,10	0,15	0,19	0,03
РФН					1,00	-0,05	0,06	0,16	-0,14	0,27	-0,23	-0,01
ИРФ						1,00	0,39	0,04	0,07	0,08	0,35	0,31
ПД							1,00	0,19	-0,02	0,41	0,36	0,24
СП								1,00	0,08	0,21	0,29	0,39
ЗМ									1,00	0,25	0,10	0,12
МАИ										1,00	0,11	-0,07
ШМП											1,00	0,39
МР												1,00

Обозначения: П – метакогнитивные параметры: ММ – метамышление, МП – метапамять, СамРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия, РФН – рефлексия настоящего, ИРФ – интегральный уровень рефлексивности, ПД и СП – шкалы «самопроверка» и «планирование действий» из методики Д. Эверсон, ЗМ – знание мониторинга, МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность, ШМП – шкала метакогнитивного поведения по методике Д. ЛаКоста, МР – метарешения. Объем выборки испытуемых (N) – 25. Индекс когерентности структуры (ИКС) – 18; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 2; индекс организованности структуры (ИОС) – 16.

Матрица интеркорреляций параметров метакогнитивной сферы во II-ой стажной группе

П	ММ	МП	СамРФ	СоцРФ	РФН	ИРФ	ПД	СП	ЗМ	МАИ	ШМП	МР
ММ	1,00	-0,07	0,45	0,10	0,10	-0,10	0,50	0,65	0,08	0,60	-0,05	0,08
МП		1,00	-0,26	0,48	0,18	-0,23	-0,25	-0,01	0,23	-0,17	-0,07	0,06
СамРФ			1,00	-0,21	0,18	0,43	0,52	0,43	-0,04	0,13	-0,14	0,08
СоцРФ				1,00	0,04	-0,34	-0,16	0,14	0,32	-0,03	-0,26	-0,34
РФН					1,00	0,44	0,06	-0,15	0,07	-0,20	-0,55	-0,08
ИРФ						1,00	0,19	-0,12	-0,32	-0,07	-0,05	-0,11
ПД							1,00	0,67	0,25	0,25	-0,07	0,38
СП								1,00	0,35	0,32	0,19	0,24
ЗМ									1,00	0,11	0,06	0,19
МАИ										1,00	0,16	0,10
ШМП											1,00	0,15
МР												1,00

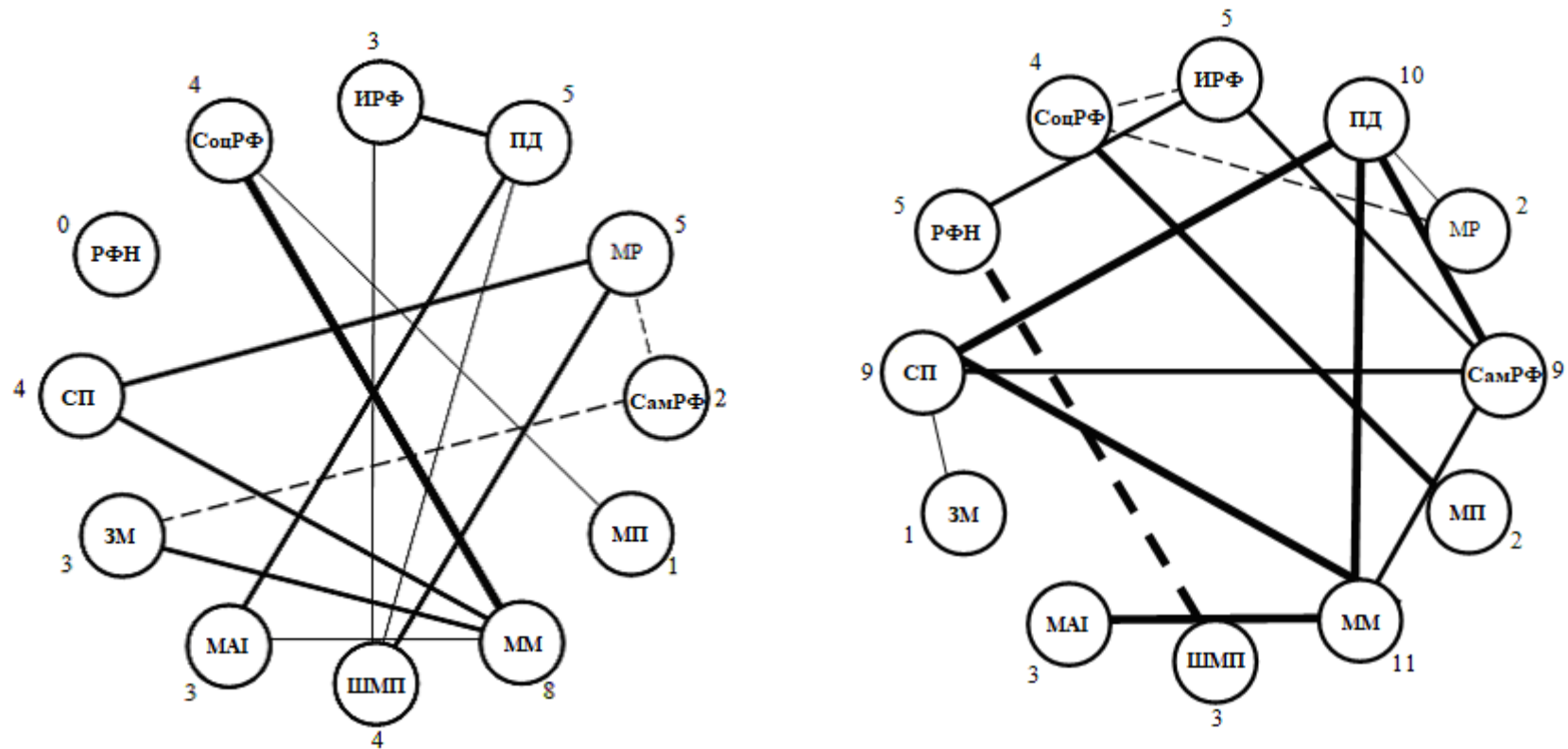
Обозначения те же, что и для группы I. Индекс когерентности структуры (ИКС) – 27; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 5; индекс организованности структуры (ИОС) – 22.

Матрица интеркорреляций параметров метакогнитивной сферы в III-ей стажной группе

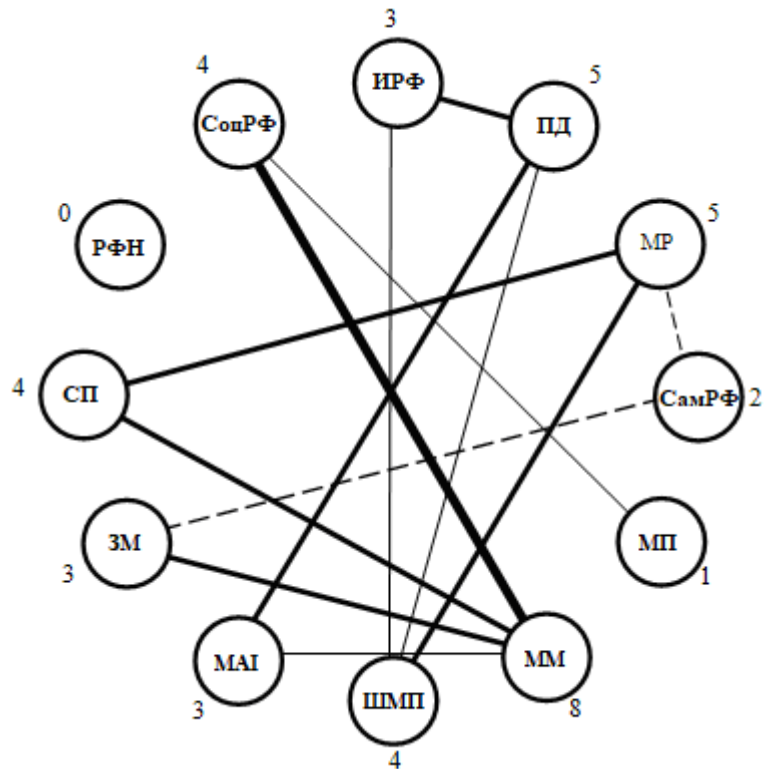
П	ММ	МП	СамРФ	СоцРФ	РФН	ИРФ	ПД	СП	ЗМ	МАИ	ШМП	МР
ММ	1,00	0,11	0,06	0,27	0,25	-0,14	0,29	0,14	0,33	0,37	-0,12	-0,21
МП		1,00	0,16	0,22	0,43	0,27	0,17	0,29	0,07	0,18	0,61	0,25
СамРФ			1,00	-0,03	0,09	0,06	-0,14	0,02	0,19	-0,13	0,33	0,40
СоцРФ				1,00	0,27	0,10	0,41	0,21	-0,02	0,41	0,29	-0,33
РФН					1,00	0,55	0,37	0,46	0,23	0,48	0,25	0,13
ИРФ						1,00	0,17	0,22	-0,09	0,13	0,11	0,08
ПД							1,00	0,57	-0,09	0,13	0,11	-0,41
СП								1,00	0,15	0,04	0,36	-0,23
ЗМ									1,00	0,42	-0,03	-0,07
МАИ										1,00	0,02	-0,16
ШМП											1,00	0,01
МР												1,00

Обозначения те же, что и для группы I. Индекс когерентности структуры (ИКС) – 28; индекс дивергентности структуры (ИДС) – 3; индекс организованности структуры (ИОС) – 25.

Структурограммы метакогнитивных параметров для стажных групп руководителей

Структурограммы метакогнитивных параметров для I-ой (слева) и II-ой (справа) стажных групп. Обозначения параметров те же, что и в таблицах. Жирной линии обозначены корреляции, значимые на $p = 0,01$; полужирной линией – корреляции, значимые на $p = 0,05$; тонкой линией – корреляции, значимые на $p = 0,10$. Пунктирными линиями обозначены отрицательные корреляции аналогичных уровней значимости.

Структурограмма метакогнитивных параметров для III-ей стажной группы. *Обозначения* параметров те же, что и в таблицах. Жирной линии обозначены корреляции, значимые на $p = 0,01$; полужирной линией – корреляции, значимые на $p = 0,05$; тонкой линией – корреляции, значимые на $p = 0,10$. Пунктирными линиями обозначены отрицательные корреляции аналогичных уровней значимости.

**Матрицы интеркорреляций основных подсистем метакогнитивной сферы в
трех стажных группах руководителей**

Группа со стажем от 3 до 5 лет

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	0,204	0,065	0,146	0,559**	0,107	0,166	0,205
МР		1,00	0,209	0,501**	0,178	0,167	0,006	0,105
МЭ			1,00	-0,388*	0,009	0,107	0,387*	0,204
МКо				1,00	0,145	0,126	0,274	0,186
П					1,00	0,167	0,358	0,359
М						1,00	0,149	0,461*
ИН							1,00	0,463*
ИА								1,00

Группа со стажем от 10 до 12 лет

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	0,175	0,381*	0,482**	0,276	0,204	-0,393*	0,305
МР		1,00	0,286	0,187	0,104	0,118	0,584**	0,299
МЭ			1,00	0,305	0,206	0,604**	0,107	-0,403*
МКо				1,00	0,562**	0,178	0,259	0,305
П					1,00	0,126	0,127	0,148
М						1,00	0,581**	0,484**
ИН							1,00	0,159
ИА								1,00

Обозначения: ПС – подсистемы: МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКо – метакоммуникативная, П – процедуральная подсистема, М – мониторинговая, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.

Группа со стажем от 20 до 22 лет

ПС	МК	МР	МЭ	МКо	П	М	ИН	ИА
МК	1,00	0,260	0,309	0,501**	0,564**	0,493**	0,128	0,127
МР		1,00	0,146	0,155	0,209	0,512**	-0,592**	0,494**
МЭ			1,00	0,188	-0,403*	0,204	0,6121**	0,071
МКо				1,00	0,064	0,592**	0,220	-0,179
П					1,00	0,120	0,603**	0,504**
М						1,00	0,614**	0,523**
ИН							1,00	0,109
ИА								1,00

Обозначения: ПС – подсистемы: МК – метакогнитивная, МР – метарегулятивная, МЭ – метаэмоциональная, МКо – метакоммуникативная, П – процедуральная подсистема, М – мониторинговая, ИН – ингибиторная, ИА – интеракционная; * – связи, значимые на $p = 0,05$; ** – связи, значимые на $p = 0,01$.